Вл. Горький

РУССКАЯ КОЧЕРГА

или
Трагикомедии смутного времени,
когда курс доллара сменил курс партии

(Мениппея-библия XXI века)

Том VII
Конец летнего саммита. Воскресенье

Мне годы подарили осторожность.
Не всем, конечно, это по нутру,
и лично для меня – большая сложность:
не верю тем, в ком чувствую «игру».
Мне годы подарили мудрость тоже,
мной сужен круг знакомых и друзей,
ложь чувствую душой и даже кожей,
и с каждым годом это всё сильней.
Мне годы подарили силу воли,
и драться научили до конца,
и не кричать от сумасшедшей боли.
Вот только выдают меня глаза...
Мне годы подарили чувство долга,
за всё благодарю – их не предам,
и с чувством несомненного восторга
о них и написал я свой роман...

Часть I.
Утро

Cogito ergo ridens!
Vladimir Kulemzin[1]

В своём стремлении святом
и в пониманье речи
держи, мой друг, последний том –
держи его покрепче!

И подумал автор: «А начну-ка я, пожалуй, последний том «Русской кочерги» с моего дорогого читателя, ведь давно уже он, не совсем известный мне человек, каким-то образом тоже стал причастен этой книге, и тоже потихоньку превратился в не совсем полноценного её персонажа». Итак…

♠ ♠ ♠

Мой читатель уже, наверное, привык, что в этой книге, равной которой ещё не было на так называемом белом свете, есть много того, чего нет в других изданиях других авторов других стран и планет. И это не только марсианские технологии, о которых так любит упоминать автор, а некие занятные штуковины, прочитав о которых, поневоле задумаешься, а могут ли они вообще существовать в жизни.

Вот и сегодня утром… в этот последний день недели, остроумно названный нашими предками *воскресеньем*, хотя все главные персонажи воскресали за эти дни каждое утро… так вот, сегодня утром, а, вернее, уже под самое просыпание сразу двум персонажам нашего повествования снился один и тот же сон. Это были старые друзья по *русской кочерге* и вообще по жизни – охранник, проживающий в доме № 16 второго микрорайона города Отцеябловска Серёнька Полтавцев, и житель рядом стоящего дома № 17 того же микрорайона того же города писатель Володя Кулемзин.

Без реальности, таящей
чудеса по всей земле,
если друг ты настоящий,
то приснись сегодня мне!

А переплелись странным образом их сны потому, что литератор не только во сне, но и по жизни был неким учителем сторожа, поэтому в своём сновиденческом забвении Володя был японским педагогом, а Серёжа – его (прости, русский язык!) неофитом, то есть банальным учеником, причём, во сне Полтавцев произносил такие сложные слова́, которых просто не знал, будучи в состоянии бодрствования. А диалог у спящих состоялся следующий.

– Сэмпай[2], у меня всё плохо с будо[3], – пожаловался ученик.

[1] Мыслю, следовательно, смеюсь! Владимир Кулемзин – лат.
[2] От яп. 先輩 – буквально товарищ, стоящий впереди. Употребляется в значении человек, у которого больше опыта в той или иной области – прим. главы гильдии переводчиков романа «Русская кочерга»
[3] От яп. 武道 – современные боевые искусства. Этот термин следует отличать от бусидо, или «пути воина» – прим. главы гильдии переводчиков романа «Русская кочерга»

– Поведай мне своё го́ре, кохай[4], – ответствовал ему учитель.

[4] От яп. 後輩 – буквально товарищ, стоящий позади. Употребляется в значениях младший, менее опытный человек, требующий руководства – прим. главы гильдии переводчиков романа «Русская кочерга»

– Мне не хватает лёгкости и скорости, – начал жалобу русский сторож, во сне притворяющийся японцем.

– Так-так, – взял на заметку го́ре русский писатель, во сне притворяющийся таким же японцем.

– Мне не хватает гибкости и ловкости.

– Так-так.

– У меня нет тяжести и мощи.

Говорил своей я тёще:
«Хватит на меня орать –
ко́ли в теле нету мощи,
знать, готовься умирать!»

– Так-так, – последний раз протактакал учитель. – А поведай-ка мне, кохай, ты наблюдал когда-нибудь, с какой лёгкостью и скоростью пари́т орёл над скалами?

– Да, сэмпай, наблюдал.

– А наблюдал ли ты когда-нибудь, с какой гибкостью и ловкостью трепещет тростник на ветру?

– Да, сэмпай, наблюдал.

– А смотрел ли ты когда-нибудь на тяжесть и мощь горного водопада, точащего камни и скалы?

– Да, сэмпай, и это я видел тоже.

– Вот потому, кохай, у тебя всё так плохо с *будо*, ведь ты глазеешь на всякую хренотень – вместо того, чтоб тренироваться…

А потом, чтобы наглядно подчеркнуть ошибку своего японского ученика Пол Тав Цева, японский учитель Ку Лем Зин показал ему, как пишется иероглифами слово *будо*:

, где первый слог *бу* означает войну или бой, второй слог *до* – путь, а всё вместе – боевые пути.

– Так вот в чём дело, Вовка! – неожиданно заговорил во сне по-русски японец с неожиданным отчеством Афанасьич. – Знал бы я это раньше, так ни одной бы партии в *рус-*

скую кочергу не проиграл!

– Весьма сомнительная сентенция, – важно ответил ему другой японец с неожиданным отчеством Альбионыч. – Хотя *дедушка*, которого я в данный момент представляю для всех моих учеников, направляет свою блудливую дочку Суку-судьбу и своего блудливого сыночка Случая по таким извилистым путям, что их можно расшифровать только на страницах некой великой книги в семи томах некоего автора, фамилию которого я из природной скромности назвать не могу!

Хорошо быть анонимом,
обозначивши контакт:
скромен автор – псевдонимом
он скрывает Ф.И.О. Факт!

Глава 1. МОДЕЛЬ ПРЕДСТОЯЩЕГО ДНЯ АЛЬБИОНЫЧА (Пробуждение)

Утро – модель каждого предстоящего дня, и мой читатель, вероятно, не будет спорить с автором, который именно так видит это философско-бытовое понятие. Точно так же видел его (понятие, а не автора) и наш главный герой марсианского происхождения Владимир Кулемзин – друг детей и пьяных женщин, как он сам себя называл, когда бывал в хорошем расположении духа. Но именно в таком расположении он пребывал практически каждое утро, потому что знал, что утро, как начало дня, символизирует то непознанное, что будет познано Альбионычем во время так называемого светового дня.

Как это странно и всё-таки мудро:
гром роковой перенесть,
чтоб удивительно светлое утро
встретить как светлую весть!

Вот и сегодня писатель проснулся от того, что солнечный лучик, неторопливо перемещающийся по кроватке в течение последнего получаса, наконец добрался до его лица и упёрся в сомкнутые веки своим бесплотным пальцем. Утреннее солнце нагло и бесцеремонно вторглось в его японский сон, окончательно запутав и без того бредовый сюжет с товарищем по партии [5] Серёнькой Полтавцевым. Видимо, из-за этого нелепого сна Володя проснулся с небольшой головной болью, которая легко снималась первой же бутылочкой любимого ледяного пива «Тянь-Шань», а также неким чувством неисправимой вины, как будто вчера вечером сходил *на задание* и, не стесняясь, бросил гранату-лимонку в детский садик. Правда, природу вины он сходу определить не сумел и решил, что пусть всё так и остаётся, а если кто-нибудь предъявит ему какие-нибудь претензии, то он будет всё отрицать, как это неоднократно делал его знакомый вор в законе Гарик Джезказганский, проходящий по множеству уголовных дел.

[5] Естественно, по партии в русскую кочергу! – прим. автора

Литератор открыл глаза пошире – исключительно для того, чтобы убедиться, что он проснулся в том же месте, где вчера задремал, но вставать не поспешил, так как с са́мого рождения предпочитал лежание бесцельному сидению или, не дай *дедушка*, хождению. Затем он вспомнил, что подобное состояние, при котором тяжело с утра встать с постели, по-научному называется *дисания*, и порадовался, что память за прошедшую ночь никуда не делась, а, значит, ему будет легко вспомнить множество важных мелочей, которыми надо будет озаботиться прямо с утра.

Из первозданного тоннеля
мне надо выбраться посметь –
уже проснулся, но не смел я
открыть глаза и в мир смотреть.
Врачам на радость и аптекам
в глазах кололи феврали –
круги какие-то под веком
как сполохи зрачок мне жгли.
И понял я: сейчас мне можно
развеять сна бредовый хмель –
открыл глаза я осторожно, –
как отворяют в память дверь.
И шелохнулся, потянулся,
глаза открыл, подняв бетон:
но оказалось – не проснулся,
но оказалось – это сон…

И первым важным делом, о котором вспомнил наш герой, были УРА, или, чтобы было понятно моему читателю,

Утренние
Размышления
Альбионыча

Таких размышлений оказалось, как никогда, много. Но – всё по порядку. Первой мыслью нашего чрезвычайно ленивого героя, о лени которого можно было писáть отдельный семитомник, была такая: «Купить бы бунгало в норвежских фьордах, лежать там целыми днями, созерцать красоту океана и тихонько пофьордывать!»

Блажен, кто лентяем родился,
блажен, кто свободен от пут.
Всю жизнь из себя я стремился
выдавливать право на труд!

Вторая мысль была под стать первой, то есть тоже ни о чём конкретном: «Кстати, мои дорогие читатели, а у вас сон не тоже придаёт бодрости, а просто телепортирует из одного дня в другой?»

Тут же, как в русских сказках, проклюнулась и третья мыслишка, на этот раз с неким финансовым подтекстом: «Почему всю жизнь к фразе *я долларовый миллионер* мне приходится добавлять такие вводные, как *допустим, что*… или *приснилось, что*...?!»

Почему так жизнь колюча,
бытиё так болево?
У других мильёнов куча,
у меня – ни одного!

Володя пошире раскрыл окно, после чего так называемой полной грудью вдохнул покалывающий лёгкие воздух. Стало видно, что рассветное небо затянулось тонкой плёнкой облаков, которое наконец не выдержало натиска поднимающегося, по виду какого-то уругвайского солнца, и трусливо сбежало, предоставляя лучам беспрепятственно освещать город, раскалять камни и обжигать лица и плечи горожан. По всему чувствовалось, что город Отцеябловск, где, собственно, и происходят наши события, сейчас просыпáлся,

как человек после тяжёлого кошмарного сна. Прохладный с ночи туман, похожий на саван, угнетал ду́ши горожан, дома́ по причине раннего утра всё ещё темнели кладбищенскими окнами.

«Ежедневная аналогия жизненного цикла», литературно подумал Кулемзин. Ему понравилось придуманное, и он продолжил размышления: «Но как же до́лги обилием деталей и оттенков утренние часы подъёма в гору! Правда, вскоре где-то за плотной пеленой солнце переваливает вершину, и начинают сливаться в убыстряющемся спуске спицы часовых стре́лок в колёсах времени…». Не правда ли, странно, мой читатель, что простой рассвет мог навевать такой полноводный ручей из шизоидных мыслей?

Рассвет. А я всё думал:
«Как же это?
Зачем я жил? Зачем был молодой?
Зачем учился у отца и деда?
Зачем женился, строился, копил?
Зачем я хлеб свой ел и воду пил?
И сына породил – зачем всё это?
Зачем тогда земля, зачем планета?
Зачем?»
И всё не находил ответа…

Альбионычу, много лет страдающему барской болезнью бессонницей, по-прежнему не хотелось вставать, а, напротив, желалось аристократично проспать до полудня, а проснувшись, не обнаружить у кровати колокольчика, чтобы позвонить прислуге, и немного погневаться на это безобразие. Затем он вспомнил, что никакой прислуги у него нет и никогда не было, тяжело вздохнул, потянулся всеми 100 килограммами своего обаяния, и стал мурлыкать песенку, слышанную когда-то давно, и, может, даже в прошлой жизни:

– In Dublin’s fair city,
where the girls are so pretty,
I first set my eyes
on sweet Molly Malone…[6]

[6] В далёком городе Дублине,
где такие красивые девушки,
я первым заметил
красавицу Молли Мэлоун… – англ.

Затем Володя вспомнил когда-то прочитанное о том, что утро – это такая часть суток, когда завидуешь безработным, и вдруг ощутил прилив тихой радости и нежности ко всему, что его сейчас окружало. Особенно понравились ему кружащиеся над головой птицы – белые, чем-то похожие на севастопольских чаек, и чёрные, больше напоминающие воро́н. «Пр-р-росыпайся, литер-р-ратор-р-р!», закричала над ухом одна из воро́н знакомым голосом, и марсианин понял, что вновь задремал среди своих зефирных мыслей. Но надо было вставать, ибо, как и в прежние дни промелькнувшей недели, дел было множество – и в его двухкомнатном бронежилете персонального назначения, который он когда-то филологически назвал Личным Место-Имением, и особенно на некой треугольной территории, расположенной прямо перед его домом, которую он когда-то назвал ВИТАС, или

Великий
Игровой

Треугольник
Апробированных
Стратегий

, или ещё проще говоря, Бермудским Учпучмаком, хорошо знакомым, как надеется автор, моему внимательному и благодарному читателю. И первой мыслью после повторного пробуждения была несколько литературная, а, значит, наскоро придуманная и никчёмная: «Время проснулось и потянуло стре́лки часов, скрипнули заржавленные шестерни, привычно перемалывая человечину, и широко размахнулся маятник нового дня, разбрызгивая застоявшуюся за ночь кровь…»

В азиатской Саксаулии начинался новый день, вставало солнце, знаменуя собой как минимум несколько миллионов местных утренних похмелий. За окном свои откровенные летние шлягеры бессовестно кричали какие-то утренние птицы.

Каким бы бурным ни был вечер,
какой бы ночка ни была,
вставать приходится, конечно.
Будь бодрым с самого утра!

Глава 2. МОДЕЛЬ ПРЕДСТОЯЩЕГО ДНЯ АЛЬБИОНЫЧА (Путешествие в СС)

«Оп-па!» – воскликнет в этом месте мой читатель. «Это что ещё за СС такое?! Неужели автор, плотно погрязший в своём демиургстве, позволил себе такие рискованные ассоциации, которые могут привести и т.д. и т.п.?»

«Успокойся, мой друг», ответит ему автор, «и вспомни, что одна из таких аббревиатур уже не раз появлялась в прочитанных тобой томах – помнишь: Старушечий Столик или просто СС? А на этот раз СС – несколько другой, или чтобы было совсем понятно,

Совмещённый
Санузел

, то есть банальный советский (прости, русский язык!) конгломерат, который представляет собой всего лишь крохотное помещение, куда, однако, вначале советские архитекторы, а затем и советские строители умудрились вместить и ванну, и туалет одновременно». И не будем забывать, что описываемая в романе володина квартира была расположена как раз в старом доме 1960 года постройки, когда именно такие архитектурные «излишества» и характеризовали заботу партии и правительства о советских людях.

Проявил Хрущёв заботу,
людям дав понять простым,
чтоб они шли на работу
чистыми! И с ж. [7] пустым…

[7] Ая-я-яй, мой читатель, как ты мог подумать?! С пустым желудком! – прим. автора

Но – к делу. Посещение квартирного СС, как всегда, предполагало несколько важных событий начинающегося дня. Да-да, мой читатель, ты не ослышался, не два, как тебе, наверное, подумалось (то есть некие действия на унитазе, а затем и в ванне), а действительно несколько. И уже через несколько строчек ты поймёшь, что автор нисколько не морочит тебе голову.

Проснувшись некоторое мгновение назад, Альбионыч наконец осознал, что некие ча-

сти его организма настойчиво требуют быстрого движения в сторону только что описанного СС, а ноги даже стали делать какие-то нелепые движения, словно их владелец пытался одновременно исполнить два танцевальных действия одновременно – одно рок-н-рольное, а другое из арсенала ирландского хорнпайпа[8]. Начав стремительное передвижение в сторону совмещённого санузла, Кулемзин успел на ходу подумать ещё одну странную мысль: «Убедиться в том, что Земля вертится, можно утром по походке – после бурного праздника жизни!»

[8] От англ. horn – рог и pipe – труба. Народный танец кельтских народов Британии и Ирландии под синкопированную мелодию, название которого произошло от названия древнего валлийского и шотландского музыкального духового язычкового инструмента – прим. муз. редактора

Во имя блага для всего народа,
и да́бы осчастливить этот мир,
сия тебе моя поётся ода,
о, так поу́тру нужный мне сортир!

И даже было нечто странное в этом быстром стремлении, потому что обычно наш писатель такие ежедневные походы называл буднично и по-иностранному: *сёр*финг. Добравшись до цели, он привычно расположился на престоле унитаза и, сделав светлое и одновременно печальное лицо, стал думать ещё одну странную мысль, а именно: «13,7 миллиардов лет назад не было ни пространства, ни материи, ни времени. А теперь есть я…». Но, как уже успел заметить мой читатель, мало ли странных мыслей было до этого в нашей книге и, как надеется автор, будут ещё. А, может, именно этим она и отличается от всех других книг на свете?

И в тыкве мысль мелькнёт полезная,
как в проходном боевике:
«Какая книга интересная!
Ещё б на русском языке…»

И вот тут случилась ещё одна странность начавшегося дня. Марсианин в данный момент располагался лицом к входной, а, вернее, выходной двери туалета, и на той её стороне, которая сейчас была перед его взором, он увидел две новые таблички, которых ещё вчера вечером здесь не было. Володя даже помотал головой, как бы отгоняя виде́ние, но таблички существовать не перестали, после чего успокоил себя ещё одной странной мыслью: «А, может, я просто вчера заразился от Салихдзяныча его уже привычным СУКА?». И пусть никто из сейчас держащих в руках этот двухкилограммовый том не подумает, что наш герой вот так просто взял и выругался каким-то нехорошим и не слишком грамотно употреблённым словом – конечно, нет, разумеется, это была его очередная аббревиатура, означающая всего-навсего

Синдром
Утренней
Казуистической
Аффектации

А подумал Альбионыч именно так, ибо хорошо помнил, что в предыдущие дни, уже описанные в нашем повествовании, практически ежеутренне в квартире старшего прапорщика Батыршина мистическим образом появлялись разные вещи, предметы, штукенции, а иногда даже и (прости, русский язык!) субстанции. Вот и сейчас взор покерного гу-

ру зафиксировал на внутренней стороне туалетной двери сразу две новые мудрости. Одна на из них была подписана каким-то знакомым людским именем, и Володя догадался, что это цитата:

Человеческое достоинство связано с тем,
насколько человек может быть одиноким.
Фридрих Карлович Ницше

Вторая же табличка, по мнению невольного изучальца появившихся мудростей, возвещала некую истину третьего порядка:

Почему духовная жизнь так скучна и убога?

Поэтому надо ли говорить, что по завершению своего важного дела литератор приступил к следующему светлый и печальный, словно вернувшийся из плена.

Уж так устроен этот мир:
всему свой срок, рубеж и фаза.
Я каждый день хожу в сортир,
а иногда – и не по разу.
Откуда в теле, данном мне,
такой запас ненужных шлаков?
И дело даже не во мне,
но хочется сказать: «Однако!
Вглядись, о гордый человек:
вот ты красив и телом статен,
живёшь, мечтой стремишься вверх…
А что *выходит* в результате?!»

Глава 3. МОДЕЛЬ ПРЕДСТОЯЩЕГО ДНЯ АЛЬБИОНЫЧА (Путешествие в СС, окончание)

Вторым осознанным за сегодняшнее утро делом Кулемзина стал приём неких водных процедур. Вначале он даже было вознамерился в очередной раз выйти на улицу с двумя двенадцатилитровыми вёдрами холодной воды и облить свой организм под ненавязчивую мантру, но потом провёл быстрый (прости, русский язык!) его мониторинг, нашёл в упомянутом организме некоторые недочёты по части пустого желудка, небольшой косолапости левой стопы, выскочившего ночью прыщика на шее, и решил отложить обливание на следующий раз.

Вместо этого Альбионыч споро набрал ни холодной, ни горячей, а чуть тёплой воды в ванну, погрузился в неё по рецепту своего старого друга Архимеда Фидиевича Сиракузского, тут же вычислил массу вытесненной его (Альбионыча, а не Фидиича) телом воды, удивился её сакральной величине, но потом отбросил глупые мысли и просто немного полежал в этом мини-бассейне, по очереди поднимая и опуская руки и ноги, одновременно рассматривая их и восхищаясь: дивны дела природы, сотворившие эти мудрые чудеса!

Без лени, прихоти и скуки,
чуть умаляя свою прыть,
смотрю с восторгом я на руки,
умеющие штоф открыть!

«Хорошо, что я нынче не пошёл обливаться на улицу», подумал он и невольно вспомнил, как прошедшей зимой на снегу отпечатывались его босые ступни – эти отпечатки на-

помнили букву *аз* в книге первопечатника Ивана Фёдорова. Но принятие ванны для такого могучего организма, какой был у писателя, конечно, не хватило для полного просветления, и он решил побаловать себя так называемым контрастным душем, хотя и не представлял, с кем или чем будет контрастировать во время этого действа.

Поднявшись во весь свой могучий рост, за который его нередко называли Мэтр Восемьдесят, марсианин стал попеременно играть двумя краниками, то прибавляя, то убавляя холодную и горячую воду. И эти эволюции вскоре достигли ожидаемого эффекта: его тело, несмотря на последнее показание весов в 100 килограммов, приобрело некую стрекозиную лёгкость.

Ветерком с утра влекомый,
словно крылья приколол,
лёгкий я, как насекомый
и летучий стрекозёл!

Завершив процедуру, Володя почесал у себя в специальном месте, после чего подумал о том, что Карл Густавович Фаберже просто не мог родиться девочкой! Затем он вылез из ванны, являя живую иллюстрацию того, как жизнь вышла из воды на сушу, и стал похож на большого русского мишку, каким его изображали в советских (б) журналах. Вытираясь, он занимался привычным делом, без которого не представлял жизни, то есть думал. А очередной его мыслью была следующая: «Вот за что я люблю физику, так это за то, что никто не может нарушить её законы, даже за деньги. Привести пример? Пожалуйста: если с вечера у меня было большое брюхо, то зá ночь оно осталось точно таким же, ну, или чуть меньше – процента на 2!»

После дýша наш герой вновь стал белым и гладким, как дверца холодильника, хотя с долей печали и констатировал, что ожидаемого заряда бодрости на все 100 процентов так и не произошло – как это обычно бывало, когда хозяин квартиры всё-таки совершал этот водообряд не дóма, а на так называемой природе. Затем он подошёл к зеркалу и, чтобы немного поднять себе настроение, подмигнул отражённому в нём индивидууму.

Приятней него не встречал я мужчины:
красив, обаятелен, очень умён,
и каждое утро без всякой причины
из зеркала мне улыбается он!

На ходу сочинив этот довольно ироничный катренчик, Кулемзин пристально вгляделся в своего амальгамного двойника, будто виделся с ним очень давно, и сейчас просто хотел вспомнить, что же это за мужик с таким интересом наблюдает за ним. Вначале он (Кулемзин, а не какой-то мужик) запустил пальцы в причёску, взлохматил свои длинные волосы и внимательно осмотрел их в поисках седины, которая, как он предчувствовал, вполне могла появиться после шести дней напряжённой игры в *русскую кочергу*.

Кстати, такой пристальный взгляд всё-таки выявил некие недочёты: например, волосы торчали во все стороны, точно солома на разворошенной ураганом кровле, лицо оказалось чуть-чуть помятым и имело сероватый оттенок, а под глазами, видимо, вследствие неумеренного употребления пива «Тянь-Шань», набрякли предательские, как мысли педагога Курманбаева, мешки. Сильно выдающийся вперёд животик напоминал ядро от старинной пушки большого калибра, а торчавшие из трусов ноги смахивали на две волосатые макаронины.

Неизвестно, кто и в чём

в мире отражается, –
это плохо на моём
сердце отражается.
Постараюсь не глядеть
ни во что блестящее –
ни в фольгу, ни в жесть, ни в медь,
в даже здесь висящее
зеркало, где бытиё –
словно сердце стихшее,
где сейчас умрёт моё
двенадцатистишие…

Поняв, что может потерять с трудом обретённое хорошее настроение от чистого воскресного утра, Альбионыч тут же принялся уже за четвёртое в этой крохотной комнатке дело – бритьё. Вначале, как бы примеряясь, он поскрёб ногтями ставшие за ночь колючими щёки, после чего, вздохнув, взялся за бритву. Бритва на счастье оказалась электрической и даже импортной – системы «Philips», в которой капиталистическими производителями было заранее предусмотрено исключение всех несчастных случаев. Водя ею по щекам под ненавязчивое жужжание, он думал о том, что если бы это была обычная, так называемая *опасная* бритва, то, пожалуй, на этом наше повествование могло бы и окончиться – по причине гибели своего главного героя.

Параллельно с четвёртым делом он поневоле обращался к делу третьему, то есть снова вынужденно поглядывал в зеркало и, видя свои щёки, думал при этом, что они срочно нуждаются в постоянном притоке свежих витаминов и крупной наличности. Кроме этого, во время бритья приходили и другие странные мысли – например, по поводу казуистичности зеркального эффекта.

Наконец, завершив бритьё, писатель последний раз взглянул в зеркало и несколько секунд грешил нарциссизмом. Из амальгамного стекла на него сейчас глядел мордатый гражданин лет пятидесяти со свежим цветом лица́, какой обычно бывает у сельских жителей, не озабоченных трудоднями, или у заключённых, отбывающих срок в Сибири.

От добра добра не ищут:
кто с добром к нам, то и мы
зарекаться не привычны
от сумы и от тюрьмы…

Глава 4. МОДЕЛЬ ПРЕДСТОЯЩЕГО ДНЯ АЛЬБИОНЫЧА (О самом главном)

Мой читатель из предыдущих книжек наверняка помнит, что Кулемзин давно взял себе за правило делать по утрам зарядку. Вот и в сегодняшнее утро он (Кулемзин, а не мой читатель) не стал нарушать эту хорошую традицию, хотя с ужасом и представлял, что начать готовить тело к зарядке – это примерно то же, как заходить в холодную норильскую воду сразу же после приземления самолёта, прилетевшего с острова Ба́ли. Поэтому литератор, хотя и немного пришёл в себя после водных процедур, резко менять структуру своих привычек не стал, а решил всё делать постепенно.

Он прошёл в чулан, где хранил свой спортинвентарь, взором нашёл несколько вещей, которые плотно ассоциировались у него со спортом, и только потом начал собственно физические упражнения по строго определённой методике:

1. посмотрел на пыльные гантели

2. стёр с них пыль
3. разогнулся и немного отдышался
4. кряхтя, наклонился ещё раз и потрогал скакалку
5. вышел из чулана и, проникнув в невидимую для других комнатку, подошёл к беговой дорожке, которую несколько лет назад зачем-то приобрёл по случаю
6. немного полежал на ней, мысленно одолев пару километров, и, наконец, отдышавшись, завершил зарядку.

Никогда не раздражаясь,
чтобы быть мне бодрячком,
по утрам я заряжаюсь!
(Но не спортом, а пивком…)

Вообще к спорту у Альбионыча было отношение не то что бы какое-то неприязненное, но и далеко не такое хорошее, как, например, к пиву «Тянь-Шань». А виноватой в этом он считал… как вы думаете, что?.. да погоду же! Например, однажды писатель надумал начать бегать по утрам, но уже скоро понял, что зимой это делать холодно, весной – сыро, летом – жарко, а осенью – грязно!

А когда он решил заняться тяжёлой атлетикой (кстати, именно тогда были куплены его знаменитые пудовые гантели), то выяснилось, что как только в голову приходила эта нелепая мысль, как её тут же перебивала какая-нибудь мысль творческая, например, вот такая: «Каждый раз, когда я думаю, что устал от одиночества, кто-то начинает говорить со мной, и оказывается, что я совсем не устал…»

Тела и духа несоответствие
вроде стихийного
мелкого бедствия!

Поэтому однажды утром он, когда позвонил его похмельный друг художник Муравлёв, который сильно хотел похмелиться, но не знал, как сказать о своей проблеме, и задал нелепый вопрос: «Лентяйничаешь?», Володя тут же ответил ему одним словом: «Относительно…», а на уточняющий вопрос: «Это как?» в уши Валеры поступил страшный в своей очевидности ответ: «Лежу на диване, но наготове!»

И вот теперь, когда с утренней зарядкой было покончено, загляни-ка, мой друг читатель, в конец предыдущей страницы 15 и ещё раз прочти название главы, но не ту часть, что выделена прописными (или, как их называл Серёнька Полтавцев, *большими*) буквами, а ту, что заключена в круглые скобки, то есть **О самом главном**. А теперь перестань думать о том, что вышеприведённые строчки об утренней зарядке нашего героя и есть то самое главное, ибо самое главное – как раз впереди! И, как ты наверняка уже догадался, это главное – завтрак!

Ну, скажи, при чём здесь *завтра*,
ведь поу́тру всё жуя,
почему назвали завтрак
то, что ем *сегодня* я?!

А теперь настало время сказать, что писатель Кулемзин был самым счастливым в мире человеком, и не потому, что был умным и красивым (душой!), а потому что каждый утренний завтрак начинал с бутылочки любимого холодненького пивка «Тянь-Шань». Вот и сегодня он (писатель, а не завтрак) решительно подошёл к холодильному агрегату, отк-

рыл его и… испытал ужас, обнаружив, что забыл на ночь поставить заветные бутылочки на самую нижнюю, а, значит, самую низкотемпературную часть холодильника.

«Экая незадача!», подумал обиженный Сукой-судьбой, но быстро пришёл в себя и тут же исправил беду, добавив множество минусовых градусов агрегату для более быстрого достижения заветной цели. Правда, сообразив, что придётся подождать не менее четырёх минут, Альбионыч присел на кухóнную табуреточку, наморщил лоб и, чтобы не терять то, что люди называют временем, стал сочинять в так называемом уме стишок – не длинный, не короткий, а чтобы как раз уложиться в обозначенное время.

Оказалось, что времени хватило ровно на 12 строчек стиха, и, немного подумав, знатный поэт двух веков, двух стран и двух планет проживания назвал его

Проходят люди

Личному пространству салютуя,
с временем отнюдь не соразмерны –
с ним мы постоянно конфликтуем,
а ведь можно и дружить, наверно.
Дни проходят в бешеном досуге,
дав нам ощутить своё сиротство,
только не даётся время в слуги,
словно сознавая превосходство.
Сложно жить в намеченной системе,
словно замыкаясь в амплитуде:
люди говорят: «проходит время»,
время говорит: «проходят люди»…

Затем он нетерпеливо открыл первую за этот день бутылочку и с наслаждением приложился к ледяному «Тянь-Шаню», ведь каждое утро, когда Володя начинал день с этой приятной процедуры, он радовался капризу *дедушки*, удачно расположившем рот непосредственно в голове.

О вечной жизни не мечтая,
стихом я тешусь и письмом,
с утра себя же поздравляя
с прекрасным новым свежим днём!

Наконец, напоив себя счастьем, как какой-то песенный герой – берёзовым соком, хозяин своего Личного Место-Имения понял, что стал морально готовым к первому приёму пищи, который был таким же ответственным мероприятием, как только что совершённое. Но вначале он вытащил из-за холодильника напольные весы, которые считал своим личным врагом, и поэтому общался с ними крайне редко, взобрался на них, посмотрел на заметавшуюся стрелку и понял, что недаром не любил этот бытовой прибор, ибо увиденное показание вновь подтвердило старую догадку: весы явно спешат!

Может, мне поголодать?
Килограммов сбросить 5?
А ещё получше – 6!
Всё, не буду больше есть!

Но привлекательный вид белоснежного рефрижератора, скрывающего в своём чреве разные вкусные кулинарные тайны, обнадёжил нашего героя больше, чем весы, которые были тут же убраны на старое место. «Да, голод не сестра матери или отца!», как всегда,

литературно подумал литератор и просто представил себе, что его на кухню позвал сейчас вовсе не урчащий желудок, а некое желание сыграть в новую ролевую игру, представляя себя каким-то историческим печенегом, а холодильник – Киевской Русью, на которую надо немедленно совершить набег! Страшно удивившись пришедшей мысли, марсианин подумал о том, как же крепко ударила его Сука-судьба, и решил, что сейчас он ещё крепче ударит по жратве!

Вчера врагу отдал я ужин,
и спал всю ночь так хорошо,
но утром был врагом разбужен –
он и за завтраком пришёл!

Изучение запасов холодильника, к удивлению Альбионыча, заняло довольно много времени, так как агрегат был забит под *завязку*, которой знатные литературоведы-шекспироведы, изучающие пьесу «Гамлет», называют встречу этого главного героя с призраком без имени. Вначале он (Альбионыч, а не призрак) нашёл миску, наполненную чем-то весёлым и разноцветным, и понял, что с прошлой недели не доел (прости, русский язык!) мотильон, ибо именно так называлось это красивое и вкусное блюдо, представляющее собой жареные кубики различных овощей.

В другой миске, накрытой плёнкой, он обнаружил нечто зелёное, похожее на дубовые листочки, и понял, что перед ним – модный в данном сезоне салат из руколы, якобы завезённой с севера Африки, хотя ещё с советских времён Володя помнил, что однажды во время короткой командировки в Дагестан местные жители угощали его именно этой травой, правда, называли её *эрукой*, а один их угощавших, представившийся кандидатом биологических наук, даже припомнил научное название руколы – гусеничник посевной (!). Честно говоря, она никак не нравилась Кулемзину, но не своим горчичным вкусом, а тем, что само название травы звучало так, будто у кого-то что-то порвалось.

И, наконец, в третьей миске хозяин уже знакомой читателю квартиры № 4 (500)[9] нашёл так называемую строганину из чира[10], замороженного живьём. А вот откуда он взял такую редкую для Республики Саксаулия рыбу, Володя не помнил, и потому решил, что это неважно. В общем, для полноценного завтрака найденных продуктов было явно недостаточно, и тогда писатель, волнуясь, открыл небольшой пластиковый куб на таких же пластиковых защёлках, который всегда стоял здесь словно бы, как выражались сидельцы на зоне, *на стрёме*.

[9] История этого таинственного номера – в главах 187-188 пятого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора
[10] Пресноводная рыба из рода сигов – прим. зоол. редактора

В зоне плотно я на броме,
даже высох, как скелет:
ведь всего стоял на стрёме –
получил 15 лет!

Глава 5. МОДЕЛЬ ПРЕДСТОЯЩЕГО ДНЯ АЛЬБИОНЫЧА (О самом главном, продолжение)

«А, может, не надо заморачиваться и быстренько приготовить что-нибудь простое?», успел подумал кулинарный страдалец, но эти глупые мысли были тут же сражены страшным урчанием голодного желудка, который словно напоминал, что не принимал ночью, как выражаются наркоманы, *ни маковой росинки*. Но его (страдальца, а не желудка) руки

уже открыли навесной шкафчик справа от газовой плиты и зашарили там в поисках каких-нибудь банальных макарон.

Наконец он нащупал пачку с сухо потрескивающими макаронинами, но, увидев их через прозрачный целлофан, невольно рассмеялся, потому что тут же вспомнил, что тесто для этого изделия (прости, русский язык!) анизотропно, ибо в длину сваренное макаронное изделие строго совпадает с сырым, или, вернее, с принесённым из магазинчика Калимы, а вот в диаметре может отличаться раза в два!

Рецептуры все коронны,
вот один – по нашим ртам:
разварю я макароны,
а потом бомжу отдам!

«Нет-нет», вновь одолели мысли героя этих нелёгких строк. «От этих макарон только брюхо растёт! А если их ещё вкусненько сдобрить сливочным маслом да посыпать каким-нибудь хорошим мягким сыром, то уже на второй минуте переваривания может завязаться некий жирок, о котором плохо отзываются отечественные диетологи! Что же делать?». После этого мысленного восклицания решение пришло практически мгновенно. А суть его мой читатель увидит сразу же – если посмотрит ровно на полсантиметра ниже:

И, скорее всего, это было правильным решением, потому что автор, лично знакомый со своим героем, точно знает, что Володя жирка боялся, а пивка – нет. А про жирок, который мешал землянам правильно воспринимать действительность, поэт Кулемзин в приступе неконтролируемой мегаломании однажды даже написал песенку, которую назвал в честь одной революционной песни:

На мотив «Варшавянки»

Жира излишки довлеют над нами,
их килограммы нас злобно гнетут,
жирные складки висят над штанами,
нервы нам треплют и спать не дают.
Но мы поднимем гордо и смело
знамя борьбы за красивое тело –
знамя великой борьбы всех народов
против проклятых жиров-углеводов!

На сон грядущий
много не кушай –
кто много жрёт,
у того всё растёт,
бегай и плавай
до пены кровавой,
марш, марш вперёд –
и пусть жир умрёт!

Поэтому неудивительно, что завтрак Альбионыча, как всегда, оказался чрезвычайно скромным: блины с икрой, утка с брусникой, немного сёмги и непременно щи *буфетские*. Правда, на всякий случай в холодильнике ещё стояла небольшая, килограмма на два, миска, где торжественно-советской майонезной кучкой настаивался знаменитый салат *оливье*. Марсианин немного подумал, затем решительно ухватился за первый блин и снял его с широкомордой купеческой тарелки, потом бросил на него чайную ложку икры и осторожно – чтобы не разорвать слишком тонкий слой хорошо пропечённого воздушного теста – размазал её по изделию. Всё остальное уместилось в восторженное мычание, которое даже при известном воображении нельзя было назвать человеческой речью.

Скажу, как любитель обильных сиест:
чтоб нам никогда не болелось,
отечество славлю, которое ест,
но трижды, когда уж наелось!

И таким же неудивительным оказалось и то, что после этой расправы над беззащитными продуктами писатель стал насвистывать симфонию «Гарольд в Италии» Гектора Луи-Жозефовича Берлиоза, видимо, от простой радости бытия. Припивая пивко из своей знаменитой кружечки с напечатанной на ней мудростью, он (писатель, а не Берлиоз) не терял времени, а сочинил первый за сегодняшнее утро хокку с весьма странным для неподготовленного *пользователя* названием

Хокку о Кайросе

Весь мир погряз в проблемах.
Почему же мне всегда
не хватает спонтанности?

Глава 6. МОДЕЛЬ ПРЕДСТОЯЩЕГО ДНЯ АЛЬБИОНЫЧА (О самом главном, окончание)

А чтобы читателю было понятно, о чём идёт речь, автор объяснит, что Кайросом древние эллины звали своего же древнегреческого бога счастливого мгновения[11]. Интересным было то, что у древних греков было два слова для обозначения времени: Хронос – когда дело касалось хронологической последовательности или времени прошедшего и, как они остроумно выражались, «всё пожирающего», и Кайрос – тот неуловимый миг удачи, который всегда наступает неожиданно.

[11] От др.-гр. Καιρός – благоприятный момент

И почему-то именно этот бог был особенно почитаем у древних эллинов. На рельефах, которые остались нам в наследство от старых мастеров, Кайрос был изображён с прядью волос на голове, ибо считалось, что только за этот локон и можно ухватить неулови-

мого крылатого бога. А ещё его изображали с весами в руках, как символ справедливости Суки-судьбы, посылающей удачу только тем, кто это заслужил…

Но – к делу. А дел на сегодняшнее утро у Кулемзина планировалось ещё предостаточно: во-первых, надо было немного потренировать свой ум перед предстоящей покерной битвой, а что могло быть лучше в этом деле, нежели написание пары страниц для будущего романа «Русская кочерга», и, во-вторых, – всё для той же покерной баталии, – поднять себе настроение прослушиванием любимой музыки. И только было он приступил к выполнению первого пункта намеченного, как острая мысль, как пишут плохие писатели в плохих романах, «пронзила всё его существо»: «А ведь сегодня мне ещё кормить своих героев в обед!»

«Да почему же опять тебе?!», также мысленно вскричал володин муз Вася Курочкин, который как раз прибыл из краткосрочной командировки и сейчас примостился на левом плече литератора.

«Привет, Вася», ответил ему писатель. «А кому же ещё? Не дяде Пете же!», после чего рассмеялся своей нелепой шутке.

Голова моя изюмна –
без привычных середин:
я шучу так остроумно,
что смеюсь всегда один!

Но выкручиваться было как-то надо, поэтому Володя достал из морозильника огромную, как он выражался, чем ставил в тупик продавцов на базаре, *заднеприводную* свиную рульку килограмма на два. В его микроволновке была специальная программа так называемой нежной разморозки и, так как торопиться было некуда, он засунул замороженный кусок в агрегат и включил разморозку аж на полчаса, а сам в это время занялся подготовкой маринада. И если кое-кто из моих читателей думает, что замариновать мясо – это совершеннейший пустяк, то скажу, что он глубоко ошибается. А чтобы такая глупая мысль у него (читателя, а не мяса) не появлялась ещё раз, автор с разрешения своего главного героя позволит себе короткую лекцию под тривиальным названием

О маринаде

Итак, прежде всего, главное: чтобы мясо получилось отменного вкуса, в списке основных ингредиентов *обязательно* должны быть масло и соль, но в качестве дополнения можно использовать сахар и соевый соус.

И всё-таки соль – это основа любого маринада: именно благодаря ей остальные ингредиенты проникают в мясо и делают его ароматным. И дело здесь не только в том, что так когда-то делали наши мамы и бабушки, и мы непременно хотим сохранить семейную традицию, а в элементарном знании химии и биологии, ведь именно соль легко разрушает белковые связи в мясе, а те промежутки, которые образуются в результате этого, заполняются маринадом.

Я, согласно зодиаку,
не желая захворать,
мариную ту свиняку,
чтоб пожарить и сожрать!

И вот тут происходит реакция (прости, русский язык!) осмоса – соль вытягивает влагу из мяса, эта влага напитывается специями, а потом соль вновь загоняет её обратно в мясо! И это не колдовство, а триумф кулинарной науки! Так что же такое *осмос*? В дослов-

ном в переводе с греческого – это толчок, давление. Надо добавить, что эту реакцию открыл вовсе не кулинар, а французский учёный Жан-Антуан Ренеевич Нолле и, пользуясь тарабарским учёным языком, рассказал об этом так: если на систему, находящуюся в устойчивом равновесии, воздействовать извне, изменяя какое-либо из условий равновесия (температура, давление, концентрация), то в системе усиливаются процессы, направленные на компенсацию внешнего воздействия!

Надеюсь, теперь мой читатель не будет столь легкомысленно относиться к процесссу маринования того ценного по нынешним временам продукта, который мы с придыханием и вожделением называем *мясо*.

Знают дети папуаса,
и знакомо горняку:
коли в доме нету мяса,
очень плохо мужику!

Также полностью раскрыть свой аромат различным травам и специям помогает масло, и именно поэтому оно является вторым главным ингредиентом любого маринада. И, наконец, ещё один важный ингредиент – это сахар или мёд, придающий конечному продукту хрустящую корочку.

Немаловажное значение для фантастических вкуса и аромата, ради которого и затевается всё мероприятие с маринадом, придают также зелень и овощи, поэтому смело добавляйте в свой маринад чеснок – не менее 3-4 зубчиков, а также пару ложек мелко нарезанных кинзы, петрушки или укропа – кому что больше нравится. Только учтите, что чем больше вы берёте зелени, тем больше должно быть соли – для того, чтобы все ароматические маслá из неё (зелени, а не соли) были вытянуты, как плотва из речки, а потом добавлены к мясу.

А пропорции? – воскликнет здесь читатель, не знакомый с основами кулинарии. Что ж, я готов поделиться и этим секретом. На один литр воды надо взять четверть стакана соли, полстакана сахара, 2-3 столовых ложки соевого соуса и 3-4 столовых ложки растительного масла. Это – классика жанра, хотя изменять пропорции по своему вкусу не возбраняется.

А теперь главные секреты, которые пришли к автору этих строк в течение плотного контакта с домашней кулинарией:

1. Чтобы мясо отменно замариновалось, надо положить его в глубокую миску – так, чтобы маринад полностью покрывал исходный продукт. Затем надо накрыть миску пищевой пленкой и поставить в холодильник. Здесь важно знать, что чем дольше мясо простоит в маринаде, тем оно вкуснее получится потом.

Знают даже и невежды,
знают овощ, сыр и фрукт:
холодильник даст надежду –
не протухнет ваш продукт!

2. Перед тем, как залить маринад, надо сделать несколько глубоких проколов вилкой в нескольких местах куска, чтобы соль хорошо пропитала мясо.

3. Кстати, есть здесь ещё один промежуточный секрет: если времени для маринования мало, надо воспользоваться таким способом ускоренного приготовления, как вакуум. Для этого надо положить нужное количество проколотых вилкой кусков в пакет с маринадом, а потом вытянуть из него воздух, после чего поместить в холодильник всего лишь

на полчаса, и уверяю вас, что мясо в этом случае будет не только очень нежным и вкусным, но и сожранным гостями до последней крошки!

Для постиженья бытия
учись готовить так, как я!

А пока вышеописанный маринад настаивался в глубокой миске, хозяин квартиры тщательно вымыл уже размороженную рульку и даже (на всякий случай!) поскрёб её нежную белую шкурку каким-то кухонным приспособлением, названия которого не знал, но вида оно было такого: тонкая-тонкая проволочная сетка, свитая хитрым способом сразу в несколько улиток, расположенных внутри друг друга. Понятно? Нет? Хорошо, тогда вот вам её дивный вид:

После обработки и без того тонкая белая шкурка рульки стала словно молочной и, по мнению домашнего кулинара, отличающегося необузданной фантазией, даже стала излучать некий космический свет.

В мясном отделе, в магазине
«Сельхозпродукты № 2»,
зажмурив глазки, на витрине
лежит свиная голова.
По центру лба приляпан ценник,
чтоб обменять её могли
на небольшую сумму денег –
предположительно рубли.
Лежат её фрагменты тела
совместно рядом с головой!
Но разве ж так она хотела
закончить путь животный свой?

А закончить эту длинную вкусную главу Володя решил мыслью о том, что на пенсии, когда она фактически наступит ему на горло, открыть некое научное учреждение и, разумеется, стать его главой, – под названием НИИКОМУ, или, чтобы было понятно моему читателю:

Научно-
Исследовательский
Институт
Кулинарных
Открытий

Мирового
Увековечивания

, где, судя по расшифровке, заняться изобретением новых кулинарных рецептов, ранее неизвестных землянам, и внедрением оных в кухни разных народов, стран и даже континентов, включая Антарктику.

Глава 7. МОДЕЛЬ ПРЕДСТОЯЩЕГО ДНЯ АЛЬБИОНЫЧА (Живой уголок имени Билла Гейтса)

Следующее дело было для героя нашего повествования особенно приятным, так как предсказывало ему будущее, и в этом будущем он видел себя не только лауреатом множества литературных премий, но также и в некой виртуальной ванне, наполненной человеческой любовью простых земных читателей. Нетрудно догадаться, что этим делом были ежедневные творческие разминки мозга Альбионыча, которые включали в себя несколько страниц романа «Русская кочерга», два-три непременных хокку, пара стишков, литературные пародии и даже короткие сценарии для рекламных роликов, за которые, к его удивлению, платили в миллион раз больше, чем, скажем, за хокку, которые не оплачивались вообще никак и никем.

Хоть вставай на четвереньки,
как какой-то идиот:
я хочу писать за деньги,
но никто их не даёт!

Возле восточной стенки володиного Личного Место-Имения стоял массивный стол, на котором и помещалась компьютерная техника писателя: сама *машина*, принтер, принимающий на себя все удары кулемзинского интеллекта, монитор, на котором этот интеллект можно было лицезреть, симпатичные колонки, децибелирующие окружающую хозяина среду, а также множество проводков непонятного назначения, но при правильном взаимном соединении заставляющие так же правильно работать всю эту заморскую хренотень. Столик этот писатель любил и ласково называл его «Живой уголок имени Билла Уильямовича Гейтса»

Именно здесь воплощались все самые безумные идеи саксаульского марсианина, и первой из них было его твёрдое убеждение в том, что всякое человеческое существо рождается, чтобы написать свою книгу, и ни для чего другого. Не важно, гениальную или посредственную, несколько томов или ученическую тетрадку стихов, но тот, кто ничего не напишет, – пропащий человек, и он лишь пройдёт по земле, не оставив следа.

Наверное, именно поэтому Володя с маниакальным упорством старался заносить в свою безразмерную память все нюансы каждого игрового дня в русский покер, чтобы потóм, когда можно будет воплотить в книжные странички всё задуманное, ничего не упустить, ничего не проморгать, ничего не прозевать, ничего не проворонить и даже ничего не прошляпить! «В мои годы некий Гоголь ужё сжёг вторую часть «Мёртвых душ», горько думал он при этом, «а я ещё и первую не написал... Да, с такими темпами на лавровый венок не заработаешь!»

Для писателя литавры –
что мобильник без звонка:
отбиваю запах лавром
из лаврового венка!

Но вот наконец он уселся за любимый столик и тотчас почувствовал, как тёмное и тёплое счастье немедленно разлилось по всему его центнеровому телу. Первым делом он решил озаботиться напоминанием самому себе – о том, чтó важного ему будет необходимо сделать сегодня (кроме предстоящей игры), после чего уверенно вывел на виртуальный листок заголовок

Список важных дел на сегодня

, затем долго думал над содержимым листочка и, наконец, родил в голове единственный пункт:

1. Не сегодня

После этого он открыл заветную папку под названием «Русская кочерга» и нашёл вчерашний файл, ибо помнил, что что-то не доделал. И точно: последней записью была некая инструкция, как видно, самому себе – о том, что несколько строк, заключённых в кавычки, надо расставить по своим местам в будущем томе романа, причём, слово *расставить* в инструкции не было, а были два слова, написанных как некий сверхкороткий стих:

воткнуть
куда-нибудь!

Вот эти мысли, запечатлённые Кулемзиным, очевидно, для благодарных потомков:

«Самая жестокая ошибка человека – считать, что чего-то не может быть только потому, что он сам этого не видел. Но, как нас когда-то учили в советской (б) школе, отсутствие знания – это ещё не аргумент…»

«Люди не способны слышать друг друга, особенно наедине. Исключение, пожалуй, составляют только сумасшедшие, но и они не понимают того, что произносят. Наверное, так и должно быть, иначе весь мир давно бы окончательно замолчал…»

Тебе, мой друг, головоломка,
и я уверен – по плечу:
«Услышь меня, ведь я так громко
себе же в ухо *хрен* шепчу…»

«Человек редко становится сверхчеловеком, и слово *сверх* здесь не имеет ничего общего с высшим. Настоящий сверхчеловек – это тот, кто осознаёт свои действия, мысли и чувства. Всё, из чего сделан сверхчеловек, – любовь, жизнь и смерть. И не более…»

«Для многих (и для меня в том числе) единственная спасительная соломинка в трудную минуту – это отношение к жизни как к *комедии положений* с переодеванием…»

– И куда же всё это, как советует мне моя же инструкция, воткнуть? – пробурчал словно бы про себя литератор, но потом понял, что в инструкции был дан абсолютно точный адрес – *куда-нибудь*, и обрадовался. И потому удивительно ли, что все эти мысли оказались именно на этой странице 25?

Здесь наш писатель почувствовал испарину на своём марсианском лбу, привстал из-за компьютера, подошёл к окну и выглянул наружу – туда, где на стенке он когда-то повесил термометр, правда, для каких целей, не знал до сих пор. Увидев показания прибора, Володя сильно удивился, а почему, будет видно из нижеприведённого катренчика, сочинённого мгновенно:

Это ж надо что творится:
нынче к завтраку опять

на термометре +30,
а к полудню тридцать пять!

Водворив *на своё место* мудрые мысли, Кулемзин немного успокоился и решил реализовать ещё одну придумку, а именно – на одну из первых страниц романа, где задумывались некие предупреждения будущим читателям его произведения, он постановил поместить нечто, написанное сначала не по-русски, а потом по-русски. Немного подумав, красивым шрифтом FuturaRound Альбионыч дописал только что сочинённую строчку:

Top Unsecret!

, что, как нынче известно каждому младшему школьнику и даже Серёньке Полтавцеву, означает на английском языке

Совершенно несекретно!

Затем мысль литератора заметалась: что же сделать первым – хокку, стихи, литературную байку, переводы или сценарий рекламного ролика. Минутное раздумье не привело ни к чему, и тогда Володя воспользовался старой советской (б) технологией: когда надо было сделать несколько дел, их нужно было воспроизводить по… алфавиту.

Глава 8. МОДЕЛЬ ПРЕДСТОЯЩЕГО ДНЯ АЛЬБИОНЫЧА (Живой уголок имени Билла Гейтса, окончание)

Он выписал на бумажку пять слов, которые символизировали пока несделанное: хокку, литературная байка, переводы, стихи и реклама, немного *помараковал* и расставил их уже по-новому:

1. литбайка
2. переводы
3. реклама
4. стихи
5. хокку

, после чего очень обрадовался, ибо был писателем не только талантливым, но ещё и собранным, организованным и дисциплинированным. Именно такой порядок устроил его больше чем надо, и Альбионыч не спеша взялся за реализацию. Итак, первым по установленному порядку шла литературная байка, причём, получилась она в стиле покойного Даниила Хармса, и написалась за па́ру минут:

«Писатель Паустовский, как известно, очень любил природу и даже изредка воспевал её. Как-то раз пришёл он в лес, хватился, а блокнот-то до́ма забыл! Вдруг видит: сидит на пеньке писатель Пришвин и что-то пишет в тетрадку. Хотел было Константин Георгиевич у него листок попросить, но постеснялся – вдруг старик про него что-нибудь нехорошее подумает…»

Довольно быстро получилось у него и с переводами нескольких русских пословиц на иностранные языки – для нового издания «Всемирная мудрость» московского издательства «PlagiatPress». Это были пословицы разных народов, причём, переводы эти надо было сделать в поэтической форме, поэтому руководство издательства и обратилось к Кулемзину как крупнейшему поэту современности. Пословицы вышли такими:

испанская:

Матадора матадор
видит и через забор!

французская:
Не пеняйте на Коти́ [12],
коли рожа не ахти!

[12] Франсуа Жан-Батистович Коти́ – один из крупнейших французских парфюмеров XX века

индейская:
Мой томагавк –
твоя голова гавк!

американская:
У голодной мисс
на уме сосис!

кавказская:
Встречают по башлыку –
провожают по шашлыку!

Затем, чтобы не сбивать темпа, он перевёл на американский язык название рассказа А. П. Чехова «Ванька Жуков»: «Little John Beatles'ов», поморщился, но пока оставил как есть, решив вернуться (прости, русский язык!) к модификации перевода попозже.

И когда тиражами 100.000
выйдут книги далёко и близко,
загорятся сердца, так как высечь
удалось мне надёжную искру!

Недолгое время заняло и сочинение идеи для рекламного ролика одного из отцеябловских банков: «Девушка попадает в аварию и теряет память. Муж её не бросает, а, напротив, изо всех сил пытается снова завоевать и сделать так, чтобы она его вспомнила. Потому что у них ипотека!»

И в этот момент раздался первый за сегодняшнее утро телефонный звонок. «Серёнька!», подумал писатель. И не ошибся!

– Алло! – произнёс он в дырочки аппарата. – Это ты, Серёжа?

В ответ послышались звуки, как будто внутри трубки сначала спустили унитазную воду, а потом на этом же месте взлетела ракета. «Он!», обрадовался узнаванию Альбионыч и наконец услышал чей-то голос, похожий на скрип ржавой дверцы в иной мир:

– Вовка, я умираю.

«Ого, целых три сло́ва», ещё раз обрадовался покерный гуру, но вслух сказал совсем другое:

– Умираешь? Это хорошо. Но тогда ты должен озаботиться завещанием.

И сказал я санитару:
«Нет, не всё ещё пропил!
Завещаю стеклотару,
что за жизнь я накопил!»

– Каким ещё защи… ващи… нищием?

– Ну, если у тебя есть что-нибудь ценное, – объяснил литератор, – то после смерти ты должен *отписать* это Зуле.

– Так у меня же ничего нет.

– Есть, – возразил Кулемзин, и любой мой внимательный читатель может подтвердить это короткое слово, если вспомнит, что ещё в первом томе, в главе 190, которая описывает путешествие покерной хевры в берлогу Афанасьича, рассказано о несметных сокровищах на полтавцевских антресолях. – Серёжа, вспомни, сколько же ценного ты накопил за свою жизнь, а потом всё попрятал, как ты выражаешься, *на верхнем этажу*.

– А, ты про это? Дак чего смертушки дожидаться? Пусть прямо сейчас всё забирает!

Володя подивился такой явно похмельной щедрости, а потом ему в голову пришла забавная мыслишка: а, может, проверить свой утренний стишок именно на единственном стороже, проживающем в доме № 16?

– Серёжа, – обратился он к абоненту. – Послушай стишок и скажи своё мнение.

– Давай, – разрешил Афанасьич, страшно довольный тем, что кто-то интересуется его мнением, хотя последний раз такая ситуация случилась ровно 20 лет назад, когда на рабочем собрании ПТФ-2[13] его спросили, как лично он относится к президенту США Рональду Джоновичу Рейгану. Правда, подробности ответа знатного текстильщика история, к сожалению, не сохранила.

А Альбионыч не стал тянуть время и с выражением прочёл короткий стишок, ибо на сочинение длинного сегодняшним утром у него просто не нашлось времени:

Почему мы так живём?

Что ответит бумага на этот вопрос непростой?
Ничего. Ей неведом ответчик, неведом истец –
не поймём, почему как невесту под белой фатой
мы сегодня старуху Идею ведём под венец…

[13] Прядильно-ткацкая фабрика № 2 – прим. автора

Он прочёл стих и замолк, как бы ожидая или вполне заслуженных, как ему казалось, аплодисментов, или иных проявлений восторга от охранника магазина «Пингвин и гагара». И тут оказалось, что сторож решил ограничиться именно иными проявлениями, ибо, слегка «обмозговав» то, что ему сейчас под видом мудрости попытался втюхать его друг Кулемзин, пробурчал слова одобрения:

– А что, вполне атмосферные стихи…

– Спасибо, друг, – чуть не прослезился саксаульский поэт.

– Спасибо в стакан не нальёшь, – старым советским присловьем укорил его уроженец деревни Семижопино.

– Я помню, – кротко отозвался писатель. – Не сомневайся: первая бутылочка «Жигулёвского» сегодня – твоя! – и положил трубку.

После этого он взял недавно написанную бумажку с планом творчества сегодняшнего утра и внимательно изучил её, а изучив, обрадовался: остался всего один пункт, к тому же очень лёгкий для титанического ума марсианина – хокку. И буквально за па́ру минут написал их сразу два – русский и японский.

Русский хокку

Матёрые волки
всерьёз обсуждают
бизнес деда Мазая…

Японский хокку

Гейша под сакэ
сакуре своей не сёгу́н.
Помни, самурай…

Володя с удовольствием поставил жирную компьютерную точку и подумал о том, что со своим талантом в нашей жизни существовать ох как непросто…

Глава 9. СКАЗКИ III МИЛЛЕНИУМА (Четырнадцатый блок)

– Оп-па! – на этом месте мог бы воскликнуть мой читатель. – А чего это вдруг сказки, да ещё в неположенном месте?!

А дело было в том, что литератор, который, признаться, немного приустал за шесть дней непрерывных боёв и даже стал несколько страдать частичной потерей памяти, сейчас вспомнил, что ежедневно рассказывал своим друзьям и Курманбаеву короткие истории, которые он называл сказками III миллениума, причём, их приходилось вспоминать, что называется, с колёс, потому что написаны они были в разное время и на разных отдельных листочках.

«А почему бы их не систематизировать прямо сейчас?», подумал Кулемзин. «А потóм взять листочек с собой и, когда надо, просто прочесть коллективу?»

Обозначивши проблему,
не могу сужаться:
привожу я всё в систему –
чтоб не облажаться!

Сказано – сделано. Он зарядил в принтер чистый листок, и вскоре из хитрого импортного аппарата вылез тот же листок, но уже испещрённый некими символами, в которых легко угадывались вполне таки русские буквы. Итак, сказки…

1

Когда в полночь карета превратилась в тыкву, Золушке было всё равно – она уже вовсю развлекалась с принцем. А вот водитель эвакуатора охренел конкретно!

2

Вышли богатыри в чисто поле, а уборщица им кричит: «Куда по мытому?!»

3

Выслал *дедушка* Адама и Еву на Землю, а там под деревом сидят армяне и заворачивают долму. Адам и говорит:

– *Дедушка*, кто это?

А *дедушка* отвечает:

– Не знаю, они до меня здесь были...

4

Заграничная принцесса так и не дождалась принца на белом коне, потому что его остановила на всём скаку выскочившая из горящей избы русская женщина!

5

А история с барской собачкой на самом деле завершилась совсем не трагически: нынче своим щенкам Муму по ночам рассказывает сказку, как она благополучно спаслась с «Титаника»...

Шекспира повести печальней
на свете нет – в разрез тому́
Иван Сергеич пишет повесть
«Муму»…

6

У старшего брата Карлсона, который живёт в подвале, на спине вместо пропеллера – землеройный бур!

7

Дед и Бабка, прочитав старую сказку, всё-таки учли свою ошибку и испекли Кубик.

8

Пришел Иван Дурак к Бабе-Яге и спрашивает:
– А как мне пройти туда, не знаю куда, и найти то, не знаю что?
– А не вопрос, сынок, – отвечает Яга. – Вот тебе окурочек волшебный. Выйдешь, кинешь его на дорожку. И вот куда дворник тебя пошлёт, туда и иди…

9

Вышел Кощей Бессмертный на крыльцо – и отморозил себе левое бессмертие...

10

Пришёл Буратино записываться в секцию бокса, а ему говорят:
– Мы не можем тебя принять из-за твоего носа.
– Вы что думаете, я его испорчу?
– Нос, может, и не испортишь, а вот перчатки – наверняка!

Старый мастер обозначил цель
и зажил заботою о сыне:
папа Карло накопил на дрель –
и невесту сделал Буратине!

Глава 10. МОДЕЛЬ ПРЕДСТОЯЩЕГО ДНЯ АЛЬБИОНЫЧА (Музыкальная пауза)

И, разумеется, новый день, тем более, воскресный, когда всё человечество желает не какой-то пошлой работы, а именно отдыха, не мог начаться без любимой володиной забавы для души – прослушивания рока, но не того рока, что древнеримские ребята, говоря об олицетворении Суки-судьбы, называли *фатумом*, а рок-музыки, кою наш герой любил не меньше, чем пиво «Тянь-Шань».

Он абсолютно точно знал, что когда читаешь хорошую книгу (типа «Русской кочерги») или слушаешь хорошую музыку (типа «Стеклянной гармоники» Альфреда Шнитке или любого альбома «Led Zeppelin»), это точно помогает жить. Но особенно справедливо

это было именно в отношении музыки. Хорошая музыка, будь то битловский «Let It Be»[14] или «Страсти по Иоанну» Иоганна Иоганновича Баха, – это чистая вода, которая вымывает из головы всю грязь и уносит её далеко – туда, откуда не возвращаются.

[14] «Пусть будет так» – двенадцатый и последний альбом группы «The Beatles» 1970 года – прим. муз. редактора

Рок-н-ролл всегда действовал на Альбионыча успокаивающе, приводя его мысли к гармонии: слушая такую музыку, он начинал ощущать себя не такой уж и маленькой частичкой бесконечного мироздания.

Изволь мои стихи прочесть –
простой-простой катрен:
«У Фета дождь – он дождь и есть,
в рок-музыке – он «Rain» [15]…»

[15] «Дождь» – композиция пятого студийного альбома «The Magician's Birthday» («День рождения волшебника») 1972 года британской рок-группы «Uriah Heep» – прим. муз. редактора

И, конечно, самым приятным в этом прослушивании было то, что родные звуки лились не с каких-то пошлых компакт-дисков или колонок компьютера, а прямо с его *вертушки* «Audio-Technica» – подарок руководства одноимённого японского концерна, а вот за что, автор не знает, потому и придумывать не хочет., так что извини, мой читатель, за напрасные ожидания .

Ещё с юности Володя и его друзья-меломаны называли вертушками проигрыватели пластинок, и вот сейчас он улыбнулся, вспомнив свой первый такой проигрыватель – под названием «Ария-102-стерео», который весил (вы не поверите!) семь с половиной килограммов! Кстати, уже тогда у этого аппарата был весьма лёгкий тонарм, на который устанавливалась ММ-головка[16] ГЗМ-155[17], коя казалась нам чудом советской (б) техники, но за сотню прослушиваний напрочь сжирала нежный буржуазный винил.

Мы целый век с пластинками прожили,
заархивировав на них любовь и страсть,
в обложки их красивые рядили,
не позволяли с полочки упасть.
А нынче всё компактно, слишком просто –
носитель умещается в ладонь,
и эти современные форпосты,
похоже, навсегда, заняли трон.
Смотрю на флешку – сердце защемило:
века проходят, как летят года,
но старую пластинку из винила,
наверно, не забуду никогда…

[16] От англ. Movable Magnet, то есть подвижной магнит – прим. тех. редактора
[17] Головка звукоснимателя магнитная – прим. тех. редактора

И вот здесь произошло нечто невероятное: хозяин квартиры ненароком глянул на часы и поразился. Оказалось, что сейчас всего лишь 8 часов 1 минута, а ему казалось, что он встал настолько давно, что времени до выхода на свет *дедушкин* ему предстоит прослушать всего лишь какую-нибудь одну коротенькую композицию – из нескольких тысяч его коллекции.

«Вот это да!», пришла в голову писателя нелепая русская мысль и тут же ушла искать новую тыкву для посещения. «Так ведь это просто праздник какой-то! Пожалуй, именно сегодняшним утром я наконец-то потешу свою душеньку настоящим искусством и послушаю не одну, а несколько старых добрых рок-н-рольных композиций!»

И так хорошо стало марсианину от этих мыслей, что он тут же приступил к их реализации. Для начала он поддержал себя морально, поставив весьма бодрый диск «Let The Be Rock»[18] замечательных австралийцев «AC/DC»[19], а затем, видимо, для более лучшего усвоения иностранной музыки, достал из холодильника ещё одну бутылочку «Тянь-Шаня». Больше всего в этой композиции Кулемзина радовало, что знатные австралийцы пели в ней о Чайковском! Да послушайте сами:

[18] «Пусть будет рок» – англ.
[19] «Переменный/постоянный ток» – англ.

In the beginning back in nineteen fifty five,
men didn'n know bout a rock-n-roll show
n' all the jive.
The white man had the schmalz,
the black man had the blues,
no one knew what they was gonna do,
but Tschaikovsky had the news, he said:
«Let the be sound, and there was sound,
let the be light, and there was light,
let the be drums, there was drums,
let the be guitar, there was guitar,
ah, let the be rock!» [20]

[20] Всё началось в 1955-м,
люди не знали, что такое рок-н-ролл,
и всё остальное.
У белых – сопливые песенки,
у чёрных – блюз,
никто не знал, что будет дальше,
но Чайковский знал, и сказал [21]:
«Да будет звук, и появился звук,
да будет свет, и появился свет,
да будут барабаны, и появились барабаны,
да будут гитары, и появились гитары,
ах, да будет рок!»
[21] Отсылка к песне Чака Эдвардовича Берри «Roll Over Beethoven» («Катись, Бетховен») – прим. муз. редактора

Наш саксаульский слушатель отдался песне до конца и даже несколько прослезился с последними её звуками, так как был полностью согласен и с текстовым Чайковским, и с автором слов соло-гитаристом группы Ангусом Джорджевичем Янгом, а также, как выражался его друг Серёнька Полтавцев, и вообще! Потом Володя перевёл дух, отвернулся от полочки, на которой вместо книжек стояли несколько сотен дисков, и вслепую выбрал ещё один. Им оказался «Days Of Future Passed»[22] – второй студийный альбом прогресс-сив-рок-группы «The Moody Blues»[23], выпущенный в декабре 1967 года.

[22] «Дни будущего прошли» – англ.
[23] «Капризный блюз» – англ.

Альбионыч любил эту команду за многое: и за то, что она была одна из старейших до сих пор действующих рок-групп в мире, и за то, что именно им принадлежит одна из лучших песен, которые он слушал в жизни – «Nights In White Satin» («Ночи в белом атласе»), которую написал гитарист, солист и композитор Джастин Хейворд.

Единственный меломан дома № 17 второго микрорайона города Отцеябловска поставил на вертушку именно эту композицию и стал слушать, по ходу раскладывая её на музыкальные составляющие, отмечая необычайную мелодичность, общий колорит (размер 6/8, тональность ми минор, характерный бас, меллотрон на фоне), мягкий голос Джастина, и особенно прекрасный эпизод в середине с соло на флейте Рэя Томаса, – именно всё это и сделало «Nights In White Satin» одной из красивейших романтических песен в истории рок-музыки. А чтобы в этом ни на секунду не усомнился мой читатель, то вот ему её перевод:

Мы красивы с тобой
под прекрасной луной,
как приятно нам быть визави.
В белом атласе ночь,
до тебя я охоч,
как давно был охоч до любви.
Мы мечтали о том,
как с тобой заживём,
только плачем вдвоём от любви.
Всё потеряно вдруг,
и тебе я не друг,
никогда меня так не зови…

Глава 11. МОДЕЛЬ ПРЕДСТОЯЩЕГО ДНЯ АЛЬБИОНЫЧА (Музыкальная пауза, окончание)

И, наконец, третьим номером своей утренней программы нашему герою достался замечательный старый рок-н-ролл «Rock Around The Clock»[24] в исполнении Билла Хейли и его группы «Кометы»[25]. Это была та самая зарядка перед ответственным делом – то, что он по-марсиански называл *адреналиновой ностальгией*. Строго говоря, этот суперхит всех времён и народов был написан не самим Хейли, а ещё полвека назад американскими музыкантами Максом Фридманом и Джеймсом Майерсом, но массовый успех он приобрёл в 1955 году как раз в записи Билла и его группы «The Comets». О популярности этой песни Володя судил ещё и потому, что она прозвучала аж в 13 фильмах, причём 6 из них были не американскими, а советскими и российскими: «Совершенно серьёзно», «Покровские ворота», «Блондинка за углом», «Город Зеро», «Ночные забавы» и «Космос как предчувствие»

[24] Дословно: рок вокруг часов, в значении – рок круглые сутки – англ.
[25] «Bill Haley & The Comets» – прим. муз. редактора

Альбионыч уже с повторной за утро слезой прослушал композицию, затем бросился к клавиатуре, постучал на ней минуту-другую, заправил в принтер листочек и на выходе получил вот такой невинный стишок на заданную тему **«Мой рок-н-ролл»**

Его возвёл я на престол
в своём карандаше:
святое слово рок-н-ролл
припаяно к душе –

я вместе с ним горю в огне
по имени Любовь,
оно всегда сидит во мне…
И закипает кровь!

И тут Кулемзину в голову пришла странная мысль: а почему все хорошие (включая отличные!) рок-группы именно английские и американские? Он почувствовал, что эта тема потребует от него серьёзного осмысления, и хорошо, что именно так и случилось, ведь мой читатель сейчас получит возможность ознакомиться с этими мыслями, – в отличие от героев романа «Русская кочерга». Итак, **О буржуазных рок-группах.**

Разумеется, не все иностранные группы были такими уж хорошими – так же, как из ста сортов колбасы, которыми торгуют в лондонском магазине «Kalinka Shop»[26] на улице Куинсвэй, 35, хорошими будут только 10-15, а остальные – сами знаете какими! Более того, многие группы и исполнители из других стран, для которых английский язык – неродной, поют исключительно по-английски: вспомните шведскую «ABBA», испанскую «Barricada», немецкую «Tokio Hotel» и других. И этому есть несколько причин.

[26] «Магазин Калинка» – англ.

При появлении культурного явления страна, где состоялось его рождение, как бы естественным образом становится неким законодателем мод, и чаще всего она на долгое время, а иногда и на столетия, остаётся лидером в этой области. Вот вспомните: 300 лет назад французы изобрели духи – и Франция до нынешнего времени мировой лидер в парфюмерии, швейцарцы придумали точные хронометры и технологию производства качественного твёрдого сыра – и до сих пор остаются в этих областях лучшими, лучшие в мире альпинисты живут в Тибете, лучшие ныряльщики – в Таиланде, и это совершенно естественно. Американцы придумали баскетбол, канадцы – хоккей, англичане – футбол и регби, и в этих видах спорта эти страны всегда и постоянно поднимаются на верхние ступеньки пьедесталов на спортивных соревнованиях любого уровня.

Мы все на выдумку прытки́ –
в числе таких-сяких:
придумал русский *городки* –
и сам играет в них!

То же и с рок-н-роллом – типично американским изобретением, и это не просто мода – он появился от слияния двух культур, имеющих глубокие народные корни: рокабилли (ускоренный вариант кантри) и ритм-энд-блюза, произошедшего в свою очередь из блюза. Для первых американских исполнителей рок-н-ролла это была практически народная музыка. Англичанам такая музыка также была очень близка, поскольку кантри – это американский вариант британского народного жанра скиффл (кстати, весьма популярного в рабочих районах городов типа Ливерпуля).

В культурном отношении Британия и США всегда были очень близки, ведь основной поток эмигрантов в Америку шёл именно с островов Объединённого королевства, а это один язык и почти единые культурные традиции. Потому и взаимное влияние в музыке здесь было вполне естественным. Вначале исполнители типа Элвиса Верноновича Прессли, Чака Эдвардовича Берри и Литтла Уэйновича Ричарда сильнейшим образом впечатлили британскую молодёжь, потом был адекватный ответ в лице таких групп, как «The Beatles», «Rolling Stones», «The Kinks»[27] и т. п. Кто сейчас здесь играет первую скрипку, уже не разберёшь, и процесс вышел на новый уровень – глобализации.

Плюс дело ещё в том, что английский язык исключительно хорошо приспособлен для рок-музыки: для него характерны короткие, двух-трёхсложные слова́ и закрытые слоги, что очень удобно именно для исполнения быстрых песен. И это вполне естественно, ведь изобретатели стиля подстраивали музыку под свой родной язык. А вот всему остальному миру просто пришлось приспосабливаться к этому!

[27] «Перегибы» – англ.

Спел я песню на английском –
загремел на Соловки,
и сейчас здесь обелиском
получаю лишь плевки!

И ещё одна причина – на мой взгляд, самая главная. Английский язык – один из самых распространённых на планете (больше людей говорят только по-китайски и по-испански). И это гигантский, очень богатый рынок! По-английски говорят не только в са́мой богатой стране мира США, но ещё в 53 странах Британского содружества. Во многих других государствах – от Швеции до Грузии и Эквадора – популярность английского настолько велика, что он уже стал практически вторым национальным. Амбициозные музыканты со своими песнями, естественно, желают выходить на эту огромную аудиторию, ведь это и признание, и деньги. Высокая платежеспособность населения англоговорящих стран позволяет музыкантам много зарабатывать и, соответственно, много тратить, создавать высокотехнологичные шоу, экспериментировать и, в конечном итоге, создавать новые направления и модные течения для всего оставшегося мира.

Слово музыкой усиля,
в руки взяв аккордеон,
много песен сочинил я –
заработал на хамон!

Тон здесь задаёт, конечно, Америка. Причём, это касается не только музыки, но и других видов искусств, включая кино и литературу. Конечно, это несправедливо и досадно, поскольку множество талантов, ничуть не хуже американских, имеется и в других странах, по-английски не говорящих. Увы, как правило, они остаются звёздами только в пределах национальных границ своего государства.

Особенную досаду вызывает Швеция, которая сейчас создала мощную музыкальную индустрию, весомо заявившую о себе и на мировом, и на американском рынке. Начиная с «ABBA», множество исполнителей стали суперзвёздами мирового масштаба: «Army Of Lovers»[28], «Roxette» и другие, и все они, все до одного, поют только по-английски! Даже не знаю, остались ли вообще в этой стране музыканты, поющие по-шведски. Скорее всего, они есть, но лично я их не знаю…

Не привык я к перегрузкам,
вот и дурака свалял:
спел частушки я на русском,
а малаец не поня́л!

[28] «Армия любовников» – англ.

Глава 12. МОДЕЛЬ ПРЕДСТОЯЩЕГО ДНЯ АЛЬБИОНЫЧА (О телефонном терроризме)

Знаешь ли ты, мой читатель, что ровно 127 лет назад[29], 31 августа 1976 года в канадском городе Онтарио был совершён первый в мире междугородный телефонный звонок? А расстояние между связуемыми городами составляло целых 13 километров! И уже всего через каких-то 23 года после этого американскому изобретателю Элману Сэмюэлевичу Строуджеру был выдан патент на первую в мире АТС – автоматическую телефонную станцию. И города, а, значит, и люди стали ещё ближе…

[29] Напоминаем читателям, что действие романа «Русская кочерга» происходит в 2003 году – прим. гл. редактора

Бежал сигнал неторопливо –
он знал, что первым в мире был.
Сейчас планете всей тоскливо –
она шумлива и криклива,
ведь каждый, *сотку* кто купил,
добавил свой сигнал планете.
И нет конца тому на свете!
Но первый всё же в мире был…

Много времени утекло с тех пор, и сегодня телефон прочно вошёл в нашу жизнь. Причём, у некоторых до такой степени, что его неожиданный звонок вызывает чуть ли не инфаркт, тем более у людей ленивых – таких, каким является наш герой Кулемзин. Он давно понял, что чего-то хорошего от звонящих ему людей ждать не приходится, и потому к каждому предстоящему разговору относился настороженно. А совсем плохо стало тогда, когда у него, кроме домашнего или, как выражаются специалисты, стационарного телефона, завёлся ещё и мобильный, который теперь всегда находился рядом, где бы Володя ни находился.

Вот и сейчас он просто подпрыгнул, когда лежащий рядом телефончик, похожий на игрушку, не только громко прозвенел, но и начал подпрыгивать на месте («Вот *иблис*, кажется, я опять забыл отключить вибрацию!»), словно убеждая своего владельца ответить как можно быстрее.

Неужели это снится
(сон тяжёлый, как гранит!)?
Телефон мой страшно злится –
он трясётся и звонит!

Писатель осторожно взял в руки аппарат, успокоил его какими-то кнопками и произнёс в невидимые для этой модели дырочки микрофона:

– Алло.

– Алё, – алёкнул в ответ звонкий девичий голос. – Это «Газпром»?

– Нет, девушка, – правдиво ответил Альбионыч, переводя дух. – Но мне, яйчики-бабайчики, понравилось, как вы мне польстили…

И не успел он положить аппаратик на компьютерный столик, за которым сейчас находился, как тут же проснулся его (аппаратика, а не столика) старший брат – домашний телефон. Марсианин глянул на часы и понял, что все остальные звонки сейчас будут поступать от членов покерной хевры, которые, как видно, уже начали просыпаться один за одним. Так оно и оказалось.

И первым дозвонившимся до литератора стал охранник Полтавцев. Володя снял трубку и страшно удивился, потому что дозвонившийся не стал здороваться, а, что называется, с порога плачущим голосом проинформировал абонента:

– Пивка бы, Вовка, мать честна́я…

– Серёжа, так это ты?

– Я, – покаянно прозвучало в ответ. – Так как насчёт пивка?

– Старичок, ну вот скажи, зачем тебе всё это? – постарался направить сторожа на путь истинный знатный поэт двух веков, которого только что грубо назвали Вовкой.

– Дак всю ночь почки впустую работали! – возмутился Афанасьич. – А это знаешь как на работу головы́ действует…

Время веками пуляет,
но мы привыкли к кругам:
трудятся почки, гоняя
пиво к протухшим мозгам…

– Ну, тогда засекай время, – дал распоряжение, как оказалось, пивной распорядитель. – И выходи ровно через 16 минут!

, – после чего его голову демиурга посетила первая за сегодняшнее утро мудрая мысль: «Как жаль, что у практически всего человечества мозг – это всего лишь (прости, русский язык!) редукционный клапан!»

Но не успел Володя положить трубку на место, как телефон вновь начал молотить во внутренний колокольчик, выказывая человеку, медленно отзывающемуся на его призывы, требовательность и нетерпение. Подняв трубку, хозяин квартиры с двумя аппаратами убедился, что на этот раз звонил педагог. В трубке сразу же забулькал укоризненный нуртаевский голос, и у писателя появилось чувство, что в ухо забрался сверчок, хотя речь ленинца была несколько заторможенной, как у человека, выходящего из наркоза.

– Володя, привет.

– Привет.

– Ты говорить можешь? – таинственно осведомился преподаватель еврейского колледжа.

– Могу, – признался писатель. – По-моему, где-то лет с двух. А что?

– Извини, мать моя партия, я не помешал?

– Нет-нет, что ты! – воскликнул Альбионыч, внутренне саркастируя. – Я как раз в чашку с чаем сахару насыпал, так что можешь подойти – помешать!

– Ну, зачем ты так? – поморщился большевик.

– Да, конечно, извини, я не учёл степень твоей важности для матери-истории. Но всё равно подходи – я сейчас сделаю себе кофе! А его я, как известно из романа «Русская кочерга», пью без сахара…

Понял я своею кровью,
словно побывал в бою:
сахар вреден для здоровья –
потому я водку пью!

– А как бы попить немножко пивка? – помявшись, почти слово в слово повторил педагог предложение своего соседа по лестничной площадке.

– Пивка? – ещё раз удивился литератор. – Хорошо, тогда засекай время и выходи ровно через 13 минут. Да, кстати, и деньги не забудь захватить.

– Деньги? – удивился большевик, словно впервые слышал это волшебное слово.

Удивление Мусаича было таким искренним, словно Кулемзин попросил его придти не одному, а захватить на всякий случай какую-нибудь Софи Лорен – авось да и пригодится после восьмой рюмашки!

Никогда не просыхая,
пиво, водку и вино
мы с Софи Лорен бухаем –
вот такое вот кино!

И вот тут, как выражаются хоккейные комментаторы, «вновь произошла смена состава» – на этот раз вновь прозвенел володин мобильник.

– Алло? – ещё раз, но с бóльшим недоумением отозвался Альбионыч, так как не ожидал от мобильника новых поступлений.

– Здравствуйте, – сладким, как турецкая халва, голосом поздоровался с ним незнакомец. – Мы бы хотели поговорить с вами о боге.

– О *дедушке*? – уточнил марсианин.

– О боге, – уточнил незнакомец. – Скажите, вы не боитесь завтра умереть?

– Вообще-то, товарищ, – решительно перебил его Кулемзин. – Вы дозвонились в Саксаулию. А я здесь боюсь завтра жить…

Трудно жить в родной стране –
в перманентном бодуне!

Глава 13. МОДЕЛЬ ПРЕДСТОЯЩЕГО ДНЯ АЛЬБИОНЫЧА (О телефонном терроризме, продолжение)

Знатный саксаульский атеист отключил свой мобильник, но его телефонные мучения на этом не закончились. «Всё-таки какое гнусное изобретение – этот телефон», подумал он. «Кто-то навязывает тебе свою волю, врывается в твой мир и, нагло заявляя о себе, требует к себе повышенного внимания…»

А мысли эти появились у хозяина Личного Место-Имения как раз после следующего звонка – на этот раз вновь на домашний аппарат. Володя посмотрел на исходящий условным кипятком телефон, подпрыгивающий от звонков. Казалось, что внутри него (телефона, а не хозяина) сидел маленький злобный человечек, который требовал, чтобы его выпустили на волю.

На этот раз оказалось, что утренний звонок пришёл от какого-то истерика, тихий голос которого был похож на шипение бенгальского огня, попавшего в бокал с новогодним шампанским.

А в полночь интриганский,
как дым наоборот,
сгорит огонь бенгальский
всего один раз в год…

– Настрадалась ёперная душенька! – зашептал в трубку истерик, и если бы не ёкарное присловье звонившего, Альбионыч его так бы и не узнал.

– Талгат, ты, что ли? – поинтересовался он. – А как тебе Аида позвонить разрешила?

– Так она на кухне оладьи делает.

– А ты чего не помогаешь?

– Да меня с детства от запаха оладьев тошнит, – объяснил Салихдзяныч.

«Странно», подумал Кулемзин, «какая-никакая, а всё же закуска…»

– А дети? – поинтересовался он.

– Какие дети? – поинтересовался абонент.

– Да твои же, яйчики-бабайчики, – объяснил марсианин.

– Мои? – изумился похмельный. – А они кто?

– По-моему, девочка и… девочка.

– А-а-а, – начал припоминать военный музыкант. – Что-то такое припоминаю…

«Да», подумал Кулемзин, «именно вот этому лекарство в виде пары бутылочек пивка «Маршал» нужно точно!», а вслух произнёс уже знакомую читателю фразу:

– Хорошо, тогда засекай время и выходи ровно через 10 минут. Да, и не забудь оставить дома свою военную фуражку, а то у тебя, по моим предположениям, и так мозги сейчас сильно сдавлены!

Не могу носить фуражку –
сильно давит на мозги,
а могу хлебнуть я бражки,
чтобы не было тоски!

– Отбой! – истерическим шёпотом прошептал трубач и отключился.

– Интересно, – пробормотал писатель, – какой отбой он имел в виду? Кинодраму «Отбой» американца Харолда Уэйновича Беккера с Тимоти Джимовичем Хаттоном в главной роли? Или фильм опять же американки Дайан Николасовны Китон – о сложных взаимоотношениях трёх сестёр (к сожалению, не по Чехову)? А, может, Салихдзяныч, как истинный музыкант, имел в виду не фильмы, а альбом группы «Nautilus Pompilius» 1988 года? Хотя трудно представить, чтобы он, кроме гимна родной страны, знал что-нибудь ещё…

Под впечатлением поступивших звонков литератор направился на кухню, где достал из холодильника ещё одну бутылочку «Тянь-Шаня», оправдывая себя тем, что чуть не сорвал голос на эти незапланированные с утра переговоры. «Интересно», подумал он, «на какой из аппаратов придёт следующий звонок? Кстати, по очереди он должен быть на мобильный…»

И впрямь – тут же раздался трезвон именно этого аппаратика.

– Какой же *иблис* на этот раз? – с трудом оторвавшись от ледяной бутылочки, пробормотал Володя и нажал кнопочку, после чего состоялся следующий короткий, но весьма таинственный разговор:

– Здравствуйте, скажите, это Клуб загадочных людей?

Признался как-то азиатке,
пихая мысль свою ей вглубь:
«Люблю загадывать загадки
и спорить – ну, хотя б на *рупь*!»

Альбионыч чуть не поперхнулся от вопроса, но тут же сориентировался и, понизив голос, не стал расстраивать неизвестного абонента:

– Кто знает, друг мой, кто знает…

После чего он положил трубку, а приложил совсем другое, а именно горлышко своего *тянь-шанчика* к утомлённой разными беседами глóтке. Но и на этот раз сделать заветный глотóк не удалось, так как невесомую паутину его мыслей о вожделенном пиве вновь оборвал телефонный звонок, который по неведомой ему матрице на этот раз должен был поступить от человека знакомого. Так оно и оказалось: на экранчике его мобильника высветился номер его нового друга Митрохина. Володя включил связь и бодро поприветствовал старшего джуса:

– Доброе утро! Отличный век! Замечательный возраст!

– Привет, – ответил Васюхан. – Володя, нам надо срочно встретиться!

– Зачем?

– Есть вопросы.

– Но я не хочу есть вопросы! – возмутился филолог Кулемзин, который всегда воспринимал любые русские слова именно с тем значением, который вложил в язык *дедушка*. – А ты, кстати, где?

– А я уже в такси.

– С Ираклием? – поинтересовался Альбионыч.

– С каким Ираклием? Товарищ, как вас зовут?

– Вениамин Дормидонтович, – послышался тихий голос из володиной трубки, и литератор понял, что голос ему незнаком.

– Я еду с Витамином Помидоровичем, – перевёл Васюхан слова водителя с таксистского на русский. – И скоро уже буду.

И тогда марсианин в последний раз за последние полчаса произнёс фразу, уже начинающую набивать оскомину у моего читателя:

– Хорошо, тогда засекай время и приезжай ровно через 7 минут!

Ни к чему пустые речи,
если надо захмелеть:
друг вовсю летит на встречу –
литр помочь мне одолеть!

Глава 14. МОДЕЛЬ ПРЕДСТОЯЩЕГО ДНЯ АЛЬБИОНЫЧА (О телефонном терроризме, окончание)

Следующий звонок случился вновь на мобильный телефон, но к этому моменту Альбионыч уже точно знал, что сейчас будет разговаривать с человеком незнакомым.

– Алло, – произнёс незнакомый голос. – Я по объявлению.

И тут покерный гуру вспомнил, что ещё на прошлой неделе под влиянием минутной тоски действительно дал объявление в газету «Из рук в руки» о том, что хотел бы заключить договор с человеком, который будет помогать ему в старости.

– Очень хорошо, – обрадовался Кулемзин. – Тогда слушайте основное условие: мне нужен человек, который будет подавать мне пиво и креветки, когда я буду стареньким.

Мне на старости конфетки
не нужны в мою строфу:
будут пиво и креветки, –
значит, дольше проживу!

– П-п-простите, – поперхнулся от неожиданного условия незнакомец, – может, всё-таки воды?

– Нет-нет, именно пива, причём, чтобы мой помощник случайно его не выпивал по дороге от холодильника до моей сиротской кроватки.

– Н-н-ну, что ж, – выдавил из себя звонивший. – Пожалуй, можно попробовать…

Но Володе уже не понравился этот нерешительный тон, и он закончил разговор:

– Извините, вы мне не подхóдите.

После этого он наконец-то сделал долгожданный гигантский глотóк «Тянь-Шаня» и стал смаковать его вначале во рту, потом в глóтке, потом в пищеводе и, наконец, в желудке – до той секунды, пока не прозвучала очередная трель. Знатный абонент, который, как

видно из последних трёх глав, был нужен всей планете, посмотрел на мониторчик своего миниатюрного аппарата и очень удивился, так как этот номер он уже видел буквально несколько минут назад.

– Васюхан, ты чего-то забыл? – отозвался литератор, после чего услышал не митрохинский голос, а другой, но тоже знакомый:

– Володя, это я, Валера.

– Муравлёв? – поражённо и несколько нелогично воскликнул марсианин, так как других валер в его ближайшем окружении больше не было.

– Ага, – подтвердил интеллигентный художник, после чего писатель убедился, что это звонит действительно Николаич.

Как какому-то барону,
мой товарищ ублажил:
старый друг по телефону
выпить пива предложил.
Он достал свои покупки
и прижал к «LG» стекло, –
и тогда из чёрной трубки
пиво в рот мне потекло!

– А ты где? – на всякий случай осведомился Альбионыч, хотя уже начал подозревать, что он – тот, кто не пил ничего крепче пива «Тянь-Шань», потихоньку начал съезжать с ума в крепко пьющей компании. «Видимо, через флюиды достали, гады», подумал он о своих товарищах по *русской кочерге*.

– Так с Васюханом к тебе еду! – обрадовано доложил живописец. – Я же сегодня у него ночевал!

– А Наташа?! – вновь нелогично воскликнул Володя.

– Да, это проблема, – не снижая радостной нотки, согласился Валера.

– Ну-ну, – пробормотал писатель, и в этот момент внутри него проснулся поэт:

– А ты не мог бы послушать мой стишок и сказать о нём своё мнение?

– Давай! – великодушно разрешил шатун по чужим квартирам.

И Кулемзин дал:

Словно под марихуаной
чуть подтаял мозг больной:
мне приснился домик странный –
странный звонкой тишиной:
не кричат, играя, дети,
и старушек нет глухих –
словно несколько столетий
в доме не было живых.
Не слышны здесь писки кошки
и задорный лай собак,
и забитые окошки
растворяют полумрак.
Только слышно грохотанье
мной задетого ведра.
Этот дом – моё сознанье
и сегодня, и вчера…

Чтец-декламатор сделал паузу, несколько секунд слушал сопенье Николаича, и потóм,

не выдержав, спросил:

– Ну, как?

Надо заметить, что похмельный саксаульский шишкин вообще ничего не понял из сказанного, но признаться в этом, конечно, не мог, и ответил как Штирлиц, который утверждал, что лучше всего запоминается последнее предложение:

– Гм-гм, по-моему, мне про ведро сильно понравилось.

– Молодец! – неожиданно похвалил его знатный поэт. – Именно ведро и есть здесь самое главное: оно вещественно, и в тоже время пусто. Хороший символ и нашей жизни, и Вселенной вообще...

Как всё причудливо скрестилось:
моё нытьё, ничьё житьё –
во мне Вселенная вместилась,
а я же втиснулся в неё!

И пора бы, наконец, уже было прекратиться всяким звонкам, но, к удивлению литератора, в его квартире перед выходом прозвучали ещё два. Первый, как Кулемзин и предполагал (опять-таки по кем-то установленной таинственной очереди), пришёл от человека незнакомого. Правда, назвать звонком это было сложно – володин телефончик протилибомкал трижды каким-то электронным сигналом, как делал всегда, когда в его механические недра приходили некие сообщения – в основном, (прости, русский язык!) спамовые. Вот и на этот раз Альбионыч с удивлением прочёл короткую строку: «Чёрная икра от производителя! Телефон…». «Ну надо же!», удивился спамополучатель. «Неужели осетрам стали выдавать мобильные телефоны?!»

И, наконец, самый последний звонок – на домашний телефон – вновь пришёл от Полтавцева, который, кстати, уже давно должен был ожидать спонсора коллектива в Бермудском Учпучмаке.

– Серёжа, ты почему ещё до́ма?

– Да, понимаешь, не знаю, чем подошву приклеить.

– Какую подошву?!

– От сандалика отвалилась, – развернул информацию о своей беде Афанасьич.

Не могу сдержать я злобу,
как какой-то дебошир:
разносил свою я обувь
до весьма приличных дыр!

– А у тебя клей БФ есть? – спросил писатель.

– Есть! – радостно завопил потерпевший.

– Вот им и приклей, только быстрее.

– Ладно! А ты, Володя, кстати, не знаешь, в честь какого Бориса Фёдоровича этот клей назвали?

– Кстати, знаю, – легко ответил великий придумщик. – В честь Гитлера.

– К-к-кого? – стал заикаться сторож. – А при чём здесь БФ и Адольф Алоизиевич?

– Так у Гитлера такие инициалы были – Бесноватый Фюрер…

Глава 15. ВЫХОД В СВЕТ

Но, как ни хорошо было Володе в Личном Место-Имении, но он понимал, что ему пора́ выходить в свет, ибо все основные события великого романа «Русская кочерга» случались как раз таки вне дома – или территории Бермудского Учпкучмака, или прилегающих к ним районах.

«Кстати, об Учпучмаке», подумал он. «А ведь я ещё не изготовил очередной лозунг на сегодняшнюю битву!». Он сходил в кладовочку, вытащил оттуда новый лист ватмана и только было принялся за творческую работу, как его остановили страшные звуки, идущие откуда-то сверху – вероятно, из квартиры, расположенной на втором этаже. Вначале это был нестерпимый визг, а потом ритмичное буханье чего-то по полу.

Альбионыч вспомнил, что над ним живёт недавно въехавшая саксаульская семья и, видимо, они решили с утра затеять ремонт. Было чувство, что в соседскую квартиру вселился некий папа Карло, который сначала долго сверлил пол, а потом пустил побегать по дырочкам своего ребёнка. «Что-то рано этот иблис рабочий день начал», подумал литератор, который сам работать не любил, но иногда всё же работал – лишь для удовлетворения своего творческого *эго*.

Я вообще люблю не очень
день с названием *рабочий*,
потому что, как известно,
постоянно, повсеместно
от работы дохнут кони,
и не только... Как я понял,
от неё же мрут и люди –
от тоски унылых буден...
Или будней? Что за слово?!
В общем, не от выходного...
Такова людская доля:
только доза алкоголя
скрасить может, между прочим,
этот гнусный день рабочий!
Вот где истина, ребята,
та, что и коню понятна,
ибо он не пил, бедняга,
а скончался от напряга...

Но наш герой, как уже хорошо известно моему читателю, не пил (в русском смысле) вообще, поэтому легко преодолел возникшую трудность в виде посторонних звуков и через несколько минут изготовил очередной плакат-лозунг для растяжки между двумя карагачами, под условной сенью которых располагался покерный столик со скамеечками. Плакат получился суровым, но Кулемзин подумал, что только такой может правильно настроить похмельную хевру на БЕДУ. И пусть никто не подумает, что покерный гуру неожиданно впал в незапланированную мизантропию, ибо приведённая аббревиатура была всего-навсего расшифровкой простого понятия:

Большой
Единый
День
Удовольствий

Так пусть же порадуется сейчас его (плаката, а не Кулемзина) духовным содержимым любой, кто раскрыл этот двухкилограммовый том на странице 40:

Кто не любит карты,
пиво и Кулемзина,

так тому и надо!

Затем было сделано ещё одно традиционное дело, после чего хозяин квартиры поспешил к зеркалу. Он с удовольствием оглядел печальными, но строгими глазами уставшего апостола свой пластилиновый шар живота и могучую грудную клетку, которую сегодня прикрывала светлая шёлковая рубаха – точь-в-точь такая же, в какой Дэвид Полович Скофилд[30] играл Гамлета Гамлетовича Датского, хотя определение *светлая* было не совсем полным – скорее всего, надетая Володей рубашка имела цвет рахат-лукума, с которого уже слизали сахарную пудру.

[30] Английский актёр, который получил известность блестящим исполнением ролей в пьесах Шекспира. Кстати, в 1955 году он стал первым английский актёром, сыгравшим Гамлета в СССР (б) – прим. театр. редактора

Чукча, выходя из чума,
рожей стал зимы постней:
«Не люблю рахат-лукума –
нерка[31] с пивом всё ж вкусней!»

[31] Самая деликатесная рыба среди лососевых – прим. автора

Затем он поднял перед зеркалом руки и немного повертел головой, пока не убедился: в проймах не тянуло, шею не жало. Выйдя из санузла обратно на волю, писатель подошёл к одному из двух сейфов, имевшихся в его жилище, открыл его, немного помусолил в руках бумажки приятного североамериканского цвета, но со вздохом положил их обратно, а взял с собой лишь несколько купюр-назарбаксов смешной фантиковой окраски.

– Что-то оказался я сегодня с утра в меланхолическом расположении духа, – поделился бедой писатель сам с собой. – А в такие минуты лечит только одно – надо выйти в люди. Нет, не в гости со светским раутом, а как раз в самую гущу бермудского народа…

«Итак, решительно пора́ наконец-то сливаться с массами!», подумал наш герой. «Надо бы помочь этим бедолагам, по бессмертным душам которых жестоко проехали шипованные колёса Суки-судьбы!». Надо отметить, что при столь суровых мыслях лицо земного марсианина сделалось как у мужика перед *подёнщиной*: хочешь не хочешь, а работать надо.

Лишь солнце взойдёт, собирайся в дорогу,
и следом за ним поезжай понемногу:
покуда вернётся оно в небеса,
объедешь ты в 24 часа!

Выйдя из квартиры, Альбионыч чуть не упал: в подъезде стоял устойчивый запах засорившегося клозета, и он тут же понял причину этого катаклизма – дверь его соседки Галины Смирновой (б), а ныне Галлюцинации была приоткрыта, и именно оттуда шла удушливая волна какой-то нечеловеческой вони. Он (Альбионыч, а не клозет) бегом кинулся к подъездной двери, выскочил на улицу и остановился, чтобы отдышаться. Запрокинув голову, он в который раз как бы со стороны увидел своё скромное место обитания на планете Земля и неслышно прошептал:

– Милые сердцу руины…

Прохладный утренний воздух с каждым вздохом, как живая вода, вливался в лёгкие, возвращая нашего героя к настоящей жизни, где светоносными столбами обозначали её два главных символа – некая забава по имени *русская кочерга* и лучшее во Вселенной пи-

во «Тянь-Шань». И вот сейчас он почувствовал, что эта самая жизнь начала властно стучать ему в виски́, как бы призывая к чему-то серьёзному, а также побуждая, воодушевляя и даже мобилизуя!

И тут же мысли литератора были прерваны неким однотипным приветствием разными женскими голосами:

– Драстуй, Володюшка!

И после сто десятой кружки
в мозгах совсем темнеет свет:
«Привет!», кричат ему старушки,
«Пока!», кричит он им в ответ…

Глава 16. ВЫХОД В СВЕТ (окончание)

Ещё перед самым выходом Кулемзин надеялся, что, выйдя из дома, он хотя бы несколько минут побудет в тихой атмосфере Бермудского Учпучмака, протрёт носовым платочком покерный столик и такие же покерные скамеечки, кивком поприветствует карликовую русалку, которая жила в скудной кроне карагача, склонившегося над местом сегодняшних будущих боёв, затем аккуратно разложит на столике захваченные ~~в плен~~ из дома колоду карт, авторучку и *раскладку*. Но, как только что узнал мой читатель в конце прошлой главы, надежды литератора рухнули сразу же после выхода из подъезда.

Раньше, когда он только приехал в новое обиталище на ПМЖ[32], ему казалось, что рядом с подъездом всё время сидят одни и те же бабушки, но потом он убедился, что у них был свой тайный график, потому что дежурство несли человек 6-7, работая как детсадовские сторожа – сутки через трое.

[32] Предпочтительная Магия Жирования – прим. автора

Детский садик охраняю!
От кого? И сам не знаю…

Вот и сейчас писателя хором поприветствовали сразу три старушки-пенсионерки – тётя Надя, тётя Шура и баба Лида. Последняя по возрасту ничем не отличалась от подружек, но все звали её почему-то бабой, то есть бабушкой. На их лицах светилось печальное торжество людей, по долгу ими же придуманной службы соприкоснувшихся с большой (прости, русский язык!) сакральной тайной. Обладающий небывалым воображением Альбионыч даже придумал некий мысленный прибор под претенциозным названием *бабкометр*, которым определял состояние погоды, не выходя из до́ма.

Подойдя к окну, Володя просто пересчитывал по головам очередных пенсионерок и тут же измерял погоду в *бабках*: если сидела всего одна старушка, значит, это была обязательная при любой погоде дежурная, и потому на улице сейчас было ветрено, сыро и холодно, если две – значит, погода стояла переменчивая, а если три или больше – встречай погожий летний денёк! Но никогда не случалось такого, чтобы с утра лавочка перед его подъездом была пуста – если бы такое когда-нибудь привиделось, можно было бы смело утверждать, что на планете началась ядерная война и все старушки стройными рядами и колоннами пошли записываться в ополчение.

Говорим мы без апломба,
хоть война нам не нужна:
«Пусть кидает враг нам бомбу –

нам, столетним, не страшна!»

Поздоровавшись с дежурными по 31 августа 2003 года, почётный гражданин квартиры № 4 (500) до́ма № 17 второго микрорайона города Отцеябловска внимательно ознакомился с объявлениями на фанерке, прибитой рядом с входной/выходной дверью подъезда, и в который раз удивился, что здесь не переводились бумажки с надписью

, но при этом он ни разу не видел ни одного объявления со словом НАДЕНУ!

– Я люблю свой край, – пробормотал объявлениеизучалец. – На нём стоит моя хата, – после чего ещё раз оглянулся и с тоской посмотрел на родное жилище: печать разрухи желудочными потоками и рваными ранами швов на фасаде его до́ма утверждали, что молодость прошла, а пора зрелости может закончиться внезапно.

Сделав три шага по направлению к Великому Игровому ▲, марсианин своим писательским взором заметил, что город уже отправился в ежедневный путь – в слабых потугах стать столицей мира. Бекровное, остеклённое солнце теснили взъерошенные облака́. Несколько загоревших за лето трудящихся, у которых наверняка была рабочая смена даже в воскресенье, с кислыми рожами провожали уходящую тёплую пору, спеша на трудовую вахту.

Ох, жизнёха тараканья:
хоть живу я как в аду,
приступлю без опозданья
к вдохновенному труду!

И всё-таки покерный гуру неостановимо приближался к цели своего короткого путешествия. По дороге он думал о том, что географически Отцеябловск находился на краю этого сраного света, то есть в центре Азии, ну, а уже на окраине Отцеябловска, как хорошо известно моему читателю, находился второй микрорайон, в центре которого и расположился Бермудский Учпучмак.

Пройдя мимо СС, или Старушечьего Столика, пока ещё необжитого по причине раннего времени, Альбионыч заметил забытую кем-то из дворовых детей лопатку. Она была старая, явно советского (б) изготовления – тех времён, когда даже фабрики детских игрушек имели мобилизационный резерв на случай войны, поэтому и игрушки ковали из того же материала, который в *день Х* пошёл бы на ну́жды армии: детские грузовички выхо-

дили пуленепробиваемыми, а лопаточки были как шанцевый инструмент в миниатюре – увеличь допуски и припуски, и выйдет стандартная армейская МСЛ[33].

[33] ***Малая сапёрная лопатка – прим. воен. редактора***

Непонятно почему, но травка в бермудском ареале была усеяна кузнечиками, которые, завидев поэта Кулемзина, весело застрекотали, словно предчувствуя, что он когда-то вставит в одну из своих книжек весёлый стишок именно про них:

В траве сидел кузнечик –
разглядывал узбечек:
стеснялись те узбечки,
бельё стирая в речке!

При взоре на этих маленьких прямокрылых насекомых подотряда длинноусых мысли литератора сразу же пошли по неожиданному руслу: «Кузнечики, насколько я помню, прыгают на расстояние в 5 раз больше длины тела – они, если так можно выразиться, *заточены* под прыжки, это их стихия, их жизнь, ведь прыгая, кузнечики ощущают, что нужны себе и окружающим. Но ведь люди не кузнечики, и под прыжки не заточены! Для того, чтобы прыгнуть, человеку нужна веская мотивация! К тому же, согласно законам физики, прыжки делятся на 5 направлений: вперёд, назад, в сторону, вверх и вниз…»

Правда, поглядев на самую активную часть народонаселения Великого Саксаульского Треугольника, которые уже вовсю осуществляли свою деятельность, знатный энтомолог неожиданно почувствовал себя большим учёным, ибо открыл ещё один вид прыжков – прыжки дворовых детей, которые могли совершать их одновременно во всех направлениях сразу! А, может быть, так ему только показалось…

После разглядывания детских лопаток и кузнечиков, находящихся в плоскости зрения чуть ниже горизонта, наш герой почувствовал желание бросить взор выше, но опять не смог, ибо прямо под его ногами (снова внизу!) в который уже раз оказалась какая-то изорванная бумага, коя под его подошвами волоклась по траве с тихим марсианским шорохом. «Где же Надя?», подумал самопровозглашённый хозяин игровой территории. «Где же эта неутомимая труженица метлы и детской тележки, превращённой в мусороприёмник на колёсиках?»

Хочется покоя,
чуточку тепла,
но повсюду листья,
а в руках метла!

И вот наконец Кулемзин резко поднял взор вверх, минуя средний срез протекающей мимо эпохи. И лучше бы он этого не делал, ибо то, что увидел марсианин, наполнило его сердце печалью: во-первых, он заметил, что на деревья и кусты уже легла пожелтевшая печать завтрашней календарной осени, и, во-вторых, увидал картинку в одном из окон второго этажа дóма № 16, где проживала уже как-то упомянутая разведёнка Тамара. И то, что Володя увидел, не могло не отразиться строками его пронзительной поэзии:

Она проснулась, потянулась
и голой подошла к окну:
полсотни мужиков свихнулось,
полсотни вытерли слюну,
«КамАЗ» «Чероки» въехал в дверцу,
свинтился в штопор вертолёт,

схватился в скверике за сердце
седой, почтенных лет народ,
случилось в озере цунами,
вулкан изверг поток страстей,
стояли с вздутыми штанами
у дóма дядьки всех мастей,
сошёл с орбиты спутник малый,
на дубе вспучилась кора!

♠ ♠ ♠

Она зевнула и сказала:
«Дебилы! Всё, как и вчера...»

После чего он отвёл глаза ниже и наконец-то разглядел то, что давно хотел увидеть: как раз посередине того, что зовётся верхом и низом бытия, сейчас просматривались некие размытые фигуры, которые, казалось, колышутся от ветерка, словно утопленницы на дне морском, и понял, что эти фигуры принадлежат сразу пятерым героям романа «Русская кочерга»

«Прямо какой-то *мудожественный* совет!», – подумал Альбионыч. «Картина неизвестного художника «Молчащие и скорбящие», но всё-таки поздоровался с больным коллективом вслух, мягко поприветствовав партнёров по будущим сражениям:

– Здорóво, постсоветское отродье!

– Дрась, дрась, дрась, – каким-то новым русским неприличным словом ответили ему больные из одной палаты.

– А чего так не дружно, яйчики-бабайчики? – попенял он своим друзьям и Нуртаю.

Глава 17. СТРАШНАЯ УТРЕННЯЯ СКАЗКА

Ответа на свой вопрос Володя почему-то не дождался и, наверное, поэтому решил попристальнее приглядеться к персонажам. И не подумай, мой читатель, что наш главный герой вот так несколько пренебрежительно отзывается о своих товарищах по *русской кочерге* – вовсе нет! Просто даже минутное изучение тех, кто сейчас, по его мнению, не мог называться гордым биологическим словом *прямостоящий*, практически утвердило его во мнении, что перед ним стоя́т не живые люди, а какие-то литературные персонажи, которые сейчас пришли сюда только для того, чтобы навек зафиксироваться в каком-нибудь крупном произведении какого-нибудь крупного писателя.

Назло зловредным геморроям
забуду я былую грусть,
ведь так мечтаю стать героем –
пусть не по жизни, в книжке пусть!

А, может, и не слишком крупном произведении, а некоей страшной утренней сказке, которая и займёт в нашем повествовании каких-то пять глав. Здесь, чтобы персонажи не слишком мешали своему же неспешному описанию, марсианин применил уже известную читателю нехитрую технологию родной планеты, которая без ущерба для личности и здоровья, включая психическое, а также потери времени жизни, заставляла замереть окружающий мир на неопределённое время. Так что литератор, которому было просто необходимо набираться впечатлений для своего последнего тóма, улыбаясь, стал внимательнее приглядываться к своим невольным (прости, русский язык!) инклюзам[34].

[34] ***Ископаемые остатки живого организма (как правило, насекомых), попавших в янтарь – прим. биол. редактора***

А улыбался он, конечно же, не из-за открытого садизма, а просто от светлого воспоминания, что на его родине Марсе янтаря не было вообще, а, значит, и инклюзам не из чего было образовываться. А вспомнив, как выражались земные жители, *красную планету*, русскому марсианину пришёл на память свой стишок, который он незатейливо назвал

Чужой среди чужих

Земная жизнь – чудесный фарс
в большой каменоломне.
Но помню родину я – Марс,
а лет земных не помню.
Ни там, ни там ни суд, ни ссуд,
ни даже укоризны.
Я стылым космосом швырнут
для продолженья жизни.
Я под стеклом и на стекле
как бог сформировался:
я марсианин на Земле,
и чёрт-те кто на Марсе…

Приглядевшись к качающимся персонажам, писатель понял, что были они, конечно, людьми разными, но некое их общее проглядывалось настолько ясно, словно бы он разглядывал их не просто глазами, а глазами, вооружёнными телескопом. Например, рожи. «Да, если одна из таких приснится», подумал он, «то и до *дурки* будет недалеко…»

Вторым общим признаком, что перед ним не просто коллектив, а коллектив, сплочённый общей идеей, было… как бы это поточнее выразиться… некое *нутротрясение*. Было видно, что каждого из пятёрки не просто бьёт известный всем русский утренний недуг, а колбасит, плющит и даже кондубарасит! Он вспомнил, как однажды с утра задал простой вопрос военному музыканту:

– Что у тебя стряслось, Талгат?

На что получил не менее простой ответ:

– Да, ты знаешь, ёкарный друг, уже всё трясётся…

И глядя на сегодняшнюю коллективную трясучку, Володе пришли в голову одновременно две мысли, причём, автор подчёркивает, что одна была лучше другой. Первая из них была такая: «Нашему человеку для счастья явно не хватает всего лишь каких-то 0,5 промилле алкоголя в крови», а вторая даже потянула на некий афоризм, поэтому в нашей книге она навсегда останется на этой странице 49 вот в таком виде:

Лучшее обезболивающее –
это обезглавливающее…

Я, друзья, совсем не злой –
сердце повелело:
«Тыкву надо с плеч долой –
чтобы не болела!»

Но, как пишет в своей книге «Всё, что надо знать о жизни» уже хорошо знакомый читателям профессор Фекалин, с которым наконец-то они познакомились[35], «жизнь удивительна и разнообразна, как коммунальные платежи». И он же в одной из своих книг, ко-

торые тщательно изучал писатель Кулемзин, дал некий рецепт всеобщего счастья, страшно понравившийся Володе, – расстрелять всех несчастных, а потом устроить среди оставшихся счастливых лотерею: кто из них счастливее других!

[35] О посещении этого персонажа покерной хевры – в главе 214 шестого то́ма романа «Русская кочерга» – прим. гл. автора

Альбионыч знал, что жалеть этих пропитонов надо крайне осторожно, ибо затянувшаяся жалость в виде нескончаемых бутылочек похмельного пивка могла привести к необратимым последствиям, поэтому применял к этим персонажам старый проверенный метод кнута и пряника – кстати, издревле самый популярный сначала на Руси, а потом и во всём СССР (б) с его многочисленными республиками. Но сама специфика метода, который избрал для себя покерный тиран, заключалась в том, что для поощрения своих товарищей он применял не просто пряник, а настолько засохший, что им при случае можно было избить хуже чем кнутом!

Нет ничего кнута больней,
и спорить с ним – себе дороже,
но пряник есть за пять рублей –
он подсластить пилюлю может.
Пойду как минимум крепчать,
как максимум – готовить тело
под кнут, чтоб сильно не скучать,
кусая пряник между делом…

Чаще всего этот метод выглядел так: наряду с *опохмелениумом*, что, несомненно, выглядело пряником, он читал больным головами членам коллектива некие лекции о вреде алкоголизма, которые для них были куда как хуже мифического кнута. Кстати, такая лекция у Володи была запланирована и на сегодня, но об этом – немного позже.

Но, сами понимаете, такое разглядывание коллектива не могло продолжаться вечно. Вначале *больные из одной палаты* стояли молча, но потом начали потихоньку роптать, а затем даже раздались и первые внятные слова, правда, произнесённые хриплым (не иначе как пропитым и прокуренным) голосом, что догадаться, кто их произнёс, можно было только по присказке, которая в нашем повествовании свойственна именно этому герою:

– Володя, царица лесная, а у тебя лишних денежек нет?

Сердце в боли изнывает,
вместо глаз – оно бельмо…
Лишних денег не бывает:
все нелишние – в сельпо!

– Серёжа, а в чём кроется секрет твоего утреннего любопытства? – по еврейски – вопросом на вопрос – ответил спрашивальцу литератор.

– Да это я так, – засмущался охранник. – Для зарядки бодрости…

– Ах, вот в чём дело! Тогда продолжим допрос. Как говорят индийские психоаналитики: «Вы хотите станцевать об этом?»

– Нет, нет! – выкрикнул Афанасьич. – Я сейчас танцевать не могу!

Потом «подумал» пару секунд и добавил:

– Ну, если только после восьми-девяти-десяти бутылочек «Жигулёвского»…

– А после одиннадцати? – поинтересовался главный бермудский садист.

– Ну, тогда хоть краковяк! – пообещал уроженец деревни Семижопино, видимо, вспо-

мнив своего деда Михея, которого после литра самогона собственной выгонки пробивало именно на народные танцы – да ещё с народными песнями типа «Вдоль по Питерской» или «Ой, мороз, мороз»

– Ёперный Володя, – вдруг пробился к сознанию писателя ещё один голос, совершенно не отличимый от первого, если бы не другая присказка: – Давай уже что-нибудь быстрее покупать!

– В смысле? – сделал удивлённое лицо марсианин.

– В смысле отнесись к людям так, как хочешь!

«Что же он имеет в виду?», напрягся Кулемзин, но тут же услышал продолжение:

– Потому что ни хрена́ ёкарные они не будут относиться к тебе так же, как относишься к ним ты!

– Эко ты загнул, Талгат! – с уважением покачал головой писатель, который давно мечтал подняться до таких высот философии. – Считай, что лишние 196 граммов пива «Маршал» ты уже заслужил…

Без какой-нибудь шпаргалки,
не какой-то там дебил,
проявил сержант смекалку –
и майора перепил!

И тут раздался третий голос – на этот раз без знакомой присказки:

– Вяжи балет, братан[36]…

, по которому Володя сделал сразу два вывода: во-первых, опознал в говорившем старшего джуса Митрохина, и, во-вторых, запоздало понял, насколько же башковитым оказался этот с виду неказистый паренёк.

[36] Кончай смеяться – феня

Глава 18. СТРАШНАЯ УТРЕННЯЯ СКАЗКА (продолжение)

И только после этих коротких диалогов Володю словно пробило ломом – он внезапно понял, что не давал команды *отмереть* своей марсианской технологии. А как же тогда произошло то, что произошло?! И понял марсианин, что есть на Земле сила покруче всех инопланетных технологий – это сила русского похмелья! А в том, что не только этнические русские Полтавцев, Муравлёв и Митрохин, но даже саксаулец Курманбаев и татарин Батыршин больны именно этим нередким для постсоветского пространства заболеванием, сомневаться не приходилось!

И понял писатель ещё одно: именно ему, как в своё время Брюсу Дэвидовичу Уиллису, придётся в очередной раз выступить в роли спасителя если не всего человечества, то некой его части, хорошо знакомой нашему читателю.

Какой-то вирус снова вылез –
то ль шанкра, то ли гонореи,
но вновь спасает мир Уиллис,
как фталазол от диареи!

И всё-таки за то короткое время, когда его космическая технология ещё работала, Кулемзину удалось не только хорошенько разглядеть, как сегодня выглядят его товарищи по покерной хевре, но и успеть поместить свои впечатления от увиденного в запоминательный центр, снабжённый специальной кнопочкой safe[37], хотя это увиденное могло легко разместиться в неком хокку, искусством составления которых наш поэт владел в совершенстве:

Никаким не владею
я в мире добром,
кроме скорби…

[37] ***Сохранить – англ.***

И, так как действие сейчас происходило не за покерным столиком, то Альбионыч, помимо визуального разглядывания своих персонажей, легко проникал в их мысли и даже воспоминания, и вовсе не для того, чтобы узнать о них что-то новое (это к седьмому-то тому! – Вл. Г.), а исключительно для того, чтобы читателю было всё интереснее перелистывать эти ~~весёлые~~ тяжёлые странички.

Наконец будущие бойцы покерного фронта кое-как выстроились по никому не установленному (прости, русский язык!) ранжиру, и стали напоминать литератору команду, собравшуюся на спортивную ходьбу в секторе для метания молота. Номером 1 в этом покачивающемся ряду стоял Афанасьич, и первое, что бросалось в глаза, было его сегодняшнее стремление к празднику, что выдавал располневший от постоянной голодухи полтавцевский «торс», завёрнутый в серый пиджачок из ткани «40 лет Киргизской ССР (б)»

Считаю я свои потери,
весь превратившися в мишень:
пиджак купил в СССРе –
ношу его по сей я день!

Но пиджачок охранника был лишь частью «костюма», ибо нижнюю половину персонажа венчали широкие штаны из того же материала, которые при перетоптывании владельца хлопали, как знамёна на параде.

Дополняли выходной наряд страдальца старые разбитые башмаки системы «Made in Uruypinsk» и фуражка то ли лесничего, то ли путейца. Володя, внимательно оглядев сегодняшнее обличие сторожа, тут же решил: не может быть и речи о том, чтобы и дальше ходить в этом непотребном изделии, сработанном не портным, а, скорее, сапожником, решившим отдохнуть от надоевшей работы, после чего хмыкнул:

– Знаешь, старичок, костюм не коньяк, – от возраста лучше не становится.

– Коньяк, мать честнáя? Какой коньяк? – ничего не поняв, раздул ноздри уроженец деревни Семижопино. – Ты что, прямо с утра хочешь начать?

– Хочу, яйчики-бабайчики. Только не то, что ты подумал…

Повторное желание удавиться возникло от вида солдатских ботинок бывшего текстильщика системы «Прощай, молодость!», и только для того, чтобы больше их никогда не видеть.

– Что-то меня трясёт всего, – пожаловался Полтавцев.

Сидя в байковой[38] коляске,
понимаю, весь кипя:
организм трясёт от тряски –
персональной, для себя!

[38] ***От англ. bike – мотоцикл***

– И это не удивительно, – утешил его энциклопедист. – Ты же знаешь, что каждый наш внутренний óрган имеет свою частоту колебания. А у тебя сейчас, как я полагаю, колеблются сразу несколько óрганов…

– Нет, – твёрдо ответил сторож, – только один – это мой мозг!

Все дружно посмеялись над нелепым словом.

– Знаешь ли ты, старичок, что в Японии при чайной церемонии на ногах обязательно должны быть накрахмаленные белые носочки?

Афанасьич опустил взор вниз, но в растоптанных ботинках никаких следов носков не обнаружил вообще. Потом немного подумал и смело парировал:

– Так мы же и не чай здесь собрались пить!

Крыть было нечем.

– Голова болит, царица лесная! – неожиданно пожаловался он.

– За страну? – поинтересовался писатель.

– Нет, после вчерашнего, – признался сторож. – А булькает почему-то в брюхе…

Писатель, никогда не чурающийся самых маленьких нюансов человеческой природы, прислушался и действительно услышал, как, судя по звукам, бабочки в животе страдальца устроили утренние гонки на французских тракторах «Massey Fergusson 7619». Альбионыч хорошо помнил не совсем понятное выражение своего покойного тёзки Достоевского о том, что, дескать, красота спасёт мир, и теперь, глядя на охранника, думал, что в плане спасения мира именно на такого индивида надеяться не сто́ит.

Мне не нужно партбилета,
с ним не нужно погибать:
пусть провалится планета, –
дайте пива мне 0,5!

Зато в этот момент только что упомянутому индивиду страшно повезло: у него внезапно сработал некий участок тыквы, отвечающий непонятно за что, и он вдруг понял, что такое живая и мёртвая вода: мёртвая вода – это вчерашний самогон его деда Михея, а живая – это сегодняшний дедушкин рассол!

Затем память страдальца за идею ВАЗ, или **В**сеобщей **А**лкоголизации **З**емли, сделала ещё одно усилие, заставив другой участок полтавцевской тыквы вспомнить сегодняшнее утро. А началось оно со звонка каким-то неведомым людям, когда Серёжа твёрдой рукой поднял трубку, твёрдым пальцем набрал номер и твёрдым голосом проговорил:

– У вас есть этот, как его, пропенис?

– А про пенис что – это вам научно-популярную литературу или просто анекдот рассказать? – раздался в трубке ласковый девичий голос.

– Да мне бы горло прополоскать, – объяснил экс-текстильщик. – А то вдруг Вовка позво́нит…

– А-а-а, понятно, – не удивившись какому-то Вовке и неправильному ударению, обрадовалась телефонная барышня. – Для горла вам, скорее всего, прополис нужен. А чтобы он появился в вашей квартире прямо сейчас, проделайте следующее: встаньте на четвёртую ногу, возьмите средней рукой заднее ухо и покрутите так, чтобы услышать хрустальный звон под верхней коленкой.

– Что?! – вскричал сторож и тут же… проснулся.

А автор в этом месте должен заметить, что это был не единственный страшный сон за сегодняшнее утро.

Мне в тыкву словно три вонзилось лома –
внутри как будто тлеет толуол[39]:
ведь снится мне не рокот космодрома,
а ящик водки, хряснувший об пол!

[39] ***Бесцветная подвижная летучая жидкость с характерным запахом, проявляет наркотическое действие – прим. хим. редактора***

Глава 19. СТРАШНАЯ УТРЕННЯЯ СКАЗКА (ещё одно продолжение)

Еле отойдя от мифического звонка, сторож внезапно испытал знакомое чувство голода, кое-как поднялся и направил кривые стопы к холодильнику, испытывая по дороге некое предчувствие того, что если в агрегате ничего не было с вечера, то с утра там тоже не прибавится. И предчувствие, как писали в плохих романах XIX века, его не обмануло: мало того, что холодильник, видимо, за ненадобностью, а также в целях экономии электричества, был вообще отключен от розетки, так внутри него, куда на всякий случай заглянул охранник, было темно, холодно и страшно. И только маленькая мышка на средней полочке тихо и нежно напевала грустную песенку, мастеря из колбасной верёвочки пéтлю.

Прочитал однажды в книжке
я такой научный блеф:
в «ЗиЛ-Москва»[40] повисла мышка,
ибо он – не «Rosenlew»[41]!

[40] ***Холодильник «ЗиЛ-Москва КХ-240» выпускался заводом имени Лихачёва с 1960 по 1969 го-ды – прим. тех. редактора***
[41] ***Финский бренд, под которым с 1853 года и поныне выпускается бытовая техника, в том числе знаменитые холодильники этой марки – прим. тех. редактора***

Видéние мышки неожиданно породило странную мыслишку: «А тот ли человек сегодня проснулся в моей квартире?». Бывший семижопинец, как ему показалось, ускорил движение по направлению к совмещённому санузлу, где на стенке между ванной и унитазом висело грязное зеркало. Он щёлкнул выключателем, но тот почему-то не сработал, и Афанасьич в неверном свете, падающем из коридора, увидел в зеркале какого-то страшного гражданина с лицом густого фиолетового оттенка. Тогда он решил повторить попытку с выключателем, и на этот раз всё прошло удачно, так что через полсекунды рожа незнакомого гражданина стала жёлтой, словно у опиумного наркомана, который занимался своей пагубной привычкой не меньше чем 40 лет. Причём, мысль о наркомане, отразившемся в честном стекле, мелькнула не только у автора романа, но и у самогó хозяина халупы, да так сильно и резко, что он даже вспомнил странный стишок своего друга Кулемзина – как раз на эту тему, который тот, как утверждал Володя, написал под влиянием одного помещика всё того же XIX века:

Однажды в осеннюю жаркую пору
я из лесу вышел, шёл четко на ост[42].
Гляжу, поднимается медленно в гору
жирафа, несущая белку за хвост.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
жирафа держала свой курс на восток, –
в больших сапогах, в полушубке овчинном,
при галстуке, в шляпе, да круп без порток.
Слегка удивившись такому наряду,
решил любопытство своё разрешить –
догнал и пристроился с правого ряду:
«Простите за наглость, дозвольте спросить»
«Валяй!», отвечала мне белка вальяжно,
«Ступай себе мимо!», промолвил жираф,

в добавку такое загнул трёхэтажно,
что понял я сразу: ведь в корне не прав!
На эту картину так солнце светило,
и к горлу подполз неприятный комок,
ведь двух мухоморов вполне бы хватило,
надеюсь, усвоить жирафий урок…

[42] От нем. Ost – восток как сторона света

«Как же я такой людя́м покажуся?», послышалось в голове Афанасьича его же голосом. А вот если бы здесь сейчас был Альбионыч, то он всего по двум признакам – странному ударению пятого слова и флексии[43] шестого – сразу бы понял, что это был внутренний голос сторожа. Не зная, как утихомирить больную голову, Серёжа прошёл в зал и обрадовался, так как его взор наткнулся на телевизор. «Может, отвлекуся?», радостно подумал охранник и, достав из тумбочки плоскогубцы, включил электроприбор, который, правда, через несколько секунд неожиданно выключился без помощи слесарного инструмента, но Полтавцев успел захватить конец рекламной фразы по какому-то каналу: «Приобретайте в нашем магазине деловые аксессуары для деловых людей!»

[43] От лат. flexio – «сгибание, переход голоса» – окончание в русских словах – прим. филол. редактора

«Какое красивое слово!», восхитился страдалец. «Вот бы ещё узнать, что оно означает», после чего решил позвонить Кулемзину.

– Володя, – дозвонившись, но не поздоровавшись, обратился он к писателю. – Скажи: вот ты, мать честна́я, деловой человек?

– Безусловно! – порадовал его ответом Альбионыч, который ещё недавно был ИП[44].

[44] Индивидуальный предприниматель. Об этом в главах 6-7 первого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

– А у тебя есть деловые сексусуары?

– Конечно, – вновь подтвердил деловой марсианин. – Причём, у меня их много: это и часы, которые я, признаться, не ношу, и галстук – для одноразового получения Нобелевской премии, и зажим для этого галстука, и бумажник, хотя я больше люблю носить назарбаксы в кармашке рубашки, и портфель, который я, повторно призна́юсь, тоже не люблю – после прочтения пьесы моего тёзки Маяковского «Клоп», и ручка, которую мне подарила одна поклонница из ФРГ, и даже (прости, русский язык!) парфюм – в виде специального непитьевого одеколончика «Фаренгейт»

Ну, ни грамма, ни галлона –
словно я вообще сухой –
я не пью одеколона:
слишком, гад, он дорогой!

– А какой у тебя самый любимый сексусуар? – с удовольствием повторил новое для себя слово охранник.

– Да резиночка, яйчики-бабайчики! – свободно ответил Володя.

– К-к-какая резиночка, царица лесная? – начал заикаться бывший текстильщик, хотя заикаться в это утро не предполагал.

– Да которой я пачечки денег перетягиваю, – ответил деловой абонент.

После этого он решил разъединиться с неугомонным вопрошальцем, ибо уже начал собираться на улицу. Но не тут-то было, ведь тут же последовал новый вопрос:

– А ты что сейчас читаешь?

– Да бегущую строчку в телевизоре, – с раздражением ответил писатель – Такая, знаешь ли, интересная!

– Да? – удручённо спросил Афанасьич. – А у меня телевизор не работает.

– Сочувствую, – без доли сочувствия ответил покерный гуру.

– Так когда встречаемся? – задал последний в это утро вопрос любопытный Серёжа.

– В час икс, – ответил Альбионыч. – Кстати, а как ты живёшь?

– В смысле? – не понял похмельный.

– Я имею в виду, как Раскольников? – предположил марсианин.

– Эт' как? – насторожился Полтавцев.

– Ну, в смысле бедный, но гордый.

– Ага, – обрадовался Серёжа, – бедный! А гордый – это как?

– Понял, – сказал Кулемзин и повесил трубку.

А уроженец деревни Семижопино неожиданно вспомнил любимую песню его покойной бабушки Федóры, под которую он, наевшись за ужином редьки с квасом, с трудом засыпáл в годы его беспокойного советского детства, а, вспомнив, тут же пропел её – безо всяких слушателей:

«Ты зачем совершал преступленья,
клеветал на наш ленинский строй?!»
«Срать хотел я на вашего Ленина»,
отвечает им юный герой.
«Пусть мне очередь в лагерь настала,
лагерей и тюрьмы не боюсь, –
скоро стая акул капитала
растерзает Советский Союз!
И свободного общества образ
скоро всем нам откроет глазаю
И да здравствует частная собственность!»,
он, зардевшись, в лицо им сказал.

Глава 20. СТРАШНАЯ УТРЕННЯЯ СКАЗКА (и ещё одно продолжение)

Следующим по ранжиру за Полтавцевым стоял его сосед по лестничной площадке, а с недавних пор и соратник по команде «Покерный Корпус»[45] педагог Курманбаев. Как говорил о нём пересмешник Кулемзин, у Нуртая была типичная наружность советского руководящего плебея. Вот и сейчас он выглядел как мастер спорта международного класса по недовольным рожам, хотя причины такого недовольства крылись во вчерашнем разнузданном поведении самогó коммуниста, который, следуя «Моральному кодексу строителя коммунизма», много пить не любил, но не мог же он не возглавить это никем не объявленное социалистическое соревнование!

[45] Об этих командах – в главе 112 пятого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

В нашем повествовании уже не раз говорилось, что Володя не любил Мусаича, но вот сейчас пора сказать и о том, что он его просто презирал – за многие поводы, которые ленинец давал своим поведением среди учпучмакцев. Глядя на педагога еврейского коллед-

жа, Альбионыч полагал, что некоторым партийным работникам за вредность надо давать молоко, а вот таким, как Курманбаев, – молоко с селёдкой! И вот это презрение к своему «товарищу» по покерному промыслу однажды даже вылилось в афоризм, который очень скоро широко шагнул в народ, да так в нём навеки и застрял:

Презрение следует расходовать экономно –
ввиду большого количества желающих!

Презрения побереги посевы –
кому попало дать не пожелай,
не распыляй направо и налево,
а только одному ты их отдай!

Покерный гуру быстро оглядел Нуртая, будто провёл *бесконтактный* обыск, и заметил, что тот попытался изобразить привычную эмалированную улыбку, правда, вместо неё у педагога получился типичный комсомольский оскал.

– Привет, Володя, мать моя партия, – произнёс саксаульский большевик и слегка склонил голову, как это делали гангстеры в американских фильмах, когда хотели сойти за порядочных людей.

– О, явление *иблиса* народу! – ответно приветствовал его писатель.

Улыбка Курманбаева тотчас пожухла и скукожилась, словно дама червей, сгоревшая в покерной битве со старшими козырями.

– Так ты что, яйчики-бабайчики, сегодня не с того *фенщуя* встал?

– Д-д-да.

Собственный заикающийся голос показался коммунисту чужим и немного похожим на карканье вороны, умирающей от несварения желудка.

– А, может, ты кумыса перебрал или просто закопался в собственном подсознании? – поинтересовался литератор, после чего Нуртай начал пробивать народ *на слезу.*

Сделал вид, что сейчас околеет,
что лежит он, подстреленный влёт
но его ни один не жалеет,
потому что все знают: он врёт!

Как бы легализуя свой фальшивый бронхит, он демонстративно сунул в рот оранжевый леденец от кашля, предварительно любовно его обдув от крошек печенья, что своровал с муравлёвской кухни ещё позапозавчера[46]. Леденец тут же неприятно захрустел на зубах, превращаясь в мелкие, словно стеклянные, осколки, сквозь которые начали пробиваться неуверенные слова́ о тяжёлом детстве, в котором маленький Курманбайчик ещё в 4 классе нажил страшную грыжу, выполняя план по сдаче металлолома, из коего предстояло изготовить именной танк «Саксаульский пионер»

[46] Об этом преступлении – в главе 181 четвёртого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

Ему было очень плохо, и даже не из-за похмелья, а потому, что он знал, что его никто не любит, к тому же, ссылки на тяжёлое детство влияния на этих чёрствых людей не возымели. Плохо было и из-за того, что педагогу всю ночь снились нехорошие сны.

Вначале ему приснился вполне приличный сон: он увидел гипсовый памятник своему кумиру Ленину, которого главный бермудский преступник от идеологии Кулемзин называл Ильич I. Странным было то, что председатель Совнаркома был одет в форму гаиш-

ника, в руке держал полосатый жезл, и с присущей ему хитрецой выглядывал из засады на дорогу. В гипсовых глазах вождя словно бы навечно застыл актуальный и поныне вопрос «Как нам реорганизовать Рабкрин[47]?». Затем Ильич I, как это вдруг случается в снах, внезапно превратился в Ильича II, то есть в Брежнева, который выбросил гаишный жезл в кусты, ибо его руки оказались занятыми рюмочкой и бутербродом с чёрной икрой.

[47] Рабоче-крестьянская инспекция. Существовала в СССР (б) в 20-30-е годы прошлого столетия – прим. ист. редактора

Он знал, что живёт на эпохи разломе,
и верил в советский кривой анекдот:
«За Брежнева Лёню в Талгарском[48] райкоме
последний инструктор вам пасть разорвёт!»

[48] Райцентр Отцеябловской области – прим. геогр. редактора

Второй сон тоже начинался вроде бы прилично: Мусаич видел себя сидящим в высоком чиновничьем кресле – за столом, на котором теснились 17 цветных телефонов, связывающих его с разными инстанциями, и составлял личный комплексный план на текущую пятилетку. И в это время, отталкивая толстую секретаршу почему-то в мини-юбке, в которой он успел узнать свою жену-уйгурку, к нему в кабинет ворвался какой-то знакомый здоровяк, обмотанный пулемётными лентами и с измазанной грязно-болотными полосками рожей. Здоровяк вплотную подошёл к большевику и заорал на него:

– Мне нужны все твои деньги!

– А-а-а, так ты Терминатор, мать моя КПСС? – узнал его ответственный работник.

– Нет, я бюджет Саксаулии! – ещё громче заорал пришелец и стал целиться в Нуртая из базуки.

Но на этом ужасные сны не окончились. Уже под самое утро Курманбаеву приснилось заседание ЦК КПСС, где он с умилением разглядел всех руководящих товарищей, портреты которых изучал каждый вечер перед тем, как лечь спать, ибо они были присобачены на внутреннюю сторону двери его спальни. Эта часть сна была ещё хорошей, а вот потом ему показали сплошную непотребщину: руководящие товарищи вдруг бросили свои доклады и стали доставать из портфелей выпивку и закуску, а к самому́ Нуртаю подлетели три официанта… Впрочем, об этом лучше расскажет короткий стишок:

Вот бочку водки мне подносят
три здоровенных мужика
и задушевно меня просят
поднять бокал за наш ЦК!

Не лучше стало и после просыпания: он услышал визгливый голос жены, которая была очень недовольна его алкоголическим поведением в последнюю неделю, и с этой тяжёлой семейной драмой её примиряло только то, что она знала наверняка – пьёт муж не на свои, а на деньги толстого соседа Кулемзина.

– Нуртай, вставай, пора завтракать, – позвала она его из кухни, на что он резко, как и полагается ответственному работнику, ответил:

– Ты сидишь на моей шее, мать моя КПСС, выносишь мне мозг, пьёшь мою кровь! А вот теперь смотри, чем это для тебя сейчас закончится...

– Дорогой, ты что-то мне говоришь? – раздался голос супруги.

– Нет-нет, дорогая, это я собираюсь, мать моя партия, прихлопнуть комара!

«Надо бы с ней серьёзно поговорить!», решил Мусаич и даже ещё раз открыл для этой

цели рот, но вместо связного предложения выдавил из себя лишь несколько бестолковых букв, из которых, к его ужасу, можно было составить всего два сло́ва – пиво и покер.

Нехи́тры счастья лабиринты,
где растворяюсь я до дна:
колода карт и пива пинта[49] –
до смерти радость лишь одна!

[49] Единица объёма в английской системе мер. Практически ничем не отличается от русского 0,5 литра, только в английской пинте пива перелив – 0,56 литра, а в американской недолив – 0,47литра – прим. автора

После этого преподаватель еврейского колледжа бодро соскочил с постельки, сделал лицо максимально заурядным, словно бельевая пуговица, и, жеманно приседая на ходу, как лама, поспешил вначале в туалет, а потом и на кухню, где с государственной сосредоточенностью вначале почистил морковку и сожрал её в один присест, а потом доел недоеденную кем-то из детей котлетку.

И в этот момент его кто-то подтолкнул сзади, так что котлетка, которую полагалось пережевать ещё 14 раз, тут же провалилась в отвисшее брюшко коммуниста. Оказалось, что котлетку не доел его сынок, который отлучился, услышав звуки сработавшего скайпа.

– Ака[50], зачем ты сожрал мою котлетку? – заорал он на родителя голосом не менее визгливым, чем у мамы, – словно сельский пономарь перед рождественской литургией.

[50] Отец – сакс.

– Сынок, ты что, с ума сошёл? – возмутился партийный родитель.

– Папа, я есть хочу! Папа, я есть хочу! Папа, я есть хочу! – заныл сынок.

– Стыдись! Я в твои годы хотел быть космонавтом! – нелогично попенял он отроку и отправился собираться на воскресную битву с силами зла – в лице оппортуниста Кулемзина и его приспешников.

Собравшись и протерев бюстик Дзержинского бывшим носовым платком, а ныне тряпочкой для протирки бюстика Дзержинского, ленинец вышел из квартиры и стал спускаться вниз, напевая одну из лучших песен, которую разучил ещё в молодости:

Как будто где-то там вдали
пылают грозные пожары,
и у печей, что мы зажгли,
встают другие сталевары.
И в приоткрытое окно
к нам тишина приходит снова!
А всё же жаль, что я давно
гудка не слышал заводского…

Глава 21. СТРАШНАЯ УТРЕННЯЯ СКАЗКА (почти окончание)

Третьим в условном строю стоял старший прапорщик Батыршин. Первое, что заметил Володя, это то, что глаза у Талгата были, но глядели они не как у живого человека, а как у зомби, который уже окончательно потерял веру в человечество. «Думаю, что с таким затравленным взглядом нельзя заниматься ни бизнесом, ни службой в армии», подумал литератор. «А вот попить пивка чуть позже – можно!»

И второе, что заметил писатель, набираясь впечатлений для новой книжки романа, это то, что губы военного музыканта немного вздрагивали, словно он разговаривал сам с собой, то есть делал сейчас то, что наиболее продвинутые психиатры называют диалогом с

внутренним голосом. И действительно, внутренний голос Салихдзяныча именно сейчас выслушивал упрёки от своего хозяина – о том, что он (голос, а не хозяин) такая скотина, которая пьёт вместе с тобой, а на утро начинает доставать вопросами типа *зачем ты пил?*, когда он сам вчера отдельно от тебя ландыши нюхал! А вспомнив весенние цветы, о которых он не вспоминал уже лет 30, в похмельной тыкве неожиданно зазвучала весёлая песенка, которую когда-то исполняла советская певица со странным именем Гелена[51]:

Ты сегодня мне принёс
не суровый купорос,
не кураре и не соланин –
протянул мне робко ты
рюмку борной кислоты –
для воскресных именин.
Гландыши, гландыши –
страшного утра привет,
гландыши, гландыши –
жди санпросвет!

[51] Гелена Марцелиевна Великанова – советская эстрадная певица, дочь выходца из Польши литовца Великанаса – прим. муз. редактора

Наконец саксаульский обер-ефрейтор попытался сфокусировать взгляд и стал вглядываться в того, кто сейчас стоял перед ним и почему-то страшно раскачивался, как боцман при шторме, но не узнал его.

– Тот самый легендарный Кулемзин, яйчики-бабайчики, – представился Альбионыч.

– Виноват, – окаменев затылком, произнёс трубач. – Исправлюсь…

Хорошо всегда быть пьяным:
денег полные карманы,
в голове звучат орга́ны,
а в душе звенят стаканы!

При произнесении трудных утренних слов с татариным произошли некие физиологические изменения – он покраснел и вспотел, а его условная причёска без признака военной фуражки тут же стала всклокоченной, как у портового грузчика.

– Чего у тебя пальцы дрожат? От стресса или Джеймс Джонович посетил?

– Какой еще ёперный Джеймсонович? – обалдел от услышанного прапорщик.

– Да Паркинсон[52] же, – объяснил марсианин.

[52] Английский врач, описавший заболевание центральной нервной системы – так называемый дрожательный паралич, названный позже паркинсонизмом[53] – прим. мед. редактора
[53] Но что интересно, врач наблюдал такие симптомы не в медицинской практике, а в повседневной жизни – на улицах Лондона – прим. автора

А унтер-офицер, потерявший сцепку с реальностью, качаясь, пытался вспомнить, как он сегодня утром вообще оказался живой. Память его медленно колыхалась, точно *снулый* карп в приправленной хлоркой воде. Самым первым воспоминанием было то, что после открытия глаз какая-то белесая муть пролилась в череп, словно молоко в пивной бокал.

Голова представлялась неким гироскопом, где мысли болтались совершенно отдельно от «мозга». В военной тыкве, как ни странно, проносились обрывки каких-то мыслей, но не было среди них радостных и весёлых, не вспоминалось ни о детях, ни о родном татарском селе, где он вырос, ни о долгожданной пенсии, которая была уже, как выража-

ются знатные геологи, не за горами. Напротив, вначале в голову пришла крайне примитивная мысль о том, что вчера он не просто напился, как свинья, а как бы воевал с депрессией, в то время как друзья подносили ему боеприпасы. Затем мысль пришла более сложная, из-за чего головная боль даже усилилась на 23,6 процента: «У меня сейчас чувство, когда завтра уже сегодня, а я ещё вчера…»

Сознанье словно изгалялось,
застряв как будто бы в хряще:
вчера с сегодня поменялось,
а завтра не было вообще!

Тогда, чтобы немного придти в себя, Батыршин прибег к верному средству: в так называемом уме он начал употреблять все известные ему нехорошие выражения, почему-то называемые в русском языке шахматным термином *мат*, и ему сразу полегчало, ведь так, как это делал Салихдзяныч, могли воспроизводить только боцманы из анекдотов, да и то для этого им нужно было хорошенько стукнуться головой о мачту.

После этого нейронно-физкультурного упражнения вспоминания сразу же упорядочились: он вспомнил, как осторожно, чтобы не разбудить вернувшуюся вчера из Кустаная семью, перебежками сначала добрался до туалета, где слил всё наболевшее за ночь, затем там же потихоньку открыл скрипевший кран, висящий над ванной, и, чуть не утонув, нахлебался ржавой и тёплой воды.

Я с утречка́ вчерашним пьян:
башку ломает с перепою –
хотел ополоснуть водою,
да вот порезался о кран…

Кое-как распрямившись после водопоя, он внезапно обнаружил на стене появившуюся за ночь картину без рамки, и полюбовался на изображённого в ней чужого страшного мужика, но когда этот мужик, словно издеваясь, стал повторять за ним движения, понял, что это было зеркало. В ушах тотчас загремело, словно в финале Девятой симфонии Людвига ван Иоганновича Бетховена. Тогда трубач стал приглядываться к изображению и заметил то, что не было замечено им ранее: лучики морщинок на пропитой роже шли к уху, как вожжи к лошади.

Как отвратительны
людей бывают лица,
когда с утра нет денег
похмелиться…

Затем в его тыкву пришла гениальная, как ему показалось, мысль: военный музыкант тихонько пробрался в кладовку и нашёл там большой моток скотча, который поспешно спрятал в карман штанов, даже не зная, насколько же он сегодня пригодится!

Во всём страшном происходящем только одно было сносно – видимо, жена с дочками, приехавшие вчера вечером, устали с дороги и всё ещё спали в соседней комнатке, поэтому бравый оловянный прапорщик тайными тропами стал пробираться на кухню, к холодильнику – в надежде разжиться каким-нибудь холодненьким кефиром. Но, добравшись, вместо кефира обнаружил страшно противное детское и сладкое ацидофильное молоко, и тут же вспомнил володину мудрость, до этого момента не вспоминаемую:

**Самоубийство – высшая
форма самокритики.**

Но желудок настойчиво требовал хоть чего-нибудь внутрь, иначе, как было известно по многочисленным прошлым случаям, всё могло закончиться вызовом скорой помощи – только не с красным крестом на машине, а с зелёным, на которой возили в психушку исключительно военных. Осмотрев холодильник, обер-корнет еды тоже не обнаружил, да и откуда ей было там взяться, когда всю еду в доме готовила исключительно Аида Яковлевна, которая просто не знала, что всю готовку муж-садист скормит своим друзьям[54]!

[54] Об этом трагическом случае – в главах142 и 144-146 второго тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

«Еда зачем для опохмелки?»,
с утра я сам себя ломал.
Грустил картофель на тарелке,
ведь в нём покоился крахмал,
рюмашки в глотку торопились,
хотя торчала там игла,
котлеты жирные лоснились,
да так, что тошнота брала.
Не успевал кадык на шее
вкусить момента торжество –
я похмелялся, не хмелея,
не съев на закусь ничего.
Вот рожа вновь моя пунцова,
а блеск в глазах чуть-чуть погас,
и вот итог – я пьяный снова,
еду же принял унитаз…

Глава 22. СТРАШНАЯ УТРЕННЯЯ СКАЗКА (ещё одно почти окончание)

Здесь Салихдзяныч опустил *глаза долу*, как однажды выразился однофамилец Володи Кулемзина (тоже писатель) в одном из своих романов[55], и обомлел: на его кривоватых военных ногах, так и не исправленных ношением сапог, были надеты два разных носка: один был вполне уставной – грязно-зелёного цвета, а вот другой почему-то оранжевый, да к тому же явно женский, правда, выглядел он как брат первого, потому что был тоже грязным. Наклониться же, чтобы как-то исправить положение, было решительно невозможно, так как в подобных случаях в борьбе с собственным вестибулярным аппаратом военный музыкант проигрывал всегда! И хорошо, что в этот момент практически пропитая память вдруг подкинула ему ещё один совет друга Альбионыча, который в подобных случаях не заморачивался, а гулко, как в церкви, изрекал: «Властью, данной мне свыше, сниже, справа и слева, объявляю вас парой!»

[55] Это так. В романе Максима Горького «Жизнь Матвея Кожемякина» есть такая фраза: «Сухобаев смотрел на людей поджав губы, а говорил с ними всегда опустив глаза долу» – прим. лит. редактора

Одинокий носок, не совсем ещё старый!
Как мне жаль, что никак не находишь ты пары!
Не печалься, дружок, нынче слёзы не в моде, –
верю: счастье твоё где-то рядом, в комоде!

Здесь он заметил, что, как и в предыдущие дни недели, на кухне волшебным образом вновь появились незнакомые предметы. Их было несколько: совершенно новая чесноко-

давилка, причём, в прозрачной упаковке, миниатюрная машинка-лимузин без коробочки, мундштук от саксофона и обломок карандаша, очень похожего на двуцветный полтавцевский, только не красно-синий, как у Серёжи, а фиолетово-жёлтый. Но особо среди появившихся раритетов выделялась страшная чёрная рентгеновская плёнка с каким-то огромным белым пятном, приглядевшись к которому, Салихдзяныч вдруг узнал свою печень, которая еле-еле поместилась на снимке. Причём, особо страшным было то, что этот свой óрган страдалец раньше никогда не видел, но вот сегодня узнал его без сомнений!

Мы видим, словно при рапиде
сквозь кожу – это волшебство.
И рыбью косточку увидеть
возможно с помощью его.
Мы видим, что внутри полена
и мир бродяги-колобка…
А наши бабы без рентгена
насквозь просветят мужика!

И вот здесь произошло самое страшное, что может случиться с похмельным саксаульским прапорщиком, носящим фамилию Батыршин: вначале он услышал за спиной чьи-то лёгкие шаги, а затем и тяжёлый голос – словно из так называемой преисподней:

– Ах ты гад! Мало того, что вчера нажрался, как Глав-Бух, мало того, что храпел всю ночь, мало того, что оставил детей голодными, сожрав всё, что я наготовила на неделю, так ты ещё и сегодня обшариваешь холодильник!

Здесь оказалось, что сердце обер-фельдфебеля внезапно собралось покинуть бренное тело: сначала оно упало куда-то в ноги, потом вдруг подпрыгнуло к сáмому горлу, где и забилось попавшим в сачок мотыльком.

– Ёкарная дорогая, – повернулся к любимой несчастный трубач, – ты всё не так поняла…

Правда, эти слова оказались последними, произнесёнными в это утро в условно родных стенах: вначале страдальцу показалось, что у него, как у Майка Джиммиевича Тайсона немного встряхнуло *кукушку*, когда тот семь лет назад, 28 июня 1996 года в Лас-Вегасе потерпел поражение нокаутом от Эвандера Бертовича Холифилда. Но так ему (страдальцу, а не черножо… тьфу, чернокожим боксёрам) показалось только вначале, ибо в следующее мгновение Талгат понял, что его ноги уже покидают квартиру – при помощи железной руки (или это была сковородка?!) любимой супруги, которая просто не разобралась в происходящем, а если бы выслушала его да пожалела, да накормила в дорогу, да дала бы назарбаксов 200 на пивко, да…

Но, к сожалению, еврейская дочь еврейских родителей не сделала ничего из придуманного татарским мужем, а завопила ему вслед:

– А я-то, дура, ещё хотела подарить этому гаду свой стишок, написанный у тёти Сары в Кустанае!

Выскочивший из квартиры в подъезд военный музыкант стишка, конечно, не услышал, а вот мой читатель (слава автору!) может ознакомиться с ним прямо сейчас:

К тебе спешу сквозь злые ливни,
к тебе спешу ветрам назло, –
с тобой быть врозь давно привыкли,
но нам быть вместе суждено!
И верю, сумасбродно верю,
что лето в нас не отцвело!
Приду, откроешь настежь двери,

вновь чувство вспыхнет... не ушло.
Я прикоснусь к щеке губами,
и время повернётся вспять,
ведь то, что было между нами,
года́ не в силах разметать!

А несчастный старший прапорщик, который всё никак не мог дослужиться до младшего лейтенанта, спотыкаясь на каждой ступеньке, кое-как спускался со своего второго этажа и радовался. Да-да, радовался! Ведь сегодня он всего лишь получил по шее, а вот в один из таких страшных утренних моментов его Аида, глядя мужу прямо в глаза, медленно вылила остатки из найденной заначки в полбутылки водки прямо в раковину.

– Ну, ты идиотка! – помнится, тогда схватился за сердце Талгат.

– Конечно, идиотка! – помнится, тогда парировала любимая. – Вышла бы замуж за генерала, сейчас была бы генеральшей!

Он спускался по ступенькам и думал о том, что никто сейчас не может ему помочь (ну, разве только что Володя, да и то, если у него не садистское настроение, чтобы читать некие лекции о вреде пьянства).

И, кстати, о садизме. Трубач вспомнил, как однажды утром он нашёл в кармане своих галифе неизвестно откуда взявшуюся там визитку с красивым логотипом «Служба поддержки» и позвонил по номеру, набранному большим размером и красным цветом:

– Здравствуйте, это «Служба поддержки»?

– Да.

– Я очень хочу выпить!

– Поддерживаю.

– Что, и это всё?

– Конечно. Для этого мы и созданы…

Я ведь вовсе не пьянчуга
(вы спросите хоть кого!):
поддержу всегда я друга –
даже выпью за него!

Наконец военный страдалец спустился на первый этаж, прошёл мимо ряда почтовых ящиков, забитых всякой ерундой, но вернулся, так как краем глаза заметил мелькнувший в дырочках своего ящика какой-то белый листок. Он страшно удивился, так как еврейская семейка, куда он попал по жизненному недоразумению, ни газет, ни журналов не выписывала, а все новости узнавала из старенького чёрного приёмничка, висевшего на кухне.

Кое-как справившись с замком, который, в принципе, открывался булавкой октябрятского значка, Батыршин вытащил бумажку и (по мере сил) внимательно её изучил. Оказалось, что это было извещение на очередной платёж за какие-то услуги, которые дачный кооператив оказывал всем тем, кто ввязался в это сомнительное предприятие. В платёжке было много пунктов, среди которых значились счета за электроэнергию, за полив грядок, а также таинственный счёт за вывоз какашек из батыршинского туалета. Увидев последнюю строку, Салихдзяныча страшно затошнило.

После тошноты неожиданно разболелось сердце, и неизвестно чем бы окончилась эта бытовая сценка, разыгравшаяся в потёмках старого подъезда, если бы Талгат спасительно не вспомнил стишок своего друга Кулемзина, который заставил выучить его – как раз для таких чрезвычайных случаев:

Судьба, спасибо, ты меня лишила

любви к себе, признания коллег,
и если жизнь – мешок, то я – не шило,
а колобок из чьих-то там сусек.
Судьба моя, спасибо и за то,
что был я волен, и в неволе быта
не выигран женою я в лото,
и ею не просеян я сквозь сито.
А главное, за что благодарю,
что в одиночестве душа моя окрепла,
за то, что знаю: в день, когда сгорю,
я за собою не оставлю пепла!

И тут Альбионыч заметил, что рассматриваемый им объект, то есть старший прапорщик музыкальных войск Республики Саксаулия открыл один глаз. «Будет жить!», обрадовался знатный диагност второго микрорайона, а вслух с заботой и печалью обратился к шнапс-капитану:

– Смотри, Талгат, как бы тебя из дома не выгнали. За непосещаемость…

– А чего она? – в ответ обиделся на супругу Салихдзяныч, открыв второй глаз. – Вот помню, на прошлой неделе сидим мы с ней вечером, обсуждаем новости всякие. И тут она вдруг заявляет: «А давай мы тебе красную рубашку купим, а то мне новую йодистую кофточку стирать не с чем!». Ну, вот как тут не думать о разводе?!

Глава 23. СТРАШНАЯ УТРЕННЯЯ СКАЗКА (и ещё одно почти окончание)

И, наконец, взор писателя-бытовика остановился сразу на двух индивидуумах, причём, каждого по очереди рассмотреть не было возможности, так как и Муравлёв, и Митрохин (а это были именно они!), во-первых, держались за руки, как детсадовцы во время перехода через улицу, и, во-вторых, всё время раскачивались, так что во-вторых вполне логично проистекало из во-первых, не давая упасть обоим персонажам. И тут литератор вспомнил, что аж 10 глав назад разговаривал с друзьями по одному и тому же васюханскому номеру мобильника, а, значит, они действительно ночевали в одном месте.

– Яйчики-бабайчики, какая неуклюжая драма! – печально воскликнул Кулемзин, не зная, как приступить к опросу потерпевших.

Жгутся мысли, как крапивой –
маленькие, как ангстрем[56]:
неприятность – нету пива,
драма – пива нет совсем!

[56] Внесистемная единица измерения длины, равная 10^{-10} метра, названная в честь шведского физика и астронома Андерса Йонасовича Ангстрема – прим. физ. редактора

Потерпевшие переглянулись, ещё цепче сцепились руками и стали шептаться, словно были в школе на уроке неинтересной химии, где противная Земфира Тимофеевна что-то втюхивала им про непонятную валентность, причём, голова старшего джуса была повёрнута к собеседнику, а вот валерина тыква смотрела прямо на Альбионыча, не поворачиваясь, словно у неё на макушке стояла хрустальная ваза, доверху наполненная кипятком, который в любую секунду мог выплеснуться и ошпарить лицо. «Отлежал, наверное сердешный», подумал писатель-диагност. Впрочем, не лучше выглядел и антенщик. «А ведь у пациента», привычно определил самодеятельный врач-психиатр, «социопатическая ак-

центуация прогрессирующей шизофрении. Как бы всё это потихоньку не перешло в параноидный психоз – вот тогда с ним будет справиться сложнее!»

А ведь все эти проявления можно было заметить раньше – как раз во время памятного разговора обоих друзей из такси. Альбионыч ещё тогда отметил, что в трубке его мобильного клокотало так темпераментно, что он подумал о том, что таким неуравновешенным личностям типа Николаича и Васюханыча указом главврача Отцеябловского дурдома № 1, что на улице Каблукова, надо выдавать телефоны с глушителем!

Отхлебнув одеколону,
начинаю бредовó
так орать по телефону,
что всем слышно без него!

Между тем, сердцá будущих покерных болельщиков колотились от пугающей новизны жизни. Правда, у живописца к перебоям внутри сердца добавлялся некий посторонний звук внутри головы – словно в пустой тыкве билась и не могла найти выхода маленькая мушка – дитя мутаций. И, наверное, именно она затмила все вопросы бытия и жития, над которыми когда-то задумывался Муравлёв, оставив всего один – нелепый и неправильно построенный по правилам русского языка:

– А пиво, святой Малевич, когда?

«Открытый перелом мозга», поставил диагноз штатный диагност Великого ▲.

– Потерпи чуть-чуть, – попросил он страдальца. – Помнишь, как говорил в старом чёрно-белом фильме «Подвиг разведчика»[57] некий фашист Генрих Эккерт, он же советский разведчик Алексей Федотов, он же советский актёр Павел Кадочников: «Немного терпения, и ваша щетина превратится в золото!»

[57] Советский чёрно-белый художественный фильм, снятый в 1947 году режиссёром Борисом Барнетом – прим. кинoредактора

«О чём это он?», хором подумали Валера и Васюхан, сражённые обилием иностранных и русских имён и фамилий, а также внезапным превращением непонятного фашиста в русского шпиона.

Нам от врагов покоя нет!
И как-то вечерком
меня позвали в кабинет
с высоким потолком
Мужик, по виду генерал,
не предложил мне сесть,
но так к груди меня прижал,
что я ответил: «Есть!»
«Поедешь, Сеня, за кордон,
а чтоб не выделяться»,
тут перешёл на шёпот он,
«давай маскироваться!
Сперва слегка изменим пол,
добавим грудь и талию,
а чтобы враг не расколол,
отрежем гениталии!
У них там чёрные в чести»,

он засмеялся нервно,
«так ты уж нас, браток, прости, –
пока побудешь негром!»
Прижали нос, расшили рот,
макнули в чан с дерьмом,
потом воткнули в самолёт,
чтоб он махнул крылом.
Теперь сижу, пишу письмо,
я, негритянка русская:
внутри своя, снаружи – чмо!
И подпись: «Алекс – Юстасу»…

И так как на валерин вопрос друзья не получили внятного ответа, старший джус решил сделать ещё одну попытку.

– Как живёшь, Володя? – стереотипно, стандартно, привычно, шаблонно, трафаретно и банально поинтересовался он.

– Живу скромно, согласно доходам, – ответил философ. И через секунду добавил:

– Но, что интересно, согласно уровню развития…

Поняв, что и эта попытка не удалась, Николаич решил сделать третий заход и даже открыл было для этой цели рот, но его опередил покерный гуру.

– Смотри, Валера, – озаботился он, – как бы твоя печёнка здоровьем не обнищала…

– Да зачем мне она теперь? – горько вопросил как бы в сторону художник.

– Ясно. Больной от вскрытия отказался, – тихо резюмировал Кулемзин.

А ведь не просто так несчастный демиург собственных *сюрров* отказался от продолжения разговора о здоровье, а, вернее, о его отсутствии. Всё тело абстракциониста невнятных мыслей болело так, как если бы он был моряком и, напившись рома, проспал не на палубе корабля, как и приличествует честным пиратам, а на каких-то голых (прости, русский язык!) шпангоутах. «Кстати, откуда я знаю этот морской термин?», подумал Валера. «И, кстати, откуда я знаю, что он именно морской?!»

Сейчас он чувствовал себя так, словно его длительное время крутили в стиральной машине, потом отжали, накрахмалили, высушили и, в конце концов, разобрав на части, рассы́пали по кровати, причём, сделал всё это безобразие с ним не какой-нибудь фашист Каккурт, о котором только что говорил Альбионыч, а самый родной и любимый человек – его супруга Наташа, причём, с таким садистским лицом, что он понял, что сейчас будет избит пошлым женским тапочком с помпоном впереди!

С тобой я жить не буду –
окончен этот рейс!
Ты лучше бей посуду,
чем мой усталый фейс!

На этом мысли о жене не окончились, а, напротив, вспомнился ещё один разговор с ней на прошлой неделе. Помнится, у Наташи тогда было хорошее настроение, и она, улыбаясь, будто сожрала два кило конфет «Гусиные лапки», начала утренний допрос:

– Валера, а вот если бы я была слепой, ты бы меня любил?

– Конечно, святой Казимир Северинович! – горячо ответил муж, откуда-то зная, что на подобные вопросы надо отвечать именно с таким энтузиазмом.

– А если бы я была хромой, ты бы меня тоже любил?

– Естественно! – аж взвизгнул от восторга супруг.

– А если бы я была немой, ты бы меня любил?

– Тогда бы я, – зашёлся в экстазе Николаич, – просто сошёл с ума от любви!

И в это время Муравлёву переклинило.

– Валера, ты не прав.

– Почему?!

– Не расстраивай меня, я на эту тему ещё не думала!

Норов я не так взнуздала –
мозг как будто бы в дыму:
нужен повод для скандала?
Ладно! «Трезвый почему?»

Глава 24. СТРАШНАЯ УТРЕННЯЯ СКАЗКА (практически окончание)

– Да, сынок, – разглядывая живописца, заметил Кулемзин, – всем ты хорош, но всё же тебе не мешало бы побриться, постричься и погладить отсутствующие шнурки на отсутствующих калошах…

– Да мне бы похмелиться малёхо, – простонал страдалец за идею.

– А я, например, похмеляюсь утром совсем по-другому – со скоростью света, – сделал попытку просвещения Володя.

– Как это? – удивился Николаич.

– А это когда ты успеваешь вытащить из холодильника бутылочку пивка до того, как внутри загорится лампочка!

Художник ничего не понял, поэтому не обиделся, хотя автор в ответе своего героя всё же увидел (прости, русский язык!) латентную[58] издёвку, хотя и не из тяжёлого арсенала писателя. Его (художника, а не писателя) штормило как никогда, и только рука верного друга Васюхана помогала не потерять равновесие окончательно. К тому же, раненый вчерашним алкоголем мозжечок никак не мог подсказать ему, где же находится вертикаль и, главное, для чего она нужна вообще.

[58] ***Скрытую – лат.***

Валера закрыл глаза и стал вспоминать своё сегодняшнее утреннее пробуждение. Проснувшись, он, как и сейчас, не открывая глаз, первым делом осторожно ощупал себя на предмет наличия появившихся травм. Руки были мокрые и холодные, как шкура дохлой селёдки, но вскоре в этом ощупывании проявилась и радость – травм не было, а, значит, любимая супруга Наташа всё ещё гостила у мамы.

Шалит в тыквёхе амплитуда,
но я привыкший к *голосам.*
Любимой нет – и это чудо:
уж как-нибудь я сдохну сам!

Тогда живописец осторожно открыл один глаз и не узнал своей квартиры. Он словно бы попал в какой-то (ещё раз прости, русский язык!) квест, где всё было очень страшно и незнакомо. Например, добравшись до явно чужого унитаза, он внезапно побоялся на него сесть: а вдруг хозяева квеста спрятали в бачке настоящую мину, которая, когда он присядет, взорвётся так, что крышка бачка напрочь оторвёт тыкву, сам бачок переломит ему позвоночник, а унитаз (не дай *дедушка*!) изранит всю задницу своими санфаянсовыми осколками?!

– Вот чего ты, святой Харменс ван Рейн, нажрался с утра пораньше? – вдруг почудился ему напряжённый голос любимой, и Муравлёв тут же понял, что, если уж жена вспом-

нила имя-отчество Рембрандта, ему наверняка предстоит внутрисемейная разборка на почве морально-материальных расхождений. Но нет – ему повезло, причём дважды: супруги по-прежнему не было не только дóма, но и в чужой квартире тоже!

– У самурая нет цели, – услышал он ответ, правда, чьим-то сиплым чужим голосом. – У самурая есть только путь.

– И этот путь – к Кулемзину, в ваш иблисов Учпучмак!

«Как она догадалась?», пронеслась в пустой голове мысль и забилась изнутри о череп, не находя выхода. «И кто этот самурай, о котором говорил неизвестный голос?». Вспомнив японское слово, Валере вдруг пришёл на ум хокку его друга Вовки Альбионыча, которые тот строгал, как папа Карло – пару десятков буратин в конце *аврального* месяца:

Три самурая на зимнем ветру
саке распивают холодным.
Лучше бы взяли портвейна…

Он очень обрадовался, что вдруг вспомнил такой сложный стишок, хотя когда слышал его первый раз, страшно удивился, что японские хокку поразительно похожи на русские трёхстрочия, и когда спросил об этом писателя, тот довольно ответил, что, мол, да, и даже привёл подобных русских хокку целую кучу:

Подобен лучу самурайский клинок,
и тот затупился.
Проклятая килька в томате!

Безжалостна глубь океана,
но твари, скользящие в ней,
хороши к жигулёвскому пиву…

Часто в весеннем лесу
пил Рихард Зорге бамбуковый сок
и матом по-русски ругался…

Да, нелегка самурайская жизнь,
но делать себе харакири
обидно, поевши пельменей…

他の多くの人と同じように、しかし同じように面白いです！[59]

[59] А также множество других, но таких же весёлых! – яп.

И вдруг Николаич услышал какой-то посторонний звук и понял, что он находится внутри неизвестного квеста не один. Он затаился в туалете и со страхом слушал, как кто-то большой и шумный, словно Годзилла, переворачивает всю мебель в доме, пока не узнал голос своего друга Митрохина:

– Да где же эта проклятая заначка? Неужели Муравлёв ночью всю выдул?

– Это не я! – крикнул живописец, обидевшись, и наконец всё вспомнил: и как они вчера добрались на такси до митрохинского дома, и как нашли пресловутую заначку, и как, счастливые, распили её без закуски.

– Валера, ты где? – обрадовался ответственный квартиросъёмщик.

– Здесь, – дал точные координаты пребывания похмельный художник.

Перед выходом из туалета невольный путешественник во времени и пространстве глянул в зеркало, висевшее над сантехническим *тюльпаном*, вздрогнул и тут же решил, что

больше так делать не будет! Он осторожно дёрнул дверцу, так как пока боялся делать резкие движения, и на выходе неожиданно для себя произнёс сентенцию в стиле Курманбаева, который очень любил поучать других людей. Валера не стал признаваться, что вкусная искомая заначка уже давно переработалась в какую-то гадость:

– У настоящего мужчины, святой Малевич, каждая вещь находится на своём месте!

На что хозяин жилища кротко ответил:

– Да, только в моей квартире это место почему-то каждый раз хаотически перемещается по всем комнатам.

«Порядок есть ли в идеале?»,
ежиха смотрит на ежат.
«Вчера все вещи здесь стояли,
сегодня здесь они лежат!»

Муравлёв тут же позавидовал товарищу, который в этом состоянии так легко выговорил слово *хаотически*, попробовал повторить его в уме, но не смог. И тут он нос к носу столкнулся со своим товарищем по несчастью. Увидев Васюхана, Николаич замахал руками, точно увидел нечистую силу в лице *иблиса*. И если бы здесь сейчас, например, был их друг Кулемзин, он вполне бы мог воскликнуть научную фразу: «Да, чудны дела твои, генетика!». И этому было своё объяснение: например, старшего джуса Митрохина, несмотря на большую должность в фальшивой фирме, на роль благородного отца семейства сейчас не утвердили бы не только в Голливуде, но даже в короткометражной ленте «Саксаулфильма»!

С похмелья антенщик напоминал ходячего мертвеца, не отбрасывающего тени, и впечатление это усиливалось тем, что солнца в его квартире было не видно, так как все окна оказались наглухо забраны (прости, русский язык!) жалюзи. Васюхан, увидев, какое впечатление произвёл на гостя, решил отыграться, вспомнив, что перед вчерашним расставанием Альбионыч дал задание Николаичу написать картину.

– Валера, а как ты покажешься на глаза Володе? – невинно поинтересовался он.

Живописец охнул и на всякий случай проверил пуговицы на рубашке и ширинке.

– А что? – по-прежнему сиплым голосом поинтересовался он, думая только о том, что вот бы сейчас пару глотков холодненького «Тянь-Шаня»

– Так наш спонсор предложил тебе нарисовать картинку…

– Написать картину… – автоматически поправил его художник.

– Да суть не в этом, а в названии: «Иван Грозный демонстрирует сыну свой непростой характер»

Пропали Грозного кредиты –
знать, виноват сынок-дебил!
«Почто за пивом не сходил ты?!»,
вскричал и сына погубил…

«Да, такой сложный сюжет я сейчас не потяну!», с тоской подумал страдалец. «Вот если бы «Яйцо Карла Густавовича Фаберже, оторванное у него в *пасху*», тогда бы смог…»

Художником ты хочешь слыть,
ведь этот титул всех дороже:
поэтом можешь ты не быть,
а композитором не можешь…

Глава 25. СТРАШНАЯ УТРЕННЯЯ СКАЗКА (неокончательное окончание)

– Валера, а ты знаешь, что мы страшно далеки от Бермудского Учпучмака? – неожиданно спросил друга хозяин квартиры.

– Догадываюсь, святой Малевич, – с тоской ответил друг.

– А ты знаешь, – задал повторный вопрос антенщик, – что именно там уже скоро соберутся все наши друзья, чтобы немного похмелиться, а мы можем опоздать?

– Догадываюсь, – заклинило у Валеры. – Кстати, а сколько уже натикало?

Митрохин бросил взор на стенку, где висели дешёвые электронные часики и обрадовался:

– По-моему, мы ещё успеем пожарить себе яичницу!

Он с энтузиазмом раскрыл холодильник, вытащил оттуда бутылку *постного*, как выражались в советских деревнях, масла, и 5 яиц. Художник быстро подсчитал количество продукта и страшно опечалился. «А как же мы будем делить пять яиц на двоих?», подумал он. «Неужели опять придётся драться за право на жизнь?!»

Яичница-глазунья готовится в охотку:
сначала нагреваем мы нашу сковородку,
растительного масла нужна всего лишь ложка,
затем добавим яйца и подождём немножко:
снимаем сковородку с плиты мы аккуратно –
готово, быстро, вкусно, да и смотреть приятно!

Но всё хорошо оказалось только в вышеприведённом стишке. Дело в том, что руки у домашнего кулинара страшно тряслись, и он попал струйкой масла на сковородку только с четвёртого раза, а за это время алюминиевая посудинка успела разогреться так, что масло стало брызгать в разные стороны, причём, с такими звуками, как будто в соседней комнате началась интенсивная перестрелка в духе 90-х годов прошлого века. Затем из пяти предложенных сковородке яиц на неё попали только два, а остальные на газовую плиту, но Николаич обрадовался, поняв, что теперь еду можно было делить строго поровну.

Еда готовилась, хозяин квартиры, чтобы занять время, читал неизвестно кому, а, скорее всего, человеку-невидимке, проповедь о том, что, например, знакомые ему женщины по утрам страшно бездарно тратят свое время на макияж, в то время как мужик уже бы раз пять успел сгонять за пивасиком! А живописец в это время неожиданно вспомнил сегодняшний сон, привидевшийся ему под самое утро: вначале он увидел какие-то десятичные логарифмы, о которых не вспоминал со школы, потом понял, что их зачем-то положил во гроб Карл Фридрихович Гаусс[60], а затем сон стал настолько ясным, что Муравлёв с удивлением узнал лицо гробовщика, и оказалось, что это не Гаусс, а вовсе Джеймс Джонович Максвелл [61]!

[60] Выдающийся немецкий математик XIX века – прим. науч. редактора
[61] Выдающийся британский физик и математик XIX века – прим. науч. редактора

Мозг во мне кипит, как в домне,
в черепушке – бензобак:
математиков я помню,
математику – никак!

Наконец яйца были пожарены и поделены поровну, то есть по одному яйцу на условного брата. Во время этой скромной трапезы Васюхан рассказал Валере о забавном случае, произошедшем с ним вчера.

– Представляешь, вчерась мне на электронную почту пришло официальное предложение от Анджелины Джоли – жениться на ней и усыновить всех её усыновлённых детей!

– Ничего себе! – позавидовал Николаич, так как не раз видел эту американскую красотку в разных журналах. – А ты?

– А что я? – ответил странным русским ответом антенщик. – Я сразу же прыг в интернет, нашёл там все сведения о её финансовом положении, оценил все риски и неожиданно понял, что она просто хочет отжать у меня эту квартиру!

– Какой ты, святой Малевич, умный! – восхитился смекалкой друга саксаульский сезанн.. – А дальше?

– А дальше я отправил рекомендованный в письме перевод в 3000 назарбаксов на указанный счёт – в случае отказа!

Ох, какой я нескладёха –
дурят черти-бугаи:
развели меня как лоха –
стали деньги не мои!

После завтрака и поучительной истории друзья посчитали, что если поставить будильник на 10 минут, а потом быстро-быстро собраться и поймать такси, то во второй микрорайон они успеют как раз к очередной володиной *считалке*, кому идти за первым утренним пивком. Поэтому Митрохин не стал терять время и рассказал ещё одну короткую историю, как он долго терпел после двух разводов, а потом наконец не вытерпел и познакомился с девушкой, которая ему очень понравилась – так, как американский режиссёр Ирвин Солович Винклер назвал свой фильм 1999 года, то есть «At First Sight»[62], а потом узнал, как её зовут.

[62] «С первого взгляда» – англ.

– И как? – чтобы поддержать разговор, поинтересовался Муравлёв.

– Эдита Нахер.

– Так она что, оказалась немкой?!

Но тут на беду прозвенел будильник, и Валера с Васюханом приступили к осуществлению своего грандиозного плана, поэтому живописец так никогда и не узнал, чем кончилась история любви его товарища, а вот мой умный и проницательный читатель, ухмыляясь, наверняка уже всё понял!

О, как же в нас любовь пылала –
благословила даже мать!
Потом подруга так послала,
что мать не может отыскать!

И когда они, наконец, вышли на улицу и поймали первое же попавшееся такси, случилось чудо! И пусть не удивляется мой читатель, ибо разве уже не про множество чудес прочёл он на предыдущих 3600 страницах нашего замечательного романа? Оказалось, что художник и старший джус попали в такси к старому знакомому кавказцу Ираклию!

– Вах! – сказал таксист, ничуть не удивившись. – Тс'авидет дид метсниертан[63]?

– Диах шеехет[64]! – видимо, во сне выучив неизвестный ему ранее язык, ответил ему Васюхан.

[63] Поедем к большому учёному? – груз.
[64] Да, трогай! – груз.

А чтобы дорога показалась короче, разбушевавшийся антенщик (тут Валера заподозрил, что его друг всё-таки тайком отыскал свою заначку!) рассказал ему историю о том, как после армии – в поисках длинного рубля – уехал в Тюменскую области в составе бригады бичей [65] – строить Тобольскую ГЭС. А платили на таких стройках, надо признаться, весьма немало.

По 3-4-5 окладов –
приток бабосов [67] был так быстр:
бичи работали как надо –
и получали как министр!

[65] Бич – опустившийся, спившийся человек, выполняющий сезонную работу. Слово происходит от английского beach – пляж, берег. В 1960-1970-е годы в СССР (б) был придуман бэкроним [66] «бывший интеллигентный человек» – прим. автора
[66] Обратный акроним, один из видов аббревиатуры – прим. филолог. редактора
[67] Деньги – феня

Глава 26. СТРАШНАЯ УТРЕННЯЯ СКАЗКА (окончательное окончание)

– Жили мы в общежитиях – таких строительных вагончиках, – развалившись на заднем сиденье кавказского минивэна, вспоминал Васюханыч. – И вот однажды на мою половину вагончика, отделённую фанеркой, интеллигентно постучали два мужика и, когда я открыл «дверь», спросили:

– Ты фотографией занимаешься?

– Да. А что надо?

– А у тебя фиксаж есть?

И тут я, страшно разозлённый, что мне не дали выспаться перед утренней сменой, начал хамить:

– А вам кислый или нейтральный?

Мужики почесали в затылках.

– А чем они отличаются, объясни, брат.

– Ну, в одном из них, – объяснил я, – есть метабисульфит натрия, а в другом нет!

– А-а-а, тогда нейтральный, – обрадовался один.

И вдруг после этого стали выкладывать мне на стол разнокалиберные пузырьки с йодом – штук сорок!

– Откуда это у вас? – поинтересовался я.

Второй мужик подошёл к окошку вагончика, отдёрнул занавеску и показал корявым пальцем вдаль:

– Вон, видишь, напротив многоэтажный дом, а в нём окна светятся?

– Вижу. И что?

– Так мы с Серёгой…

Второй мужик, видимо, Серёга, авторитетно кивнул головой.

– …прошлись по всем этажам и сказали новосёлам, что нужен йод – типа у нас ребёнок порезался!

Мы вовсе не головорезы,
и не считаемся жульём:
спасём ребёнка от пореза –
порез зелёнкою зальём!

– И что – все дали?
– Как видишь?
– А вам-то это на кой?

– Так Серёга ещё пять лет назад кандидатом был – по химии, он и вспомнил, что к йоду надо добавить фотофиксаж…

И тут я всё понял! Достал из тумбочки двухлитровую пустую банку из-под маринованных огурцов, мужики слили в неё йод, а я добавил в банку нейтрального фиксажа.

– Вах! Взорвался дом, да? – вскричал кавказский человек Ираклий и даже на миг бросил руль.

– Нет, Ираклий, сразу видно, что ты не химик. Над этой банкой вначале поднялось какое-то коричневое облако, потом оно улетучилось в космическую атмосферу, и в сосуде остался… чистый спирт! Ох, и погудели мы тогда…

Голь на выдумку хитра,
и особенно с утра:
это ж надо умудриться,
чтобы досуха напиться.
Не с того ли по утру:
«Лучше сдохну, чем помру!»?
Ведь на то она и голь,
что в ней гольный алкоголь,
а в башке ещё со школы:
«Аз – король, пущай и голый!»
Потому она хитра,
что не мудрствует с утра!

♠ ♠ ♠

Собственно, на этом и завершилось володино разглядывание и изучение похмельных фигур, стоящих, а, вернее, условно стоящих сейчас перед ним. «Тимур… тьфу, Талгат и его одиозная команда», подумал старший бермудец. Ему даже не надо было быть марсианином, чтобы воочию слышать, как мелкие и глупые мысли типа «Эх, сейчас бы…» беспорядочно метались в гулких пустых черепных коробках, время от времени сталкиваясь и разбиваясь, словно ёлочные игрушки, смахнутые с дерева шаловливым котом Васисуалием. Состояние дебильности средней тяжести легко прочитывалось на всех рожах страдальцев, по ним сполохами пробегали отрывистые спазматические воспоминания, которые, если их можно было бы объединить в одну рукописную книгу «Фокусы похмелья и их разоблачения», всё равно нельзя было прочесть – из-за почерка, которой она была накорябана.

Homo alcogolicus'ы, какими представлялись сейчас литератору герои его глобального произведения, были все как один похожи на небольшую очередь к участковому врачу-похметологу в районной поликлинике, который давал всем им один и тот же совет:

– Ну, что ж, батенька, так часто пить я вам не советую. А знаете что? Пейте только по дням, в которых есть буква С!

Что ж мы вам, совсем амёбы?
Что ж мы, любим вам кобыл?
Будем пить в любой денёк мы,
лишь бы день тот русским был!

И счастливые больные выскакивали от врача и радостно делились со старушками-пенсионерками, сидящими в другой очереди, которая не кончалась вообще никогда – к врачу-реаниматологу:

– Мне врач пить разрешил! Так-так… Буду пить по Средам, Субботам и… Сегодня!

Стопами старших братьев
нога уж не идёт,
не примет больше водку
измученный живот.
Печёнка не приемлет
портвейн и коньяки,
мутнеет мой хрусталик,
дрожит сустав руки.
И почка опустилась
до тазовой кости,
и я молчу о мозге –
его уж не спасти.
Слабеет корень жизни –
стоит лишь по утрам,
но утро – для похмелья,
а не для резвых дам!

«Осталось выяснить всего одно», подумал спонсор коллектива, «кто же на этот раз принесёт счастье залития и без того за неделю залитых глаз в нашу родную хевру?»

Глава 27. ВОСКРЕСНЫЙ МАРАФОН

Нет, что бы ни твердила уже набившая оскомину теория Чарлза Робертовича Дарвина, а человек произошёл от всех животных сразу, взяв от каждого из них понемногу. Например, педагог Курманбаев позаимствовал манеру прятать голову во время опасности от чудной птицы страуса. А, упростив эту манеру, чтобы не зашибиться об асфальт, он просто и незатейливо тупил глазки. Причём, осваивать этот приём маленький Нуртайчик начал ещё на первом этапе коллективной жизни, то есть в детсадовском возрасте, потом совершенствовал его в чудесные школьные годы, и, наконец, автоматизировал в годы студенческие и ещё позже в трудовые, но от этого не менее чудесные – особенно в дни аванса и зарплаты.

А что, ведь действует! Бросает, скажем, начальник в гущу рабочего коллектива: «Кто, мол, возьмёт на себя новую трудную и ответственную, но совершенно неоплачиваемую дополнительную работу?». А ты сидишь себе, уткнувшись в стол, и вид у тебя очень праведный, такой слегка уставший, такой озабоченный процветанием родного коллектива и личного благосостояния непосредственного начальника, что даже как-то не поднимается рука навесить на тебя дополнительную нагрузку.

И сейчас и в перспективе
здесь царит лишь произвол:
в нашем славном коллективе
я один пашу как вол!

Именно такой уткнувшийся в покерный столик взор и заметил Володя, когда захотел ткнуть пальцем в того, кто в очередной раз должен был доставить напиток жизни подотчётной хевре. Он выжидательно смотрел на намечающуюся плешинку педагога, пока она

не начала краснеть, затем коммунист поднял голову, и Альбионыч вдруг увидел в его левом глазу слезинку. Она пока была одна, но весь вид страдальца говорил о том, что если вот сейчас от него не отстанут, то все присутствующие, весь лично ему дорогóй коллектив может просто погибнуть, захлебнувшись в великом слёзном потопе.

«Хорошо», принял решение главный учпучмакский учредитель. «Пойдём проторённым путём, то есть будем снова считаться, – как в детском саду!». Правда, здесь была одна загвоздка – за прошедшую неделю лично у него закончились все считалочки, и тогда Володя принял парадоксальное решение: назначить того, кто вот сейчас возьмёт и вспомнит такой стишок, как путь к счастью, а если не вспомнит, то пива не брать вообще!

«Нет смертельным дистрофиям!»
«Нет протухшей колбасе!» –
если пива мы не выпьем,
то подохнем разом все!

Но оказалось, что в суровых раздумьях он произнёс последнюю фразу вслух, и заметил, как остальные покеристы и примкнувшие к ним художники и антенщики со страхом смотрят на садиста. Затем Валера и Васюхан, сидящие рядом, придвинулись друг к другу ещё ближе и стали тихонько шептаться. Тогда Володя напряг свой УКАЗ или, чтобы было понятно моему читателю,

Улавливатель
Колеблющихся
Антчастотных
Звуков

, и услышал, как Муравлёв толкует Митрохину:

– Нет, нет, коллега, это не так однозначно, как вам кажется. Вот смотрите: сейчас утро воскресенья, и мы, как и всю неделю, мысленно плавно движемся в сторону сельпо Калимы. Так скажите, друг мой: можно ли при этом утверждать, что наши скорости и векторы движения и есть *настоящая* жизнь?

Васюхан вздрогнул при слове *сельпо* и также решительно ответил:

– Вы как никогда правы, коллега. Предлагаю категорически ускориться – Серёже!

– А почему, святой Малевич, именно ему?

– А почему не ему? – резонно заметил старший джус.

И было в этом простом вопросе столько русской наивности, что писатель Кулемзин, иногда становящийся поэтом, вспомнил свой старый стишок под названием

Русские не сдаются!

Всё ли так оценено,
есть ли в мыслях разновес?
Если всё разрешено,
мы теряем интерес.
Мы не жнём и не куём,
ибо нечем жать-ковать, –
на свободу мы плюём,
и на рабство нам плевать.
Интереса нет совсем –
и на совесть мы плюём,
из привычных жизни схем

ничего не соберём.
Вряд ли снова оживём,
чтобы повторить сюжет, –
мы на жизнь свою плюём,
потому что жизни нет.
Так тихонько и живём
в безразличии своём –
хлеб едим и водку пьём,
и не то всегда поём.

♠ ♠ ♠

Я неважный ретушёр –
вижу всё наоборот:
ведь на деле хорошо –
русский всё же мы народ…

«Ну, пора бы освежить карму!», подумал Володя, а вслух сделал совершенно бесполезное предложение, так как за всю неделю оно добровольно не прошло ещё ни разу:

– Други мои, а не желает ли кто-нибудь из вас взять на себя необременительный труд принести, яйчики-бабайчики, немного счастья всем собравшимся за нашим пока ещё не покерным столиком?

Как и предполагалось, желающих не нашлось, поэтому Альбионычу вновь пришлось применить волевое решение – послать в лабаз того, на кого падёт последний слог считалки, только что придуманной им лично, так как ни Курманбаев, ни Полтавцев, ни Батыршин, ни Муравлёв, ни Митрохин слыхом не слыхивали не только о каких-то ритме и рифме, о клаузуле или цезуре, об амплификации и катахрезе, но и само слово *поэзия* было самым последним в их скудном жизненном словарном запасе.

На этот раз, чтобы всё было честно, писатель рассадил всех шестерых, включая себя, по датам рождения, начиная с наименьшей, но по часовой стре́лке, и с первым слогом *е*-ткнул пальцем, как только что выяснилось, в самого молодого – художника Николаича, который родился на 14 дней раньше обер-ефрейтора Салихдзяныча:

Ехал грека через реку,
через Рим и через Мекку,
мимо Марса и Венеры,
в райский сад и в дантов ад –
до начала новой эры
ехал числами назад!

И тут снова, как это тоже было уже не раз, последний неприличный слог *зад* пришёлся на неутомимого ногами Афанасьича, к тому же самого старшего в коллективе, который родился на 1 месяц и 3 дня раньше Альбионыча. Между этими персонажами словно навеки застряла некая сумма, (прости, русский язык!) эквивалентная двенадцати бутылочкам холодненького разномастного пивка! Вот и не верь после этого, мой читатель, в Суку-судьбу…

Видимо, поверил в неё и штатный скороход Великого ▲, задав странный вопрос спонсору мероприятия:

– Володя, мать честная, ведь мы живём один раз? Правда?

– Да, с этим сложно не согласиться.

– Тогда деньги давай, – протянул руку сторож.

На борьбу с этим желанием у литератора ушли последние силы, и он сдался – руки сами, без участия подавшего в отставку сознания, потянулись к карману.

– Держи! И хокку тебе в дорогу:

Кончилось пиво.
И деньги закончились.
Опять воровать…

Схватив деньги и ласково назвав их *манюнями*, сторож Полтавцев ломанулся в магазинчик, как на штурм рейхстага, и по всему было видно, что Афанасьич всерьёз нацелился на побитие мирового рекорда одного французского автогонщика[68]. Он (Афанасьич, а не автогонщик) помчался по прямой, приминая тяжёлыми ногами ломкие травинки, потом на ходу повернул голову и проорал оставшимся:

– Поскорбите пока без меня! Я быстро!

[68] Исторический факт. Граф Гастон Франсуаович де Шасслу-Лоба 18 декабря 1898 года установил первый официально зарегистрированный абсолютный рекорд скорости – 63,13 км/ч на электромобиле конструкции Шарля Пьеровича Жанто – прим. ист. редактора

Глава 28. ВОЛОДИНА ЛЕКЦИЯ О КАПУСТЕ И ХРУСТАХ

А писатель Кулемзин, услышав волшебное слово *манюни*, которое вызвало недоумение на партийной роже педагога, тут же решил просветить коллектив, так как имел вполне стойкое подозрение, что Серёнька, попавший в пещеру Калимы Аладдиновны, вернётся не скоро.

– Итак, друзья мои, яйчики-бабайчики! Вот, собственно, и всё, что я вам хотел сообщить! Шутка.

Военный музыкант, уже было схватившийся за правую сторону груди, где, как он полагал с похмелья, у него сегодня находилось сердце, облегчённо выдохнул и приготовился слушать дальше.

– Капуста, лавэ, филки, бабки, хрусты́ – как только не называют в народе заветные бумажки, без которых нет ни счастья в жизни, ни тем более холодненького пивка! А вот почему они так называются, я вам сейчас и поведаю.

Мы ж недаром башковиты –
на двоих и на троих:
деньги как ни назови ты,
лишь бы было много их!

– Кстати, не все жаргонизмы в области денежных отношений пришли к нам из криминального мира.

– Правда, святой Малевич? – удивился живописец, так как время от времени намеренно вставлял свои три мазка в общую картину мироздания – из опаски, что о нём могут забыть и, как следствие, не угостить.

– «Правда», – именем любимой партийной газеты преподавателя еврейского колледжа ответил Альбионыч. – Так, например, называть деньги *капустой* стали сравнительно недавно, а происхождение этого термина связывают с внешним сходством вилка́ капусты с туго свёрнутой пачкой денежных купюр. Мне же лично кажется, что в отношении этого жаргонизма произошёл вполне трансцендентальный переход – от трёхрублёвой советской купюры (б) салатного цвета к вполне зарубежному доллару сами знаете какого колера.

Есть намёк определённый –
я его и углублю:
изначально бакс зелёный –
из-за зависти к рублю!

– А знаете ли вы, мать моя партия, – неожиданно перебил рассказчика Мусаич, который очень не любил, когда кто-то оказывался умнее его, – что изучением происхождения разных слов занимается наука этимология?

– Ставлю на голосование, – жёстким голосом предложил финансово-жаргонный лектор. – Кто за то, что если Нуртай ещё раз меня перебьёт, пива ему сегодня не давать?

Вверх тут же взметнулось 5 рук, причём пятая рука принадлежала самому́ ленинцу, который, испугавшись столь сурового наказания, на всякий случай проголосовал не против, а тоже за.

– Итак, единогласно. Продолжим. Однако не всегда учёные, которым, как видно, заняться больше нечем, приходят к единому мнению по этому поводу. Так, например, само слово *деньги* по мнению одних исследователей имеет монгольское происхождение, ибо древние монголы называли эти единицы обмена баранов на муку *таньга*, а другие вообще связывают его с древнерусским словом *скот*!

Здесь все присутствующие почему-то посмотрели на Нуртая, который немедленно сделал вид, что он здесь ни при чём, и вообще плохо знако́м с каким-то никому не нужным древнерусским языком, а также с древними монголами лично.

Утверждает хатха-йога
вот такую из примет:
если скот – то денег много,
если сволочь – денег нет!

– А дело-то было простое: вначале у наших предков *бабками* и *филками* служили скот или шкуры животных – чаще всего при обмене разных товаров на бе́лок, соболей, куниц и другой *мягкой рухляди*, как называли в те времена меха́. Так что до нашествия монголов на русскую землю в нашем языке вообще не было сло́ва *деньги*: все ценности называли скотом, княжескую казну – скотницей, а казначея – так вообще скотником!

Здесь все присутствующие посмотрели на Альбионыча, но спонсора покерной хевры это не смутило, и он продолжил своё таинственное обозрение.

– Существует также несколько версий происхождения сло́ва *бабки*, однако лично мне знакомые лингвисты, включая профессора Фекалина, большинство из таких версий считают мифом, а вот реальное происхождение этого сло́ва связывают с жаргонным языком питерского преступного мира.

– А лавэ? – подал робкий голос антенщик Митрохин.

– А лавэ, мой любопытный друг, – ответил литератор с жаргонным уклоном, – также как и некоторые названия денег, заимствованы из других языков: например, *баксы* – из английского языка, а искомые *лавэ* – из цыганского. И раз уж постоянный гость наших (прости, русский язык!) раутов настаивает именно на этой истории, то я, как известный гуманист-просветитель, обязательно просвещу его!

Просветитель просвещает,
осветитель освещает,
а его дурак-начальник
только деньги обещает!

Итак, рассмотрим интересуемое нас лавэ. Во-первых, среди учёных людей, чуть-чуть

пристукнутых пыльным мешком из-за угла, ходит легенда, что лавэ – это… аббревиатура Liberal Values[69]. Кстати, именно эту версию воспроизводит мой тёзка Виктор Пелевин в своём романе «Generation[70] П». Красиво, конечно, но маловероятно, – хотя бы потому, что обозначение *лавэ* широко использовалось ещё в СССР (б), где о либеральных ценностях даже не догадывались!

[69] Либеральные ценности – лат.
[70] Поколение – лат.

Гораздо правдоподобнее выглядит версия, что лавэ является производным от цыганского слова *лувэ*, что, собственно и означает деньги. Кстати, весьма изящным выглядит и другой вариант, возводящий лавэ к французскому *laver*, то есть отмывать, стирать, то есть в данном случае лавэ – это легализованные деньги, полученные через отмывание *левых*, часто криминальных, доходов.

Запах денежный не ах, но
рад, когда они в руке:
деньги грязные не пахнут,
если их отмыть в реке.
Я соврать могу, но веник
с тряпкой точно не соврут:
отмыванье грязных денег –
непрестижный адский труд!

Глава 29. ВОЛОДИНА ЛЕКЦИЯ О КАПУСТЕ И ХРУСТАХ (окончание)

Ну, и раз начали про иностранную валюту, то и продолжим – рассказиком про самые знаменитые бумажки в мире – доллары, или, как привык называть их наш народ, баксы. Но вот почему доллар именно бакс?

Надо сказать, что до начала 90-х годов наш народ – что в России, что в Саксаулии, про эти деньги вообще никогда не слышал, а видели их только в кино типа «ТАСС уполномочен заявить» – в руках американского шпиона Джона Глэба в исполнении Бубы Кикабидзе. Пóмните самый популярный анекдот того времени? «А вы знаете, Хаим, что пиндосы[71] наши баксы долларами называют?». И одно время даже бытовало мнение, что бакс и доллар котируются в мире как один к одному!

[71] Это слово появилось совсем недавно – во время войны в Югославии, и применялось исключительно в отношении американцев. «Пиндос» – это по-сербски пингвин. Сербы в Хорватии называли американских военнослужащих пиндосами-пингвинами за то, что те постоянно ходили в полном военном облачении, и действительно чем-то смахивали на чёрно-белую птицу с походкой вразвалочку. Дело в том, что военные американской армии были щедро застрахованы, и любая неприятность, которая могла с ними случиться – от травмы до смерти – приносила немалые выплаты как пострадавшему, так и его семье – в случае гибели. Но страховой случай наступал только и исключительно во время непосредственного несения службы. А доказать сие можно было только лишь в одном случае – если солдат в момент ранения или смерти был в полной амуниции. Вот и приходилось бедным пиндосам постоянно ходить пингвинами! – прим. автора с извинением за эту внеплановую короткую лекцию

Есть версия, что бакс является производным от *бэк,* то есть *обратная сторона*, так как в начале своего существования доллары были зелёными только с одной стороны, и их одно время даже называли гринбэк – *зелёная спина*. Потом название редуцировалось до *бэк*,

в России став баксом, и даже *бакинским*, что не имело никакого отношения к братскому в то время Азербайджану!

В Баку такому рады круто –
на них здесь пьют, на них едят:
у *азеров* своя валюта –
не доллар, а простой манат!

Вторая версия увязывает возникновение названия бакс со сленговым наименованием самцов оленей, за чьи шкуры платили долларами, а уже после это название перешло на сами доллары.

Иногда доллары называют *мёртвыми президентами*, что в принципе понятно: на всех долларах, кроме сотенной купюры, изображены бывшие президенты США, среди которых уже нет ни одного живого!

А знаете ли вы, что слова́ доллар, юань, йена и даже тарелка являются родственниками – в том смысле, что все они переводятся как *круглый*. Например, доллар стал так называться от монеты *талер*, который, в свою очередь, является сокращением сло́ва *йохимсталер* – от чешского города Йохимсталь, где они первоначально и чеканились. Затем талер начал использоваться вообще как обозначение валют многих европейских стран и одновременно чего-то круглого – ну, монета же!

Нам копейки – тень от лажи:
среди них нет дорогих.
Не люблю монеты ваши –
не ужрёшься ведь на них!

Наверное, вот эта любовь к деньгам в конце концов и отразила некую национальную ментальность нашего языка, заставившую называть такие нужные для жизни бумаги разными словами, которых нет в «Словаре валют мира», издаваемом Нацбанком России. А произошло это по причине того, что поскольку отечественная национальная идея на данном этапе развития нашего общества вообще не приемлет таких понятий, как *священное право собственности*, – в отличие от стран, где оно стало не только юридическим, но и морально-нравственным гарантом капиталистического общества, то это так легко и отразилось в народном языке.

Кстати, аналогичная ситуация сложилась с понятием *бизнесмен*, который у русских издревле назывался *делец*, но именно в нашей речи приобрёл иронический подтекст, как бы подчёркивая, что деньги порабощают человека, а богатство может иссушить душу. А поэтически эту мысль гениально выразил Сергеич, у которого в «Руслане и Людмиле»

…царь Кощей над златом *чахнет*!

Безусловно, языки подвержены трансформациям, но только русский язык способен настолько обогатить сам себя, чтобы применить к одному-единственному слову *деньги* десятки (прости, родной язык!) эвфемизмов! Почему же это происходит? Да потому, что денежки для нас до сих пор являются некой таинственной, а то и сакральной сущностью, а сленговые, просторечные наименования как бы позволяют снять этот флёр, превратить их в обыденный предмет.

Самый простой пример – *хрусты* (здесь даже переводчик не нужен). А вот откуда, например, взялись *бабки*? Одна из версий возводит это название к сторублёвке с Екатериной II, которая была реальной бабкой нескольким российским императорам, и среди народа купюра сначала называлась *царская бабка*, ну а потом прилагательное как-то отпа-

ло – видимо, потому, что крестьяне вообще не знали слово *прилагательное*. То есть *бабки* – это были уже серьёзные деньги, ибо сто рублей в Российской империи – немалая сумма!

Говорю миролюбиво,
как набрать желанный вес:
много бабок – много пива,
мало бабок – пей *дюшес*!

Кстати, с этой же императрицей связано и название *катенька* – для соответствующей банкноты. Следующий, высший до революции номинал – в 500 рублей назывался *петенька*, так как на купюре был изображён Пётр I.

Русские – народ изобретательный, поэтому некоторые банкноты назвали по цвету купюр: среди них (купюр, а не банкнот) *красненькая* и *синенькая*. А одну купюру даже назвали по доли к сотенной – *четвертной*, то есть 25 рублей.

В 20-е годы прошлого века во времена гиперинфляции в СССР (б) появились *лимоны*, то есть миллионы, которые, кстати, вернулись в язык в девяностые годы, когда счёт снова пошёл на миллионы – всё из-за той же высокой инфляции!

Из 20–30-х годов пришло название *червонец* – так называлась параллельная рублю валюта: сначала золотые монеты, а потом и бумажные банкноты. К советской же десятирублёвке это название прилипло как переосмысление цвета купюры, ведь она была красной, то есть червонной. Кстати, наша покерная хевра давно знала, что одна из карточных мастей называлась *черви* именно по этому же принципу…

Наш урок всегда в резерве –
в мозг себе его вгони:
покеристы любят черви –
если козыри они!

А вот почему рубль в Стране Советов (б) называли *деревянным*? Согласно одной версии, это было обозначением никчёмности и бесполезности российской валюты, явленной в начале девяностых, когда бал правили некие *условные единицы*, за кои только и можно было купить что-то сто́ящее. У.е. сразу же стал эвфемизмом для иностранной валюты, как правило, доллара, хотя изредка это была немецкая марка. А в разговорном языке *деревянный* так и остался определением чего-то бессмысленного, тупого и бесполезного.

Другая версия связана с дизайном купюр. Когда в 1991 году поменяли деньги образца 1961 года, на новых банкнотах появились концентрические окружности, напоминающие годовые кольца дерева – может, именно отсюда рубль и стал *деревянным*, тем более что рублёвая купюра по традиции была песочного/коричневого цве́та, напоминавшего цвет древесины.

А любовь русских людей к денежкам проявилась в интимно-нежных прозвищах некоторых купюр. Вспомните:

10 рублей – чирик, червонец, чирибас
50 рублей – полтинник, полтишок, полтос
100 рублей – сотка, стольник, бумага
500 рублей – пятихатка, пятихан
1000 рублей – тонна, косарь, кусок, штука
5000 рублей – пять тонн

Ах, как витаю я в дурманах,

постигнув тайну бытия:
полно *бумаг* в моих карманах –
и, значит, пьяным буду я!

Глава 30. О КОРОТКОМ ПРИКЛЮЧЕНИИ СТОРОЖА В СЕЛЬПО

А что же Полтавцев, что же верный друг моего читателя Серёнька Афанасьич, который как ушёл в лабаз Калимы, так и нет его до сих пор? Но ведь те, кто прочёл уже $^{6}/_{7}$ нашего нескончаемого романа, хорошо знают, каким впечатлительным человеком является сторож-охранник магазина «Пингвин и гагара», и особенно в то время, когда он отдыхает от напряжённой службы без ружья. Всё ему интересно, до всего ему есть дело! Вот и сейчас, едва заскочив в магазинчик, он уже было направился к пивным развалам, как, немного привыкнув к полумраку, увидел следующую картину: по одну сторону прилавка стояла сама хозяйка сельпо Калима, а по другую – целая семья в составе мамы, папы и сынка, которые по случаю сегодняшнего воскресенья решили сходить отдохнуть в городской парк имени Горького Пьяницы, но перед этим, как люди умные, зашли *закупиться* напитками возле своего дома, так как в парке они стоили в три раза дороже.

Ну, скажите, разве можно
оценить своё чутьё?
Нам на отдыхе тревожно –
очень дорого тут всё!

Вообще-то сценка была душераздирающей: сынок примерно лет десяти дёргал за рукав маму и вопил на весь шоп:

– Мама, ну купи мне книжку с зайками!

«Какими ещё зайками?», удивился семижопинец и придвинулся поближе. И, действительно, рядом с пачками сигарет и упаковками презервативов лежали новенькие книжки-раскраски с зайцами, но в каком-то американском варианте – зубастыми, строящими рожи и с пистолетами-пулемётами «Томпсон» в лапах, забранных кожаными армейскими (или бандитскими?) перчатками с шипами.

– Сынок, да ты ведь уж вырос из таких книжек, – теряла терпение мамаша.

– Да нет, мама, мне с другими зайками! – вновь заканючил подросток.

«Неужели у Калимы есть другие книжки – с милыми советскими зайками», подумал Серёжа, «на которых, я, собственно, и вырос – под самогон деда Михея?»

Но действительность, как выражался нетрезвый друг охранника Батыршин, превзошла реальность! Оказалось, что ребёнок указывал пальцем на цветной календарь под названием «Милые зайки» – с какими-то явно раскрепощёнными, потому что совершенно голыми девицами на обложке.

– Подожди, сынок, пару лет, – заржал папа, – дорастёшь и до таких заек! Вот я, помню, в твои годы…

– Ах, так! – вспыхнула от гнева мамаша и потянула сынка из магазинчика. – Никакого вам парка сегодня обоим! – после чего выскочила из сомнительного универсама.

А папа подмигнул Афанасьичу, быстренько купил маленькую – в 0,25 литра – бутылочку водки «Фурманов» и смачно засосал её из горла́.

«Здо́рово!», решил бывший текстильщик. «Заведу себе когда-нибудь семью – тоже буду так делать!»

Я с родными не воюю,
хоть и пью одеколон:

игнорирую семью я, –
потому что пропитон!

Допив бутылочку и поставив её на прилавок со словами «Сдачи не надо!», мужик быстренько вышел из сельпо, а Афанасьич, чтобы не забыть только что принятого решения завести семью, обратился к хозяйке:

– Калима, вот мы уже много лет знакомы. Скажи прямо, царица лесная, как я тебе?

«Никак, придурок!», хотела ответить магазинщица, но подумала, что этим ответом может лишиться такого знатного покупателя и решила соврать:

– Да ничё так.

– Правда? – расцвёл от радости счастливый Полтавцев. – Ну, тогда подожди до завтра – я с утра помоюся и приду тебе предлóжить кое-какое предложение!

Глава 31. ДОЛГОЖДАННАЯ ИНИЦИАЦИЯ

После этого многообещающего предложения Серёжа наконец-то набил свою знаменитую котомку разномастными бутылочками, но примерно с одинаковым содержимым, и поспешил обрадовать задыхающийся от радости скорой встречи с ним коллектив, неся им не только похмельный напиток, но и весть о том, что по случаю воскресенья, когда все мужики из близстоящих домов, которые цéлую неделю пахали кто где, сегодня отдыхали дома, а расторопная Калима, как она сообщила сторожу по секрету в пахнущее чесноком ухо, ещё вчера договорилась с пивными перевозчиками о дополнительных поставках этого волнующего напитка.

Радостно спеша в родной Бермудский Учпучмак, бывший текстильщик ощущал себя добрым вестником, о котором когда-то читал в какой-то книжке, название которой давно забыл. Он, как и остальные сидельцы на покерной скамеечке, тоже мечтал о первом глоткé благословенного напитка, тем более что чувствовал спиной холод только что приобретённых бутылочек через тонкую и вытертую от времени ткань хурджина. Но мечта о бутылочке «Жигулёвского» гнездилась где-то в голове, как уже практически свершившийся факт, а вот в сердце, которое начинало биться всё горячее и радостнее, притаилась другая мечта – уже большая и основательная, о чём как-то пóшло говорить простыми словами, а вот стихами – запросто:

Я, покуда не умру,
не забуду бесподобное
ощущенье поутру –
ковш рассольчика холодного
и капусты кислой хруст!
Перемены постепенные,
постоянство перемен –
дети наши новой сменою
не узнáют прежних цен,
но всё так же, по-вчерашнему
будут верить и любить...

♠ ♠ ♠

…и капустой свежеквашенной
не забудут закусить!

– Серёжа, мать моя партия, давай быстрей! Чего же ты встал, святой Малевич? Шевели копытами, ёперный ходок! – очнулся он от раздражённых криков своих друзей и Нур-

тая, после чего глупые стихи с печальным всхлипом куда-то делись, а ноги сами понесли его к месту сегодняшней (прости, русский язык!) инициации.

Нет-нет, не подумай, мой читатель, что этот герой, которого Кулемзин называл швейком второго микрорайона, поумнел за прошедшую ночь, внезапно дорастя до таких высокоучёных слов. Просто автору со снобистским уклоном, который изредка любит делать вид, что именно он главный в этой книге, захотелось вставить свои 3 копейки в общее повествование – хотя и с мыслью о том, что вряд ли все его читатели поголовно знают, что же означает это таинственное слово.

В разных стадиях бывая,
в каждой я из них хорош –
забываю все слова я,
видя полный пива ковш!

Между тем слово это было настолько старым, да ещё и с латинским корнем, что просто не могло не быть с неким религиозным оттенком, хотя со временем стало применяться в том же значении, что и раньше, но коллективами, не относящимися к религии никак. И вот его подробности.

Инициация – это дословный перевод латинского сло́ва initiatio, то есть совершение таинства или просто посвящение. По сути – это обряд, знаменующий переход индивидуума на *новую ступень развития* в рамках какой-либо общественной группы или мистического общества. Примени, мой читатель, только что прочитанное к бермудской общественной группе или учпучмакскому мистическому сообществу, и ты всё поймёшь сам!

Над собою измываясь,
мы ведём себя к беде,
ведь бухáем, развиваясь –
только печенью в себе!

И если история религии различает три категории посвящения как три типа перехода, то и описываемая здесь ПИРС, или

Похмельная
Инициация
Разными
Составами

, тоже делится на три категории. Но – обо всём по порядку.

Первая категория включает в себя некие коллективные обряды, знаменующие переход от детства или юношества к взрослому возрасту, а также ритуалы, проходящие индивидуально или в узких группах. По-моему, здесь совпадает всё – и далеко не детский возраст участников похмельной попойки… тьфу, инициации, и узкая – в шесть рыл – групппа ежедневно инициирующихся, и всё остальное.

Вторая категория включает все виды обрядов вступления в тайное общество или братство. А ведь мой читатель давно знает, что все покеристы с подачи их гуру Кулемзина давно стали членами тайного братства под названием ПОЛК или, если кто забыл,

Партии
Ооткровенных

Любителей
Карт

Третья же категория посвящения была призвана подтвердить мистическое предназначение, которое на уровне первобытных представлений является признанием вождя (шамана, гуру, повелителя, дона, предводителя, атамана и т. п.). Не потому ли отличительной особенностью третьей категории посвящения являлось более сильное переживание – даже сродни религиозному – по сравнению с тем, которое выпадает на долю других членов общества, в братство не входящее. Пример? Пожалуйста. Старшая по дому Жанна Пантелеевна, или Ж П., как называл её Альбионыч, знала, что у этой группы людей, просиживающих в углу некой треугольной территории, есть свой явный лидер – Володя, но вот лидер чего – не знала, не понимала и очень мучилась от этого.

Кто злонравный? Кто неравный?
Перед кем всегда встают?
Как понять, кто в группе главный,
коли поровну все пьют?!

Мой грамотный читатель, и до того, надеюсь, бывший грамотным, а теперь ещё поднабравшийся дополнительной грамотности из нашей великой книги, конечно, знает, что самое быстрое на свете – это вовсе не исполнение армейской команды «К пище приступить!», как всю жизнь думал военный музыкант Батыршин, и не понос, как абсолютно точно знал уроженец деревни Семижопино Полтавцев, а мысль. Да-да, любая мысль, мелькающая в любой тыкве так быстро, что даже не успеваешь сообразить, о чём она там промелькнула.

А чтобы проиллюстрировать сказанное в предыдущем абзаце, нужно было просто посмотреть на двух учпучмакских индивидуумов – Серёжу и Володю, один из которых буквально через пару секунд должен был плюхнуть полную котомку на покерный столик, а второй именно за эту пару секунд вспомнил и рассказал сам себе историю о происхождении самого главного термина на Земле – по имени пиво.

Как хочется пива – не плова,
не каши какой-то перловой,
не супа мясного, густого,
а чтоб было рядом пивко:
такое хорошее слово,
и пьётся светло и легко!

И вот тебе, мой читатель, уже который раз преимущество этой толстой книги: ни один из членов покерной хевры так и не узнал этой истории, потому что Альбионыч если и хотел её рассказать, то просто не успел, так как через те самые две секунды Афанасьич всё же плюхнул на столик хурджин с жидким счастьем, а ты сейчас эту историю узнаешь, потому что только на страницах «Русской кочерги» быстростремительная володина мысль может развернуться в 16-строчную байку. Итак,

О названии лучшего напитка на Земле

В далёкие-далёкие времена, когда о пиве ещё мало кто знал, жили в одном городишке два мужичка. И очень они любили прихвастнуть да побаловать себя чем-нибудь крепеньким. Да вот несчастье, один из двух друзей вдруг брюхом заболел. Пошёл он к бабке-ведунье, а та и говорит:

– Сынок, знаю я один рецепт, да только сможешь ли ты его приготовить, хватит ли у тебя терпения, есть ли у тебя опыт?

– Да я, бабуля, для своего здоровья ничего не пожалею, всё сделаю.

– Тогда тебе, дорогой, придётся хлеб варить да мешать его с хмелем.

Дала ему бабка рецепт, и мужичок пошел домой. Сварил он это зелье, выпил, смотрит – и на душе тепло, и брюхо не болит. Побежал мужичок к своему дружку, хвалится, а тот и говорит:

– Как бы нам это зелье назвать, чтобы и я его пить мог хоть каждый день?

– А давай назовём его ПИВО!

– А почему?

– А потому, что это

Последовательное
Излечение
Всех
Отклонений

, – ответил ему друг, после чего они так и стали называть этот прекрасный напиток.

Глава 32. ДОЛГОЖДАННАЯ ИНИЦИАЦИЯ (продолжение)

И началось всеобщее тотальное счастье. Вот только что условные люди с пропитыми рожами разных цветов стонали от горя, которое постигло их после пробуждения, вот только что никому из них вообще не хотелось жить, вот только что они честили себя последними словами – за то, что вчера не сдержалась, а, напротив, пустили свои организмы *во все тяжкие*, что означает – согласно церковному уставу *типикону* – «пуститься в соблазны и грехи». Ну, ладно, соблазны ещё понять можно, а что это за грех – посидеть с друзьями и Нуртаем на свежем воздухе да попить немного черноплодных напитков, без которых жизнь вроде и продолжается, а с ними – тоже продолжается, но расцветая!

Вот только что эти условные люди не могли вымолвить и словечка, а после па́ры глотков словно какой *иблис* открыл им рты, и полилось оттуда что попало – и воспоминания о вчерашнем, и жалобы на неудавшуюся личную жизнь, но и некая *осанна* Всегалактическому Лекарству, принесённому сторожем.

Много ль надо для веселья?
За бутылочку держись:
есть лекарство от похмелья –
это пиво марки «Жизнь»!

Так, Муравлёв и Митрохин, словно братья-близнецы, одновременно задрали свои бутылочки «Тянь-Шаня» к небу, как зенитные орудия КС-19, и от удовольствия также одновременно произвели заход зрачков за веки. «Обширная контузия сознания», тут же продиагностировал литератор, никогда не упускающий возможности для набора неких писательских впечатлений, а потом почему-то вспомнил бессмертные строки Сергеича:

Я слышу вновь друзей
предательский привет…[72]

[72] Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Воспоминание» 1828 года – прим. лит. редактора

– Нет, ну, скажи, Валера, а хорошо мы вчера *поураганили*! – блестя глазами, приступил к воспоминаниям старший джус.

– Хорошо, святой Малевич, – улыбаясь, подтвердил живописец. – Спасибо Володе, что водку с утра не купил. Я, например, на неё после вчерашнего смотреть не могу!

– А водка и не предназначена для рассматривания, – уточнил Васюхан, после чего оба кинематографически гулко расхохотались, а потом запили собственный хохот гигантскими глотка́ми пенного.

– А помнишь, как я вчера каким-то бабам звонил, но ни одна, сволочь, так и не приехала? – одолел ещё одно воспоминание антенщик.

– Так это же твои супруги были – бывшие. Помню, Тане ты пообещал снова на ней жениться, а с Верой, если она приедет, прямо сейчас начать производство новых детей!

После этих слов штатный диагност Бермудского Учпучмака Кулемзин тут же расширил свой диагноз до строки в медкарточке Митрохина «Мощный психофизиологический ступор, отягощённый комплексом неуплаты налога за бездетность»

И Адам бывало,
если много пил,
бывшим своим рёбрам
по ночам звонил!

Хорошо было и преподавателю информатики Курманбаеву. Забыв основы марксистско-ленинской этики и эстетики, он обнимал свою прохладную тару, да ещё и разговаривал с ней, как Маяковский с Ильичом I в известном стишке «Разговор с товарищем Лениным», правда, говорил при этом не

«Товарищ Ленин, я вам докладываю
не по службе, а по душе…»

, а совсем другие слова, которые, видимо, только что родились в его похмельной партийной тыкве.

– Добрый день, бутылочка, мать моя партия! – радостно говорил он тихо, но марсианин с его тонким внеземным слухом всё же услышал сердечное приветствие.

«Если бы я тебя сегодня не увидел», подумал Володя, «то день, может быть, был бы и добрым», но лишь протяжно вздохнул, не произнеся ни слова, и только радуясь, что этот тихий шёпот прошёл мимо ушей Салихдзяныча, чья рожа цвета генеральских лампасов лоснилась и блестела, как праздничные хромовые сапоги на параде. Затем Кулемзин прислушался и уловил некие слова военного музыканта, в которых узнал какой-то слишком мудрёный трёхсмысленный тост типа «За будущее йодистое счастье присутствующих и отсутствующих!», после чего стало ясно, что батыршинское пиво «Маршал» никак нельзя было назвать (прости, русский язык!) седитативным, то есть успокаивающим.

По словам бывалых командиров,
если этикет не воспитать,
водка с пивом могут честь мундира
замарать. И даже пропитать!

Но лучше других явно чувствовал себя охранник Полтавцев: во-первых, он был горд, что именно на его долю выпало счастье доставки столь нужного напитка коллективу, и, во-вторых, он начитался разной рекламы, расклеенной на стенках сельпо Калимы, и сейчас вспоминал её, по ходу делясь соображениями сам с собой:

– Вот водка – мягкая, сок – добрый, сигареты – лёгкие, так почему же, царица лесная, так хреново на утро?

Афанасьич сидел на покерной скамеечке сутулый с похмелья, и писатель, глядя на него, подумал о том, что наличие «мозга» – это всё же огромная дополнительная нагрузка на позвоночник, а вслух обратился к бывшему текстильщику, чтобы немного отвлечь его от рекламных мыслей:

– Серёжа, яйчики-бабайчики, ещё некий Мишель де Пьерович Монтень, кстати, тоже не последняя скотина в философии, сказал одну умную вещь. Думаю, тебе это надо записать!

«Монтень?», удивился Афанасьич. «Интересно, что мог сказать умного этот фигляр?», но володиной просьбе подчинился, открыл котомку, вытащил оттуда заветный блокнотик «Для му.мы.» и под диктовку знатока афоризмов записал:

Жизнь сама по себе – ни благо, ни зло.
Она вместилище и блага, и зла, смотря
по тому, во что вы сами её превратили.

Потом он (Афанасьич, а не фигляр) четыре с половиной раза перечитал написанное, и вдруг его осенило.

– Так ты, Володя, имеешь в виду, что мы сейчас болеем, потому что сами виноваты?

– А кто же ещё? – весело отозвался Володя. – Сергеич, что ли?

– Согласен, не Пушкин, конечно, но, думаю, что ты! – неожиданно обвинил охранник благодетеля коллектива.

– Я?! – изумился марсианин.

– А кто нас вчера, мать честнáя, *на свои* напоил?

Эх, нежадная Рассея,
разливай по термосам:
трачу деньги на друзей я,
оставаясь трезвым сам!

«Ну ладно, пропадлюка», подумал штатный спонсор Великого ▲. «Я тебе вечером эти слова́ припомню!», а вслух сказал:

– Запомни, Серёжа, на всю жизнь: у алкоголика не может быть не только вечной жизни, но и жизни вообще!

Афанасьич даже взвизгнул от восторга, что не успел спрятать книгу жизни, ибо спешно записал на чистой страничке красным концом карандаша – чтобы не забыть вечером прочитать подруге Зуле, выдав услышанную мудрость за свою: «Когда кажется, что твоя молодость будет длиться вечно, то мироощущение одно, а когда вдруг осознаёшь, что не только молодость, но и сама жизнь может закончиться в одно мгновение, не испрашивая на это твоего согласия, мировосприятие становится совсем другим»

Пил много разного,
мешал и смешивал,
и с унитазами
ругался бешено!

Глава 33. ДОЛГОЖДАННАЯ ИНИЦИАЦИЯ (ещё одно продолжение)

И тут военного оркестранта, практически залпом засосавшего литр (две бутылочки по 0,5) весьма крепкого «Маршала» и ещё ни разу не сбегавшего в бермудские кусты из-за пропадлючьих происков ленинца, вполне ожидаемо переклинило. Он выставил на столик пустые бутылочки, скомандовал им: «На первый-второй, рассчитайсь!», затем проверил, что расчёт произведён правильно и повернулся к сторожу, который сидел слева от него:

– Серёжа, вот мы же с тобой ёкарные друзья?

– А ты кто?

– Я Талгат.

– А, ну тогда да.

– Хочу попробовать из твоей бутылочки – мне верные люди говорили, что твоё «Жигулёвское» цепляет страшно.

– Держи, царица лесная, – великодушно предложил Афанасьич и протянул Салихдзянычу свою тару горлышком вперёд. Батыршин набрал полный рот, чтобы глотнуть как следует, и тут же перешёл в иное зоологическое состояние, ибо его родные глаза куда-то делись, а вместо них появились взятые напрокат у филина.

На сосне вблизи Анапы
вдруг проснулся интерес:
пучит филин глазенапы
на сову и тёмный лес!

После этого обер-корнет выплюнул чуть-чуть не проглоченное и стал рыться по карманам, чтобы найти платок и посредством его – как некоего паруса – обдуть свою военную пасть на предмет проветривания. Правда, платка, которого, признаться, в его карманах сроду не было, он вытащил какой-то бумажный листок и сделал то, что хотел.

– А это у тебя что? – полюбопытствовал Володя, который пользовался любым моментом, чтобы пополнить копилку своей памяти – для последующего использования добытых сведений в очередной том своего великого романа «Русская кочерга». А вот мой читатель, надеюсь, хорошо помнит, что именно эту бумажку-извещение старший трубач вытащил из своего почтового ящика ещё в главе 22 данного то́ма.

Растолмачу без стакана –
просто всё здесь, как яйцо –
извещает КСК[73] нас:
мол, плати, причём, за всё!

[73] Кондоминиум собственников квартир. Об этой странной организации – в главе 231 первого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

– Да вот – платить за ёперную дачу надо!

– А ты же, яйчики-бабайчики, помнится, радовался, что теперь у тебя с дачи всё бесплатно будет.

– Ну, д-д-да, – заикаясь, подтвердил счастливый дачевладелец.

– А-а-а, понятно, – улыбнулся писатель. – Я представляю себе примерно такой рекламный расклад:

Купи землю, навоз, торф, теплицу, семена, удобрения, средства от вредителей, рассаду, инструменты, бензин для машины, оплати электроэнергию, полив грядок и вывоз какашек, а потом – наслаждайся *бесплатными*

овощами и фруктами!

– Ну да, – подтвердил еврейский зять. – Приходится помалёху за всё отстёгивать. Но главное – вода! Вот за неё больше всего денег уходит.

– Вот ты бестолковый, святой Малевич! – неожиданно припечатал его Николаич, который, как выяснилось через мгновение, пропил ещё не всю память. – Так тебе же ещё 65 лет назад Вася и Йосик об этом говорили: что, мол, без воды – и ни туды и ни сюды!

– К-к-какой Вася? – вновь стал заикаться Талгат. – К-к-какой Йосик?

– Да Лебедев-Кумач же с Дунаевским! – удивляясь беспамятству Салихдзяныча, уточнил живописец. – В фильме «Волга-Волга»…

– Вообще-то я не глухой, – обиделся трубач. – Мог бы название реки дважды не произносить!

Тот повтор как есть неладен –
после вин полусухих:
«Волга-Волга», «Баден-Баден» –
это только для глухих!

Несчастный татарский музыкант уже много раз пожалел, что несколько лет назад в приступе неконтролируемой щедрости послушался жену, тестя и тёщу – о том, как необходим семье небольшой домик за городом, куда можно будет съездить на выходные и отдохнуть если не с шашлыком, то с мацой точно. Этот приступ в конце концов выразился в том, что он написал заявление начальству, после чего ему (кстати, за весьма небольшие деньги) выделили стандартный участок в 6 соток, правда, на каком-то косогоре, потому что все ровные места уже были разобраны командным составом.

А о воде, как причине несчастной семейной жизни своего товарища, Володя даже написал щемящие 8 строк, правда, не вошедшие ни в одну антологию XX века, хотя, по его мнению, и были достойны этого:

Поэты очень часто пишут оды
и славят в них тиранов и царей,
а я вот вам хочу сказать про воду:
ведь на земле она всего важней!
И даже те, кто жажду утоляют,
как правило, совсем и не водой,
её в больших объёмах потребляют,
когда у них кончается запой!

Но вот прошли те самые контрольные 20 минут, которые русские (и остальные бывшие советские) люди дают сами себе на первые лекарственные приёмы пивка от похмелья, и, как правило, это бывают именно две бутылочки пива или, чтобы было понятно сомалийским детям, если им случайно попадёт в руки эта книжка, 1 литр. Но нельзя сказать, что этот верный лекарственный препарат помогает буквально всем. У иных этот литр словно по воронке, встроенной прямо в пищевод, таинственным путём попадает не в желудок, а прямо в мозг, а у иных любителей пенного напитка – так даже иногда и в сердце, и вот тогда излечение гарантировано.

А у других уже после первой бутылочки вместо облегчения возникает лёгкое, а иногда и тяжёлое ощущение дурноты, как от резкой смены направления на центрифуге. И вот тогда вместе радости и веселья начинаются безобразные стоны, хватания потными и трясущимися руками себя за тыкву, которая согласно учебнику анатомии за 9 класс, всё-таки должна быть головой, а также различные виде́ния, которые не имеют ничего общего с хо-

рошими и добрыми снами. Например, у Альбионыча такой сон случился недавно, и так впечатлил его, что даже отдался в организме знатного поэта двух веков стихом, которому мог позавидовать сам кулемзинский муз Вася Курочкин. А назвал его Володя

Вагончик снов

Без кинжала и берданки,
словно бы по волшебству,
на забытом полустанке
я в вагончике живу.
Хорошо на верхней полке,
хоть здесь стёкла и мутны –
только бродят рядом волки,
разгрызая мои сны.
Здесь действительность иная
с полки не даёт упасть –
я ворочаюсь, стеная,
ведь во сне я вижу пасть.
Это волк нацелен гончий
брать клыком, а не умом,
но надёжен мой вагончик –
укреплён тяжёлым сном.
Здесь повсюду острохвосты
наблюдают из-за рвов,
но пока я сплю, мне просто
отбиваться от волков…

Глава 34. ДОЛГОЖДАННАЯ ИНИЦИАЦИЯ (окончание)

И вот сейчас, набираясь писательских впечатлений для последнего то́ма своего великого романа, марсианско-земной литератор Кулемзин, стараясь быть отстранённым зрителем, наблюдал, как ведут себя те или иные персонажи нашего повествования. Ему было легко это делать не только потому, что он сам являлся демиургом того, что происходило на этих страницах, а ещё и потому, что в реальности после первой бутылочки мозги у Володи – не в пример другим – прочищались до кристального целомудрия, и весь окружающий мир начинал сиять перед глазами радужными красками. Именно в эти мгновения к поэту-перипатетику приходило понимание того, что пиво с утра – это не алкоголизм, а второе дыхание молодости, счастья и других красивых русских слов.

Я пою о них в *курсивах*,
славлю среди прочих вех:
знаю много слов красивых,
но пивко – краси́вей всех!

А вот у персонажей, которых он правдиво описывал для твоего удовольствия, мой читатель, было всё по-другому. Например, сейчас покерный гуру с изумлением прислушивался к разговору между Муравлёвым и Митрохиным, которые с упоением вспоминали вчерашнюю пьянку.

– А помнишь, Валера, как я тебе вчера рассказывал про свою работу на ГЗП – оператором ПФК?

– Конечно, помню, святой Малевич, – обрадовался воспоминанию живописец. – Это когда у вас оборвало накидную МПУ, да так, что отрезало ФГП, и она провалилась в яму

надстроечного УГБ?

– Точно! – восхитился памяти товарища антенщик. – А механик ОРМ тогда оказался пьян, и потому не смог организовать извлечение отрезанной части ФГП, которую отбросило волной на территорию МДУ.

– Да, – восторженно подтвердил памятливый Николаич, – могу себе представить силу этой волны, учитывая что ОРГТ, о которой ты мне рассказывал, находилась на предприятии закрытого ФСНРГ!

Все, как зачарованные, слушали якобы вчерашнюю таинственную историю, пытаясь расшифровать хотя бы одну услышанную аббревиатуру.

– Други мои, – наконец не выдержал писатель. – Мне срочно надо сходить домой!

– Утюг забыл выключить, мать моя КПСС? – радостно предположил педагог.

– Холодильник забыл захлопнуть, мать честнáя? – выдвинул свою версию вечно голодный Полтавцев.

– Да нет, просто Володя решил на всякий случай проверить йодистые торсионные поля псевдориманова ёперного пространства, – брякнул Салихдзяныч, после чего настолько удивился сказанному, что на какое-то время впал в интеллектуальную кóму.

Мозг как будто прокачали –
ох, меня он и достал:
много знал я – жил в печали,
а забыл – и счастлив стал!

Альбионыч через минуту уже входил в свой подъезд, потом в Личное Место-Имение, а потом в тайную трансформерную комнату, где держал от посторонних глаз уже изданные томá своего великого романа «Русская кочерга». Он прекрасно помнил, что в прошлом шестом томе произведения в главах с 218-й по 224-ю и с 227-й по 233-ю, где он как раз описывал вчерашнюю пьянку, назвав их «Путешествие в параллельный мир», ни о каких ФГП и МДУ речи не шло, и откуда их взяли вконец распоясавшиеся персонажи, было совершенно непонятно. Подозрение в том, что описанные главы он назвал именно так совсем не случайно, начали утверждаться в литераторе всё больше и больше.

Найдя том и по-русски, то есть *на всякий случай*, проверив бредовые показания похмельных героев, он убедился, что прав, и таких разговоров вчера действительно не было. А чтобы немного успокоить пошатнувшуюся от чужого бреда родную нервную систему, Альбионыч проследовал на кухню, заодно проверив предположение Афанасьича насчёт незахлопнутого холодильника, и вытащил оттуда ледяную бутылочку «Тянь-Шаня», которая немедленно помогла ему восстановить душевное равновесие.

– Яйчики-бабайчики, – бормотал он, прихлёбывая пиво с маленькими кусочками льда внутри бутылочки, – когда-нибудь эти иблисы всё-таки доведут меня до инфаркта!

Поделюсь таким я фактом,
что не ведает никто:
чтобы не было инфаркта,
пейте пиво – литров 100!

И уже отправившись в обратный путь к покерному столику, наш писатель пришёл к печальному выводу, что только у наших людей выражение *поправить здоровье* означает нажраться ещё больше, чем вчера! А подойдя к покеристам и примкнувшим к ним неиграющим Валере и Васюхану, он вновь услышал стон, но на этот раз не со стороны коллектива, а из не раз уже упоминавшихся в романе бермудских кустов, после чего немедленно включил свой марсианский прибор РОЗА, или, чтобы было понятно читателю,

Распознаватель
Отвратительных
Звуков
Антиподов

, который показал, что в кустах засели отъявленные враги покерного коллектива Глав-Бух (бывший Кацоев) и его морганатическая подруга Галлюцинация (бывшая Смирнова).

– Этот стон у нас песней зовётся…

, – тут же процитировал Володя покойного Николая Алексеевича[74], радуясь, что при жизни великому русскому поэту посчастливилось не узнать, кому же через 145 лет после написания могла быть посвящена его гениальная строка.

[74] Н. А. Некрасов «Размышления у парадного подъезда» (1858) – прим. лит. редактора

А усевшись на своё место, главный бермудец понял, что разговоры не прекращаются, и мало того, имеют всё тот же явно маразматический уклон. Например, Альбионыч обратил внимание, что большевик подвинулся ближе к соседу по лестничной площадке и, обняв его, как видно, из больших братских чувств, проникновенно спросил, деликатно придерживая под локоток:

– Серёжа, как ты себя чувствуешь, наверное, спрашивать не надо?

– Почему же, царица лесная, спроси, – храбро напросился экс-текстильщик.

– Хорошо, мать моя Октябрьская революция. Итак, как твоё здоровье?

– Ноль целых, хрен десятых, – честно ответил математически подкованный сторож.

«Клянусь своею красной кровью»,
мне толковала мадмузель,
«когда шатается здоровье,
быстрей домой – и раз в постель!»

Увидев, что номер с Афанасьичем не прошёл, Мусаич развернулся в другую сторону, где на беду сидел Володя, и неожиданно взял его за пуговицу рубашки, хотя Кулемзину очень не нравилась такая фамильярность.

– У нас так много общего, – неожиданно сообщил он писателю.

– Это ты о монголах, что ли? – уточнил писатель. – Тогда по этому поводу – стишок.

– А он длинный? – уточнил Муравлёв, держась за голову и постанывая.

– 8 строчек, – уточнил знатный саксаульский поэт.

«Выдержу», подумал Валера, а вслух произнёс русскую формулу разрешения:

– Давай, святой Малевич!

И знатный поэт двух веков дал:

На ду́шу не возьму свою греха –
я, в твёрдой памяти и в общем-то не пьян,
скажу монголам: «*Ихний* Чингисхан –
фактически родитель россиян!»
Но мы монголам тоже дали счастье –
к примеру, *ихний* лидер Цэдэнбал[75] –
он был женат на русской бабе Насте[76],
которую любил и целовал…

[75] ***Юмжагийн Цэдэнбал – генеральный секретарь Монгольской Народно-революционной партии, маршал МНР – прим. ист. редактора***
[76] ***Анастасия Ивановна Цэдэнбал-Филатова – глава Республиканского детского фонда МНР – прим. ист. редактора***

Глава 35. КОРОТКАЯ ЛЕКЦИЯ О ПОХМЕЛЬЕ

И тогда великий просветитель похмельного саксаульского народа решил сделать последнюю попытку хоть как-то повлиять на «мозги» подотчётной покерной хевры. Правда, сделать это без смазки слишком серого вещества коллектива было слишком трудно, поэтому он, не долго думая, сочинил ещё одну считалку – чтобы очередному ходоку было не так обидно облагодетельствовать общество: ведь вроде не он сам распорядился: иди, мол, а некая Сука-судьба:

К походу есть здесь свой подходец,
что честь позволит соблюсти:
идёт в поход наш скороходец,
чтоб счастье быстро принести!

На этот раз последний слог *-ти* выпал на Васюхана Митрохина, и старший джус, вздохнув, как двухтонный котёл на паровозе Джорджа Гарландовича Стефенсона, взял в поход сразу три вещи: 1. инициативу в свои руки; 2. деньги у Кулемзина; 3. котомку у Полтавцева, после чего отправился на очередной поклон Калиме. Впрочем, поклон был совсем недолгим, так как ни Васюхан магазинщицу, ни она его толком не знала, о чём говорить, оба не ведали, поэтому покупка прошла на удивление быстро. Так что, рассадив персонажей, Володя приступил к своей самой короткой в жизни лекции о похмелье.

– Друзья мои, – проникновенно начал он, оглядев всех по очереди и споткнувшись на умильной роже Курманбаева. – Друзья мои, то, что пить вредно, я рассказывал вам уже много раз. Но сегодня, яйчики-бабайчики, я хочу углубить ваши знания ещё одной мудростью – вредно также и похмеляться!

Мне объяснила китаянка,
давая вместо водки чай:
«Похмелье – это та же пьянка!»
«А я не знал! Ну, наливай!»

– Обоснуй, ёперный псевдонарколог! – по-военному кратко отдал распоряжение единственный погононосец в коллективе.

– Слушаюсь! – ответил лектор без погон и продолжил:

– Все, наверное, заметили, что последнюю неделю вы употребляли алкогольную продукцию, мягко говоря, не очень дорогую. А ведь именно она как раз и приводит к сильному похмелью. К сведению Полтавцева, который, изучая иностранные языки, как-то уже стал подзабывать родной русский, слово *недорогой* является синонимом слова *дешёвый*, а оно применяется как раз для обозначения чего-то некачественного.

– Позволь возразить! – хором возразили неразлучные алкоголики Николаич и Васюханыч.

– Возражайте! – не стал возражать против возражения Володя. – Но только строго по очереди.

– Вот ты, святой Малевич, говоришь про что-то некачественное, – возразил Валера. – А я думаю, что со мной согласятся все *употребляющие*, что это некачественное – очень вкусное. Почему этого не знаешь ты? Да потому что просто не пробовал!

– Теперь моя очередь, – продолжил возражения Митрохин. – И моё возражение касается твоего морального облика, Володя.

– Вот как, – обескуражено пробормотал остановленный лектор, после чего повторил батыршинский призыв:

– Обоснуй!

– Так как деньги на алкоголь для нашей хевры даёшь ты, значит, именно ты и остаёшься ответственным за наше здоровье. Я же не думаю, что, давая деньги на дешёвое спиртное, ты хочешь намеренно загнать нас в гроб!

Потеряв свою резьбу
и судьбы подходцы,
алкоголику в гробу
хорошо живётся!

– Да что ты, товарищ! – горячо воскликнул Альбионыч. – С этого дня…

«…а я надеюсь, что именно этот день будет последним описанным днём в моём романе…», мелькнула несвойственная щедрому спонсору мыслишка.

– …я обязуюсь поить вас только высококачественным пойлом – за большие деньги!

– А я, мать честна́я, возражаю! – объявился третий возражалец в лице сторожа-охранника, и литератор понял, что лекция, не начавшись, может закончиться сию минуту.

– Обоснуй, мать моя партия! – и в третий раз услышал Бермудский Учпучмак суровую военную формулу, на этот раз от Мусаича.

– Вот, например, возьмём 3 тысячи 242 назарбакса, – навскидку предложил Серёнька, после чего страшно испугался астрономической суммы, которую никогда не держал в руках. – Или немного меньше…

Если квасить без разводки –
неразбавленную чтоб! –
много денег – много водки,
много водки – ближе гроб!

– А для чего? – спросил на бегу́ чумазый дворовый дитёнок и тут же ускакал в своё нездоровое детское будущее. За ним, поднимая пыль, по Бермудскому Учпучмаку веером, как регбисты, побежали другие дворовые дети.

– Ась? – встрепенулся Афанасьич. «Помни́лось, вестимо…»

– Серёжа, так что там втирал про парсековые суммы? – ввернул старший джус.

– Я про персики ничего не говорил, – строго поправил его семижопинец. – Я про то говорю, что на большие деньги, ежели брать дорогое бухло, то возьмёшь меньше, а ежели дешёвое, – то больше! Об этом, помнится, ещё Ленин говорил.

– Ты Ильича, мать моя КПСС, не трогай! – сурово оборвал его коммунист Курманбаев. – Он вообще ни про какое бухло никогда не говорил и не писал!

– Эх ты, зайка-зазнайка, – по-детсадовски опозорил Нуртая перед коллективом бывший текстильщик. – Что-то рановато ты стал впадать в старческий маразм, что-то рановато ты начал забывать ленинские работы, и в частности его статью от 2 марта 1923 года «Лучше меньше, да лучше»!

– Ну, и где там про бухло? – стал горячиться педагог.

– Да там не только про бухло, а и про нас с тобой, – просветил большевика новоявленный марксистский филолог. – Первая часть, то есть «Лучше меньше» – это про твою па́йку, а вторая, то есть «да лучше» – про мою!

– А почему это тебе лучше? – возмутился Мусаич.

– А ты вместо бухла книжки свои читай – авось часом поумнеешь *до моего уровня*!

Читай – и станешь ты умнее,
бухай – и станешь веселее!

– Послушайте, ёкарные знатоки, – внезапно озаботился обер-фельдфебель музыкальных войск Республики Саксаулия. – Кончайте уже препираться, тем более что наш друг Володя хотел нам рассказать какую-то умную лекцию про похмелье.

– Да, собственно, уже всё, яйчики-бабайчики, – горько проронил несостоявшийся лектор. – Впрочем, добавлю самое важное: пья *горькую*, избегайте солёных закусок, способных впоследствии вызвать жажду.

Чтоб нам не травмировать почки,
запомни скорее, дружок:
селёдка, капустка, грибочки –
закуска под чай и квасок!

«Жалко, царица лесная», огорчившись, подумал Полтавцев. «Значит, теперь и грибочки маринованные, и капустку квашёную, и селёдочку малосольную – всё побоку! Не хочется, конечно, верить, в такое страшное варварство по отношению к русской закуске, но и не верить нельзя – ведь это завещал нам сам НЕТ!»

А чтобы читатель не подумал, что сторож на почве алкоголизма наконец-то съехал с ума, то расшифруем для него (читателя, а не сторожа) и эту аббревиатуру:

Национальной
Еды
Толкователь

Глава 36. СКАЗКИ III МИЛЛЕНИУМА (Пятнадцатый блок)

– Ну что, други мои? – сделал строгое лицо распорядитель всех запланированных на день мероприятий. – По покерцу-другому?

– Да ты что, Альбионыч, с карагача рухнул? – недоумённо пожал плечами уроженец деревни Семижопино. – Али забыл, как у нас всю неделю начиналось?

– Ну, напомни, – иронично попросил Володя, на память вроде бы не жаловавшийся. И напрасно, ибо краснеть ему пришлось после первых же слов сторожа.

– Во-первых, после приёма похмельных напитков, кстати, весьма малочисленных…

Здесь все остальные скорбно закачали головами, как бы подтверждая печальные слова́ Полтавцева.

– …ты нам всю неделю с утра *втирал* две непременные штуки. Так почему именно сегодня ты решил их про-иг-но-ри-ро-вать? – выговорил он трудное слово, после чего издал короткий смешок:

– Неужели по случаю выходного дня? Али устал за неделю?

Я умом не повредился
при бесчеловечии:
всю неделю я трудился –
над леченьем печени!

Здесь все остальные сделали вид, что подавляют такие же короткие смешки.

– Какие штуки? – пожал плечами писатель.

– А такие, брат Альбионыч, – поднял его в родственном чине Афанасьич, – что, во-вторых, ты нам ещё кое-что должен.

– А именно? – ещё раз пожал плечами литератор.

– А именно некие сказки, которые, например, лично мене очень помогают в деле соображения при игре в *русскую кочергу*.

Здесь Кулемзин звонко хлопнул себя по лбу:

– Точно, яйчики-бабайчики! Как же я мог забыть?

– И ещё некие исторические истории, которые случились сегодняшним днём, но много лет назад.

Здесь все остальные начали сомневаться в психическом здоровьи покерного гуру, так как второй хлопóк по лбу был ещё звонче, а лицо его (гуру, а не хлопкá) покраснело, причём, не только в месте двойного удара.

– Да, – вынужденно признался провинившийся, – прошу простить мою забывчивость. Правда, у меня есть оправдательный документ – свидетельство о рождении, где фиолетовыми чернилами по жёлтому листку написано, что я родился ещё в прошлом веке! А разве в таком возрасте полноценную память сохранишь?

Словно тыква разрядилась,
словно кончился весь дар:
ох, и память прохудилась –
как старинный самовар!

Здесь все остальные сокрушённо покачали головами, так как возрастом ушли недалеко от своего явно заболевшего тыквой товарища.

А он, чтобы быстрее избыть позор беспамятства, уже было приступил к рассказыванию очередных сказок, как вдруг вспомнил, что ещё в начале этой книжки, в главе 9 распечатал их на принтере, а листок сложил и сунул в карман штанов. Порадовавшись, что к нему так быстро вернулась память, Володя полез в карман, но никакого листка там не обнаружил. Вскоре та же участь постигла и другие карманы, включая маленький потайной кармашек под названием *пистон*.

«Вот ведь какая непруха», подумал он, «какой-то старший прапорщик утром сунул в карман платёжку от садоводческого товарищества, а потом достал её оттуда как ни в чём не бывало, а мне, человеку с двумя кандидатскими диссертациями да двумя высшими образованиями Сука-судьба опять подсунула такой кизяк!»

Впрочем, такие мысли уже не раз мелькали у нашего героя, и однажды даже вылились в горький стишок о двух художниках – и это были вовсе не Муравлёв и его наставник по Отцеябловскому государственному предприятию «Гороформление» бригадир художников Петрович[77].

Не снилось это Казимиру [78],
не знал об этом Куперман [79]:
уж сколько раз твердили миру,
что наше горе – от ума!
Один из них был королевич,
другой же эмигрантом слыл,
ведь умным был маляр Малевич,
и умным Юра Купер был!

[77] Об этом человеке – в главе 123 первого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

[78] Казимир Северинович Малевич – гениальный русский и советский художник, основоположник супрематизма, автор известной картины «Чёрный супрематический квадрат»[80] – прим. худ. редактора
[79] Юрий Леонидович Куперман (псевдоним Купер) – советско-российско-американский художник – прим. худ. редактора
[80] Монография автора об этом полотне – в главах 163, 165, 167, 169, 171, 173, 175 и 177 четвёртого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

– Что же делать? – пробормотал он. – Не вспоминать же их снова?

– Что ты там бормочешь, мать моя КПСС? – недовольно заметил партийный преподаватель информатики.

– Может, уже начнёшь просвещать коллектив, мать честнáя? – поддержал соседа охранник, открывая очередную бутылочку «Жигулёвского» о край покерного столика.

– Хорошо, что ёперная Аида или ещё не проснулась, или ей уже противно со мной разговаривать, – пробубнил Салихдзяныч, хотя не все поняли, какое это имеет отношение к предстоящим литературным чтениям.

– Короче, Володя, давай! – подвёл черту под дискуссией Митрохин.

И Володя, как всегда, не подкачал.

1

Умирает папа Карло. Карабас-Барабас допытывается:

– Ну, хоть перед смертью открой мне секрет! Как тебе удавалось управлять деревянной куклой без шнурочков?!

– Wi-Fi…

2

В старости Колобок спокойно гулял по лесу, понимая, что зубы ломать никому не захочется.

3

На поляне неподвижно лежал Буратино, а над ним кружили чёрные дятлы...

4

Никогда ещё Дон Кихоту не попадалась такая увёртливая мельница, ведь Карлсон был просто в восторге от игры в пятнашки!

Единственный, кто честен был всегда,
умел любить, и смело шёл вперёд,
в глаза смотреть мог людям без стыда –
был шут, изгой и клоун Дон Кихот!

5

И пошел Максим Галкин к синему морю, и закинул невод, и поймал Золотую Рыбку. А она и говорит ему:

– Ступай себе с *дедушкой*, у твоей старухи и так всё есть!

6

Женился человек-невидимка на женщине-невидимке. А дети у них получились – ну вообще смотреть не на что!

7

Вышла Василиса Прекрасная замуж за Ивана Дурака. И стала по паспорту Василиса Дурак.

8

– Ура! – закричала Золушка. – Туфелька мне подошла! Когда свадьба?

– Не спешите, дорогая, – ответил Принц. – Это был полуфинал. Сейчас будем мерить бюстгальтер № 5…

9

– Железный Дровосек, а почему ты такой смелый?

– Да потому что у меня железное очко!

10

Сказочное объявление в сказочной газете: «Избушка на курьих ножках убедительно просит откликнуться джигита кавказской национальности, который недавно уговорил её повернуться к лесу передом, а к нему задом – на предмет взыскания алиментов!»

Охраняет Бабка Ёжка
от беды зверей и лес,
а изба на курьих ножках
стала штабом МЧС!

♠♠♠

«Кажется, выкрутился!», обрадовался штатный сказочник Великого Игрового ▲. «Теперь бы ещё вспомнить памятные даты этого дня – и полный порядок!». И зря, кстати, он волновался, – это вам я, как автор повествования, говорю, ибо память у нашего героя была отменная.

– Так, Альбионыч, теперь памятные даты этого дня, святой Малевич, – и полный порядок! – дал следующее распоряжение живописец Муравлёв.

Глава 37. У НАС С ДАТАМИ – ПОЛНЫЙ ПОРЯДОК!

– Полный порядок, говоришь? – улыбнулся писатель, готовый сию секунду превратиться в историка-просветителя. – Я порядок и сам люблю, и другим не дам его наводить! Итак, други мои, сегодня, если вы ещё не осознали этого исторического факта своими похмельными тыквами, 31 августа. И если с утра стоит такой ласковый, солнечный и явно летний денёк, то нам, конечно, же, кажется, что прошла половина года, и до зимы ещё ой как далеко.

– А, может, её вообще в этом году не будет? – неожиданно задал философский вопрос Афанасьич, но так как на него никто и не подумал отвечать, он понял, что вопрос получился, как выражается его друг Володя, рыгоратический.

Говорил один философ,
утром скушав белены:
«Риторических вопросов
у нас полные штаны!»

– Но нет, яйчики-бабайчики, вы удивитесь, но до конца года осталось всего 122 дня.

– Как?! – хором вскричали покеристы и примкнувшие к ним посторонние лица. – Не может быть!

– Да в том-то и дело, что может, – просто, как это делал всегда, объяснил Кулемзин и

стал загибать пальцы:

– Вот смотрите, завтра начнётся сентябрь…

– Как, мать моя партия?! – повторно вскричал педагог Курманбаев. – Так мне что, завтра в свой колледжа переться?

– Именно, завтра, Нуртай, и именно переться!

«А вот мне на ёперную работу только 2 сентября!», удовлетворённо подумал старший прапорщик Батыршин.

«А меня, наверное, уже вообще уволили!», радостно подумал старший джус (б) Митрохин.

«А я и не помню, святой Малевич, когда вообще ходил на какую-то работу», счастливо подумал живописец Муравлёв.

«А я помню, что у меня, мать честна́я, идёт отпуск, но вот сколько мне дали дней отдохнуть и когда надо выходить, я не то что не помню, а никогда и не знал», с необыкновенно светлым чувством в душе́ подумал сторож-охранник магазина «Пингвин и гагара» Полтавцев.

Хорошо сейчас на диво –
как на вышках нефтяных:
отпуск – это много пива,
но конец всех отпускных!

– …так вот, – продолжил календарный счетовод, – завтра сентябрь, потом октябрь, потом ноябрь, потом декабрь, и если мы приблизительно возьмём каждый из этих четырёх месяцев по 30 дней, то получится…

– Подожди, подожди, – воскликнул Валера и, подняв с территории Бермудского Учпучмака веточку, тут же стал рисовать в пыли под ногами какие-то математические знаки, неуловимо похожие на цифры, которые Серёжа, не желая признавать их арабскими, именовал русскими.

Уравнение получилось очень сложным, и Николаич толкнул в бок Васюхана, чтобы тот помог ему получить заветную сумму:

$$30 \times 4 = ?$$

Антенщик мельком глянул на пыль под ногами и тут же стал загибать искривившиеся от умственного напряжения пальцы, потом наклонился к голове саксаульского тициана и что-то жарко выдохнул ему в ухо, после чего неоконченное уравнение оказалось решённым:

$$30 \times 4 = 120$$

– А если учесть, что пара месяцев имеет в своём составе не 30, а 31 день, то валерино уравнение – совершенно правильное!

– Тогда, царица лесная, нам надо срочно принять по 122 грамма водочки! – предложил семижопинец и даже облизнулся от предвкушения.

– Зачем? – изумился Володя. – Тем более с утра?

– А чтобы запомнить легче! – объяснил бывший текстильщик.

– Так ты думаешь, что после водочки память обостряется?

– Ну, обостряется или нет, не знаю, а вот почему наутро так плохо, всегда помню отлично!

Это так невероятно,
как увидеть свой скелет:
выпьешь водки – так приятно,
а проснёшься – жизни нет!

– Итак, начнём же наконец наш исторический обзор, – предложил марсианин и сделал гигантский глоток из своей бутылочки – на всякий случай, если он неожиданно увлечётся, да так, что до конца лекции у него пересохнет горло.

– Помнится, все предыдущие дни ты начинал свои рассказы, святой Малевич, с похождений русской православной церкви, – неожиданно подал голос Муравлёв.

«Ничего себе память, мать моя КПСС!»», остро позавидовал Нуртай, который вообще не помнил, о каких таких рассказах идёт речь

– Спасибо, Валера, – кротко поблагодарил памятливого художника Альбионыч. – Ну, РПЦ так РПЦ!

– А эт' чё тако? – вскинул голову любопытный охранник.

– Да организация такая, – объяснил Кулемзин.

– А как эта лабуда переводится? – не отставал Серёжа, словно без этого знания ему было не дожить до вечера.

– Да просто, – ответил лектор-историк,

Райские
Проекции
Цензуры

– А-а-а, – протянул Полтавцев, словно или понимал значение каждого слова по отдельности, или внезапно осознал их совокупность.

РПЦ даёт надежду,
что мы будем вечно жить!
Это сказка для невежды,
что умеет лишь блажить…

– Так вот, на удивление, в этот день российская ГМО, как обычно, не предложила своим адептам никаких праздников, но не удержалась от того, чтобы не потребовать от них (адептов, а не праздников) почтить память никому не известных людей прошлого, причём, сплошь мучеников, а некоторых даже и священномучеников.

– Подожди, подожди, Володя, – озаботился военный музыкант. – А вот это йодистое ГМО – это тут при чём? Я слышал, что эту штуку надо выращивать, чтобы потом впаривать неграм в Африку, у которых жрать нечего.

– Нет, старичок, – поправил его Володя. – Упомянутая мною ГМО это и есть та самая РПЦ, о которой уже раньше спрашивал Серёжа, или

Главная
Мозгозасерательная
Организация

– И, кстати, – не преминул вставить свои партийные 5 копеек большевик Курманбаев, – говорить про африканцев, что они негры – неполиткорректно.

– Хорошо, – не стал спорить покерный гуру, – если тебе так угодно, буду называть их афроафриканцами!

Знают даже кроманьонцы,

чей куда течёт арык:
африканец чёрн от солнца,
а от грязи – наш мужик!

– Так что там про этих насмерть замученных? – вступил в историческую дискуссию Васюхан, которому, честно говоря, и мученики, и сама история были по барабану, а не по барабану было лишь то, чтобы пивко не заканчивалось до самого вечера. А там, коли даст ~~дедушка~~ Володя, и кое-что ещё.

– Итак, сегодня РПЦ, забыв все насущные дела, чествует мучеников Ерма, Серапиона и Полиена, живших, кстати, ещё во II веке, затем мучеников Дионисия и Ермиппа, которые скончались в страшных судорогах ещё около 300 года, и, наконец священномучеников Емилиана (был такой епископ Требийский) и с ним иеромонаха Илариона.

– А вот интересно, почему их всё-таки называют мучениками? – не удержался от вопроса любопытный Афанасьич, вовсю тянущийся к ненужным знаниям.

– А ты прочти ещё раз их имена, – объяснил Кулемзин, – и всё поймёшь сам!

Кто тот чёрт, меня создавший?
Кто меня так очернил?
Я повесился, узнавши,
что зовут меня Ермил!

Глава 38. У НАС С ДАТАМИ – ПОЛНЫЙ ПОРЯДОК! (продолжение)

– А я вот лично помню, – проявил недюжинную память ещё один потенциальный алкоголик по фамилии Батыршин, – что каждый ёкарный день, про который ты нам рассказывал, на Земле всё время случались какие-то ёперные войны.

– Молодец, – похвалил зардевшегося от счастья камер-юнкера исторический лектор. – Но вот именно сегодня, но много лет назад, эта традиция была нарушена.

– Что, мать честнáя, воевать все бросили? – полюбопытствовал семижопинец. – Вот у нас в деревне вообще ни один день без драки не обходился: то трактористы комбайнёров молотят, то местные на танцах солдатикам из соседней части вваливают!

– Ну, а в нашей сегодняшней истории всё наоборот, – улыбнулся Кулемзин. – Например, именно 31 августа, но 1302 года Франция и Сицилия наконец-то договорились завершить между собой религиозную войну, которая шла ни много ни мало ровно 20 лет! А в 1492 году, и тоже, кстати, 31 августа, первый мирный договор был заключён между Московским княжеством и Османской империей.

– А почему, мать моя КПСС, первый? – спросил второй потенциальный алкоголик, которому, кстати, много выпивать строго-настрого запрещал «Моральный кодекс строителя коммунизма»

– Так эти черти неугомонные потом с Россией ещё раз десять воевали! – с негодованием уточнил историк с журналистским образованием. – Да только всё понапрасну – вваливали им, как только что выразился наш друг Полтавцев, с каждым разом всё больше!

В этом деле деликатном
не выходит без атак:
с турком мирно проживать нам,
ну, не ладится никак!

– А остальные, надеюсь, всё же довоевали до конца? – послышался голос из-за карагача, и все вздрогнули, так как состав слушателей исторической лекции на сегодняшний день был вроде бы как утверждён.

Оказалось, что за деревом, которое давало скудную тень, падающую на покерный столик, прятался такой же похмельный Саша Дубровский – бывший володин шофёр, а ныне алкоголик без водительских прав.

– Нет, Саша, если уж я па́ру минут назад сказал, что сегодня всё наоборот, значит, так оно и есть. Иди сюда!

Саша, стесняясь, приблизился к компании, но остановился на расстоянии вытянутой руки, и этого расстояния как раз хватило для того, чтобы протянуть упомянутую руку и схватить ею бутылочку «Тянь-Шаня», которую Володя без сожаления оторвал, как выражаются щедрые русские люди, от сердца. Дубровский хапнул подарок и поспешил с ним куда-то в микрорайоновские дали, забыв сделать сразу две вещи: 1. сказать своему спасителю merci и 2. узнать, кто же ещё сегодня не довоевал до конца.

– А в 1939 году, как раз к исходу последнего дня лета, – просветил коллектив штатный просветитель Великого▲, – закончился советско-японский вооружённый конфликт на реке Халхин-Гол.

– Так это что, вообще не война была, что ли? – с досадой осведомился третий потенциальный алкоголик – антенщик Митрохин.

– В принципе, да, – ответил Альбионыч, – наваляли японцам по-быстрому, потом сказали волшебные военные слова: «Конфликт исчерпан!» и пошли пить саке за победу.

Мы читаем в наших сказах
о неполном бурдюке:
«Победили узкоглазых –
и допили их саке!»

– Надо же, царица лесная, – глубокомысленно заметил четвёртый потенциальный алкоголик, – а я и не знал, что такую гадость пить можно. Да у меня такого саке каждый день – полный унитаз!

– А в 1674 году в американском штате Род-Айленд в этот день случилось страшное горе – индейцам, которые там проживали ещё до американцев, запретили продавать спиртные напитки!

– Да это же дрин-скрип-мине-тация личности! – блестяще справился с трудным словот пятый потенциальный алкоголик с техническим образованием. – Скажи, Валера!

– Да, святой Малевич, дела́! – поразился живописец и даже содрогнулся, представив на месте себя несчастных индейцев, а на месте администрации штата – свою необъятную, как родина, супругу Наташу.

– Зато в 1909 году напротив, случился праздник, который лично я, как блестящий поэт двух веков, сегодня не против отметить – именно 31 августа мой большой друг и тёзка 16-летний Владимир Маяковский, которого бросили за революционную деятельность в Бутырскую тюрьму, написал там своё первое стихотворение!

Без браслетов [81] и колодок
в хате [82] нам нельзя плясать:
загремел, как первоходок,
и давай стишки писать!

[81] Наручники – феня
[82] Камера – феня

– Ну, и раз я начал радовать сам себя, – добавил учпучмакский лектор, – то продолжу делать это ещё двумя фактами, связанными с сегодняшним днём.

Нуртаю после этих слов стало очень горько. «Какая чёрствость в отношениях!», подумал он, но вслух сказал совсем другое:

– Как мы все рады за тебя, друг!

И лучше бы он этого не говорил, ибо через несколько секунд многострадальные бермудские кусты приняли в своё лоно изливающего горе непонимания унтер-корнета Салихдзяныча. Он изливал горе и со стоном думал о том, как же несправедливо недолго задерживается в его заслуженном организме такая прелесть, как 8-градусный «Маршал»!

– Правда, оба этих события разделяют аж 44 года, но какое это может иметь значение для человека, который связал свою жизнь не только с литературой (для тыквы), но и с рок-музыкой (для души)!

Марсианин перевёл дух, допил очередную бутылочку любимого напитка и вдохновенно продолжил свой волнующий рассказ:

– Однажды в 1951 году, в конце лета в немецком городе Дюссельдорфе жители проснулись с необычным ощущением того, что сегодня что-то произойдёт. И они не ошиблись: именно 31 августа этого года в этом городе поступила в продажу первая в мире долгоиграющая грампластинка со скоростью вращения 33 $^1/_3$ оборота в минуту!

– Чё, «Битлас» стали крутить, мать честнáя? – задал вопрос один из знатоков современной музыки.

– Нет, Серёжа, – с сожалением ответил Кулемзин. – Город-то был немецкий, поэтому порадовал своих жителей всего лишь «Пятой симфонией» такого же немца Людвига ван Иоганновича Бетховена. И они страшно обрадовались, и стали массово скупать эту пластинку, и даже те, у кого *вертушек* ещё не было!

Подарили диск частушек –
слушать их – не покраснеть:
нужно мне купить *вертушку* –
не на пальце же вертеть!

– А через 44 года? – проявил недюжинную память дворовый ребятёнок, как раз пробегавший мимо, который тут же получил щелбан от Афанасьича, поэтому ускакал, не услышав ответа, поэтому отвечать Володе пришлось оставшимся на покерной скамеечке.

Глава 39. У НАС С ДАТАМИ – ПОЛНЫЙ ПОРЯДОК! (почти окончание)

– А через 44 года, как правильно подсчитал неизвестный нам дворовый ребятёнок, – сказал Кулемзин, – в 1995 году, и, разумеется, именно 31 августа в славном американском городе Кливленде, что в штате Огайо, открылись сразу две, как сейчас модно выражаться опции: во-первых, некий музей, и, во-вторых, Зал славы.

– Надеюсь, в этом зале выставлены лучшие образцы достижения мирового рабочего движения? – наивно осведомился Мусаич, и хорошо, что именно в этот момент Васюхан, наклонившись к плечу Талгата, что-то жарко шептал ему на ухо, а иначе такая интересная лекция могла бы быть прервана на несколько минут – сами знаете почему.

– Нет, Нуртай, ты ошибся, – осадил педагога Володя.

– Не может быть! – поразился Курманбаев. – Ну, не могли же они выставить в музее худших угнетателей рабочего класса?

Эта мысль давно витает –
вот её и замутим:
тех, кто страшно угнетает,
мы в музее разместим!

– Не могли, – согласился рассказчик, – ибо у этих кливлендских пиндосов хватило ума сделать по-другому – это, мой заклятый друг, Зал славы рок-н-ролла.

– Не может быть! – повторно воскликнул большевик. – Интересно, и кому же это интересно?

– Всем людям так называемой доброй воли, – просто объяснил Альбионыч.

– Ну, я надеюсь, хотя бы здание они приличное построили?

– Даже не надейся! – улыбнулся историк международного рок-н-рольного движения, после чего применил уже не раз оценённую читателями на этих страницах сложную марсианскую технологию, позволяющую несколько секунд держать прямо в пространстве перед покерным столиком картинку – на этот раз вот такую:

Коммунист с отвращением оглядел иностранное творение и с таким же отвращением пробормотал:

– Нет, Музей революции в Ленинграде гораздо лучше! – потом немного подумал и добавил:

– Я имею в виду, в идеологическом плане...

– Ух ты, святой Малевич! – с восторгом воскликнул Валера, и все поняли, что он ещё пропил далеко не всё то, что позволяло назвать его художником.

– А гитары вот эти, царица лесная, чьи? – заинтересовался сторож. – Тоже «Битласа»? Или Сюзи Кватры[83] какой-нибудь?

[83] Сьюзи Артовна Кватро – американская рок-музыкант и композитор, первая в истории рока женщина, собравшая собственную группу, причём из мужчин! – прим. муз. редактора

«Это (прости, русский язык!) инсталляция», хотел было ответить знаток рок-н-ролла, но не стал, так как понял, что подобное словцо может до конца сломать и без того уже поломанную жизнь бывшего текстильщика, в расцвете лет оставшегося без родной бригады ткачих.

Развалили эти гады
всю великую страну –
без родной своей бригады
побираться я иду!

– Кстати, Володя, – неожиданно трезвым голосом поинтересовался антенщик Митрохин, – а почему именно в этом Клиторе такой зал открыли? Ох, чую, что неспроста!

– Ну что ж, Васюхан, на этот раз твоя чуйка тебя не подвела, – признался марсианин. – Дело в том, что ещё в начале 50-х годов в этом городе с неприличным названием вещала радиостанция «WJW», а работавший на ней диджей Алан Байронович Фрид и придумал термин rock'n'roll, называя так в эфире быстротемповый чёрный ритм-энд-блюз. Так что хочешь не хочешь, а родина рок-н-ролла именно там!

– Здорово, йодистый диджей! – порадовался за незнакомого ему американского человека музыкант с военным образованием. – Жалко, я там не жил, а то бы, наверное, и сам придумал чего-нибудь не хуже!

– Например, татарский рок-перемич[84]! – под смех остальных предположил пересмешник Кулемзин.

[84] Беляш – тат.

– Да, занятная эта штука – история! – подвёл конец музыкальному рассказу живописец. – Вот у меня однажды была одна такая: помню, на одиннадцатый день после свадьбы поругались мы с Наташей…

– Стоп-стоп, ёперный товарищ! – осадил его недоучившийся младший лейтенант. – Нам же Володя ещё не рассказал, за кого мы сегодня вечером бухáть будем, а это – просто преступление против моей личной личности!

– В смысле? – изумлённо поднял бровь покерный гуру.

– Ну, люди всякие, кто сегодня родился, – объяснил трубач. – Их же тоже помянуть надо, а то как-то неприлично – пить без тостов!

Мы идём от даты к дате,
иногда на автомате,
иногда, храня покой,
вслед за солнцем и луной,
иногда, живя мечтами,
понимаем то, что сами
мы – пылинки на Земле
в вечной сказочной игре...

– Вот, например, есть такой персонаж, кто сегодня родился, но имел бы отношение к армии?

– Конечно, – не стал расстраивать военного человека исторический лектор. – И таких людей даже два: первым в 1853 родился знаменитый российский генерал-адъютант, Верховный главнокомандующий Русской армии Алексей Алексеевич Брусилов (пóмните, его знаменитый «Брусиловский прорыв»?)

– Конечно, помним, как же не помнить! – подтвердил лучший знаток истории дома № 16 второго микрорайона Серёнька Афанасьич.

– А вторым, через два года, родился тоже не менее славный воин – русский адмирал, командир крейсера «Варяг» Всеволод Фёдорович Руднев…

– Так я и его помню! – вскричал охранник, вскочил со скамеечки и громко заорал на весь Бермудский Учпучмак, пугая дворовых детей и старушек-пенсионерок, играющих за соседним столиком в дурака:

– Свистит и гремит, и грохочет кругом
гром пушек, шипенье снарядов.

И стал наш бесстрашный и гордый «Варяг»
подобен кромешному аду!

Глава 40. У НАС С ДАТАМИ – ПОЛНЫЙ ПОРЯДОК! (окончание)

– А я, а я за кого бухать буду? – в волнении вскричал Николаич. – Неужели ты сегодня не вспомнишь ни одного художника для моей встречи с прекрасным?

«Интересно, яйчики-бабайчики, что он имеет в виду под словом *прекрасное*?», подумал Кулемзин. «Бормотуху «Розовое крепкое» или всё-таки водку «Фурманов» из чапаевской серии?»

– Не убивайся так, товарищ, – посочувствовал старому другу литератор, уже как полчаса работающий историком. – Персонально тебе – аж три имени: два со знаком *плюс* и один со знаком *минус*.

– Как это? – подпрыгнул на скамеечке Муравлёв.

– Со знаком *плюс* – это сегодняшние художники-деньрожденцы: итальянский живописец XVIII века Гаэтано Убальдович Гандольфи, кстати, представитель знаменитой Болонской школы живописи…

– А у тебя самогó, Валера, какая школа рисования? – неожиданно перебил лектора перманентно любознательный Полтавцев

– У меня не менее знаменитая, – солидно ответил саксаульский гандольфи. – И называется она Школа городской графики Отцеябловского комбината «Гороформление» имени бригадира Петровича!

Ведь то, что стал я человек,
могу одно сказать:
запомню мастера навек,
что научил ~~бухать~~ писать!

– …и русский жанровый художник Адриан Маркович Волков, – дождавшись окончания короткого диалога, продолжил обзор обозреватель. – Кстати, именно Волков за свои картины, которые очень нравились корифеям Императорской Академии художеств, получил кучу разных медалей, а за полотно «Обжорный ряд в Санкт-Петербурге» даже заработал большую золотую медаль и звание «классного художника»[85]!

[85] Классный художник – уровень квалификации художника в Российской Империи, использовался Императорской Академией художеств и Московским училищем живописи, ваяния и зодчества до реформы 1893 года – прим. худ. редактора

«Значит, и я когда-то буду лауреатом такого же звания!», подумал Николаич «Ведь и у меня есть картина почти на такой сюжет…»

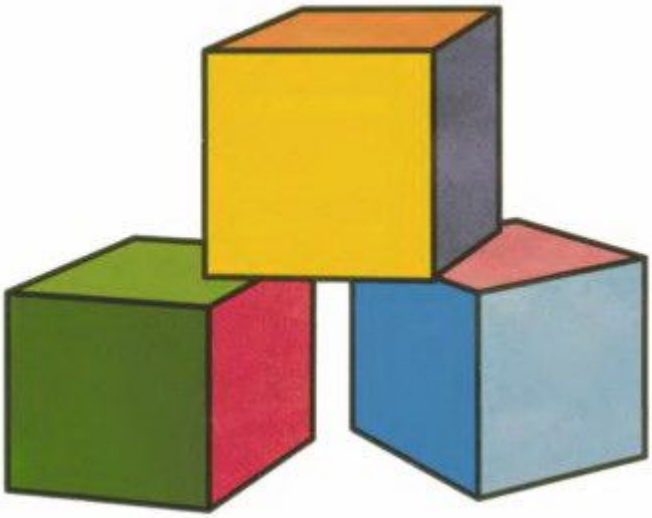
И это, кстати, не было пустой похвальбой: если мой читатель заглянет в главу 228 пятого тóма нашего великого романа, но он сможет освежить память изображением этого талантливого произведения некоего художника Валерия Мура под названием «Недостижимое. Полотно № 31»!

– А со знаком *минус*, святой Казимир Северинович? – волнуясь, спросил живописец с псевдонимом Валерий Мур. – Это, наверное, крякнул кто-то сегодня – в смысле дуба дал и ласты склеил?

– Жаль, но ты прав, мой практически спившийся друг, – ответил Альбионыч. – Так что вечерком не забудь отметить половиной пластикового стаканчика француза Жоржа Шар-

левича Бра́ка, который, кстати, вместе с Пабло Руисовичем Пикассо до сих пор считается одним из основателей кубизма!

Я, когда глаза разую,
открываю тюбики:
ведь кубист я, и рисую
только эти кубики!



– Володя, – робко попросил Васюханыч, – а среди этих хороших людей случайно нет какого-нибудь антенщика или на худой конец просто инженера?

– Конечно, есть, Васюхан, так что и ты сегодня без *патрона* для бухла не останешься. Запоминай: как только сидящий справа от тебя Валера своей дрожащей рукой нальёт тебе пайку какой-нибудь гадости, первым делом подними мысленный тост за своего покойного товарища Гильома Лорентиновича Амонтона – французского механика, которого вот уже 298 лет нет с нами!

– Что-то не слышал я о таком, мать моя Октябрьская революция, – задумчиво произнёс преподаватель еврейского колледжа.

– И очень плохо, Нуртай. Садись, два! Ведь этот достойный человек, кроме того, что избирался членом Французской Академии наук, был ещё пионером *трибологии*, а именно она напрямую относится к тебе и Салихдзянычу!

– Как?! – в два голоса вскричали Курманбаев и Батыршин. – А что это вообще такое?

– Трибология? Да это такой раздел физики, который занимается описанием контактного взаимодействия твёрдых деформируемых тел при их относительном перемещении!

– А-а-а, ты в этом смысле? – густо покраснел коммунист, который каждый вечер делал вид, что занимается доставкой тела старшего трубача к месту проживания.

Все немного посмеялись.

– Ну, а я, – грустно улыбнулся литератор, – вечерком употреблю лишнюю бутылочку любимого пивка за целую кучу моих тёзок: писателей Александра ибн-Николая Радищева, Теофиля Жюльеновича Готье и Уильяма Уэйновича Сарояна, Но так как я не только писатель-надомник, но и любитель-бытовик рок-музыки, о чём сегодня уже шла речь, то также помяну *не́злым тихим словом*[86] моих хороших зарубежных друзей ирландского инструменталиста Ван Айвановича Моррисона, немецкого гитариста группы «Scorpions»[87] Рудольфа Клаусовича Шенкера и американского рок-гитариста Реба Шоновича Би́ча из группы «Whitesnake»[88]

[86] Строка из стихотворения Тараса Шевченко «Заповіт» (1845) – прим. лит. редактора

[87] ***«Скорпионы» – нем.***
[88] ***«БелаяЗмея» – англ.***

Пойму ли в своём интеграле,
что только на этой земле
хорошие люди играли
хорошую музыку мне?

– А мы? – горько хором вопросили члены недавно образованной команды «Покерный Корпус», состоящей, как помнит мой читатель, из жителей дома № 16, то есть Нуртая и Серёжи.

– Не журитесь, корпусчане, – обозвал соседей Кулемзин. – И у вас сегодня найдётся достойный повод для запланированной пьянки. Тебе, Мусаич, помогут братья-узбеки – у них сегодня день памяти жертв политических репрессий, а не от них ли в моём лице ты страдаешь уже целую неделю?

Курманбаев тут же сделал такое лицо, что все поняли: именно от них.

– А для тебя, Афанасьич, есть повод поинтереснее: именно 31 августа 1827 года император Николай I издал *рескрипт* о том, что крепостные крестьяне, а также дворовые люди *не должны* обучаться в заведениях выше приходских и уездных училищ.

– А я и не обучался! – признался сторож.

– Вот за это сегодня и выпьешь!

Без зашквара [89] и облома,
с корешами за столом
я бухáю без диплома –
ну, на кой мне тот диплом?

[89] ***Позор – феня***

Глава 41. ПРОСТОЙ ПО ВИНЕ СОЛНЦА

И только было обрадовался покерный гуру, что все необходимые мероприятия проведены, все недоразумения разъяснены и все несогласования согласованы, то есть наверняка можно было приступать к игровому дню (а ведь именно с этой целью и собралась вся покерная (покерная!) хевра в один коллектив), как некий жёлтый карлик по имени Солнце, несмотря на то, что в данное мгновение располагался где-то далеко во Вселенной на расстоянии $1{,}496\times10^{8}$ километров от матушки Земли, каким-то неведомым способом бросил в сторону Бермудского Игрового (Пивного) Учпучмака особо толстый (прости, русский язык!) протуберанец, да так ловко попал прямо в центр событий, то есть в покерный столик и сидящих за ним людей, что долбанул по всем шести тыквам, чуть не спалив разные причёски у наших персонажей.

Володя с осуждением поглядел вверх. Раскалённое светило, несмотря на довольно раннее время и завтрашнюю календарную осень, пеклó как в пустыне, выбелив всё небо точно хлоркой. Уточнив показания своего внутреннего термометра под названием ВТУЛКА, или, чтобы было понятно моему читателю,

Внутренний
Термометр
Условно
Локального
Кулемзинского

марсианин понял, что сегодня прохладней, чем на улице, будет в некоторых (не называемых в приличном обществе) местах организма.

Мне сыграют без бравады
марш последних летних дней –
август, глупо ждать прохлады,
глядя в осени дисплей:
каждому свой час и время,
выжму пот с воротника –
август, солнечное племя
собрало свои войска!

И в этот момент неуёмная звезда, воспетая Виктором Цоем, нанесла второй удар – чуть сильнее первого. Чтобы убедиться в этом предположении, писатель перевернул свою пустую бутылочку из-под «Тянь-Шаня», чем поставил физический эксперимент, который первый раз (правда, без применения пива) сделал ещё в 6 классе начальной школы № 93 города Отцеябловска. На раскалённый покерный столик из бутылочки выскользнула последняя капля благородного напитка, упала на металлический лист и *в мгновение ока*, как весьма вычурно утверждалось в библейском отрывке под названием «Первое послание к коринфянам святого апостола Павла»[90], превратилась в миниатюрное облачко па́ра, от которого тем не менее вкусно запахло хмелем и солодом.

[90] Новый завет, 1 Кор. 15:52 – прим. богосл. редактора

Но Кулемзина, уже настроившегося на начало игры, постиг третий удар – и на этот раз не из космоса, а от тех, кого он раньше (кроме Курманбаева) считал своими лучшими друзьями. Они, оценив таинственный эксперимент своего лидера, в один голос начали убеждать его, что игру сейчас начинать нельзя, а надо поступить, как это делают, например, в Испании или Италии, когда из-за жары невозможно не только работать, но даже сдавать карты своим приятелям по винам «Marquesado» или «Amarone Della Valpolicella», причём, Полтавцев утверждал, что это полезное дело иностранцы называют смешным словом «сися́ста»! Но так как в магазинчике Калимы таких напитков никогда не водилось, нужно приобрести ещё немного пивка, а уже после этого начать первую партию.

Что даёт толчок азарту?
Пово с пивом размешать!
По *трезвянке* бросить карту –
знать, себя не уважать!

«А, может, и правда?», подумал литератор. «Эти иблисы и так играют как попало, а если ещё мозги закипят…», а вслух сказал следующее:

– Постановляю, яйчики-бабайчики: сейчас берём ещё по одной бутылочке пивка – и под них слушаем три коротких истории.

Предложение прошло *на ура*, и Володя, чтобы не затягивать процесс, сам быстро как только мог сходил в лабаз, чем немало удивил Калиму, которая хотела поговорить с ним о позапозавчерашней трагедии[91], но не смогла – по причине быстрого ухода знатного покупателя.

[91] 28 августа 2003 года в энергосистеме Великобритании произошла крупная авария, повлекшая за собой широкомасштабное отключение электроэнергии – прим. науч. редактора

Продавец – всегда мечтатель,
ведь коммерция – успех:
самый лучший покупатель –
тот, кто платит больше всех!

Альбионыч выставил бутылочки на столик, и только было открыл рот, чтобы самому́ начать первую историю, как его перебил чей-то знакомый голос.

– А кто будут выступающими, мать моя КПСС? – поинтересовался Мусаич, словно собрался заполнять протокол партийного собрания перед сами́м собранием.

– Так, всего нас шестеро, значит, рассказчики будут через одного!

– Как это, царица лесная? – подпрыгнул на скамеечке Полтавцев.

– А вот как сидим сейчас, так и начнём. Васюхан, ты условно сидишь первый…

– В смысле?

– Ну, первый, начиная от сельпо!

– А, ну тогда ладно.

– Так что́, у тебя есть какая-нибудь байка для друзей?

– Да сколько угодно! – воскликнул антенщик, сделал огромный предварительный глото́к, чтобы не першило в горле при рассказе и перешёл к делу.

За одну спиртную пайку
дело мне не трудно сшить:
расскажу свою я байку,
друганов чтоб посмешить!

Глава 42. ВНЕПЛАНОВЫЕ БАЙКИ

О приключении на кладбище, или Байка Васюхана

– До того, как я родителями переехал в Отцеябловск, наша семья жила в милом хохлятском городке Конотопе, что располагался в Сумской области. А в соседнем от нашего подъезде жила старушка-алкоголичка, которую все называли просто Фроська. И славилась она тем, что без приглашения являлась на все свадьбы, похороны и другие мероприятия, – короче, везде, где можно было повысить свой персональный градус!

«Вот бы мне, мать честна́я, с месяцок в этом Натакопе пожить», слушая рассказ товарища, размечтался охранник. «Я бы эту Фроську на раз переплюнул!»

– И вот однажды летом, – продолжил рассказ Васюхан, – явилась эта Фроська на похороны, причём, перед этим основательно поднабралась, а затем уже присоединилась к похоронной процессии. Поэтому неудивительно, что по окончании всех церемоний ноги её уже не держали, и она просто улеглась на кладбищенскую травку да и задремала.

Вот так градус в том винище –
просто градус лошадин:
сладко спать мне на кладби́ще –
не мешает ни один!

А разбудило её ночью, во-первых, желание опохмелиться и, во-вторых, чьи-то громкие голоса. Тут Фроська, вспомнив, что её дядя Мыкола во время войны был партизаном, по-пластунски подползла к ограде и увидела за ней парня с девушкой. Ну, парочка, каких много! Но главное было в другом: в руках парень держал какой-то чемоданчик и… бутылку вина, которой настойчиво пытался угостить свою подругу! А та, дура, от неё лениво отмахивалась.

И вот тут из-за кладбищенской ограды к парочке неожиданно протянулась чья-то костлявая рука, а хриплый замогильный голос произнёс:

– Чуєш, хлопче, а дай-но і мені трохи сьорбнути [92]…

[92] *Слышь, хлопец, а дай-ка и мне немного отхлебнуть – укр.*

«Это на каком же языке бабка заговорила с похмелюги?», подумал Афанасьич, который сам уже пáру лет изучал какой-то иностранный язык.

– Короче, – завершил рассказ Митрохин, – секунду спустя парень с девушкой исчезли на максимальной скорости, бросив и бутылку, и чемоданчик. А Фроська, собрав все силы, преодолела ограду, опустошила бутылку и вновь почувствовала себя человеком.

Не бранись, родная Люся,
(я же на тебя не злюсь!):
человеком становлюсь я,
только есть похмелюсь!

– Ну, ладно бутылка, она копейки стоит, – воскликнул Курманбаев. – А чемоданчик, мать моя партия? Неужели она и его присвоила?

– Нет, Нуртай, – ответил первый рассказчик. – Как честная законопослушная гражданка УССР, Фроська утром отнесла чемоданчик в милицию. Там его вскрыли и нашли набор слесарных инструментов вместе с грязным удостоверением на имя водопроводчика Гната Брехуненко, потом выслушали рассказ Фроськи, надорвали животы со смеху, а потом отправили участкового за Гнатом. Парня быстро нашли, хотя заикаться он перестал только через месяц после случившегося. Ну, а Фроська стала ещё большей местной достопримечательностью!

Все немного помолчали, переваривая тяжёлый рассказ своего товарища о горе, постигшем неизвестного хохлятского сантехника, а затем – согласно очереди, установленной покерным гуру, за свою историю принялся следующий рассказчик.

Для духовного для роста,
для духовного рывка
травим байки мы не просто –
под бутылочку пивка!

О приключении в общежитии, или Байка Валеры

– Так, товарищи, мать моя партия, а теперь моя очередь! – поднял руку, как на пионерском сборе (комсомольском собрании, партийном пленуме) большевик Курманбаев.

– Э, нет, товарищ, – остановил его Володя. – Мы же договаривались рассказывать через одного, а следующий за тобой – наш друг художник!

– Да как же так, товарищи? – чуть не заплакал преподаватель еврейского колледжа. – А я ведь хотел рассказать вам интереснейшую и поучительнейшую историю, как наш Ленинский район, в котором я когда-то служил вторым секретарём райкома комсомола, вышел на первое место среди райкомов города во время проведения коммунистического субботника, а я, в числе других райкомовских работников, получил почётную грамоту за подписью самогó первого секретаря горкома партии!

При последнем слове *партии* голос Мусаича взвизгнул от восторга, но разделить этот восторг оказалось не с кем, так как потенциальные слушатели оказались чёрствыми оппортунистами, а очередной рассказчик уже приступил к очередной байке.

– Как вы, наверное, слышали, – начал повествование Муравлёв, – закончил я в своё время одно высшее учебное заведение нашего города, а именно МужХУ[93].

[93] Мужское Художественное Училище. Об этом таинственном учебном заведении – в главе 213 первого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

Пусть две буквы просвещают,
что я воспроизведу:
ХУ – художник означает,
а не то, что вы поду...

– Учёба там, святой Малевич, мне очень понравилась: правда, на первом курсе мы рисовали на занятиях какие-то кувшины, пирамидки и гипсовую голову Аполлона, а вот со второго курса к нам на занятия начали приводить каких-то нескромных девушек, которые раздевались догола, и мы должны были их рисовать, якобы изучая анатомию отдельных частей тела, как это в своё время делал Леонардо Пьерович…

– Леонид Петрович, царица лесная?! – неожиданно воскликнул семижопинец. – А-а-а, так вот как звали твоего бригадира из «Гороформления?». А то я уже, царица лесная, всю голову поломал – Петрович да Петрович…

– Нет, Серёжа, Леонардо Пьерович – это покойный художник по фамилии да Винчи.

– Довинченный? – удивился глуховатый экс-текстильщик. – Ну, хорошо, что его хоть довинченным похоронили, а то могли бы как попало закопать!

Глава 43. ВНЕПЛАНОВЫЕ БАЙКИ (продолжение)

– Старичок, не мешай рассказу нашего друга, – вежливо попросил Володя Полтавцева, но потом добавил свою знаменитую присказку *яйчики-бабайчики* таким ледяным голосом, что остатки пивка в бутылочке «Жигулёвского» сразу же стали на три градуса холоднее, что, кстати, очень обрадовало охранника.

– Так что там было дальше? – спросил старший прапорщик. – Хотя дай догадаюсь сам: судя по тебе сегодняшнему, вы в ёперных перерывах между занятиями в кино не ходили, а пили бормотушку!

– Ну, ты Кашпировский! – восхитился рассказчик. – А как ты догадался?

– А йодистые уставы знать надо наизусть! – непонятно ответил Батыршин и приготовился слушать дальше.

Чтоб узнать солдатской славы
и врага чтоб доконать,
изучай, солдат, уставы –
будешь всё на свете знать!

– Ну, собственно, Талгат не ошибся: мы пили практически каждый день, а так как наше МужХУ находилось в центре города, а я, как и сейчас, тогда жил в третьем микрорайоне, то зачастую оставался ночевать в одной из комнат институтского общежития.

– Так койки же все были заняты? – удивился писатель, после чего добавил некий карточный термин:

– Неужели вы устраивались на ночь *валетом*?

И, кстати, этому слову в компании никто не удивился, потому что оно никак не было связано с карточными играми, а как раз наоборот – с неумеренным бухлом до поросячьего визга, поэтому каждый из сидящих сейчас за покерным столиком не раз видел на улицах родного Отцеябловска картинки такого *валета*:

По некупленным билетам,
словно стал я близорук,
с другом ночью сплю *валетом*,
а хотелось с дамой, друг!

– Так в этом-то, святой Малевич, и был прикол, – с восторгом объяснил живописец. – Пили мы все наравне – до той поры, пока слабейший духом не начинал бодать стол в припадке необоримой сонливости. Тогда остальные быстренько освобождали стол, стелили на пол газетку, перетаскивали на неё остатки пиршества, а на освободившееся место укладывали бедолагу!

– Ну, вы и ёкарные садисты! – пробормотал Салихдзяныч. – Даже мы в казарме до такого додуматься не смогли!

– Так вы же и не художники! – опозорил защитников отечества Николаич, после чего продолжил свою байку:

– И вот когда бухло наконец заканчивалось, а денег не было, чтобы продолжить праздник, который ещё в 1866 году изобразил французский художник Клод Клодович Моне́ в картине «Завтрак на траве», мы разбредались по своим и чужим кроватям, чтобы поспать до завтрашних занятий. Вот поэтому мне всегда находилось место – или в чужой койке, или на столе!

– А-а-а, понял, мать честна́я, – залился счастливым смехом Афанасьич. – Так это ты с тех пор такой, когда однажды тыквой со стола на пол сверзился?

Правда, смех тут же прекратил, ибо сообразил, что только что нажил себе ещё одного врага.

Был дружбан мой косоруким –
мимо рта водчонку лил:
посмеялся я над другом –
он меня и пристрелил!

И вот однажды уложили мы на стол одного молдаванина, причём, никто не знал, как он попал в наш город и почему поступил учиться именно в МужХУ, потому что рисовать совсем не умел, да и по-русски разговаривал плохо, хотя хорошо понимал некоторые слова: портвейн, закуска, сырок и *сбегать за добавкой*. Звали его Лауренциу Бурлаку, ну, а мы, не в силах выговорить такое непростое имя, кликали его исключительно по фамилии, то есть Бурлак.

И вот спим мы после попойки на кроватях, а Бурлак – на столе. И вдруг посреди ночи нас буквально подкидывает жуткий вопль в 100 децибелов – не меньше! Соскочили мы со своих мест, свет врубили – и видим нашего Бурлака, который не просто лежит на сто-

ле, а свернулся в клубок в са́мом центре, как бы пытаясь занять как можно меньшую площадь. А видели бы вы цвет его рожи – она была такой белой, словно у актёра-японца из театра кабуки! А на самом деле это было просто отражение белой скатерти, застеленной на столе.

В театре кабуки собралися буки,
сорвавшись превратно, что в целом понятно:
привратник у них отобрал ноутбуки,
а на руки выдал наручные пятна!

А в глазах у нашего молдаванина – не просто страх, а ужас, словно он воочию увидел Трёхглазого Семихера с планеты Паранойя-9. Ну, мы его успокоили, как могли, и он, немного отойдя, рассказал нам ужасную историю. Да, здесь надо добавить, что та попойка была поздней осенью, и ночи уже были прохладные, но мы, конечно, всё равно открывали окно, чтобы не задохнуться друг от друга.

Так вот, проснулся наш Бурлак ночью от страшного холода, так как деревянный стол быстро промёрз, и понял, что лежит в абсолютной тьме на какой-то ледяной глыбе. Пошарил он тогда вокруг себя рукой и вдруг нашупал… провал! С ужасом убедившись, что провал окружает его со всех сторон, а рукой до дна не достать, наш товарищ понял, что попал прямиком в ад! «Жалко, что я не в морге», подумал он, «тогда бы хоть родственников из Молдавии вызвали, да похоронили как человека». А так ведь – никакой надежды! И так ему жалко стало себя, что он чуть не заплакал, а вместо этого заорал, что мы и услышали.

Однажды в морге ляжешь без одежды –
в окно тотчас заглянет стылая луна.
И вдруг к тебе придёт она – надежда,
и сядет рядом у раскрытого окна.
Тогда ты вспомнишь жизнь рядком комедий,
и вдруг поймёшь, напрасно что бурлил.

♠ ♠ ♠

Не жди, когда она умрёт последней,
а лучше сам её небольно пристрели…

И тут Бурлак неожиданно нащупал забытую нами на столе вилку, которой и решил пожертвовать, чтобы узнать, насколько глубокая под ним про́пасть, после чего столкнул её вниз. Но кто же мог предположить, что вилка зацепится за какую-то декоративную петельку обрамления скатерти и повиснет, как казалось нашему несчастному собутыльнику, над адской бездной! Он начал считать секунды, потом минуты, а потом и раздался этот дикий вой, который перебудил всю общагу…

В пропасть падает лишь тот,
кто алкаш и идиот!

Глава 44. ВНЕПЛАНОВЫЕ БАЙКИ (окончание)

Все замолчали, поражённые историей Муравлёва.

«Никогда не пойду учиться на художника, царица лесная!», подумал Полтавцев. «А то ещё потом попадёшь вот в такое общежитие – и ага!»

«Хорошо, что я воспитан партией, а не каким-то буржуазным искусством», подумал

Курманбаев. «Пусть лучше, мать моя КПСС, всякие марсиане любуются этими дурацкими картинками – авось быстрее с ума съедут!»

«Эх, знал бы, что Николаич будет так долго трепаться», подумал Митрохин, «я бы тоже рассказал какую-нибудь историю подлиннее! А, впрочем, этот том ведь только начался, – значит, ещё успею…»

«Молодец, Валера, яйчики-бабайчики!», подумал Кулемзин. «На целых три страницы мне историю придумал. Надо бы не забыть ему $^{1}/_{200}$ гонорара с этого седьмого тома отстегнуть! Вот только надо серьёзно подумать: назарбаксами или, как всегда, бухлом?»

«Я ведь я, однако, как раз через йодистого Володю сижу», как-то физкультурно-геометрически подумал Батыршин. «Как бы именно мне сейчас не пришлось ёкарную байку травить… Хорошо, что я ещё не до конца пропил свой… этот… как его?..»

Хорош я всем, но недостаток
нашла во мне моя семья:
пропил весь ум – и вот остаток:
пустая тыква без семян!

И старший корнет саксаульских музыкальных войск оказался прав, ибо именно на его персону оказались нацелены пять пар глаз – в ожидании очередного рассказа. И он (рассказ, а не старший корнет) не замедлил случиться. Итак…

О схеме двойного обмена, или Байка Талгата

– Как известно, друзья мои, я окончил ёперное прапорщицкое училище с музыкальным уклоном, – начал свой рассказ Салихдзяныч. – Поэтому мы ничуть не удивились, что все преподаватели у нас в училище были не только с погонами, но и с разными музыкальными инструментами в руках. И только начальник училища полковник Кулы́ков[94] не играл ни на каких инструментах, разве что на наших нервах, и к тому же был гораздо старше всех офицеров нашей части. Правда, мы подозревали, что его военное прошлое было очень бурным, потому что у молодых преподавателей на парадных кителях болтались только юбилейные медальки, а вот у Кулыкова даже был орден Боевого Красного Знамени, который, как известно, вручается за совершение особо опасного воинского подвига!

[94] От сакс. қулық – хитрован

В нашей части суматошный
случай вдруг произошёл:
дали орден мне за то, что
я в столе его нашёл!

И вот как-то, напраздновавшись на день 23 февраля в офицерской столовой, наш полковник разоткровенничался и рассказал историю своего ордена. А я в этот день был дежурным по кухне и потому беспрепятственно всё подслушал, ибо история была такая интересная, что молодые офицеры внимали ей в полной тишине!

– Извините меня, – вдруг взволнованно перебил рассказчика Мусаич. – Я вынужден отойти на минутку – по важному государственному делу!

Нуртай соскочил с покерной скамеечки, забежал за карагач, вытащил из кармана свёрнутую вчетверо тетрадку для компроматов и, прислонившись к дереву, быстрым ленинским почерком записал: «Ст. пр. Бат. сов. прест. по ст. 58 (1а)[95]. Не заб. сооб. куда след.!». Затем Нуртай вновь свернул тетрадку и вернулся в коллектив, вертя в руках (для конспирации!) жёлтый осенний листок – со словами «Обещал сыну помочь изготовить гербарий для школы…»

[95] Статья 58 (1а) УК СССР – шпионаж в пользу иностранного государства – прим. юр. ре-дактора

«Ну, полный придурок!», хором подумали все остальные, не догадываяь о цели кратко-срочной командировки педагога.

Оставляя много литров,
думал я: хитрей хохла,
уходил – казалось, хитрый,
а вернулся – нет бухла!

Как выяснилось, ни сейчас, ни тогда (а именно в конце 60-х годов) офицер Кулыков не имел к музыке никакого отношения, а был командиром хитрого судна как бы с двойным дном: по виду кораблик был похож на СРТМ[96], и даже имел название на борту – «Краб», а на самом деле на нижних палубах тайком перевозил модные в те времена советские зенитные ракетные комплексы С-75 «Двина», которых очень боялись американцы.

[96] Средний рыболовный морозильный траулер – прим. морск. редактора

Но именно в этот рейс, о котором рассказал пьяный полковник, никакой военной техники в трюмах не было. На этот раз командование отправило мирный советский сейнер спасать от голода молодую кубинскую революцию. И вот, заполнив по дороге трюм какой-то дешёвой рыбой, «Краб» пришёл в Гавану. И тут начались сюрпризы!

Кубинские товарищи объяснили советским морякам, что голода у них нет, да и рыбу они почти не едят, а предпочитают мясо. «Да», поведал главный специалист Министерства Кубинской Еды Анхелио Таварес, «у нас в ёкарной Гаване есть небольшая консервная фабрика, и рыбу, чтобы не выбрасывать в море, можно сгрузить туда, но этого запаса ёперной фабрике хватит на несколько месяцев работы!»

Тогда молодой офицер Кулыков показал товарищу Таваресу тайный документ о доставке на Кубу именно рыбы, на что товарищ Таварес ответил, что ни его, ни Фиделя Кастро это не волнует, и он вообще не понимает, какие идиоты из Главснаба Военморфлота СССР это задание составляли. «Вот если бы вы, камарада[97] Кулыков, привезли нам омаров», улыбнулся товарищ Таварес, «то был бы совсем другой разговор…»

[97] От исп. camarada – товарищ

Ох, подсунули нам шпильку –
мол, салаги, не зевай:
не хотим мы вашу кильку –
нам омаров подавай!

Казалось бы, тупик, но молодой офицер понимал, что пути у него только два: или он получает орден за выполнение важного правительственного задания, или с позором вылетает с военного флота, а если уж совсем хуже, то и садится в тюрьму! Поэтому решение было найдено моментально!

СРТМ «Краб», сдав мирный груз на кубинскую консервную фабрику… снова вышел на промысел, и опять набил трюм рыбой, а затем вновь вернулся на Кубу, но на этот раз не в Гавану, а в маленький неприметный посёлок, рядом с которым тайно дислоцировалась советская ракетная часть! И когда вечно голодным воякам Кулыков предложил поменять рыбу на спирт, те согласились моментально, ибо спирт у них имелся, а его количество измерялось не литрами, а цистернами.

Эта истина избита,
оттого и результат:
чем в цистерне больше спирта,
тем трезвее наш солдат!

После того, как на СРТМ загрузили стандартные 40-литровые (!) бидоны со спиртом, «Краб» на этот раз побежал на север, где работала ещё одна группа советского флота, но не военная, а вполне гражданская. Надо заметить, что в те годы ещё не было 200-мильных экономических зон, а граница территориальных вод пролегала всего лишь в 12 милях от берега, так что наши рыбаки бессовестно (и вполне легально) добывали треску прямо на американском шельфе, наблюдая в бинокли статую Свободы. А вот омары попадались в тралы постоянно, и зная, что это деликатес, наши их на всякий случай морозили.

И вот этот *всякий случай* наконец-то наступил! Поменяв спирт на лобстеров, как называли омаров капиталисты, «Краб» вновь триумфально вернулся в Гавану. Кубинский товарищ Таварес удивился столь быстрому возвращению, но честно пересчитал стоимость омаров в стоимость рыбы (знать, жулики тогда были не только в СССР), и записал сдачу *соответствующего количества* тонн. А что, – вполне солидно получилось!

Затем «Краб» опять вышел на промысел, опять зашёл к ракетчикам, опять повёз спирт гражданскому флоту, который уже *целенаправленно* морозил лобстеров и с нетерпением ждал, когда же придут советские «кубинцы». Забрав омаров, траулер снова вернулся в Гавану, и т.д., и т.п., и ещё много-много раз!

Пусть простой рыболовецкий,
два и два сумев сложить,
знает наш моряк советский,
как награду заслужить!

А когда Кулыков, не вдаваясь в подробности, отправил отчёт своему командованию, то оно тут же отправило представление в министерство на награждение героического моряка. И герой был награждён! Потом эта схема работала ещё долго, устойчиво и продуктивно, пока однажды какой-то дотошный инспектор из Минобороны, проверяя сводки с промыслов, заметил, что СРТМ «Краб» сдаёт рыбы в три-четыре раза больше, чем это вообще конструктивно возможно! Но дело, чтобы не бросить тень на советско-кубинскую дружбу, заводить не стали, так что вполне заслуженный орден Боевого (!) Красного Знамени по праздничным дням так и сиял на парадном мундире полковника Кулыкова!

Говорил Андрюха Гальке,
прежде чем с ней согрешить:
«Орден – это не медалька:
нужно подвиг совершить!»

– Хороший рассказ, – похвалил военного музыканта большевик и прямо через штаны нежно потрогал тетрадь для компроматов. – Так как ты говоришь, было имя-отчество этого полковника?

– А тебе для чего?

– Да хочу в газету написать! – соврал педагог. – Пусть дети с него пример берут…

В общем, на этом вранье внеплановые байки воскресного дня и окончились…

Глава 45. МОБИЛИЗАЦИЯ ПЕРЕД НЕИЗВЕСТНОСТЬЮ

– Ну, что, други мои, надеюсь, что наши тонизирующие мероприятия наконец-то завершились! – воскликнул главный распорядитель событий этого тома.

«А жаль, мать честнáя», подумал один из услышавших это сообщение, «что этот Володя всегда ставит ставит свои личные приоритеты выше коллективных! Кстати, надо вечером поинтересоваться у Зули, что такое приоритеты. Уж она-то это должна знать наверняка!»

«А жаль, святой Малевич», подумал второй услышавший, «что болельщикам, в число которых я вхожу, не выдают отдельные пивные бонусы – за поддержку общенастроенческой системы бытия!»

«А жаль, мать моя партия», подумал третий услышавший, «что оппортунист Кулемзин начал играть в *русскую кочергу* лет на 30 раньше меня! Иначе, как говорил когда-то Фридрих Фридрихович Энгельс, всё могло быть по-другому…»

«А жаль, ёкарный Альбионыч», подумал четвёртый услышавший, «что ты всегда так мало берёшь йодистых назарбаксов из дома! Может, именно в этом и кроется моя недосказанность в игре, моё закавычивание фигуры умолчания при виде трефовой дамы?»

«А жаль, что я всё-таки связался с Муравлёвым!», подумал пятый услышавший. «Надо было с сáмого начала изучать правила игры, вот сейчас сидел бы не как дурак с пустыми глазами, а хотя бы как Серёжа, хотя он – тоже дурак с пустыми глазами, но зато с руками, полными карт…»

Сколько рассудком своим не владей,
сколь не броди по мотивам,
разные мысли у разных людей
всё же кончаются пивом…

И только один Альбионыч искренне и живо радовался, что великая и прекрасная игра, ради которой и стоило выходить из тёмных помещений своих душ на относительно свежий воздух Бермудского Учпучмака, наконец-то начнётся, и взволнует эти души, и втянет их в водоворот новых приключений, и отзовётся в пропитанных алкоголем сердцах, и вообще, яйчики-бабайчики! Он один ведал, что неясное, но, несомненно, интересное будущее подстерегает этих хмурых людей с суровыми взглядами и тусклыми оловянными глазами за каждым джокерным углом, за каждым робберным поворотом, за каждым переулком или тупиком имени Великой Пиковой Семёрки! Хотя тот же автор, который обладал не только воображением, но и соображением, один знал, что какие могут быть повороты в тесном пространстве Бермудско-Саксаульского ▲?!

И один только автор, настрадавшийся за эти дни вместе со своими неуёмными героями, знал, сколько же было спалено нервов за прошедшие шесть дней, уже описанных в романе, один только он, как alter ego[98] своего героя, знал, что более закалённым марсианам этих нервов хватило бы не меньше чем на 4 марсианских года!

[98] Второе я – лат.

Как рыбки в океане,
как дырочки в юане,
как клавиши в баяне,
как в сёлах бобыли, –
спокойны марсиане –
не то что мы, с Земли!

«Кстати, а где мой лозунг, который я изготовил ещё в главе 15?», вдруг с ужасом подумал писатель, не ощутив на теле под рубашкой бумажной шершавости плаката, кото-

рый очень понравился ему самому́ – лаконичностью, вдохновляющим содержанием и непреходящей мудростью. Но помнишь ли ты об этом, мой слишком забывчивый читатель? А лозунг был таким:

Кто не любит карты, пиво и
Кулемзина, так тому и надо!

А вот почему он не взял его с собой, так и не вспомнилось. Володя на всякий случай ещё раз немного похлопал себя по могучему торсу, на который в прежние дни, как политруки былой войны, наматывали знамя полка, но по-прежнему ничего не нашёл. Тогда он мысленно сходил на страницу 43 данного тома, где и находилась упомянутая глава 15, но и там упоминания о том, что изготовленный лозунг он взял с собой, также не обнаружилось. «Да что же это сегодня с моей памятью?», горько подумал он. «Если так пойдёт и дальше, то скоро я буду глядеть на семёрку пикей и думать, из какой именно железяки изготовлена эта кочерга!»

Вот такая антитеза [99]
прорастает, как порей:
кочерга не из железа,
а из разных козырей!

[99] Антитеза (от др-греч. ἀντίθεσις – противопоставление) – риторическое противопоставление, стилистическая фигура контраста в ораторской речи, заключающаяся в резком противопоставлении понятий, положений, образов, состояний, связанных между собой общей конструкцией или внутренним смыслом – прим. философ. редактора

И только литератор придумал другой лозунг:

Скрепим железом и кровью
нерушимую дружбу покеров и джокеров,
***жоп* и *шпал*, рабочих и колхозниц!**

, и только было хотел попросить Валеру сходить к нему домой и срочно изготовить плакат (а иначе какая же без него игра?!), как все вздрогнули, ибо услышали знакомый визгливый голос с балкона второго этажа дома № 17, причём, этот голос пулемётной очередью выдал сразу несколько предложений – и вопросительных, и восклицательных, и ещё каких-то, вообще не обозначенных ни в одном учебнике русского языка:

– Талгат! Когда это уже прекратится? Да чтоб вы все сдохли! Немедленно домой! Дети ещё не проснулись, а он туда же! Почему у тебя пустой холодильник? Когда ты заменишь лампочку в коридоре? Какая же я дура, что вышла за тебя замуж! И где мои польские духи?!

Военному не хотелось отвечать ни на один вопрос, а особенно на последний, потому что ему было очень стыдно, что в один из дней, когда его супруга отсутствовала в городе, он употребил её духи – скорее всего, нечаянно, – вместо утреннего чая!

Вот с утра моя стихия
(страшно жить мне в бодуне):
если плохо – пью духи я,
чтобы стало лучше мне!

Глава 46. МОБИЛИЗАЦИЯ ПЕРЕД НЕИЗВЕСТНОСТЬЮ (окончание)

«Что же делать?», подумал писатель. «Ведь так эта персонажиха нам не только первую игру поломает, но и, не дай *дедушка*, весь день! Надо бы как-то отвлечь: 1. Аиду от нас; 2. нас от Аиды»

Первый пункт выполнился очень легко: марсианин, воспользовавшись одной из несложных технологий родной планеты, тут же соорудил телефонный звонок – супруге Талгата от её родной тёти из Кустаная.

– Аида, как ты? Как дети? Как этот аспид? Надеюсь, он ещё не сжёг всю квартиру?

– Ты знаешь, тётя, – начала привычно жаловаться еврейская жена.

А дальше – неинтересно. И автор здесь имеет в виду, что, может быть, двум изголодавшимся по общению женщинам (а они не виделись целых полтора дня!) это и интересно, но вот читателю наверняка нет.

Быть может, не долечены
их тембры голосов:
о чём толкуют женщины
по 46 часов?!

А второй пункт неожиданно помог выполнить Валера Муравлёв.

– Володя, расскажи стишок, святой Малевич, – попросил он. – На эту тему!

Умному писателю не надо было прояснять суть просьбы, и поэтому он только уточнил один вопрос:

– А ничего, что стишок будет из жизни художника и его любимой?

– Конечно! Давай!

– Да-да, Володя, мать моя КПСС, – поспешно влез в чужой разговор коммунист Курманбаев. – Я тоже за валерино предложение: не мог бы ты немного отправить свои творческие надобности?

– Только подожди меня, ёкарный Ленин, – зажимая рукой горло, выкрикнул прапорщик, стремительно удаляясь к бермудским кустам.

«При чём здесь Владимир Ильич?», недовольно подумал Нуртай. «Во-первых, он не художник, во-вторых, никогда не обижал свою жену, и, в-третьих…»

Но здесь из краткосрочной командировки вернулся обер-корнет, и поэт Кулемзин отправил свои творческие надобности следующими строками:

Я повстречала его весною –
он был художник почти известный,
мы целовались с ним под сосною.
И он женился, поскольку честный!
Он пил немного, он был не грубым, –
такое счастье лишь раз бывает!
Одно смущало: почистит зубы
и вечно тюбик не закрывает.
Но я внимания не обращала –
такой мужчина мне небом даден!
И всё по-бабьи его прощала,
всё – даже тюбик, будь он неладен!
А он, рисуя, впадал в нирвану:
то вдруг обнимет – люблю, и баста,
то вдруг, проказник, потащит в ванну…
А там открыта зубная паста!
А я, как дура, носки стирала,
в супы клалá я бульонный кубик,

и всё просила, всё умоляла:
«Почистил зубы – закрой, блин, тюбик!»
А он, скотина, (ну, как нарочно):
«Всё это будет второстепенно!»
Скажите, девки, ну разве можно
любить и гадить одновременно?!
И я с досады ушла к соседу,
ведь у соседа вставная челюсть –
на полке тюбик от бленд-а-меда
лежит закрытый – какая прелесть!

После прочтения такого волнующего произведения все несколько секунд сидели молча, как бы внимая мудрость сказанного и пропуская её через себя.

– Вот, значит, как бывает, – наконец подал голос Васюхан. – Как, оказывается, всё просто! А этот Толстой наворотил нам ещё в школе – и душевные страдания, и уши у Каренина были не такие, как хотелось его жене, и всякие придворные условности. А, оказывается, не хочешь жить – уйди к другому, и всё!

– Вот именно, святой Казимир Северинович, – поддержал друга живописец, с ужасом думая о том, что если он уйдёт от Наташи, то голодная смерть наступит гораздо раньше, чем её запланировал *дедушка.*

Вот паровоз. Вот полустанок.
Вот тело женщины лежит.
А бородатый очевидец
опишет случай в двух томах…

И тут литератор понял, как же ещё многому ему предстоит научить этих людей – не в плане *русской кочерги*, а в простом житейском плане. Он размечтался, как соберёт их вместе – без карт, но непременно с пивом – и скажет:

«Други мои, будущего для людей нет и не может быть, ибо никто не в состоянии оценить грядущее. К сожалению, мы привыкли воспринимать будущее только тогда, когда оно становится историей. Но если нам удастся сломать этот стереотип, то всем нам поголовно грозит спецбольница с закрытым режимом…»

И тут Володе с ужасом показалось, что память проделывает с ним какую-то нехорошую шутку – она как бы превратилась в пунктирную линию, словно в фильме «Джентльмены удачи»: тут помню, тут не помню… «А ведь я ещё в предисловии ко всей книге[100] обещал рассказать, в чём же состоит смысл жизни», горько вспомнил он. А смысл этот настолько прост, что вряд ли его поймут и оценят мои читатели. Но всё же попробую: «Леденец хорош только вначале, а вот когда доходишь до фанерной палочки…»

Но нет – если начать с такого начала, то всё остальное придётся объяснять долго и занудно, а он этого не любил. Поэтому марсианин просто зафиксировал в своей памяти одно предложение, которое теперь навсегда останется с моим читателем:

Самое главное понимание жизни заключается
в том, что ничего нельзя изменить.
В. Кулемзин

[100] См. предисловие к роману «Матрица прошедшей жизни» (том I, стр. 14) – прим. гл. редактора

Глава 47. БЕСКОЗЫРКА БЕЛАЯ, В ПОЛОСКУ ВОРОТНИК!

И тут, перед началом первой партии, у Мусаича вдруг закралось страшное подозрение. А заключалось оно в том, что первый ход в игре (а это была *тёмная* на 1 карте) определялся случайно, а именно: Володя, хорошенько стасовав колоду, сдавал всем четырём игрокам, включая себя, по одной карте без козыря, и у того, у кого оказывалась карта старшего номинала, и начинал игру.

Но пусть мой читатель не подумает, что это было чисто номинальное, механическое действие. А чтобы было понятно, автор и возьмёт за пример нынешнюю сдачу. Литератор сдал четыре карты (в открытую!), и все увидели, что ему самому́ выпала бубновая четвёрка, у Курманбаева оказалась трефовая дама, перед Салихдзянычем лёг младший джокер, а сторож в этот раз довольствовался пиковым королём, которому он, надо сказать, очень обрадовался, так как помнил, что его подруга Зуля, когда гадала на стареньких картах на их будущую счастливую жизнь, всегда назначала Серёжу именно этим королём, а себя – роковой пиковой дамой.

Чтобы зря не бить посуду
нам от нашей доброты,
для тебя монархом буду,
фавориткой будешь ты!

Что же это означало? Да то, что на первое место покерной скамеечки, то есть спиной к югу и магазинчику Калимы, садился Талгат (у которого был младший джокер), за ним – по часовой стре́лке – Афанасьич со своим чёрным бородатым королём, потом педагог, у которого оказалась карта на один номинал ниже, то есть дама, и, наконец, Володя с самой маленькой картой – бубновой четвёркой. Но и это было ещё не всё! Чтобы кое-кому из игроков не приходило в голову косить глазом в карты своего случайного соседа, между Батыршиным и Полтавцевым садился неиграющий антенщик, а между Кулемзиным и Курманбаевым – художник Муравлёв, так что если вдруг у большевика возникало желание поживиться взором в роббере Альбионыча, то он никак не мог перепрыгнуть алчным глазом через равнодушный взгляд Валеры.

А подозрение у ленинца возникло такое: якобы писатель во время *контрольной* сдачи каким-то образом мухлюет и сдаёт карты так, чтобы будущая рассадка была выгодна лично ему! Шизофрения, конечно, паранойя, однако, но мало ли подобных психических вывертов сознания мой читатель уже видел на прочитанных 3700 страницах нашего великого романа!

Поэтому сейчас преподаватель информатики еврейского колледжа невинным голосом предложил сдать *определяющие* карты самому́, и даже придумал для этого соответствующую причину: якобы Кулемзин за прошедшие 6 дней непрерывной игры слишком устал от этого титанического усилия, а ведь ему ещё надо было копить силы для предстоящей битвы.

С другом я не конфликтую –
не могу его гнобить:
чтобы выиграть вчистую,
надо силы подкопить!

К удивлению Нуртая, никто с ним спорить не стал, поэтому он быстро сдал всем другие карты, а потом, суетясь и потея, лично рассадил игроков и болельщиков по новым местам, словно сверялся по какому-то присланному райкомом партии циркуляру.

В этот раз вышло, что первому и ходить и делать заявку выпало знатному семижопинцу Полтавцеву, который в прошедшей рокировке тоже увидел для себя некий знак,

поэтому не тушуясь выкрикнул:

– Одну, царица лесная!

, после чего все остальные отпасовались, так как знали, что по весьма странной для коммунистов теории вероятностей, придуманной неутомимым голландцем Христианом Константиновичем Гюйгенсом ван Зёйлихем, вероятность перебить случайную карту (при колоде в 55 листов!) картой либо большего номинала, либо *грандом*, была настолько мала, что не принималась во внимание даже вообще не умеющим играть Муравлёвым.

Впрочем, так и случилось, после чего записывающий Альбионыч вписал в квадратик, помеченный значком С, то есть Серёжа, 50 очков, а всем остальным – по 10[101]. Но если бы дело этим и закончилось!

[101] Надеюсь, мой читатель ещё не зыбыл, что все итоги игр на тёмных (и выигрыши, и про-игрыши, и даже переборы) удваивались – прим. автора

По причине вероломной,
не брюзжа и не блажа,
я поднялся лишь на *тёмной*,
а на светлой – облажа…

Автор не раз уже рождал строку о том, что на нашем кривоватом шарике где-то прячется от людей лишь единственный бог во Вселенной – это великий и ужасный Случай. Всё подчинено ему, и ничего не подчинено человеку. Так думают все, кто разделяет мои взгляды, то есть люди не просто умные, но и думающие, и лишь так называемые верующие, когда у них случается (извините за тавтологию) случайная радость, думают, что это их каким-то образом за что-то похвалил *дедушка*, а случается беда, значит, они были ему, то есть мифическому *дедушке*, чем-то нехороши.

Но в нашей игре, в которой участвовали три с половиной атеиста (Нуртай, Талгат Володя и пол-Серёжи), ибо вторая половина Полтавцева иногда (видимо, на всякий случай) склонялась в сторону христианства, хотя сам Афанасьич и не понимал, что это такое, да ещё двое атеистов сидели рядышком с этими тремя с половиной, то есть Валера и Васюхан, счёт был 5:0,5, а это означало, что подавляющее большинство ситуаций, возникающих в игре, всё-таки происходило по воле Случая.

И вот этот Случай, который, как известно, был родным сыночком само́й Суки-судьбы, на этот раз отколол такое, чего Кулемзин не видел ни разу за всю свою длинную карьеру покерного игрока, а это ни много ни мало почти 30 лет!

Я, по жизни ковыляя,
вдоволь выпивши вина,
три десятка лет играю,
но не понял ни хрена!

А ситуация случилась следующая. Второй сдачей была также одна карта, но не вслепую, как первый раз, а её можно было хорошо рассмотреть и даже понюхать, как это часто делал Серёнька. На этот раз при бубновых козырях ему пришёл пиковый король, причём сейчас он должен был положить его последним, так как первый ход делал сидящий за ним Кулемзин, который хотя и сказал *пас!*, но как-то хитро улыбнулся, а когда за ним следом также отпасовались Курманбаев и Батыршин, то бывший текстильщик, а ныне сторож-охранник магазина «Пингвин и гагара», набрался смелости и храбро сказал:

– Одну, мать честная!

И эта мифическая мать, как это ни странно, ему опять помогла, ибо Альбионыч пошёл как раз пиковой десяткой, а у остальных не нашлось, чем её перебить – не пришло нико-

му из серёжиных соперников ни старшей пикушки, ни хотя бы захудалой козырной двоечки. Поэтому в итоге произошло то, что называется учёным словом персеверация[102] – охранник вновь получил свои очки, правда, не 50, как в первый раз, а 25, но всё же на его лицевом счету после первых двух партий, что в среде покеристов было принято называть *пустыми*, уже лежало 75 очков, а у остальных же всего по 15 (10 за первую *тёмную* и 5 за вторую светлую).

[102] От лат. perseveratio – настойчивость, упорство – устойчивое повторение какой-либо деятельности

Как же много возрастного
в наши тыквы вдолблено:
повторяется всё снова –
как в чапаевском кино!

Глава 48. БЕСКОЗЫРКА БЕЛАЯ, В ПОЛОСКУ ВОРОТНИК! (продолжение)

Много ошибок в своей многотрудной жизни совершал Серёнька Афанасьич, поэтому ещё одну совершил легко и беззаботно. Выиграв два первых роббера, которые для настоящего игрока по большому счёту ничего не значили, так как вся основная игра была ещё впереди, он страшно загордился и оттого потерял бдительность. Но, как утверждал в своём малозначительном романе «Смилла и её чувство снега» некий Питер Йорнович Хёг[103], «людям трудно сохранять бдительность, когда они испытывают приятные ощущения». А таких ощущений у Полтавцева сейчас было два полных кармана, полная котомка да ещё полная запазуха!

[103] Современный датский писатель, чей упомянутый выше роман был переведён на 30 миро-вых языков – прим. лит. редактора

Поэтому когда следующий игрок сдал по две карты, сторож только бросил на них короткий взгляд и тут же выпалил:

– Две!

Нуртай поморщился, потому что из двух карт ему пришёл козырной король и к нему туз другой национальности, поэтому он, оценив все риски, мужественно произнёс:

– Одну, мать моя КПСС!

Правда, через несколько секунд он страшно застонал, словно собирался рожать четырёх девочек за один присест, потому что семижопинец опять забрал обе взятки – младшим джокером и козырным валетом, прибавив к своему счёту ещё 45 очков, а вот педагогу пришлось худо, ибо от заработанных 15 очков пришлось отнять 25проигранных, что составило страшное число минус 10!

Пожалейте миокарды,
что биенья затруднят:
пусть придёт любая карта –
буду бить я всех подряд!

Володя и Талгат, словно почуяв западню, в этом роббере снова отпасовались, и правильно сделали, заработав хотя и немного – по 5 очков за пас, но зато уверенно продолжили наращивать партийные[104] мускулы.

[104] В данном случае речь идёт о партии в русскую кочергу – прим. автора

Бес гордыни, совершенно овладевший охранником, заставил впасть его в ересь всемогущества, что и выразилось небрежным вопросом к записывающему:

– Вовка, посмотри-ка, у меня уже есть сотенка или надо ещё постараться?

Кулемзин глянул в *раскладку* и честно ответил:

– Да, Серёжа, у тебя, яйчики-бабайчики, набралось 120 очков.

– Маловато что-то, – почесал подбородок везунчик, – а ты не мухлюешь?

– Старик, как ты можешь, святой Малевич? – вскрикнул живописец, а потом обратился почему-то к старшему джусу:

– Я думаю, Васюхан, что Полтавцеву сегодня больше не наливать!

– Чего именно? – в тревоге поинтересовался потенциальный трезвенник.

– Ничего! – последовал суровый вердикт. – Кто за?

– Э, э, погоди голосовать, – заблажил Афанасьич. – Я же пошутил. Нет, ну, вспомните, мать честнáя, кто из вас не восхищался моим непреходящим чувством юмора, сатиры, гротеска и сарказма?

Без пейзажов и палитров,
коли пыхну анашу
иль шагну за пару литров,
так подряд я всех смешу!

Следующий роббер – на этот раз из трёх карт – выпало сдавать коммунисту. «Как же сбить пруху у этого иблиса?», подумал он, потом очень тщательно перетасовал колоду и стал старательно одну за одной раскладывать карты перед каждым игроком. Муравлёв и Митрохин, почувствовавшие важность момента, напряжённо следили за этими эволюциями партийного. Наконец Мусаич окончил сдачу, положил козыря в виде бубновой тройки, и все, схватив свои карты, принялись их тщательно изучать. Все – кроме всё того же экс-текстильщика, к этому моменту уже окончательно уверовавшего в свою неожиданно свалившуюся на него *пёрку*. Даже не глянув на пришедший роббер, он привычно выкрикнул:

– Три!

, и торжествующе замер, как замирает питон – перед последним броском на загипнотизированного его взглядом кролика из рода Brachylagus[105].

[105] Айдахский кролик, или кролик-пигмей – прим. зоол. редактора

Стерпев и очередь, и запись,
приобретает кролик хит:
сеанс гипноза – риск и радость –
питон на кролика глядит.
Зевнул питон: «Я не голодный!»
сквозь переливы децибел,
«Сеанс окончен твой сегодня!
Иди, я до тебя поел!»

«Слушайте», подумал в этом месте автор, «это уже переходит все границы! Это уже даже не смешно! Но не могу же я вместо по-настоящему происходящих событий придумывать какие-то другие – нелепые и непроисходимые!»

Да-да, мой читатель, надеюсь, ты тоже разделяешь досаду автора, но, как и он, ничего не можешь поделать. А дело в том, что охранник, уверенно бросая карты на столик одну за одной, опять взял все предложенные этим роббером взятки, ещё раз увеличив свой

счёт до 180, ибо за три выигранные взятки счастливцу, кто бы им ни был, полагалось 60 очков. Правда, и в этом коротком сражении нашлись свои пострадавшие: педагог пролетел ещё на одну взятку, наивно понадеявшись на козырного туза, с которым Серёжа расправился выстрелом в упор из аркебузы старшего джокера, и, к удивлению Альбионыча, сам Альбионыч, у которого из трёх карт было два козыря и некозырный туз, но ни один из них сыграть так и не сумел.

Особенно жалко было глядеть на Мусаича, потому что к его минус 10 очкам добавилось ещё минус 25, но это был не тот забавный случай, когда минус на минус обязательно даёт плюс – у *русской кочерги* была своя математика – пострашнее евклидовой и лобачевской! И хотя у строптивого преподавателя еврейского колледжа уже набралось 35 минусовых очков, Володя, разумеется, не радовался этому, а, напротив, досадовал, потому что сам влетел в минус, правда, небольшой, – в 5 очков! Впрочем, стоило ли досадовать по поводу этого малого афронта, ведь игра только-только началась…

Ох, подвёл подлюка синус,
как жестокий карапуз:
почему сыграл я в минус,
хоть старался выйти в плюс?

Глава 49. БЕСКОЗЫРКА БЕЛАЯ, В ПОЛОСКУ ВОРОТНИК! (ещё одно продолжение)

Ох, и непредсказуемая штука – эта *русская кочерга*, я вам доложу! Вот сколько времени знаю я все до одного правила этой великой игры, но знаю также и то, что в созданном для этой забавы вре́менном коллективе не возбраняется ввести ещё одно-два дополнительных правила – исключительно для интереса процесса! А, например, в нашем коллективе, который покерный гуру давно уже назвал ПОЛК[106], одно такое вре́менное правило даже стало постоянным.

[106] Напомним нашим читателям, что эта аббревиатура переводится как Партия Откровенных Любителей Карт – прим. автора

Это произошло пару лет назад, когда количество заказываемых взяток ещё не было ограничено, а страшно везло тогда лишь одному Нуртаю, только-только близко познакомившемуся с *иблисом*, который, почуяв *своего*, тут же стал помогать ему как мог. И вот, натерпевшись этой гадости, Альбионыч как-то сделал предложение – ограничить количество взяток в робберах от 6 от 12 до пяти карт, а это означало то, что взявший такое количество взяток мог максимально заработать 90 очков, а не, например, 180, если бы из пришедших 11 карт заказал именно 11 взяток!

Предложение Кулемзина, помнится, тогда прошло *на ура* – тремя голосами *за* против одного курманбаевского, и первый раз в жизни Мусаич пожалел, что на свете существует некий партийный принцип превосходства большинства над меньшинством, чем не раз в прошлом пользовались соратники некоего Ленина.

Правда, и в этой ситуации был один старый нюанс, о котором мы уже как-то рассказывали: если вдруг кому-то из игроков, не смотря на то, сколько всего разыгрывалось карт в данном роббере, приходили *четыре семёрки*, которые автоматически превращались в четырёх покеров, и тогда роббер не разыгрывался вообще, а счастливчик получал все взятки – без игры!

Аспиранты-докторанты,
не крутитесь, как змея:

у меня сплошные *гранды* –
победитель снова я!

И пусть мой читатель не думает, что автор вот так ни с того ни с сего заполнил половину предыдущей страницы ненужными воспоминаниями, ведь речь здесь шла именно о введении нового правила. Вот только на этот раз автором предложения стал… Полтавцев, который настолько уверовал в свою исключительную *пруху*, что предложил обалдевшим от его наглости сопокерникам вести новое вре́менное правило – всего на несколько робберов: дать всем остальным *фору*, то есть сыграть очередную игру на 4 картах без него!

– И сколько же форы ты нам даёшь? – улыбаясь, поинтересовался литератор, предчувствуя интересный поворот сюжета для его новой главы.

– Да сколько хошь, царица лесная, – самоуверенно ответил Афанасьич. – Вот смотрите: раз мы играем целую неделю, а я ещё со школы помню, что в неделе 7 дней, значит, я – для того, чтобы вы малёхо подтянулись *до моего уровня* – пропущу ровно 7 робберов!

Пусть я буду бессердечным,
пусть кипят у вас мозги,
не догнать меня увечным –
у меня ведь три ноги!

Обалдевшие покеристы вместе с неиграющими Муравлёвым с Митрохиным проголосовали *за*, – видимо, впечатлившись детской памятью наглого семижопинца.

– А ты в это время что будешь делать? – робко спросил лидера данной игры ленинец.

– А я пока делом займусь, – важно ответил временный лидер, похлопал себя по карману и… направился в сторону лавки Калимы.

И тут осиротевшие учпучмакцы поняли, что за время своих прошлых походов в сельпо предприимчивый охранник так-таки сумел сэкономить на сдаче как минимум на одну бутылочку любимого «Жигулёвского»

– Короче, позовёте если чё, – нагло сообщил он коллективу, отправляясь строго на юг.

А мой читатель пусть просто запомнит, что до своего победного демарша Серёжа успел заработать ровно 180 очков, и пусть поверит (читатель, а не Серёжа), что это знание будет не лишним уже через некоторое время.

В это время записывающий Кулемзин, чтобы не запутаться в новой игровой ситуации, заштриховал в полтавцевском столбике семь квадратиков и подвинул колоду следующему сдающему – Нуртаю. Игра продолжилась в полном молчании, ибо сказать было нечего – сами же согласились на вре́менное одноразовое правило!

Это ужас – вы заметьте! –
среди нас, троих вояк,
правил столько есть на свете,
что не выучить никак!

Кстати, эти 7 робберов в сокращённом составе пролетели заметно быстрее, чем ранее. Сыграло здесь, в основном, именно отсутствие са́мого туповатого игрока, который вначале долго пыхтел, сомневаясь, сколько ему заказать, а потом пыхтел ещё сильнее, сомневаясь, какой бы картой походить. Правда, и оставшимся трём игрокам пришлось немного туже, ибо надо было на ходу перестраивать игровой ритм, а в отсутствии холодного пивка это было сделать в 6,14 раза сложнее, чем при его присутствии. Осложняло игру ещё и то, что Курманбаев, попавший в минус, всеми силами пытался из него выйти, и зверствовал в три раза сильнее, чем обычно.

Если же говорить короче, то ни один из оставшихся в сиротстве (без сторожа) игроков

так и не сумел далеко продвинуться и хотя бы для приличия приблизиться к заветной серёжиной цифре 180.

Наконец игроки достигли отметки в 11 карт, и пора было звать зарвавшегося экс-текстильщика. Недолго посовещавшись, звальцами назначили неиграющих живописца и антенщика, которые поднялись с покерной скамеечки, встали рядом, как исполнители желаний Тит Кузьмич и Фрол Фомич из филатовской сказки «Про Федота-стрельца, удалого молодца», повернулись в сторону лабаза и, не сговариваясь, громко заорали:

– Серёжа, если что!

– Иду-иду, мать честнáя! – тут же появился на крылечке заметно пополневший Афанасьич, и все поняли, что ему удалось скропить не на одну, а как минимум на две бутылочки заветного напитка.

Сторож быстро влился в осиротевший без него коллектив, но перед роббером в 11 карт на этот раз предложил Володе ознакомить лично его с достижениями каждого игрока.

Знают твёрдо во дворе,
что таят заказцы:
сколько кто набрал в игре,
так тому воздастся!

– Слушай, яйчики-бабайчики, – произнёс писатель и огласил итоги:

– У Талгата – 48 очков, Нуртай вышел из минуса и у него сейчас плюс 12, у меня 96, а у тебя, Серёжа, как и раньше, 180!

– Вот что значит знать игру, как все свои пальцы! – важно изрёк охранник.

В это время покерный гуру сдал по 11 карт – уже всем находившимся здесь игрокам, включая Полтавцева, и все погрузились в рассматривание пришедших робберов. Сам же уроженец деревни Семижопино в этот момент окончательно убедился в своём непрекращающемся сегодня счастье: ему пришли аж 8 козырей и три туза, включая козырного.

– Предлагаю на эту игру ввести ещё одно старое правило, – страшно скалясь от нахлынувших чувств, объявил он. – Я хочу заказать все 11 взяток!

– А я не против, – тонко улыбнувшись, разрешил Володя. – Ну, пусть хоть раз в жизни человек, у которого на завтрак сегодня была только половинка сморщенной брюквы, порадуется своему счастью!

Кулемзина тут же поддержал опытный прапорщик, успевший заметить некую искру во взоре писателя, а за ним и Мусаич, хотя немного поворчал для порядка. Оба они – и Салихдзяныч, и большевик, боясь оскандалиться, заказали по пасу, и, как выяснилось буквально через несколько секунд, правильно сделали.

– Поздравляю тебя, старичок! – обратившись персонально к рисковальцу, неожиданно произнёс Альбионыч.

– С чем? – внезапно испугался неразумный рисковалец.

– С жопой, яйчики-бабачики! – улыбаясь, объяснил покерный гуру.

– С какой? – потеряв голос, просипел на халяву нахлебавшийся.

Тогда вместо ответа марсианин внезапно открыл свои карты и показал, что среди других затесались четыре семёрки, включая пиковую, о чём, собственно, совсем недавно – в конце позапрошлой страницы 126 и вспоминал автор.

Себя браня и критикуя,
я словно срок себе вмотал:
не пожелаю и врагу я
то, что сейчас вдруг испытал!

– Ну да, всё правильно, – подсчитал Батыршин. – У тебя, Серёжа, 180 очков, а влёт на 11 картах – тоже 180! Так что, на колу мочало – начинай сначала!

Глава 50. ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕЛИКОЙ УЧЁБЕ

Много ударов по старой морщинистой попке получал Серёнька Афанасьич за свою жизнь, но такого мощного пинка от великой Суки-судьбы у него ещё не было! Сейчас на него было тяжело смотреть: вначале сторож подпрыгнул вверх, но упал почему-то не на то место, где только что сидел, а, извернувшись, как кот, приземлился за покерной скамеечкой, тут же встав за спиной *записывающего* Володи.

– Покажи, царица лесная! – сурово потребовал он.

Альбионыч показал.

– Надо проверить! – ещё суровее отдал приказ обиженный жизнью.

– Так я уже проверил! – поделился с ним радостью младший корнет Салихдзяныч. – Я же тебе только что сказал: 180 минус 180 будет ёкарный 0.

– У кого есть калькулятор? – не сбавлял степени суровости в вопросах Полтавцев.

– У меня, – поднял руку, словно находился в третьем классе начальной школы, Курманбаев, но потом тяжело вздохнул и добавил:

– Но он у меня дóма, и лежит неизвестно где…

– Так ты что, старичок, не веришь своим товарищам по партии[107]? – поднял бровь Кулемзин.

[107] Разумеется, наш герой имеет в виду партию в русскую кочергу! – прим. автора

Я сейчас подобен зверю
и могу всех расстрелять,
ведь друзьям своим не верю:
брали шесть – бухнýли пять!

– Не то чтобы не верю, – пошёл на попятную охранник, – но ведь, согласись, трудно поверить в такое безобразие!

– Трудно, – улыбнулся покерный гуру. – Но – таковы суровые правила этой игры, и тебе они хорошо известны.

– Да в том-то и дело, что не очень! – посетовал семижопинец. – Ты бы немного напомнил, в чём там дело!

«Это ж надо было вчера так нажраться, святой Малевич!», подумал живописец.

– В чём – это где? – уточнил писатель.

– В правилах, – уточнил человек с головой, похожей на еловую шишку.

И тогда Володя в какой уже раз за практически прошедшую неделю вспомнил, сколько моральных и особенно матеральных мук (в плане безразмерного закупа пивка) он испытал в то время, когда, как манту и перке[108], прививал правила великой *русской кочерги* этому разношёрстному (в плане интеллекта) коллективу. А автор подумал, что этот последний том будет явно неполон как раз без ещё одного такого короткого рассказа.

[108] Реакция манту и перке, или туберкулиновая проба – иммунологический тест, показывающий, есть ли в организме туберкулёзная инфекция – прим. мед. редактора

Пусть начнём мы с алфавита –
с правил трудной нам игры:
все мы, братцы, неофиты
(а по-русски – школяры)!

Начиная новое дело, надо быть готовым даже к тому, что у вас всё получится!

В предыдущих книжках нашего великого романа уже не раз было произнесено, с чего началась учёба, а потом и сама игра. А если кто не помнит, скажу ещё раз: из-за страшной скуки нашего главного героя Кулемзина, которая овладела им после переезда в дом № 17, ставший основанием Бермудского Учпучмака, или Великого Игрового ▲.

Как журналист с историческим уклоном и философ с уклоном писательским, Володя осознавал, что всякое время проходит, но не просто, как, например, величественно шествует корова на вечернюю дойку, а оставляя вещественные, а порой и виртуальные свидетельства. И порой эти свидетельства могут показаться настолько незыблемыми, словно сами заключают в себе Время. Но он знал также и то, что даже самые значительные свидетельства из стали, стекла и бетона могут рухнуть в одночасье, оставив после себя лишь пыль и прах. А вот по-настоящему неколебимыми останутся лишь те свидетельства, кои сохранит хрупкое человеческое сердце…

Злак не станет пореем,
гром не просто гремит:
всё, что в сердце имеем,
только смерть сохранит…

Увидев перед собой три чистых листа, которые представляли сейчас тыквы его будущих сопокерников, Альбионыч сладко мечтал, как начнёт заполнять их некими знаниями – и не только правилами *русской кочерги*, но и чем-то таким нематериальным, практически бессознательным, что и составляет основу каждого великого учения. Литератор наивно представлял, что въезжает на стройном белом коне в некие золотые ворота Абсолютного Знания, за которыми открывается совсем иная, непохожая на прежнюю, жизнь – обеспеченная, беззаботная, сытая и красивая, с признанием его бесспорных заслуг в деле покеризации незначительной части населения страны. О, как же он ошибался!

– Ну, что ж, придётся принять личное участие в вашей незавидной судьбе, – пообещал неофитам будущий покерный гуру. – И запомните, яйчики-бабайчики: на время учёбы я для вас, как учит глупых людей одна толстая книжка без картинок, буду богом-отцом и богом-сыном в одном лице, а практически в чём-то даже и духом святым!

При этих страшных словах один из новых учеников, а именно Серёнька Полтавцев, на досуге почитывающий упомянутую книжку, даже вспомнил слово евхаристия[109], после чего ему стало ещё страшнее. Но он тогда не знал, что это слово совершенно правильно отражало суть происходящего: сама *русская кочерга* была тем самым таинством, о котором говорит сноска в конце этой страницы, освящение заключалось в правильном применении правил игры, хлеб символизировал всю карточную колоду, а вино – её самую сладкую часть, то есть *грандов*, среди которых был и главный – своеобразный *дедушка* покера, то есть Её Величество Пиковая Семёрка.

[109] Причащение – от греч. εὐ-χάριστία, то есть благодарность, признательность. В исторических церквях толкуется как таинство, заключающееся в освящении хлеба и вина и последующем их употреблении – прим. богосл. редактора

Просто всё всегда в природе –
и без всякой магии:
покер – бог в моей колоде,
джокеры – как ангелы!

Как и все миссионеры, Володе приходилось оттачивать основы своего учения на туземцах, как бы применяя на них ассó[110].

[110] Тренировочный бой в фехтовании – прим. спорт. редактора

– Отечественная школа практической психопатологии, – таинственно добавлял он при этом. – Так что давайте сразу же расставим все знаки препинания над *ё*…

Однозначным было и то, что всё, что земной марсианин до сегодняшнего дня считал жизненными *переплётами*, было по сравнению с ныне происходящим просто некой детской забавой.

– Там, где не может быть *полного знания*, – учил он неофитов, – интуиция – единственное действенное оружие. И ещё одно главное, что наверняка покажется вам странным: *знание цели, а, значит, стремление к ней – это злейшие помехи на пути её реализации.* Постарайтесь руководствоваться этим, не слишком задумываясь над сказанным, ибо моё слово в данном случае – слово *дедушкино*!

Никто не даст нам избавленья –
ни бог, ни знахарь и ни врач,
лишь покер даст нам исцеленье
и прекратит весь этот срач!

Глава 51. ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕЛИКОЙ УЧЁБЕ (продолжение)

В этом месте Альбионыч вспомнил слова́, написанные на памятнике первопечатнику Ивану Фёдорову: «Во имя братий моих», и невольно прослезился (в душе́), а вслух произнёс следующее:

– Покер – это слишком божественная вещь, чтобы говорить о ней вслух. Но мне приходится делать это, приходится использовать слова́, потому что вряд ли кто из вас будет в состоянии понять моё безмолвие. И поэтому первым делом предлагаю вспомнить одну из заповедей Учебного центра корпуса морской пехоты США. Надеюсь, её хорошо помнит единственный действующий воин Вооружённых сил Республики Саксаулия товарищ Батыршин?

– Конечно, помню, – тут же отозвался старший прапорщик названных войск, – просто вчера я немного поругался с моим вторым ёперным папой, то есть тестем Яковом Моисеевичем, когда заметил, что он особенно тщательно вычищает корочкой мацы глубокую йодистую тарелку с салатом.

– А при чём здесь салат? – заинтересовался покерный гуру.

– Да салат, конечно, ни при чём, просто я спросил его:

– Яков Моисеевич, а вы случайно не шахтёр?

На что он мне, вспылив, ответил:

– Я не случайно, я принципиально не шахтёр!

– И вот после этого я как раз и забыл эту американскую заповедь!

Актёром или прокурором,
монтёром или же лифтёром,
на крайний случай зубодёром
меня когда-то изберут:
еврей не может быть шахтёром –
рубить кирко́й ведь тяжкий труд!

Альбионыч признал эту причину обоснованной и оправданной, после чего огласил не-

разъясненную заповедь сам:

– Итак, она гласит: «If you look like meal, you'll be eaten!»[111]

[111] ***Если ты выглядишь как еда, то тебя обязательно сожрут! – англ.***

«Какой интересный язык», подумал тогда Серёжа. «Вот бы выучить такой!»

– А что это означает, мать моя партия? – застенчиво поинтересовался Курманбаев, который хорошо знал только один язык – международный язык глухонемых, на которых изредка общался с делегатами разных коммунистических партий, приезжавших в Саксаульскую ССР.

– А это переводится просто, други мои, – ответил писатель, – поэтому запомните данные пять слов навеки:

Научен горьким опытом –
научи товарища!

Велосипед чиня иль складывая силос,
в волне морской копая янтари,
не удивляйся, если что-то получилось –
великий Случай поблагодари!

Вот тогда и произошло то, о чём в нашем повествовании уже упоминалось: педагог, как представитель передовых сил международного движения, впервые намекнул на то, что всякое новое дело надо обязательно начать под лозунгом, иначе оно бесславно сгинет в *пучине* безответственности, неорганизованности и разгильдяйства! Правда, военный музыкант Салихдзяныч попенял ему на то, что великий маэстро Джакомо Микелевич *Пуччини* ни в чём таком *не сгинал*, а, напротив, прославил свою родину Италию аж десятью óперами, и, чтобы подтвердить сказанное, даже попытался просвистеть арию Чио-Чио-Сан из третьего акта оперы «Мадам Баттерфляй»

А Кулемзин, чтобы прекратить возникшую перепалку, решил сделать нечто уникальное: чтобы вечно всем недовольный Курманбаев остался и довольным, и недовольным одновременно, литератор-затейник быстро сбегал домой и вскоре вынес и повесил на карагач первый в истории СПАД, или

Саксаульского
Покерного
Антиглобалистского
Движения

, лозунг, который после этого исторического дня хранился в специальной засекреченной комнате-трансформере – якобы для каких-то мифических благодарных потомков:

Познание бесконечного
требует бесконечного времени!

И всё получилось именно так, как задумал хитрый Володя: Мусаичу пришлось быть довольным, ибо лозунг, на котором он настаивал, всё же появился, и одновременно недовольным, так как концепция изложенного на плакате ему страшно не понравилась. Но было поздно!

Стал досýг вполне вменяем –
как вождя броневиком:

мы под лозунгом играем,
но без лозунгов живём!

Причём новоявленный покерный гуру тогда предупредил своих учеников, что отговорку типа *отрицательный результат – тоже результат* он не примет, и добавил, что результат должен быть непременно положительным и не позднее, чем через год!

– И, кстати, запомните, други мои, что покер – это жизнь, – добавил он тогда, – а регулярные занятия жизнью очень полезны для здоровья! – хотя и не проинформировал неофитов о том, что собирается применять при учёбе совершенно бескровные методы – логику и психологический прессинг.

Зато новый учитель популярно объяснил всем троим ученикам, что навязываемая им в коллектив игра является некоей диверсификацией, то есть латинским словом, означающим *изменение* или *разнообразие*, но умолчал о том, что это иностранное слово уже давно превратилось в торговый термин, означающий расширение ассортимента выпускаемой продукции и переориентацию рынков сбыта.

На это коммунист Курманбаев заявил, что давно знако́м с этим словом по книге Карла Генриховича Маркса «Наёмный труд и капитал», в которой классик писал, что «Диверсификация может осуществляться на основе как концентрации, так и централизации капитала…», и при этом презрительно посмотрел на шепчущихся Талгата и Серёжу, которые решили, что, кроме игры в карты, Володя будет тайно обучать их основам *диверсии,* после чего сразу же подружились, так как признались друг другу, что оба с детства мечтали стать именно диверсантами!

В голове – сплошная вьюга,
и отметки все – нули:
в диверсанты оба друга,
правда, сдуру, но пошли!

– Ну, яйчики-бабайчики, прямо кружок каких-то радикалов, – одобрительно заметил писатель, оглядев неофитский коллектив.

– Квадратик, царица лесная, – подал несмелый голос сторож.

– В смысле?

– Квадратик, говорю, а не кружок, – нас же четверо! – объяснил Полтавцев.

– А, может, даже и КУБ, – улыбнувшись, добавил марсианин.

– Почему, ёкарный геометрик? – удивился старший трубач.

– Да потому, что придуманный мной КУБ – это **К**ружок **У**влечённых **Б**ойцов!

– А-а-а, ну тогда ладно, – заулыбался семижопинец.

И хорошо, что к тому времени Володя ещё не подарил ему книжечку «Для му.мы.», иначе там появилась бы такая страничка: «Сегодня в ходе предварительной учёбы в какую-то игру Кулемзин объяснил нам, что КУБ – это **К**вартет **У**беждённых **Б**юрократов!»

Раскусил я их нутро:
краты все живут в *бюро*!

И вроде бы не должно было задеть гуру это глупое замечание охранника, да вот немного задело. «Если так будет продолжаться дальше», подумал он, «то согласно доктрине Штирлица – о том, что хорошо запоминается последняя фраза, эти иблисы и будут запоминать только сами себя, а не мои ВПУСКи, или, чтобы было понятно читателю,

Великие
Покерные
Установки
Сознательных
Категорий

Чтобы немного успокоиться, Володя, тут же найдя в своей безразмерной марсианской памяти подходящую цитату, стал читать про себя строки Марселя Адриановича Пруста: «Всякие перемены могут происходить без малейшей путаницы при условии, что соотношения *чисел* останутся прежними…»[112]

[112] Глава XXIII четвёртого романа «Содом и Гоморра» из цикла романов «В поисках утраченного времени» (1922) – прим. лит. редактора

А потом, когда немного успокоился, заставил неофитов запомнить ещё один немаловажный (прости, русский язык!) постулат, сказанный им на этот раз вслух:

– Старайтесь не обижаться в игре ни на кого, ведь если тебя хотели обидеть, не доставляйте этим людям удовольствия…

При этих словах все почему-то посмотрели на Курманбаева.

– А я что, мать моя КПСС? Я ничего! – привычной русской формулой сделал попытку отмазаться преподаватель еврейского колледжа.

– А если не хотели, – завершил мысль гуру, – то их можно простить…

Мысль втолкую без помех
корешу, что brather [113]:
я могу простить лишь тех,
кто в меня промазал!

[113] Брат – англ.

Глава 52. ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕЛИКОЙ УЧЁБЕ (окончание)

В это время великий учитель заметил, что Афанасьич вновь уставился вверх, словно ища в так называемых небесах подтверждение сказанному писателем.

– Серёжа, ты чего замолчал? – обеспокоился ТИП Кулемзин, как он себя иногда называл. А чтобы мой читатель впоследствие не пенял автору на то, что он просто забыл объяснить очередную аббревиатуру, то вот её расшифровка прямо здесь:

Толкователь
Истин
Простейшего

– Да вот, мать честнáя, появилась у меня одна мыслишка, – ответил экс-текстильщик.

– Как это тебя угораздило? – пожалел балбеса литератор.

«По-моему, коллектив начинает распадаться на почве внутренних противоречий…», подумал он этом, но проповедовать не перестал:

– Главным смыслом нашей учёбы должен стать вот какой: совершайте сколько угодно ошибок, но только один раз! Надеюсь, хотя бы это вам понятно?

– Конечно, понятно! – радостно вскричал Полтавцев и, как бы в подтверждение приобретённого понятия, порадовал коллектив маленькой песенкой, судя по уровню, собственного сочинения:

– Трынцы-брынцы, ананас,
красная калина!
Эх, не жисть теперь у нас,
а сама малина!

В общем, как говорит большой затейник русский народ, учёба шла ни шатко, ни валко, но всё-таки худо-бедно. И Талгат, и Нуртай к концу первого месяца занятий уже научились отличать красные карты от чёрных, а также поняли, что дамы, несмотря на красоту, всё-таки на один карточный пункт меньше королей. И только с туповатым семижопинцем приходилось так туго, что Кулемзин иногда от отчаяния даже думал о лишней бутылочке пивка «Тянь-Шань, хотя во время покерных лекций старался ограничивать себя даже в столь малом удовольствии.

Однажды, например, произошёл случай, во время которого уже устоявшаяся *квадрига* будущих игроков чуть было не превратилась в банальный ▲.

– А, может, мне вообще не играть? – неожиданно «задумался» Серёжа. – Мне же всё равно ни в какую игру не везёт! Вот, помню, однажды сели мы в подсобке ПТФ ОХБК[114] с мужиками играть в домино – вчетвером. А в комплекте, как вы пóмните, этих доминошек всего 28 штук. И вот все взяли по 7 штук…

[114] Прядильно-ткацкая фабрика Отцеябловского хлопчато-бумажного комбината – прим. автора

Под бутылку знают гости –
плохо без запаса:
доминошки – это кости,
только лишь без мяса!

– Подожди, подожди, – остановил его Валера, взял веточку и написал в пыли под ногами нечто, похожее на формулу:

4 чел. x 7 дом. = 28 шт.

, а автор, вспомнив, что это уже вторая формула, написанная сегодня художником[115], подумал: «Это его растащило на сложную арифметику!»

[115] Первая формула была на стр. 100 данного тома – прим. гл. редактора

– Правильно, – перегнувшись для того, чтобы заглянуть под столик с другой стороны, подтвердил бывший текстильщик. – Вот только у нас тогда так не получилось!

– В смысле, святой Малевич?

– Так не хватило же! Именно мне семи штук и не хватило! Вот такая непёрка!

– А ты ничего не путаешь, ёперное домино? – поинтересовался военный.

– Нет, не путаю. Я тебе, Талгат, больше скажу: мне не везёт, *как правило*! – с удовольствием произнёс невезучий ранее незнакомую ему глупую человеческую формулу, услышанную на днях в каком-то сериале.

– Как правило? – усмехнулся Володя. – Забавно. Серёжа, запомни на всю жизнь, что правило может быть только одним – это законы природы. Если кирпич бросить с высоты, он *должен* упасть вниз, потому что есть закон всемирного тяготения. Но если кирпич не падает, я не говорю, что этого не может быть, а ищу причину, по которой он не упал. Может, он был привязан леской, или в него напихали желéза, чтобы удержать мощным магнитным полем…

Я живу в альтернативе –
вот пример простецкий:
мне кирпич попал по тыкве –
хорошо, был детский!

– Да нету у меня никаких магнитов! – открестился охранник. – Просто не везёт, и всё тут!

Володя вспомнил, как Афанасьич после этого вскочил и стал бегать вокруг будущего покерного столика, а гуру в это время, пользуясь нехитрой марсианской технологией, слушал его (Афанасьича, а не столика) мысли о том, что предлагаемая Кулемзиным игра, кажется, очень опасная, если в ней позволительно бросать кирпичи, да ещё с железом!

Сомнения сторожа вызывали и володины мысли о всемирном тяготении. «Чепуха какая-то!», «думал» Полтавцев. «Если у меня есть тяготение в лавку Калимы – за бормотушкой, то это что же, вместе со мной весь мир должен идти?!»

– Да какая разница? – наконец воскликнул Серёжа.

– Это сложно, но я обьясню, – ответил Володя. – Вот смотри: каждый снайпер – стрелок, но не каждый стрелок – снайпер. Понятно?

– Дак мы же не стреляемся, а играемся, – испугался семижопинец.

– Тогда просто запомни, а лучше запиши:

Стрелок – это мастерство, рука, глаз.
А снайпер – это характер, личность,
особая психика и психология поведения…

– Так это что, если мне ружжо дадут, я могу особым психом стать? – наконец-то понял Серёжа.

– Да, – с отвращением соврал Володя. – Итак, продолжим наши занятия… Следующим шагом на пути постижения истины станет Случай – родной сын Суки-судьбы. Он и только он может превратить нашу игру либо в жестокую сечу, либо в весёлую прогулку в духе художника Жоржа-Пьера Антуановича Сёра́.

Взяв мольберт свой спозаранку
и давай писать – аж взмок:
рисовал художник пьянку,
а наутро встать не смог!

– Ну и фамилии у ваших художников, мать честна́я! – посмотрев на Николаича, посетовал сторож. – Не то, что, скажем, была у моей бабушки Федо́ры – Четырёхлитрова!

Здесь Альбионыч на секунду оторвался от учебно-тренировочного процесса, чтобы запомнить такую шикарную фамилию и при случае вставить её в один из томов своего будущего романа, но вскоре продолжил:

– Да, так о чём это я?

– О йодистом случае! – по-военному кратко доложил саксаульский недолейтенант.

– Да, о случае. И случай, как правило, никогда не виноват, ибо не случается просто так. Вот смотрите: ни один корабль не может дать течь ни с того ни с сего. Либо ты доверился тому, кто его строил, не заметив, что он невежда и халтурщик, либо сам поленился проверить техническое состояние, либо не предусмотрел грозящую опасность, либо не проверил приборы и не уберёг свой корабль от рифов. Но – в любом случае – виноват только ты сам!

Ох, и страшная страница
мне хлестнула по глазам:
кто ж тянул меня жениться?
Виноват, конечно, сам!

Кстати, именно этот кусок лекции так поразил Афанасьича, что он запомнил его почти наизусть, и в первое время, когда после учёбы началась непосредственно сама игра, он то брал у Володи колоду карт, чтобы проверить её техническое состояние, то требовал какие-то приборы для проверки неизвестно чего, то оглядывался в поисках страшных рифов, то начинал подозревать Курманбаева, что он не только невежда и халтурщик, но и врун, правда, со временем успокоился и стал играть, как раньше играл в домино на ОХБК, то есть как *дедушка* на душу положит!

А результатом этой игры стало то, что взгляд экс-хлопчатобумажника, и раньше бывший каким-то замыленным, теперь стал вообще тупым, как пробка из-под портвейна «Алжирский» производственного объединения «Ставропольвино». Правда, иногда он (взгляд, а не портвейн) прояснялся на несколько секунд и даже извлекал из серёжиной тыквы некие искры, когда тот, проиграв в очередной раз, кричал на весь Бермудский Учпучмак, пугая дворовых детей:

– Как же меня бесит тот факт, что нервные клетки не восстанавливаются!

Так что предположить, что за прошедшие с начала учёбы три года Полтавцев смог хотя бы немного научиться *русской кочерге*, было тем же самым, что назвать монгольского маршала Хорлогийна Жамцевича Чойбалсана *немного* имевшим отношение к недвижимости во Франции.

И всё-таки конец, который, по утверждению наивных русских людей, когда-нибудь да приходит, пришёл и к нашим героям: завершились володины лекции, семинары, дрессировки и практические занятия под историческим названием всеобуч[116].

[116] Всеобщее образование – принцип и результат организации системы народного образования в стране, при котором дети определённого возраста и представители всех классов, слоёв и социальных групп населения получают образовательную подготовку в минимальном объёме, который устанавливается законами государства – прим. ист. редактора

– Ну, наконец-то временные трудности закончились, – радостно сообщил неофитам марсианин. – Поэтому запомните все: наступают стабильно трудные времена!

Мясо кончилось коровы,
а остались крысы – шок!
Впереди всё так сурово!
Лучше вешайся, дружок…

Глава 53. БЕСКОЗЫРКА БЕЛАЯ, В ПОЛОСКУ ВОРОТНИК! (и ещё одно продолжение)

Смотри, мой читатель: вот ведь как бывает в книжках – целых 8-9 страниц соавтор автора некий Кулемзин вспоминал, как он мучил своими натаскиваниями беззащитных саксаульцев второго микрорайона славного города Отцеябловска (правда, с их согласия!), и только для одного из них, а именно Серёньки Афанасьича, время замерло, словно маленький трилобитик в кусочке *допотопного* янтаря. Как остался он (Серёнька, а не трилобитик) обиженным по поводу внезапно возникшей игровой *жопы*, так и простоял таким же

вот до этой самой страницы. А такое стояние, кстати, было очень нехорошим предвестником, ведь не раз уже случалось такое, что сторож, напрасно обидевшись на беспристрастную Суку-судьбу, просто сбегáл домой, по дороге сам себе давая очередную последнюю клятву, что больше никогда… да ни под каким предлогом… и даже не уговаривайте… ну, разве что только пару лишних бутылочек поставите… и лучше называйте меня на *вы*…

Не печенье, не варенье
я люблю по вечерам –
проявите уваженье:
вместо 100 – хоть 200 грамм!

У древних индусов была такая военная хитрость: они переодевали лошадей в слонов – надевали на своих скакунов специальные головные уборы с хоботом и… получались маленькие смехотворные слоники. А хитрость заключалась в том, что вражеские боевые слоны отказывались нападать на таких лошадок, потому что думали, что это не лошади, а слонята. Правда, в древних индийских трактатах исследователи не нашли никаких отражений, испытывали ли лошади какие-нибудь сентиментальные чувства к слонам.

К чему бы обозначил эту мысль автор? Да к тому, что хорошо зная всех своих героев – и Кулемзина, и Полтавцева, он также знал и то, что обиженного Серёжу можно отвлечь чем-нибудь интересным, и тогда его вектор обиды и непонимания тут же сменится на вектор любопытства и даже восторга.

– Ты вот, старик, – обратился гуру к семижопинцу, – давеча, яйчики-бабайчики, спрашивал меня про соль.

– Я? Про соль, царица лесная? А зачем? Я и так про неё всё знаю – банальная Hac1.

– В смысле, мать моя партия? – удивился преподаватель еврейского колледжа, который ещё со школы помнил какую-то другую формулу, поэтому попросил единственного художника в компании изобразить её – хотя бы в пыли под ногами веточкой.

Нет ли здесь недоработки
(может, химия чуднá?):
натрий, хлор – ведь две щепотки,
а у соли – лишь одна!

Муравлёв тут же вдохновился задачей и талантливо, хотя и несколько кривыми иностранными буквами тщательно вывел искомую формулу:

NaCl = соль

Охранник перегнулся через столик, прочёл формулу и радостно подтвердил знание:

– Ну вот, я же говорил – Hac1. Володя, а ты про эту соль вообще к чему?

– Ну не философии же тебя учить, мой друг, – с сожалением признался марсианин. – Тем более что *её соль* страшно малогабаритна: так, первичность и вторичность материи, а всё остальное – чистейшей воды вода…

– А почему бы и не поучить? – удивился охранник, уже на целых 56 процентов забывший про случившуюся покерную *жопу*. – Хотя я и до тебя уже кое-что в этом деле постиг. И, думаю, что некий Эдмунд Георгиевич Бёрк, услышь мои слова, со мной бы согласился. Нуртай, рот закрой. Талгат, рой закрой. Валера, рот закрой. Васюхан, рот закрой.

«Как наука безоружна!» –
нам рассказывал декан.

«Философии не нужно,
коли льёшь не в свой стакан!»

– Я с тобой согласен, – ответил литератор с философским уклоном. – Как, в принципе, и с Бёрком[117] тоже. Собственно, вся философия и началась…

[117] Англо-ирландский философ, автор «Философского исследования о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» (1757) – прим. философ. редактора

– С Платона, святой Малевич, – тут же встрял Николаич, которому почудилось, что он сел на своего конька.

– С рыбалки, – поправил его Альбионыч. – И именно с рыбалки уже упомянутого товарища Платона. Бросал этот умник в воду разные камешки да поплавки и наблюдал, как расходятся круги, потом стал размышлять о том о сём, а потом просто взял да описал всё, что видел…

– Так просто? – поразился Афанасьич. – Только я никогда в жизни рыбу не ловил…

– Тогда тебе ещё рановато философию учить, – сурово приговорил его гуру, хотя и был доволен, ибо цели своей добился, а цель была свята – чтобы Полтавцев как можно быстрее забыл своё горе и снова включился в игровой процесс.

Вот гвоздь, вот подкова:
раз-два – и готово!

Как наверняка помнит мой внимательный читатель, до средней *тёмной*, которая являлась как бы промежуточным итогом битвы, оставалось сыграть всего один роббер – по 12 карт, так как серёжин афронт случился как раз на роббере в одиннадцать. Так что впереди у наших игроков была ответственнейшая задача – сыграть подряд три игры на 12 картах, причём, одну из них, не глядя в пришедшее.

Первая из этих игр прошла практически штатно: все покеристы, по возможности внимательно оценив свои (прости, русский язык!) преференции, заказали строго по три взятки, хотя и здесь не обошлось без курьёза: свои заказанные три взятки взяли Володя и Талгат, а вот Серёжа хапнул четыре, оставив без одной Нуртая. Бедный педагог даже помотал головой, потому что буквально только что вышел из минуса, заполучив 12 плюсовых очков, и вот на тебе – вновь влетел в минус, да ещё на 13!

И хотя он, как марксист и материалист, не верил в магию числа 13, но всё равно смотреть неё было крайне неприятно. А тут еще и знаток всего на свете Кулемзин пояснил учпучмакцам, что боязнь числа 13 в науке называется трискайдекафобия, что обрадовало сторожа, записавшего новое слово в знаменитую книжечку «Для му.мы.»

Ох, мозги мои дымятся –
как при пиве по рублю:
я боюсь числа 13 –
больше дюжину люблю!

Поэтому к средней *тёмной* все подошли с разным настроением: Володя – с отличным (как лидер данной партии), Талгат – с хорошим (радуясь тому, что находится на втором месте), Серёжа с честно заработанными 4 очками – с великолепным, а вот Нуртай – с отвратительным (сами знаете почему)! И, кстати, этот фактор надо было учитывать не с меньшей важностью, чем неизвестно какие пришедшие на *тёмной* карты.

И только Муравлёв с Митрохиным страдали больше всех: во-первых, от скуки, и, во-вторых, от отсутствия любимого напитка. Гло́тки их были сухи, словно неделю обдувае-

мые знойным ветром *сирокко*, о котором когда-то так проникновенно пели участники советского ВИА[118] «Аккорд». Мучения добавляло неутомимое светило, которое, приближаясь к 12-часовому зениту, било раскалёнными лучами, словно горячими дубинами, прямо по темечкам живописца и антенщика. Било оно, конечно, и по другим знатным бермудцам, но те, увлечённые покерным процессом, реагировали на солнце не так остро.

[118] Вокально-инструментальный ансамбль – прим. муз. редактора

Жара… Не верилось зимой,
что может быть горячим ветер,
и что бывает где-то в свете
полуденный палящий зной,
что будет плавиться асфальт,
а воздух масляно струиться;
и что, как сказка, будет сниться
прохлада пресловутых Альп!

Глава 54. БЕСКОЗЫРКА БЕЛАЯ, В ПОЛОСКУ ВОРОТНИК! (и ещё одно продолжение первой игровой главы, получившейся очень короткой по независящим от автора причинам)

Чего только не случалось на наших волшебных страницах в течение прошедших томов! А вот теперь случилось и это: только Салихдзяныч сдал всем игрокам по 12 карт и успел хлопнуть по руке Серёжи, которая противозаконно (*тёмная!*) протянулась их открыть, как вздрогнули не только игроки, но и весь Великий ▲, а вместе с ним пенсионерки, параллельно с *нашими* сражающиеся в дурака, дворовые дети, собаки, кошки и карликовая русалка – ископаемое Бермудского Учпучмака, а также алкаши Глав-Бух и Галлюцинация, отдыхающие после приёма суррогатного портвейна «Фиолетовое крепкое» в заблёванных учпучмакских кустах.

«Да нетрудно догадаться», подумал каждый из моих читателей, уже седьмой раз пускающийся в плавание по страницам наших толстых книжек, «что этот гром небесный издал радиоприёмник неутомимой соседки из дома № 16 Ангелины Ивановны, и означал он (гром, а не радиоприёмник, хотя и радиоприёмник тоже!) сразу две вещи: во-первых, что в Отцеябловске настал полдень, и, во-вторых, что именно с этой секунды началось радиовещание, как могла выразиться, если бы её вовремя не отравили, королевская золотошвейка Констанция Бонасье, «на всю катушку»!

Я шепчу тебе осипше:
«Чтоб в аду тебе гореть!
Сделай радио потише –
дай спокойно умереть!»

Глава 55. О НАСЛЕДИИ АЛЕКСАНДРА СТЕПАНОВИЧА

«Добрый день, наши самые-самые дорогие радиослушатели самой-самой замечательной программы в мире «Азия Минус», медовым голосом пропела ведущая, после чего подтвердила одно из предположений последнего абзаца предыдущей короткой главы:

«В Отцеябловске – полдень! Прослушайте новости последнего часа, собранные специально для вас нашими корреспондентами со всего мира!»

Когда Володя слышал эти слова, он так и представлял себе полчища корреспондентов «Азии Минус», похожих на агентов иностранных держав, которые тайно внедрялись в самые разные организации разных стран, чтобы выведать там самые-наисамые интересные

секретики, и всё только для того, чтобы таким внимательным радиослушателям, какими поневоле становились бермудско-учпучмакские покеристы и их болельщики, было интереснее жить на свете.

Причём, самые сенсационные новости всегда предварялись некими невнятными фразами, начинающимися со слов: «Как стало известно из кругов, близких к Госдуме Российской Федерации…» или «По сообщению нашего постоянного источника, вновь пожелавшего остаться неизвестным…»

Чтоб нам иски не вчинили
в денежки огромные,
вам откроем, что нарыли –
за зарплату скромную!

Удивительным было и то, что половину новостной ленты «Азии Минус» составляли новости не местные, то есть не саксаульские, а именно российские, словно в великой Республике Саксаулия все жили настолько спокойно и философски-невозмутимо, что и говорить-то было не о чем, а, напротив, радоваться, что все происшествия случаются не в нашем степном государстве, а в соседней стране, совсем недавно бывшей соседней республикой.

Поэтому неизвестно, сколько тысяч раз в день ворочался в своём гробу великий русский изобретатель радио Александр Степанович Попов, который больше ста лет назад, в марте 1896 года передал по изобретённому им аппарату всего два слова: «Генрих Герц», и автор нашего романа всегда жалел, что в тот момент не был рядом с великим учёным, ибо в этом случае передача наверняка усложнилась бы до трёх слов: «Генрих Густавович Герц», к чему уже привык мой читатель.

Горды учёными своими,
творившими лишь по весне:
скончался Герц, но это имя
плывёт на радиоволне!

Но всё это, как оказалось, было присказкой, а сказка, то есть сами новости прошедшего дня, как и следовало ожидать, были впереди.

«Передаём новости из соседней России», привычными словами обратилась к радиослушателям Бермудского Учпучмака ведущая. «Вначале пара актуальных сообщений на политическую тему»

«Инициативная группа депутатов Госдумы во главе с мэром Москвы Юрием Лужковым обратилась в Российскую Академию наук с предложением о переименовании химического соединения бронзы в *церетелий* и включении его в Периодическую систему элементов Менделеева»

«Конфликт между Россией и Украиной может перерасти в полномасштабную войну. Такое развитие событий произошло после того, как посол России на Украине Виктор Черномырдин изложил позицию Российской Федерации своими словами, сказавший буквально следующее: «Мы добьёмся того, что и у нас будет не меньше, чем в три раза больше, чем у них!»

«Пришла политическая новость и из нашей страны. Вчера мажилисмены Республики Саксаулия, обсудив на своём заседании законы некоего иностранца Ньютона, внесли к ним ряд поправок и вернули их автору на доработку»

«А теперь новости науки. Удивительно, но за прошедшие сутки российские исследователи отличились всего один раз, а именно: учёные инновационного центра Сколково ус-

тановили, что женщины, также как и мужчины, тоже любят потыкать в дырочку, только карточкой в банкомат!»

«Намного эффективнее потрудились за прошедшие сутки учёные нашей страны. Вот только некоторые из их достижений»

«Поразительное открытие сделали саксаульские микробиологи после десятилетнего изучения под микроскопом молекулы воды. Оказывается, если немного подкрутить колёсико на микроскопе, молекулу становится видно гораздо лучше!»

Что же нового в бокале?
В микроскоп его – и жесть:
мы увидели, что в капле
что-то кругленькое есть!

«Саксаульские филологи после многолетнего изучения пришли к выводу, что, например, в Германии выражение *отечественный автомобиль* не является ругательным»

«После многолетних наблюдений с проведением ряда опытов к интересному выводу пришли саксаульские учёные: раньше вода вообще была без вкуса, цвéта и запаха, пока некий Менделеев не добавил в неё спирт»

«Проводя раскопки на древних курганах, саксаульские археологи обнаружили орудия труда XI века. Хотя, конечно, трудно представить, что саксаульцы уже в XI веке закапывали свои орудия в землю, чтобы не работать!»

«Ведущие эксперты НЭЦКЭ, то есть **Н**ационального **Э**кспертного **Ц**ентра **К**орпускулярных **Э**кспертиз пришли к выводу о полной бесполезности экспертной работы»

Здесь радостный голос радиоведущей, сообщавший такие интересные подробности из жизни отечественных учёных, ненадолго прервался короткой музыкальной фразой – видимо, для того, чтобы девушка, читающая новости, смогла сделать пáру глотков воды для орошения пересохшего горла. А Кулемзин, который когда-то по молодости сам работал на Отцеябловском городском радио, знал, что этот перерыв между сообщениями на листке бумаги был отмечен музыкальным значком

, который именно из-за этого перерыва очень любили все ведущие, чтобы иметь возможность сделать несколько лишних вдохов и глотков.

Всем хотелось позитива
и в Бурунди, и в Перу:
лучше выпить пару пива,
чем читать вам вслух муру!

Но вот музыка закончилась, и ведущая вновь принялась за привычную работу.

«А теперь новости культуры наших стран. Вначале сообщения из России»

«В рамках года России в Саксаулии решено запустить в производство двухсерийный эротический триллер. Первую серию решено назвать «Принцесса на Горошине», вторую – «Горошин на принцессе»

«Как удалось добыть достоверные сведения нашему спецкору Утегену Утегенову, устроившемуся для этого на работу заместителем директора Урюпинской филармонии, на крышке новенького рояля «Steinway» сломался внутренний замочек. Пришлось его выломать, присобачить две ржавые скобы и навесить солидный амбарный замок. После этого концертная деятельность филармонии возобновилась в полном объёме»

«После несомненного успеха на мировом кинорынке немецкого фильма «Беги, Лола, беги!» саксаульские мастера культуры решили снять ещё два его римейка: «Принесла, Сауле, принесла?» и «Почему одну, Сауле, почему одну?»

«Известный саксаульский писатель и учёный профессор Фекалин выпустил в свет новую книгу для своих сограждан под названием «Камасутра-лайт». Книга, судя по названию[119], очень легка в чтении: почитал, помечтал и забыл»

[119] От англ. light – лёгкий

Разобрался в «Камасутре» –
где здесь пятки, где здесь кудри!
И теперь я на коне –
валят женщины ко мне!

Глава 56. О НАСЛЕДИИ АЛЕКСАНДРА СТЕПАНОВИЧА (продолжение)

«А теперь разные новости из разных стран, ведь наша радиостанция «Азия Минус» – единственный маячок в огромном океане информации, который горит только для вас, дорогие саксаульцы! Итак…»

«На чемпионате мира по лёгкой атлетике эфиопский бегун Берук Аддис Бехру сломал два ребра о финишную ленточку. Спонсор финишной ленточки – Челябинский металлургический завод!»

«Двое российских предпринимателей Маслов и Туров решили основать банк спермы и назвали его по первым частям своих фамилий – «МасТурБанк»

«Новости юриспруденции. В связи с неожиданной для правительства криминализацией общества мажилис Республики Саксаулии принял решение произвести замену десяти заповедей на десять *западло*»

«Немецкая полиция в результате многолетнего расследования всё-таки доказала, что Карл у Клары не крал кораллы»

Однажды Клара Карла
в квартиру привела,
и Карл украл у Клары
кораллы со стола.
А Клара возмутилась:
– Прощенья Карлу нет!
И тут же утащила
к себе его кларнет.
Обиделся на Клару
достопочтенный Карл,
и кларину гитару
к рукам своим прибрал.
Та, не найдя гитару
средь своего добра,
спроворила у Карла
пенсне из серебра.
– Ах, подлое созданье! –

сказал взбешённый Карл,
и сразу ж в наказанье
сервиз её украл.
Рассвирепела Клара
на Карла и в ответ,
конечно же, украла
его кабриолет.
Такого беспредела
Карл допустить не мог,
и выкрал между делом
у Клары оверлок.
Обиды Клару грызли,
что Карл такой нахал,
и Клара скоммуниздить
решила «Капитал»!
Скандал попал в газеты,
вмешалась третья власть –
Карл Маркс и Клара Цеткин
не будут больше красть!

«В мире инженерной мысли. Эрнё Эрнёвич Рубик, автор знаменитого кубика Рубика, придумал новую головоломку. Суть изобретения заключается в чугунной болванке на деревянной палочке. По свидетельству испытателей, такая игрушка без труда ломает любую голову»

«Как нам сообщил источник, близкий к правительственным кругам Российской Федерации, в рамках курса на модернизацию инноваций на машины госчиновников будут установлены энергосберегающие мигалки»

«Поразительную статистику выявили наши корреспонденты: на вопрос о том, что такое *косяк*, выяснилось, что лишь 5 процентов опрошенных думают о дверном проёме, а о рыбе вообще только 3 процента!»

«Как сообщил в интервью Леонид Якубович, в передаче «Поле чудес» наконец грядут кардинальные перемены! В связи с тем, что участники игры постоянно передают приветы, дарят подарки, угощают ведущего и исполняют самодеятельные номера, в хронометраж передачи стало всё труднее уместить собственно игру, поэтому принято беспрецедентное решение: окончательно убрать из студии барабан и табло со словами!»

Ох, Фортуна благодушна,
и не нам её винить:
барабан крутнуть та́к нужно,
чтоб на *волге* укатить!

«И ещё несколько коротких сообщений со всего мира»

«Как сообщили нашему корреспонденту в центре РАЦУХА, или чтобы было понятно нашим радиослушателям,

Российском
Алкогольном
Центре
Универсальных
Характеристик
Абсурда

, начали производить напиток, который наверняка станет конкурентом знаменитой «Кока-колы» – под названием «Пойло-пойло»

«Этот же источник сообщил, что водку под названием «Ах, какая женщина!» с завтрашнего дня, то есть с 1 сентября, будут продавать в 5-литровых бутылях»

«Неизвестное об известном. Бельгийский Реставрационный центр старинных полотен и скульптур после многолетних исследований сделал сенсационное предположение, что русский скульптор Михаил Козловский в своём петергофском фонтане изобразил не просто ветхозаветного героя Самсона, раздирающего пасть льву, а первого еврейского ветеринара из Ханаана»

«Печальное известие пришло из сибирской тайги. Охотника Епифана Сидорчука, легко попадавшего со 100 метров белке в глаз, загрызла стая одноглазых белок!»

У меня ведь глаз – алмаз,
не до перекура:
попадаю белке в глаз –
чтоб не портить шкуру!

«И ещё об одном происшествии. Как только тракторист совхоза «Красные лапти» Степан Фабержиев снял сапоги в самолёте, летящем рейсом «Совхоз «Красные лапти» – Вашингтон», чтобы проветрить портянки, в салоне немедленно сработала аварийная сигнализация»

«А теперь несколько приятных сообщений, которые вы можете услышать только на нашей радиоволне»

«Для тех, кто решительно решил похудеть, появилась новая диета «Михеевская», названная, как выяснилось, в честь некоего деда Михея из деревни Семижопино. Оказывается, если перед едой выпивать ведро воды, то количество употребляемой пищи значительно уменьшается!»

«Экспертами телевизионной программы «Жить здорово!» лучшим словом для улучшения дикции было признано слово *эксгибиционизм*»

«В рамках этой же программы доктору медицинских наук Елене Малышевой и её помощникам всё же удалось поднять Волочкову со шпагата»

О счастье – быть *на ты* с балетом
и чушь прекрасную нести!
И как красу мне, братцы, эту
В скупые строчки уместить?
И если скажет кто-то: «Снова?
В телегу лучше бы впряглась!»,
я за шпагаты Волочковой
порву любому гаду пасть!

Глава 57. О НАСЛЕДИИ АЛЕКСАНДРА СТЕПАНОВИЧА (окончание)

«А теперь время рекламных объявлений»

«Представляем вам новый фитнес-центр «Жанна Д'Арк». Сожги свои колории!»

«Готовые блюда, которые мы продаём в сети магазинов «Шестёрочка», прямо тают во рту! Но так хочется, чтобы ваша жена всё-таки научилась их вначале размораживать!»

«Camey»! Мне так нравится запах этого мыла, что я вынюхиваю по два кусочка в неделю!»

«Мама вымыла обычным моющим порошком 100 тарелок, а дочь купила «Fairy» и вымыла 200. Это ж надо было так жрать!»

«У вас не получается поджарить гвозди? Звоните нам! Отцеябловская городская психиатрическая больница на Каблукова ждет вас!»

Сегодня вновь сорвалась крыша,
накрыв больничный персонал,
а я, нирваны голос слыша,
спокойно двигаюсь в астрал!

«Если вы бедны и у вас не хватает средств на настоящий качественный солярий, – приходите к нам на флюорографию!»

«Для желающих выйти замуж проституток в нашем городе наконец-то открылся клуб знакомств «Каждой шмаре по паре!»

«Народная целлюлительница и мутновидящая госпожа Клавдия удалит ваши зубы по фотографии»

«Поддержите отечественную медицину! Ведь ваши курение и выпивка – это хорошие зарплаты наших врачей!

«А теперь, наши дорогие радиослушатели, короткий традиционный концерт для вашего хорошего настроения на весь день!

Как всегда, концерты «Азии Минус» отличались тем, что были не тематическими, а в них напихивали всё, до чего успели дотянуться руки дежурных по студии. Поэтому никто не удивился, что первым номером концертной программы прозвучала старая советская песня «Главное, ребята, сердцем не стареть» в исполнении придворного кремлёвского таланта Иосифа Кобзона, которую пересмешник Кулемзин называл любимой песней чёрных трансплантологов. Больше других песня понравилась Нуртаю, который, перевирая слова, даже пытался подпевать, но делал это так бездарно, что в этот раз учпучмакские кусты остались в чистоте.

Я маразмом мозг ломаю –
память страшно взбугрена:
песни юности внимаю,
но не помню ни хрена!

Дальше пошло хуже ибо один за другим посыпались так называемые хиты разнообразной попсы, которую доверчивым россиянам, а силами Ангелины Ивановны и бедным саксаульцам, втюхивали Дима Билан, Верка Сердючка (которую тот же пересмешник называл Смердючкой), Анна Семенович, доросшая до певицы из фигуристок, Филипп Киркоров, Николай Басков и им подобные современные орфеи от попсы. Живописец Муравлёв, слушая эту жуть из окна Ангелины Ивановны, похлопывал ладонями по покерному столику, будто в предвкушении ужина, остальные же сидели тихо и мрачно – как бы пережидая, когда это несчастье закончится само собой.

И это чудо вдруг произошло! Случилось то, что частенько случалось на просторах Республики Саксаулии практически через день-два-три, то есть веерное отключение электроэнергии, хотя бедные жители страны никогда не понимали, в чём были виноваты именно вееры. Только прозвучали первые слова замечательной песни в исполнении супругов Никитиных «Собака бывает кусачей только от жизни собачьей», как внезапно наступила звенящая тишина, и хлопки́ Валеры живой плотью по железу показались всем неким громом небесным.

Знайка Альбионыч даже вспомнил к месту цитату из некоей толстой книжки без картинок: «Глас грома Твоего в круге небесном, молнии освещали вселенную; земля содрогалась и тряслась»[120].

[120] ***Ветхий завет, Псалтирь, 76:19***

Он всегда немного завидовал *дедушке*, который, по уверениям этой книги, мог своими молниями осветить безразмерную Вселенную. А потом, видя, как расстроились его друзья и Мусаич – от того, что не дослушали хорошую песню, решил восполнить пробел стишком – как бы в продолжение никитинской темы, названной им

Из жизни животных

Кошка бывает кусучей
только от рыбы вонючей:
вы бы поели той рыбы вонючей,
так были бы кошки не лучше.
Мышка бывает летучей
только от кошки кусучей,
то есть в итоге от рыбы вонючей
мышка бывает летучей.
Акула бывает зубастой,
Только чтоб в фильме похвастать,
а в жизни обычной
они симпатичны
и кушать людей непривычны.
Змеи порой ядовиты
от грызунов плодовитых –
от крыс, хомяков, от мышей плодовитых
ты стал бы и сам ядовитым.
Белка бывает прыгучей
не только от ёлки колючей,
ещё от синиц-воробьев приставучих
и от куницы кусучей.
Заяц бывает ушастый
от рыжей лисицы мордастой,
и от волчины зубастой, клыкастой,
и от мужчины ружьястой.
Скунсы бывают вонючи
только от жизни дремучей,
только считая, что так будет лучше,
скунсы бывают вонючи.
Скунс не вполне ароматный
только от жизни развратной,
для самки он пахнет приятно, понятно,
иначе б пошла на попятный.
Ёжик бывает колючим
лишь от зверей приставучих,
они же к нему приставучи и злючи
за то, что он слишком колючий.
Лягушка бывает зелёной
лишь от болезни кессонной,
а сто́ит погреться на солнце лучистом, –
белою станет, пушистой.
Верблюды бывают горбаты
лишь от жары суховатой,

так как в пустыне воды маловато,
верблюды бывают горбаты.
Дятлы бывают носаты
затем, что дубы крепковаты,
а червяки хитроваты
и прячутся в щелки куда-то.
Олени бывают рогаты
только от жизни женатой,
только от жизни, от жизни женатой
олени бывают рогаты.
Кролики все плодовиты,
и этим они знамениты:
не то чтоб детей любят кролики сильно,
но кролики любвеобильны.
А львы вот плодятся не очень –
не то чтобы лев редко хочет,
но сытому льву лень подняться, признаться,
чтоб сексом со львицей заняться.
Бакланы бывают тупые,
на сушу ступая впервые,
на вас посмотрел бы: в каком были б горе,
впервые ступая по морю.
Лось – эта кличка обидна,
не то что лось глуп, очевидно,
проблема лишь в том, что не всё так смоглося
с того, что хотелось бы лосю.
Птицы бывают бескрылы
только от жизни унылой,
только от жизни семейной унылой
птицы бывают бескрылы.
Пингвин никогда не летает
лишь потому, что ныряет,
в воду пингвин ледяную ныряет,
и лишь потому не летает.
Корова бывает сисястой
лишь от дочурки губастой,
лишь от телёночьей морды губастой
корова бывает сисястой!
Слоник бывает огромный
от пищи довольно нескромной,
от пищи обильной, и очень нескромной
слоник бывает огромный.
Мухи бывают нахальны
от пищи в основе фекальной,
только от пищи по сути фекальной
мухи бывают нахальны.
Пиявка бывает сосущей
только от крови вкуснющей,
только от крови, от крови вкуснющей
пиявка бывает сосущей.
Бацилла бывает отвратной
в среде только благоприятной,

только в среде для нее адекватной
бацилла бывает отвратной.

♠♠♠

Поэты бывают скабрезны
только на время болезни,
в жизни ж обычной
очень лиричны
и в выраженьях приличны!

После этого электроэнергию, или свет, как выражались старушки-пенсионерки, наконец-то включили, и радио заработало вновь. И вот тогда Альбионыч от души поблагодарил неизвестных ему редакторов «Азии Минус», ведь в конце концерта прозвучала одна из лучших битловских песен «Girl» [121], которую он впервые послушал в далёком 1969 году на голубой гибкой пластинке журнала «Кругозор». А память, эта цепкая собака уже оскалила свои зубы-годы, и коротким лаем очередного Хронотопа перенесла нашего героя в СССР, который хотя и строил коммунизм, но очень любил эту буржуазную музыку…

[121] «Девушка» – англ. Девятая песня из студийного альбома «The Beatles» 1965 года «Rubber Soul» («Резиновая душа») – прим. муз. редактора

Глава 58. О «THE BEATLES» И СТРАНЕ СОВЕТОВ (Хронотоп № 46)

Я не любил совковый ил
и Маркса шелуху –
тогда мой мозг взрывал винил,
убрав совка труху.
Я жизнь свою перекривил,
не зная кумачей,
мне рок-н-ролл дороже был,
чем чепуха идей.
Меня тогда не изожгло –
себя не искрошил,
и столько лет с тех пор прошло –
я слушаю винил…

Как ни странно, но это было можно

Начну с того, что было бы неправдой сказать, что в СССР (б) не было совершенно никакой возможности послушать «The Beatles». Записи группы, кроме упоминаемых гибких пластинок «Кругозора», на отдельных пластинках выпускала единственная на всю страну фирма «Мелодия». Однако настоящие *фирменные* диски можно было достать только на чёрном рынке и только за очень большие по советским временам деньги.

Чтобы купить настоящую битловскую пластинку, привезённую из-за границы, один мой знакомый, будучи на тот момент второкурсником, продал новые венгерские кроссовки за 35 рублей, а ещё пятёрку добавил из копилки, которую не открывал целых полтора года. В 1970 году я закончил школу и поступил в СаксГУ, и 40 рублей на тот момент были половиной месячной зарплаты начинающего советского инженера, но заветный диск мой знакомый всё же купил, можно сказать, по дешёвке, так как пластинка была не запечатанная, а уже открытая, хотя *не запиленная* могла стоить и больше.

А через три года, вернувшись из армии, куда я загремел, переведясь на заочную форму обучения со второго курса, мне открыли трудовую книжку, определив работать *лит-*

сотрудником в одну из многотиражных газет, которые в обязательном порядке издавали все крупные предприятия города, – с окладом 82 рубля! И вот тогда с моей первой зарплаты 60 рублей ушло на покупку первого в моей жизни диска – «Led Zeppelin» 1969 года – нового, запечатанного где-то за границей в приятно хрустящий целлофан.

Он нужен был мне позарез,
а денег – нет, не жаль:
вот так ко мне в мозги залез
«Свинцовый дирижабль»!

Тогда же у меня появился и первый приличный магнитофон, но что было уж совсем удивительно, так это то, что в нашем городе (в небольшом здании в парке имени Горького Пьяницы) существовала *легальная* студия звукозаписи. Наиболее бестолковые горожане и, как тогда выражались, гости столицы, записывали в этом заведенье дебильные звуковые открытки с приветами своим родственникам. Стоило это дешёво, и студия пользовалась большой популярностью. Правда, не все знали, что в другой комнате, скрытой, как в сказке, за чёрным занавесом, была вторая студия, где уже за весьма приличные деньги и в хорошем качестве тебе записывали на магнитную ленту крутые буржуазные группы. Например, новая кассета «Свема» метражом в 80 минут (а это как раз два диска) стоила 7 рублей, плюс 3 рубля запись – посчитайте сами!

То, что в студии торгуют буржуазной музыкой, к середине 80-х годов уже почти никого не удивляло – советская подпольная торговля иностранными товарами, или проще говоря, фарцовка – переживала настоящий расцвет. А под конец десятилетия пластинки, видео- и аудиокассеты продавались и распространялись уже практически открыто, а в дни рейдов сотрудников ОБХСС[122] владельцу такой студии откупиться было проще простого, даже если приходилось давать взятку в 50-100 рублей! А пожилые страдающие битломаны 70-х, а тем более 60-х годов с тоской вспоминали, как шифровались в лучших традициях иностранных шпионов.

[122] Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности – прим. юр. редактора

Кому же охота на лесоповал?
Легко открывался *чужой*:
поймали шпиона, ведь он торговал
матрёшками и анашой!

Дискоболы

Но это был наш маленький азиатский городок, хотя и столица одной из союзных республик. Большинство сделок здесь совершались по предварительной договоренности – в сообществе меломанов друг друга многие знали в лицо, и рынок во многом существовал внутри городской телефонной сети. Однако в серьёзных городах были самые настоящие рынки, стихийно образовывавшиеся в различных местах. Так, в Москве в конце 80-х годов таким местом стал дом культуры имени Горбунова, или знаменитая «Горбушка», в Ленинграде чёрный рынок образовался возле Петропавловской крепости, в Новосибирске, Саратове и Челябинске такие места существовали рядом с магазином «Мелодия», каким-нибудь домом культуры или просто в парках.

Знаменитый с советских времен музыкальный издатель и руководитель *лейбла* «Отделение Выход», специализирующегося на редких записях советского андерграунда, Олег Коврига во время нашей московской встречи рассказывал, что, например, одна москов-

ская тусовка *дискоболов*, как они себя называли, встречалась вообще в людном месте – на станции метро «Октябрьская-кольцевая»

Трудилась вахта поездная,
работой рвя сердца,
бежал вагон метро, не зная,
что наверху – фарца!

По словам Олега, хотя в толпе можно было затеряться, дело всё равно было опасным – в любой момент милиция могла устроить облаву:. «Один раз мой друг», рассказывал Коврига, «которого звали Коля-милиционер, потому что он когда-то там служил, как-то своего бывшего коллегу слегка в нокаут послал – не со зла, а от страха, ведь тот хотел отобрать диски!». Для *дискоболов* буржазные пластинки были ценностью всё-таки скорее культурной, ведь на «Октябрьской» ими больше обменивались, чем торговали. Но ценность музыки как товара всё-таки тоже была высока!

Дорогой товар

Цены на те же битловские пластинки, как рассказывал другой известный музыкальный деятель Артемий Троицкий, зависели от страны́-производителя и аппетитов продавца. Английские или американские диски котировались очень высоко, французские и итальянские – поменьше, ну, а болгарские или польские стоили и вовсе недорого. Зато новый запечатанный альбом «The Beatles», свежий и не игранный, вполне мог стоить рублей от 60 до 90 рублей, – в общем, всё зависело от алчности продавца!

Не криви, приятель, рожу,
не скрывай своей мошны:
продаю я всё дороже,
ибо денежки нужны!

Автор интернет-сайта, посвящённого музыке «The Beatles» в советской культуре, Михаил Иванов рассказывал, что по мере удалённости от центра цены на пластинки сильно росли. «Цены росли пропорционально удалённости от Москвы и, например, в районе Урала могли достигать до 200 рублей за диск, то есть в три-пять раз выше московских. Во всех более-менее крупных городах были свои точки – источники *буржуазной заразы*, где и совершался этот круговорот тлетворной музыки в природе. Что же касается конкретно битлов, то здесь проблема была другая: *не достать, а купить* – уж больно кусались тогдашние цены!»

При этом, учитывая, что диски и в Россию, и в нашу Саксаулию привозили тайком и поштучно, до более мелких городов (типа областных центров) они доходили редко.

Глава 59. О «THE BEATLES» И СТРАНЕ СОВЕТОВ (Хронотоп № 46, продолжение)

Подпольная звукозапись

Довелось мне как-то побеседовать с орловским журналистом Андреем Логутковым, который рассказал, что весь битловский бизнес в 70-х годах в этом городе делался не столько на самих пластинках, сколько на записях, ибо диски попадали к ним реже, чем ананасы к 1 Мая. «Как правило», рассказал Андрей, «это были *первые копии* на магнитной плёнке желательно 10-го типа. Плёнка такого типа не рвалась, но, правда, тянулась, и всё

равно это была круто – по сравнению с 6-м или, не дай *дедушка*, 2-м типом. Вот с таких первых копий и были сделаны все мои лучшие записи в период с 72 по 75 год»

Далее он поведал мне свои первые школьные истории: так, за диск «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band»[123] он заплатил своему однокласснику 60 копеек, то есть меньше недели экономии на школьных завтраках, а вот «White Album»[124] обошёлся уже в рубль – наверное, потому что был оставлен из двух дисков. «Я с огромной радостью обнаружил на нём знакомую песню «Glass Onion»[125], которую впервые услышал с пластинки на рёбрах[126]. Набор этих пластинок мы с друзьями как-то раз нашли на помойке и сразу же пошли слушать», радостно вспоминал Логутков.

[123] «Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера» – 8-й студийный альбом группы «The Beatles» – прим. муз. редактора
[124] «Белый альбом» – 9-й студийный альбом группы «The Beatles» – прим. муз. редактора
[125] «Стеклянная луковица» – англ.
[126] Исследование о роке на костях в главах 116, 118, 120 и 122 шестого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

Знали мы, аборигены,
как нам было жить легко:
лучший рок был на рентгене –
просто не было друго…

А цены всё росли: за *дать записать* какой-то особо ценный диск трёх рублей уже было мало – просили пятёрку. Самый топовый (тройной!) альбом Джорджа Харрисона «All Things Must Pass»[127], который вышел в декабре 70-го, был в фирменной коро́бке, и его запись стоила не менее семи рублей! Кстати, были и варианты. Легче всего было тем, у кого дома имелась хорошая музыкальная аппаратура – они могли переписывать себе музыку бесплатно, а в качестве оплаты отдавали отличную копию на своей катушке.

[127] «Всё пройдёт» – англ.

Каста

И всё-таки основными участниками этого рынка были меломаны и фарцовщики, и хотя интересовались они одним и тем же, цели и задачи у каждой из этих групп были свои, а вот отношения между ними – довольно натянутыми. Те люди, которые занимались чисто коммерческой деятельностью, в среде настоящих ценителей музыки никогда не котировались, и при возможности, в лучшем случае, с ними просто переставали общаться. Однако подпольные советские бизнесмены, промышлявшие торговлей пластинками, на самом деле далеко не всегда далеко отстояли от своих клиентов, ведь вряд ли можно было подпольно торговать дисками, не разбираясь в музыке, или разбираться в ней, не будучи всерьёз увлечённым человеком.

Вот так в тыкву мне вступило,
словно я из тех *кидал*:
диск понравился – купил я,
но послушал и продал!

При этом участники рынка, какими бы ни были между ними отношения, представляли собой некую касту: со стороны попасть в неё было довольно сложно, во многом из-за придуманной системы уловок и хитростей. Самолично видел и слышал эту систему кон-

спирации – у бывалых спекулянтов был общепринятый запас специальных словечек: например, 10 рублей были рублём, 50 рублей – пятаком, сотня – червонцем.

Представьте такую историю: подходит к деловому *тюлень* (сейчас они называются лохи), открывается портфель, перебираются диски и начинается забавный диалог:

– Эта сколько?

– Трояк.

– А эта?

– Пятак.

– А эта?

– Тоже трояк…

и так далее. Тюлень видит, что ему попался просто идиот, и набирает десяток дисков, как ему кажется, по дешёвке. Ну и, конечно, за этим следует немая сцена, а лох становится на копейку грамотней!

И за что же нам аресты?
И за что по мордасáм?
Мы разводим лоха честно,
лоханулся ведь он сам!

Бывало, что незадачливого покупателя могли и обмануть, подсунув конверт с другой пластинкой. Пóмните, в фильме Карена Шахназарова «Исчезнувшая империя» главный герой покупает на чёрном рынке пластинку «The Rolling Stones», но только дóма обнаруживает, что ему продали в конверте «Лебединое озеро» сами знаете кого!

По словам Артемия Троицкого, такие ситуации происходили периодически – он утверждал, что подобная практика началась ещё со времен рентгеновских плёнок на рёбрах. Покупал человек, скажем, рок-н-ролл Литтл Ричарда, а ставя его на проигрыватель, сначала слышал несколько тактов «Tutti Frutti» [128], а затем вдруг его ласково спрашивал издевательский голосок: «Что, американской музычки захотелось, фарца поганая?»

Без тянучек и просрочек
посмотрел я страшный сон –
обманул меня фарцовщик:
вместо «Nazareth» [129] – Кобзон!

[128] «Всякая всячина» – песня Литтла Ричарда из дебютного альбома 1955 года «Here's Little Richard» – прим. муз. редактора
[129] «Назарет» – самая популярая шотландская рок-группа – прим. муз. редактора

Глава 60. О «THE BEATLES» И СТРАНЕ СОВЕТОВ (Хронотоп № 46, окончание)

Опасная работа

Чаще всего настоящие меломаны действительно были недовольны высокими ценами на диски, но продавцы-спекулянты объясняли это тем, что доставали их с большим трудом. Например, часто курьерами выступали артисты, которые ездили на гастроли, учёные, моряки торгового флота и специалисты, работавшие на иностранных объектах..

Диски везли из-за границы тайком, рискуя, как минимум, лишиться их на уже на таможне, автоматически став при этом *невыездным.* Для тех же, кто продавал или покупал диски на разных толкучках [130], попасться с ними при облаве означало не только лишиться драгоценных (во всех смыслах) альбомов, – потом из отделения милиции следовало обязательное письмо по месту работы, и если человек состоял в КПСС или комсомоле, то

его ждали осложнения, как тогда пафосно выражались, *по политической линии.* А для студента-комсомольца в Советском Союзе (б) такими осложнениями могли стать одновременно и отчисление из института, и изгнание из рядов коммунистической молодёжи!

[130] О такой толкучке по имени Суета – в главах 190-191 третьего тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

Вся наша жизнь идёт по кольцам –
за ней и я, как истукан:
недолго пробыл комсомольцем,
ведь погубил меня стакан!

Пластинка – почтой

Одним из стабильных каналов поступления иностранных пластинок в Советском Союзе (б) была, как это ни странно звучит… почта.

Ещё в 1980 году, побывав на олимпийских объектах, я с первой женой попутно объездил всю Прибалтику, которая уже тогда казалась нам не совсем советскими республиками. И вот тогда в Таллине, как сейчас помню, в кафе «Каролинка» я разговорился с братом-журналистом Айвором Валдре, и, немного поддав за Саксаулию и Эстонию, он поведал мне, что его друзьям часто присылают диски родственники-эстонцы, оказавшиеся после присоединения республики к СССР (б) по ту сторону *железного занавеса*.

Кстати, уже после я узнал, что не только в Эстонии, но и в других прибалтийских республиках, то есть Литве и Латвии, к западной культуре власти традиционно относились немного мягче, чем в остальной части страны.

Кстати, тогда же – во время нашей олимпийской поездки, я был поражён ещё одним явно не советским проявлением: в Риге в каком-то баре в два часа ночи (!) мы пили разные незнакомые до этого напитки и время от времени платили бармену по 50 копеек: он по моей просьбе ставил на *вертушку* любую композицию с любого диска – будь то британский «Led Zeppelin» и те же битлы или поляк Чеслав Немен с его гениальным альбомом 1976 года «Катарсис»…

Однако посылки с иностранными дисками, по словам известного советского и российского музыканта Александра Александрова (с *погонялом* Фагот), ухитрялись получать даже в Ленинграде. Такие посылки, по его словам, получали участники группы «Аквариум» Борис Гребенщиков и Всеволод Гаккель. Александров рассказывал об этом с придыханием, как рассказывает бабушка замеревшим от ужаса внучатам сказку про Карлика Носа: «И вот получают пацаны (Гребенщиков и Гаккель) посылку – чистую, нетронутую, потому что понятно, что их всегда проверяли, и обычно они приходили в несколько нетоварном виде. И вот открывают они упаковку, а там лежит чудесная, заклеенная в целлофан битловская «Help!» [131], но… разбитая молотком!»

[131] «Помоги!» – пятый студийный альбом группы «The Beatles» 1965 года – прим. муз. редактора

Жили в Марксе мы по-скотски
(был и Энгельс боевит!),
ведь в партийном руководстве
не любили слушать «Sweet» [132]!

[132] «Конфетка» – британская глэм- и хард-роковая группа 70-х годов XX века – прим. муз. редактора

Разнузданность системы

Сложно сказать, чем руководствовался тот, кто разбил этот диск, – завистью к владельцам или идеологическим несогласием, но сохранились примеры и того, и другого отношения советских правоохранителей к западной музыке. Так, уже упомянутый мной Олег Коврига как-то рассказал, что однажды отобранные милицией во время облавы пластинки… вернули после написания объяснительной. Друг Олега, совершенно обалдевший после этого чуда, принял на грудь литр водки, пробормотал фантастическую фразу: «Понимаешь, этот капитан, когда я приехал, тогда сказал: «Мне все эти ваши пластинки совершенно по барабану. Мне просто дали указание – вас разгонять! А я бы лучше дóма сидел, пиво пил, футбол смотрел», после чего заснул счастливым сном в обнимку со спасённым «Revolver»'ом[133].

[133] «Револьвер» – седьмой студийный альбом группы «The Beatles» 1966 года – прим. муз. редактора

Живу сейчас как старовер –
вертушка, диск, тахта:
«Please Please Me», «Help!» и «Revolver» –
со мною навсегда!

Ещё один знаток музыки того времени Олег Чилап, который часто сталкивался с милицией, считал, что на самом деле многие из её сотрудников вполне отдавали отчет, чтó именно они отбирали у фарцовщиков или меломанов. «Мало того, что отбирали, они и сами всё это с удовольствием слушали», рассказывал он, после чего горько резюмировал: «Это была такая разнузданность системы!»

Кстати, это косвенно подтверждали и другие факты. Часто люди, которые поддерживали и обеспечивали работу *системы*, сами участвовали в культурной экспансии западной рок-музыки – это были дипломаты, партийные работники и даже сотрудники КГБ, которые везли из-за границы диски с музыкой, которая в Советском Союзе (б) считалась не просто вредной, а идеологически опасной.

Вряд ли многие из них разделяли опасения того, что рок-н-ролл может погубить советский строй, и тем более вряд ли они хотели этого. Кто-то, конечно, вёз музыкальную контрабанду за деньги, но многие коммунисты и беспартийные советские граждане, рискуя карьерой, всё-таки везли в своём багаже западную музыку, – просто для того, чтобы потом послушать вечером трудного дня, скажем, великолепный битловский диск «A Hard Day's Night»[134]

[134] «Вечер трудного дня» – третий студийный альбом группы «The Beatles» 1964 года, написанный специально для одноимённого фильма – прим. муз. редактора

К жизни – только благодарно,
чтоб какой-то был изыск:
потрудился ты ударно –
вечерком послушай диск!

Глава 61. БЕСКОЗЫРКА БЕЛАЯ, В ПОЛОСКУ ВОРОТНИК! (наконец-то, ещё одно продолжение)

Ну, вот и окончились и радиострадания наших героев, и хронотопная чесотка автора, которая начинается у него иногда в самый неподходящий момент. А ведь он (автор, а не момент) в своём описании только первой (!) с начала дня игры дошёл всего лишь до се-

редины партии, и давайте все дружно скажем ему «Ай-я-яй!». Но – хватит присказок, которых и так хватает в этом последнем томе. Продолжим же нашу волшебную сказку…

Всё, что человек делает, – это работа, считал Володя. Не какой-то придуманный американцами бизнес, а просто дело. Работа, конечно, бывает разная, но любая работа – это вкладывание труда во что-то ради получения результата. И покер, естественно, не является исключением. Человеческие отношения не рождаются и не поддерживаются сами по себе, из ничего, они тоже результат определённого труда – душевного, интеллектуального, эмоционального и даже физического.

Ведь вкладываем мы конкретный физический труд в то, что заботимся о человеке, покупаем ему продукты, стираем, убираем, лечим, когда он болеет – мы понимаем, что без этого не будут выстроены отношения. Разве это не работа? А прощать, мириться с недостатками и слабостями легко, что ли? То же, кстати, работа, да ещё какая трудная. А беспокоиться, а тратить нервы? А тратить время на то, чтобы часами выслушивать то, что тебе не очень интересно, и при этом не раздражаться? Тоже работа, без которой опять же не будет нормальных отношений…

Не превратиться б в идиота
на радость детскому врачу:
на что ни глянь – везде работа,
а я ведь отдохнуть хочу!

А теперь, мой читатель, перечти эти пару абзацев в контексте нашей великой игры, и ты поймёшь, что всё, о чём только что было написано, с полным правом относится и к ней тоже, и, может, даже больше, ибо автором не описаны здесь ещё и такие страдания (которые тоже есть тяжкий труд), как часовые сидения на солнцепёке, да ежеминутное напряжение мозговых извилин, которые у каждого игрока – свои, не похожие на других, да постоянные отвлечения от игры разными посторонними факторами в виде хаотических телодвижений дворовых детей, слишком громких звуков паркующихся рядом автомобилей, пьяных выкриков штатных алкоголиков второго микрорайона Глав-Буха и Галлюцинации, азартных возгласов старушек-пенсионерок, готовых убить друг друга в другой, менее интересной игре, – за право водрузить *дураковые погоны* на плечи соседки, и много чего ещё, о чём и вспоминать не хочется!

А ведь на повестке текущей минуты назревала одна из ответственнейших стадий игры – средняя *тёмная*, о чём уже не раз писалось на этих страницах. И была она важной не потому, что делила партию ровно попополам, а потому, что одним позволяла проанализировать, как же это они умудрились к середине игры придти с незначительными, а то и с минусовыми показателями, а другим вдохновиться неудачами соперников и настроить себя на ещё большее продвижение вперёд – к той последней точке, которая светло и радостно называется русским словом Победа!

Я иду вперёд с боями,
чтоб *викторию* ковать:
за победу над друзьями
всех готов поубивать!

Осталось только одно – сдать четверым участникам игрового конфликта по 12 карт, что и сделал следующий по очереди сдающий – Альбионыч. Он отсчитал ровно 48 карт, аккуратно разложил их перед участниками сражения и открыл первую из оставшихся восьми карт, чтобы сделать её козырем. И вот только теперь, к середине седьмого тома, возникла ситуация, которой раньше не видел мой читатель. А дело было в том, что писатель положил на место козыря карту, на которой не была обозначена ни одна из четырёх мас-

тей колоды – младшего джокера, и вот тогда произвучал слово, которого тоже до этого не было на наших славных старницах:

– Бескозырка!

Вот так мой читатель наконец-то увидел, но так и не понял, почему уже в шести главах с таким названием автор использовал этот явно морской термин, означающий флотский головной убор без козырька для ношения на тыквах младшего военного состава. А наиболее продвинутый читатель, внимательно следящий за игровыми перипетиями нашей *русской кочерги*, вдруг разглядел в этом слове аж два – склеенных так, что не сразу и заметишь, и радостно закричал:

– Без козыря!

Если мозгом не дебильный,
если точно видишь край,
если тыквою ты сильный,
то без козыря сыграй!

В принципе, игроки, занимающиеся этим делом уже не первый год, иногда сталкивались с подобной ситуацией, но она была настолько редкой, что составляла, как нетрудно догадаться, вероятность ≈ в $^{1}/_{14}$, и то только потому, что безкозырных *грандов* было аж четыре, а не один! И, наверное, поэтому некоторым игрокам тут же полезли в голову глупые мысли типа «Что же теперь делать, мать моя Октябрьская революция?» или «Что же теперь делать, ёперная бескозырка?». Подобная мыслишка промелькнула даже у неиграющего Николаича: «А это за хрень собачья, святой Малевич?», хотя ни художник-супрематист, ни, тем более, никакие животные к данной ситуации отношения не имели.

И только Серёньке Афанасьичу, который иногда радовался жизни просто так, произнесённое марсианином слово всколыхнуло воспоминание, когда он, которого дед Михей и бабушка Федóра так и не отдали в детский сад, однажды на Новый год подглядывал в окно данного дошкольного учреждения деревни Семижопино и видел, как его воспитанники из семей сельских передовиков разучивали какой-то танец под весёлую песенку. И так его тарарахнуло это воспоминание по квадратной тыкве, что Полтавцев вдруг вскочил с покерной скамеечки и стал лихо отплясывать вокруг него, поднимая пыль бóльшую, чем это делали дворовые дети, с внезапно вспомненными словами:

– Бескозырка белая,
в полоску воротник!
Пионеры смелые
спросили напрямик:
«С какого, парень, года?
С какого парохода?
И на каких морях
ты побывал, моряк?»

А вот что именно ответил моряк любопытным пионерам, обитатели Бермудского Учпучмака так и не узнали, ибо Валера и Васюхан, не сговариваясь, словно до этого тренировались в поимке разгулявшихся сторожей, с двух сторон схватили шустрого охранника и усадили его на место. И никто в этой суматохе не заметил, что преподаватель еврейского колледжа, словно оправдывая своё место работы, в это время не спеша ознакомился со всеми картами неугомонного плясуна и певца – и всё потому, что Серёжа, как выражаются картёжники, *сидел под ним*, а, значит, было важно знать, с какой именно карты он может походить…

Глава 62. БЕСКОЗЫРКА БЕЛАЯ, В ПОЛОСКУ ВОРОТНИК! (продолжение продолжения)

В принципе, ничего нового в такой *бескозырной* ситуации не было: игрок был обязан скинуть на заявленную масть карту той же масти, а если её не было, не бить козырем, ибо в данной игре его просто не было, а произвести на выбор аж три варианта, причём, как сейчас убедится мой читатель, совсем несложных:

1. или скинуть любую карту,
2. или забрать её имеющимся *грандом*,
3. или положить того же *гранда*, но сказать при этом: «За простую!»

Вот вопрос для монолога
(игрока зовут Кретин):
«Вариантов очень много –
как же выбрать мне один?»

В это время Кулемзин посмотрел на своих покерных визави и понял, что они мучительно раздумывают над своими заказами, хотя даже младенцу, освоившему русскую азбуку и прочитавшему первую половину первого тома нашего романа, было ясно, что в приоритете при такой игре будут либо крупные карты, либо очень маленькие, ведь существовала небольшая вероятность, что у кого-то в пришедшем роббере окажется оставшихся два джокера, так как один из них уже был безнадёжно испорчен возложением на верх куцей колоды. «Надо бы как-то подбодрить коллектив», решил литератор, «если прибавить ума им всё равно не удаётся…»

– А ведь скучновато жить на этом свете, господа! – так неожиданно возвестил он, что все невольно вздрогнули, а неиграющий Васюхан даже пролил несколько капель пивка на свою футболку. – И только маленькие удовольствия вроде *русской кочерги* как-то разнообразят наше прозябание на этом куске галактического навоза, который умники вроде покойного Галилео Винченцоевича Галилея почему-то назвали земным шариком…

Все притихли, каждый по-своему переваривая сказанную мудрость, и только один неунывающий Афанасьич обрадовался, так как вспомнил, что шелудивого пса соседской ведьмы цыганки Донки[135] из деревни Семижопино звали как раз Галилей.

[135] Неоценимая – цыг.

Против знаков зодиака
воевал наш военрук:
«Фас!» – назвал свою собаку,
чтоб боялись все вокруг!

И так обрадовало сторожа это воспоминание, что он решил карты не смотреть, так как козыря всё равно не было, а просто сказал привычное:

– Пять, мать честнáя!

Володя, который объявлял следом за ним, вздрогнул, ещё раз внимательно осмотрел свои карты, отметил, что оставшиеся джокеры, о которых сообщалось выше, были именно у него, и решил скромно объявить две взятки – в надежде, что Талгат и Нуртай клюнут на эту невинную хитрость, а чтобы она удалась получше, про себя добавил старое латинское заклинание: «Credo qua absurdum[136], яйчики-бабайчики!»

[136] Верю, потому что абсурдно – лат. Выражение Квинта Септимия Флоренса Тертуллиана – раннехристианского писателя II века – прим. ист. редактора

Следующим объявлял Салихдзяныч, который тоже долго рассматривал карты, словно видел их впервые, а потом задумчиво произнёс:

– Какое-то йодистое предчувствие недоброе…

В это время в его карты через его плечо заглянул неиграющий Валера и подтвердил:

– Точно, точно, святой Малевич! У меня тоже такое бывало – когда денег до зарплаты не хватало…

, после чего заметно погрустнел, потому что вспомнил, что последняя зарплата у него была года два или три назад, а вот какая именно, не вспомнилось вообще, между тем в голову проникла какая-то умная мысль, и Муравлёв понял, что случайно словил чужую – скорее всего, его марсианского товарища: «Странная эта штука – время! Время, бегущее беспощадно, если просить его замедлить ход, и останавливающееся вовсе, если умоляешь его поторопиться…»

Не сильны мы в теореме,
только знаем наперёд:
ведь у наших русских время –
это, братцы, средний род!

Последним в покерной *квадриге* объявлял взятки Курманбаев, и когда наступал именно этот момент, очень мучился из-за двойственности своего положения. С одной стороны ему казалось, что раз он знает, сколько взяток уже заказали другие, то будет легче вычислить, сколько останется ему, а с другой стороны начинали одолевать страшные подозрения, что все предыдущие ~~ораторы~~ заказывающие, не сговавариваясь, решили обмануть именно его, и тогда побеждала природная бзделоватость педагога, о чём он буквально через пару минут страшно жалел, ибо перебирал чаще, чем брал свои. Правда, немного помогал его персональный *иблис*, но вот сейчас, как назло, этот хвостато-рогатый персонаж как раз отбыл в какие-то подземно-адские сферы для зарядки своих пропадлючьих аккумуляторов. Поэтому, недолго мучаясь мозгом, Мусаич тихо и даже как бы стеснительно выдавил:

– Три, мать моя КПСС.

И всё это было бы не так страшно, но за то время, пока пресловутая *бескозырка* не выпадала на страницах нашего романа, персонажи, высокопарно именуемые здесь игроками, просто немного подзабыли, как же это всё играется. Так, первым, как уже говорилось ранее, ходил Полтавцев, который смело бросил на покерный столик пикового туза, на всякий случай перед этим уточнив, что пики в данной ситуации – не козыри. И легко прошла бы эта взятка, если бы не одно *но*. А это *но* было тем, что ещё один туз – на этот раз червовый, находился у Володи, и ему тоже нужен был практически непобиваемый ход. Поэтому он, учтиво извинившись перед товарищем, забрал серёжиного *псевдогранда* одним из своих младших джокеров, и тут же пошёл своим тузом.

Хоть в игре порой тупею
(есть в мозгах такой барьер),
пред тузами не робею, –
у меня ведь револьвер!

Этот ход, несмотря на извинение, вызвал шок у семижопинца.

– Ты что, Володя, совсем с ума съехал? – пробормотал он со злостью. – Это же не по правилам!

– А давай спросим у кого-нибудь, – чтобы сбить накал пока не разгоревшихся страстей, предложил литератор.

– А у кого? – замотал головой сторож, после чего решил обидеть не только покеристов, но и примкнувших к ним Валеру и Васюхана:

– Здесь же, царица лесная, одни мухлёвщики сидят!

И только было открылись сразу четыре рта, чтобы опровергнуть гнусное предположение Афанасьича, как Альбионыч, прицелившись, сходу поймал одного из дворовых ребятёнков, которые были рассыпаны по периметру Бермудского Учпучмака, как горошек в салате. Ребятёнок очумело крутил головой, а покерный гуру в это время задал ему вопрос на языке внедрения:

– Қалай ойлайсың, балам, олай жүруге бола ма еді, болмады ма[137]?

[137] ***Как ты думаешь, дитя моё, можно было так ходить или нет? – сакс.***

Было видно, что дитя вопрос понял, так как бодро ответил, искоса поглядев на охранника, который сверлил его подозрительным взглядом, словно марсианин поймал не маленького саксасульца, а большого Геббельса::

– Дядя Володя, ведь ещё Джонатан Джонатанович Свифт в своё время сказал, как его возмущает, когда колода плохо перетасована, но лишь до тех пор, пока ему не придёт хорошая карта!

– Merci, – ещё на одном языке поблагодарил мальца Кулемзин, но, как выяснилось, тот понял и этот экзотический для Саксаулии язык, потому что ответил что-то вроде того, что, мол, же вуз ан при[138]

[138] ***От фр. Je vous en prie – пожалуйста***

Чтобы не было конфузов
и других ненужных драм,
нам *мерсикают* французы,
мы в ответ им – 200 грамм!

Глава 63. БЕСКОЗЫРКА БЕЛАЯ, В ПОЛОСКУ ВОРОТНИК! (ещё одно продолжение продолжения)

В общем, как писатель и предполагал, инцидент был исчерпан, а Серёжа вместо того, чтобы злиться дальше, даже остался доволен, потому что его знаменитый блокнотик «Для му.мы.» пополнился новой мудростью от неведомого ему ранее мудреца со смешной фамилией Свищ: «Тасуй колоду до тех пор, пока тебе не придёт хорошая хорошая карта, а Курманбаеву – плохая!». Потом он ещё раз перечитал записанное и страшно удивился, откуда этот неизвестный иностранец знает Нуртая. «Ладно, выясню потом – когда вечером бухáть будем», мудро решил он.

Что в теченье дня городим,
ничего не помним мы:
мудрость вечером приходит –
из лабазы Калимы!

А игра между тем продолжалась, и литератор, который старался запоминать все эпизоды – для последующей вставки их в своё нетленное произведение, с удивлением отметил тот факт, что именно сегодня первая партия длится так долго, после чего поделился сомнениями с остальными сидельцами на покерной скамеечке.

– А чего тут думать, ёперная партия, – сразу же справился с версией Салихдзяныч, – сегодня же воскресенье!

– А это тут при чём, яйчики-бабайчики? – удивился покерный демиург.

– Эх ты, – попенял ему главный трубач президентского оркестра Республики Саксаулия. – В воскресенье же не про карты надо думать, а про отдых! Вот мы и думаем, а уже в перерывах между думами – играем!

«Зело мудёр военный человек!», решил Альбионыч. «Хорошо, что он тоже не пишет романы, а то ведь был бы мне знатный конкурент!»

Затем он ещё раз обратил внимание на Полтавцева, который явно никак не мог отойти уже сам не помнил от чего.

– Может, у кого валерьянка есть? – неожиданно обратился он к коллективу, да таким жалостным голосом, что даже Митрохин на всякий случай покопался в своих карманах.

«Неужели сегодня свирепствуют некие магнитные бури», подумал Володя, «сбивая с так называемого панталыку честных людей?». Затем он мысленно сделал сверку со своим МАКом, или, чтобы было понятно читателю, **М**арсианско-**А**стрологическим **К**алендарём, и понял, что нет, космос сегодня вообще не при делах.

Ох, как же много дури –
как дырок в ремешке:
космические бури
свирепствуют в башке!

– Можно подумать, что ты в лекарствах разбираешься, – иронично проговорил преподаватель еврейского колледжа, с вызовом посмотрев на соседа по дому.

– Да что же я, вашу валерьянку не знаю, что ли? – возмутился Афанасьич и почему-то посмотрел на художника. – Это же муравлёвый спирт!

Муравлёв, услышав сразу два знакомых слова, быстро связал их в своей голове и тяжело сглотнул, подумав о том, что давно они уже не брали никакого пивка для счастья жизни, но тут же понял, что пока партия (первая партия!) не будет доиграна, об этом можно будет даже не заикаться.

А то, что она не будет доиграна никогда, через мгновение подумали и все остальные. Дело в том, что только Талгат взялся за колоду, чтобы сдать очередной роббер, как через металлическую оградку Великого ▲ перемахнул какой-то парнишка сразу с двумя занятыми руками. В одной руке он держал пакет, а вот в другой – некую толстую книгу, по которой все учпучмакцы сразу же догадались, что к ним явился очередной курьер.

– А кто у нас здесь будет господин Кулемзин? – весело спросил курьер, от которого явно пахну́ло незнакомым спиртным.

– Есть, был и будет всегда, – весомо ответил получатель неизвестной посылки, после чего скромно добавил:

– Это я.

Хоть приехал я и в гости,
Землю страстно полюбив,
был всегда я, буду после,
ибо буду вечно жив!

– Тогда распишитесь в получении, – курьер раскрыл книгу, получил заветную завитушку в виде автографа, вручил Володе свёрток и, также лихо перепрыгнув через барьерчик ещё раз, покинул благословенную территорию, на которой уже седьмой день подряд происходило действие нашего великого романа.

А писатель, получив свёрток, не стал его разворачичать сразу, а направился к соседнему Старушечьему Столику, или СС, как он его кратко называл, и, попросив старушек на

минутку оторваться от важнейшего занятия, коим они увлеклись, то есть игрой в *подкидного дурака*, попросил освободить столик – сразу по двум причинам: во-первых, покерный столик, который он только что покинул, был заставлен не только колодой карт, *раскладкой* и ручкой, но и многими недопитыми бутылочками, которые ютились на самых краешках прямых углов столика, и, во-вторых, его (столика) площади было явно маловато, чтобы продемонстрировать принесённое, как говорится, в полный рост.

И когда пенсионерки, которые относились к Альбионычу хорошо, так как он являлся единственным непьющим игроком в покерной хевре, освободили столик, марсианин развернул свёрток, а потом разложил на освободившемся месте вот это:

Пенсионерки нацепили очки и принялись за изучение надписи на новой володиной покупке – майке, которую он заказал на днях на одном из сайтов мастерской, производящей такое безобразие. Выждав (для приличия) пару минут, Кулемзин был вынужден извиниться, забрал майку, подошёл к своему столику и, развернув её, как флаг мушкетёров при осаде крепости Ла-Рошель[139], показал присутствующим, пояснив, что удовлетворяет их любопытство от силы минуты 4-5, а потом отнесёт домой, пока она (майка, а не крепость) не превратилась в тряпочку для протирки покерного столика.

[139] Александр Дюма «Три мушкетёра», часть вторая, глава XI – прим. лит. редактора

Пусть по-наглому, пусть с форсом,
никого я не гружу:
не сверкая голым торсом,
в майке каждый день хожу!

Покеристы и им сочувствующие тут же принялись с жаром обсуждать всё ту же надпись, хотя сам Володя главным достоинством этой скромной летней одежды считал то, что она – белого цвета. Первым высказал своё мнение Мусаич:

– Какое безобразие! Неужели ты, мать моя партия, будешь это носить?
, причём, при слове *это* густо покраснел.

«Вот ёкарный дурак-то!», по-армейски прямо подумал Батыршин, а вслух сказал:

– А почему бы не поноси́ть? Правда, я не совсем понимаю, при чём тут хотя и старый, но довольно хороший для своего времени гражданский самолёт ТУ-154?

– В смысле, мать честная? – не понял Афанасьич.

– В смысле трёхдвигательный реактивный пассажирский авиалайнер для авиалиний средней протяжённости, рассчитанный на перевозку 152-180 пассажиров, – пояснил военный музыкант.

«Ни хрена себе память, святой Малевич!», удивился Валера, а вслух сказал другое:

– Володя, а тебе зачем на майке этот самолёт? Ностальгировать будешь?

– Ага, в основном, по ночам, – ответил покерный гуру. – Какие ещё будут мнения?

– А, по-моему, всё предельно ясно, – подал голос последний участник дискуссии. – Я думаю, что главная строчка здесь – последняя, и означает она, что маечка новая и ещё не стиралась *ни разу*!

Если есть в штанах деньжищи,
а в стакане налитó,
надеваю что почище
для похода в шапито!

– Итак, дискуссия, она же полемика, он же диспут, они же прения закончены, – волевым решением постановил майковладелец. – Я думаю, никто не будет возражать, если я на пару минут отлучусь, чтобы пополнить свой скромный гардероб?

Большевику Курманбаеву очень хотелось вспомнить вслух покерное правило, гласящее о том, что если один из игроков покидает игру, не дождавшись её окончания, получает штраф в 100 очков, но понял, что после такого заявления могут последовать санкции от тех, кого он ранее наивно считал своими друзьями, и самой страшной из них будет лишение его очередной бутылочки, за которой давно было порá кому-нибудь сходить.

А Володя, вспомнив кое-что, прибег к старому трюку с Врéменной Заморозкой Мгновения[140], и в следующей главе мой читатель узнает, зачем он это сделал…

[140] Об этом – в главе 80 второго тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

Глава 64. НЕОТЛОЖНОЕ ПИСАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО

А сделал это наш герой вот по какой причине. Только сейчас он вспомнил, что сегодня идёт последний день не только всего лета, но и конкретного месяца августа, а назавтра, то есть 1 сентября, был запланирован последний срок сдачи в государственное эфиопское издательство «Наше Всё – Наш!» небольшой книжечки русских литературных пародий и баек, на которых эфиопские студенты, до этого знакомые с творчеством только одного великого русского поэта – Сергеича, которого наивно считали своим национальным, должны были учиться прочувствовать все тонкости, нюансы, частности, детали, подробности и даже доскональности русского языка. Вот именно в этом им и должна была помочь книжечка Кулемзина.

Услыхал в народе я,
как остра пила:
важно, чтоб пародия
злою не была!

Проделав с персонажами, расположенными на территории Бермудского Учпучмака, очередную марсианскую вольность, впрочем, не приносящую никакого ущерба, так как

после пробуждения (оттаивания) никто ничего не помнил, Володя поспешил в своё Личное Место-Имение, где первым делом повесил новую маечку в тайный шкафчик в тайной комнатке-трансформере, а уже затем включил компьютер и, чтобы не ждать, пока он, как выражались водители кузовных автомобилей, *загрузится*, поспешил к своему холодильнику – в надежде найти там холодненькую бутылочку «Тянь-Шаня». И его надежды блистательно оправдались!

Бутылочка оказалась не просто холодненькой, а практически ледяной, и то, что в ней находилось, так удачно легло вначале на горло, а потом и на так называемую душу вкушающего счастье Альбионыча, что он на мгновение даже забыл, зачем пришёл домой. Но мгновение, как хорошо известно из книги профессора Фекалина «Есть только миг между прошлым, которого никогда не было, и будущим, которого никогда не будет», – субстанция насколько короткая, что писатель тут же вспомнил, что явился в свою квартиру именно по неотложному писательскому делу.

Вначале он тщательно скопировал все литературные пародии, уже опубликованные во всех томах «Русской кочерги», а их набралось весьма немало, а потом добавил к ним написанные буквально на днях – числом 13, но не планируемые вставлять в своё произведение, ибо в последнем, седьмом томе, который сейчас держит в руках мой неутомимый читатель, несколько их уже были прочитаны в начальной главе 8.

На душе коль погрустело,
начинай же петь, трубя:
в литпародиях я смело
пародирую себя!

И первыми пародиями, пафосно названными нашим писателем русскими, были некие байки на конандойлевско-шерлокхолмсовскую тему, потому что марсианин решил, что вот так сразу окунаться в истинно русские истории для эфиопских студентов будет несколько затруднительно. Впрочем, когда он проштудировал своё творческое наследие, оказалось, что неопубликованные ранее пародии и байки, кроме двух, были сплошь на иностранные темы, но тем не менее причудливым образом связанные именно с чем-то неуловимо русским. Итак…

1

Ватсон спрашивает у Холмса:

– Дорогой Холмс, я отлично понимаю вора, который взял из сейфа лорда Ливингстона деньги и драгоценности. Но зачем он забрал его жену?!

– Элементарно, Ватсон! Чтобы лорд его не искал…

2

– Скажите, Бэрримор, кто в за́мке мог плакать женским голосом?

– 10-го и 25-го каждого месяца в за́мке мог плакать кто угодно…

3

– Холмс, это просто поразительно! Как же вы догадались, что убитый шёл именно из поликлиники?

– Бахилы, Ватсон.

4

– Ну-ну, – сказала собака Баскервилей, встретив Герасима.

«Я вижу на болотных кочках
огромных фосфорных собак!

Скажите, Холмс, а в трубке точно
забит нью-гемпширский табак?»
«Смотрите, Ватсон, на природу,
но только в «Русской кочерге»:
в Нью-Гемпшире, дружище, сроду
табак не смешивали с г.»

Три пародии, о которых Володя уже давно забыл, оказались наваянными под впечатлением романа Александра Тома́-Александровича Дюма о мушкетёрах, которых французский писатель, явно не чурающийся спиртных напитков, упорно считал до трёх, хотя их явно было четверо, что, кстати, и отразилось в следующей пародии.

5

– А теперь назовите себя – для протокола.
– Атос!
– Портос!
– Арамис!
– Д'Артаньян!
– Ну, вот что вы, блатные, за люди такие? – горько спросил капитан Жеглов. – Одни кликухи поганые…

6

Учёные Российской академии наук в ходе многолетних исследований выяснили, что девиз «Один за всех и все за одного!» литературные мушкетёры взяли из русской народной сказки «Репка»

Опять скрипит натёртое *седлом*...

7

– Ваше величество, я дарил вам 12 пар рейтуз с начёсом, 5 спортивных костюмов, каску строительную и танковый шлем, – ехидно сказал король. – Потрудитесь надеть всё это на бал. Мне будет приятно – я хоть поржу!
– Представляю, как поржёт д'Артаньян, когда поедет за всем этим к герцогу Бэкингему, – пробормотала Анна Австрийская.

Мушкетёр известен не плащом,
и не шпагой – острой, как иголка.
Мушкетёры могут быть хоть в чём:
в запылённых кедах и футболках!
Кружева и локоны – пустяк,
главное в бою – назад ни шага!
А червяк – он всё равно червяк,
если даже и прямой, как шпага…

Глава 65. НЕОТЛОЖНОЕ ПИСАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО (окончание)

Некоторые пародии Альбионыча были настолько короткими, что вмещались буквально в одну строку. Например, вот эта.

8

Бабушка Зигмунда Якобовича Фрейда однажды связала внуку тёплый и длинный.

Некоторые пародии Альбионыча были настолько короткими, что ему было легче описать их в банальном катрене, чем выдумывать что-то долгое и прозаическое. Например, вот эта.

9

Всё не найдёт заначку мужа
жена Эркюля Пуаро –
похоже, не передаются
таланты половым путём!

И ещё три миниатюрки у нашего литератора были сваянные, так сказать, на местной почве, ибо были исконно русскими, и он боялся, что именно их не сразу поймут жадные, словно Серёнька Полтавцев, до знаний эфиопские студенты.

10

Анна Каренина в юности очень боялась, что её никто не возьмёт замуж.
– Не плачь, Аннушка, – утешала её мать. – Твой поезд ещё стоит на запáсном пути…

11

– И будешь ты царицей мира,
подруга вечная моя![141]

– Поручик Лермонтов, хватит языком трепать. Хотите барышню – платите!

[141] Строки из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (1829-1839) – прим. лит. редактора

12

– Какое ты имеешь право?! – вдруг заорал Герасим.
Барыня замолчала, онемев от ужаса.
Хотя право-то у неё как-никак было – крепостное…

13

Жил старик со своею старухой у самого синего моря. Закинул старик в море невод, а там щука.
– Что за дела? – удивился старик. – Вроде Золотая Рыбка должна быть. Я же не Емеля, в конце концов!
– Всё правильно, – ответила щука. – Мы с Золотой Рыбкой долго работали на одном секторе рынка. И вот недавно на совете директоров была достигнута договорённость о поглощении одного предприятия другим!
И щука сыто рыгнула…

♠♠♠

Закончил свой великий труд писатель земель русской и саксаульской, после чего призадумался: порадовал он, конечно, эфиопских студентов, но вот читателям «Русской кочерги» приберёг кое-что *на сладкое*, а именно басню с рядом знакомых им (читателям, а не импортным студентам) персонажей.

Собачке *дедушка* послал кусочек мяса.
На ель бедняжка взгромоздясь,
чего не делала доселе отродясь,
да вот река конкретно разлилась,
позавтракать совсем уж было собралась,

да призадумалась,
а мяса кус во рту держала...
На ту беду с Мазаем рядом лодка проплывала!
Мазай увидел кус – Мазая понесло:
он, поудобнее перехватив весло,
без всплесков – тихо к пёсику подходит,
вертит веслом, и с мяса глаз не сводит!
Прицелился он тихо – чуть дыша –
и как веслом ударит по ушам!
Собака взвизгнула во всё собачье горло,
пошла ко дну, из раны кровь поперла....
Мазай с тех пор же потерял покой:
собака ночью выла под луной –
погромче Баскервилей был тот вой,
а то к Мазаю шастала домой:
он поседел, замкнулся, стал немой,
и, чтоб не сильно мучиться виной,
спасать он зайцев стал от наводнения весной,
но по ночам, не зная почему,
топил собак, мыча загадочно: «Му-му»...
Тургенев, услыхав, всё приукрасил –
в его рассказе появляется Герасим,
а Толкиен забил последний кол:
Мазай в его рассказах – Смеагорл!
А мы, всей правды ранее не зная,
в героя превратили Дед Мазая!

Глава 66. НО ЖИВ БЕРМУДСКИЙ УЧПУЧМАК!

Быстренько запечатав все литературные пародии и байки в вирутуальное письмо, Володя нажал какую-то кнопочку на клавиатуре, и письмо, повинуясь невидимому и неслышимому электронному приказу, тут же побежало по направлению к Эфиопии. Альбионыч знал, что между его родным Отцеябловском и эфиопской столицей городом Аддис-Абеба по прямой было ни много ни мало 5756 километров, так что если бы он захотел прогуляться по такому маршруту бодрой походкой километров 5-6 в час, ему бы понадобилось всего лишь каких-то 1000 дней. А вот виртуальное письмецо долетело до знойной Африки за несколько секунд, чего Кулемзин, несмотря на своё марсианское происхождение, понять никогда не мог!

По знакомому маршруту,
коего на картах нет,
три парсека за минуту
пробегает интернет!

После этого он выпил ещё одну бутылочку прекрасного «Тянь-Шаня» – как награду за совершённый творческий подвиг, затем отключил компьютер и поспешил на так называемую улицу – освобождать всех, кто попал в сферу его таинственной марсианской технологии *ллчъшшъдр*, или Вре́менной Замоpо́зки Мгновения. Но выйдя из подъезда, чуть сам не остолбенел, – и вот почему. Во время работы технологии над замороженной территорией, как известно, словно бы опускался прозрачный купол, впрочем, не видимый и не проходимый ни для кого.

Поэтому каково же было удивление писателя, когда он увидел внутри купола, кроме

застывших фигур покеристов и поддерживающих их болельщиков, дворовых детей и соседок-пенсионерок, проводницы Иры и старшей по дому Жанны Пантелеевны, или Ж. П., как называл её Альбионыч, а также алкашиной пары Глав-Буха и Галлюцинации в загаженных кустах, ещё одну фигуру – вполне живую, лупающую глазами и явно ничего не понимающую. Это был известный клошар второго микрорайона по кличке Танкист – без своего подельника Одиссея!

Есть в космосе круговорот,
что *дедушка* создал как маг,
и пусть Вселенная замрёт,
но жив Бермудский Учпучмак!

И хорошо, что саксаульский бомж был уже изрядно *подшофе*, поэтому когда марсианин тут же отменил свою таинственную технологию, так ничего не понял, а после пошлых слов Володи: «Пить надо меньше!» и вовсе успокоился, поверив, что вся эта каша помни́лась ему на какое-то мгновение. Он (бомж, а не Володя) отошёл от покерного столика на расстояние дуэльного выстрела, чтобы шаловливый ветерок не донёс до бермудцев его фирменного амбре, облокотился о турник в углу Великого ▲ и задумался о жизни.

А жизнь на означенной территории, несмотря на страшную жару, как выяснилось, кипела вовсю. И вот эти два сло́ва, то есть *жара* и *кипела*, создавали зримый образ какой-то кипящей кастрюли, из которой не только не хотелось что-нибудь съесть, но на которую и смотреть-то было противно!

Кулемзин как ни в чём не бывало подошёл к покерному столику, уселся на скамеечку и стал обмахиваться *раскладкой*, чтобы этими обманчивыми движениями создать видимость хотя бы какой-то циркуляции раскалённого воздуха. Надо было заканчивать партию, но начинать очередной роббер в такой атмосфере, которая больше бы приличествовала доменной печи, было просто невозможно. А тут и подоспел со своим глупым вопросом семижопинец Полтавцев, который, как помнит мой читатель, давно тянулся к ненужным знаниям:

– Володя, а ты не знаешь, царица лесная, почему сегодня так жарко?

Все тут же уставились на литератора, как будто от его ответа зависело, на сколько °° по товарищу Цельсию тут же упадёт температура воздуха.

– Подумаешь, бином Ньютона, – ни к селу ни к городу неожиданно приплёл хорошего, правда, покойного учёного педагог Курманбаев. – Это и так понятно, мать моя КПСС: сегодня утром по радио сказали, что будет 30-32 градуса выше нуля.

– Ты чепуху не пори! – тут же осадил его Афанасьич. – Выше нуля – один, или как выражается умный Володя, единица! А вот всё остальное – уже выше неё!

Закусив 100 грамм горбушкой,
понял я, как занесло:
скачут цифры друг за дружкой –
получается число!

Крыть было нечем – на собственную арифметику сторожа, приправленную собственной логикой и собственной метеорологией, у Нуртая ответа не нашлось, поэтому все снова обратили свои взоры на Кулемзина.

– Во всём, други мои, виновата некая Полу́дница!

– А какое у неё отчество и фамилия? – вновь потянулся за заветной книжечкой неуёмный охранник.

– Вот чего у неё нет, того нет! – развёл руками метеолектор. – Ибо такое существо со

странным русским именем – всего лишь мифологический персонаж, который являет собой (прости, русский язык!) персонификацию полудня как опасного для человека пограничного времени суток в русской мифологии.

«Ни хрена себе, святой Малевич!», подумал Муравлёв. «Оказывается, днём такую жару устанавливают какие-то мифические пограничники! Да они бы лучше китайских шпионов побольше ловили!»

– Чего-то я раньше про такое не слышал, – неожиданно усомнился в истинности сказанного старший джус Митрохин, и все поняли, что пиво у него закончилось очень давно, а высохший без напитка мозг может выдать ещё и не такое.

Каждый пьющий был мной понят –
стали мне они близки:
без пивка всё тело сохнет,
а особенно – мозги!

– По народным представлениям, – продолжал просвещать коллектив штатный просветитель второго микрорайона, – это чаще всего высокая красивая девушка или, наоборот, уродливая старуха, одетая или в белые одежды (если девушка), закрывающие всё тело и голову, или в лохмотья (если старуха). А в руках у неё может быть коса или серп.

– Не может быть, йодистый серп! – поразился старший трубач.

– Ещё как может, яйчики-бабайчики! Этой Полуднице приписывали активность в ясный полдень – особенно в период от цветения до жатвы злаков. Основным местом встречи с ней, как привило, было ржаное или гороховое поле, а вот в нашем случае – наш любимый Бермудский Учпучмак!

Жара плывет и топит сало –
то, что за зиму накопил:
в тенёк шагаю я устало,
меня зной этот утомил!
Трепещут в мареве листочки
в пыль ныряет воробей,
а я уже дошел до точки –
моё одно: сиди, потей…

Глава 67. НО ЖИВ БЕРМУДСКИЙ УЧПУЧМАК! (продолжение)

– Кстати, Танкист, – окликнул литератор *алика*, который вцепился в столбик турника, как танцовщица стриптиз-бара в так называемый пилон[142], – а где твой дольщик[143]?

[142] Вертикально расположенный шест, предназначенный для танца на шесте или стриптиза – прим. соц. редактора
[143] Блатной товарищ в долях на навар – феня

Клошар вскинул бессмысленные глаза, потом сфокусировал их по звуку, увидел Володю и, чтобы не тратить силы на слова́, кивнул куда-то в китайско-австралийскую сторону. Но покерный гуру хорошо знал, как надо выводить из ступора подобную публику. Он поднял над головой полную бутылочку «Тянь-Шаня» и покачал ею, как лодочкой на волне, после чего приветливо предложил формулу обмена:

– Одна песня – один флакон[144].

– Да уж криво не насажу[145], – как-то по-былинному пообещал Танкист, – да уж кровь не сверну[146]. У меня ведь уже час, как тяпки[147] не было…

[144] ***Бутылка – феня***
[145] ***Плохо не исполню – феня***
[146] ***Не испорчу настроения – феня***
[147] ***Глоток спиртного – феня***

Вот слова́ вам охапкой,
что сейчас приволок:
у колхозника – тяпка,
а у зэка – глото́к!

Затем бомж подошёл на заранее оговоренные три с половиной метра, чтобы его амбре не оскорбило одорологические привычки педагога, встал в отработанную картинную позу, поклонился и негромко пропел:

– Когда я был мальчишкой,
носил я брюки-клёш,
соломенную шляпу,
в кармане финский нож.
Мамашу я зарезал,
папашу я прибил,
сестрёнку-гимназистку
в колодце утопил.
Отец лежит в больнице,
а мать в сырой земле,
сестрёнка-гимназистка
купается на дне.
Сижу я за решёткой
и думаю о том,
как дядю часового
прикончить кирпичом!

Получив бутылочку пивка от курьера Полтавцева, Танкист тут же жадно высосал её до дна, а вот на следующую заработал уже дуэтом с появившимся словно ниоткуда своим другом и подельником Одиссеем. Альбионыч обеспокоился: одной бутылочки на двоих для полноценного гонорара явно не хватало, и он немедленно сунул в руку всё тому же Афанасьичу купюру и молча показал глазами в сторону сельпо Калимы. Охранник так же молча, как заговорщик, тихонько поднялся с покерной скамеечки и отправился в недалёкий путь. А друзья-клошары в это время уже старались на славу:

– Здравствуй, мама, разве не узнала
своего любимого сынка?
Юношей меня ты провожала,
а теперь встречаешь старика!
Так наливай, мамаша, больше водки –
боль в груди я водкою залью,
позабуду лагерные муки
и для сердца что-нибудь спою!

Здесь писатель обратил внимание на Муравлёва. Глаза Николаича покраснели и повлажнели – было видно, как тронула его нехитрая песня саксаульских клошаров. Кулемзин прислушался к его бормотанию и услышал что-то вроде этого:

– Надо же, святой Малевич… юношей она его провожала… а теперь-то, а теперь…

– И не говори, – так же печально подтвердил сидевший рядом с живописцем антенщик Митрохин.

«Надо бы его как-то отвлечь», подумал марсианин, а вслух сказал:

– Валера, а не пора ли тебе задуматься о написании какого-нибудь глобального полотна? Я вот сижу и думаю: ну чем ты хуже Репина?

– Я? – удивился художник. – Да ничем! Вот только не знаю, на какую тему – этот Илья Ефимыч в своё время у меня уже все темы отобрал!

Тогда главшпан[148] покерной хевры отлистал назад *раскладку* и вырвал старую страничку, на обороте которой крупно написал тему для будущего гениального полотна: «Иван Грозный убивает своего сына, ломает дом и пилит дерево»

[148] Начальник, главный – феня

В это время из лавки Калимы вернулся штатный скороход Бермудского Учпучмака, и певческие бомжи тут же получили законный гонорар, после чего отправились в дальнейший скорбный путь – словно по строчкам из «Божественной комедии» Данте Алигьериевича Алигьери:

Свой путь пройдя до половины,
оставшийся я бодро проползу…[149]

[149] Аллюзия на строки Данте из этого произведения: «Земную жизнь пройдя до половины, / Я очутился в сумрачном лесу…» – прим. лит. редактора

И тут Володя обратил внимание, что особенно внимательно слушал *жалистную* зэковскую песню старший джус Митрохин, и вспомнил, что автор романа ещё в главе 120 четвёртого тома случайно проговорился о том, что его герой *сидел*, но так невнятно, что никто, кроме самого автора, не понял, что Васюхан последние полгода дослуживал в армии в ВВ, или внутренних войсках, а в наших странах даже дети знают, что эти войска никогда ни с кем не воюют, а просто охраняют *сидельцев* в тюрьмах и лагерях.

И так, видимо, тронула песня бомжей антенщика, что он чуть не прослезился, вспомнив что-то своё. А ведь лагерные впечатления – пусть даже рассказчик побывал там не на нарах, а на вышке, они самые сильные и незабываемые. И так как Афанасьич, кроме гонорара клошарам, принёс вожделенные напитки и остальным страждущим, мудрый Кулемзин решил дать возможность бывшему сержанту Митрохину вспомнить кое-что из его лагерной практики, не про себя, а вслух, чтобы восполнить ещё один пробел в образовании Курманбаева.

Мы живём как будто в танке,
где то выпить, то тужить:
чтобы жизнь познать с изнанки,
надо в той изнанке жить!

Альбионыч, наклонившись к у́ху Васюхана, изложил ему (Васюхану, а не у́ху, хотя и у́ху тоже) свою персональную просьбу, и старший джус, проводив глазами братьев-клошаров, под принесённое холодное пивко рассказал покерной хевре свою нехитрую лагерную историю под названием

Глава 68. О ТРЕСКОВОЙ ПЕЧЕНИ (Байка Васюхана)

– Когда я попал *на зону* (а по документам в в/ч[150] 5439, где отбывали наказание провинившиеся военные), то неожиданно встретил там своего сослуживца Гарика Фрумкина, с которым мы вместе тянули солдатскую лямку в одной из карельских частей[151]. Был он

человеком исключительной честности, поэтому его, не сговариваясь, назначили поваром части, и когда через полгода службы в офицерской столовой обнаружилась страшная недостача, крайнего нашли быстро, и вместо завстоловой прапорщика Нетудыхата на зону отправился Гарик.

[150] Войсковая часть – прим. воен. редактора
[151] О карельских приключениях Митрохина – в главах 112-113 четвёртого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

Надо сказать, что в лагере никогда ничего не скрывалось, и сидельцы тут же узнали, не по какой статье, а по какой причине залетел к ним Фрумкин. И поэтому, когда возникла необходимость навести порядок в лагерной столовой, сам кум[152] уговорил Гарика занять эту должность. А было это важно потому, что хозяин[153] кого ни попадя поваром не поставит, ибо у случайно назначенного либо всё разворуют, либо тихо прибьют.

Каждый ваньку здесь валяет,
но бывает и гнилец[154]:
кто голодный, тот пеняет
всё на повара, подлец!

[152] Начальник оперативной части – феня
[153] Начальник колонии – феня
[154] Нечестный зэк, с гнильцой – феня

Правда, как и всякий дурак – а любой порядочный человек здесь считался дураком – слово *честность* Гарик понимал буквально, поэтому воровство присёк на корню, не обращая внимания ни на опасности, ни на возможные последствия. И если раньше каждый вечер для лагерных авторитетов повар организовывал весьма приличный ужин, то с приходом Гарика всё это в одночасье кончилось, и говорить с ним на эту тему было бесполезно, так как авторитетов для него не существовало. А отговаривался он так: «Вот ты же не зэк, а бывший сержант (майор, полковник), так что понятия[155] мне здесь не крути…»

[155] Неписаные нормы арестантской жизни, выработанные годами и веками, что заполняют в основном те ниши общественных отношений, которые не регулируются официальным законом – прим. юр. редактора

В общем, как-то так сложилось, что никто и не пытался на него давить, потому что дурак он и в Африке дурак. Но кроме лагерных понятий, для Фрумкина всё ещё существовали такие святые истины, как дружба, привязанность и благородство. Я это видел по тому, как он по-детски обрадовался, встретив меня, хотя и в роли своего охранника.

Естественно, ему захотелось угостить старого приятеля, то есть меня, и он стал разрываться между честностью и дружбой, но не мог найти выхода, что его крайне угнетало. Я же относился к этому с пониманием и спокойствием. И вдруг Гарик нашёл выход, который оправдывал его в своих глазах и глазах людей, с чьим мнением он всё-таки считался. Этот выход назывался *печень трески*!

Есть противоречие –
море-то – тоска:
все рыбёшки – с пéченью,
без неё – треска!

На Западе треска считается ценной и дорогой рыбой, а вот для наших северных народов она целые десятилетия была таким же дешёвым и доступным продуктом, как, напри-

мер, картошка для средней полосы России. Русский человек, как известно, нежадный до идиотизма, и иногда доходило даже до того, что треской кормили свиней.

В нашу зону эту рыбу завозили в огромных бочках, а зимой в ящиках, – страшно пересоленную, и для того, чтобы что-то из неё приготовить, треску приходилось долгое время вымачивать, на что у поваров никогда не хватало ни времени, ни желания. Потом из неё варили суп, который невозможно было есть из-за его страшного запаха и солёных кусков, которые иногда там попадались. А вот с пéченью было ещё сложнее: из-за повышенной жирности она требовала большего времени для вымачивания, но кто бы этим специально занимался в Советской Армии! Поэтому печень сразу выбрасывалась из миски, ибо была ещё более солёная и противная, чем сама рыба.

То есть, если говорить на языке грамотных людей, тресковая печень в лагере являлась продуктом некондиционным, поэтому хороший повар обменивал её у *вольного снабженца* на какие-нибудь более приемлемые продукты, если такая возможность вдруг появлялась. Вот и Гарик решил, что он вправе использовать этот бросовый продукт, чтобы подкормить своего приятеля, то есть меня, без особого спора со своей совестью. Но если бы остальные часовые узнали об этом *выборочном* дружеском акте, то мне бы пришлось также плохо, как и зэкам. Таким образом, образовалась ситуация, когда *каждый вечер* всей смене часовых со мной во главе на стол попадала раздаточная десятилитровая (!) кастрюля тресковой печени, правда, предварительно хорошо вымоченной, а потом пережаренной с луком и специями.

Ах, как любили мы его
(как Прохор Г. [156] – тунгуску!):
хороший повар из всего
сготовит нам закуску!

[156] Прохор Громов – главный герой романа Вячеслава Шишкова «Угрюм-река» (1928) – прим. лит. редактора

– А я эту печень трески один раз в магазине Калимы увидел, – словно в забытьи, неожиданно перебил рассказчика сторож Полтавцев. – А потом посмотрел на цену, разделил её на стоимость бутылочки «Жигулёвского», так получилось, мать честнáя, что такая баночка, где и 300 граммов нету, стоит почти как пять бутылочек! Вот так я и прошёл тогда мимо своего счастья…

И так горько всем стало от слов Серёньки Афанасьича, что пятеро остальных бермудцев поклялись в душе страшной клятвой, что как только появятся у них лишние тугрики, купить ему по баночке печени трески, и пусть он, скотина, хоть раз в жизни обожрётся на наши халявные денежки!

В общем, за те полгода, что Гарик командовал пищеблоком, мне с друзьями пришлось съесть столько жареной тресковой печени, сколько не съедают её на свободе за всю свою жизнь все чиновники областного центра крупной республики – вместе с членами своих семей и многочисленными ближними и дальними родственниками. До сих пор достаточно одного упоминания про тресковую печень, чтобы я почувствовал себя плохо, что, полагаю, происходит и с моими лагерными дружками, если кто-нибудь из них, дай *дедушка*, ещё жив.

Эх, лет пять перезимую,
буду кожицу дубить:
полетел на Колыму я, –
чтобы филки [157] там срубить!

[157] Деньги – феня

Глава 69. О ТРЕСКОВОЙ ПЕЧЕНИ (Байка Васюхана, окончание)

И вот после дембеля, проведав родителей и друзей, я решил улетать в один из северных городков – во-первых, вспомнив, что именно там живёт моя любимая тётя Ира и её муж Миша, и, во-вторых, чтобы заработать приличные деньги после армии.

– Тётя?! Дядя?! – вновь вскричал бывший текстильщик, да так громко, что все вздрогнули, включая рассказчика. – А у меня вот никогда никого не было, кроме дедушки Михея и бабушки Федóры, а сейчас только Зуля одна, да и то не совсем родственница…

– Серёжа, яйчики-бабайчики, – твёрдо перебил его покерный гуру. – Завязывай мешать плавному течению васюханской мысли, иначе будет как сегодня ночью!

Сторож страшно испугался такой перспективы и поинтересовался, что же было минувшей ночью.

– Да спать пойдёшь – преждевременно!

Угроза подействовала, тем более что Салихдзяныч неожиданно залез в карман штанов, вытащил оттуда моток скотча и тщательно заклеил рот перебивальцу[158].

[158] А ведь этот скотч попал в карман старшего прапорщика ещё в главе 21 данного тома – прим. гл. редактора

– Васюхан, продолжай, – попросил Володя, после чего рассказ плавно потёк в прежнем направлении.

– Да, так вот, тётя Ира встретила меня, как будто мы расстались вчера, хотя не виделись без малого 12 лет.

– Как хорошо, Василий, что ты приехал, – сказала она мне, – я ведь все эти годы переживала о тебе и даже нашла готовую жену!

Это было так неожиданно, потому что ни о какой женитьбе я тогда ещё не думал, и высказал свои сомнения тёте.

Ох, родня моя бранится –
так и тащат на кровать!
Я же не готов жениться,
а готов поблудовать!

– Просто ты её ещё не видел! – вдохновилась тётя Ира своей идеей. – Мало того, что она старший товаровед на продуктовой базе, и у неё, слава *дедушке*, трёхкомнатная квартира, как твой музей, так она ещё и красавица, и чтоб мой Миша был так здоров, как у неё лифчик пятого размера, а это тебе не фунт изюма!

До этого дня я не подозревал, что женские лифчики мерят фунтами сушёного винограда, и согласился, тем более что тётя Ира уверила меня, что Бэла (так звали красавицу) со своей мамой ждут их в гости завтра – на ужин. Кстати, мама у Бэлы – очень приличная женщина: я её обшиваю у себя в ателье ещё с тех пор, как был жив Брежнев.

И вот назавтра мы попали в гости. Квартира действительно была похожа на музей, а Бэла тут же напомнила мне девицу, с которой танцевал удалой сантехник Афанасий Борщов в фильме «Афоня». Красавица ростом под метр восемьдесят действительно смотрелась эффектно, а торчащая вверх огромная грудь давала надежду на то, что в старших товароведах она надолго не задержится, а довольно скоро станет или директором базы, или даже руководителем всего управления! И только сидящая рядом её мама портила впечатление, ибо, глядя на неё, становилось ясно, во что превратится её 23-летняя дочка лет через десять-пятнадцать.

Желтокожа, криворожа
плюс задатки бороды:
если дочка так похожа
на отца, то жди беды!

После того, как тётя Ира рассказала хозяевам, что я только что прибыл из армии, где *работал* в тюрьме, мама и дочка стали смотреть на меня жалостливыми глазами и готовы были облагодетельствовать после выпавших на мою долю армейских мытарств, и уж как минимум хорошо покормить для начала.

Тётя называла маму Бэлы мадам Долинская, а она тётю Ирочка. Они без умолку болтали о нас с Бэлой, как будто нас не было за столом, и только время от времени мадам Долинская совала мне в рот очередной бутерброд с различными деликатесами, причём, делала это так естественно и бесцеремонно, как только может делать одесская еврейка, готовая облагодетельствовать всё человечество, а, значит, имеет право позволить себе пренебречь житейскими условностями. И если бы вдруг кто-нибудь упрекнул её в бестактности, она бы искренне удивилась: «А шо такое? Шо, я ему в рот какашки толкаю? Слава *дедушке*, у нас есть что покушать за сегодняшний день. Мальчик получил своё в тюрьме, так пусть покушает вкусненького!»

Кстати, между мной и Бэлой установились нормальные отношения понимающих друг друга людей, и мы оба ждали, когда её мама наговорится с тётей Ирой, чтобы мы могли откланяться.

Мы ж с сестрою не хабалки –
ограничимся хурмой.
Как, всё съели? Ах, как жалко –
нам и впрямь пора домой!

Не знаю, сколько бы нам пришлось слушать этот бабский трёп, но тут вдруг я почувствовал, что мадам Долинская засовывает мне в рот бутерброд с паштетом… из тресковой печени! Я вылетел из-за стола быстрее, чем пуля из «Смит-Вессона», чтобы меня не вывернуло, и по-спринтерски поскакал в совмещённый санузел. После того, как я привёл себя в порядок и извинился перед хозяевами, пришлось объяснить, что я в лагере переел именно тресковую печень и поэтому сейчас мне от неё так плохо.

– Так это что, по советским лагерям сейчас дают тресковую печень? – вскипела мадам Долинская от возмущения. – Так вот, оказывается, почему её не бывает в магазинах!

– Да-да, – невинно подтвердил я. – Как после XX съезда начали, так до сих пор и дают. Совсем замучали все тю́рьмы этой печенью…

В общем, на Бэле я так и не женился.

Глава 70. НО ЖИВ БЕРМУДСКИЙ УЧПУЧМАК! (продолжение продолжения)

Да, отправились клошары в свой очередной добывальческий рейд, но с их уходом на просторах Великого ▲ просторнее не стало. То ли сказывалось здесь то, что эта плотность народонаселения на столь небольшом клочке земной суши была привычной для его обитателей, то ли плотность эта казалось ещё более возросшей из-за дня недели, в который происходило наше повествование, то есть воскресенье.

Это, конечно, не означало, что кое-кто из персонажей умер ещё в начале недели (или, в нашем случае, в первом томе романа), а потом вдруг взял да и воскрес, как некий литературный герой, именно в последний день недели, и в честь этого события седьмой день так и назвали.

За 73 года советской власти (б) люди привыкли к тому, что воскресенье – это замечательный день недели, когда надо не отдыхать, а постирать и высушить бельё, приготовить еду́ на несколько дней вперёд, ибо вечером сделать это будет просто некогда, потому что работа у всех, как правило, заканчивалась в 18.00, а домой если попадёшь часам в 8 вечера, то это хорошо, а бывает и позже – пока намаешься в по́лу-, а то и часовом ожидании автобуса, где во время поездки хорошо перетолчёшь натруженные за рабочий день части организма, да прогуляешься от остановки пешочком, да основишься ещё на полчаса-час возле магазина, где уже скопилась очередь, которая на вопрос *что дают*, отвечает уклончиво, потому что и сама не знает, но стоять всё-таки надо, ибо всё, что неожиданно *выбрасывают*, непременно пригодится.

Что котлеты из резины,
что бифштекс из комара –
что давали в магазине,
то мы дома и сжира…

К воскресному отдыху можно было также присовокупить и глажку мужниного костюма, и собственного платья, и кучи одежды, в которой дети завтра пойдут в школу, а если на ней (одежде, а не школе) оказались пятна, то надо удалить и их, чтобы показать соседям, что мы живём не хуже остальных и обносками не пользуемся.

Поэтому никто не удивился, что на специальной площадочке, где между нескольких столбиков были натянуты толстые верёвки из магазина «1000 мелочей», уже плотно висели ряды постиранного белья, а по бокам этого нового урбанистического образования даже была выставлена охрана в количестве двух человек женского пола – с западной стороны это была медработник Ариадна Сергеевна Покровская, соседка Володи с третьего этажа и мама двух девочек с именами Таня и Таня[159], а с восточной – хорошо знакомая моему читателю старшая по дому № 17 Жанна Пантелеевна, фамилии которой Альбионыч не знал, и потому называл её кратко Ж П.

[159] О приключениях Покровской – в главе 76 «Нить Ариадны» второго тома романа – прим. гл. редактора

Обе женщины хорошо *отдохнули* с утра и теперь охраняли плоды своего отдыха, но, разумеется, не от воровства, так как народу в Бермудском Учпучмаке было предостаточно, а от того, чтобы дворовые дети в своих стремительных играх не приближались к сушильной площадке слишком близко, принося своими вихрями клубы пыли.

Всё, что дети измарали
(или муж пролил вино),
хорошенько постирали,
чтоб не пачкалось оно!

И это было очень мудро, ибо дворовые дети или перемещались так бесконтрольно и стремительно, словно исполняли монгольский народный танец биелгээ[160], или дружно делали вид, что веселятся и ликуют, как *весь народ* в известной «Дорожной песне» русского композитора Глинки. «Вот кто доволен собой и живёт не как может, а как хочет...», позавидовал литератор, имея в виду, разумеется, не Глинку, а именно дворовых детей.

[160] Танец суставов – монг.

Чтобы было не скучно, Ариадна Сергеевна и Жанна Пантелеевна обменивались репликами по поводу всего, что или кто попада́л в поле их зрения. А посмотреть здесь было

на кого! Во-первых, рядом с площадкой для белья размещался Старушечий Столик, или, как кратко называл его Кулемзин, СС, за которым проходила параллельная *русской кочерге* карточная битва с весёлым названием *в дурака*. Он заметил, что очередная игра только что закончилась, и понял, что проиграла тётя Шура, так как сидела с выражением лица кинозрительницы, которой перед сеансом злая билетёрша успела шепнуть, кто же убил дворецкого. Выигравшие тётя Надя и тётя Лида о чём-то перешёптывались, секретничая, словно старшеклассницы. Четвёртая старушка из соседнего дома по имени Вера Антоновна участия в игре не принимала, так как дремала, как Кутузов на военном совете в Филях.

Пенсионеров стало до хрена –
превышена критическая норма,
а, значит, после выборов нужна
другая пенсионная реформа!

Поодаль, но не так далеко, чтобы не слышать диалога, стояла ещё одна володина соседка – железнодорожница Ира со своей подругой, которую раньше никто не видел. Володя давно догадывался о соседке, что чем меньше девушка прочитала книг, тем сложнее дизайн её маникюра, и вот сегодня его догадка обрела полную уверенность: каждый из десяти ногтей проводницы был своего цвета, хотя ранее физики насчитали в спектре их всего семь. И здесь писателя пронзила ещё одна догадка, как бы усложняющая первую: Ира в детстве не прочитала именно 10 книг!

– Так тяжело найти любовь! – громко вздыхала работница шпалы и рельсы.

– Это ты ещё работу не искала... – в ответ вздыхала подруга, но Ирина тут же перевела разговор на более привычную ей тему:

– Вчера смотрела фильм по телеку – что греческое, какая-то «Греческая шелковница», что ли, так там, представляешь, показали новую необычную позу!

– Да ну! А какую?

– Она снизу, а он сверху. Ретро называется!

– Ни хрена себе! Надо попробовать…

Как хочется порой, ребята,
на всё забить, ругнуться матом,
бухнуть, по роже дать соседям...
Но мне нельзя, ведь я же леди!

В этот момент Альбионыч заметил, как старший прапорщик, только что пялившийся на Иру и её подругу, вдруг скосил глаза вправо. И было отчего: из второго подъезда вышла молодушка Таня, толкая перед собой коляску со своим дико орущем младенцем, тут же занявшим первое место по крику среди всех дворовых детей. Таня не растерялась и отточенным движением сунула ему соску, отчего малыш мгновенно успокоился, как будто только и ждал долгожданной *пустышки*. А писатель, глядя на нехитрую бытовую сценку, вспомнил свой старый стишок на эту тему:

Человеческий детёныш,
начинай по жизни путь.
Ты пока что несмышлёныш,
и сосёшь у мамы грудь.
Постигай своим умишком
вековечный наш уклад:
взяли – сунули пустышку…
Привыкай к обманам, брат!

Глава 71. НО ЖИВ БЕРМУДСКИЙ УЧПУЧМАК! (окончание)

Здесь эстафету неспокойного младенца внезапно перехватила спящая пенсионерка Вера Антоновна. Внезапно проснувшись, она неожиданно, как алкоголик на свадьбе своего лучшего друга, громко завела старую песню, о которой забыли уже все, жившие когда-то в Стране Советской (б):

На Муромской дороге
стояли три сосны.
Со мной прощался милый
до будущей весны.
Он клялся и божился
со мной одною быть,
на дальней на сторонке
меня не позабыть…

Потом она остановилась, поморщилась, что-то тихо прошептала, как человек, забывший слова́, и снова уснула. А марсианин, вспомнив старый земной *принцип триады*, снова поглядел на Батыршина и невольно усмехнулся своей догадке, ибо Талгат в третий раз перевёл взор, на этот раз ещё правее – на условный катет, составляющий Бермудский Учпучмак с западной стороны. Там, как и несколько дней назад, появилась группка старшеклассниц, которые наконец-то завершили практические занятия по биологии, выражавшиеся в окучивании школьных деревьев, и теперь о чём-то увлечённо беседовали.

«Наверное, они, мать моя советская педагогика, обсуждают начало завтрашнего школьного года», наивно подумал педагог Курманбаев, и хорошо, что не сказал эту глупость вслух, так что учпучмакские кусты в этот раз не приняли порцию экзотических излияний саксаульского унтер-офицера. А девицы в это время подошли ближе – так, что стало их лучше и слышно, и видно.

«Да, яйчики-бабайчики», подумал марсианин, «девушкам, у которых в 9 классе есть на что посмотреть, в 10 классе уже есть что рассказать…»

Первое, что бросалось в глаза, были их ноги – длиннее, чем список орденов у Брежнева. А, может, это только казалось – из-за юбочек шириной с ваучер, глядя на которые, писатель вспомнил своё старое изречение, что уже давно покоилось где-то между страничек полтавцевской книжечки «Для му.мы.»:

Женское платье – это целая философия:
чем меньше в нём материи,
тем больше захватывает дух!

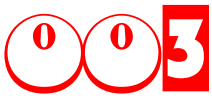
Когда мужчина заморгал глазами
и опустил их скромненько чуть-чуть,
не думайте, что он согласен с вами –
скорей всего, он пялится на грудь!

Второе, на что обращалось внимание, было то, что девицы курили похабно и напоказ, загнаивая никотиновыми смо́лами свои нежные внутренности, и не прерывая этого занятия, что-то говорили друг другу, причём, такими словами, что Кулемзин даже вспомнил строки из своей так и не оконченной повести о Февральской революции 1917 года: «Сначала покраснели ломовые извозчики, потом покраснели их лошади, а барышни из Смольного института всё стояли и увлечённо продолжали свою невинную беседу…»

Глядя на густые никотиновые клубы́, достигающие, несмотря на расстояние в три метра, даже покерного столика, Альбионыча пробило на ещё одно воспоминание из далёкой юности, когда он был студентом Саксаульского госуниверситета, и однажды, заскочив за какой-то справкой, в студенческую поликлинику СаксГУ, увидел на стенке медицинско-профилактический плакат, который, как сейчас выяснилось, запомнил на всю жизнь:

Каждая третья курящая
женщина кончает раком!

Третьим бросающимся в глаза были (извините за тавтологию!) какие-то коровьи глаза девушек, густо накрашенные, видимо, с целью выделить то, что наиболее удалось природе. Они то и дело доставали маленькие зеркальца и коротко любовались собой, а одна из них, у которой в уши были воткнуты маленькие наушники, даже приплясывала от звучащей в черепе музыки, но не оставляла своего занятия, ибо вместе с энергичными телодвижениями вожделенно предавалась косметике. Кулемзин с тревогой смотрел именно на неё, так как в уме уже набирал номер некой скорой глазной помощи, помеченной в его запоминательном центре не только цифрами, но и весьма выразительной картинкой:



Новым в новые времена было и то, что школьницы болтали, нисколько не обращая внимания на окружающих, густо перемежая и без того немудрёную речь бесчисленными прилипчивыми *как бы*, *реально* и *типа*, но особенным своим достижением считали молодежно-дебильное *прикинь*.

– Катька, прикинь, меня Васька вчера замуж позвал!
– Чё, прям так реально позвал?
– Ну да! Я типа новое платье надела и спросила его: «Нравлюсь?»
– А он?
– А он как бы в ответ сказал «ХЗ»
– А эт’ чё такое?
– Ну, наверное: «Хочешь замуж?»

Они были и ю́ны, и ми́лы,
но было разное в них:
у Лены два яблока было,
у Тани – две дыни больших.
Задачка предельно простая,
условия все ты прочёл.
Ответь-ка теперь, не считая:
кого б ты из них предпочёл?

И тут на условном горизонте вновь появились Танкист с Одиссеем, которым хватило ровно четырёх глав, чтобы сделать круг по глобусу второго микрорайона и вновь вернуться в Бермудский Учпучмак.

Глава 72. «ДА КОГДА ЖЕ ВЫ ИГРАТЬ ПРОДОЛЖИТЕ?»

Все сидящие на покерной скамеечке с тревогой заметили вновь появившихся *аликов*, зная володину слабину по поводу их блатных песенок, разученных во время *отсидки*. Но оказалось, что у этих асоциальных элементов были свои понятия о порядочности, ибо они

уверенно прошли мимо игроков на расстоянии 4,44 метра, вовсю горланя русскую народную песню о странном персонаже, сбежавшем с каторги, а после «Байкал переехал» (?!), словно в XIX веке, когда была написана эта песня, простой русский каторжанин катался по озеру если не на *бумере*, то уж на *запорожце* точно!

А сам Кулемзин в это время с тревогой обозревал подотчётный коллектив из пяти индивидуумов, которые выглядели так плохо, словно сейчас было не утро, правда, приближающееся к полудню, а как минимум 20.00, когда рабочий день, давно превратившийся в активный отдых, уже закончился, и все – несчастные от расставания друг с другом – собирались по домам.

Снова славим мы субботу –
вся неделя просто жуть:
мы закончили работу –
наше право отдохнуть!

Вот старший прапорщик Батыршин. Он сидел на са́мом краешке покерной скамеечки, только чудом удерживаясь на отполированной задами игроков деревяшке. Это было плохо, но ещё хуже был цвет его лица́ – коричневый как у предынсультника.

Вот педагог Курманбаев. Он тоже отличался от других цветом лица́, правда, в отличие от военного музыканта, сидел красный, как гоночная *феррари*.

Вот сторож-охранник Полтавцев. Этот не делал ничего, но каждому, посмотревшему на него, было явственно видно, как он судорожно копается в своих куцых мозгах, видимо, отыскивая какие-то нужные слова, чтобы раскрутить спонсора коллектива на заветную бутылочку «Жигулёвского»

Вот старший джус Митрохин. При взгляде на него становилось ясно, что жизнь решила выместить на нём весь спектр локальных несчастий: во-первых, он так и не научился играть в *русскую кочергу*, во-вторых, сидел на плохом конце покерной скамеечки, который попада́л прямо под палящий лучик солнца, и, в-третьих, у него был такой обалдевший вид, словно вместо привычной яичницы с колбасой он проглотил на завтрак лошадиную дозу мускарина[161]. К тому же, от переживания, что чёрствый гуру не возьмёт пивка до конца ненавистно-затяжной первой партии, на его щеке выскочил какой-то неопознанный медициной шанкр.

[161] Алкалод, вызывающий галлюцинации – прим. мед. и хим. редакторов

– Ugris vulgaris[162], яйчики-бабайчики?– по-отечески поинтересовался Володя.

[162] Юношеские прыщи – лат.

Ох, суровая ты доля –
без водяры, без винищ:
от нехватки алкоголя
посетил меня вдруг прыщ!

Вот художник Муравлёв. У Альбионыча, взглянувшего на него в этот момент, невольно вырвалась страшная фраза, хотя он, как писатель, старался избегать именно страшных фраз:

– Не бойся старости, Валера, – она ведь в конце концов проходит…

И только сам марсианин был спокоен и терпелив, точно впавший в анабиоз варан. Он, как соавтор нашей великой книги, видел глубинную суть происходящего, а оно заключалось в том, что всех – и игроков, и их верных оруженосцев – роднило одно: их гло́тки бы-

ли сухими, как прорехи в войлочной обивке. И надо было быть страшно чёрствым человеком в звании не меньше штандартенфюрера СС, чтобы не помочь этим персонажам, с каждой секундой становившимся всё меньше похожим на людей.

Что же делать с мозгом мшистым?
Как его развеселить?
Надо просто быть фашистом,
чтобы нас не похмелить!

«Что же делать?», иронично подумал писатель и даже задрал голову вверх, как это нередко делал Серёжа – в поисках несуществующих в небесах ответов. И тут оказалось, что на него (писателя, а не Серёжу) взирают сразу два живых существа, невидимых остальным: это была карликовая русалка, давно получившая прописку на старом карагаче, и ворóна, иногда комментирующая игровую и иную деятельность знатных бермудцев. Вот и сейчас она (ворóна, а не деятельность) посмотрела на покерного гуру и внятно произнесла словá, понятные лишь ему самому́:

– Да когда же вы игр-р-рать пр-р-родолжите, чер-р-рти?

«Ничего, доиграем!», мысленно ответил ворóне Володя и толкнул в бок живописца:

– Включай второе дыхание, сынок! Видишь – пиво-то совсем кончилось… Пожалуй, я сам и схожу. А ты поможешь донести?

– Да я, святой Малевич… да ты… да мы… – задохнулся от счастья Валера и даже добавил удачно припомненную фразу из какой-то старой пьесы Александра Островского:

– Сей момент!

После бани весь распарен,
было счастья много чтоб,
«Водки мне!», промолвил барин.
«Сей момент!», сказал холоп.

И тут Афанасьич, почувствовавший, что наступил его звёздный час, как бы небрежно бросил реплику в сторону потенциальных ходоков:

– А, может, ма-а-а-а-а-а-аленькую бутылочку коньячка возьмёте?

– Для чего? – прямо спросил его Володя.

– Для отрицания разочарования, – ответил семижопинец и тут же испугался даже не столь умных слов, а их построения в одной короткой фразе.

– Нет, старичок, не возьмём.

– Почему, мать честнáя? – по-детски обиделся бывший текстильщик.

– Послушай лучше короткую басню – в моём исполнении, и я думаю, что ты сам всё поймёшь!

С похмелья поутрý страдая,
нашёл мужчина марочный коньяк,
и молвит: «Не могу понять никак:
ну, что за ценность в нём такая?
Глупцы его пьют часто по чуть-чуть,
а сколько денег стоит эта муть?
Дешёвой водки для меня вкусней
на свете не отыщется, ей-ей!»

♠ ♠ ♠

Вот так иной, не зная вкуса,

способен лишь плохое восхвалять,
а если снизойдет вдруг благодать –
напрасны будут все искусы!

«Как же это понять?», прослушав басню, «задумался» Полтавцев, а вслух спросил баснечитальца:

– Надеюсь, ключевые слова́ здесь – *дешёвой водки*?

– Нет, Серёжа, ключевые слова́ здесь – *напрасны будут*!

После этого старший ходок попросил сторожа опростать свою котомку – на предмет последующего заполнения её более ценными вещами, нежели те, которые сейчас вывалились на покерный столик. Кроме книжечки «Для му.мы.», которой, по слухам, уже всерьёз заинтересовались американское ЦРУ, российская СВР и великобританская МИ-6, взорам страждущих на этот раз открылись следующие предметы:

на треть обгрызенный круглый калач, посыпанный кунжутом, но потерявший не менее 100° от съедобного круга;

бадминтонная ракетка без нитей;

не совсем круглый шарикоподшипник со следами укусов;

небольшая уздечка, видимо, для циркового пони

и наклейка жёлтого цве́та, защищённая с обратной стороны белой бумажкой, с зачем-то приколотой к ней скрепкой.

Амулеты, пистолеты,
партбилеты, сандалеты
и дипломы трёх врачих:
я люблю носить предметы –
не украли чтобы их!

Все собравшиеся, кроме хозяина хурджина, рассматривали диковинные предметы, а наклейкой особо заинтересовался Володя, который никогда не упускал возможности изучения печатного слова в любом виде. Наклейка была напечатана вроде бы русскими буквами, но своего смысла не открывала.

– Серёжа, это что? – тщательно изучив наклейку, поинтересовался литератор.

– Извини, братан, но боюсь, что ты не поймёшь, – виновато ответил охранник.

– И всё же? – строго повторил вопрос Альбионыч.

– Да так, само вчера навеялось, – пояснил владелец таинственной вещи.

Глава 73. ОКОНЧАНИЕ СОЦИУМа

«Сам ты фуфулекс!», подумал спонсор, отдал котомку Николаичу и отправился вместе с ним (Николаичем, а не фуфулексом) на очередной поклон к золотозубой Калиме. Поход был недолгим: уже минут через пять на покерном столике весело зазвенели приятно прохладные бутылочки, а на самом краю́ Володя, до этого зачем-то заглядывающий под столик, поставил на него пустую жестяную баночку вместимостью в 0,33 литра, рассчитав, что в неё уместится ≈ 146 окурков различной длины.

– Это что? – увидев баночку и даже – на всякий случай – понюхав её, поинтересовался Митрохин.

– Это, Васюхан, мой личный вклад в мировую систему экологии, – объяснил марсианин. – Так что попрошу окурки больше под столик не бросать!

И решили полудурки,
как деньжищи загребут:
«Соберём за год окурки
и сдадим в приёмный пункт!»

– Эх, начать да кончить, йодистая баночка! – неожиданно вскричал Талгат, отставил в сторону свою бутылочку «Маршала» и, достав из кармашка уже наполовину использованный *чинарик*, чёрный с одного конца, другим концом сунул его в рот, щёлкнул зажигалкой, которую учпучмакцам на днях подарил бывший володин водитель Саша Дубровский, в два затяга добил окурок до конца, а потом торжественно бросил его в новый (прости, русский язык!) девайс.

«Вообще-то можно было газ и не тратить», подумал литератор, «а выбросить эту гадость сразу!»

Через несколько минут, когда первая (а на самом деле уже какая по счёту!) жажда была утолена, Альбионыч поднял указательный палец правой руки, ибо был правшой, призывая коллектив к вниманию.

– Ну, что, яйчики-бабайчики, продолжим наш СОЦИУМ? – предложил он.

– В смысле, мать моя партия? – поднял бровки Мусаич.

– Я имею в виду нашу игру, – пояснил главный русский кочергист, – которую я называю СОЦИУМом исключительно аббревиатурно:

Символ
Общих
Ценностей
Интеллектуально-
Универсального
Мастерства

Затем он открыл *раскладку* и с горечью убедился, что до конца первой в этот день партии осталось ещё играть да играть – последний разыгранный роббер случился на 12 картах после *тёмной*, а, значит, суровая битва будет продолжаться ещё целых 12 робберов! Но, как хорошо известно моему читателю, нет такой высоты, которую не смогли бы покорить знатные русскокочергинцы!

Пусть мы в чём-то тугодумы,
пусть других мы и косей,
на любую высоту мы
заберёмся хеврой всей!

Курманбаев взял колоду, тщательно растасовал её, условно помолился своим верным друзьям Марксу и Энгельсу, чтобы поддержали его в ходе битвы с оппортунистами всех мастей и наконец сдал игрокам по 11 карт, после чего выложил на остаток колоды козырную карту – бубновую двойку.

Все насторожились, ибо игровой опыт подсказывал, что если кто-нибудь сейчас объявит мизе́р, то не сможет воспользоваться этим самым крупным козырем – в данном случае. И, как уже не раз насмехался над бермудскими покеристами великий Случай, так оно и произошло. Лучшая карта в этом роббере досталась Серёньке Афанасьичу – в его корявые руки пришли сразу четыре козыря, причём, один меньше другого, но главное было в другом, ибо к козырям сторожу достался серьёзный бонус в виде аж трёх джокеров. Настораживало Полтавцева лишь то, что могло случиться одно из двух: или у кого-то окажется главная карта в игре – покер, или этот же покер лежит сейчас себе в остатках колоды и тихонько посмеивается.

Хорошо при капитале –
он как *нарику* гашиш:
мы о покере мечтали –
получили жирный шиш!

И тут семижопинец почувствовал, как внутри его пропитого организма возникла горячая волна радости от будущей победы: всё клокотало и бурлило, кровь кипела, внутренние соки бежали по разным о́рганам, сталкиваясь друг с другом, а сердце билось так, что на его бывшей белой маечке подпрыгивала иностранная надпись Puma, которую Серёжа много лет читал как русскую Риту. «Надо брать себя в руки!», решил он, дождался заказов старшего трубача в три взятки и стал ждать вердикта Володи.

Все посмотрели на Альбионыча и вдруг поняли, что, пялясь в свои карты, он молчит уже целую минуту, а это означало то, что ему на этот раз пришёл такой сложный расклад, что не сразу и разберёшься, что лучше сделать: объявить пас или 5 взяток, сыграть блеф или вообще уйти домой, плюнув на общий рейтинг! Такое бывало крайне редко, поэтому игроки с почтением замерли и стали дожидаться решения своего гуру. И вот теперь, мой читатель, почувствуй ещё раз, как повезло именно тебе, ведь ни один из персонажей романа так и не узнал, что в эту минуту писатель, который давно решил объявить три взятки, просто задумался над секретами бытия, и только тебе одному сейчас будут открыты эти мысли:

«По-моему, разум или, шире говоря, сознание – это некая стеклянная полупроницаемая стена, отделяющая человека от того, что мы называем душой, витающей в природе и изредка бьющейся, как птица, в это непробиваемое стекло в тщетной попытке предупредить, предостеречь, предотвратить. Но чем прочнее разум, чем здоровее психика, тем меньше у души шансов быть услышанной… Как же хорошо, что перед завершением этого роббером я догадался спонсировать коллектив по поводу любимого напитка!»

Я живу жизнелюбиво –
как мотыль на ковыле:
расширяет разум пиво –
до пределов всей Вселе…

После этого Кулемзин всё-таки объявил свои три взятки и дождался звонкого голоса охранника:

– Пас, царица лесная.

Все переглянулись, но подвоха, на удивление, не почувствовали.

Оставалось сделать заявку только педагогу. Нуртай сложил три и три, получил шесть, прибавил серёжин пас и стал изучать свои карты. Они были ни хороши, ни плохи, а так – что-то среднее ближе к крупному. И это обстоятельство повлияло на его решение – он победно обвёл орлиным партийным взором своих противников и уверенно заявил:

– Пять, мать моя КПСС!

Живописец Муравлёв, который в этот момент неожиданно почувствовал, что начал что-то понимать в столь сложной игре, наклонился к уху старшего джуса и таинственно прошептал:

– Одна взятка *рвётся*!

Васюхан не понял, о чём это, но покачал головой и улыбнулся сообщению так широко, что большевик строго прикрикнул:

– Вы это… не подсказывайте друг другу… а то обоим по минус 100 очков!

Марьиванна бьёт указкой,
принимая веронал:
наказала за подсказку –
двойку *втюхала* в журнал!

И тут случилось то, что должно было случиться: внутри бывшего текстильщика всё успокоилось, сердце встало на своё место, кровь немного остыла, а внутренние óрганы приладились к привычным местам. Он торжествующе обвёл взглядом противников и добавил к своей заявке ещё одно страшное короткое предложение:

– Играем по мизéрам!

«Какой детсадовский вызов!», подумал Кулемзин. И как же он ошибся! Впрочем, как и остальные игроки тоже…

Глава 74. ОКОНЧАНИЕ СОЦИУМа (продолжение)

После объявленного мизéра первым стало плохо Салихдзянычу. Он, когда заказывал три взятки со своими козырными тузом, королём и валетом, да пиковым тузом впридачу, даже не мог подумать, что Сука-судьба в виде дурака Полтавцева подсунет ему как закуску к «Маршалу» не кусочек хорошо провяленного балхашского леща, а большой кизяк – от самой большой и глупой коровы.

«Хорошо только то, ёперный покер», подумал он, «что первый ход – мой!». Он поднатужил военный мозг и смело пошёл козырным тузом, который в данное время стоил меньше, чем вонючая пробочка от серёжиного «Жигулёвского». По правилам игры все были обязаны скинуть именно козыри, и все, предвидя итог хода, постарались отдать самые крупные карты, после чего Афанасьич забрал первую взятку одним из трёх джокеров. После взятки сердце сторожа сразу же перестало ощущать адреналиновый голод.

Адреналин, адреналин:
опять я лучший, я один!

И тут бедовый мизерщик придумал такое, что ранее его «разуму» не поддавалось вовсе, а, может, он просто вспомнил, как раз сто до этого так делал покерный гуру. Охранник смело бросил на столик второго джокера и произнёс:

– По младшим козырям, мать честнáя!

И опять же по правилам он даже мог не добавлять слóва *младшим*, так как при мизéре его противники *были обязаны* скинуться именно по самым маленьким козырям. Общий стон пронёсся над Великим Игровым▲, и самые крупные – в данном случае – козыри Талгата и Володи смирно улеглись под полтавцевского джокера. И тут Нуртай, слов-

но проснувшись, победно посмотрел на всех, включая Валеру и Васюхана, которые сидели тихо как мышки, боясь, как бы им тоже *не прилетело*, и забрал вторую взятку скромной пиковой семёркой, то есть покером!

– Так вот у кого он был! – простонал саксаульский унтер-корнет, как будто сейчас это приобретённое знание имело какое-то значение.

А ленинец, получив ход, а, значит, шанс, начал напряжённо думать, чем же ему пойти. «Выкручусь, выкручусь!», мелькало в голове безумца, рискнувшего заказать аж пять взяток. «Вот сейчас Серёжа ошибётся – и всё!»

«Вряд ли», подумал Альбионыч, «ведь все ходы давно рассчитаны и даже записаны во вселенской КОХ [163] », а вслух сказал:

– Как говорили в известном советском сериале «Вечный зов», *и никуды ты, милок, не денисси…*

[163] Книга Обозначенных Ходов – прим. автора

Никто не понял, к чему это было сказано, но всем, включая охранника, который сейчас был на коне, стало ещё страшнее.

Да что же, брат, за ахинея:
сменил сегодня я быка –
играю в карты на коне я,
но неудобно – конь брыка…

И если бы в этой игре был дозволены подсказки, то покерный гуру мог бы подсказать Курманбаеву здравую мысль: ходи ты чем хочешь, всё равно больше ни одной взятки не возьмёшь. Впрочем, именно это понимание ситуации случилось у Мусаича буквально через минуту-полторы, когда роббер был доигран. И, как и в любой игре на свете, итог его был печален для всех, кроме одного игрока, для коего итог оказался весёлым. Мой читатель уже догадался, что от души веселился сейчас Полтавцев, сделавший такую удачную ставку на блеф: из 11 взяток ему удалось захапать аж 9, отобрав немало очков у своих оппонентов.

Батыршин при этом пролетел на все три взятки, которые должны были принести ему 60 очков, но почему-то не принесли, литератор с трудом взял одну взятку из трёх заказанных, но хуже всего пришлось строптивому педагогу еврейского колледжа, который недобрал аж 4 взятки, потеряв на этом 75 очков! От го́ря его узкие азиатские глаза стали ещё у́же, как у японца, попавшего в позорное положение, когда на его глазах убивают хозяина, а он не может помочь ему, потому что запутался в развязавшихся шнурках гэта.

На короткие грабли
наступил самурай.
Харакири не нужно…

«Воля к победе – великая сила», подумал Володя и внимательно поглядел на Серёжу. «И, судя по всему, даже у психически больных…». Но он был доволен – потеря всего 25 очков практически не изменила его положение в *раскладке*. «Кажется, торпеда прошмыгнула мимо!», решил Альбионыч, но всё-таки насторожился, ибо если он так и остался на первом месте, то второе уверенно занял блефовщик Полтавцев.

А в это время значительно потерявшие очки Нуртай и Талгат принялись с пристрастием допрашивать счастливца-сторожа, хотя в правилах великой игры такого пункта не было и быть не могло.

– Серёжа, я-то думал, мать моя партия, что ты мой настоящий сосед! – горько восклицал пролетевший ленинец. – Разве же я тебе когда-нибудь в чём-то отказывал?

– А по прошлому году, – не задумываясь ответил экс-текстильщик, – я 18 мая попросил у тебя 60 назарбаксов в долг – поправить здоровье, ты мне их дал?

Было видно, что этот вопрос мучил его давно и вот так удачно был высказан именно сегодня.

– Так у нас в семье все деньги – у жены! – попытался отвертеться партийный.

Ох, паскуда и брюзжала –
чуть не сдох я поутру!
Деньги все жена зажала –
неужели я умру?

– А вот Вовка тогда тоже мне денег не дал…

– Ну, вот видишь! – обрадовался Курманбаев.

– …а взял да и купил мне аж три бутылочки «Жигулёвского» и сказал, что это подарок от чистого сердца. Вот с того самого дня я и знаю, что у Альбионыча чистое сердце, а у тебя, о презренный сосед…

Но его перебил Салихдзяныч, который тоже считал, что имеет какое-то право на справедливость – так, как он её понимал!

– Серёжа, зачем ты так поступил со мной? – ещё горше, чем Мусаич, спросил он.

– А с остальными? – уточнил семижопинец.

– Ты, старичок, не уходи от ответа, – сурово оборвал его младший фельдфебель саксаульской армии.

– А я и не ухожу, – ответил сторож. – Я здесь сижу! А то знаю я вас (здесь он неожиданно перешёл на разговор в третьем лице): сходил Серёжа домой попить водички, вернулся, а у него уже минус 4 очка в *раскладке*! С вами глаз должен быть как топор!

– В смысле, святой Малевич? – удивился живописец.

– В смысле востёр! – объяснил Полтавцев.

Говорили мне медсёстры,
видно, видя палача:
«Наточи топор свой óстро,
заруби им главврача!»

– Я должен был выиграть! – с безуминкой в глазах прокричал еврейский зять.

– Да я на твой выигрыш, – тихо проворчал Кулемзин, но был услышан, – назарбакса ломаного не поставлю…

– Это ещё почему, ёперный Фома? – неожиданно обозвал гуру Батыршин.

– Потому что по опыту знаю, яйчики-бабайчики, – если уж Серёже начинает *переть*, то будет переть до конца!

– Правда, царица лесная? – обрадовался охранник и даже стал подумывать о том, что стóит ли играть в полную силу, раз счастье и так придёт само!

«Старичок, даже не думай об этом!», втюхал ему прямо в «мозг» Альбионыч. «Наоборот, помогай фортуне как только можешь!».

Серёжа, услыхав эти суровые слова внутри тыквы, начал мотать ею в разные стороны и даже посмотрел вверх: уж не *дедушка* ли решил помочь ему сегодня? «А что, Нуртаю *иблис* помогает, а почему бы не помочь и мне?», подумал он, но развить мысль дальше не смог, так как с ветки карагача сорвалась и попала ему прямо в левый глаз чешуйка с хвоста карликовой русалки.

Чешуя попала в глаз –
прямо с целый ананас!

Глава 75. ОКОНЧАНИЕ СОЦИУМа (ещё одно продолжение)

Следующий роббер по важности стоял сразу же за предыдущим, так как игрался на 10 картах, где всё ещё оставалась возможность – при наличии хороших карт и хороших мозгов – исправить то, что случилось несколько минут назад. Но все игроки и даже их болельщики в лице Николаича и Васюханыча были взволнованы, а некоторые из них к тому же перестали сидеть, а хаотично перемещались в пределах УПС, или, чтобы было понятно моему читателю,

Условного
Периметра
Сражения

, то есть в квадратике, очерченным расстоянием по одному метру от каждой из четырёх сторон столика, зная, что дальше отходить не сто́ит, так как была очень больша́я вероятность быть сбитым роем ~~пчёл~~ дворовых детей, который не оставлял свои полёты над Бермудским Учпучмаком ни на секунду. И хорошо, что следующим сдавал карты Кулемзин, который не стал дожидаться восстановления порядка, а демонстративно начал свою подготовительную работу к робберу – громко и внятно считая, как на детском утреннике: «Раз, два, три, четыре, пять…» и далее, он стал раскладывать карты против мест привычной оккупации игроков. И это подействовало – покеристы вновь удобно упокоили на скамеечках свои самые прозаические части те́ла и схватили карты для изучения, а литератор после этой маленькой душевной победы даже стал называть себя (по числу участников битвы) *четвертейским* судьёй.

Здесь каждый правильно рассужен,
здесь каждый сразу поутих:
третейский ре́фери был нужен –
делить поллитру на троих!

Особо ответственно повёл себя Полтавцев, который не хотел терять с таким трудом завоёванного второго места. Он взял все 10 карт в обе руки и, близко-близко поднеся их к глазам, стал гипнотизировать каждую, пытаясь понять, как из всего этого хаоса можно слепить хоть какой-то внятный план для очередной победы.

– Серёжа, яйчики-бабайчики, сколько можно «думать»? – поторопил охранника Володя. – Ты вообще «думаешь» ходить?

«Думаю», закивал узкой, как дыня ич-кзыл[164], головой бермудский мыслитель.

[164] Так называемая ананасная среднеазиатская дыня, отличающаяся свежим ароматом – прим. биол. редактора

– Да думай не думай, мать моя КПСС, – как бы про себя произнёс партийный педагог, – а второй раз объегорить нас не удастся! Это я тебе ответственно заявляю.

– Ты не знаешь, про какого Егора говорит Нуртай? – потихоньку на ушко спросил антенщик Муравлёва.

Пил не водку, а кагор он –
и с работы вымели:
если назван ты Егором,

будь достоин имени!

Живописец, радуясь, что за годы дружбы с Володей набрался у него многих знаний, так же тихо прошептал в ответ:

– Скорее всего, про Лигачёва.

– Почему?!

– Так они же оба, святой Малевич, члены КПСС (б). Поэтому у них, хоть партия и распалась, до сих пор есть моментальная связь.

«Ментальная», хотел было поправить Альбионыч, но не стал, так как точно не знал, каким образом сейчас общаются бывшие коммунисты. А очередной скандал тем временем разгорался.

– А ты что думаешь, что я хуже тебя играю? – запальчиво спросил Серёжа.

Курманбаев не стал с ним спорить – он знал, что его игра и серёжина были по отношению друг к другу как 100 долларов и советские *рупь двадцать*.

С похмела болит в затылке,
нервы гнусто вопиют:
есть 100 баксов, но бутылку
в магазине не дают!
«Дай скорей! Ты что, резинщик?»,
продавцу кричу я. «Да!» –
потому что магазинчик
в Эсэсэре был тогда!

(А автор, который только что сочинил вот эти строчки, вынужден пояснить, что $ 100 в те времена могли быть только такими! Но их не принимал Госбанк СССР (б)…)

– Да-да, – продолжал глумливо вести себя Мусаич. – Александр ты наш Невский, победитель иностранцев! Впрочем, кому это я говорю?

– Да что же я, вашего Шурика Невестского не знаю, что ли? – возмутился Афанасьич. – Да это же он ещё в XIII веке выиграл первое шоу «Танцы на льду со звёздами»!

Здесь Муравлёв и Митрохин сначала посмотрели друг на друга, а потом потихоньку, но синхронно покрутили пальцем у виска – каждый у своего.

В дружбе важен принцип эха,
ведь иначе дружба – жесть:
если друг с катушек съехал,
помоги обратно сесть!

Но наконец свара прекратилась и покеристы сделали свои заявки: после разгрома Нуртай осторожно заказал всего одну взятку, Володя рискнул на трёх, его решению последовал Талгат, а вот Серёжа, раздосадованный, что его сравнили с Александром Невским, а

не, например, с Гаем Юлием Цезарем, не стал скромничать и, забыв наставления покерного гуру, сделал гигантскую ставку – в пять взяток.

– А вот теперь *рвётся* две, – проинформировал живописец старшего дужуса, и Васюхан, сделав вид, что начал что-то понимать в игре, тревожно покачал головой.

Но игра опять не началась, так как выяснилось, что от обиды свою последнюю фразу сторож нечаянно сказал вслух, чем не преминул воспользоваться всё тот же большевик.

– Можно подумать, – сделал он вторую попытку обидеть соседа, – что ты знаешь, кто такой Цезарь?

– Да то же я, вашего Гая Юльевича не знаю, что ли? – уже чуть не плакал охранник. – Это же он сразу три вещи делал одновременно: сидел в туалете, курил и читал газету!

Было видно, что бывший текстильщик сильно расстроен, потому что всем стало слышно, как в его тыкве запикали какие-то сигналы тревоги.

У истории вся сумма
перепутана, как спрут:
много планов Цезарь думал,
но подвёл его друг Брут!

Преподаватель еврейского колледжа не стал ему отвечать, так как посчитал свою миссию по выведению из равновесия одного из противников выполненной, но всё же выдавил из себя, как повидло из пирожка, улыбку, правда, кислую, точно недозревшая клюква.

А у Полтавцева сигналы тревоги уже не просто пикали, – они гудели, как заводские гудки серёжиного детства, когда его рано утром будили эти неприятные звуки, вызывающие деда Михея на работу в единственное в деревне Семижопино предприятие – скорняжную мастерскую, где он и работал, пока не вышел, как выражалась бабушка Федóра, «на пензию»

Первый ход был старшего трубача, и он, не долго думая, бросил на столик старшего джокера и произнёс роковую фразу:

– По ёкарным козырям!

Тяжкий, утроенный общей бедой, вздох пронёсся над территорией нашего великого романа – всем пришлось скинуться по старшим козырям, так как ни у кого не нашлось покера, чтобы перебить батыршинский заказ. А шнапс-капитан, теперь уже уверенный в победе, положил на столик ещё одного джокера – на этот раз младшего, и повторил своё заклинание слово в слово.

«Да, в покере, яйчики-бабайчики, Кулемзина обидеть может всякий», успел подумать Альбионыч, «но не всякий успевает извиниться…», но, как и остальные, распрощался с ещё одним козырем.

Хуже всего пришлось Серёже, который, как помнит мой читатель, сдуру заказал аж 5 взяток. В таких ситуациях простой русский человек снимает шапку и чешет затылок. Охранник, вспомнив об этом, поднял руку, завёл её за тыкву, но, не обнаружив на ней никакой шапки, тут же передумал. Голова оказалась нечёсаной и, как следствие, недополучила свою порцию массажа, что и привело к самым плохим последствиям.

«Вот ведь память моя вражья»,
объяснялся тёще зять,
«записался на массаж я,
но забыл алтушки[165] взять!»

В общем, на этот раз блеф сыграл военный музыкант! Правда, Афанасьич, у которого от всего происходящего ум стал заходить за разум, обвинил во всём… Кулемзина!

– Володя, ты же обещал, что мне теперь всё время будет *переть*!

– Но там же было и второе условие, – улыбнулся гуру, – всеми силами помогать фортуне! А ты ей помог?

[165] Деньги – феня

Глава 76. ОКОНЧАНИЕ СОЦИУМа (и ещё одно продолжение)

– А знаете ли вы, други и Нуртай, что до конца моей первой части осталось всего 10 страниц? – спросил Володя и испугался ответной реакции, ведь даже привычно (прости, русский язык!) толерантные к его «психическим», как их называл Серёжа, словам Валера и Васюхан смотрели на него, как на придурка.

«Спасать товарища надо!», решил Салихдзяныч, тут же выступив с предложением:

– Предлагаю слова́ нашего йодистого ВОВЫ в протокол не заносить, а вот в *раскладке* посмотреть, кто там сдаёт следующий!

Предложение было принято единогласно – пятью голосами *за*, включая самого́ Кулемзина, и одним голосом *против* – сами знаете кого, который хотел бы занести слова́ покерного гуру именно в протокол!

Под влияньем алкоголя
похищенье пепси-колы
и разбросы чешуи:
в милицейском протоколе –
это *подвиги* мои!

– А почему ты так странно, мать честна́я, произнёс имя Володи?

– Так учусь у него какой год, – признался корнет. – ВОВЫ в данном случае не имя, а сокращение, или, как научно называет их Альбионыч, абракадабра!

«Аббревиатура!», хотел поправить его писатель, но подумал: а вдруг тот прав?

– А как переводится, святой Малевич? – поинтересовался художник, который тоже давно мечтал овладеть этим хитрым искусством.

– А вот как, – ответил старший прапорщик и нарисовал веточкой в пыли под ногами четыре сло́ва в столбик:

Великий
Организатор
Великой
Ыгры!

Удивительно, но последнее слово не смутило никого, просто педагог с высшим образованием не вовремя подавился слишком большим глотком пивка.

– Здо́рово! – обрадовался Николаич. – А можешь вот так же слово МУРАВЛЁВ расшифровать?

– Запросто! – похвалился Батыршин, но был остановлен *записывающим*:

– Талгат, давай оставим твоё внезапно начавшееся филологическое образование на пото́м. Кстати, именно тебе сейчас следующий роббер сдавать…

Сидим с утра, как дурачки,
надеясь на успех,
ведь карт всё меньше, а очки –
ну, разные у всех!

Талгат быстро сдал всем по 9 карт, и по заведённому правилу всем было дано секунд 30-40 на то, чтобы их оценить, а потом сделать заказ. С этим быстро справились и Володя, и Нуртай, а вот на Серёже дело застопорилось, поэтому сдающий татарский воин, который должен был заказывать последним, ждал именно охранника.

– Старичок, яйчики-бабайчики, – невинно поинтересовался писатель, – а ты случайно никуда не торопишься?

– Нет, а что? – ответил семижопинец, продолжая напряжённо «изучать» карты, а чтобы лучше «думалось», закурил какую-то гадость, и хорошо, что не цéлую сигарету, а так называемый *долбан*.

«На эвтаназию пройдите
в 121-й кабинет!»,
сказал главврач и улыбнулся,
приняв конвертик и коньяк.

И только было одновременно раскрыли рты Мусаич и военный музыкант, чтобы поторопить Афанасьича, как он вдруг начал рассуждать вслух, и ладно, если бы тема была политическая – скажем, о референдуме в Чечне или военной операции США и их союзников в Ираке, так нет, произнесённое относилось именно к *русской кочерге*, а это, как уже знает мой внимательный читатель, каралось.

– Может, мизéр объявить? – произнёс страшные (для себя) словá Полтавцев. – А где гарантия, что это сработает?

– Ты прав, старик, – поддержал его «раздумья» литератор. – Стопроцентные гарантии дают только шарлатаны в газетах бесплатных объявлений. А у нас должен быть строгий расчёт. Кстати, тебе – минус 20!

– За что, всевышний? – вскричал ушибленный с детства.

– Ну, до такого звания я ещё не дорос, – скромно отозвался Володя. – А за что – так это за подсказку!

– Какую?!

– Так ты же только что объявил всем нам, что у тебя среди других карт есть два *гранда*, причём, это не козырный туз!

– А как ты узнал? – поражённо прошептал охранник. – Кстати, козырный туз у меня тоже есть …

– Кстати, тебе – минус 40 очков! И постарайся хотя бы в этом роббере нам больше не подсказывать…

Вот так бывший текстильщик, как выражаются снукерные комментаторы, получил *неигровой* фол! Но мало того, разница между его вторым местом и третьим, которое занимал партийный педагог, была всего в 36 очков, а теперь стала в 4 очка, но в пользу большевика!

С двух сторон – одни полена:
там казак, а здесь прусак –
на войне попеременно
то успех, а то кизяк!

– *Иблис*, *иблис*! – дважды выругался Серёжа и в ажитации припарковал окурок в пока ещё не полную жестяную баночку.

Наконец сделал последний заказ и Салихдзяныч, и игра, так давно мечтавшая закончиться, опять была приостановлена – к изумлению Кулемзина, на этот раз искусством. С северной стороны Бермудского Учпучмака, а именно со стороны балкона квартиры, где

обитали один татарин, три еврея и две полукровки, неожиданно раздались чарующие звуки скрипки. Все, кто в этот момент находились на территории Великого ▲, повернули головы в сторону звуков, и увидели, как на балконе второго этажа стоит талгатовская жена Аида Яковлевна и водит смычком по музыкальному инструменту.

– Это скрипичный концерт Моцарта № 3 (соль мажор), – прислушавшись к звукам, определил Батыршин.

– Вольфганга Леопольдовича, царица лесная? – уточнил Сережа.

– Его, австрияка талантливого! – подтвердил саксаульский военный музыкант.

– А вот эта соль для жора, как ты выразился, для чего? – продолжал допытываться сторож, не упускающий ни единой возможности для бесплатного дополнительного просвещения.

– Наверное, чтоб вкуснее было слушать, – сделал слабую попытку пошутить Митрохин, но сидящий рядом Николаич страшно захохотал – видимо, в целях поддержки своего друга..

– И глядел весёлым оком на людей
композитор Моцарт Вольфганг Амадей…

, пробормотал единственный поэт в компании, раздумывая, для чего же случился этот неожиданный концерт.

Вскоре выяснилось, что еврейская супруга исполнила только первую часть знаменитого концерта, хотя всего их было три, потому что музыка неожиданно прекратилась, а с балкона раздался мучительный призыв, похожий, скорее, на стон:

– Вернись, я всё прощу!

– Что она сказала? – переспросил глуховатый семижопинец.

– Мама сказала папе, чтобы он вернулся, тогда она простит, что он играет в карты со всякими придурками, – пояснил кто-то со стороны сразу двумя детскими голосами.

Оказалось, что военная операция против Талгата была осуществлена сразу с двух сторон, потому что возле унтер-офицера появились его дочки.

А бедная Аида стояла на балконе, смотрела на непутёвого мужа и вспоминала, как в прошлом году он пропал ровно в ночь на 1 января, а вернулся только 23 февраля, грязный и пьяный, правда, объяснив, что тогда его напугали новогодние петарды, и он подумал, что началась война и ночью пошёл искать военкомат – записываться в ополчение.

Сам же трубач, ментально связанный с супругой прозвучавшей музыкой, вспомнил, как уговаривал её после свадьбы завести специальный уголок на второй полочке буфета, где он предполагал хранить алкоголь на всякий случай, правда, вскоре выяснилось, что из этой затеи ничего не вышло, так как *всякий случай* каждый раз наступал сразу же, как только на второй полочке появлялся алкоголь.

Место есть для сковородки,
папильотки и селёдки,
плётки, щётки и зачётки, –
всем мы можем захламить:
не хранится только водка –
просто незачем хранить!

Глава 77. ОКОНЧАНИЕ СОЦИУМа (продолжение продолжения)

И именно в этот момент автор, который давно чувствовал, что его персонажи уже полностью вышли из-под контроля, подумал о том, что даже он не знает, завершится ли такая долгая первая партия в первой части этого то́ма, но всё-таки радовался тому́, что иг-

ра худо-бедно продолжается. Правда, как это уже бывало не раз, случались провокации, угрожающие развалиться *русской кочерге* вообще, и эти подлые провокации, как обычно, были связаны с отсутствием любимого напитка.

– Нет, мать честнáя, так жить нельзя! – неожиданно вскричал Афанасьич, приблизился к Володе и открыл пасть, словно Кулемзин был *лором*, а сам охранник только что получил талончик на посещение его кабинета.

– Серёжа, ты что, совсем с ума съехал? – кротко осведомился марсианин, уворачиваясь от страшных выхлопов, исходящих из пасти Полтавцева.

– Нет-нет, ты посмотри, как глотка пересохла! – орал бывший текстильщик, победно поглядывая на остальных членов покерной хевры, которые явно симпатизировали разыгравшемуся спектаклю.

Тогда писатель, посчитав ниже своего достоинства жадничать, чего и так никогда не делал, молча протянул вымогателю ещё одну купюру, а Салихдзяныч даже подтолкнул его коленом под зад – чтобы придать некоторое ускорение задумке.

Деньги снова нас кидают –
нам за ними не угнаться:
то кончаться начинают,
то кончают начинаться!

– Только ты, пожалуйста, побыстрее, мать моя советская педагогика! – в спину ходока прокричал Мусаич, но охранник его уже не слышал, так что учитель еврейского колледжа увидел только его спину, мелькнувшую в дверях металлического контейнера с гордой вывеской «Суперрмаркет Колемы»

Было неизвестно, сколько времени пробудет знатный скороход в своём путешествии, и Альбионыч, который не любил терять время зря, решил озаботить коллектив каким-нибудь поучительным стишком – в виде очередной басни, и когда сделал это предложение, все с воодушевлением (за исключением одного *воздержавшегося*) приняли его. И хотя в наших толстых книжках уже было несколько басен на любимую володину тему, но у него в памяти нашлась ещё одна, как бы связанная общим смыслом с серёжиным отсутствием – под тривиальным названием

Ворона и Лисица

Уж сколько раз твердили миру,
что алчность всем вредна; да всё не впрок,
неблагодарность в сердце сыщет уголок.
Вороне где-то бог послал кусочек сыру.
На ель ворона взгромоздясь,
позавтракать уж было собралась
и *дедушку* не став благодарить,
капризно запросила : «А запить?»,
и почесала хвост нетерпеливо.
В ответ послал ей бог бутылку пива!
Но, как известно, у ворон не руки,
а лапы, на которых когти-крюки:
ей скользкое стекло не прихватить,
а в клюве сыр – и пива не попить!
Чтоб эту ситуацию исправить,
пришлось вороне сыр под деревом оставить.
На ту беду лиса близёхонько бежала:

плутовка рыжая капризничать не стала,
что это не куриная нога, –
схватила сыр зубами и – ага!
Ворона только каркнула пугливо:
«Ну, ничего, еще осталось пиво!»
Измучилась, её потуги жалки, –
ведь нет в лесах для пива открывалки.
Несчастная, ругаясь некрасиво,
осталась и без сыра и без пива!

♠ ♠ ♠

Мораль? А надобна ль она кому?
Послал бог сыр? Возрадуйся ему…

Но в полной мере внять морали и обсудить очередные приключения очередной басенной Вороны не удалось – Талгат, сидевший лицом к сельпо Калимы, истошно заорал:

– Идёт, ёперный скороход!

, после чего все тотчас забыли про высокую литературу и тали алчно вожделеть прибытия ходока. Было видно, что Афанасьич с натугой нёс две полные сумки, изгибаясь, как деревенская молодка у колодца. Когда он подошёл поближе, все заметили, что одна из сумок – его котомка системы *хурджин*, а вот во второй… опознали драную сумку бомжа Танкиста, в которую тот собирал пустые бутылки.

– Отобрал в честном бою? – поинтересовался литератор.

– Нет, взял в аренду, – ответил сторож. – За две бутылочки «Жигулёвского»

– Так, значит, моя сдача – на 60 назарбаксов меньше? – горько вскрикнул спонсор мероприятия.

Охранник молча развёл руками, как бы отвечая, что, да, что, мол, нечего делать, что, если разобраться, потеря не так уж и велика.

На жаре рожа экс-текстильщика расползлась, как блин, и стала ещё ужаснее, чем была, например, утром, когда было не так тепло. Володя посмотрел на сторожа и вспомнил пока ещё не опубликованную фразу из цикла «О неизвестных до этого момента фактах из жизни Полтавцева, составленных по возможности хронологически»:

«В детстве Серёжа очень любил ходить в парк имени Горького Пьяницы с дедушкой Михеем и бабушкой Федóрой, и всегда посещал там аттракцион под названием «Комната смеха». Он (Серёжа, а не аттракцион) был таким страшным, что любое кривое зеркало всегда делало его чуть-чуть симпатичнее»

Вся жизнь – абсурда мир волшебный,
мы в нём – кривые зеркала:
нам дружба кажется враждебной,
нам сажа черная бела!

– Да, старичок, поразил ты меня своей безалаберностью, – быстро успокаиваясь, произнёс Альбионыч. – Кстати, по этому поводу мне, яйчики-бабайчики, вспомнилась одна древняя восточная мудрость. И, думаю, она как нельзя лучше подходит к данной ситуации. А гласит эта мудрость вот что:

Кто пошёл в лес за малиной и опоздал,
у того есть только один выход:
кого встретишь с полным лукошком,
тому и покажи свой смит-и-вессон!

Уроженец деревни Семижопино странно поглядел на афоризматика, затем быстро выхватил из ~~лукошка~~ котомки заветный блокнотик «Для му.мы. Том 2» и так же быстро накаракулировал на чистой страничке:

«Никогда не думал, что мой друг Володя такой охальник! Неужели нет другого способа, как только показать неизвестному человеку свой неприличный óрган, да ещё и названный по-иностранному?!»

Глава 78. ОКОНЧАНИЕ СОЦИУМа (ещё одно продолжение продолжения)

А вот следующие робберы – в 8, 7, 6 и 5 карт – прошли как-то ровно, и напряжение, накопленное за всю игру, стало немного спадать. Результаты к этому моменту были следующие: у Курманбаева набралось 666 очков (что было не удивительно, так как ему активно помогал *иблис*), у Кулемзина – 612, у Батыршина – 404, а вот у Полтавцева, как это не удивительно, ровно 400, чего, по наблюдениям *записывающего* марсианина, не было уже последних года два. Сторож был страшно горд этим достижением и даже записал в книжечку «Для му.мы.» число 400, чтобы показать его вечером подруге Зуле.

И сказала гостья кисло:
«Ты мозгами пораскинь:
не показывай мне числа –
лучше сотку баксов кинь!»

Так что к следующему робберу – на четырёх картах – все готовились особенно тщательно: Володя сделал крупный глотóк из своей бутылочки «Тянь-Шаня», Талгат засучил и без того короткие рукава рубашки, Серёжа, отойдя на покерного столика на два метра, шумно высморкался, а Нуртай достал из заднего кармана штанов свой сложенный вдвое партийный билет и долго-долго вглядывался в золотой лик Ильича I, оттиснутый на бордовой обложке.

Наконец всем были вручены по четыре карты, и игроки принялись составлять зверские планы по добавлению собственного величия, а заодно и уничтожению себе подобных. Затаили дыхание даже неиграюшие художник и антенщик, не понимая значимости факта, но чувствуя нутром приближение чего-то важного. Первым делать заявку должен был семижопинец, который на всякий случай ещё раз пересчитал карты в руке, после чего смело произнёс:

– Пять, царица лесная!

Затем он заметил недоумённые взгляды не только игроков и примкнувших к ним Валеры и Васюхана, но даже дворовых детей, на миг остановивших свои шумные игрища, и добавил уже чуть тише и неувереннее:

– Головой ручаюсь, возьму…

– Ты бы тыквой не ручался, Серёнька, – попенял ему Альбионыч. – Ты же не Змей-Горыныч, у кого их было несколько. Играем сейчас на четырёх!

– И чё? – продолжал тупить тупой.

– И то, что максимальное количество в этом роббере – четыре.

Сторож во второй раз пересчитал свои карты, тяжело вздохнул и также, как прошлый раз, уверенно произнёс:

– Ну, тогда четыре, мать честнáя!

Вы, друзья, мне не долдоньте,
я всё вижу наяву:

сколько карт в моей ладони,
столько взяток и возьму!

– Так всё-таки, – решил подколоть его старший трубач, – ёкарная царица лесная или ёперная мать честнáя?

– А вот тут надо хорошенько подумать, – ответил экс-текстильщик, но его намерение тут же поломал писатель:

– Талгат, не морочь тыкву ребёнку! Ему ещё завтра третий раз в пятый класс идти! – , после чего обратился к педагогу:

– Записал Серёже 4. Нуртай, твоё слово.

На бедного коммуниста было тяжело смотреть – он просто ничего не понимал: из четырёх карт ему пришли сразу три козыря, но все они были маленькие, и он решил не рисковать, тихо выдавив из себя:

– Пас, мать моя партия.

Педагог в этот момент выглядел так жалко, что доброму Володе даже захотелось сходить домой и принести ему пару таблеток лекарства *дубинал*, тем более что на его запивку у Курманбаева оставались ещё три глоткá пивка.

Головою застывая,
холодеет аж скелет,
я лекарство запиваю,
ведь закуски больше нет!

А вот и писатель, и шнапс-капитан уверенно заказали по одной взятке.

– В смысле? – удивился охранник. – Это же не по правилам! Я заказал четыре взятки из четырёх, значит, никто из вас не имеет права заказывать ни одной!

Все дружно рассмеялись, а живописец Муравлёв, который именно в этот момент осознал, что научился играть в *русскую кочергу*, даже объяснил чуть не плачущему Афанасьичу:

– Понимаешь, Серёжа, *по правилам* вы даже все четверо можете заказать по четыре взятки, а всего 16, но тогда… – он подмигнул Митрохину, и Васюхан тут же отозвался:

– 12 взяток будут *рваться*!

– Точно! – радостно воскликнул Николаич и допил жигулёвское из бутылочки Полтавцева, который уже вообще ничего не понимал, а только смотрел на *авторитета* Кулемзина – для подтверждения подобной галиматьи.

– Всё правильно, Серёжа, – спокойно ответил марсианин.

– Но я же так проиграю. Значительно! – заорал сторож.

– Бывает и такое, – ещё спокойнее отозвался писатель. – Но думать-то надо было немного раньше…

«Ох, и трудно на параше!»,
говорил один карел.
«Если б я подумал раньше,
то в тюрягу бы не сел!»

И тогда семижопинец, как писала в своём романе «Вода под мостом времени» китайская писательница Фан Фан, *потерял лицо*: он всё-таки решил доказать присутствующим, что прав, но при этом начал лопотать так путано, будто диктовал литературно-киношной радистке Кэт срочное послание в некий ЦЕНТР, или, чтобы было понятно читателю,

Целенаправленно
Единый
Нераскрываемый для врагов
Тарификатор
Радиограмм

– Серёжа, чтобы раз и навсегда закрыть эту тему, – второй раз прервал его излияния покерный гуру, – расскажу только тебе, что в одном старом китайском трактате о военном искусстве было сказано о том, что нельзя недооценивать противника…

– Да-да, мать моя КПСС, – поддакнул педагог, – я тоже об этом как-то слышал…

– А разве это не ты нам ещё в среду говорил? – поразился Серёжа, тут же забыв обиду, затем спешно выхватил из котомки любимую книжечку «Для му.мы.» и быстро накаракулировал на чистой страничке: «Так и знал, что в прошлой жизни наш гуру был старым военным китайцем! То-то я смотрю, что он хитрее нас всех!»

Писатель честно дождался конца литературных эволюций сторожа и закончил свою мысль:

– Помню, там так и было записано: «Нельзя недооценивать противника, иначе в самый неожиданный момент ты можешь схлопотать по своей гнусной и глупой роже!»

Не подставляй врагу лицо,
иначе так схлопочешь,
распей-ка лучше с ним пивцо –
конец тем свой отсрочишь!

Глава 79. ОКОНЧАНИЕ СОЦИУМа (окончание)

Из-за того, что этот роббер случился всего на четырёх картах, промельнул он быстро, словно стрела делавара[166] Чингачгука. Итог его был разрушительным для сознания практически всех игроков, ибо ни один из них не взял того, что предполагал. Вот как записал бы всё это в своей нотации какой-нибудь посторонний марсианин: П – 4(1), то есть Полтавцев заказал 4 взятки, но взял только одну, К – 1(2), Б – 1(0) и $К^{п}$ – 0(1). Не удивляйся, мой читатель, а лучше вспомни, что *записывающий* Володя значком К обозначал себя, а $К^{п}$ – педагога Курманбаева. Ведь даже автор не предполагал, что строптивая Сука-судьба сведёт на одном отрезке времени (7 дней) и пространства (Бермудский Учпучмак) сразу двух человек, чьи фамилии начинаются с одной и той же буквы!

[166] Всегда удивлялся, как это миллионы читателей романов Купера об индейцах не заметили логическую ошибку: сам Чингачгук – делавар, а роман о смерти его единственного сына Ункаса называется «Последний из могикан» – прим. автора

Ещё тремя стрелами того же Большого Змéя, как остроумно назвал Чингачгука американский писатель Фенимор Уильямович Купер, которого Серёжа по-семижопински называл Филимоном Виленовичем, как своего троюродного дядьку, промелькнули предпоследние короткие робберы на 3, 2 и 1 картах, после чего наконец-то настала очередь завершаюшей игры – последней *тёмной* на 12 картах.

Несколько минут на скамеечке остался сидеть только покерный гуру, тогда как остальные, включая Николаича и Васюханыча, сгрудились сзади него, из-за плеча изучая *раскладку* и тихо бормоча, как бы вычисляя, сколько каждому из них (кроме живописца и антенщика) предстоит вначале заказать взяток, а потом и благополучно взять их, при этом сажая на условный кол остальных противников.

Ваши тушки освежуя,
словно гладиатор,
нá кол всех вас посажу я,
ибо – Терминатор!

Наконец, черновой фатум каждого покериста был определён, но при этом все понимали, насколько сложным будет его исполнение. Например, чтобы выйти на первое место Нуртаю, он должен был взять ровно четыре взятки, но чтобы при этом обязательно пролетел Володя, причём, не меньше, чем на одну взятку. Примерно такие же расклады были у самогó Володи и Талгата, и только один Серёжа чувствовал себя спокойным, заказав аж 5 взяток, ибо даже если бы он проиграл их все, то в его персональном счёте убавилось бы 180 очков, то есть 90 удвоенных, а на данный момент он (счёт, а не Серёжа) составлял 368 очков. Так что главные бои предполагались между Альбионычем и Мусаичем (за первое место) и между Мусаичем и Салихдзянычем (за второе).

– Итак, господа и товарищ, последняя *тёмная*, – громко известил Кулемзин, но потом заметно снизил децибелизм голоса и совсем тихонько пробормотал:

– В составе дуэлянтов Мартынов-Лермонтов и Дантес-Пушкин. Полуфинал! Но самое смешное, что в финале, похоже, буду я…

Без пузырьков валокординов
девиз дуэли был фальшив:
Дантес стрелялся и Мартынов –
убиты все, а Пушкин жив!

Первым ходил Батыршин, который от волнения сразу же сделал страшную ошибку. И вот какую: в пылу сражения нередко приходилось видеть, как игрок бросал на столик покера и тут же, желая выбить из противников подчинённых ему голоногих шутов, нервно кричал:

– По покерам!

И это была непростительная ошибка, так как радостные враги тут же начинали сбрасывать самые маленькие карты, а несчастный ошибант[167] даже не мог поправиться, сказав *по джокерам!*, ибо в этом случае автоматически терял 40 очков, то есть удвоенных 20 – за ошибку. Именно это сейчас случилось с саксаульским фельдфебелем, и он, мысленно кляня *иблиса*, который якобы заставил сказать его такую чушь, забрал первую взятку и наивно пошёл бубновым тузом – при червовых козырях.

[167] Неологизм принадлежит писателю © Вл. Горькому (Вл. Кулемзину) – прим. гл. редактора

И это была его вторая ошибка, так как Талгат не учёл ещё один фактор – то, что Афанасьичу страсть как хотелось взять свои заказанные 5 взяток! Он дождался, пока все скинут по маленьким бубям, и хотя у него самогó был бубновый валет, забрал взятку младшим джокером. И это было по правилам! От страшной обиды у татарина тут же зашевелились губы: с беззвучной яростью он стал посылать ни в чём не виноватого сторожа в туманные перспективы неправедной жизни.

Литератор Кулемзин, не упускающий случая пополнить копилку народных знаний о жизни, прислушался и разобрал несколько проклятий различной степени злобности – от «Эх ты, угол от бани!» до «Мать твою в квартиру Куклачёва уборщицей!»

Здесь воняет, как в сортире –

осознать я не готов:
в дрессировщика квартире
сразу гадят 100 котов!

После этого Полтавцев вдруг возомнил, что он уже в достаточной степени научен горьким опытом, и пошёл козырной червовой двойкой. Володя оценил его ход, так как все вынуждены были скинуться по маленьким козырям (всё равно пропадать!), а он сам забрал взятку всего лишь десяткой, после чего повторил манёвр экс-текстильщика, на этот раз предложив разыграть козырную четвёрку, которая досталась пламенному большевику. Так что лидеры в этой партии стали меняться так часто, как генеральные секретари ЦК КПСС (б) в восьмидесятых годах прошлого века.

Помню лозунг из прошлого века:
«Пятилетку – в четыре генсека!»

В общем, случилось всё так, как примерно и предполагал марсианин: он вышел на первое место, а вот на втором оказался… Серёнька Афанасьич, который так-таки взял свои запланированные 5 взяток! И здесь случился маленький казус, которых и до этого момента было много в нашем повествовании, так что один лишний ему не помешал: на третьем месте оказались сразу двое игроков – Мусаич и Салихдзяныч, набравшие аккурат по 555 очков, так что и Нуртай, и Талгат получили в общий рейтинг каждый по 2 очка.

Это вроде карусели,
где внезапно нас застали:
на одном гектаре сели –
на одном гектаре встали!

Глава 80. ДАМА СДАВАЛА В БАГАЖ

А больше всех был доволен автор нашего романа, так как первая и последняя партия в этой части седьмого тома была всё-таки удачно завершена! Пора было завершать и саму первую часть. И тут возле покерного столика, обсыпанного персонажами, как смородинками на веточке, прошла швондер дома № 17, которую Володя сокращённо именовал Ж. П. Передвигалась она тяжело, так как шла по прямой от лавки Калимы к своему подъезду, а в руках тащила аж четыре сумки, гружёные разными товарами, по преимуществу съедобными.

– Сестра из Саратова завтра приезжает, – пыхтя, как каренинский паровоз, объяснила она на ходу, хотя ни Альбионыч, ни Салихдзяныч, ни Афанасьич, ни Мусаич, ни Николаич, ни Васюханыч ни о чём её не спрашивали.

А вот обрадовался этой ситуации только автор «Русской кочерги», который в этот момент прятался за карагачом и мучился от того, что не знает, каким стишком по традиции завершить первую часть этого то́ма, но теперь сообразил, что это будет некая переделка известного детского стихотворения Самуила Маршака, а какого именно, будет понятно из первой же строки.

Дама сдавала в багаж
наган, пулемёт, патронташ,
обрез, к пулемёту два диска
и маленькую зубочистку.
Секьюрити знает порядки:
нельзя пропускать на посадку

колючий и острый предмет.
И даму ведут в кабинет!
Инспектор глядит очень строго,
себе вызывает подмогу.
Пришёл специальный отряд:
майор, капитан и солдат,
эксперт по шнуркам, а вдогонку
в погонах неслась собачонка.
Наряд все проверил коробки
на ножницы, скрепки и кнопки,
майор на детекторе лжи
искал у гражданки ножи,
согласно уставу солдат
пять раз разобрал автомат,
обрез, пулемёт и наган.
«Не колет», сказал капитан,
прощупав шнурки на взрывчатку, –
эксперт дал добро на посадку!
Всё вроде в порядке, но звонко,
залаяла вдруг собачонка:
«Похоже, она террористка!
Смотрите, при ней зубочистка!»
Завыла сирена и сразу
возникли две роты спецназа:
«Мадам, вы в своём или нет?!
Ведь это же острый предмет!»

♠ ♠ ♠

Летит в самолёте багаж:
тротил, динамит, камуфляж,
граната, три бомбы, два диска…
Но нет, не прошла зубочистка!

И только было распрощался автор с этой первой частью, как, увы, всё по той же печальной традиции вспомнил, что опять забыл дать в начале книги посвящение, но ме́ста на этой странице 200 как раз хватило и на него! Итак…

ЭТОТ ТОМ ПОСВЯЩЁН ГЕНИАЛЬНОМУ ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКОМУ ФИЛОСОФУ АНАКСАГОРУ ИЗ КЛАЗОМЕН, ЖИВШЕМУ 2500 ЛЕТ НАЗАД, НАЗВАВШЕМУ СОЛНЦЕ НЕ БОЖЕСТВЕННЫМ ГЕЛИОСОМ, А РАСКАЛЁННЫМ БУЛЫЖНИКОМ,

И ИЗГНАННЫМ ЗА ЭТО ИЗ АФИН. ОТНЫНЕ, О МУДРЕЦ, ОБРЕТИ ПОКОЙ ЗДЕСЬ – В МОЕЙ КНИГЕ ВЕЛИКИХ ЗНАНИЙ. ТЫ ЭТОГО ДОСТОИН…

Конец первой части

Часть II. День

Глава 81. ПОХОД ЗА НОВЫМ ВДОХНОВЕНЬЕМ

Ну, вот и случилось то, чего ещё не случалось за весь семитомник «Русская кочерга» – самая первая партия в одноимённую книге игру суровой нитью, больше похожей на корабельный канат, прошлась по всей первой части этого то́ма. И, поверь, мой читатель, нет здесь никакого писательского вымысла, ибо давно уже мои герои живут отдельной от меня жизнью и иногда вытворяют такое, что даже мне самому́ интересно, а что же произойдёт в следующий миг.

И игроки, и сочувствующие им художник и антенщик сидели на покерных скамеечках опустошённые – как после тяжкого и надрывного труда. И если кто-то вдруг подумает, что главной единой мыслью этих персонажей было словосчетание *отдохнуть бы!*, то глубоко он ошибётся, ибо объединяющее их слово неслышно для других кричало на весь Бермудский Учпучмак, и слово это было, разумеется, *пиво!* Понятно ведь, что когда перед Володей, Талгатом, Серёжей, Нуртаем, Валерой и Васюханом находились заветные прохладные бутылочки с любимым напитком, то ни о каком отдыхе не могло быть и речи, а, напротив, были наполнены эти люди стремлением к новым победам – но, разумеется, только тогда, когда их гло́тки будут избавлены от сухого и жаркого жжения, которое так неизбывно предоставляло им последнее летнее солнце.

Альбионыч поднял глаза, до этого всё ещё изучающие *раскладку*, и с тоской посмотрел на мёртвые, утонувшие в раскалённом небе облака́. Сами собой складывались волнующие строки о том природном явлении, которое сейчас не было нужно никому.

Солнце – как кипяток из крана.
Дайте облачко, чтоб прикрыть его!
Не хочу я валяться в ванной, –
океана мне! Ледовитого!

Постоянная говорильня покеристов о заявках, мизе́рах и пасах иссушила горло до состояния измятой наждачной бумаги, и даже Муравлёв с Митрохиным, которые традиционно не принимали участия в игре, чувствовали то же самое, ибо искренне переживали за игровой процесс, но только тихо и на ушко друг другу, так что их о́рганы слуха были красными и скукоженными, словно их прямо сейчас поджарили в знаменитом вильнюсском трактире «Kiaulės ausys»[168]

[168] «Свиные ушки» – лит.

– Ну что, яйчики-бабайчики, – с напускной суровостью обратился Кулемзин к остальным соседям по покерной скамеечке. – Скинемся?

– В смысле, царица лесная? – взметнув вверх брежневские бровки, изумлённо воскликнул Полтавцев.

Курманбаев, напротив, стыдливо опустил бесстыжие глаза, чтобы никто из присутствующих не смог прочесть в них признаков жадности, алчности, скопидомства, стяжательства и сребролюбия. Остальные сделали вид, что не расслышали вопроса из-за визга дворовых детей, которые сейчас занимались игрой, похожей на старт межпланетной ракеты и ревели всеми своими условными (прости, русский язык!) дюзами.

То как кони, то как тигры
так орут, что всех – к врачу:
у детей такие игры,
что я в детство не хочу!

– В смысле, – объяснил Альбионыч, – в салате жизни всегда не хватает *капусты*. Кто с этим не согласен, тот пусть идёт домой и займёт немного лавэ у своих так называемых вторых половин.

– Володя, – первым отозвался педагог. – Помнишь, я тебе совсем недавно говорил, что всеми семейными финансами заведует моя жена, а графы́ *пиво* в нашем семейном бюджете вообще не предусмотрено!

– У кого ещё какие мнения? Только не надо врать: мне же хорошо известно, что жёны, они же супруги, они же пассии, они же благоверные, есть далеко не у всех.

После этого главный бермудский распорядитель дал команду на пересадку персонажей, но подробнее об этом – в следующей главе.

Я весельем нашпигую
весь страничный маскарад:
открывай главу другую –
интереснее там, брат!

Неожиданно, как в первом классе, поднял руку старший джус Митрохин и, как выяснилось, от лица общественности, заявил:

– Короче, братан, знаки[169] у всех кончились. А дальше сам маракуй[170], ты же у нас сегодня только один бобёр[171]…

– Смотри-ка, Танкист, не гонит гамму[172], – обратился к своему подельнику младший бомж с *погонялом* Одиссей.

– Да вроде не демон[173], а гляди, длинный[174] как доктор[175], – отозвался старший *алик*.

[169] Деньги – феня
[170] Думай, разбирайся – феня
[171] Человек, имеющий при себе деньги

[172] ***Не врёт, не сходит с ума – феня***
[173] ***Человек, выдающий себя за блатного – феня***
[174] ***Умный – феня***
[175] ***Адвокат, защитник – феня***

«Бродяги бессмертны», словами собственного афоризма подумал писатель, глядя, как в сторону лавки Калимы слабокоординированной походкой удаляются заслуженные клошары второго микрорайона.

– Ну что, граждане, – наглядевшись на бомжей, вновь обратился он к коллективу. – Я вот как раз к такому случаю (причём, заметьте, ночью и во сне) сочинил новую считалочку для определения пивного ходока, – и тут же принялся за вычисление, оперируя знакомыми русскими словами:

– Как-то дурики из дурки
без трусов играли в жмурки,
и весёлый самый дурик
в ординаторскую сел.
Не учёл он, между прочим,
день закончился рабочий,
и его на ключ закрыли
аж до завтра – насовсем!

Последний слог *всем!*, выглядевший как приказание, выпал, как это бывало не раз, на семижопинца, и Володя решил обосновать решение Суки-судьбы.

– Серёжа, – понизил он голос до интимного, – для тебя особое, почётное и ответственное задание, как выражались юные мудачата в кинофильме «Судьба барабанщика». Считай, что именно к нему ты и готовился всю свою жизнь!

Афанасьич тут же выпрямился, глаза его заблестели.

– Надо принести пива, – ещё тише добавил финансирующий мероприятие.

Полтавцев кивнул головой и тут же принял спортивное положение *низкий старт*, вытянув назад правую руку – для приёма купюры, кою тут же и получил, после чего отбыл в направлении, хорошо известном не только героям нашей книги, но даже читателям.

И пусть сегодня воскресенье,
когда весь день наоборот,
в поход за новым вдохновеньем
пойдёт всё тот же скороход!

Глава 82. О НОВЫХ ТРИУМВИРАТАХ

После того, как штатный афанасий никитин Великого Игрового ▲ отбыл в известном направлении, в том месте, где он сидел по новому стандарту, введённому Володей буквально на предыдущей странице, образовалось пустое место, на которое тут же придвинулся Митрохин.

– Васюхан, ты извини, – твёрдо сказал ему Кулемзин, – но на этом месте всё-таки будет сидеть Полтавцев – после его, как я надеюсь, скорого возвращения.

– А почему? – полюбопытствовал старший джус.

– Всему своё время, – трюизматично ответил писатель.

– Говори прямо сейчас, – отодвинувшись, снова вернулся к теме шестой член покерной хевры. – Вот смотри, Серёжа уже идёт!

– Хорошо, – не стал чиниться Альбионыч. – Надеюсь, все помнят, что несколько дней назад у четверых членов нашего коллектива, а именно игроков, силами собственных мозгов образовались две команды – «Покерный Корпус» и «БронеКалибр»

– Конечно, помним, мать моя партия, святой Малевич, ёперная команда, – отозвались оставшиеся сидельцы.

– И я, и я помню, царица лесная, – не дойдя одного шага до покерного столика, закричал скороход, и автор нашего великого романа страшно удивился от того, что сторож всё это время, а, значит, целую неделю притворялся глуховатым!

«Да за этими персонажами, оказывается, глаз да глаз нужен, или, математически выражаясь,

», подумал автор и на всякий случай зафиксировал примнившуюся ему картинку – авось в седьмом томе пригодится!

Нет, не могу пропустить косячок –
вложено так в атеисте:
каждое слово и каждый значок
будет работать на смысл здесь!

– Так вот, сегодня я пересадил вас так, – продолжил объяснение литератор и, потеснившись, вновь устроил пивного ходока между собой и Митрохиным, – чтобы организовать два новых триумвирата[176]!

[176] Об этих исторических образованиях – в главе 125 третьего тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

– А эт' чё такое? – наклонившись к Васюхану, тихонько спросил его охранник.

– Посмотри на ссылку внизу прошлой страницы 204, – как зомби, ответил ему антенщик теми словами, что мгновением раньше вложил в его тыкву марсианин.

Семижопинец автоматически посмотрел вниз и даже заглянул подальше под столик, но кроме пыли на утоптанной земле и такой же пыльной обуви *визавишной* команды, ничего не увидел. «Так, значит, не один Володя систематически сходит с ума с этими страницами и томами?», подумал бывший текстильщик, после чего нелогично завершил свои раздумья: «Надо бы не дышать в сторону Васюхана, а то вдруг эта болезнь заразная?»

Между нами клин не вклинят
от чумы и от тюрьмы:
к нам зараза не прилипнет –
всё смываем пивом мы!

– Посмотрите все, включая меня, на своих соседей! – предложил знатный составитель таинственных триумвиратов, после чего переглядки между учпучмакцами стали перекрёстными, как опыление под названием (прости, русский язык!) ксеногамия[177].

[177] От др.-греч. ξένος – пришелец и γάμος – брак – тип опыления у растений, при котором пыльца одного цветка переносится на рыльце пестика другого растения этого же вида – прим. биол. редактора

Когда игроки и им сочувствующие вдоволь нагляделись друг на друга, словно никогда раньше не были знакомы, Володя продолжил свои объяснения:

– Почему же я рассадил нас всех именно так?

«Да потому что псих, мать моя КПСС!», подумал один из рассаженных.

«Да потому что делать нé хрена, мать честная!», подумал второй из рассаженных.

«Да потому что, святой Малевич, так удобнее пялиться друг на друга», подумал третий из рассаженных. «А мне так ещё и удобнее будет делать некоторые портреты…»

«Да потому что такая ёкарная рассадка как раз спрятала меня ветвями от взгляда йодистой супруги!», подумал четвёртый из рассаженных.

«Да потому что этот Альбионыч вообще ничего не делает напрасно!», подумал пятый из рассаженных.

«Да потому что сейчас, яйчики-бабайчики, я наконец-то открою всем тайну рассадки», подумал шестой из рассаженных.

Эх, не литься самогонкам,
и закуску не впустить:
рассадили нас по шконкам[178],
чтоб базар[179] не допустить!

[178] Разговор на повышенных тонах между блатными – феня
[179] Спальное место в исправительных учреждениях – феня

– Вот обратите внимание, – обратил внимание присутствующих неизвестно на что писатель. – Половина из нас, то есть три человека, сидят на западной скамеечке нашего знаменитого покерного столика, а половина, то есть оставшиеся три человека – на восточной. На западной скамеечке я расположил новый для нашего коллектива триумвират под названием «УЖи», а на восточной – триумвират под названием «ОХи»

– И что это означает? – на бегу выкрикнул дворовый ребятёнок и тут же скрылся в пылевом вихре за Старушечьим Столиком, или как называл его покерный гуру, СС.

Кулемзин так и не понял, от кого прозвучал этот вопрос тонким голосом, но, как человек воспитанный, конечно же, ответил:

– А означает это, други мои, что одна команда расшифровывается мной как «Ушлые Женатики», а вторая – как «Обалдевшие (видимо, от счастья) Холостяки»!

– А-а-а, так вот в чём дело! – обрадовавшись приобретённому знанию, загомонили покерные бермудцы.

– И поэтому, пользуясь случаем…

– Каким? – поинтересовался второй ребятёнок, кстати, поступивший точно также, как и первый.

– Тем случаем, что наш друг Серёжа принёс так много пивка, – опять ответил в пустоту саксаульский затейник. – Поэтому давайте же посвятим ближайшие отдыхательные полчаса нашей старой теме – семейным отношениям, да и вообще отношениям между мужчиной и женщиной. А чтобы никому не было обидно, начнём свои рассказы на эту тему, рассуждения да и просто исторические истории (прости, русский язык!) спонтанно, то есть не по строгому порядку, а у кого что наболело на так называемой душе…

Ох, как жизнь меня имела,
ох, погас мой взор орлин:
на душе так наболело –
покупай хоть анальгин!

«Как он тонок, как он деликатен!», подумала карликовая русалка, пересев на ветку карагача пониже, чтобы было лучше слышно.

В общем, как уже догадался мой читатель, хорошо узнавший героев романа, в команде «УЖи» оказались Курманбаев, Муравлёв и Батыршин, а в команде «ОХи» – Кулемзин, Полтавцев и Митрохин, причём вторая команда, по разумению автора, была значительно опытнее первой в данном вопросе, потому что все её члены когда-то состояли в браке, а теперь были разведены, так что оказались искушёнными Сукой-судьбой аж дважды. Но, впрочем, сейчас это не имело никакого значения…

– Итак, у кого что наболело? – повторил свой вопрос ВОР.

Нет-нет, не пугайся, мой читатель, Володя, конечно же, ничего и никогда не воровал, а то слово, что случайно выскочило из-под строптивого пера автора, было просто очередной аббревиатурой.

Великий
Организатор
Рассказов

Глава 83. ПРИ ВСТРЕЧЕ С АМУРОМ СТРЕЛЯЙТЕ ПЕРВЫМ!

– У меня, у меня наболело! – поднял руку, как во втором классе, Николаич.

– Значит, первый пас – на стороне команды «УЖи». Давай!

– Вот на днях, – сходу стал жаловаться на трудную семейную жизнь Муравлёв, – моя Наташа как пристала ко мне, как давай пытать: мол, ты вообще никогда не говоришь мне комплиментов. А я ей говорю:

– Наташа, святой Малевич, да я вообще не знаю, что это такое!

– Ну, сказал бы мне что-нибудь хорошее, – отвечает супруга. – Например, насчёт моей фигуры.

Я обрадовался, что всё так легко, и выпалил:

– Ну, фигура у тебя хорошая – сразу видно, что ты явно не голодаешь…

– Да, старичок, влетел ты по полной, – пожалел его Салихдзяныч и кинул вороватый взгляд на балкон родной еврейской квартиры.

А писатель, мгновенно сочинив ещё один афоризм в будущую копилку мировой мудрости, тут же зафиксировал её, нажав в своей тыкве виртуальную кнопочку safe[180]. Пусть же порадуется этой мысли и мой читатель:

Более эффективного способа похудания,
чем регулировка напольных весов,
пока ещё не придумали!

[180] *Сохранить – англ.*

Да, это подвиг – не питаться,
чтоб хоть немного похудеть,
ведь нужно голодать стараться!
Я ж не могу уже терпеть!

Прямо напротив несчастного живописца сидел его друг, но с этого момента член противоположного триумвирата Васюхан.

– Валера, а ты почему так поздно женился?

Муравлёв тяжело вздохнул, и все поняли, что их ждёт ещё один печальный рассказ. Так оно и оказалось.

– Да я, когда в армию уходил, – ответил он антенщику, – мутил с одной такой Катюхой, так она сказала, что ждать будет, а потом поженимся.

– И ты поверил?

– Так я ж тогда молодой был, глупый!

– А как прошла ваша встреча?

– Да никак, – с досадой воскликнул Николаич и даже пристукнул ладонью по покерному столику, что вызвало лёгкое землетрясение в Бермудском Учпучмаке. – Она жилá в центре города, в 8-этажном доме. И вот я в военной *парадке*, с букетиком гвоздик влетаю в её подъезд и дай, думаю, на лифте прокачусь. Ну, а пока на её шестой этаж ехал, по надписям в лифте сразу понял, что Катюха меня не дождалась…

– Да, делá, – потрясённо выдохнул старший джус.

Кроме Митрохина, и остальные члены разных триумвиратов сидели подавленные, так их тронула история товарища. И только Альбионыч, затеяв эти нелёгкие разговоры, был относительно спокоен – ведь, кроме того, что все его герои, включая его самогó, наслаждались пивком и беседой, он ещё попутно собирал материал для своего заключительного седьмого тома романа. Вот и сейчас, повторно нажав заветную кнопочку, он впихнул в ту же виртуальную папочку ещё один стишок – на этот раз от лица страдающего от семейной жизни художника:

«Пусть я не гений чистой красоты,
а срок придёт – и вовсе стану старый,
но, дорогая, если бы не ты,
мы были бы с тобой чудесной парой!»

– А я вот, царица лесная, помню, – отозвался на историю художника Афанасьич, – что когда вкручивал лампочку в твоём чулане[181], то видел там портрет одной неодетой дамы. Так это была она?

[181] Герой несколько ошибся: описанная сцена произошла в главе 141 четвёртого тома романа «Русская кочерга», но не в чулане, а в ванной комнате – прим. гл. редактора

– Она, – поникнув головой, признался Валера. – Я её пробовал по-разному *писать*, но потом Володя подсказал, как именно, и я понял, что он прав.

– А как именно, мать моя КПСС? – заинтересовался большевик, который начал краснеть лицом ещё при серёжином слове *неодетой*.

– Да он мне посоветовал изображать Наташу в стиле НЮ.

– А эт’ чё тако? – по-семижопински поинтересовался охранник.

– А это то, что любят все художники мира, – вместо Валеры ответил Володя и улыбнулся:

Немного
Юмора!

– Вот и я помню, что до первой свадьбы, – тоскливо воскликнул Васюханыч, – моя первая жена Вера была самой прекрасной девушкой!

– Эх, старичок, – следом за ним вздохнул Кулемзин, – ты не поверишь, но и мою тоже в ЗАГСе сглазили!

Моя любовь к тебе похожа
на конституцию страны:

она, конечно, существует,
но не влияет ни на что!

Предложенная Володей тема была привычной для абсолютно всех шестерых персонажей, поэтому личные для каждого истории сыпались, как брюква из худого мешка.

– Серёжа, яйчики-бабайчики, а вот ты же когда-то тоже был женат, – вдруг вспомнил Альбионыч и, волнуясь, сделал большой глоток «Тянь-Шаня»

– Да, помню, кажется, её звали Нина.

– А чего развёлся?

– Да, мать честна́я, из-за церкви вашей!

– Как это? – подпрыгнул на скамеечке литератор, так как понял, что сейчас услышит нечто, что обязательно украсит седьмой том его великой книги.

– Случилась со мной как-то одна история: несколько дней я как бы прислушивался непонятно к чему, а потом решил сходить в церковь.

– В так называемый храм? – уточнил педагог.

– В него, – согласился сторож. – И вот дождался я своей очереди к попу́ и говорю ему: «Батюшка, я тут вот по какому делу: целыми днями я слышу в голове голос, который говорит, что мне делать. Как вы маракуете, может, я одержим *иблисом*?». А мне вдруг отвечают: «Да нет, Серёнька, ты просто женат!». Вот после этого я и развёлся. Так до сих и не пойму, кто это сказал – голос или поп.

– А голос-то, святой Казимир Северинович, – сочувственно погладил его по плечу художник, – голос-то пропал?

– Этот? Да, пропал. Зато завёлся другой – всё время просит выпить!

Хоть и ставил я засов,
всё равно заносит:
в голове 100 голосов –
и все выпить просят!

– Да, дела́! – на этот раз озвучил привычное резюме антенщик и, по примеру покерного гуру, сделал ещё больший глоток из своей такой же бутылочки.

– Неужели гендерная модель устройства мира терпит полный крах? – воскликнул Серёжа и чуть не заплакал от огорчения своей же мыслью, которая появилась не иначе, чем из глубин са́мой Вселенной.

Глава 84. ПРИ ВСТРЕЧЕ С АМУРОМ СТРЕЛЯЙТЕ ПЕРВЫМ! (продолжение)

– Слушай, Васюхан, а ведь ты среди нас просто уникум! – улыбнулся литератор. – Пережить две жены и остаться человеком, которого запросто приняли в триумвират «Обалдевшие Холостяки» – это надо уметь! Как тебе это удалось?

– Да как-то само вышло, – начал свои воспоминания Митрохин. – Я же первый раз женился года через два после армии. Как начал тогда с радости буха́ть, так и остановиться не мог! Что делать? До́ма родители ругаются, на работе начались неприятности (я тогда был заведующим пунктом приёма стеклотары)…

– По блату, наверное, устроился? – завистливо перебил его Мусаич, вспомнив, что как раз в это время он *пытался* стать третьим секретарём райкома комсомола.

– Конечно, по блату! Случайно встретил знакомого сержанта из моей части, так его как раз оттуда выгоняли. Вот он и предложил мою кандидатуру…

Курманбаев при слове *кандидатуру* чуть не заплакал: он вспомнил, сколько советских денег истратил на то, чтобы две недели поить первого и второго секретарей заветного райкома, да ещё потратиться на молодых комсомолок, которые никак не желали отдаваться за бесплатно, пока эти младшие партийные вожди не утвердили его кандидатуру!

Всё не так уж безнадёжно –
пост заветный недалёк:
получить работу можно
через толстый кошелёк!

– И тут мать мне и посоветовала: женись, мол, авось хоть кто-то сделает из тебя человека! Никаких сайтов знакомств тогда, как вы пóмните, не было, а была колонка на последней странице в газете «Вечерний Отцеябловск», где мужики и бабы, желающие соединиться *по серьёзке*, писали о себе всякую лажу: и честные они, и непьющие, и красавцы как один, и без детей, и вообще обещаю любить до гроба – того, кто клюнет! Да ещё некоторые фотографии свои публиковали…

– Как же, – перебил его старый приятель Муравлёв, – помню и я такую колонку. Правда, смотрел я на неё не такими глазами, как ты – потому что бухáл после армии ещё больше: и строчки расплывались, и фотки были чёрно-белые, так что ни хрена не поймёшь!

– Ага, – по-полтавцевски подтвердил его воспоминания старший джус, – точно так и было! И вот однажды – в перерыве между приёмами посуды и пьянками попал мне в руки свежий номер «Вечёрки», а там на фотке такая красавица, что глаз не оторвать! И, главное, пишет, что никогда не была связана!

– В смысле, царица лесная? – подпрыгнул на скамеечке Афанасьич. – Это что, уже тогда ролевые игры были, что ли? В советское-то время?

Всё как в старой баркароле[182]
на короткий канцонетт[183]:
муж с женой играли роли –
пил лишь он, она же нет!

[182] От итал. barca – лодка. Песня венецианских гондольеров – прим. муз. редактора
[183] От уменьш. итал. canzona – песня. Короткая пьеса лирико-танцевального характера – прим. муз. редактора

– Да нет, Серёжа, ты не дослушал – она написала, что раньше не была связана узами брака! Кстати, меня это немного насторожило, и я ей написал: «Вы такая красивая! Просто удивительно, почему вы *незамужем*?»

– А она, ёкарная красавица? – заинтересовался рассказом старший прапорщик, в это время допивший бутылочку пивка «Маршал» и открывающий очередную – уже немного потеплевшую.

– А она мне ответила: «не» в данном случае пишется раздельно!

– Кстати, старичок, о ролевых играх, – обратился к семижопинцу Кулемзин, а потом добавил, оглядев всех участников дискуссии:

– Думаю, что этот мой совет касается и остальных тоже: не увлекайтесь ролевыми играми! Когда некоторые жёны узнаю́т, что муж, оказывается, любит ролевые игры, они тут же начинают предлагать ему роль зрителя!

Знал ведь, знал: она охоча
до любого болтуна –
наблюдал тревожно-молча:
изменяет мне жена!

– А что об этом говорит «Камасутра»? – солидно поинтересовался у знатока всего на свете охранник.

– Да читал я неоднократно вашу «Камасутру», – ответил Альбионыч. – И знаете, что понял? Что если бы женщины не сопротивлялись, там вообще была бы одна картинка!

– А я вот помню, что первый раз мне эту вашу «Камасутру» показала одна такая Глафира – она, как и я, из Семижопино переехала в Отцеябловск. Нет, не за мной, конечно, а просто так случайно вышло. Страшная была, помню, как моя жизнь, а тут я как раз ей и подвернулся. Да ещё и дура дурой была. Ей кто-то посоветовал, наверно, в шутку, что надо каждый месяц в поликликнику ходить – на ЭКГ[184], и после этого все прыщи на заднице пройдут и лицо будет посимпатичнее. Так вот когда мы с ней встретились, она как раз с очередного ЭКГ выходила…

[184] Электрокардиография – прим. мед. редактора

– А что это ёкарное КГБ такое? – подавившись очередным крупным глотком, проперхавшись, спросил Батыршин.

– Не думал, Талгат, что ты такой тёмный, – нахмурился Серёжа. – ЭКГ – это, понимаешь, штука научная, и расшифровывается как

Экстренно-
Казуистическое
Газоанализирование

– А для чего? – ещё раз поинтересовался тёмный военный.

– Да это специально для тех придумали, кто в деревнях первые 20 лет жил, – удивившись, ещё раз пояснил Афанасьич. – У них там от всяких навозов и самогонки какие-то газы в организме образуются, вот их и надо срочно проанализировать и, как выражается наш друг Володя, элиминировать[185].

[185] Элиминация является многозначным термином в значении исключения Например, в математике это исключение неизвестного из системы уравнений – прим. науч. редактора

Нет, не понять сие канадцу,
кто *квасит* лишь по вечерам:
с утра погряз в элиминацьи,
уничтожая 300 грамм!

«Что-то не помню я, чтобы так страшно выражался», подумал марсианин, но решил промолчать.

– Вот мы с этой Глафирой как раз у входа в поликлинику и встретились. Помню, она тогда так материлась!

– А что, святой Малевич, в тот раз её плохо проанализировали? – заинтересовался рассказом Валера.

– Да нет, она на это ЭКГ много раз ходила, а сейчас поделилась со мной (как с хорошим другом и надёжным товарищем) страшной тайной: оказывается, в этот день ЭКГ ей первый раз делала врач-женщина, и тут выяснилось, что бюстгальтер во время анализирования снимать совсем не обязательно! А когда я попросил её объяснить, что это за бюстгальтер такой, она завела меня в какой-то подъезд и показала. Оказалось, что это, как всегда, женское враньё!

– Неужели на ней вообще не было бюстгальтера? – вскинул голову Митрохин.

– Да нет, был, просто это оказался лифчик – такой же, как у Зули, только цвет другой! А когда я ещё больше заинтересовался этим *феноменом*, через полчаса мы у неё в койке в общежитии и оказались, и вот тогда она мне и показала свою «Камасутру»!

Путь познанья бесконечен –
уж поверь ты мне, братан! –
не люблю одетых женщин –
я люблю без всяких тайн!

– Да, мать моя партия, – потрясённо произнёс Мусаич, у которого никогда в жизни не было таких приключений, – а я и не знал, что у меня сосед – такой развратник! Ну, я понимаю, что можно *сообразить* лёгкую интрижку с какой-нибудь Надей, Машей или Верой, но с Глафирой!

– Согласен с тобой, Нуртай, – неожиданно поддержал его Володя. – Мне, как знатному филологу двух веков, давно казалось, что девки с такими именами, как Агафья, Федосья, Глафира или какая-нибудь Евлампия во время секса всегда кричат что-то типа: «Ой, батюшки, как мне справно-то, как ладно! Батюшки мои!»

– Ничего себе! – воскликнул Полтавцев. – Она так и кричала! А как ты узнал?!

По бабам шастал я легко и бесшабашно,
теперь смотрю на это равнодушно:
ведь в первый раз оно немного страшно,
но в сотый – так уже немного скучно…

– Да я это давно вычислил, – пояснил гуру. – И, кстати, Серёжа, ты не помнишь, в конце вашей «Камасутры» не было приписки: «Не пытайтесь повторить! Все трюки выполнены профессионалами!»?

Глава 85. ПРИ ВСТРЕЧЕ С АМУРОМ СТРЕЛЯЙТЕ ПЕРВЫМ! (ещё одно продолжение)

– Знаете, педагоги и сторожá, – попенял распоясавшимся рассказчикам Альбионыч, – мы же вроде начали слушать Васюхана, а я по его ~~роже~~ лицу вижу, что он ещё не полностью раскрыл тему – жён-то у него было две, а, значит, и опыта побольше нашего.

Митрохин сделал благодарный поклон в сторону писателя и поведал ещё одну историю из цикла «Моя счастливая семейная жизнь»:

– После развода с первой женой Верой она уехала в Россию и забрала с собой дочку.

– Так у тебя что, йодистый папаша, и дочка есть?! – воскликнул поражённый корнет.

– Есть, – кивнул головой старший джус. – Вернее, была, потому что сейчас я вообще не знаю, в какой город они уехали – хоть в Интерпол заявку подавай!

– Да, дела, яйчики-бабайчики, – поразился и Кулемзин.

– А вспоминаю её (дочку, а не жену) часто. Вот помню, однажды задали ей по русскому языку написать сочинение на тему «Характеристика Ивана в народных сказках». Ну, естественно я, как нормальный отец, тут же принял участие в процессе.

Знает каждый из болванов,
детям как не надоесть:
наши сказки про ивáнов –
это ведь фольклор и есть!

Сел на диван, взял в руки книжку «Русские народные сказки», прочитал её всю от корки до корки за два часа, и говорю:

– Садись, доча, записывай своим почерком.

Она села и записала – примерно вот это:

«Иван, как правило, младший сын царя.

Возраст 17-33 года.

Образование – домашнее не оконченное.

Признан дураком.

О старшем и среднем сыновьях история всегда скупее, нежели об этом герое.

Впечатление, что Иван – полный неадекват: то обещает разделаться с Чудом-Юдом, то запрягает печь, то ездит верхом на волке, а то и вовсе разговаривает со щукой!

Не женат по причине маниакального желания целовать лягушку, которую случайно задел стрелой.

Многожёнец: среди жён, кроме вышеупомянутой лягушки, пытался жениться на Василисе Премудрой и Василисе Прекрасной. И женился. Одновременно.

Расточительный: платил за всякую ерунду сразу полцарством и конём.

Многократно избивал Кощея, разбивал ему яйцо.

Умер с одной из своих жён в один день, прожив в этом бреду долго и счастливо»

У Ивана всё знакомо:
мозг как будто из камней.
Если б был не дураком он,
может, был бы поумней!

– А через два дня, посмотрев в тетрадь, я увидел жирную двойку и надпись учительницы красными чернилами: «Сочинение переписать без участия папы!». До сих пор не пойму, как она догадалась!

И тут, оглядев полный коллектив ещё раз, Володя поразился тому, что один из членов триумвирата «Ушлые Женатики», а именно коммунист Курманбаев стал как будто меньше ростом: он пригнулся на покерной скамеечке так, что издалека казалось, что между Батыршиным и Муравлёвым сидит карлик. Означать это могло только одно: Мусаич старается выглядеть как можно незаметнее – видимо, для того, чтобы не приоткрывать завесы своей семейной жизни.

– А ты, Нуртай, что же не расскажешь о своём наболевшем? – неожиданно спросил его в лоб Альбионыч.

Преподаватель еврейского колледжа от неожиданности выпрямился так, что задел затылком одну из нижних веток карагача, на которой уже второй час дремал приятель карликовой русалки старый во́рон.

– Пр-р-ридур-р-рок хр-р-ренов! Пр-р-реподаватель евр-р-рейских пр-р-ридур-р-рков! – заорал во́рон и быстро перелетел на детский турник, прикопанный на отшибе Бермудского Учпучмака.

Ленинец перевёл дух и словно прыгнул в холодную воду: он не любил рассказывать о себе, сохраняя в так называемой душе свои тайные пороки, но и отвертеться от разговора не мог – а вдруг его временно репрессируют за некоммуникабельность и отправят домой, а ведь сегодня воскресенье, и дом по́лон его родственнками – женой и детьми, которые страшно надоели ему в процессе семейной жизни, но как же всё-таки хорошо, что есть у него в спаленке с продавленной кроваткой книжные по́лки с великим ленинским наследием, откуда черпать не перечерпать мудрые мысли обо всём…

У других – мозги в веригах,
я ж в свои 100 тонн вмещу:

только в ленинских я книгах
правду жизни отыщу!

– Алло, ёперный гараж! – толкнул его в бок невоспитанный военный. – Ты ещё долго молчать будешь? А то смотри, как бы тебе не оказаться временно репрессированным за некоммуникабельность!

– Нет-нет, что вы, друзья! Раз у нас началось такое ответственное мероприятие, я, разумеется, приму в нём самое активное участие.

Эх, зря толкнул педагога Талгат, ибо нуртаевскими словами был наказан он с особым зверством, ведь ближайшие две минуты бедные и давно опаскуденные бермудские кусты, тихо плача маленькими веточками и листочками, выслушивали его откровения в виде одной растянутой русской буквы: «А-а-а-а-а-а-а!»

А Курманбаев, как ни в чём ни бывало, дождался возвращения бравого воина и рассказал маленькую историю, которая случилась пять лет назад, но пóмнилась очень хорошо, ибо тогда он чуть не развёлся со своей любимой супругой.

– Заказал я как-то доставку курьером одной мелкой посылки из аптеки. Вообще-то делать что-то подобное в нашей семье не принято – зачем тратить деньги, если можно сходить в аптеку самомý? Но вот в тот день это сделать было никак нельзя – и я, и супруга, и сын, и дочка где-то заразились страшным гриппом и поэтому лежали пластом!

При этих словах он почему-то посмотрел на сидевшего визави соседа Полтавцева, словно тот толокся в его квартире каждый день, предварительно пообщавшись с крайне больными родственниками или знакомыми.

Он, страдалец псориазом,
не стирающий белья,
вдруг принёс в мой дом заразу –
заболела вся семья!

– А курьером тогда, как сейчас помню, приехала такая пухленькая девушка в коротком платьице, симпатичная, как моя помощница Саулешка в райкоме комсомола. Я её в окно увидел и на улицу спустился: думаю, а вдруг она тоже чем-нибудь заразная, так чтоб лишнего в дом не принести! В общем, забрал я посылочку, заплатил ей денежки и, дурак, даже немного поулыбался!

– «И что же тут криминального?», – словами известной песни в исполнении Ирины Аллегровой вопросил Кулемзин.

– Да то, что уже через час соседка со второго этажа зашла под каким-то предлогом к жене и сообщила ей на ушко, что я давно встречаюсь с молоденькой девушкой, а теперь она уже беременна!

– Глупость какая-то, святой Малевич! – отреагировал на неинтересную историю саксаульский рембрандт, который никаких курьеров никогда не вызывал, потому что их всегда вызывала Наташа – за его деньги!

– Да, тебе глупость, а в нашей семье, – неожиданно пошёл на откровенность большевик, – тема секса…

При этом невинном слове лицо его стало красным, как партийный флаг.

– …уже давно стала актуальной – и я, и супруга люди немолодые, и активность в этом деле давно стала стремиться к нулю…

Жена кричит: «Давай!»
А слабость?

А в ветхом теле страшный спазм?
А ей всегда одна лишь радость –
чтоб помощнее был оргазм!

♠♠♠

А то, что мужу много лет?
И секс давно уж не балет?

– Ну, а в остальном у нас всё в порядке, – радостно закончил страшные излияния о семейной жизни Мусаич, – давно живём с ней, как-то притёрлись. Вот, помню, на днях, ору ей с кухни:

– Дорогая, а где эта хреновина для соуса?!

– Ну как где? – кричит она в ответ. – Ты что, забыл, что ли? Она в этом, как его…

– А-а-а! Точно! Извини, что побеспокоил!

– А хреновину-то, мать честнáя, нашёл? – озаботился Афанасьич, которому, в отличие от остальных, рассказ соседа понравился.

– Какую хреновину? – удивился Нуртай и хотел было уточнить, как его перебил сложным вопросом литератор.

– Старик, а ты помнишь, что твоя любимая песня «Интернационал» вначале была гимном феминисток всей планеты?

– Ты с ума сошёл! – искренне, как всегда, когда задевали его самые светлые чувства, воскликнул саксаульский интернационалист. – А доказать можешь?

– Конечно, – свободно ответил Альбионыч. – Вспомни хотя бы вот эти волнующие строчки:

«В царство свободы дорогу
грудью проложим себе!»

Глава 86. ПРИ ВСТРЕЧЕ С АМУРОМ СТРЕЛЯЙТЕ ПЕРВЫМ! (и ещё одно продолжение)

И в этот момент такой задушевный разговор на волнующую всех тему был прерван самым жестоким образом – перекрывая городские воскресные шумы и даже вопли дворовых детей, со стороны балкона второго этажа дома № 17, где проживал татарин Салихдзяныч с еврейской семейкой, раздался какой-то ужасный звук, который ранее можно было услышать только в голливудском фильме «Визг Вселенной», коий в Республике Саксаулия, несмотря на демократические послабления, был запрещён к просмотру из-за своего садистского содержания, но о котором тем не менее все слышали.

И тут литератор с удивлением понял, что страшный звук посвящён именно ему! Он настроил свой ВЗОР или, чтобы было понятно читателю,

Восстановитель
Зрения
Ограниченных
Рессурсов

, и с его помощью увидел, что через плотные ветви деревьев, растущих перед домом, на него с нехорошими чувствами пристально глядит талгатовская жена Аида Яковлевна, при этом неоднократно повторяя какую-то глупую фразу из советского прошлого:

– Это ты его спаиваешь!

Каждый день идём по кругу,
чтоб мозг водкой начинить:
наливаем мы друг другу!
Так кого же тут винить?

Хорошо, что ещё со школьной скамьи Кулемзин понял, что женщины и логика – понятия несовместимые, поэтому отвечать не стал, но сразу же приготовился к худшему, так как из практики жизни знал, что прозвучавший визг – это только первый акт, но за ним обязательно должны последовать второй и третий – как в русских сказках! И практика жизни его не подвела: через некоторое время, поняв, что криком ничего не добьёшься, потому что ни собственный муж, ни тот, который спаивал его каждый день, не отвечают, военная супруга приступила ко акту второму. А заключался он в том, чтобы

1. выйти на улицу;
2. максимально приблизиться к негодяям, которые разрушили её счастливую семейную жизнь;
3. и долго-долго смотреть на них с укором, время от времени посылая из глаз искры, из которых некий Ленин в своё время мечтал раздуть мировой пожар.

Воочию увидев Батыршину (бывшую Либерзон), Альбионыч тихонько, чтобы не услышал впечатлительный Полтавцев, пробормотал как бы про себя:

– Женщина на корабле – причина пожара на суше!

В это время Аида, приступив ко второму акту, тяжело смотрела на игроков – холодно, как покойница панночка из гоголевского «Вия». Её чёрные глаза излучали древнюю иудейскую скорбь. Она пронзала взором не только главного семейного преступника Володю, но на всякий случай и остальных игроков, правда на удивление молчала. Но и это не произвело ни малейшего впечатления на многоопытного марсианина, потому что он давно знал, что, например, любая кажущаяся спокойной женщина на самом деле просто отдыхает от своей хронической истерии и собирается с силами для нового скандала.

Гнев и скорбь свои утроя,
ибо муж мой спился,
я такой скандал устрою –
Гитлеру не снился!

А покерный гуру, стараясь не смотреть на грозную пришелицу, в это время думал разные думы, иногда занося самые удачные в мозговой файл под названием «Афоризмы, которые ещё предстоит довести до ума». Среди них, например, были такие:

«Комарихи гораздо гуманнее женщин: если уж они пьют твою кровь, то, по крайней мере, в это время перестают жужжать»

или

«Быки намного умнее многих мужчин, потому что они не выбирают корову по размеру вымени!»

или

«Крепость брака стоит не в том, что говорит жена, а сколько раз она это повторяет»

или

«Все женщины выходят замуж за хороших мужчин, а разводятся исключительно со сволочами. Вопрос: что же они делают с мужиками, если те из хороших превращаются в сволочей?»

До высот ума доросший,
но испортив нервы,

я женился на хорошей,
а развёлся с стервой!

Хуже всех чувствовал себя, конечно, старший трубач: он сидел неподвижно, виновато опустив голову и мечтая о том, чтобы побыстрее начался третий, заключительный акт. А в том, что это случится скоро, Талгат не сомневался нисколько, так как подобные спектакли устараивались в его семье довольно периодически. И наконец это свершилось!

Аида Яковлевна, у которой, видимо, к этому времени исчерпались гневно-глядельческие ресурсы, выкрикнула старое еврейское (русское, саксаульское, полинезийское, якутское, американское etc[186]) проклятие:

– Да чтоб вы все сдохли!

, после чего гордо удалилась изливать горе оставшимся членам семьи.

Володя посмотрел на уходящую прапорщицу, после чего в его голове родилась забавная мысль: «Если я когда-нибудь убью человека, то это, конечно, будет женщина. Упрямство мужчин ничто по сравнению с упрямством этих странных существ!»

Но надо было как-то жить дальше, а для этого прежде всего вывести из ступора несчастного семейного страдальца. Писатель незаметно подал знак Курманбаеву и тот, словно готовился к своей роли не один день, тут же выпалил, пугая пробегающих мимо дворовых детей:

– А вот лично у меня, к примеру, с моей женой очень хорошие отношения, потому что они строятся не на какой-то пошлой любви, а на общем и искреннем интересе к марксизму-ленинизму!

Бравого оловянного прапорщика подкинуло, как на поломанном аттракционе в парке имени Горького Пьяницы, и он стремительно метнулся в сторону многострадальных бермудских кустиков, оттуда вскоре донеслись хорошо знакомые всем звуки, выражающие отношение Салихдзяныча и к Нуртаю, и к его супруге, и, конечно же, к марксизму-мудачизму! И, кстати, мой внимательный читатель может убедиться, что за все семь томов нашего великого романа это был единственный случай, когда педагог что-то сделал правильно, да ещё и с молчаливого разрешения покерного гуру.

Мы бойцы – не недотроги,
поступаем боево:
погрузился друг наш в грогги[187],
но мы выведем его!

[186] И так далее – лат.
[187] От англ. groggy (пьяный, непрочный) – одномоментное ухудшение состояния находящеегося на ногах боксёра после получения им удара в подбородок – прим. спорт. редактора

Да-да, мой читатель, вот так наш бескомпромиссный герой, коим мы привыкли видеть Кулемзина, вынужден был пойти на временный союз со своим идеологическим противником – ради спасения товарища!

Глава 87. ПРИ ВСТРЕЧЕ С АМУРОМ СТРЕЛЯЙТЕ ПЕРВЫМ! (продолжение продолжения)

– Но только вы, други мои, не подумайте, что я женофоб какой-то, – вовсе нет! – продолжил образование своих товарищей Кулемзин. – Я, например, всегда помню старую истину, которую мне когда-то поведал мой друг Ошо:

**Жизнь нужно прожить так,
что бы было стыдно рассказывать,
но чертовски приятно вспоминать!**

– По́мните это и вы, а ты, Серёжа, так даже лучше запиши.

Афанасьич тут же выхватил из котомки заветный блокнотик «Для му.мы.» и быстро накаракулировал на чистой страничке: «Просто так жить очень стыдно, надо ещё при этом иметь хорошую память!»

– А то представляете – доживёте до того, что женщина вообще не будет нужна! И придётся вам тогда, как герою моего гениального экспромта, заниматься неизвестно чем. А это, яйчики-бабайчики, стыдно!

– К-к-какого экспромта? – заикаясь, произнёс Васюхан, мучительно вспоминая, сколько у него было жён до этого разговора.

– А вот такого:

Как старик жену продавал

Старик на базаре жену продавал –
никто за старуху рубля не давал:
«Уж больно твоя старушонка худа!»
«Болеет проклятая. Просто беда!»
«А как же в постели? Ты был с ней давно?»
«Да что с неё толку, лежит, как бревно!»
Один паренёк пожалел старика:
«Папаша, рука у тебя нелегка.
Давай-ка с бабулькою я постою –
авось продадим старушонку твою!»
«Продашь?»
«Покупай, коль богат!
Старуха, гляди, – не старуха, а клад!»
«Уж больно твоя старушонка худа!»
«На вид неказиста, в постели – звезда!»
«А много ль старуха читает про секс?»
«Да, много читает, и практика есть!»
«Да что-то угрюма старуха твоя…»
«Сто грамм поднесёшь – не удержишь тогда!»

♠ ♠ ♠

Старик посмотрел на старуху свою:
«Зачем я, Матрёна, тебя продаю?
Старуху свою не продам никому –
такая секс-баба нужна самому!»

– Что-то подобное, мать моя партия, я где-то слышал раньше, – задумчиво проронил Нуртай, но его тут же высмеял Серёжа, который всегда внимательно слушал друга Альбионыча:

– Странный ты, сосед, какой-то! Как же ты мог такое слышать, когда Володя ясно сказал, что это икс-промт! Икс-промт, понимаешь? А икс – это всегда нечто непознанное!

И тут же отвесил педагогу звучный щелбан, от которого у Мусаича в тыкве сначала всё перемешалось, а потом встало на место, и он начал слушать писателя дальше.

Здесь уже не до реликвий –
раньше не видал ни зги, –

получил щелбан по тыкве –
заработали мозги!

– Но главное, други мои, – поднял вверх палец семейный лектор Великого ▲, – надо помнить, что мы, мужики, всё в этой жизни делаем только из-за своих недостатков!

– Как это, царица лесная? – поднял брежневскую бровь сторож, который точно знал, что никаких *недостач* в его организме не было.

– Ну, например, влюбляемся мы из-за недостатка опыта…

– Точно, святой Малевич! – воскликнул Муравлёв. – Я, если бы чуть опытнее был, сначала бы с Наташей пару лет просто так пожил – без всякой любви.

– …а разводимся из-за недостатка терпения…

– Точно! – воскликнул семижопинец. – Я, когда со своей Ниной разводился, такой огромный недостаток терпения чувствовал, что даже сейчас немного осталось!

– …а ругаем всех женщин из-за недостатка воспитания…

– Точно, мать моя КПСС! – был вынужден согласиться Курманбаев. – Вот возьмём того же Руслана Кацоева, метко прозванного Володей Глав-Бухом. Он ведь каждый день материт свою Галю Смирнову, метко прозванную Володей Галлюцинацией. Такой невоспитанный!

– …и снова влюбляемся из-за недостатка памяти.

– Точно! – воскликнул Батыршин. – Вот, к примеру, я, – как трезвый, так убить свою йодистую Аиду готов, а как нажрусь, так сразу недостаток ёперной памяти и наступает: гляжу на неё, гляжу, вроде бы что-то знакомое и симпатичное, да к тому же есть готовит. Ну как тут снова не влюбиться!

Без забора отпечатков
я преступник – ей же, ей! –
как же много недостатков
я узнал с женой своей!

Обер-фельдфебель ПОРНО, или, чтобы было понятно моему читателю,

Президентский
Оркестр
Республики
Независимых
Отношений

тяжело вздохнул и неожиданно понял, что между фразами «он нормально зарабатывает» и «он какие-то копейки домой приносит» стоит только свадьба! И тут же его мысль подтвердил голос всё того же марсианина:

– И пóмните, пацаны, что мужчине совершенно не обязательно ехать в Париж, чтобы увидеть улыбку Джоконды – достаточно просто спросить у жены, куда она потратила семейные деньги…

А Салихдзяныч, у которого от таких разговорчиков совершенно разыгралось воображение, вдруг представил такую сладкую картинку, что даже зажмурился и сглотнул… нет-нет, не слюну, а особо крупный глотóк пивка «Маршал»:

«Дорогой, куда ты поведёшь меня на майские праздники?»

«А давай поедем к твоей тёте в Кустанай!»

«А на Новый год?»

«А на Новый год я приеду и тебя заберу...»

Хоть и мало мы знакомы,
разведу растяпу:
«Вместе встретим Новый год мы!»
«Лучше всё ж по скайпу…»

Глава 88. ПРИ ВСТРЕЧЕ С АМУРОМ СТРЕЛЯЙТЕ ПЕРВЫМ! (ещё одно продолжение продолжения)

– Ну, а что нам поведает могучий повелитель масонита[188], палитры и светотеней? – осведомился Володя, после чего игроки и им сочувствующие стали перекрёстно переглядываться, пока все взоры не сошлись на Николаиче.

[188] Гладкие доски из древесных волокон, подвергнутых тепловой обработке паром и формованию под давлением, предназначенные для живописи – прим. худ. редактора

– Я? – покраснел живописец. – Да про меня с Наташей уже давно всё известно.

– А подробности, мать честнáя? – неожиданно заинтересовался охранник.

Художник покраснел ещё больше, но его решил выручить Альбионыч:

– Ничего особенного в браке моего друга Валеры и его однажды по пьянке избранной супруги я, много лет приглядывающийся к этому странному союзу, так и не нашёл. Чтобы лучше понять происходящее между ними, я нет-нет да и задавал им разные вопросы, но даже их скомканные ответы так ничего и не прояснили. Например, однажды я прямо поинтересовался у Наташи, сколько ей лет, но она начала так искусно выкручиваться, что я понял одно: женщины никогда не говорят точной даты своего рождения, стараясь *зажать* парочку оборотов вокруг Солнца.

– Да-да! – неожиданно поддержал литератора его политический противник Курманбаев. – Я, например, только после свадьбы узнал, сколько лет моей жене, да и то случайно – из её партбилета. Оказалось, мать моя партия, что она старше меня на три года!

– Думаю, что мужчина и женщина в браке вообще никогда не могут понять друг друга, – вновь обратился покерный гуру к живописцу. – Вот, помнишь, Валера, ты мне рассказывал про то, как твоя Наташа красит ногти.

– Помню, святой Малевич! – обрадовался живописец. – Точно! Когда она красит ногти разными цветами, она мне всегда говорит, что я плохой художник, так как не понимаю игру с оттенками, а вот когда я чисто случайно[189] надеваю два носкá разных цветов, то я сразу становлюсь тупым дебилом! Как будто я ей Пикассо какой-нибудь, чтобы два одинаковых носкá носить!

[189] Исключительно с похмелья! – прим. автора

О художнике Пикáссо
будет помнить белый свет –
он своим талантом массы
будоражил много лет!

И в то же время марсианин, чтобы успокоить пошатнувшую после заключения брака психику своего многострадального товарища, как-то поведал ему, что Наташа в принципе очень выгодная женщина: если купать её в ванне с шампанским, то понадобится очень мало этого дорогого напитка! Хотя, как писатель, он, конечно, замечал, что супруги Муравлёвы выглядели вблизи друг друга так же нелепо, как, скажем, почётный караул эсэсовцев на похоронах главного раввина Отцеябловской хоральной синагоги.

Жена сказала: «Вот ты сволочь –
сидишь и водку жрёшь опять!»
А я подумал: «Вот неправда!»
и *стоя* вмазал коньячку…

Здесь Валера вспомнил, как через два месяца после свадьбы между ним и Наташей состоялся вот такой диалог:

– Дорогая, ты меня любишь?

– Конечно!

– А если я умру, ты будешь плакать?

– Конечно!

– А покажи как…

– А ты сначала умри!

Он рассказал об этом диалоге Альбионычу, после чего расстроился ещё больше, узнав, что есть целый набор фраз, которые мужья мечтают услышать от своих жён. А расстроился потому, что никогда не слышал ничего подобного от Наташи. Любопытно, мой читатель? Хорошо, тогда не только для Николаича, но и для остальных, кто держит в руках нашу толстую книгу, вот эти гипотетические фразы:

● Милый, мне кажется, что ты совсем мало выпил!

● Как чудесно ты пукаешь, сделай это ещё раз – для меня!

● С сегодняшнего дня я решила ходить по дому голой…

● Ты дома? А разве ты не должен сидеть сейчас в баре с друзьями?

● Знаешь, меня так возбуждает, когда ты пьяный!

● Да брось ты эту дурацкую работу! Я сама отлично зарабатываю. Лучше научись играть в покер…

● Наша сексуальная соседка весь день ходит в своей мини-юбке. Ты непременно должен это увидеть!

● Схожу в гараж, поменяю масло в машине. Заодно и мусор вынесу…

● А давай возьмём ящик пива, поставим хорошую порнушку, и я позову подругу на групповуху!

Па́ру литров медовухи
заглотну сейчас, друзья, –
для того, чтоб в групповухе
мог участвовать и я!

– Эх, если бы у меня было побольше денег, – вздохнул Валера, – дёрнул бы я, как Поль Кловисович Гоген, на Таити, присмотрел бы там какую-нибудь *цветную* красотку и стал бы отрабатывать с ней принципы цветоделения и хроматографии в живописи!

– А я думаю, – признался Альбионыч, – что не в деньгах счастье, а в любви!

– Да ну, царица лесная? – усомнился охранник.

– Точно, яйчики-бабайчики! В простой человеческой любви – к деньгам!

Хотя, несмотря на собственное суждение, марсианин точно знал, что русский мужик – существо примитивное, как бумажник, а русская женщина – создание сложное, как ювелирный магазин!

И тут, как не раз бывало и раньше, в кармане его сегодняшней рубашки, о цвете которой сообщалось в главе 15 этой книжки, зазвонил телефончик, напомнивший Альбионычу о том, что ещё со вчерашнего вечера он поставил на него бодренькую, хотя и довольно простую мелодию песни «Lazy Sunday Afternoon»[190] давно забытой английской группы «Small Faces»[191].

[190] *«Ленивый воскресный полдень» – англ.*
[191] *«Маленькие лица» – англ.*

А так как разговор в данную минуту шёл о семейной жизни художника, ни у кого не возникло малейшего сомнения, что звонок прилетел от его молодой супруги.

Мне звонят со всех сторон –
знают все, похоже,
мой рабочий телефон.
И крестьянский тоже…

Кулемзин нажал вначале одну кнопочку, включающую громкую связь, а потом другую, которая, собственно и позволила начать разговор.

– Володя, – не поздоровавшись, пророкотала Муравлёва. – А ты не знаешь, где сейчас Валера?

– Знаю, яйчики-бабайчики, – честно ответил литератор. – Но к сожалению, это не моя тайна, так что я не могу тебе её открыть.

– В смысле?

– В смысле, что он просил в случае твоего звонка этого не говорить.

– Ну, ладно, – зловеще произнесла абонентша. – Пусть только до дома доберётся, мы с ним поговорим по-другому.

– Спроси, а мы, святой Малевич, это кто? – свистящим шёпотом на ушко попросил разобраться в ситуации творческий горемыка.

– А мы, Наташа, это кто? – как попугай, повторил Кулемзин.

– Мы – это я и моя мама, – ответила Наташа. – Она ко мне в гости до вечера приехала! Так что пусть он не думает, что на этот раз уйдёт от ответа!

– Хорошо, – покорно согласился покерный гуру, – я ему передам.

– Тогда ещё один вопрос, – попросила семейная страдалица и задала его с придыханием:

– А он мне не изменяет?

– Нет, нет и ещё четыре раза нет, – твёрдо ответил Володя, при этом подумав: «Ну, разве только что виртуально», ибо заметил, как живописец уже который раз за прошедшие дни пялится на сиськи железнодорожницы Иры.

– А почему ты сказал *ещё* четыре раза? – поинтересовалась звонившая, как будто число утверждений здесь имело какое-то значение.

– Для твёрдости ответа, – ещё твёрже ответил друг горемычного художника.

А Муравлёв тем временем, оценив степень своей похмелённости как среднюю, решил сделать ещё одну попытку *заезда с флиртом*.

Здоровый дух в здоровом теле
влечёт меня к чужой постели!

Он сорвался с места, по возможности твёрдым шагом, но немного пошатываясь, приблизился к проводнице и задал вопрос, который сам расценил как умный и даже где-то остроумный:

– Девушка, а вы кто по гороскопу?

– Рыба, – ответила Ира. – А вы?

– А я Рыбак!

После такого ответа флирта не случилось, ибо Валера гулко, как Полтавцев, расхохотался от собственной шутки, а Ира, плюнув в сторону его левого кроссовка, спешно ретировалась в подъезд.

Как жаль, что рот раскрыла ты
и начала жевать мочало:
до женщины моей мечты
всего чуть-чуть не домолчала!

Муравлёв молча вернулся в родной коллектив, а пока шёл, штатный афоризматик Бермудского Учпучмака подарил для этой книги свой очередной афоризм:

**Женщины мечты готовы сниться только
тем, кто готов воплотить мечты в реальность.**

Глава 89. ПРИ ВСТРЕЧЕ С АМУРОМ СТРЕЛЯЙТЕ ПЕРВЫМ! (и ещё одно про-должение продолжения)

И тут неудачная история с Валерой и проводницей повторилась в точности с другим нашим героем – унтер-офицером Батыршиным. Вначале он также оторвался от коллектива взглядом, начав жадно поедать глазами старшеклассниц, которые ещё в главе 71 как остановились, болтая, под старым тополем восточнее Бермудского Учпучмака, так и стояли там до сих пор, видимо, кого-то поджидая.

В каком-то из прошлых томов автор уже предрекал им счастливое (с точки зрения самих школьниц) или ужасное (с точки зрения так называемого общества) будущее. Поэтому они не заморачивались в темах для своих нехитрых бесед, которые Кулемзин, будучи поэтом сразу двух веков, обозначил в коротком катренчике вот так:

Девушка о *майбахе* мечтала,
об особняке на Малибу
и о белой яхте у причала...
Но споткнулась о свою губу!

И, может, не глядел бы на них неуёмный трубач, но именно сейчас на это дело его подвигли сразу два фактора: во-первых, супруга Аида Яковлевна, удовлетворив свою первую женскую потребность в виде небольшого профилактического ора, удалилась домой и даже не виднелась на балконе, и, во-вторых, ему просто хотелось смотреть на молодые гладкие коленки, пока предоставлялась такая возможность.

Хоть и волосы седые,
сам себя приободрю:
на коленки молодые
с упоением смотрю!

Но дальше взглядов дело, к сожалению, не пошлó: было слишком много знакомых соседей, которые при случае обязательно бы выступили свидетелями обвинения, а не защиты, ибо ничего хорошего не сделал для них военный человек, а только всё сидел целыми днями и играл в карты с такими же подозрительными типами. Зато Митрохин, заметивший жадные взгляды Талгата, тут же рассказал небольшую историю как раз на эту тему, которую автор, не заморачиваясь, назвал

Рассказ Васюхана о том, как он картошку покупал

– Ехал я как-то вечером домой и вдруг вспомнил, что дома нет картошки. «А ведь в соседнем доме есть овощной отдел на первом этаже», подумал я и поспешил туда, пока не закрылись. А дело в том, что я в тот вечер был хорошо поддатый – до такой степени, что

стал соображать: а вдруг сильно пьяные с сегодняшнего дня в магазинах не обслуживаются? Но всё равно зашёл – проверить гипотезу. И вдруг вижу…

Тут антенщик схватился за сердце и немного помассировал рукой в этом месте, после чего все поняли, что история будет сердечная.

– …за прилавком стоит просто ослепительная красавица лет двадцати, да ещё с прекрасной грудью четвёртого размера, тонкой талией и… вообще! Кстати, остальное я вскоре тоже увидел. Гляжу и глазам не верю: чего она там делает – среди гнилой морковки и почерневших бананов?!

Подошёл поближе и севшим голосом бормочу:

– Девушка, а ничего, что я немного выпимши, отпустите товар?

«Хорошо, алкаш не мой!»
Я ему, серчая:
«Если выпил – марш домой!
Пусть жена встречает…»

– Конечно, – улыбнулась она так, как, наверное, улыбаются ангелы в раю.

– Ну, тогда три килограмма картошки, пожалуйста.

И тут девушка встала, повернулась ко мне спиной, сильно наклонилась и начала набирать картошку. Вот тогда я и увидел всё остальное: сзади она была также прекрасна, как и спереди, да ещё этот короткий халат, который был немного грязным от такой работы.

В общем, пока она набирала картошку, я чуть не сошёл с ума, потому что у меня в голове завелись мечты, да такие, о которых даже вам, своим друзьям, мне сейчас рассказывать стыдно.

На этих словах педагог Курманбаев страшно покраснел, закашлялся и кашлял бы долго, если бы не молодецкий кулак Афанасьича, долбанувший ему по хилой спине. А старший джус в это время продолжал:

– Наконец девушка повернулась, подошла поближе, чуть наклонилась вперёд, и глядя мне прямо в глаза, устало спросила.

– Посмотрите, вам картошечки достаточно?

И вот я машинально опускаю глаза вниз, но вместо картошки вижу такую прекрасную грудь, что и хрен бы с ней, с этой картошкой!

Две девицы на афише –
и совсем без ничего:
если я такое вижу, –
мне не надо ничего!

Но всё-таки собрался с последними силами и выдохнул:

– Д-д-достаточно. А как вас зовут?

– Люся, – ответила девушка.

Здесь Митрохин замолчал и все немного тоже помолчали из вежливости, пока всё тот же Полтавцев не спросил:

– А потом, царица лесная?

– А потом, – продолжил Васюхан, – я пошёл домой, но чувствовал себя при этом, словно сходил не за картошкой, а на свидание! И вот утром я немного похмелился – совсем чуть-чуть, потом зажевал запах лаврушкой, кусочком мускатного ореха и напоследок засунул в рот аж три пластинки жвачки «О́рбит», после чего вновь пошёл в соседний дом. Зашёл в него и чуть не упал – никакого овощного отдела там не было, а все овощи и фрукты, уже упакованные в разные красивые бумажки, лежали ровными рядками на полочках – подходи и бери!

В лавке нашей просто груды –
то, что пьём по-русски:
ешьте овощи и фрукты,
но не для закуски!

Я совершенно обалдел, затем подошёл к охраннику в форме и говорю:

– Братан, а что, сегодня Люся не работает?

– Какая Люся? – повернулся он ко мне. – Никакой Люси у нас нет.

А потом принюхался и, видимо, почувствовав запах моего похмелья сразу через три степени защиты, усмехнулся:

– Отдел с бухлом вон там – за овощными полками!

– И вот с тех пор я и такой…

«Какой?», хотели спросить его все остальные сидельцы за покерной скамеечке, но не спросил ни один, и только знатный семижопинец не спеша вытащил из котомки заветную книжечку «Для му.мы.» и, внутренне ухмыляясь, записал в неё: «Вот уж никогда бы не подумал, что Васюхан такой брат Сострургацкий – пьяное враньё из него так и прёт!»

Бабы встречные грудасты –
как бы не пришлось тужить:
не придумают фантасты,
что пришлось мне пережить!

«Да, дела, святой Малевич!», подумал Валера и потрепал друга Митрохина за плечо, что, видимо, означало какой-то русский знак поддержки. Правда, при этом он невпопад признался:

– А я вот в свою Наташу влюбился с первого взгляда!

– А сейчас, мать моя КПСС? – поинтересовался Мусаич и вновь густо покраснел.

– А потом быстро насмотрелся, – честно ответил живописец.

– А я слышал, ёкарные бабы, что иногда так влюбляешься, что прямо на месте с ума сходишь!

– Так у меня примерно так и было, – обрадовался воспоминанию Николаич. – Попал я однажды в больницу сильно выпимшим, и тоже думал, что это от любви. А утром проспался в палате и только хотел потихоньку слинять, как пришёл главврач на обход. И давай задавать мне разные вопросы: типа какой сегодня год, как зовут Брежнева по имени-отчеству и сколько миллиметров в километре – в общем намекает, гад, что если не отвечу, сразу же в психушку!

– А ты, яйчики-бабайчики? – заинтересовался рассказом Володя.

– А я держусь до последнего! И вдруг он меня спрашивает:

– Какого цвéта стены в этой палате?

– Зелёные, – отвечаю.

– А вот и неправильно, – обрадовался лепила[192]. – Стены-то салатовые! Так что, больной, цветоощущение у вас нарушено – придётся лечить.

[192] Врач – феня

– Сам ты салатовый! – говорю я ему. – Такого цвéта вообще нет, салатовый – это оттенок.

– А вы что, художник?

И вот тут хорошо, что я ответил ему просто «художник», а не с моей обычной присказкой, а то представляете, что бы он услышал: «Да, я художник, святой Малевич». Тогда бы

точно психушки не миновать! А так распорядился он, добрая душа, мне 50 граммов спиртяшки развести, сосед по палате яблочко дал на закусь – и через час я уже был дома…

Хоть я выглядел как ящер,
говорил, что Дон-Кихот,
я ведь псих не настоящий –
отпустили через год!

«Вот это да!», в это время подумал Кулемзин, который, как помнит мой читатель, являлся соавтором романа «Русская кочерга». «Да такие истории стопроцентно украсят мой последний седьмой том!». Но вместе с этим пришла и безотчётная тревога: «Что-то мои герои сегодня как-то неподконтрольно распоясались. Придётся отвлечь их каким-нибудь старым воспоминанием…»

Глава 90. ПРИ ВСТРЕЧЕ С АМУРОМ СТРЕЛЯЙТЕ ПЕРВЫМ! (почти окончание. Глава короткая, но с оттенком Хронотопа)

– А вот помните ли вы, други мои, что с началом так называемой перестройки имени ПОГОНа, или, чтобы было понятно каждому из вас,

Пятнисто-
Отстойный
Генсек,
Обманувший
Народ

, стало доступно многое, считавшееся неправильным, нехорошим и вообще чуждым?

– В смысле, царица лесная? – изумился Серёжа.

– В смысле, ёперный генсек? – изумился Талгат

– В смысле, мать моя партия? – изумился Нуртай.

– В смысле, святой Малевич? – изумился Валера.

– Да в том смысле, – ничуть не изумился Васюхан, – в каком Володя нам сейчас всё и объяснит.

Альбионыч благодарно поглядел на антенщика и, действительно, объяснил:

– Например, яйчики-бабайчики, службы знакомств в разных формах. Если я не ошибаюсь, всё начала́ центральная газета «Московский комсомолец», которая открыла рубрику брачных объявлений. Первые из них были страшно многословными и даже со стихами, а потому дорогими, потому что газетчики стали брать с потенциальных женихов и невест деньги за каждое слово – как в своё советская (б) почта за телеграммы! Поэтому тут же моментально сложился некий набор устоявшихся сокращений.

Хоть я и аристократка,
коей нужен лишь брюнет,
буду я писать вам кратко –
на длинноты денег нет!

Вот как примерно выглядело объявление в строгом стиле:

«Мужчина без в/п, ж/п и м/п познакомится с приятной девушкой до 30 лет с целью создания семьи»

А более романтичные звучали так.

«Очаровательная блондинка без в/п ищет мужа и отца для замечательного мальчика»

Правда, были и более откровенные:

«Ищу молодую красивую женщину для совместной поездки к морю. Все расходы беру на себя!»

Едем мы навстречу горю
до ноябрьских холодин:
ведь везу тебя я к морю,
а вернусь совсем один!

А в конце каждого объявления, как сейчас помню, стояло некое число – обычно двузначное, поэтому было нетрудно догадаться, что это количество слов, и оно, видимо, определяло стоимость услуги.

Мне это сразу показалось каким-то искусственным, так как информативность объявления слабо (прости, русский язык и Афанасьич в частности!) коррелировала с количеством слов. Поэтому, наверное, мне сразу запомнилось объявление с минимумом даже не слов, а знаков, но при этом с колоссальным объёмом информации. Выглядело оно так:

«Еврей – жену»

И всё! Сразу понятно, кто нужен, для чего нужен и, самое главное, кому! Очаровательные блондинки на это не клюнут, романтические мечтательницы тоже – не для них и написано. И всё же я не сомневаюсь, что подателю сей малявы[193] нашлась (и, думаю, не одна!) такая же деловая невеста.

[193] Письмо, записка – феня

– Да-да, Володя, ты прав, как всегда, – неожиданно встрял в кулемзинскую лекцию ленинец, – я думаю, что именно такой брак, если он состоялся, был прочным и надёжным, как Братская ГЭС имени 50-летия Великого Октября!

Это были те герои,
что запутались в труде, –
тот, кто эту ГЭС построил,
шарил в токе и воде!

Но про гидроэлектростанцию на сибирской реке Ангаре гнусный педагог уже кричал вслед несчастному Салихдзянычу, срочно метнувшемуся в кусты для того, чтобы выразить своё бурное возмущение и «великим» месяцем октябрём, и городом Братском, и самим Мусаичем.

А когда он (Салихдзяныч, а не Мусаич) вернулся, вытирая нижним концом рубашки плохо пахнущие губы, оказалось, что короткая лекция про брачные объявления закончилась – впрочем, именно об этом и предупреждало название сей главы – в скобках.

Хотя Альбионыч мог рассказать ещё много интересного – например, залогом крепкого брака он считал умение слушать: попробуй научиться слушать свою жену так, чтобы она даже не заподозрила, что ты её не слушаешь.

И яркий пример тому – несчастная Нюра Каренина, которая хотела всего, а получила тот конец, который заслужила…

Займись бы кто-то женщиной всерьёз,
она бы не легла под паровоз!

Глава 91. ПРИ ВСТРЕЧЕ С АМУРОМ СТРЕЛЯЙТЕ ПЕРВЫМ! (почти окончание)

А Кулемзин слушал излияния своих друзей и Нуртая и всё ждал вопроса, который в нашей книге ему уже задавали шесть раз (по количеству томов), и должны были задать в седьмой. И это случилось!

– Володя, вот ты нас всё расспрашиваешь, как шпион какой-нибудь, – неожиданно попенял ему Митрохин. – А почему ты сам до сих пор не женился?

Здесь автор быстро пробежался извилинами своей тыквы по всем ранее опубликованным книгам и понял, что да, старший джус его об этом ещё не спрашивал: по одному разу этот глупый вопрос задавали Батыршин и Муравлёв, и по два раза – Курманбаев и Полтавцев. Ну, Мусаич, понятно: ему надо было ежедневно пополнять свою книгу компроматов на главного героя, а вот зачем, например, это было нужно Серёньке из деревни Семижопино?! Неужели он всё-таки колебался, сделать или нет предложение грязной ладошки и предынфарктного *мотора* своей подруге Зуле?!

Как тут мне не всполошиться –
чуть не стал я батраком:
не могу никак решиться –
быть привык холостяком!

Но Альбионыч не был бы поэтом, если бы тут же не ответил антенщику давно выстраданными стихами, да ещё оказалось, что не одним, а несколькими. Но – всё по порядку. Писатель сделал соответствующее лицо и с болью в голосе произнёс:

– Мой путь тернист, не ровен и не светел,
готов завыть и водку пить стаканами:
я девушку с изюминкой не встретил –
мне попадались только с тараканами!

Но чёрствый коллектив этой боли не заметил, потому что тут же насел на него – видимо, для извлечения подробностей.

– Володя, а у тебя было такое, святой Малевич, – подался вперёд художник, словно от ответа марсианина что-то должно было измениться в его персональной Суке-судьбе, – что вот когда влюбишься, по спине аж мурашки бегут?

– Конечно, было, Валера, – мгновенно ответил литератор. – Но потом я всё-таки разобрался: при так называемых *мурашках* наше тело просто покидает здравый смысл, тихо щекоча при этом почему-то именно спину.

– Не почему-то, а по логике, мать честнáя, – снисходительно объяснил Афанасьич. – А где ты в нашем теле ещё найдёшь такую широкую и ровную поверхность, чтобы побегать какому-то смыслу, если ему вдруг захочется?

Покерный гуру дико глянул на объясняльца, мгновенно перевернул *раскладку*, которая уже началá томиться из-за незадействованности, и спешно записал на обратной стороне покрытого цифрами листа поразившее его открытие, скопидомно подумав при этом, что такая мыслишка будет украшением его последнего седьмого тома!

На других мозгах жируя,
глотку критикам заткну:
мысль чужую подворую –
и в романчик свой воткну!

– Старик, мать моя партия, – с трудом преодолев отвращение к противному слову (старик, а не партия), спросил его педагог, – а почему тебя так любят женщины? Неужели они все как одна обращают внимание на отсутствие кольца на твоём пальце?

– Это, Нуртай, было бы слишком примитивное суждение, доступное в нашем коллективе только тебе…

При этих словах, уловив интонацию сказанного, Серёжа, сидевший в противоположном от женатых триумвирате «ОХ», или «Охреневшие Холостяки», перегнулся через покерный столик и дал звучный щелбан коммунисту, да так быстро и ловко, что Курманбаев не успел заметить, кто же его так жестоко обидел, и стал поглядывать на всех без исключения, включая пенсионерок за соседним СС, или Старушечьим Столиком.

– Что-ты, Нуртай, конечно, не из-за этого, – улыбнулся Альбионыч – то ли наивному вопросу ленинца, то ли мгновенной реакции ловкого экс-текстильщика. – Просто женщины более внимательны, нежели мужики, и поэтому с первого же взгляда замечают, что я умный, добрый и красивый.

– Так почему же ты не женишься? – *опятьдвадцатьпять* попугайски вопросил его Мусаич.

– Да потому что больше, чем добрый и красивый, я умный!

Живу в плену простого убежденья,
что жизнь мою любовь лишь оттеняет,
пленяет, осеняет, сочиняет,
собой затмив весь мир и наслажденья.

♠ ♠ ♠

Но ничего во мне не изменяет…

И вот здесь наш герой совершенно не лукавил: за прошедшую жизнь, бóльшая часть коей пришлась как раз на его холостой период существования, он вывел для себя несколько аксиом, которые раз за разом получали всё новые подтверждения. Он, называющий себя *ветераном личной жизни*, частенько любил повторять, что двое – это компания, трое – толпа, а четверо – уже всё человечество.

– Наверное, поэтому я всегда один! – горько добавлял он при этом.

Вторая аксиома завелась у него в голове после расторжения первого и единственного брака[194], и этой мыслью он сейчас поделился с собравшимся на стихийную лекцию о семейных отношениях.

[194] Как раз в такие моменты мужчины прозревают и начинают понимать, почему семейная жизнь названа именно браком – горькое прим. автора

– В жизни мужчины есть два периода, когда он совершенно не понимает женщину: до свадьбы и после!

Мне всё чаще снится
этот страшный сон:
траурные лица,
кольца, Мендельсон…

Но прилипчивый большевик всё не отставал, словно, как буржуин из гайдаровской сказки, выведывал у Мальчиша-Кибальчиша главную военную тайну:

– Нет-нет, друзья мои, я всё-таки считаю, что без женщин жить решительно нельзя!

Правда, при этих словах он густо покраснел, так как внезапно вспомнил еженедельные *субботники*, в коих, кроме командного состава райкома комсомола, где он в эти халявные времена тогда подъедался, принимали участие весьма сговорчивые комсомолки, которых после этих маленьких праздников жизни всё-таки заставляли платить членские взносы. Вспомнив слово *членские*, он покраснел ещё больше.

Но литератору надо было как-то отвечать Курманбаеву, что он тут же и сделал.

– Мужчина без женщины, Нуртай, – это примерно как собака без блох: жить можно, но скучно!

– А ёперная женщина без ёкарного мужчины? – жадно спросил старший трубач.

– А женщина без мужчины, мой друг, как раз наоборот, – как блоха без собаки: жить можно, но кусать некого!

– Точно! – потрясённо выдохнул татарин, семейную жизнь которого никак нельзя было признать идеальной.

– Вот именно поэтому, – вздохнув, признался Володя, –

Моя прекрасная семья
по большей части это – я!

А потом, вздохнув ещё горше, добавил:

– Когда я слышу фразу *я тебя люблю*, мне всё время хочется услышать её продолжение. Например, «я тебя люблю мучить». Или «я тебя люблю тыкать вилкой». В общем, что-то мне не верится, что здесь всё так просто.

– Точно! – ещё раз подтвердил военный музыкант. – Однажды я спросил Аиду, за что она меня любит, и получит вот такой ответ: «Я тебя люблю больше всего тогда, когда ты выносишь на мусорку ведро!». Вот скажите, как можно в одном предложении соединить мусорное ведро и йодистую любовь?!

Глава 92. ПРИ ВСТРЕЧЕ С АМУРОМ СТРЕЛЯЙТЕ ПЕРВЫМ! (ещё одно почти окончание)

– Так неужели, царица лесная, совсем не надо жениться? – осторожно поинтересовался Полтавцев, который время от времени делал какие-то пометки в заветном блокнотике «Для му.мы. Том 2», и Альбионыч подумал, что, наверное, он записывает туда все *за* и *против*, чтобы потом путём арифметического подсчёта решить, как же ему поступить дальше с давней подругой Зулей.

Я при спиртообороте
не хочу идти ко дну:
подсчитал все *за* и *против* –
три купил, а не одну!

– Понимаешь, Серёжа, жениться или нет – должно быть осознанным решением очередного дурака, поэтому в данном вопросе я тебе не советчик. Но вот на ком точно *не надо* жениться, сказать могу.

– Скажи! – повернулись к нему слева ещё два члена триумвирата «ОХ» – Васюханыч и всё тот же Афанасьич.

– Стою я как-то в очереди в супермаркете, – поведал писатель, – а очередь движется медленно. От нечего делать начинаю разглядывать покупателей, и вот вижу: передо мною стоит женщина, на вид лет 35, ну, ничего особенного, но зато какой у неё потрясающий набор товаров: две бутылки водки (литровая и поллитровая), два сникерса (большой и маленький), три пачки сигарет, четыре зажигалки и… журнал «Моя судьба»!

– Какой ужас, мать моя Октябрьская революция! – потрясённо произнёс преподаватель еврейского колледжа, хотя лично его эта история не касалась никак.

– Вот и попробуй пойми эту ёперную женскую душу! – в досаде воскликнул старший фельдфебель Батыршин.

– Согласен с тобой, друг мой, – отозвался Альбионыч. – Если бы мне когда-нибудь

пришла блажь работать я семейным психологом (а ведь вы все видите, что я в этом деле кое-что секу́!), я бы не стал раздавать многочисленные советы на каждый случай, а всегда ограничивался бы лишь бы одним: «Просто иногда напивайтесь вместе!»

Женская душа

Три фунта правды, пуд коварства,
три грамма верности, пуд зла,
нахальства пуд, полпуда хамства,
притворства двадцать два ведра,
одна восьмая грамма чести,
и постоянства один грамм,
к мужчинам жадности тонн двести,
три тонны жадности к деньгам.
Теперь сложить все это вместе,
добавить дурости ушат,
поставить всё в прохладном месте –
и вот вам женская душа!

– А если бы стал, святой Малевич? – спросил его Валера.

– В смысле? – удивился Володя.

– Ну, ты же сам сказал, что не стал бы раздавать советы. А если бы тебе вдруг захотелось раздать?

– Ну, тогда бы я пару месяцев понаблюдал за этими семейными придурками, выписывая свои наблюдения, а потом опубликовал бы маленькую книжечку об этих открытиях.

– А сейчас они, мать моя партия, у тебя есть? – неизвестно с какой целью поинтересовался Курманбаев, так как чужой компромат емы был совершенно не нужен.

– Конечно, – не стал отнекиваться семейный психолог с психиатрическим уклоном. – Вот только первая двадцатка моих наблюдений, причём, конкретно о женщинах:

1

Женщина должна быть как мёд: с одной стороны мягкая и сладкая, а с другой – влип так влип!

2

Женщина – как питбуль: не воспитаешь – загрызёт!

3

Женщине от мужчины надо только одно – всё!

У всех проблем одно начало:
сидела женщина, скучала…

4

Женщины – это всегда алмаз. А вот бриллиант из неё получится или алмазное сверло – это зависит от мастерства огранщика.

5

Каждая женщина мечтает, чтобы мужчина взял её на руки, бросил на кровать и убрал весь дом, пока она спит.

6

Деньги не портят мужчину до тех пор, пока есть женщины, снимающие эту порчу.

7

Если бы женщины умели договариваться, дружить и слышать голос разума, невеста бы не кидала традиционный букет, стоя спиной, а вручала его той из подружек, которой нужно уже прямо сейчас.

8

День рождения женщины лучше помнить, год рождения – лучше забыть.

9

Самое обидное для женщины, когда она запланировала с мужчиной идеальные отношения, а он действует не по плану.

10

Женское семейное счастье покоится на трех китах:
никогда не говори мужу, что сказала тебе твоя мать;
никогда не говори своей матери, что сказал тебе муж;
никогда, никому, ничего не говори о том, что происходит в твоей семье!

11

Когда изба не горит, а конь спокойно стоит в конюшне, – русской женщине становится немного не по себе.

Есть женщины в русских селеньях
с покойною важностью лиц,
с нервической дрожью в коленях, –
сухие и злые, как шпиц.
В них разве слепой не плюётся,
а зрячий подальше бежит:
лишь глянешь на это уродство, –
и сразу же ты инвалид!

12

Практически о каждой женщине можно сказать одно и то же: при таком характере могла бы быть и покрасивее!

13

Все проблемы из-за баб, и даже у баб проблемы из-за баб!

14

За женщиной остаётся последнее в любом споре, ведь всякое слово, сказанное мужчиной после этого, является началом нового спора.

15

Последнее слово в споре с женщиной может произнести только эхо.

16

Женская преданность изнашивается быстрее, чем колготки.

17

Женщина – не свет в конце тоннеля, а сам тоннель…

Не хитрю и не мудрю –
мозг как куб ионный:
в душу я её смотрю,
как в тоннель бездонный…

18

Женщина, которая любит, простит тебе твою грешность. Женщина, которая разлюбила, возненавидит тебя даже за твою святость.

19

Странное существо женщина! Сначала она старается выйти замуж за сильного, самостоятельного мужчину, а потом старается сделать из него мягкую домашнюю тряпку.

20

Спорить с женщиной – примерно то же, что охотиться на слона: если с первого аргумента не убил – сразу убегай!

Кулемзин, залпом выпалив эти (прости, русский язык!) сентенции, шумно выдохнул и взял тайм-аут – до следующего вопроса. Но так как никто ничего пока придумать не сумел, резюмировал всё сказанное незапланированной мудростью № 21:

– Так что, други мои, даже не пытайтесь понять женщин! И я знаю, яйчики-бабайчики, о чём говорю, ибо не раз видел, что мало того, что они иногда моют голову отдельно от всего тела, так некоторые ещё и чёлку моют отдельно от головы!

О, женская загадочная логика,
в ней много неизведанных чудес:
не в силах мировая педагогика
постичь тех дивных мыслей тёмный лес.
Немало бились гении бессмысленно,
пытаясь разгадать её секрет –
не счесть попыток смелых многочисленных,
но точного ответа всё же нет!
А, может, пусть останется загадкой,
и у мужчин всегда к ней будет интерес,
ведь так манит таинственностью сладкой
тех мыслей женских необъятный темный лес…

Глава 93. ПРИ ВСТРЕЧЕ С АМУРОМ СТРЕЛЯЙТЕ ПЕРВЫМ! (и ещё одно почти окончание)

– А напоследок, други мои, вот вам два совета от меня – один полезный и один *самый важный*, – проговорил Кулемзин. – Полезный совет – это когда услышишь вопрос жены: «И что бы ты без меня делал?», самое сложное – мечтательно не улыбнуться! А вот самый важный я попрошу автора романа выделить особенно!

При этих словах Нуртай страшно взволновался – он уже который раз надеялся, что если Володя начинает заговариваться про какие-то романы и каких-то авторов, то не означает ли это то, что он потихоньку начинает съезжать с ума?!

Но автор, будучи человеком исполнительным, не стал прислушиваться к глупым мыслям большевика и просто сделал так, как просил его Альбионыч, то есть выделил самый важный вопрос, заодно объясняя своему читателю, почему все эти гла́вы о семейных и несемейных отношениях мужчины и женщины названы именно так:

При встрече с Амуром стреляйте первым!

Серёжа долго и внимательно слушал рассуждения женатых и бывших женатых друзей, после чего решил добавить, как он выражался, свой лептон в скромную сокровищницу народного опыта.

– Да, женщина – это загадка, – промолвил наконец он. – Всё что угодно загадит!

– Не знаю, поможет ли тебе такая «мудрость», – с сомнением произнёс литератор, – но, если хочешь, послушай:

С отменной *дедушкиной* шуткой

любой мужик весьма знакóм:
полгода бегаешь за юбкой –
и век живёшь под каблуком…

Афанасьич внимательно прослушал стих, затем торопливо, видимо, чтобы не забыть, достал заветный блокнот «Для му.мы.» и также торопливо записал поразившие его строки, а марсианин в это время без усилий, не заглядывая в книжечку, прочёл (прости, русский язык!) эпистолу сторожа:

Зачем я звал её голубкой,
кормил икрой и балыком?
Она приманит своей юбкой,
а после хрястнет каблуком!

После Полтавцева следующий вопрос созрел у Николаича.

– Володя, вот не помню, святой Малевич, о чём-то это, но что-то там про уши и глазá, – как-то они влияют на развитие сложных отношений между *разногендерными* людьми.

Альбионыч завистливо покосился на живописца, потому что такие сложные и красивые словá ему и не снились, но всё же ответил:

– Да, есть такая глупая теория. Женщины влюбляются в то, что слышат, а мужчины – в то, что видят. И вот именно поэтому женщины красятся, а мужчины врут!

Но партийный педагог Курманбаев не мог допустить, чтобы такие важные дискуссии проходили без его руководящего начáла. Он поднатужился и выдал голимый трюизм – затасканный не менее чем тремя сотнями русских и советских писателей:

– И всё-таки женщины, мать моя КПСС, – это святое!

К его досаде, на такую глупость не откликнулся никто, и только у Кулемзина мелькнула мысль: «Теперь я понимаю, почему моего друга Батыршина всегда так тянет прогуляться по святым местам…». Но мысли мыслями, а нужно было что-то сказать и вслух, и он сказал:

– А знаете, яйчики-бабайчики, что самое приятное в холостяцкой жизни?

– Что? – жадно спросил Митрохин, который сейчас был холостым – после двух неудачных женитьб.

– Да это то, что ты ешь, когда захочется, а не когда *она* сготовила!

«Ну и на хренá тогда мне Зуля?», пронзила «мысль» и бывшего текстильщика. «У меня, царица лесная, всё равно ни жрать нечего, ни готовить не из чего!»

А знатный поэт двух веков, услышав эту «мысль», подумал о том, что всё-таки иногда женщины для какой-то неясной цели, но пригождаются.

Там – пара ног, там – пара ручек,
да две груди. И так – у всех!
Ещё набор забавных штучек
для наслаждений и утех.
И вроде как не жди капризов –
раздень её да рядом ляг.
Но мир не может без сюрпризов,
видать, здесь всё не просто так!
И мóзга вес, и нежность кожи,
и слёзность глаз, и страсти зной…
Как странно: все вы так похожи!
А сердце тянется к одной…

Здесь Володя заметил, что все задумались, и решил заполнить паузу ещё одной мудростью, которую ему когда-то поведала его бабушка Галина Николаевна: «Не суй свои пальцы куда попало: или током шарахнет, или в обручальное кольцо попадёшь!». Здесь на него нахлынули воспоминания и он вспомнил ещё один бабушкин совет: «Лучше жить одному и ходить с высоко поднятой головой, чем с кем-то, и прогибаться от тяжести лапши на ушах!». И как же хорошо, что все эти мысли дошли до читателя в первозданном виде, а остальные сидельцы на покерной скамеечке их так и не расслышали. Но пауза затянулась повторно, и кому как не марсианину было её заполнять. И он её заполнил.

Не точи свои ножищи,
не сдавайся литражу:
подходи ко мне, дружище, –
всё на ухо расскажу!

– Мужик от бабы чем отличается? – задал риторический вопрос Володя.

Художник вопроса не понял, прапорщик не услышал, педагог сконфуженно захихикал в кулачок, антенщик по примеру друга вопроса также не понял, а вот сторож даже показал пальцам, чем именно.

– Эх вы, – попенял собравшимся писатель. – Выдержкой!

– Как это? – полюбопытствовал Полтавцев и порадовался, что не успел спрятать в котомку знаменитый на всю Вселенную блокнотик «Для му.мы»

– А вот как: лежит себе баба, и вдруг не вытерпит, вскочит, суетится, что-то делать начинает…

– А мужик? – вспомнил себя Муравлёв.

– А мужик лежит себе дальше, – вспомнил себя Кулемзин, – превозмогает…

И здесь автор решил на время оставить своих героев, ибо навалившаяся на них информация в виде мудростей требовала тщательного переваривания, и, посовещавшись сам с собой, постановил, что пора рассказать некую пронзительную, но абсолютно правдивую историю под названием

Глава 94. КАК ЕВРЕЙСКИЙ БАНКИР НАКАЗАЛ ЖЕНУ ЗА ИЗМЕНУ

Жила-была в Вене богатая еврейская пара: он зарабатывал деньги, а она ни хрена́ не делала, и однажды скуки ради залюбезничала с местным модным художником, причём, по глупости своей – весьма открыто. Коллеги банкира стали недвусмысленно заглядываться на его макушку для обсуждения величины его рогов.

Ну, дураков, как вы понимаете, среди банкиров не бывает, а среди евреев тем более. И вот стал наш рогоносец думать: как наказать любовников. Нельзя же убивать за такие пустяки, но и оставлять без наказания – это позор. И вот что он придумал.

Хоть привык я к вкусным блюдам,
аж раздулся мой живот,
я поймал жену за блудом
и – потребовал развод!

Он сделал художнику предложение, от которого тот не смог отказаться: написать портрет банкировой жены, но полностью одетой, причём, обязательно за срок не менее года и сделав не менее 100 эскизов, каждый из которых должен иметь художественную и материальную ценность. К тому же картина должна быть таким шедевром, цена которого сразу станет выше всех остальных произведений художника. И вот за это вначале будет выплачен аванс такого размера, которого хватит до конца жизни художника в Вене

того времени. А при невыполнении условий – штраф такого размера, что художник теряет всё и навсегда!

Так в чём здесь смысл? – спросите вы. Банкир решил, что в том, что после 100 эскизов и рисований с натуры любовники настолько опротивеют друг другу, что через год никаких чувств, кроме отвращения, у них не должно оставаться.

Отвратительное тело,
шея как у боровка,
ста́ра, рыжа, неловка,
брюхо вроде бурдюка:
как любовь мне надоела!
Срочно дайте мне пивка!

И представляете, именно так и случилось! Любовники быстро опротивели друг другу, а вот картина… стала национальным достоянием Австрии, которую не тронул в войну даже сам Гитлер, хотя это был большой портрет са́мой настоящей еврейки, написанный евреем-художником по заказу еврея-банкира. А, может быть, сыграло свою роль то, что сам художник в своё время, где-то случайно столкнувшись с мазнёй некоего ефрейтора, по пьяни назвал её гениальной, чем невообразимо поднял тщеславие этого человечка. После войны у описанной картины было много приключений, а в Голливуде об этом был даже снят фильм.

Но, главное, что сейчас эта картина реально является культурным достоянием человечества: это, как её называют искусствоведы, австрийская Мона Лиза под названием «Золотая Адель» яркого представителя австрийского модерна Густава Эрнстовича Климта.

А более углублённые знатоки помнят, что написана она была с Адели Блох-Бауэр – дочери генерального директора Венского банковского союза Морица Бауэра…

А я, как автор этой достоверной байки, зная, что разглядеть в таком чёрно-белом изображении шедевр очень трудно, который раз отсылаю своего читателя на полноцветный сайт романа «Русская кочерга», где он сможет увидеть «Золотую Адель» во всей красе:

http://russian-poker.kz/ – кнопочка «6 том»

Глава 95. ПРИ ВСТРЕЧЕ С АМУРОМ СТРЕЛЯЙТЕ ПЕРВЫМ! (неокончательное окончание)

– Интересно, и о чём это вы все сидите и мечтаете? – неожиданно раздался несколько визгливый женский голос.

Оказалось, что как оставил автор своих героев переваривать громадный объём информации про всякие семейные делá, так и сидели они, задумавшись каждый о своём, и вот тут-то и накрыла их старшая по дому № 17 Жанна Пантелеевна, или Ж. П., как кратко называл её писатель Кулемзин. Услышав необязательный вопрос, он тут же по-новому расшифровал её аббревиатурное имя-отчество:

Желающая
Подколоть

Но не ответить было бы невежливо, и эту тягостную функцию взял на себя Володя.

– Понимаете, Жанна Пантелеевна, что-то мы сегодня, во-первых, немного заигрались, а, во-вторых, поплыли от жары. Да к тому же возраст, знаете ли, даёт о себе знать – не то что у вас, женщины молодой и красивой!

Швондер общего жилфонда вспыхнула от удовольствия и тут же стала строить глáзки всем по очереди, включая незнакомого ей Митрохина.

Есть в каждой женщине, известно
должно любому мужику:
среди достоинств всех прелестных –
хоть небольшое, но *ку-ку*…

И пока она втихую млела от явно фальшивых слов Альбионыча, он в это время размышлял о том, что любая женщина, как говорят японцы, кажется красивой в темноте, издалека и под зонтиком. А эти японцы в большинстве своём никогда не видели настоящих русских баб, поэтому и не могли чувствовать то, что видит и чувствует русский мужик. Пóмните нашу поговорку о том, что нет некрасивых баб, а есть мало водки? Ну, вот скажите, как понять эту истину японцам, когда их саке – 25°. Разве же это водка? Так, квас!

Кулемзин вспомнил, как однажды бывший текстильщик рассказал ему забавный случай про свою подругу Зулю. Однажды он, наслушавшись разговоров марсианина о некоей *домашней* японской традиции, решился пригласить её (Зулю, а не традицию) к себе в квартиру – как выяснилось, на чайную церемонию, предварительно купив в лавке Калимы какую-то подозрительную упаковку с иероглифами. Правда, дóма с подругой он уже не церемонился! И хорошо, что про чай голубки́ вообще забыли, потому что магазинщица, пользуясь тем, что Полтавцев никаких иероглифов не знает, под видом японского чая продала ему упаковку вьетнамского порошка от клопов.

Чай в пакетиках не чай –
экспертизой подтвердилось:
35 % - чай,
остальное – просто силос!

И вот сейчас, наслушавшись разных рассказов на одну тему от друзей и Нуртая, Афанасьич неожиданно вспомнил о начале и конце своей семейной жизни.

– Кстати, йодистый Серёжа, а ведь ты нам ещё не рассказал о начале и конце своей семейной жизни, – попенял ему саксаульский хорунжий, и сторож обрадовался тому, что он так вовремя вспомнил об этом, а, значит, напрягать тыкву лишний раз не придётся.

– Сначала о свадьбе, мать честнáя, – обстоятельно начал он. – Как сейчас помню, намечена она была на 13 октября, но состоялась только после Нового года.

– Как это, святой Малевич? – удивился живописец.

– Вот и Нина тогда, когда мы увиделись, тоже об этом спросила.

– А ты, яйчики-бабайчики?

– А я ей просто объяснил, что, мол, мальчишник сильно понравился! – гулко захохотал охранник, испугав присевшую на ветку карагача ворóну.

Как любил я дорогую,
но потом я впал в вину:
на мальчишнике другую
предложили мне жену!

– Пр-р-реступник! – возмущённо каркнула ворона. – Одур-р-рачил подр-р-ругу!

– Старичок, – напомнил о сути разговора Васюхан. – У тебя, я вижу, всё весело начиналось. А чего же ты тогда развёлся?

– Да не сошлись мировоззрениями, – важно ответил Полтавцев.

– Как это? – вновь удивился Николаич, сроду не слыхавший таких умных слов.

– Как-как? – снисходительно объяснил семижопинец. – В *отношениях*, Валера, важно радовать друг друга.

– А на хренá? – удивился антенщик, который два раза женился, но с совершенно другой целью.

– Ну, вот смотри, – объяснил Серёжа. – Например, она вдруг захотела чего-нибудь, а ты – хоп! – и сразу ей это купил. А вот если ты захотел попить с кентами пивко, а она не захотела, тогда ты – хоп! – и сразу пошёл из дома сам. Чтобы не расстраивать супругу…

– Да тебе с такими познаниями, мать моя КПСС, и разводиться было не надо, – завистливо проронил партийный педагог.

Моя подруга боевая,
голубка добрая моя!
Расстались мы, но вспоминаю
твой ласковый и нежный яд.
Давно не пью я даже пива –
живу, как распоследний лох,
и часто думаю тоскливо:
«Да что ж я маленький не сдох?..»

– А я согласен с нашим другом, – похлопал по коленке Афанасьича старший джус, после чего добавил невпопад:

– Ведь что означает для мужчины удачно жениться? Это как засунуть руку в мешок с ядовитыми гадюками и вытащить оттуда ужа!

«Неужели это всё у них с семи-восьми бутылочек?!», поражённо подумал литератор и понял, что начинает терять лидерство в обсуждении, после чего поднял вверх палец, как бы призывая прислушаться к значительным словам:

– И вообще, мне кажется, что наша дискуссия теряет смысл, если мы так и не знаем, что же есть любовь?

– А ты что, мать моя партия, знаешь? – ироническим тоном спросил Мусаич.

– Конечно, – просто ответил Володя. – Любовь – это изысканная приправа, призванная одухотворить и драматизировать простой, как мычание, акт спаривания человеческих самок и самцов, или вполне самостоятельное, самоценное блюдо на пиру жизни, биологический инстинкт, культурное условие, привитое средой, или что-то третье...

«Наверное, что-то ёкарное третье», решил старший трубач Салихдзяныч, не поняв про первое и второе, после чего закручинился.

Философий избегая
и терзая свой баян,
я любовь не постигаю,
ибо каждый день я пьян!

И тут неожиданно, словно прозрев после пяти лет непрерывной пьянки, своё определение любви дал швейк второго микрорайона. Он, скопировав жест писателя, также поднял корявый палец правой руки и важно произнёс:

– А вот лично я думаю, что любовь, мать честна́я, – это когда ты и трезвый, и бухой зво́нишь одной и той же бабе!

И тут же загрустил от этих своих слов, поняв, что не звонил подруге Зуле уже с неделю, а не видел её и того больше. Он попытался вызвать в памяти образ любимой ткачихи – и внезапно у него это получилось! Со стороны это выглядело так: не слишком трезвый мужичок, морща лицо, сначала пялился куда-то в пространство, словно вспоминая, на какой планете он сейчас обитает, и вдруг вспомнил, потому что рожа его разгладилась и на ней даже появилась улыбка. Все с удивлением смотрели на сторожа и ничего не понимали, и только один Володя, как потомственный марсианин, легко прочитал промелькнувшую в тыкве семижопинца «мысль»: «А ведь она ещё ничего, сойдёт по сельской местности за четвёртый сорт…»

Дождусь ли дня, когда простого
ответа жажду утолю:
«Любил ли Герцен Огарёва
вот так, как я тебя люблю?»

Глава 96. ПРИ ВСТРЕЧЕ С АМУРОМ СТРЕЛЯЙТЕ ПЕРВЫМ! (ещё одно не-окончательное окончание)

Затем Афанасьича пробило на некие философские измышления, потому что он очнулся и горячо заговорил сразу со всеми, как бы продолжая никем не начатый разговор:

– Вот раньше у меня была жена Нина, а теперь Зуля, правда, не жена, а не пойми кто.

– А как ты запомнил, как звали Нину, ведь это было так давно? – поинтересовался Васюхан.

– У меня и до женитьбы с ней память была не очень, – признался охранник, – а пото́м Нина объяснила, что внутри меня заложены всего два состояния – вроде бы или пьяный, или злой, хотя я лично так не думаю. Помню, сначала я обозлился на такие её слова а пото́м выпил – и всё стало нормально! А вообще у нас с ней была весёлая жизнь…

– Как это, святой Малевич? – удивился живописец, который просто отказывался верить, что в браке жизнь может быть весёлой.

– Ну, например, я никогда не верил в летающие тарелки, – объяснил Полтавцев, – пока не поссорился с Ниной…

Летают тарелки у нас по квартире –
пускает жена их, как будто бы в тире!

Он покачал головой и вдруг солнечно улыбнулся, вспомнив, что давно развёлся с такой хорошей женщиной.

– Так получается, что Зулю ты всё-таки любишь? – поинтересовался педагог.

– Да не то чтобы очень, – признался охранник. – Скорее, это дружба на почве взаимного физического влечения…

Похоже, мы с тобой,

как провода́ под током –
нас бросило друг к другу
ненароком!

Здесь Альбионычу стало казаться, что не напрасно ли он затеял такой сложный разговор, потому что время неумолимо приближалось к обеду, а была сыграна всего одна партия, да и жрать уже хотелось не по-детски. «Дам-ка я этим иблисам моё определение любви, тем более, что спроси их об этом завтра, всё равно ведь не вспомнят…»

– Да, други мои, – обратился он к покерной хевре. – Я много думал на эту тему, и понял, яйчики-бабайчики, что все мужики так или иначе похожи друг на друга. Но, то ли к счастью, то ли к несчастью всегда находится какой-нибудь простофиля глупее остальных. Вот именно тогда и зарождается так называемая любовь!

Затем он обратился персонально к бывшему хлопчатобумажнику:

– Серж, друг мой, не благоволите ли записать зародившуюся у меня мысль для так называемых потомков?

– Отчего же, с превеликим удовольствием и тщанием, – ответил Серёжа.

И тут он, как и остальные бермудцы, с удивлением проводил глазами педагога, который бросился в учпучмакские кусты, проклиная персонажей, начавших переговариваться как граф с князем. Особенно потрясло его слово *тщание*, которое он не знал вообще.

А Володя сделал мхатовскую паузу и торжественно произнёс только что сочинённый афоризм:

**Любить кого-то – это с удовольствием
воспринимать от него такое, за что
других уже давно прибил бы!**

Афанасьич, у которого сильнее забилось сердце от такого откровения, спешно выхватил заветную книжечку «Для му.мы.» и торопливо, чтобы не забыть, записал: «Главное в любви – это прибить кого-то с удовольствием!». Потом он перечитал написанное, засомневался, что, возможно, не так понял мирорайоновского философа, но переспросить постеснялся. А Альбионыч, увидев возвращающегося и пошатывающегося коммуниста, тихонько пропел строчки из старой песенки американца Фрэнка Мартиновича Синатры – всё на ту же тему:

– Love and marriage,
love and marriage,
go together like
a horse and carriage…[195]

***[195] Любовь и женитьба,
любовь и женитьба
связаны вместе, как
лошадь с повозкой… – англ.***

И здесь, как это бывало не раз в нашем великом повествовании, вновь раздался телефонный звонок – на этот раз от супруги художника Муравлёва. Володя показал номер Валере, и тот замахал руками, как бы призывая спасти его и на этот раз от ненужного разговора. Литератор нажал кнопочку, и на него тотчас обрушился поток стра́стных слов:

– Володечка, передай этому аспиду, что у меня к нему три просьбы, два каприза и один ультиматум!

Даже видавший виды марсианин содрогнулся от такой *предъявы* и, что-то пробормотав, поспешно отключил аппаратик. К его удивлению, повторного звонка не случилось.

– Валера, не переживай, – попытался успокоить друга Володя. – Я же тебе не раз говорил, что женщине, этому сопутствующему человеку существу, природа не дала мыслить абстрактно, поэтому все свои претензии они, как правило, предъявляют в лоб, и иногда вполне материально – сковородкой!

Николаич машинально потёр лоб и вспомнил, как совсем недавно узнал от любимой, что она решила немного похудеть, причём, при разговоре напирала на то, что сделать это довольно легко, если не есть мясо и мучное, а питаться исключительно салатами из овощей. Но вскоре выяснилось, что для того, чтобы такая диета сработала быстрее, Наташа начала жрать по два тазика салата за раз!

Любите лучше пышных дам:
они всегда добрее к вам.
Худые – злые все подряд,
да потому, что есть хотят!

И уже в который раз несчастного саксаульского ~~чайковского~~ айвазовского посетила неприятная мысль о разводе. Правда, оказалось, что он означил эту мысль вслух.

– Живёшь с женой – пить не дают, – пожаловался художник. – А живёшь один, святой Малевич, – закусывать нечем…

– Вот гляжу я на тебя, Валера, – поглядел на Валеру сторож Афанасьич, – и думаю, царица лесная: что бы ты делал, если бы у тебя дóма не было ни телевизора, ни газет, ни календаря, а были бы только верёвка, мыло и крюк?

– Да продал бы все эти ненужные вещи и запил! – воскликнул Муравлёв так горячо, что сидящий рядом старший джус даже потрогал его лоб – на предмет определения лишней температуры.

Но Полтавцев решил успокоить товарища по покерно-пивным посиделкам ещё раз.

– Знаешь, почему женщины живут дольше мужчин? – спросил он и тут же сам ответил:

– Да потому что у них жён нет!

– Точно, ёкарная жизнь! – подтвердил военный музыкант, слишком давно не высказывавший своего мнения.

Вот мысль, подобную праще,
даю я в этом томе:
у наших жён нет жён вообще –
одни лишь жертвы в доме!

– А ещё красится всё время – столько денег на это уходит! – вспомнил ещё одну беду живописец.

– Согласен с тобой, друг мой, – поддержал его Володя. – В этом вопросе вообще всё несправедливо: когда у жены на лице полтонны косметики – это вроде как ничего, а вот когда у мужа после пьянки неизвестно с кем на лице появляется немного помады – так это просто конец света! Поэтому скажу вам так: не обольщайтесь, мужчики, ведь невеста – это лишь художественный вымысел, а вот жена – это правда жизни, и надолго! Хотя надо признаться, что некоторых так закаляет семейная жизнь, что они перестают бояться загробной…

Глава 97. ПРИ ВСТРЕЧЕ С АМУРОМ СТРЕЛЯЙТЕ ПЕРВЫМ! (окончательное окончание)

А писатель земли русской и саксаульской с сочувствием смотрел на Муравлёва (да и

не на него одного) и вспоминал свою последнюю встречу с его супругой, когда они в конце апреля нанесли ему визит в связи с днём рождения. Помнится, тогда Валера, не стесняясь того, что находится в гостях, быстро напился как домашнее животное и приуснул на диванчике, а Альбионыч в это время успокаивал гостью следующими словами:

– Наташа, да не переживай ты так, – поспит немного и проснётся, встанет и вы пойдёте домой.

– Да я не за это переживаю, – призналась жена живописца. – Я вообще!

Как ни удивительно, но Володя, будучи русским человеком (в земном понимании), прекрасно её понял и тут же развернул успокоение:

– Даже если Валера ничего тебе не дарит, разбрасывает везде носки и сидит перед телевизором с бутылкой пива, значит, ты именно та единственная, с кем ему действительно хорошо!

Мне от счастья хоть мяукай –
не бываю до́ма зол:
повезло же мне с супругой –
вместе смотрим мы футбол!

Но тема семейных отношений, и без того уже безмерно отражённая в шести с половиной томах романа «Русская кочерга», всё не отпускала не до конца похмелённых персонажей. И Кулемзину было немного странно, что никто из них не сказал о своих подругах и жёнах ничего хорошего, а все норовили пожаловаться на свою несчастную долю.

Особенно плохо было старшему трубачу Батыршину, которому вначале выпало счастье в виде почти недельного отсутствия жены и детей, а потом случилось горе, когда они вернулись в родное еврейское гнездо. От горестных воспоминаний он даже икнул – сначала один раз, а потом ещё и ещё, после чего вспомнил глупую русскую примету:

– Наверное, Аида меня вспоминает! И я даже представляю, как именно…

– Талгат, ну что за глупости! – воскликнул русско-марсианский знаток народных примет, а потом обратился к Полтавцеву:

– Серёжа, яйчики-бабайчики, объясни ему.

Афанасьич вытащил из котомки лучшую на Земле книгу жизни в виде заветного блокнотика «Для му.мы.» и, найдя некую страницу, обратился к унтер-корнету:

– Старичок, мать честна́я, вот ты сейчас икнул, но, конечно же, не потому, что тебя помянула какая-то Аида. Ну вот подумай сам, кому на́ хрен нужен такой алкоголик!

Салихдзяныч понурил голову, как бы соглашаясь с предложенным жизненным диагнозом. А сторож продолжил, уже читая строчки на странице:

– А из-за синхронных миоклинических сокращений диафрагмы и межребёрных мышц!

И тут писатель вовремя вспомнил, что он ещё и поэт, и вызвал из памяти свой исторический стишок на эту тему:

Икота, икота,
перейди на гугенота,
с гугенота на Якова –
Стюарта[196] проклятого!

[196] Яков II Стюарт – король Англии, Шотландии и Ирландии – прим. ист. редактора

– Может, это потому, что я старше её на четыре года? – продолжал горькое расследование своей семейной жизни саксаульский фельдфебель. – Или то, что я йодистый татарин, то есть мусульманин, а Аида – ёперная еврейка, то есть иудейка?

– Тоже глупости, – опроверг и эти измышления Володя. – У любого мусульманина, если он не баба, есть то же, что и у любого христианина, да и просто у любого мужика, так же как у любой еврейки есть то, что и у любой женщины на свете, так что, как ни изучай «Камасутру», всё равно всё сойдётся идеально. И насчёт возраста тоже не заморачивайся, а лучше вспомни, что первая жена пророка Мухаммеда по имени Хадиджа была старше его на 20 лет, а последняя по имени Айша – на 40 моложе!

Знает и село, и город:
хорошо всегда у тех,
кто не видит грозный возраст,
коль стои́т предмет утех!

– А, может, святой Малевич, тебе просто бросить пить? – вдруг сделал страшное предположение Николаич и сам испугался этой мысли, тут же на всякий случай постучав по деревянной тыкве Полтавцева.

Но оказалось, что старший трубач воспринял недружественный совет серьёзно.

– Валера, подумай сам: если я вдруг брошу пить, откуда мои друзья в два часа ночи узна́ют, что я их ценю и уважаю?!

– А, может, у неё одежды мало? – принял участие в расследовании Васюхан. – Помню, мои обе жены, как будто раньше были знакомы друг с другом, всё время говорили одну и ту же фразу: «Мне совершенно нечего надеть!»

– Да вроде нет, – задумчиво ответил Батыршин, – вроде каждый день ходит не голая.

А Володя, у которого была специфическая поэтическая память, откликающаяся на любое событие, происходящее в Великом ▲, тут же вспомнил свой давний стишок:

Хочу совет бесплатный дать мужьям,
которые своих не знают женщин:
когда от шуб трещат шкафы у дам,
любовников туда влезает меньше!

И тут педагог Курманбаев, которому не терпелось высказать своё мнение, совершил привычную тухлую подлость, после которой несчастный аидин муж помчался в бермудские кусты, как заяц, преследуемый Мальчиком-с-пальчик, вооружённым лазерным мечом. Нуртай растерянно посмотрел ему вслед и подумал: «Как же так? Ведь я всего лишь рассказал коллективу о том, что перед мужским праздником специально разбил любимую кружку – для того, чтобы моя жена (кстати, тоже член партии) не мучилась вопросом, что мне подарить на 23 февраля!», после чего вслух добавил лишь три заветных сло́ва:

– Мать моя КПСС!

В Советском Союзе секса нет –
гру́ди спрячь, достань партбилет!

Тема затухала как бы сама собой, и писатель понял, что надо подводить какие-то итоги, иначе могло случиться так, что эти итоги могут сами подвести всех присутствующих, а ведь до конца дня ещё оставалась масса дел, первым из которых было накормить население покерного столика. «Всё-таки одиночество», подумал он, «это высшая степень свободы!», а вслух произнёс ещё несколько советов женатым и неженатым персонажам, которые сидели как бы прибитые страшной семейной темой .

– Позвольте мне, други мои, подвести некоторые, яйчики-бабайчики, итоги нашего нелёгкого разговора. Занимаясь много лет этой проблемой, лично у меня вывелся вот такой замкнутый круг:

когда у вас появляются деньги, у вас сразу появляются женщины;
когда у вас появляются женщины, у вас сразу пропадают деньги;
когда у вас пропадают деньги, сразу же пропадают женщины;
когда у вас пропадают женшины, сразу же появляются деньги!

– Так как же так, ёкарные тугрики? – в отчаянии выкрикнул Салихдзяныч.

– По-моему, главная проблема здесь в том, – уверенно ответил знаток семейных отношений, – чтобы убрать из этого порочного круга женщин! И тогда мы станем сказочно богаты… Но как же в этом случае прожить без них?

– Без женщин, царица лесная? – поинтересовался охранник.

– Без денег, – ответил литератор. – Впрочем, и без женщин тоже…

Я живу совсем без трещин,
взяв судьбину напрокат:
у меня так много женщин,
потому что я богат!

– Так почему же, святой Малевич, они нас не понимают? – горько воскликнул живописец Муравлёв.

– Так это же не с сегодняшнего дня пошлó, – объяснил ему Альбионыч. – Вот вспомни, что было написано ещё в библии. А написано там было следующее: «И сказал *дедушка* Еве: «Не ешь плод с дерева!». И ослушалась его Ева и съела плод с дерева». Представляете, *дедушку* ослушалась! А вы хотите, чтобы она мужа услышала…

Все подавленно молчали, потрясённые какой-то уж очень страшной библейской историей.

– Но, други мои, не расстраивайтесь так сильно, а запомните на всю жизнь одну мудрость, которую я предлагаю зафиксировать в серёжиной книжечке «Для му.мы»: «И всё-таки семейная жизнь хороша тем, что даётся нам не один раз!». И напоследок – мой

Универсальный совет
всем заинтересованным

Всех женщин сразу в жёны нам не взять.
Эх, знать бы признак, чтобы выбирать!
Худышка будет холодна в постели,
толстушка в дверь проходит еле-еле,
Весёлая окажется гулящей,
а с грустной секс раз в месяц, и не чаще,
с холодной заработаешь ангину,
с горячей – расцарапанную спину,
быть рядом с длинноногой не с руки,
когда она оденет каблуки,
та, что умна – обманет без труда,
жить с глупой – это тоже ерунда,
красивая легко уйдёт к другому,
а страшная – позор родному дому!
Вот и приходится, как ни крути,
смотреть лишь на размер её груди…

Глава 98. ВРЕМЯ НАБИВАТЬ БРЮХО!

– Володя, – серьёзно обратился Полтавцев к знатному семейному лектору-надомни-

ку. – Про размер сисек, мать честнáя, конечно, нам всем интересно, но, кажется, ты забыл о главном.

– Merci тебе, добрый человек, – обрадовался покерный гуру и придвинул к себе карточную колоду, *раскладку* и ручку. – Значит, продолжаем играть?

Афанасьич посуровел рожей и ещё более серьёзно сделал обратный жест, то есть отодвинул от писателя только что обозначенные предметы обратно.

– В смысле, яйчики-бабайчики? – удивился марсианин.

– Ладно, не буду тебя мучить, – пообещал сторож, после чего молча, но выразительно погладил себя по грязной маечке в районе живота.

Кулемзин задумался. «Что же он хочет этим сказать? Не намекает ли он, что в его халупе № 30 сломана стиральная машинка и поэтому его маечку надо постирать мне? Или просто просит деньги на новую одежду? Но почему об этом нельзя сказать вслух? Стесняется Васюхана? А, может, у него за неделю игры в *русскую кочергу* в районе живота образовалась грыжа? Ничего не понимаю!»

– Ничего не понимаю! – признался Альбионыч. – Серёжа, может, объяснишься?

– Да уж придётся, – горько покачал головой семижопинец. – Хотя погоди, а вдруг кто-нибудь уже догадался – не то что ты?

– Мы, мы догадались!– хором заревели Курманбаев, Батыршин, Муравлёв и Митрохин. – Жрать пора!

Хоть мы игры и патриоты,
и покер любим углубить,
нельзя всё время нам работать –
пора бы и кишку набить!

– Жрать? – удивился литератор. – В смысле есть, кушать, лопать, трескать, уплетать за обе щёки, уминать и отведывать?

– Ну да, святой Малевич, – за всех ответил художник и, привстав со скамеечки, повернулся к Володе в профиль.

Писатель глянул на него (профиль, а не художника, хотя, впрочем, и на художника тоже) и ему стало стыдно. Профиль Валеры, несмотря на употреблённые с утра семь-восемь бутылочек «Тянь-Шаня», был очень худым, и от его фигуры веяло если не преждевременной кончиной от голода, то по крайней мере скорым обмороком от истощения организма.

Добрый самаритянин, хотя это определение ничего не сказало бы остальным обитателям покерной скамеечки, если бы они его услышали, наконец всё понял, после чего бодро воскликнул:

– Ну что ж, други мои и Нуртай, со всей присущей мне серьёзностью объявляю спецоперацию под названием «Время набивать брюхо!»

Так пусть закончится опала
для тех, кто клянчит бутерброд:
набьём мы брюхо чем попало –
в том смысле, чтó попало в рот!

– Да здравствует наш общий друг и спаситель Кулемзин! – внезапно прокричал педагог, а старший трубач уже на ходу к бермудским кустам подумал: «Ну и хорошо! Как раз сейчас надо освободить желудок для наверняка чего-нибудь вкусненького, что приготовит нам Володя!»

Но Володей, как это обычно бывает с увлечёнными людьми, уже овладела новая идея: чем бы покормить своих прожорливых товарищей по партии[197] и им сочувствующих? Он

немного подумал и изрёк внимательно слушающим его голодающим Бермудщины:

– Как мне недавно стало известно из книги профессора Фекалина «Общая физиология человека советского периода в разрезе насыщения организма едой», сытый человек – это добрый человек, и оптимизма у него хоть отбавляй!

[197] Исключительно по партии в русскую кочергу – прим. автора

– А бухла возьмём? – наивно перебил его Полтавцев.

– Нет, – просто ответил писатель, на глазах превращающийся в повара V категории. – Серёжа, открой свою книжечку «Для му.мы.» и прочти мою мысль на страничке 26.

Афанасьич споро перелистал блокнотик и, перепутав страницу, стал громко и с выражением читать стишок Сергеича, который тот наваял аж в 1825 году, под названием «Если жизнь тебя обманет», но почему-то не на русском, а на одном из европейских языков, чем поверг писателя в глубокое изумление:

– Should this life sometime deceive you,
Don't be sad or mad at it!
On a gloomy day, submit:
Trust – fair day will come, why grieve you?
Heart lives in the future, so
What if gloom pervade the present?
All is fleeting, all will go;
What is gone will then be pleasant [198]…

[198] Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдёт;
Что пройдёт, то будет мило…– перевод с англ.

– Старичок, – тихо обратился к чтецу Альбионыч, когда тот смахнул от пронзительных строк Нашего Всего так называемую непрошенную слезу. – И где же здесь про упомянутое тобой бухло и определение человека, заговаривающего на эту тему?

– А разве нет? – удивился экс-текстильщик и быстро процитировал пушкинский стих уже на русском, который мой читатель сейчас видит в ссылке внизу этой страницы 245.

– И всё-таки я попрошу тебя найти страничку 26, – ещё раз попросил марсианин.

Серёжа покраснел, полистал свою книжицу и радостно продолжил её цитирование:

– Вот, нашёл! Слушайте все! «Сегодня у меня великий день! Мой друг Кулемзин научил меня отвечать на обзывание «Алкаш!». С этого дня я буду смотреть в глаза любому обзывальцу (и даже женщинам) и говорить следующее: «Нет, я не алкаш, а просто не всеми понятый благородный невротик!»

Я толкую своей дуре:
«Хватит на меня клепать!
Разве ж я алкаш, в натуре,
если выпил лишь 0,5?»

«О чём это он, ёкарный алкаш?!», грустно подумал ещё один благородный невротик покерного коллектива.

– А сейчас, мои маленькие друзья, попрошу вас немного помолчать! – попросил литератор. – Кстати, моя просьба не касается дворовых детей, которые в данный момент всё равно не слышат даже себя.

– Думать будешь, мать моя партия? – догадался партийный благородный невротик.

– Да, – коротко ответил философ и порузился в пучину собственных мыслей.

«Как-то на днях на улице мимо меня пролетел голубь, и я не знаю, как это произошло, но он врезался в карагач возле покерного столика, причём довольно сильно. Голубь упал на землю, перевернулся и дальше просто пошёл, если так можно выразиться про птицу, пешком. И тут я понял, что у меня с ним много общего: ведь я тоже, когда попадáю в неловкую ситуацию, делаю вид, что так и было задумано… Впрочем, о чём это я? Я же хотел обдумать скудное меню предстоящего обеда!»

А почему именно скудное, спросит автора читатель. А автор объяснит ему, что его герой Кулемзин (по Великому Плану Построения Седьмого Тома Романа «Русская Кочерга») должен приготовить всего одно блюдо – но такое сытное, чтобы покерные игроки и их болельщики смогли продержаться до вечера, а то и до ночи!

Вперекорки алкоголю,
что для люда – белена,
вам такое приготовлю,
не умеет что жена!

Мусаич, Салихдзяныч, Афанасьич, Николаич и Васюханыч сидели притихшие, воочию наблюдая, как шевелятся мысли в голове знатного кулинара.

«Может, приготовить куриную грудку «Монте-Карло»[199], когда-то бывшую фирменным блюдом московского ресторана «Прага»? Или узбекскую басму[200]? Нет, пожалуй, не сегодня, так как время такой готовки не меньше чем три часа! А, может, бугламу[201] из рыбы? Но где же взять рыбу, когда мой морозильник сегодня забит исключительно мясом – от разных убиенных животных? Можно, конечно, обойтись болгарскими перцами, фаршированными *сбоку* или свиной грудинкой, запечённой *в бумаге*, но для последнего тома моего великого романа это как-то несерьёзно. Ну, не сосиски же в лаваше им приготовить или какие-нибудь капустные рулетики, которые, кстати, я просто обожаю – но когда этого никто не видит!»

[199] Обжаренные на оливковом и сливочном масле кусочки куриной грудки под сливочно-грибным соусом на подушке из листьев салата – прим. автора

[200] От узб. басма – гнёт, груз. Мясо с овощами в казане с крышкой, придавленной при готовке грузом не менее 7 килограммов – прим. автора

[201] Блюдо из азербайджанской кухни (дословный перевод «приготовленное на парý») – прим. автора

Володя перевёл дух, сделал последний глотóк из своей бутылочки «Тянь-Шаня», чем вызвал завистливые взгляды сопокерников и им сочувствующих, после чего продолжил размышлять:

«А не сделать ли им тжвжик?»

И пусть не подумает мой читатель, что Альбионыч только что придумал это словно бы исковерканное слово. Нет, его давным-давно придумали армяне, которые своими закорючистыми буквами прописали его как տժվժիկ, кое есть блюдо армянской национальной кухни, где основным ингредиентом являются баранья печень, а также любые другие субпродукты. И армяне, и сам саксаульский повар считали это блюдо очень лёгким в приготовлении, но в отличие от армян, марсианин полагал его самым труднопроизносимым из всех известных ему земных 17.448 рецептов.

Глава 99. ПЛОВ КАК НАУКА (О появлении таинственной сферы)

И тут Володю словно пробило недоступным доныне знанием. «Плов!», подумал он и тут же отметил, что это была блестящая мысль. Дело в том, что знатный кулинар с журналистским образованием знал не менее десяти рецептов этого прекрасного блюда, среди которых был арабский билаф, узбекский палов, грузинский пилапи и индонезийский пилаф, где сами названия кушанья были так похожи друг на друга, и только бирманцы нелогично называли его кабяар.

Здесь надо заметить, что привычный всем россиянам и саксаульцам плов был не совсем обычным блюдом; а при правильном подходе к его готовке он превращался в божественный продукт, вкушать который имели право только самые-самые, в число которых Кулемзин включал и себя. Он знал, что плов – это не просто тушёное мясо с рисом, луком и морковкой. Плов – это культ, плов – это кулинарное вуду, плов – это концентрат кулинарного искусства и, наконец, плов – это наука!

Мы знаем жизнь, и всё же но ведь
есть чем себя нам ублажить:
кто не умеет плов готовить,
тому не надо с нами жить!

Настоящий плов готовят всегда утром, а едят вечером. И это не преувеличение. Альбионыч вспоминал, как однажды был в командировке в саксаульском городке Туркестан, где в те годы саксаульцев жило меньше, чем узбеков, и своими глазами видел таинство готовки этого блюда. Какой-то местный начальник, у которого останавливался журналист Кулемзин, вставал затемно, чтобы вначале замочить рис, потом приступал к медитативной нарезке моркови, постепенно переходя к бараньим рёбрышкам и остальному мясному хозяйству, заканчивая помидорным салатом и так далее, и тому подобное, перемежая всё действо распитием горячего чая, вина или водки. И только к вечеру, когда посреди сада, в специально отведённом месте, вдруг возникал казан, после чего становилось понятно, что плов, как настоящий гастрономический божок, занимает служением себе весь день!

Писатель с гастрономическим уклоном давно понял, что искать формулу идеального плова – занятие бессмысленное: в каждой местности, в каждой семье, у каждого әке[202] – свой плов. И всё же он (писатель, а не саксаульский папа) вывел для себя несколько *общих* правил, направленных на то, чтобы мясо само слезало с костей, а рис получался рассыпчатым, лоснящимся и благоухающим специями.

[202] ***Отец – сакс.***

Водкой плов свой опечалишь,
и вино – не благодать:
к плову можно только чай лишь
в тонком чайнике подать!

Но для того, чтобы не отвлекать народонаселение Великого Игрового Треугольника, в которое в данный момент входили дворовые дети, старушки-пенсионерки за соседним СС, или Старушечьим Столиком, алкаши Глав-Бух и Галлюцинация, с утра отдыхающие в учпучмакских кустах, а также домашние животные в составе пса Бори, котов Пушка́ и Семёна, которых вдохновляла красивая кошечка Несси, литератор был вынужден применить одну из самых сложных марсианских технологий под земным названием ЗОНТ. А чтобы моему читателю было понятно, о чём идёт речь, то вот его расшифровка:

Защитный
Оберег
Настоящей
Тайны

Какую же настоящую тайну обергал таинственный защитный *оберег*, смастряченный Володей буквально за мгновение – после произнесения формулы марсианской технологии *ъъъдрррчшцъъъ*? А вот какую: в верхнем углу треугольного Бермудского Учпучмака, на месте старого детского турника вдруг возник прозрачный сферический купол с диаметром аж в 6 метров, куда тут же переместились все наши главные герои.

Вот развязка так развязка
(моему хвала перу!):
мы попали словно в сказку,
что придумал наш гуру!

Они, давно привыкшие к марсианским штучкам Альбионыча, не стали ахать и охать, а, напротив, с удовольствием стали обживать новую для них территорию. Внутри ку́пола вместо привычных покерного столика и покерной скамеечки появилась некая жаровня из необычного голубого цве́та металла, поодаль от неё точная копия игрового столика, только деревянного, вокруг которого встали шесть красивых стульев, перенесённых с одной из тайных комнат-трансформеров кулемзинского Личного Место-Имения, а также флагшток, упирающийся в крышу ку́пола, на вершине которого на неощутимом остальными ветерке трепетал флаг, где по четырём углам были изображены все карточные масти, а в центре сияли золотом пять букв МЕСТО, которые расшифровывались как

Могучий
Единый
Союз
Тайного
Общества

И тут все заметили, что под куполом их осталось пятеро, а хозяин всего этого великолепия неожиданно исчез. «Пойду поищу товарища, царица лесная», подумал один из гостей нового ме́ста обитания и решительно направился в сторону володиного подъезда, но уже через несколько секунд недоумённо потирал шишку на лбу, пострадавшем от удара о невидимое препятствие. Самое забавное в этом происшествии было то, что по другую сторону ку́пола сидели все четверо перечисленных в конце предыдущей страницы друзей человека, а кот Пушок даже трогал сферу лапкой. Дело было в том, что в отличие от людских обитателей Великого ▲, и пёс, и коты, и кошечка прекрасно видели всё, что происходит внутри нового невидимого сооружения, что, кстати, подтверждало давно выдвинутую Кулемзиным теорию о том, что все домашние животные были не приручены так называемым человеком, а появились на Земле внезапно, занесённые каким-то космическим катаклизмом.

Не напрасно мы дивились:
с запредельной высоты
к нам из космоса явились
и собаки, и коты!

Наконец, все увидели, что Альбионыч вышел из своего подъезда, неся в руках какую-то диковинную штуковину, после чего вскоре предстал перед покерной хеврой. А вот со

стороны это смотрелось совсем по-другому: шёл человек по вытоптанной летней травке – и вдруг пропал! А наши герои тем временем с любопытством оглядывали принесённый литератором предмет – вот такой:

– Что это, мать моя партийная организация? – поражённо воскликнул второй гость.

– А это, Нуртай, – ответил ему третий гость, – йодистый афганский казан.

– Святой Малевич! – высказал своё восхищение этим подлинным произведением искусства четвёртый гость.

И только пятый гость таинственного ку́пола по имени Васюхан промолчал, но не потому, что не знал дурацких присказок, а потому что был самым практичным их хевры и просто ждал, когда писатель накормит его, как выражаются русские люди, *до отвала*.

Шашлык-машлык и чай с мелиссой
свалились в брюхо в унисон:
нажрался так, что отвалился
я от стола – и сразу в сон!

Глава 100. ПЛОВ КАК НАУКА (Об афганском казане)

И пусть мой читатель простит меня за эту совсем короткую главку о принесённом Володей казане. Автор надеется, что после прочтения тот, кому по жизни встретится этот восточный девайс, обязательно приобретёт его, ибо плов, приготовленный в нём, и плов в старом бабушкином казанке – вещи разные…

♠ ♠ ♠

Главное (и единственное) моё замечание – о том, что заявленные производителем литражи *по факту* отличаются минимум как на 2 литра. «Как это?!», мог бы воскликнуть Серёнька Афанасьич, а автор бы ему ответил: к примеру, реальный объём заявленного казана в 15 литров будет не более двенадцати. К тому же, от этого объёма вам ещё будет надо вычесть $^1/_3$ объёма, который при готовке нужно оставлять пустым – для того, чтобы в казане создалось нормальное давление. В итоге *полезных* у вас получится 9-10 литров – от заявленных 15. Посему совет: отнимайте минимум 2-3 литра от номинала, чтобы понять, подходит вам такой объём или нет.

Афганский казан покрыт порошковой краской *антик*, её ещё называют эмалью с молотковым эффектом, – она не гладкая. Такую краску вы, например, можете встретить в современных лифтах, она жаропрочная и виброустройчивая.

Мы вначале водку квасим
(впрочем, мой посыл не нов),
а потом красиво красим
лифт и 8 казанов!

Толщина стенок афганского казана 8-10 миллиметров, материал – алюминий. Но в отличие от домашних скороварок, такой слой алюминия как минимум в два раза толще:его берёшь в руки и ощущаешь приятную и массивную тяжесть, хотя сам казан вовсе не тяжелый – он весит около шести килограммов.

По бокам (см. картинку на предыдущей странице) есть удобные для хвата ручки, так же есть удобный хват на ручке, которая придавливает крышку. С её помощью казан удобно снимать и ставить на огонь, чтобы не обжечься. Кстати, это одна из причин, почему такие казаны охотно покупают рыбаки и охотники.

Теперь о крышке. На ней присутствуют два основных клапана и один аварийный: если у вас не работает основной клапан, просто подкручиваете болт, чтобы увеличить пространство для выхода воздуха. А аварийный клапан включается в работу, если либо два основных клапана не справляются, либо они просто засорены. Под крышкой есть так называемая силосованная прокладка – на ощупь прочная и позволяющая герметично закрывать казан.

Дно у этого кухóнного девайса плоское, казан удобно ставить на газовую плиту и готовить в домашних условиях. Внутри казан ошлифован, например, в моём сразу же после покупки я разглядел следы от шлифовальных металлических ершей и даже подумал тогда, что что-то подобное используют для прочистки сложных засоров в канализационных трубах!

И последнее: сам казан выглядит необычайно красиво, и люди, иногда не понимающие такую ценность, просто покупают его в подарок, а уже потом из восторженных отзывов друзей оценивают, чего именно они лишились, и бегут покупать такой же себе…

Рёв стоит на всю округу –
как же я не угадал:
подарил казан я другу,
а потом весь день рыдал!

Глава 101. ПЛОВ КАК НАУКА (О рисе, жире и мясе)

И на этом месте функции героя (Вл. Кулемзина) и автора (Вл. Горького) категорически разделились: герой занялся неспешным приготовлением своего фирменного блюда, тем более, что остальные обитатели Бермудского Учпучмака его самогó и покерную хевру просто не видели, а вот автор, который в каком-то смысле является alter ego[203] своего героя, не спеша расскажет обо всём, что касается плова, ибо каждый из продуктов и каждое действо с ними немного похоже на волшебство. А если думать иначе, то вместо плова у вас получится просто рисовая каша с мясом. Итак…

[203] ***Второе я – лат.***

Рис

Рис в плове просто обязан быть рассыпчатым, зёрнышко к зёрнышку, а не превращаться в размазню. И критерий здесь один: чем менее рис крахмалистый и клейкий, тем проще с ним обращаться. Например, для плова идеально подходит *девзира* – это такие крас-

новатые, прозрачные зёрнышки, которые при приготовлении увеличиваются в диаметре в пять раз (и это не шутка!), но при этом остаются крепкими. Узбекский плов (а именно его сейчас и описывает автор) готовят чаще всего из риса *лазе́р*, но для этого блюда годятся и такие длиннозёрные разновидности, как *басмати* и *сандри*. Чувствуете – уже в названиях звучит восточная музыка!

Ну и что ж, что я греховен –
не дорос до баркарол[204]:
для кого-то плов – Бетховен,
для меня он – рок-н-ролл!

[204] Баркарола (от итал. barca – лодка) – народная песня венецианских гондольеров, характеризующаяся умеренным темпом и размером 6/8, напоминая плавное покачивание на волнах – прим. муз. редактора

Впрочем, справиться с клейкостью риса несложно, если замочить его в горячей воде. Но при этом надо учесть, что рис быстро, буквально в первые полчаса, насыщается влагой, поэтому вода должна быть не только чистой, но и вкусной – это скажется позднее на вкусе плова. Иногда в первую воду добавляют специи – соль, шафран, куркуму, – рис их обязательно впитает и, конечно же, станет ароматнее. Если рис очень крахмалистый, то первую воду, когда она остынет, лучше слить, а потом снова залить рис горячей водой и оставить ещё на пару часов, тем самым сняв отделившийся крахмал с поверхности зерна.

Девзиру и басмати можно не замачивать, а вот промыть – обязательно. Особенно это важно для девзиры – не потому, что рис грязный, а из-за его особенности – в том, что зёрна как бы притягивают к себе частицы шелухи, оставшейся от шлифовки. Лично я промываю девзиру минут 15, потому что чистой может выйти только шестая-седьмая вода!

И ещё один принципиальный момент. Сразу решите, какой плов вы готовите? Узбеки весь плов готовят в одном казане, азербайджанцы рис готовят отдельно, грузины делают и так, и этак: в праздничном рис готовят отдельно, в повседневном – вместе с остальным.

Если для вас плов – праздник, то готовьте рис следующим образом: замоченный или промытый рис выложите в казан, залейте подсоленной водой (воды должно быть много, пропорции вымерять не нужно) и варите до того состояния, которое итальянцы называют аль денте[205], то есть промежуточного между сырым и готовым. Дальше воду слейте, а в рис добавьте кусочек сливочного масла (можно и без него, но с ним вкуснее), плотно закройте крышкой и оставьте пропариться минут 20 на тихом огне, пока готовите всё остальное. Если рис готов, а мясо и всё остальное ещё нет, то просто снимите его с огня и укутайте каким-нибудь одеялом или старой бабушкиной шубой, чтобы не остывал.

[205] На зубок – ит.

Суть поймёшь ты в этой фразе –
дам её во всей красе:
«С нами нет давно grandmother[206],
а вот вещи це́лы все!»

[206] Бабушка – англ.

Если вы предпочитаете узбекский вариант, то есть всё в одном казане, тогда залейте сырой, промытый или замоченный рис свежей холодной водой и отставьте, пока готовите всё остальное.

Жир

Мясо в плове отдельно, а жир отдельно. В роли жира может выступать курдюк, его надо нарéзать маленькими кусочками и вытопить прямо в казане. Шкварки затем нужно убрать, но ни в коем случае не выкидывать: посыпьте их зелёным лучком, сбрызните лимончиком, посолите, поперчите и употребите под любой любимый напиток, – чтобы достойно отметить приготовление плова. Рекомендую!

За неимением курдюка можно взять растительное масло, оно может быть подсолнечным, кукурузным, рапсовым – главное, чтобы оно было рафинированным, без вкуса и запаха, ведь оно исполняет партию жира, чтобы луку и другим овощам проще скользилось в казане. Кстати, не стоит брать оливковое, и только по одной причине: 400 граммов такого масла обойдётся дороже, чем весь плов вместе взятый!

Одурев от всех наливок,
цимес [207] где – сам аммиак,
масло жмём не из оливок,
а из семечек. Вот так!

[207] От идиш סעמיץ – десертное блюдо еврейской кухни. В переносном смысле – самая суть чего-либо, нечто самое важное – прим. главы гильдии переводчиков романа «Русская кочерга»

В Самарканде, например, плов готовят на тёмном хлопковом масле, но что бы вам ни говорили о его вкусе и аромате, не верьте – такое масло в Узбекистане используют только потому, что оно стóит дешевле любого другого. Зато добавьте в подсолнечное масло немного кунжутного – не больше $^1/_6$ части, и плов получится намного ароматнее!

Мясо

Для классического плова с бараниной лучше всего подойдёт вырезка или задок, то есть достаточно постные части. Но вдобавок к такому мясу возьмите полоску жирных бараньих рёбрышек, разделите их на сегменты и порубите на кусочки в полпальца величиной. В Азербайджане, например, такие мелкорубленые рёбрышки называют *семечками* (не путать с семенниками! – Вл. Г.). Такую тонкую работу, конечно, лучше доверить мяснику – на базаре к вам отнесутся с пониманием и нарубят рёбра аккуратно, без обломков костей, ровными кусочками.

Я обжариваю эти *семечки* в шкворчащем масле в самом начале приготовления плова, чтобы у масла появились мясной дух и жирок.

Любое постное мясо перед приготовлением плова нужно тщательно зачистить от жилок, затем нарéзать кусочками примерно по 3 сантиметра, – не меньше! – то есть надо понимать, что в рисе мясо должно *чувствоваться.*

Чтоб на брюхе рвáлась ряса,
пусть ты даже из *владык*,
напихай в пловешник мяса –
ты же всё-таки мужик!

Глава 102. ПЛОВ КАК НАУКА (Об овощах и сборке плова)

Овощи

Из всех известных землянам овощей главную роль в плове играет лук. И 99 процентов самодеятельных поваров начинают готовку с этим продуктом неправильно, то есть режут лук полукольцами и просто бросают в казан для обжарки. Но нет, ибо здесь не соблюдён ритуал! Так вот, це́лую луковицу *ритуально* первой опускают в казан – в раскалённое масло, чтобы она его ароматизировала и оттянула на себя горелый привкус. И только пото́м, когда луковица буквально почернеет, её выкидывают. А вот уже остальной лук надо нарезать соломкой – он пойдёт на *зирвак*.

Что же это такое? А вот что. Чтобы плов вышел ароматным, сочным, рассыпчатым и вкусным, надо знать все тонкости его приготовления, и первую скрипку в них играет именно зирвак. «Это бульон или соус», сказали бы русские люди. «Это душа плова!», уточнили бы жители Востока. Но об этом – чуть позже, а сейчас вернёмся к овощам.

Я такой морковкоед,
я такой капустоед,
я такой картошкоед
да к тому же репоед, –
не нужна иная:
лучшая из всех диет –
только овощная!

Второй по значимости пловный овощ – конечно же, морковь. В узбекский плов традиционно кладут жёлтую морковь, и знаете, почему? В ней меньше воды! Но более привычная россиянам оранжево-рыжая морковь тоже сгодится. В азербайджанском и грузинском плове могут обойтись вообще без моркови – там сладость плову придают сухофрукты.

А теперь запомните наиглавнейшее: самый страшный грех – тереть морковь для плова на тёрке: за это вам любая ташкентская бабушка руки оторвёт! Только вручную, только длинной соломкой!

Также для плова вам *обязательно* будет нужна парочка целых головок чеснока – его не надо делить на зубчики, а просто счистить верхнюю, самую жёсткую шелуху. И поверьте старому обжоре, что эти головки, целиком приготовленные в толще плова, и есть одна из самых вкусных его составляющих.

Что ещё пригодится

Это специи: молотый чёрный перец, молотый кориандр, барбарис и, конечно же, зи́ра, или как её называют глупые европейцы, кумин, ибо зира на латыни – cuminus. Кстати, эта лучшая для плова специя – корень уже известного читателю сло́ва *зирвак*.

А если готовить плов совсем без специй, это будет так называемый саксаульский плов, ибо саксаульцы наивно полагают, что специи перебивают вкус мяса (?!).

Есть и ещё ингредиенты – необязательные, но в плове уместные: это замоченный на 24 часа нут, изюм, сухая алыча, курага, свежая айва. Я, например, как и мой герой Кулемзин, иногда добавляю в плов сушёную клюкву и даже инжир! А в западной Грузии в плов, бывает, добавляют соленья – чаще всего прочего солёные огурцы, но это, на мой взгляд, некое кулинарное извращение!

Надоест поэту буква –
он идёт на перекус:
курага, айва и клюква –
и во рту шикарный вкус!

Как собрать плов

В классической рецептуре на плов берутся равные пропорции мяса (включая и постную мякоть, и жирные рёбрышки), риса и моркови – на 8 порций по 1 килограмму, и только лука чуть меньше – 500 граммов + одну целую луковицу с последующим выбросом.

Курдюк и растительное масло используются в равных долях – по 200 граммов. Если же надумаете готовить плов на одном масле, соответственно, надо увеличить его количество вдвое – до 400 граммов. И если делать всё строго по этой рецептуре, то плов никогда не получится излишне жирным.

Сначала прямо в вытопленный курдюк (или в сухой казан, если у вас не было курдюка) налейте масло и разогрейте казан до такой степени, чтобы масло начало немного дымить. Затем в него опустите целую луковицу… впрочем, об этом я уже говорил… и кладите разделённые на сегменты бараньи рёбрышки. А теперь внимание: масло при этом начнёт отчаянно брызгаться и шипеть, поэтому будьте осторожны!

Обжаривайте рёбрышки минут 5-10 – до румяной корочки, затем выньте их, переложите на тарелку и на время забудьте, хотя это будет чрезвычайно сложно сделать…

Мясо в плове по основе –
как девятый хренов вал:
я хотел забыть о плове,
но вот запах мне не дал!

Глава 103. ПЛОВ КАК НАУКА (О добавке риса в плов и с чем его подавать)

Теперь добавьте в масло лук, жарьте минут 5, чтобы он стал прозрачным, затем подселите к нему морковь. Важное замечание: зирвак *от и до* должен готовиться на максимальном огне! Не волнуйтесь, что он подгорит: масла много, поэтому мясо и овощи будут жариться словно во фритюре. А вот если дать маслу остыть, как раз тут овощи могут пристать к дну казана.

Чтобы морковь стала мягкой, а лук – карамельного цвета, понадобится где-то 15 минут. Ни в коем случае не пропустите этот момент, тем более что овощную основу зирвака нужно постоянно мешать – примерно раз в минуту. Затем аккуратно достаньте овощи шумовкой, стараясь, чтобы как можно больше масла осталось в казане.

И только потом закиньте в казан постную баранину и жарьте в этом фритюре до румяной корочки минут 5, время от времени переворачивая. Когда мясо подрумянится, приправьте его столовой ложкой соли, посыпьте зирой (кто-то растирает её между пальцами, кто-то предпочитает ступку), кориандром и чёрным перцем.

Эх, *иблис*, прости проступки –
уж такой по жизни стиль:
пестик грозно бьётся в ступке, –
превращая перец в пыль!

Потом верните в казан всё, что вы обжарили до этого: бараньи рёбрышки, лук, морковь, и туда же пару стручков острого перца, всё ещё целые, но очищенные головки чеснока, барбарис, нут, нарезанную на половинки айву и сушёные фрукты. Залейте всё это волшебство водой – так, чтобы она на 1 сантиметр возвышалась над всем, что вы собрали в казане, и оставьте вариться минут на 40. Примерно за это время из разнообразных ингредиентов в казане и соберётся зирвак – та основа плова, которая даёт ему вкус.

Как добавить рис в плов

Если вы готовили рис отдельно, то доведите мясо в зирваке до состояния абсолютной мягкости (на это понадобится ещё минут 20). Рис к этому моменту пропарится, и можно подавать плов на стол: сначала на блюдо выложите рис, сверху готовое мясо со всем остальным и напоследок посыпьте зеленью.

Если же ваш метод – «всё в одном казане», то продолжайте *собирать* плов: выньте из готового зирвака чесночную головку и фрагменты айвы, слейте с замоченного риса воду, добавьте его в казан, разровняйте поверхность и влейте кипяток – примерно 500 миллилитров, или два стакана. При этом огонь всё ещё должен быть большим.

Ещё одно важное правило: на этом этапе нельзя мешать содержимое казана и закрывать его крышкой: пусть себе булькает до тех пор, пока рис полностью не впитает воду. В идеале это должно случиться в тот момент, когда рис стал мягким, если же вода выкипает слишком быстро – доливайте в казан понемногу кипятка. Выкипела вода? Тогда убавьте огонь до минимума, соберите рис горкой, сделайте в нём несколько проколов ручкой столовой ложки – до самого дна казана. Теперь вдвиньте в рис вынутые из зирвака головки чеснока, половинки айвы и, например, алычу – если используете. И последнее – закройте плотно крышкой и оставьте плов ещё на 20 минут, чтобы рис пропарился.

Так учись, мой друг, кухарить,
чтобы славой прогреметь:
плов – не колбасу поджарить,
надо здесь мозги иметь!

И только теперь плов можно аккуратно перемешать, после чего выложить рис на блюдо, сверху выуженные из толщи кусочки мяса с морковью, на них чеснок и айву. В некоторых странах сверху на плов кладут несколько отваренных и очищенных перепелиных яиц – в таком виде подавая наиболее дорогим гостям.

Острый перец положите отдельно, его можно выдавливать на плов в тарелке тем, кто любит поострее. И последнее: не забудьте присыпать плов зеленью – в России это петрушка, на Востоке – кинза.

С чем подавать плов

Лучшее сопровождение к плову (и единственное, которого он требует) – это помидорный салат. На Востоке его называют ачичук или ачик-чучук, и только в Фергане, где, видимо, живут какие-то особенные узбеки, – шакароб. Как его сделать?

Помидоры нарежьте тонкими дольками. Мастера́ это делают на весу́, срезая тончайшие ломтики прямо в тарелку, чтобы не пропало ни капельки драгоценного помидорного сока. Кстати, ничего особенно сложного в этом нет: главное – нужны острый нож и немного сноровки. Красный лук (лучше сладкий – типа ялтинского) нарежьте полукольцами. Пропорции? Да по своему вкусу и исходя из количества едоков. Соедините, посыпьте зеленью – и всё. Помидоры тут же дадут сок, это и будет лучшая салатная заправка!

Не забудьте о высоком,
что является для нас:
помидор напичкан соком –
отберём его зараз!

♠♠♠

А что же наш лучший в Бермудском Учпучмаке повар Альбионыч? А он как раз во время нашей кулинарной лекции, которая, как надеется автор, кому-нибудь да пригодит-

ся, занимался именно тем, о чём были написаны последние девять страниц – то есть, разведя невидимый для остальных обитателей Великого ▲ огонь, готовил для своих друзей и Курманбаева плов – одно из лучших кушаний на свете!

Но повар Кулемзин не был бы поэтом Кулемзиным, если бы под свои священные действа, как всегда, не сочинял стишки, которые на этот раз были на тему дня:

На стих похож хороший плов:
кусочки мяса – вместо слов,
крупинки риса – вместо ритма,
морковь и зира – смысл и рифма!

Глава 104. И ВНОВЬ О ВОЛШЕБНОМ ХУРДЖИНЕ АФАНАСЬИЧА

И как же славно было нашим героям в необыкновенной прозрачной только изнутри сфере, созданной марсианской технологией Альбионыча. А вот неугомонная Жанна Пантелеевна, старшая дома № 17, была страшно растеряна – она, которая знала всё на свете, сейчас не могла сказать, куда же девалась странная команда карточных игроков и их спутников. Ж. П., как называл её Кулемзин, вначале металась по территории Бермудского Учпучмака, потом методично прошерстила соседние дворы, а затем, как и вчера[208], ещё раз попрыгала перед окнами володиной квартиры, пытаясь заметить в оконной темноте хотя бы какое-то движение.

[208] Об этом забавном случае – в главе 184 шестого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

«Наверное, опять к какому-нибудь алкашу в гости наладились», с досадой подумала она. «Но почему они никогда не ставят в известность об этом меня?!». И не знала наивная общественница, что вся покерная хевра в полном смысле этого выражения была у неё *под носом*, то есть буквально в нескольких метрах от сиротливо пустого места карточных сражений.

А те, кого она так безуспешно искала, видя эти искания, тихонько посмеивались, сидя на длинном полукруглом роскошном диване, который марсианин соорудил для своих подельников из энергии, отобранной у одной из уединённых галактик, где звёзды только-только начинали возникать, и поэтому даже *дедушка* не стал строго относиться к этому безобразному вмешательству в его небесные планы, а, может, просто не заметил, утомлённый шестидневным наблюдением за компанией саксаульского атеиста.

Есть небесные приросты,
только задом наперёд:
создал *он* планеты, звёзды,
а потом и пивзавод!

А Володя, нарезав и обжарив всё, что недавно было описано в предыдущих главах, наконец-то закинул в свой афганский казан рис, плотно закрыл его (казан, а не рис, хотя и рис тоже), после чего поставил свой внутренний таймер ровно на 40 минут. Но это время ещё надо было чем-то заполнить, поэтому ему пришла в голову неплохая мысль. Повар с литературным уклоном помнил, что в сказочной котомке Полтавцева каждый день появлялись всё новые предметы, и сейчас подумал о том, что, может, какой-нибудь из них натолкнёт на мысль более продуктивно использовать полученное в подарок *пустое* время, ведь речь о том, чтобы сыграть ещё одну партию, даже не шла, а если бы и зашла, то на-

верняка все присутствующие, укоризненно посмотрев на писателяя, хором бы воскликнули старинное чукотское заклинание, применяемое для безделья: «Воскресенье, однако!»

Чтобы русских озадачить –
их немножко подурить,
любят чукчи не рыбачить,
а под водку дым курить!

– Афанасьич, яйчики-бабайчики, а не пошаришь ли ты немного в своей котомке? – обратился он к сторожу и тут же объяснил своё намерение:

– Для успешного досуга всего коллектива.

– Да-да, мать моя КПСС, – серьёзно подтвердил слова писателя Курманбаев. – Главное, Серёжа, это благо коллектива!

И хорошо, что эти слова́ не слышал старший прапорщик Батыршин, ибо куда из хрустального купола ему было сейчас бежать?! А произошло это потому, что старший джус Митрохин в этот момент рассказывал ему какую-то, судя по их довольным рожам и блестевшим глазам, скабрёзно-похабную историю.

А охранник, серьёзно отнесясь к просьбе покерного гуру, тут же опростал свой знаменитый хурджин и, к удивлению всех персонажей, из него, кроме знакомого всем блокнотика «Для му.мы.», действительно выпали новые вещицы, среди которых были:

круглая жестяная баночка с наклейкой «Вакса чёрная № 41, солдатская»;

чайное ситечко системы *явный новодел*, ибо было сделано из какого-то очень дешёвого дырявого материала;

лекало портняжное большое – судя по изгибам, для разметки левой штанины брюк какого-то рослого мужика;

документ красного цвета с золотой надписью «Удостоверение начальника»

и, наконец, целый разворот популярной в Отцеябловске желтоватой по содержанию газетки «Караван»

Это как головоломка
про француза и чуму [209]:
что хранит моя котомка,
неизвестно никому!

[209] Аллюзия на роман французского писателя Альбера Люсьеновича Камю «Чума» (1947) – прим. лит. редактора

Альбионыч придирчиво оглядел предложенное Вселенной богатство, оценил каждый предмет по отдельности и остановил свой выбор на газетной продукции. Надо признаться, что к этому времени, а мониторчик на его телефоне показывал сразу два числа, разделённых одним из знаков препинания, а именно:

14 :27

, писатель немного приустал и сейчас думал о том, что для упражнения с газетой не надо особых навыков, а надо просто взять этот большой лист сразу из четырёх страниц и просто почитать то, что ему покажется самым интересным.

Остальные персонажи марсианской сферы расхватали предметы по одному и сейчас с интересом аборигенов острова Пасхи рассматривали их. Салихдзяныч пытался ногтем большого пальца открыть коробочку солдатской ваксы, Мусаич же немедленно привати-

зировал «Удостоверение начальника», размышляя, как бы сделать так, чтобы незаметно засунуть его в карман, а потом дома вклеить в документ собственную фотографию.

Николаич схватил портняжное лекало, тут же приладил его к покерной *раскладке* и, ведя ручкой, попытался изобразить ею красивую кривую линию, которая без этого девайса не получалась у него уже несколько лет. Ну, а Афанасьичу досталось чайное ситечко, и сквозь него он стал смотреть на солнышко, которое по-прежнему занималось тем, что пыталось превратить мозги бермудских обитателей в кашу.

От жары сойдёшь с ума,
киснешь клёцкой в супе!
Эй, народ! Когда зима?
Скоро ли наступит?

Глава 105. СТРАСТИ ПО «КАРАВАНУ»

– Итак, други мои, – возвестил Володя, – хочу предложить вам предложение!

– Какое, святой Малевич? – озвучил общее недоумение живописец Муравлёв.

– Наш плов будет готов минут через 35, и для того, чтобы вы не захлебнулись слюной от сумасшедшего запаха, исходящего из казана, предлагаю отвлечься тем, чем обычно отвлекаюсь я, когда безумно хочу жрать, а еда ещё не готова.

– В смысле поговорить о бабах? – уточнил неугомонный обер-корнет.

– Или, может, каждый из нас расскажет, как его, мать моя партия, принимали в пионеры или комсомольцы, – предложил неугомонный большевик.

Под винишко, без эмоций,
чтоб пополнить комсостав,
принимали в комсомольцы
только тех, кто знал устав!

– Или, пока ждём хавку, царица лесная, сходим за бухлом? – предложил неугомонный семижопинец.

– А, может, просто послушаем Альбионыча? – предложил давно угомонившийся Васюхан. – Я вот за несколько дней знакомства заметил, что он частенько говорит умные вещи. А иногда даже и читает!

– Вот именно, яйчики-бабайчики, – подтвердил писатель. – Как раз этим я и собираюсь заняться.

Он развернул газетный лист и бегло, пользуясь марсианской технологией скорочтения *грргрръъшхрчъъ*, в 0,4 миллисекунды изучил его весь, после чего начал вынужденную политинформацию.

– Как много интересного, други мои, происходит в мире – того, о чём мы не только никогда не слышали, но даже не догадывались, – начал он. – Вот послушайте, например, чем дышит наша более чем странная планета.

«Во Вьетнаме силами местной национальной безопасности накрыта работающая подпольную фабрика, работники которой стирали, сушили и снова продавали старые использованные презервативы»

Собираясь на свиданье,
свой используй креатив,
и из пузыря пираньи
изготовь контрацептив!

«Американские учёные выяснили, что в отличие от британских учёных ирландские учёные больше ничего не изобретают, после того как им удалось изобрести ви́ски»

– А вот парочка интересных сообщений из сердца нашей соседки России, – продолжил просвещение коллектива Кулемзин.

«Знаете ли вы, что последовательницы террористки Фанни Каплан ходят в мавзолей на Красной площади в Москве и стреляют там гла́зками в Ленина?»

– Однако, – пробормотал коммунист Курманбаев и силой мысли вызвал в памяти 34 том Полного собрания сочинений своего кумира Ильича I, открытый на странице 26, где в статье «К лозунгам» были строки как раз о стрельбе: «Поучительно во всяком случае отметить, что одной из первых буржуазных, бешено ненавидящих большевизм, газет, которая дала сообщение о стрельбе 4-го июля, была вечерняя «Биржевка» от того же числа. И как раз из сообщения этой газеты вытекает, что стрельбу начали не демонстранты, а что первые выстрелы были против демонстрантов!»

– Нуртай, не зависай! – толкнул педагога в бок его сосед по лестничной площадке. – Видишь, как Володя для всех старается – и на ниве просвещения, и на ниве жратвы?

А литератор, вжившись в роль чтеца-декламатора, продолжил образование подотчётного народа.

«В Москве с успехом проходит аукцион винтажных вещей от люксовых брендов»

– А как это по-русски? – растерялся антенщик Митрохин.

– Ёперное старьё сбывают, – тут же объяснил ему военный трубач.

– А ты откуда знаешь?

– Да у меня мой друг старшина Кожамкулов так всегда делает – в конце года, поэтому сам ёкарный новогодний праздник у нас проходит особо весело, *жирно* и даже рентабельно!

Жаждой алчности влекомы,
тыря даже дребедень,
воровали целый год мы,
а пропили всё за день!

– А вот газетная рубрика «Полезные советы», – перевернул листок покерный гуру, на некоторое время превратившийся в политпросветителя. – Смотрите-ка, здесь дают советы не только хозяйкам, как в других газетах, но даже холостякам.

– Ну-ка, ну-ка, мать честна́я, – заинтересовался Афанасьич, – давай, Вовка, жги глаголом, как всем нам завещал великий Сергеич!

– Подожди, Серёжа, – удивившись такому знанию, произнёс Кулемзин. – Давай лучше по порядку. Вначале советы так называемым хозяюшкам…

– Хорошо, – согласился сторож. – Тогда жги и существительными тоже!

– Хорошо, – согласился литератор. – Буду жечь!.

«Хозяйкам на заметку. Свежий сыр будет храниться гораздо дольше, если не сожрать его в первый же день!»

«Свежепосаженные на скатерть пятна от ягод сразу же обработайте трёхпроцентным раствором фенола в формальдегиде, – и тогда на протяжении долгих лет они непременно сохранят свой цвет, вкус и аромат»

«Если вы хотите приготовить дрожжевое тесто, а дрожжей у вас нет, то знайте: ни хрена у вас не получится!»

Знает каждая невеста,
даже с рожей вислою:

без дрожжей подходит тесто –
потому что кислое!

«Если налить красное вино в трёхлитровую банку, взять с собой на работу и сказать всем, что это борщ, то обед пройдёт веселее обычного!»

– Так что́ там про холостяков? – вновь не выдержал экс-текстильщик.

– А советы для женщин как раз закончились, – успокоил его Володя. – Так что слушай дальше. Итак, рубрика «Советы для холостяков»

«У вас опять сломался будильник, а встать, как всегда, нужно пораньше? Просто съешьте на ночь арбуз!»

«Если вы постоянно путаете слова́ *маслины* и *оливки*, запомните на всю жизнь: оливки – оливкового цвета»

– Всё, – объявил Альбионыч.

– Как всё? – чуть не заплакал сторож.

Глава 106. СТРАСТИ ПО «КАРАВАНУ» (окончание)

Затем Володя ещё раз перевернул лист и прочёл далее:

– А вот и рубрика «Реклама и частные объявления»

– Да что там, мать моя партийная органицазия, может быть интересного? – вскипел коммунист Мусаич, который очень не любил частную собственность, но вовсю ей наслаждался.

– А если тебе не нравится, так иди читай своего Карла Маркеса! – неожиданно породнил немецкого экономиста и колумбийского писателя Серёнька Афанасьич.

– А я что? Я ничего, – привычной отмазкой отмазался преподаватель еврейского колледжа.

– Итак, рекламные объявления, – возвестил учпучмакский декламатор и вперил взор в газетный лист.

«Юноши и девушки! Отцеябловская клееразливочная фабрика приглашает учеников рабочих по специальностям:

♦ ученик разливщика клея;

♦ ученик контролёра качества клея.

Не упусти свой «Момент»

Как-то хвастал клей «Момент»:
– Я цепляюсь, точно мент!

«Дорогие горожане! Посетите наш сайт знакомств «Ковчег» – каждой твари по паре!»

«Милых дам приглашает в свой салон «東の髪型»[210] японский парикмахер и замечательный стилист Уходза Волосами»

[210] «Причёски Востока» – яп. Читается как азума но камигата – прим. главы гильдии переводчиков романа «Русская кочерга»

«Порностудия «Весёлые кадры» приглашает на работу операторов-импотентов»

«В ума палату требуется опытная симпатичная сиделка»

«Вы хотите бросить пить, но у вас дома много алкоголя и нет сил остановиться? Никаких проблем! За небольшую плату наши специалисты выпьют всё, что у вас есть. Оплата по объёму выпитого. Тел. 223-223-0. Работаем круглосуточно!»

– Володя, оторви йодистую бумажку! – услышав объявление, возбудился саксаульский фельдфебель Батыршин. – И перепиши на неё телефон – вдруг там нехватка кадров?

А то я уже давно хочу из армии досрочно уволиться…

Я привык к большим конвертам,
чтобы жизнь моя цвела,
ведь работаю экспертом
по количеству бухла!

– И последние объявления фирмачей, – объявил Альбионыч и тут же пообещал:

– А потом перейдём к частному сектору…

«Фотосалон «Событие». Если вам нужно срочно увеличить семью, наш фотограф сделает это моментально!»

«Издательство «Саксаульский Букинг» реализует по сниженной цене книгу на английском языке «Pomatrosing & Brosing», издание 2-е, исправленное»

«Загляните к нам на огонёк! Мы открылись! Новый ресторан «Карма». У нас нет меню, и платят все одинаково, но каждому сервируется так, как тот того заслуживает!»

– Ну, а теперь обещанные объявления частников нашего города, – поднял палец писатель, призывая к вниманию, и глянул на электронные часы в своём мобильнике. Часы показали, что до конца приготовления плова осталось всего 7 минут. – Итак…

«Продам словарь синонимов. Торг, аукцион, конкурс, тендер, бартер, сделка, товарообмен уместен»

И тут писатель внимательно посмотрел на другие объявления и воскликнул:

– Да это было единственное сообщение всем нам о продаже чего-то! Неужели в этом городе внезапно кончились торгаши? Но нет, вот сообщение, кстати, от знакомого лица́!

Ну, как же нам не веселиться
в корчме «У радостной вдовы»?
Вокруг знакомые всё лица –
без рук, без ног и головы!

– В смысле, царица лесная? – поразился Полтавцев, который никогда не был знако́м с отдельными лицами, а только полностью с человеками.

– Ну, царица – это точно, только не лесная, а торговая, – поправил его Володя.

– В смысле, святой Малевич? – вслед за семижопинцем поразился Муравлёв.

– Без всякого смысла, – начиная раздражаться, ответил Альбионыч. – Просто послушайте объявление:

«Познакомлюсь с богатым мужчиной любой национальности с целью приумножения семейного капитала. Мои требования к кандидату: рост не ниже 179,99 сантиметров, вес до 69,99 килограммов, возраст не более 49,99 лет. О себе: директор супермаркета Калима. Тел. 555-333-111»

– Так это же наша ёкарная Калима! – вдруг «догадался» военный трубач президентского оркестра.

– Как ты догадался? – хором и очень громко выкрикнули все остальные обитатели вре́менного купола, и хорошо, что они находились под его защитой (купола, а не военного трубача), иначе бы просто выдали себя персонажам, оставшимся на территории Великого Треугольника.

– Будете слушать дальше? – буркнул Володя.

– Да-да, старик, конечно, читай дальше, – тут же закивал головой педагог. – Очень-очень познавательная информация!

Литератор странно поглядел на Нуртая и прочёл последние пять объявлений, четыре из которых были из области (прости, русский язык!) матримониальных отношений.

«Ищу замужнюю и разочаровавшуюся женщину, которая хочет отомстить своему мужу и готова продать все его рыболовные снасти за полцены»

«Одноглазый, одноухий, одноногий мужчина без одной руки ищет свою половину»

– Ого! – воскликнул писатель. – А это объявление почему-то из Москвы!

«Приму в дар коттедж на Рублёвском шоссе. Заранее благодарен. Игорь, 19 лет»

Подчиняясь героину,
что пленил меня опять,
как искал я половину!
А нашёл всего 0,5…

«Слесарь III разряда познакомится с поварихой II разряда – для разрядки»

А последнее объявление поразило всех своим оптимизмом, и многие даже не поверили написанному:

«Нахожу край скотча. Недорого!»

Глава 107. БЕЗ НАЗВАНИЯ (Ещё одна самая горькая глава в романе)

А теперь вспомни, мой неутомимый читатель, что точно такое же название аж дважды встречалось тебе в прошлом, шестом томе нашего великого повествования, и это были гла́вы 160 и 161, где говорилось о том, как горько и тяжело на душе стало у нашего главного героя Кулемзина, который старался-старался, чтобы от так называемой души накормить своих гостей – сопокерников и их болельщиков, а вся приготовленная еда была сожрана ими в несколько минут.

Вот и сейчас произошло нечто подобное, только вместо вчерашнего запечённого огромного куска мяса с овощами сегодняшние проглоты, как выражается русский народ, *в мгновение ока* метнули полный казан роскошного плова, над которым хозяин пиршества трудился почти два часа! И хорошо было только одно – ему самому́ (хозяину пиршества, а не русскому народу) тоже досталась солидная порция лучшего блюда на свете!

Лягу кверху пузом –
переел опять:
стала жизнь мне грузом,
тяжело дышать.
До еды не жадный
я, но не гурман:
я простой – всеядный,
толст как барабан!

– Ну что, яйчики-бабайчики, пожелания, претензии, жалобы есть? – обратился угощалец к заметно пополневшему коллективу.

– Есть, царица лесная, – отозвался Серёжа. – Я же утром, пока шёл в Учпучмак, вытащил из почтового ящика вот эту бумажку…

Он покопался в грязных штанах и действительно вытащил какой-то обрывок.

– На ёкарную срочную призывают? – сделал предположение военный.

– Нет, – честно ответил сторож, – это квитанция за коммунальные услуги.

– А жалоба-то в чём? – удивился Володя.

– Так я с детства боялся темноты, а теперь вот боюся света, воды, тепла и газа! И ещё немного мусора…

– А я тут при чём? – ещё раз удивился писатель.

– Дык я этого… как его… спонсора себе ищу… – объяснил Афанасьич.

– Ладно, позже поговорим, – пообещал Альбионыч.

Глава 108. СКАЗКИ III МИЛЛЕНИУМА (Шестнадцатый блок)

Но так хорошо было под невидимым для других хрустальным куполом, что, конечно, не хотелось выходить из-под него – для того, чтобы очутиться в душной атмосфере Бермудского Учпучмака. Поэтому писатель тяжело поглядел на соплеменников по *русской кочерге* и спросил:

– Ну, и какие будет предложения?

В первую минуту ему не ответил никто, так как гости марсианской технологии были заняты активным облизыванием губ, иканием и перевариванием сожранной вкуснятины. Но потом предложения ненасытных друзей и Нуртая посыпались как золотые побрякушки из карманов Остапа Бендера[211] во время перехода советско-румынской границы.

[211] Об этом печальном случае – в главе XXXVI романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок» – прим. лит. редактора

– Эх, мать честна́я, – потянувшись, начал мечтать один из гостей, – бухну́ть бы немного – исключительно для полного осознания всего величия жизни во Вселенной.

– Какие ещё будут мнения? – нахмурился Володя, которому активно не нравились такие предложения в середине дня.

Знают наши ортопеды
все пристрастия гуляк:
если выпил ты к обеду,
значит, к вечеру – как хряк!

– Ёкарной водочки бы взять – исключительно для того, чтобы всё улеглось, – продолжил мечты охранника второй гость из числа военных музыкантов, после чего подмигнул не всем, а только Валере.

– А я бы, святой Малевич, – тут же мечтательно закатил глаза́ под свод купола третий гость, по виду художник-баталист, – и винишком сейчас бы не побрезговал!

– А я бы, мать моя КПСС… – начал озвучивать свои мечты партийный педагог, но его сразу же перебил главный угощалец коллектива:

– Стоп-стоп, яйчики-бабайчики! Это что за внеплановые мечты, как выражаются знатные металлурги, в *разгар* дня? Знаете ли вы, что на этот момент в Республике Саксаулия стукнуло всего лишь 15 часов пополудни?

– Знаем, знаем, – неохотно и вразнобой подтвердила покерная хевра, тем более, что секундой назад из окна близстоящего дома № 18 прозвучали сигналы точного времени, которые ровно в московский полдень передавала радиостанция «Маяк», работающая так долго, что все наши персонажи помнили её с са́мого детства.

– Значит, как я понял, предложений больше нет?

– Есть, – неожиданно подал голос ещё один гость хрустального купола. – Володя, а не рассказать ли тебе нам ещё немного твоих замечательных сказочек?

– Рассказать, рассказать, – тут же, как галки по весне, загалдели остальные гости, которые, как только что выяснилось, просто не представляли себе дальнейшей жизни без народного фольклора.

Много жрёт при этом росте
гость мой – словно домовой:
расскажу я сказку гостю,
что ему пора домой!

«И то правда!», с облегчением подумал штатный сказочник Великого ▲, которому и

самому́ не хотелось возвращаться в духоту воскресного дня.

– Ну так тому и быть, – тоже по сказочному озвучил решение литератор и приступил к очередному блоку сказок III миллениума.

1

Фея была старенькой и практически в маразме, поэтому опять всё перепутала. После двенадцатого удара часов принц превратился в хромую, облезлую крысу, и только несчастная Золушка совсем не изменилась: она стояла в сторонке и каждую минуту нервно поправляла корону на своей тыкве...

2

Предлагал Иван красным де́вицам всякие глупости и непристойности, а те страшно краснели и называли его дураком. Так и пошло с той поры: что ни Иван, то дурак, что ни де́вица, то красная…

3

– Избушка, избушка, повернись ко мне лесом, к заду передом!

– Вы ставите меня в филологический тупик своими авангардистскими идиомами.

– Чё?!

– Да примерно это я и имела в виду...

4

«Можно было, конечно, ещё немного поболтать», думал Змей Горыныч, быстро убегая от Ильи Муромца, «но одна голова хорошо, а две лучше!»

У Змея Горыныча
три головы –
и нужно к нему
обращаться на *вы*!

5

– Выходи, чудище поганое! Биться будем!

– Катя, не кричи мне в трусы! И, вообще, кто тебя учил так возбуждать?..

6

Катится Колобок, за версту вкусно пахнет, от масла на солнце сияет, изюм сквозь корочку проступает. И попадается на дороге Волку. А Волк прибалдел и спрашивает его:

– Колобок, что с тобой? Ты чего такой навороченный?

– Да работу хорошую нашел. В казино – шариком…

7

После того, как у папы Карло прогорел кукольный театр, Буратино был вынужден устроиться в цирк Карабаса-Барабаса – дрессировщиком диких животных, и теперь ежедневно ходил по кра́ю жизни и смерти, заходя в клетку к разъярённым и голодным бобрам…

Человек немолодой
вот с такущей бородой
обижает Буратино,
Артемона и Мальвину,
и вообще для всех людей
он отъявленный злодей.
Знает кто-нибудь из вас,

кто же это?
~~Педераст!~~
Карабас!

8

Пил *горькую* Иван Царевич три дня и три ночи, пока наконец-то не заметил, что Василиса – Прекрасная…

9

«А вместо сердца пламенный мотор!» (Выписка из медицинской карточки иностранца Карлсона, найденная в архивах Отцеябловского городского психдиспансера)

10

Спящая Красавица потому и была красавицей, что просто спокойно спалá: не мёрзла, не впадала в истерику, не жрала всё подряд и не трепала нервы ни себе, ни принцам…

Глава 109. КОНЕЦ ХРУСТАЛЬНОГО КУПОЛА

Вот так оно и получилось: наелись от пуза знатные учпучмакцы, наслушались володиных сказочек, сидят себе на роскошном диванчике и ни о чём не думают – переваривают. И только Альбионыч, который вообще ни минуту не мог жить без своих мыслей, так вдохновился собственными сочинениями, что просто остановиться не смог. Сидит и думу думает: «Сказки, а особенно русские, это не просто хорошо, а толчок для развития именно русских людей. И хорошо, что познаю́т эти сказки люди с детства, как, например, Сергеич. Но ему повезло – у него в нянях была сама Арина Родионовна Яковлева, крепостная семьи Ганнибалов. И полагаю, что именно она рассказала маленькому Саше нечто такое, из которого впоследствии произросла, например, «Сказка о царе Салтане».

Не знала сказок та старушка,
ох, плохо ей без посошка,
но после найденной ей кружки
попёрли сказки из мешка!

А ведь не все до сих пор понимают глубинный смысл этой сказки: кто думает, что она о зависти, кто-то – о неизбежном наказании после преступления, но, как писал в романе «Братья Карамазовы» Достоевский, «отнюдь»[212]! И только русский писатель Кулемзин, который любил русского писателя Пушкина как самогó себя, давно понял, о чём повествует это произведение. Вот вспомните: первая сестрица говорит, что она, мол, обеспечит весь мир продукцией лёгкой промышленности, то есть полотном, вторая молвит, что поднимет сельское хозяйство салтанова царства (накормлю весь мир одна). Но победила всё-таки третья сестрица, которая просто пообещала царю хороший продуктивный секс. И родила таки в конце концов ему наследника!»

[212] Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы», часть III, глава VII – по изданию журнала «Русский вестник» (1880) – прим. лит. редактора

Но долго думать на приятные для Володи литературные темы не пришлось. Он не заметил, что во время своих раздумий бермудцы сплотились в конспиративный кружок, о чём-то договорились и даже успели подготовить парламентария – в лице Митрохина.

– Володя, очнись от дум, – толкнул в плечо писателя Митрохин.

– А? Что? Где? Когда? – названием популярной телеигры очнулся он.

Снова туда, где страсти кипят,
снова туда, где ночью не спят –
всё впереди и ноль-ноль пока счёт,
публика ждёт, будь смелее, волчок!

– Пора бы вам немного в *русскую кочергу* поиграть, – похабно улыбаясь, предложил старший джус.

«И где же тут подвох?», подумал покерный гуру, который давно уже тосковал по предложенной игре. А ответ на его немой вопрос прозвучал уже хором:

– Только не насухую, Альбионыч!

– Ах, вот в чём дело, – улыбнулся марсианин, радуясь, что так удачно расколол планы подотчётного ему коллектива. – Ну, яйчики-бабайчики, так тому и быть! Но с одним условием: параллельно с этой *насухóй* будет идти и игра. Согласны?

А что было делать утомлённому пловом коллективу? Конечно, согласились все..

Мой внимательный читатель, конечно же, помнит, что ровно 10 глав назад в одном из уголков Великого▲ благодаря марсианской технологии *ъъъдрррчшцъъъ* с русским названием ЗОНТ[213] появился непроницаемый для остальных персонажей романа хрустальный купол. Так вот теперь Кулемзин, отвернувшись в сторону, просто произнёс название технологии наоборот – *ъъъцшчрррдъъъ*, и купол тут же пропал, а вместе с ним диван, костерок, афганский казан, и даже от пластиковых тарелочек и вилочек не осталось и следа!

[213] Напомним читателю, что эта аббревиатура означает Защитный Оберег Настоящей Тайны – прим. автора

Каша с брюквой остывает,
свечки в доме оплывают,
самолёт и тот сбивают –
вот такая вот беда!
Пропадает! Пропадает!
Так бывает, так бывает
только в сказках иногда…

После этого, пройдя буквально несколько метров, игроки и их болельщики вновь уселись за родной покерный столик. И тут случилось то, что уже не раз случалось на наших славных страницах: вот только что все, кроме Альбионыча, страстно алкали ледяного напитка, который помогал им справиться с жарой, и тут же эти самые люди стали старательно отворачиваться друг от друга, делая вид, что погружены в разные размышления: кто думал об оставленных сиротами жене и детях, кто о завтрашнем дне, как начале учебного года, кто о давно задуманной, но так и ненаписанной картине «Каждодневная мýка неизбежного. Этюд в сиреневых тонах № 19», кто о заначенной за телевизорной тумбой неполной бутылочке водочки, а кто просто о некой танственной Зуле, которую до сих пор не видел ни один человек из покерной хевры.

Выход был хотя и старый, но единственный – прибегнуть к помощи считалочки. И так как у предствителя простого народа Серёньки Афанасьича они давно закончились, то эту нелёгкую интеллектуальную ношу опять пришлось взять на себя народному саксаульскому поэту Кулемзину. Он немного поднатужился и уже через 40 секунд его палец тыкал во всех по очереди, включая самогó Володю, под чеканные строки только что придуманной считалочки:

Будь всегда трудолюбивым,
как последний идиот!

Почему никто за пивом
вместе с счастьем не идёт?
Ты не бойся диареи,
а вперёд на бой, трубя:
возвращайся поскорее –
жребий выпал на тебя!

И тут, к досаде считалкосочиняльца, последний слог *–бя!* выпал именно на него. А почему? Да потому, что на этот раз талант стихотворца прорезался в Володе особенно могуче, раз он сумел за 40 секунд придумать не банальные четыре строчки, а все восемь! Наверное, именно поэтому и произошёл сбой в давно им отлаженной марсианской системе считания.

– Не расстраивайся! – тихонько шепнул ему на ухо сидевший на его левом плече верный муз Вася Курочкин. – Хочешь, я с тобой схожу?

– Давай! – вслух обрадовался литератор, и все остальные стали обеспокоенно переглядываться друг с другом, подозревая, что внеплановый поход заставил Альбионыча немного тронуться умом.

– Володя, царица лесная, ты уже, наверное, иди, – испугавшись, как бы марсианин не сказал чего лишнего, подтолкнул охранник только что избранного скорохода. – А то так жарко, что некоторые из нас могут не дожить до твоего возвращения

– И то, – смущённо пробормотал потенциальный ходок и решил напоследок оставить коллективу катренчик, чтобы страшная саксаульская жара пережилась ими лучше:

– Смерть моя близка, я вижу чётко:
для меня жара страшней чумы!
Город превратился в сковородку,
чтоб на ней поджаривались мы…

, после чего взял серёжину котомку, опростал её на покерный столик, включая знаменитую книжечку «Для му.мы.», и побрёл по направлению к лабазу Калимы, которая уже не раз выглядывала из своей торговой точки и даже стала беспокоиться за Суку-судьбу сегодняшнего торгового плана. А Полтавцев, которому очень понравился володин катренчик, схватил оставленный блокнотик, послюнявил красный конец карандаша и быстро – чтобы не забыть! – записал услышанную поэтическую мудрость:

«Если говорить совсем коро́тко –
от жары расплавились умы:
город наш – большая сковородка!
Но при чём здесь пиво и все мы?!»

А художник Николаич в это время откинулся спиной на росший сзади карагач и мечтательно произнёс:

– Ох, и хороший же был плов!

– Кр-р-рутая жр-р-рачка, – подтвердил его слова́ старый во́рон, прилетевший в гости к карликовой русалке.

Глава 110. ЗАГАДКА ПЕРЕД ИГРОЙ

Альбионыч был немного удивлён, когда не обнаружил в лавке Калимы ни одного покупателя, и его удивление сразу же сменилось на радость человека, который помнил, что его ждут страдальцы из числа бермудских игроков и учпучмакских болельщиков. Он бы-

стренько затарился разномастными бутылочками и поспешил обратно – в родной покерный коллектив, где его, как птенчики с раскрытыми клювами, ждали все те, кого он покинул 4 минуты 16 секунд назад.

Писатель присел на покерную скамеечку, втиснувшись между Серёнькой и Талгатом, деловито поставил котомку подле ног и стал делать пометки в *раскладке* – для будущей игры. Остальные пятеро птенцов гнезда Кулемзина ошеломлённо смотрели на эти эволюции, переглядываясь, словно бы говоря друг другу: а страшная жажда, мать честна́я? а пиво, йодистый ходок? а поменьше цинизма, мать моя партия? и тому подобные мысленные восклицания.

Известно даже талмудистам,
что пиво – это благодать:
нельзя же быть таким садистом,
чтоб пиво друганам не дать!

А вот литератор был совсем не удивлён, ведь он перед походом ясно дал понять ожидальцам, что общее распитие будет проходить параллельно с игрой. «Как же можно было так быстро забыть мои святые слова́?», горько думал он, сетуя на отвратительную память своих товарищей по партии[214].

[214] Разумеется, по партии в русскую кочергу! – прим. автора

Но, увидев на их рожах неподдельную му́ку протекающего мимо бытия, всё же сжалился над страдальцами и выдал каждому по бутылочке лучшего напитка во Вселенной. А чтобы они, не дай *дедушка*, не подумали, что этим поступком он показывает свою слабость (тем более, перед игрой!), для разминки давно пропитых мозгов загадал им лёгкую загадку:

– Один бездельный советский мальчик очень хотел велосипед. И тогда отец поставил ~~его в угол на горох~~ ему условие, что если сын будет продавать самодельный лимонад, который в нарушение всяческих ГОСТов, готовила дома их мама, на конечной остановке автобуса[215] в дачном кооперативе, то он будет поощрять мальчика *квадратом полученной суммы* с продаж.

[215] Чтобы не замели мусора́! – прим. кулемзинского муза Васи Курочкина

Чтоб не быть моим утратам,
чтобы было что в кишке,
поощрю тебя квадратом –
по твоей тупой башке!

И вот сынишка, будучи пионером и даже звеньевым отряда, и сгорая со стыда за своего папашу-наживальца, продал лимонада на 3 рубля, после чего жадный отец, помянув про себя сто *иблисов,* протянул ему 9 рублей. И вот тогда сынишка, у кого оказались очень хорошие задатки в математике, объяснил, что на самом деле папа должен ему гораздо больше! Внимание, вопрос: почему и сколько именно? Да, и кстати, учтите, что в само́м моём вопросе заложена некая подсказка…

Версии ответов посыпались, как дождь-сеянец в Тульской губернии летом 1844 года, когда местный поп пообещал прихожанам, что нынче будет сильный ливень, а ведь это *благоприятвенно* для будущего урожая ржи.

Первым, как и положено в любом сплочённом коллективе, откликнулся партийный педагог Курманбаев:

– Володя, а можно узнать, в каком это месте работал такой странный папаша? Да и мамаша заодно?

Альбионыч не растерялся и тут же ответил:

– Отец работал в торговой базе Горместпрома – старшим кладовщиком, а мать – там же, но старшим товароведом.

– Вот теперь всё понятно! – воскликнул ленинец. – Какая вороватая семейка! Надеюсь, им в конце концов *припаяли* приличный срок за незаконное предпринимательство?

«Чем вы больше нагребёте
и оставите себе,
тем в мошну приобретёте,
не попавшись на вранье!»,
воровал я на работе,
воровал в родной семье!

Вторую версию, которая оказалась вовсе не версией, Кулемзину пришлось внимать на ухо, когда к нему наклонился Афанасьич и тихонько прошептал:

– Володя, подскажи мне свою *внутреннюю* подсказку, а когда мы будем играть, то я обещаю не перебивать твои взятки аж 5 робберов подряд!

Это была весьма серьёзная заявка, так как литератор действительно сидел, как выражаются игроки на своей профессиональной *фене*, под сторожем.

– Нет, Сергунька, не могу, – так же тихо ответил ему честный в игре марсианин.

– Почему? – поинтересовался семижопинец.

– Тутанхамон не позволяет, – улыбаясь про себя, объяснил литератор.

– А-а-а, ну тогда ладно, – согласился охранник.

Чтоб испытать планиду,
ввёл фараон налог,
построил пирамиду
и сам в неё же лёг!

– Чего это вы, святой Малевич, перешёптываетесь? – вскинулся живописец Муравлёв. – Ты ему что́, подсказываешь?

– Наоборот, – ответил покерный гуру.

– В смысле он тебе подсказывает? Ничего не понимаю!

– Ты лучше над ответом думай, – попенял ему Володя, после чего получил ещё одну попытку версии.

– А вот я думаю, что этот ёкарный пионер, – глядя прямо в глаза задавальцу, озвучил версию старший прапорщик Батыршин, – как-то застукал у них на даче своего ёперного папашу с молодой соседкой с соседнего участка, и теперь, будучи парнишкой неглупым, предпринял попытку отжать у него как можно больше тугриков.

– Тугриков? – ещё раз вскинулся Полтавцев. – Что ж ты, Володя, сразу не сказал, что дело происходило в Монголии?

– А что, это бы тебе как-то помогло?

– Не знаю, – честно ответил Серёжа. – Но всё же непорядок!

– Вот именно, – подтвердил сосед бывшего текстильщика вслух, при этом подумав про себя: «Чувствуется моя школа!»

Как наука всё ж гуманна,
вдоль мозгов моих скользя:

в математике обмана
допускать никак нельзя!

– А вот я думаю, – тонко улыбнулся Васюхан, наконец-то присоединившийся к дискуссии, – что володина подсказка заключается в слове *квадрат*.

– Почему? – толкнул его в бок Валера.

– Да потому что цифры 3 и 9 – очень хитрые, ведь и трижды три будет девять, и три в квадрате – тоже девять!

– Молодец, – похвалил его марсианин. – Теперь ты смело можешь отвечать на поставленные мной два вопроса: почему и сколько именно?

– Не знаю, – растерялся Митрохин. – Но согласись, старичок, с тем, что эти чи́сла – очень хитрые!

– Соглашаюсь, яйчики-бабайчики, – согласился согласилец-загадалец, потому что считал неправильным спорить с кем-либо по пустякам.

И после того, как все признались, что *сдаются*, Альбионыч озвучил правильный ответ. Оказалось, что умный пионер перевёл 3 рубля в копейки, после чего у него получилось 300 копеек, а потом объяснил папе, что квадрат 300 – это 90.000, так что отец должен был отдать ему 90.000 копеек, или 900 рублей! И тут папа, как ни странно, обрадовался, потому что велосипед «Орлёнок» в те советские времена стоил всего 45 рублей, так что если бы сынок отжал у него 900 рублей, то смог бы купить себе аж 20 велисепедов, *толкнуть* их за полцены своим одноклассникам и неплохо *навариться*!

С головою не чугунной,
я мозги в кулак зажму:
спекулянт я очень умный –
пью вискарь, а не «Чашму» [216]!

[216] Не раз упоминаемое в романе черноплодное туркменское вино – прим. автора

– А подсказка-то в чём была, мать моя КПСС? – воскликнул саксаульский большевик, которому было очень досадно, что он *на людях* не справился с такой простой загадкой.

– А подсказка заключалась в моих словах про сто *иблисов*, – напоследок объяснил Альбионыч. – Если бы вы расчухали их правильно, наверняка бы догадались, как превратить цифру 3 в число 300!

Глава 111. ПРО УГОЛ ЗРЕНИЯ

После этого, решив ни за что больше не отвлекаться ни какие гнусные происки бездельников, сидящих рядом с ним на покерной скамеечке, Кулемзин одной левой безаппеляционно подвинул к себе *раскладку* и колоду карт, а в правую руку взял ручку наизготовку. Но, как уже успел заметить мой внимательный читатель, не таков был подотчётный ему (Володе, а не читателю) коллектив. Например, Полтавцев, заметив серьёзные приготовления покерного гуру к игре, сделал последнюю попытку отодвинуть начало битвы.

– Володя, мать честна́я, – обратился он к старшему покеристу, – вот у нас сегодня же воскресенье, правда?

– И что?

– И все отдыхают?

– И что? – повторил литератор.

– А мы – опять работать! – воскликнул сторож и победно посмотрел на остальных: вот, мол, как я, не то что вы.

– Так ты что предлагаешь?

– А давайте весь день бухáть! – сделал крайне счастливое предложение Афанасьич, после чего все остальные задвигались и стали переглядываться.

– Так ты, Серёжа, что, покер за работу не считаешь?

– Конечно! Знаешь, у меня от твоих карт такое напряжение всех членов!

– Включая так называемый мозг?

– Конечно, его особенно!

– Хорошо, – согласился писатель. – Ты меня почти убедил. Играть мы, конечно, будем, но за твою выдающуюся смелость я готов наградить тебя почётным знаком «ГТО!» I степени.

«Заплати мне неустойку»,
зарычал бармéн Баграм.
«Норматив ты сдал на двойку –
недопил 140 грамм!»

– Правда? – счастливо заулыбался семижопинец. – А что это означает?

– А означает это, мой неуёмный друг, вот что: «Готов Тусить и Отрываться!». Но вручу я тебе этот знак только после того, как ты представишь мне убедительные основания для этого.

В последнем предложении охранник не понял ни слова, но надежду на халявную выпивку сохранил, после чего поинтересовался:

– А когда, царица лесная, вручение?

– Да сразу после того, как закончим одно важное дело, и приступим ко второму. Надеюсь, ты меня понял?

– Ещё бы! – заулыбался во всю ширь своей рожи сторож, показывая коллективу зубы, которые росли у него через один – как штакетник у колхозного счетовода Глафиры Петровны, после драки на свадьбе её дочки Прасковьи.

– А что это за дела? – тихонько поинтересовался у художника старший джус, который появился в коллективе недавно и не успел узнать про все сложившиеся традиции.

– Первое дело – это их дурацкая игра, а второе, святой Малевич, – тут голос художника приобрёл явно счастливый оттенок, – это бухло.

– А-а-а, понял, – придал своему голосу тот же оттенок Васюхан.

Объяснял подруге Зине
исписавшийся пиит:
«Наше счастье – в магазине,
если настежь он открыт!»

– Так, – строго окликнул шепчущихся болельщиков Володя, – прекратить незапланированные дебаты! Начинаем игру…

После этого он достал из заветной котомки четыре бутылочки, а не привычные шесть, и под изумлённые переглядывания Муравлёва и Митрохина три сосуда отдал Курманбаеву, Полтавцеву и Батыршину, а четвёртый ловко открыл сам и тут же приступил к пивопитию, он счастье его длилось недолго.

– А нам? – хором завопили обделённые Николаич и Васюханыч.

– А вам зачем? – удивился писатель. – Ведь я же 6 страниц назад[217] уже говорил вам о том, что пить пивко мы будем *параллельно* с игрой. Так или нет?

[217] Да, это действительно так. Подобное высказывание героя случилось в этом томе на стр. 264 – прим. гл. редактора

– Ну, так, – ответил антенщик.

– А разве вы с Валерой будете принимать участие в игре? Вот то-то и оно! Так что извините, братцы, но к вам с визитом пришёл Облом Петрович Горемыкин.

«А это кто такой ещё?». Афанасьич, услышав, что в Бермудский Учпучмак опять явился какой-то гость, начал озираться по сторонам, но никого не заметил, после чего подумал: «Совсем уже Вовка с ума съезжает – с такими друзьями, как мы! Надо бы быть повнимательнее с нашим гуру…»

Всё чаще тыква ходит кругом,
как барка по крутой волне:
схожу я ума с таким я другом,
что и врага не надо мне!

А вслух решил посочувствовать обездоленным друзьям.

– Вы, черти, не расстраивайтесь, – тепло и, как оказалось, по-философски обратился он к живописцу и старшему джусу. – Есть пиво, нет пива – это же от угла зрения зависит.

– В смысле? – хором поинтересовались обездоленные, но ответил им штатный философ Великого ▲:

– Пострайтесь запомнить на всю жизнь, други мои: выражение *угол зрения* – это вообще и не про угол и не про зрение!

И вот тогда к Муравлёву внезапно пришло прозрение, которое никак не давалось его разуму всю описываемую нами неделю.

– Володя, – сделал он свой голос значительным. – Мы с Васюханом только что договорились, что с этого дня начнём как следует изучать правила саксаульского прута…

– …*русской кочерги*, – поспешно поправил его Митрохин, который ни о каком договоре даже не слыхал.

– Да, конечно, – согласился с ним пивной жаждалец, – и в скором времени займём почётное место в рядах выдающихся покеристов нашего Бермудского Учпучмака!

– Клянетёсь? – не в силах поверить услышанному, выдавил из себя марсианин.

– Клянёмся! – крайне фальшивыми голосами воскликнули обездоленные.

– Ну, хорошо, – оттаял литератор и тут же выдал им оставшиеся бутылочки.

– Ты нам только на отдельном листочке, святой Малевич, все правила напиши, – попросил его Николаич, – а уж мы не ударим в слякоть и трясину своим лицом!

Я поклялся государю,
как последний папуас:
«В грязь лицом я не ударю –
город чистенький у нас!»

И тогда Альбионыч, который никогда не обманывал не только своих друзей, но даже самого́ себя, поклялся, что по завершении предполагаемой (увы, всего второй в этом томе!) партии обязательно напишет такую ценную бумагу и оставит её на этих страницах, чтобы любой читатель из любого города Земли смог организовать на вверенной ему территории собственное покерное подразделение!

А старший джус, ещё не отошедший от собственной клятвы, наклонился к уху живописца и тихонько спросил его (живописца, а не ухо):

– А вот этот покер – это вообще что?

Но Володя, обладавший отменным слухом, который натренировал за время службы в армии радистом, услышал вопрос и решил ответить сам:

– Покер, Васюхан, если говорить совсем по-простому, это некая цепь функциональных случайностей, обусловленная внешними обстоятельствами в виде колоды карт, игроков и

их пристрастия к пивку.

– Ясно, – опять на ухо Валере прошептал антенщик. – Опять обдурить хочет…

А писатель, мгновенно вспомнив, что он иногда бывает поэтом, тут же сочинил катренчик, но вслух его говорить не стал, чтобы не терять авторитета в народе, поэтому он (катренчик, а не народ) будет опубликован здесь только в кавычках:

«*Взял* Кулемзин эту моду –
нас чему-то научить:
только в руки *взял* колоду,
сразу начал *нас* дурить!»

. Глава 112. О МЕНДЕЛЕЕВЕ И СЕРЁЖИНОМ ГОЛОВОКРУЖЕНИИ

И вот, казалось бы, что всё наконец-то устаканилось, и вот уже главный покерист Бермудского Учпучмака взял в руки колоду, чтобы разыграть несуществующий в правилах короткий роббер по одной карте – для того, чтобы узнать, кто же будет первым заказывать/ходить, и вот уже увидел гóре в глазах сторожа, который играть любил, но не умел, и вот уже заметил радость в глазах художника и антенщика, которые только что дали всей хевре некое слово, но думали при этом, что когда это всё ещё будет, и вот увидел ~~творожный~~ тревожный блеск в глазах Батыршина, который неожиданно решил, что день, с утра испаскуженный присутствием в своей жизни супруги и её еврейских родственников, ещё можно как-то поправить, и вот уже увидел в глазах педагога шизофренические искры, говорящие о том, что биться он будет насмерть, как бились красноармейцы при штурме Казани в августе 1918 года, и многое ещё что показалось нашему покерному гуру, который просто радовался, что наконец-то начнётся игра – лучшая на свете, названная неизвестным гением *русской кочергой*.

И кричали мы в буфете
под блеск паюсной икры:
«Russian poker – нет на свете
лучше и честней игры!»

И так ему стало радостно, что исторг он некий лозунг, хотя и не любил этих псевдорадостных свершений.

– Да здравствует наш великий ЦВЕТМЕТ! – торжественно провозгласил Кулемзин, показывая дланью, как это до него делали тысячи советских гипсовых лениных, в сторону покерного столика.

А у Курманбаева в это мгновение сладко заныло сердце, ибо пришло понятие, как прищучить строптивого марсианина.

– Володя, мать моя партия, а ведь наш столик – железный! – надменно, словно Г. Ю. Цезарь, воскликнул он.

– И что, яйчики-бабайчики? – отозвался писатель.

– Да то, что железо…

– …или по-научному, феррум, мать честнáя, – попытался подтвердить слова своего соседа по лестничной площадке Полтавцев.

– …не является цветметом, как ты изволил выразиться, а является элементом восьмой группы четвёртого периода периодической системы Менделеева!

Любители водки всегда говорят:
«Зачем Менделеев всё выстроил в ряд?
С системой своею так долго мудрил?»

Он гением сделался только за то,
что воду и спирт вдруг смешал как никто,
и водки бессмертный рецепт подарил!

– Дмитрия Ивановича? – уточнил Альбионыч, обращаясь почему-то не к педагогу, а к Николаичу.

– Его, святой Малевич, – кратко подтвердил живописец.

– Тогда я не понимаю, при чём здесь этот знатный учёный и явно железный покерный столик, – воскликнул литератор в недоумении.

– Так ты же сам сказал – цветмет…

– Нет, Нуртай, это сказал ты, а я – совсем другое, ведь наш столик – это

Центр
Волшебного
Единения
Таинственно-
Материалистической
Единосущности
Талантов

Все поражённо молчали, и только в мозгах большевика шевелились мыслишки о том, что вот опять он спасовал перед реакционным оппортунизмом Кулемзина, что вот в очередной раз из-за этого не поверят в светлое будущее коммуношизоизма его товарищи по партии (в *русскую кочергу*), что вот опять надо набирать очки (причём, во всех смыслах), чтобы вновь показать, кто есть кто на просторах Бермудского Учпучмака.

И пока эти глупые мысли мелькали в тыкве Мусаича, Володя повторно обратил внимание на Афанасьича, чьё го́ре, о котором уже было сказано в начале этой главы, заметно усилилось. Воспользовавшись нехитрой марсианской технологией, позволяющей проникать в сознание (хотя в применении к Серёже лучше было бы написать «сознание»), он легко услышал мысли охранника – о том, что ему захотелось пойти домой, где всё тихо и мило, и не сложно, как здесь, где всё как говорится, так и пишется, правда, там нет пива, но вдруг к нему прилетит волшебник в голубом вертолёте и подарит 500 «Жигулей»!

Напишу я в этом томе,
как последний грамотей:
«Как спокойно в нашем доме, –
потому что нет людей!»

– Самоотводы не принимаю, – поглядев на страдальца, твёрдо объявил покерный гуру.

На эти слова удивились остальные персонажи, недоумевая, как это в диалоге может принимать участие только один человек. Но дальше их удивление только усилилось.

– Молодец, Серёжа, – на кивок головой сторожа, означающий «Остаюсь!», продолжил Альбионыч. – Объявляю тебе устную благодарность в устном приказе!

– А можно в письменном, царица лесная? – взволнованно дыша, наконец-то присоединился к диалогу сторож.

– Ну, в принципе можно. Итак, объявляю тебе письменную благодарность в главе 112 седьмого тома романа «Русская кочерга»

«Ох, лучше бы не напрашивался», подумал Афанасьич. «Кажется, я довёл своего друга до страшного диагноза…»

– Надеюсь, ты усвоил этот тяжёлый урок? – спросил главный покерист. – Ведь главное в нашем деле – это выбрать свой путь…

– А мне казалось, что я стою́ на правильном пути, – удивился семижопинец.

– А я и не спорю, – улыбаясь, ответил писатель. – Ты действительно на нём стоишь, а надо – идти!

Всё это было сказано вслух – для того, чтобы не только сторож, но и остальные сделали соответствующие выводы, а про себя марсианин подумал так: «В наше время Грибоедов написал бы произведение под названием «Го́ре от IQ»

Покупая бакалею,
спички, мыло, долото,
я IQ своё лелею,
хоть не знаю, это что!

– Да у меня просто голова кружится, – сделал запоздалое признание Полтавцев.

– Это не страшно, – успокоил его писатель. – Вот смотри: Земля вращается вокруг оси со скоростью 1.672 км/ч, она же вращается вокруг нашего Солнца со скоростью 108.000 км/ч, Солнечная система движется со скоростью 828.000 км/ч, наша галактика Млечный Путь движется со скоростью 2.160.000 км/ч, значит, итого это будет 3.097.674 километров в час! И всё это, заметь, в разных плоскостях. А ты ведь ещё и сам передвигаешься по поверхности планеты. Понятно теперь, откуда твоё головокружение?

. Глава 113. В ПЛЕНУ НАИВНЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ

Но вот, наконец-то, всё было объяснено, разъяснено и выяснено, и вторая партия за сегодняшний последний день недели началась. А начало ей, как всегда, положил роббер под названием *первая тёмная*, состоящий всего из одной карты. И эти карты были мгновенно сданы Нуртаем, который, впрочем, опечалился таким фактом, ведь если бы их сейчас сдал Полтавцев, сидящий перед ним, то и первый ход был бы его, Нуртая, а, значит, была бы бóльшая вероятность того, что после заказа в одну взятку он её возьмёт, сходу добавив в свой столбик 50 очков, или 25 удвоенных – по причине *тёмной*. Но не срослось.

Первые робберы, о розыгрыше коих так тосковал педагог, были не так важны для общей конфигурации игры, это, скорее, была маленькая репетиция Бородинской битвы, во время которой, как известно, и появились кентавры, потому что тогда чудесным образом, по словам некоего поэта-фауниста, «смешались в кучу кони, люди!»

Чувак уселся на верблюде –
атлетом захотел он быть:
смешались в кучу кони, люди –
генетика, тудыть-сюдыть!

Володя давно знал, что человек от природы стремится к достижению максимального результата, то есть хочет получить как можно больше прибыли при минимуме вложений, и считал, что именно поэтому человека можно назвать вором, ибо вместо того, чтобы долго и упорно зарабатывать, куда как проще и быстрее украсть. Таким персонажем в нашем повествовании, как никто, казался пламенный ленинец Курманбаев, который всегда действовал по двум схемам: или, имея хорошие карты, старался не только взять свои взятки, но и посадить кого-то ещё, или, имея на руках карты плохие, старался не взять ничего, зато садить всех подряд без разбора! Остальные варианты были, простите автора за тавтологию, только *вариациями* перечисленных двух.

А Кулемзин, который не только научил присутствующих здесь персонажей играть в *русскую кочергу*, но и следил за ними с са́мого нача́ла и до сегодняшнего дня, печалился, глядя на то, как скверно поступают в игре не только Мусаич, но и остальные покеристы, словно бы беря с педагога плохой пример. «Генофонд нации, яйчики-бабайчики, подор-

ван. Пасионарность нарушена…», обречённо думал в эти моменты он. Вот и сейчас Альбионыч только начал думать привычную думку, как его мысли перебил неуверенный голос Талгата, словно в руках военного сейчас копошился скользкий червь сомнения:

– Одну ёперную взятку.

Будет выстрел мой в десятку,
будет щучка на блесне:
пусть возьму одну лишь взятку,
но она поможет мне!

Остальные, разумеется, отпасовались, и первый роббер был разыгран мгновенно: Батыршин бросил ранее не видимую ему козырную даму, за ним сбросили свои незначительные карты писатель и Афанасьич, и оставалось только пойти преподавателю еврейского колледжа, который немного помял свою карту, а потом решительно перевернул её на уже сыгранные. Но, к его горю, это оказалась какая-то некозырная троечка, и, обер-корнет, вздохнув с облегчением, забрал первую взятку в игре.

Итак, начало было положено, и это настраивало *записывающего* Альбионыча на бодрый лад, хотя он прекрасно осознавал, что долго одному игроку, как правило, не везёт, и надо бы Салихдзянычу быть осторожнее.

Да куда там! Уже не первый раз в нашем повествовании наш бравый оловянный прапорщик, всегда с трудом отходящий от вчерашнего, бросался в атаку, словно заговорённый от пули. Вот и сейчас, когда сидящий за ним сторож вновь сдал по одной карте, на этот раз, что называется, *в светлую*, он (оловянный прапорщик, а не сторож), едва глянув на пришедшую карту (а ею оказалась козырная семёрка), когда отпасовались другие игроки, сдуру вновь заказал одну взятку.

Мудрый покерный гуру с сожалением посмотрел на Талгата, пробормотал тихонько что-то вроде: «В плену наивных заблуждений» и, дождавшись своей очереди, *вынужденно* забрал взятку тоже козырем, но десяткой, кою он до розыгрыша посчитал недостаточно сильной.

Без посторонних понуждений
плотвою или пескарём
в плену наивных заблуждений
живём, пока мы не помрём…

И вот только что наивный трубач был на первом месте со своими шальными 50 очками, а теперь остался на том же первом, но уже с 25-ю! Почему же, несмотря на проигрыш, его никто не обогнал? А посчитайте сами: после первого роббера *в тёмную* у всех, кроме него, было по 10 очков, которые даёт удвоенный пас, но теперь Серёже и Нуртаю добавились ещё по 5 очков, а Володе и того меньше: всего одно очко – за перебор. Видя, как расстроился саксаульский обер-корнет, писатель поднёс практически к его носу *раскладку* и показал, что тот по-прежнему впереди.

И вот в этот момент наконец-то надо было проявить бдительность Салихдзянычу, но опять нет: виде́ние первого места всего лишь на второй позиции из 27 игровых породило в нём громадную надежду. А ведь Кулемзин не раз предупреждал и его, и остальных игроков, и даже неиграющих Валеру и Васюхана о том, что не сто́ит надеяться на надежду и верить в веру, что именно эти две лживые сестрицы из церковной триады вера-надежда-любовь, как никто, подводят человека, ибо и *вера*, и *надежда* даже в простых словарях русского языка являются всего лишь не только нарицательными именами сущест-

вительными, но и неодушевлёнными, то есть без души! А вот как умудряются православные попы́ оперировать этими бездушными понятиями с *дедушкиными* овцами, остаётся только догадываться…

Не слушай ангела и беса,
и *дедушку* не вострубы:
не верь, мой друг, и не надейся,
при этом искренне люби!

И вот наконец военный музыкант чуть-чуть успокоился и даже стал более тщательно проглядывать пришедшие карты – то ли надеясь выловить в них как минимум ферзя, то ли просто делал вид, что внезапно поумнел. Но зато его эстафету дурости благополучно принял семижопинец, чему, правда, никто не удивился. Неизвестно, какую благовестную звезду увидел на небе Серёжа, задравший глаза вверх, но он тоже почувствовал, что ему сейчас повезёт. Но давно известно из нашей книги, что не может повезти просто так – без хорошей карты, без хорошей тактической, а то и стратегической подготовки, без хороших партнёров, наконец! Ведь всё остальное было, как написано в одной толстой книжке без картинок[218], от *лукавого*.

[218] Не роман «Русская кочерга» – прим. автора

Вот и сейчас, начиная с третьего роббера, мысли охранника принялись перескакивать с пятое на десятое – легко, как это бывает или во сне, или в сумасшедшем доме. Полтавцев, практически не то что анализируя, но даже не заглядывая в карты, начал делать удивительные заказы: в роббере на трёх картах он заказал две взятки (и пролетел на одну), на четырёх картах его заказ составил всё те же две карты, но за ним последовал проигрыш аж 45 очков, или двух взяток, на пяти картах его амбиции, несмотря на то, что он давно плотно свалился в покерный минус, разрослись до трёх взяток, из которых худо-бедно удалось взять только одну взятку.

– Похоже, старичок, ты сейчас, яйчики-бабайчики, варишь кашу не на молоке и даже не на воде, а на воздухе, – обратился к сторожу Альбионыч. – Утебя уже ровно 100 очков – в минусе!

Серёжа судорожно схватил *раскладку*, потом попросил литератора вызвать на его телефончике калькулятор и начал что-то высчитывать, приборматывая разные нехорошие слова́.

– Ар-р-р-химед хр-р-р-енов! – прокаркал старый ворон, сидящий сейчас рядом на одной ветке с карликовой русалкой.

Далеко от нашего Союза
и до нас за очень много лет
в трудный год родные Сиракузы
защищал учёный Архимед!

Наконец подсчёты были закончены, после чего охранник смиренно произнёс формулу некоего извинения за причинённые остальным игрокам неудобства:

– Претензиев нет, царица лесная.

, а Кулемзин подумал при этом: «Прямо какой-то фильм детства «Битва в пути»

. Глава 114. КОРОТКАЯ ГЛАВА О ТЛЕЮЩЕМ СОЗНАНИИ

Володе, конечно, было много чего сказать неразумному Афанасьичу, но сегодня, в такой жаркий воскресный день, он неожиданно подумал, что его покерная хевра и так хорошо потрудилась в деле наполнения забавного мешка, который в скором времени должен был стать семитомником «Русская кочерга», поэтому решил не строжиться и даже не гуру́ться[219], как бы давая разрешение не только коллективу игроков и им сочувствующих на посторонние разговорчики во время битвы, но и себе самому́.

[219] Ох, уж мне эти писатели-неологизаторы! Никак не могут обойтись без своих бредовых придумок, а мне объясняй! Скорее всего, автор этим словом хотел дать понять, что не станет изображать из себя большего покерного гуру, чем был до сих пор – прим. гл. редактора

«Всё равно больше четырёх партий сегодня не сыграем», размышлял он, пока его мысли не закончились, свёрнутые таким плотным дымом, словно у нервно закурившего Батыршина во рту была не сигарета, а тлеющий кусок солдатского ватника.

Угольком да фитильком
дам себе засохнуть:
затянуться бы дымком,
чтоб быстрее сдохнуть!

И, как это было ни печально, но *активную* игру пришлось отложить на несколько минут, ибо дымок сигареты, зажатой в пальцах военного трубача, вскоре свернулся в сизый фантом, своей формой странно напомнившим собравшимся знак вопроса, причём, вопрос у каждого был свой. Например, сам курильщик, то есть Талгат, спрашивал лично у себя: «Интересно, нашла ли ёкарная Аида мою заначку на пару пачек сигарет – под ёперной стиральной машиной?». У Серёжи, внимательно следившего за дымком, вопрос был несколько другой: «Интересно, мать честна́я, пускать вот такие кольца Салихдзяныча научили в его прапорщицкой школе, и если да, то не поступить ли туда же и мне, чтобы овладеть этой сложной наукой?». Озаботился своим вопросом и Нуртай, подумав при этом: «Интересно, мать моя КПСС, а не найдётся ли у этого володиного соседа ещё одна сигаретка для меня, хотя мне вовсе не хочется курить, но надо же записать вечером что-нибудь *положительное* в графу *Приход* моей книги жизни?»

«Приму» мне, «Памир» иль «Яву»,
лишь бы были в фураже:
я всегда свою халяву
отмечаю в книге Ж.!

«Интересно, святой Малевич», думал в это время Валера, «а откуда у этого пропитона в погонах деньги на сигареты? Неужели он подворовывает их у своего друга старшины Кожамкулова?». А Володя, который следил за этими вопросительными сполохами на рожах своих подопечных, думал просто и ясно: «Интересно, яйчики-бабайчики, смогу ли я за 14 секунд придумать катренчик на тему курения?». И только Васюхан, откинувшись затылком на карагач, не думал вообще ни о чём, так как от принятого внутрь с утра и солнышка, долбившего в его тыкву тёплыми лучиками, немного призаснул, а был разбужен как раз прозвучавшим в его голове обещанным кулемзинским катреном:

Как-то думал я, от скуки
сигарету закурив:
«Почему, блин, съели Кука,
а Колумб остался жив?»

Но вот наконец военная сигаретка закончила своё существование на асфальте левого катета Бермудского Учпучмака, простреленная туда шкодливой рукой саксаульского унтер-офицера, а сторож, внимательно проследив за её полётом, вспомнил, как его, маленького Серёньку, первый раз выгнали из школы, когда он перед уроком в кабинете природоведения скурил наглядное пособие, называемое красивым словом *гербарий*…

. Глава 115. В ПЛЕНУ НАИВНЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ (продолжение)

Надо сказать, что больше всего в *русской кочерге* Нуртаю нравилось то, что одно игровое действие здесь называлось *партия*, хотя остальные в этом названии не видели ничего политического, а любитель снукера Кулемзин даже иногда сбивался и называл это 40-45-минутное действие фреймом. И получалось это неспроста: как и в покере, в начале снукерной партии игроки вначале делали вступительные удары, потом инициативу перехватывал кто-то один, забивая поочерёдно красные и цветные шары[220], потом мазал, после чего инициатива оказывалась у его соперника, и т.д. и т.п., а завершал кто-то один, так как в снукерных фреймах ничьей было не предусмотрено!

[220] Красные шары в количестве 15 штук, в отличие от одиночных жёлтого, зелёного, коричневого, синего, розового и чёрного, не считаются цветными – прим. спорт. редактора

Было и ещё кое-что у этих двух великих игр, выбранных Альбионычем среди тысяч земных других, и он даже вывел некую формулу, чтобы показать их общее, хотя Мусаич, глядя на неё, не понимал решительно ничего:

Победа = мастерство × азарт : везение

Но вот рассеялись последние вонючие клубы дыма от серёжиного то ли «Памира», то ли «Герцеговины Флор» (шутка!), и игроки вновь, хотя и нехотя, приступили к одной из последних битв уже оканчивающейся недели. Почему же нехотя? – спросит у автора любопытный читатель, а автор ответит: да потому, что солнце, уже давно перевалившее одно из двух вертикальных направлений, ортогональных к горизонтальной плоскости в точке положения наблюдателя, или, проще говоря, зенит, действовало по своей старой фашистской схеме, посылая в сторону наших персонажей свои страшные лучи, о которых так любят писать поэты, но которые являются банальным потоком радиации.

Именно поэтому герои этих страниц больше, чем играть в *русскую кочергу* (и простим их за это!), хотели сейчас залезть в ванну с прохладной водой и лежать в ней, потягивая такое же прохладное пивко. А поэт Кулемзин, будучи натурой творческой и увлекающейся, так ярко представил себе картинку своего собственного лежания, что даже сочинил не какой-то привычный катренчик, а полноценный классический сонет из 14 строк:

Я ванна! Ванна, полная воды, –
во мне с утра томится чьё-то тело,
оно жару пересидеть хотело
и по наитью приползло *сюды*!

И вот лежит, спасаясь от беды,
в прохладе обо мне сонет слагает,
и пусть народ потом его ругает, –
не пропадут поэтовы труды!

Почти что сутки, что ни говори,

он находился у меня внутри,
и на исходе яростного лета
сегодня я опять спасла поэта:
благодари ж меня, благодари
за строки вдохновенного сонета!

Володя очнулся от грёз о прохладной ванне и твёрдой рукой стал сдавать следующий роббер на 7 картах, но краем глаза наблюдал за игровым фоном. Например, он увидел, что после первых шести робберов Полтавцев, сумевший за короткое время уйти в глубокий минус, сейчас сидел мокрый, как отработавшая стриптизёрша, и было непонятно, отчего: или в организме всё ещё играли вчерашние вонючие соки, или виной тому было то самое солнышко, не оставляющее надежд на слабый загар этого персонажа. Плохо, что и говорить, выглядели и остальные четверо: двое игроков и двое их болельщиков.

После володиной сдачи все схватили свои карты и начали их изучать, затем последовали осторожные и неосторожные взятки: Серёжа заказал две, Талгат – тоже две, а вот Нуртай передёрнул плечами, как цыганка, поющая романс, и смело заявил:

– Три, мать моя партия!

После этого сам сдающий, то есть Альбионыч, ещё раз оглядел своё предполагаемое войско: двух козырей в виде десятки и короля, одного некозырного туза, одного младшего джокера и ещё двух карт, о которых и сказать было нечего, и повторил заявку охранника и старшего трубача:

– Две, яйчики-бабайчики!

«Однако», подумал художник, «а ведь они *на круг* заказали сейчас 9 взяток!»

«А что это означает?», подумал старший антенщик, сидящий рядом и уловивший суровые флюиды своего старого друга.

«Да то что, как выражаются эти странные люди», ответно подумал Муравлёв, «сейчас перед нами разыграется саксаульская трагедия в трёх вариантах: или кто-то один не доберёт все три взятки (а именно три заказывал Нуртай), или трое из четверых не доберут по одной, или один из игроков не доберёт одну взятку, а другой – две!»

«Ни хрена себе, Валера!», мысленно воскликнул Митрохин. «Да тебе уже точно пора́ садиться к ним пятым!»

«Кончайте переговариваться!», неожиданно поступил сигнал в обе незадействованные игрой тыквы, причём, чьим-то знакомым голосом, после чего мысленный диалог тут же прекратился.

Как давно они прокисли,
словно сало в колбасе:
я твои читаю мысли,
но они о пиве все!

В мыслях Николаича, конечно, была своя логика, но в них чувствовалось и полное отсутствие игрового опыта: например, его мысленная посылка о Мусаиче была в корне неверна, ибо, зная, осторожность педагога, нельзя было предполагать, что он сделает самую крупную ставку, как выражаются русские бильярдные ма́ркеры, *на ша́ру*. Остальные же варианты имели место быть. Но – к делу!

Самым плохим вариантом для других игроков было тот, что первый ход сейчас был Курманбаева, и он не замедлил случиться.

– По джокерам! – провозгласил он и, пойдя покером, забрал первую взятку, состоящую, кроме *заходной* карты, из младшего джокера Кулемзина, старшего джокера Батыршина и козырного туза (!) Полтавцева.

Все ошарашенно глядели как раз на серёжину карту, не веря своим глазам, хотя марсианин уже догадался, в чём было дело: уже не первый раз сторож, постоянно забывающий правила игры, в случае выбивания джокеров решал, что если у него этих джокеров нет, то надо непременно отдать самую старшую карту, как бы её ни было жалко!

– Кр-р-ретин стоер-р-росовый! – в очередной раз сделал свой комментарий старый во́рон, чем рассмешил карликовую русалку, которая от смеха начала ворочаться на ветке карагача, просыпая на покерный столик маленькие чешуйки со своего хвоста.

Кто без фантазии, – тот жалок:
стиха без выдумки не сплесть.
Вот вы не верили в русалок?
А между тем, русалки есть!

Зато саксаульский большевик, видя, как бездарно пропал без вести козырной туз сторожа, смело пошёл такой же двойкой. И в этом был свой резон: для того, чтобы хапнуть хотя бы одну взятку, все начали скидываться кто во что горазд: Салихдзяныч наивно пошёл валетом, Афанасьич дамой, а взятку забрал Альбионыч – своим королём, после чего рассудил так: если бы у Курманбаева был ещё и старший джокер, то его второй ход был бы именно им, а так как этого сделано не было, значит, к данному моменту у него (Альбионыча, а не Курманбаева) была самая старшая карта в игре.

И его догадка блестяще подтвердилась: Володя кинул на покерный столик свою козырную десятку и заметил, как досадливо дёрнулась мгновенно вспотевшая верхняя губа преподавателя еврейского колледжа.

Глава 116. В ПЛЕНУ НАИВНЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ (продолжение продолжения)

Взяв заказанные две взятки, покерный гуру призадумался названием одного давно написанного литературного произведения: «Что делать?»[221]. И призадуматься здесь было над чем, ведь в его арсенале оставалась ещё одна сильная карта – некозырный туз, которым он и пошёл, как неким *антицугцвангом*, потому что шахматный цугцванг – это когда любой ход игрока приводит к поражению, а в этой ситуации было как раз наоборот. И – о чудо! – как раз такой масти не нашлось у Нуртая, который, как мы помним, заказывал аж три взятки, а, значит, его карты *априори* были получше, чем у других. Он робко положил на володиного туза чудом сохранённую козырную восьмёрку и через мгновение издал боевой клич почему-то, правда, почему-то на суахили:

– Kuna, sherehe ya mama yangu![222]

, хотя до этого ни в Танзании, ни в Кении, ни в Уганде, где этот язык в ходу, никогда не

[221] Роман русского философа и литературного критика Николая Чернышевского, написанный в декабре 1862 – апреле 1863 года, во время его заключения в Петропавловской крепости Санкт-Петербурга – прим. лит. редактора
[222] Есть, мать моя партия! – суахили

был, после чего забрал взятку, затем вначале прижал её к партийной груди с пылающим от счастья сердцем, а потом и вовсе расцеловал каждую из четырёх замызганных картонок со множеством бактерий по отдельности.

Чтоб не надорвались жилы,
табачка чуть-чуть вдохну,
а потом 100 раз чихну, –
и полезные бациллы

в организмус запихну!

Выиграв первую их трёх заказанных взяток, он сидел гордый, как памятник 27-му бакинскому комиссару[223], но вот дальше всё пошлó не так, как запланировал педагог: ситуация, в которой он только что оказался, приобрела форму и размеры аппендикса – тесной и вонючей слепой кишки, из которой не было выхода. И больше всего его беспокоил вечный марсианский враг, который, даже если взял свои, запросто мог намеренно перебрать, чтобы посадить именно его, самого умного, хорошего и честного человека в игре – для последующей дискредитации на территории Бермудского Учпучмака.

[223] Пояснение для юных читателей романа: 26 бакинских комиссаров – в основном руководители Бакинского Совнаркома, вошедшие в историографию своей гибелью: в ночь на 20 сентября 1918 года они были казнены под Красноводском по приказу правительства Туркестана за сдачу Баку турецко-азербайджано-дагестанским войскам – прим. ист. редактора

Да, Альбионыч в *русской кочерге* был ярко выраженным эмпатом, то есть человеком, обладающим высокой чувствительностью к скрытым эмоциональным проявлениям контактирующих с ним людей, или, проще говоря, печёнкой чувствовал гада! Но при этом, будучи игроком с четвертьвековым стажем, он помнил о том, что если постоянно увлекаться закапыванием других, то подняться самомý вверх по столбику в *раскладке* будет слишком трудно. Именно этому он в своё время и учил этих странных людей, которые, как оказалось, кроме основных правил игры, не запомнили из его уроков больше ничего!

Вы, друзья, гуру поверьте:
переборы – это яд:
не хотят учиться, черти,
а вот выпить все хотят!

В этот момент Полтавцеву, который должен был делать последний в этом роббере ход, показалось, что в какой-то из уже сыгранных взяток кто-то что-то сделал неправильно. Странный посыл, подумает любой, читающий эти строки, но охраннику так не казалось: он впал в ступор и начал усиленно вспоминать, какие взятки и кто забрал до этого, но его квадратный мозг, помещённый в круглую тыкву, никак не хотел выдавать эту полезную для игры информацию.

– Серёжа, яйчики-бабайчики, ты что, заснул? – повысил голос Володя и добавил, как Линкей[224]:

– Ну, клади уже свою восьмёрку бубей…

[224] Герой др.-гр. эпоса, способный проникать взглядом сквозь стены и даже толщу земли – прим. лит. редактора

Семижопинец изумлённо взметнул кустистые брови и пошёл именно названную карту, потому что она оставалась одна и больше ходить было нечем. На счастье ленинца, последней картой у него оказалась тщательно приберегаемая бубновая дама, чем-то похожая на его супругу, и он с бýхающим сердцем забрал вторую взятку, в момент приобретя классический когнитивный диссонанс: с одной стороны, было хорошо, что он пролетит всего на 25 очков, а с другой плохо, что пролетит вообще.

От восхода до заката
«голубá», «черна», «бела»,
«хорошо», «неважно», «как-то» –

категории фуфла!

А довольный Альбионыч уже записывал в *раскладку* итог этого нелёгкого роббера, который мог бы войти в любой учебник *русской кочерги*, если бы его кто-нибудь когда-нибудь написал: сам он заработал заказанные две взятки, или 45 очков, но при этом *все остальные* игроки недобрали по одной взятке. А особенно приятной для него стала арифметика только что сыгранного, потому что общая победа литератора складывалась из его выигранных очков плюс проигранных его соперниками:

45 (Володя) + 25 (Нуртай) + 25 (Талгат) + 25 (Серёжа) = 120!

Осознал это и Валера, который подумал в этот момент: «Как же хорошо, святой Малевич, что я пока не играю вместе с ними, иначе сейчас ко всем моим моральным страданиям в виде безработицы, бежденежья, толстой жены, тёщи, тестя, неумения готовить самые простые блюда и застарелого алкоголизма прибавилось бы ещё и это!». Кстати, это тоже был когнитивный диссонанс, ибо всё плохое из не вслух перечисленного перебивалось одним коротким словом *хорошо*.

Рассуждаю я до колик,
аж болят мои бока:
«Плохо, что я алкоголик,
хорошо, что жив пока!»

– Ну, и что ты скажешь pro domo?[225] – сделав приятные записи, иронически осведомился Володя, выжидательно поглядев на Серёжу.

[225] В защиту самого себя. Дословно: за свой дом – лат.

– А чё про дом сказать? – пожал плечами Афанасьич. – Ничего так. хорошая *фатера*: стенки есть, и крыша в наличии!

Курманбаев в это время что-то бормотал о просчёте, о неправильной стратегии оппортуниста Кулемзина, не дающей развернуться его, Нуртая, талантам, то есть о вещах якобы поправимых – в результате бессмысленной тысячеходовой манипуляции. А сам Альбионыч просто смотрел на него так, словно коммунист только что признался в том, что продал фашистам партизанский отряд, скрывающийся в степях Саксаульщины, но вслух сказал следующее:

– Браво, товарищ! Вот слова́ не мальчика, а недоразвитой девочки…

«Какой он всё-таки морально неустойчивый!», решил Нуртай, но произнести вслух такую крамолу постеснялся.

И только Салихдзяныч молча таращился почему-то на Васюхана, словно ждал от него объяснений, как это он мог так лохануться. Володя заметил этот полный отчаяния взгляд и решил поддержать товарища – если не лишними очками, то хотя бы добрым словом.

Честный товарищ глаголил гнилому:
«Ты ещё врать, дурачок, не устал?»:
доброе слово приятно и злому,
правда, добрей от него он не стал…

– Ну, что ж ты, родной, уставился на нашего почётного гостя, как слесарь-интеллигент Полесов[226] на новые ворота? – иронично осведомился он.

[226] ***Второстепенный герой романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» – прим. лит. редактора***

– Да я вот… думаю, если что… тогда уж наверняка… как бы так… – объяснил проигравший прапорщик.

– Понятно, – ещё раз усмехнулся покерный гуру. – Тогда позволь напомнить тебе малоизвестное изречение Сэмюэла Джоновича Клеменса, более известного Николаичу под погонялом Марк Твен.

Живописец тут же солидно покивал головой, как бы подтверждая: конечно, мол, святой Малевич, известен такой гражданин, как же без этого.

– А сказал этот мой тёзка[227] следующее: «Если бы люди все думали одинаково, никто не играл бы на скачках…»

[227] ***Напомним ещё раз читателям, что своими тёзками Кулемзин называл всех хороших пи-сателей и философов – прим. гл. редактора***

– А причём здесь кони, царица лесная? – поинтересовался Серёжа.

– Не кони, а ёкарные лошади, – поправил его наконец-то очнувшийся военный музыкант президентского оркестра.

– А-а-а, ну это совсем другое дело, – признался сторож. – А то я уж было подумал, что вы тут все с ума съехали…

Понял, до́жив до седин,
вектор актуальный:
я в компании один,
кажется, нормальный!

Глава 117. О МАТЕМАТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ПРОБЛЕМЕ СКОРОХОДСТВА В БЕРМУДСКОМ УЧПУЧМАКЕ

Удивительное дело, но про следующие три роббера подряд можно или не говорить вообще, или рассказать в одной фразе: «Все заявки были выполнены всеми игроками в полном объёме». Хотя что тут удивительного? Да и мало ли других удивительных событий видел на этих страницах мой пронзительный взором читатель?

Зато по-настоящему удивил всю покерную хевру старший джус Митрохин, который в то время, когда Кулемзин записывал результаты очередного роббера, неожиданно поднял палец, как это делал писатель, когда хотел призвать к вниманию, и важно произнёс:

– А ведь я, друзья, пока вы играли, не спал, а тщательно анализировал ваши победы и поражения…

– И что же ты, йодистый анализатор, наанализировал? Хоть на один спичечный коробо́к наберётся? – под общий смех вопросил Батыршин.

– Рано смеётесь, – оборвал его Васюханыч. – А наанализировал я следующее: кто-то во время игры выиграл свои заказанные взятки, а кто-то проиграл, но глубинная суть и того, и другого кроется в одном – мы все давно не пили пивка!

– Точно, яйчики-бабайчики! – неожиданно поддержал его нежадный спонсор, вовремя вспомнивший, что сегодня – воскресенье, а, значит, лишнее гнобление коллектива только может привести к ухудшению моральной обстановки внутри хевры.

Как подсказывает опыт:
кто гнилой, кто патриот,
кто на старость деньги копит,

кто на пиво отдаёт!

После этого твёрдым самообладанием и не менее твёрдой рукой он вытащил из кармана рубашки очередную купюру и… так и не смог вручить её никому – неожиданно оказалось, что руки остальных учпучмакских персонажей стали заниматься кто чем: у Нуртая в них (руках, а не персонажах) оказалась пилочка для ногтей, которая тут же была пущена в ход, Талгат, избегая смотреть на Володю, стал тщательно разминать появившуюся на свет кривую сигаретку со стёртым от старости названием, Серёжа уже секунд 5 рылся в своём хурджине, пока не достал оттуда маленькое дамское зеркальце, после чего попытался поправить якобы сбившуюся за последние годы причёску, а Валера с Васюханом вообще занялись одним делом на двоих – они принялись пожимать друг другу руки, как будто самопоздравлялись со всеми календарными праздниками до конца текущего года, включая католическое рождество.

«Вот иблисы!», подумал спонсор, отобрал у сторожа котомку, вытряхнул из неё очередной набор новых предметов, но, к сожалению остальных сидельцев на покерной скамеечке, не пошёл в магазин сам, а, подняв торбу, весело произнёс:

– Предлагаю разыграть очередной поход, яйчики-бабайчики!

– Как это, святой Малевич? – отцепился от руки приятеля Николаич.

– А вот как: мимо нас сейчас всё увереннее проходит 2003 год – правильно?

– Точно так, мать моя партия, – несколько по-армейски подтвердил заинтересовавшийся процессом Мусаич. – И что?

– А то, что я сейчас переведу это число в *двоичную систему*, и по итогам этого перевода назначу очередного скорохода в лавку Калимы.

Вот строчка из поэмы
«Идём с тобой мы в бой»:
«Двоичная система –
когда я пью с тобой!»

– Как это, ёперный назначатель? – повторил муравлёвский вопрос штатный шнапс-капитан Великого ▲.

– Да очень просто: надеюсь, все вы знаете, что такое новое число будет состоять из ряда цифр, но всего двух – нуля и единицы…

– Конечно, знаем, мать честнáя, – солидно кивнул так и не приведённой в порядок причёской Афанасьич. – А дальше?

– А дальше всё просто: если число будет заканчиваться на ноль, пойду я, а если на единицу – кто-то из вас!

– Так в том-то и вопрос, – тонко улыбнулся почётный гость Бермудского Учпучмака Васюханыч, – кто именно? По фамильному алфавиту мы уже как-то раз разыгрывались, если помнишь…

– Хорошо, давайте разыграемся по алфавиту профессиональному.

– Как это? – в третий раз прозвучал один и тот же вопрос и, судя по тому, что к нему не были прилеплены никакие малевичи, партии и царицы лесные, принадлежал он всё тому же антенщику.

– А вот как, – объяснил знатный саксаульский новатор , – запишем все наши профессии, и у кого она окажется на самую последнюю букву русского алфавита, тот и пойдёт. Согласны?

Все по очереди, как в советском мульфильме «Козлёнок, который считал до десяти», кивнули своими тыквами.

Разум мир наш опояшет,
счастье быстро дав купить –
алфавит тотчас укажет:
с кем, когда и как мне пить!

Глава 118. О МАТЕМАТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ПРОБЛЕМЕ СКОРОХОДСТВА В БЕРМУДСКОМ УЧПУЧМАКЕ (окончание)

После этого писатель, на время превратившийся в математика с тригонометрическим образованием, перевернул покерную *раскладку* чистой стороной и погрузился в сложные вычисления, но вот наконец закончил их и крупно написал некое число:

Тяжело дыша, словно действительно волновался, за спину вычислителю зашёл охранник, пригляделся к написанному, после чего радостно сообщил коллективу:

– 8 бумерангов и 3 яйца! И что всё это значит?

– А, значит это, мой любопытный друг, – ответил саксаульский архимед, – что двоичное число 11111010011, в миру 2003, оканчивается на единицу, так что прогулку в «Kalima Shop» придётся совершить кому-то из вас! Итак, приступим к переписи покерного и околопокерного населения…

«А теперь займёмся лажей»,
огласил вердикт пострел,
«перепишем персонажей,
а потом всех – на расстрел!»

Здесь Альбионыч перевернул ещё один раскладочный лист чистой стороной и стал его крупно заполнять:

Кулемзин – **Литератор**

– А почему не писатель, мать моя КПСС? – тут же воскликнул Курманбаев. – Вот ты какой хитрый: буква П ближе к концу, чем Л!

– Позже разберёмся, – с досадой ответил записывающий, после чего изобразил вторую строку:

Полтавцев – **Охранник**

– А почему не сторож, святой Малевич? – тут же воскликнул Муравлёв. – Оказывается, этот Афанасьич тоже хитрый: буква С ближе к концу, чем О!

Серёжа поморщился, ничего не сказал, но подумал: «Ну, погоди, мусоргский, я до тебя ещё доберусь!»

А Володя уже записывал следующего потенциального ходока:

Курманбаев – **Педагог**

– А почему не учитель? – тут же воскликнул Митрохин и, прищурившись, огласил уже знакомый приговор:

– Буква У ближе к концу, чем П!

, после чего победно посмотрел на Мусаича, но тут же отвёл глаза, так как понял, что нажил себе ещё одного врага, хотя и не играл с ним в *русскую кочергу*.

К этим больше ни ноги –
мне не быть с гнилыми:
все друзья мои – враги,
коль я пью не с ними!

А Альбионыч продолжал увлекальное занятие, записывая очередную строку:

Батыршин – **Военный**

– А почему не прапорщик, мать честнáя? – тут же воскликнул Полтавцев. – А ещё лучше – старший прапорщик, ведь буква С гораздо ближе к концу, чем П или вообще какая-то непонятная В!

– Серёжа, как ты можешь! – потемнел лицом защитник родины. – Ведь я же тебе не только друг, но и защитник нашей родины!

– В смысле Республики Саксаулия? – уточнил семижопинец.

– В смысле Бермудского Учпучмака! – уточнил еврейский зять.

– Нет-нет, – мгновенно просчитал бывший текстильщик, – пусть лучше будет РС, ведь они тоже ближе к концу, чем БУ!

«Лишь бы не КПСС!», подумал в это время великий бермудский выдумщик.

Пусть китаёзы вкалывают, горбясь,
а мы тем часом изопьём пивка:
у нас, буржуев, собственная гордость –
на коммунистов смотрим свысока!

Следующая володина строка решала участь Николаича:

Муравлёв – **Живописец**

– А почему не художник? – уже второй раз стал парафинить одного из членов покерной хевры большевик Курманбаев. – Ведь буква Х гораздо ближе к концу, чем Ж! Или вообще какая-то П!

– В смысле, яйчики-бабайчики? – обалдел от обилия русского алфавита марсианин.

– В смысле это даже не художник, а поленов какой-то! – объяснил коммунист. – Или вообще врубель!

– Сам ты поленов! – обиделся на азиата псевдоевропеец, и Мусаич понял, что попал в число новых врагов кулемзинского друга.

– Так, хватит собачиться! – остановил поток взаимных оскорблений Альбионыч и подумал о том, как же быстро эти персонажи забыли, что страстно хотят холодного пивка, после чего, тоскливо вздохнув, написал последнюю строку:

Митрохин – **Антенщик**

– А почему не старший джус? – хором заорали четверо потенциальных ходоков, словно до этого долго тренировались в синхронности. – Ведь буква С гораздо ближе к концу, чем какая-то А!

Мрачно думал Беринг Витус[228]
в свой законный выходной:
«Очень сложный alfavitus –
не латинский, а родной!»

[228] ***Витус Йонасович Беринг – российский мореплаватель-первооткрыватель (по проис-***

хождению датчанин) XVIII века, офицер русского флота, капитан-командор – прим. географ. редактора

Кулемзин печальным взором ещё раз проглядел свою вынужденную перепись учпучмакского населения, молча взял серёжину котомку и побрёл строго на юг – в сторону сельпо Калимы.

– Пусть твоя дорога, мать моя Октябрьская революция, будет лёгкой и светлой! – услышал он вначале чьё-то пожелание, потом сдавленный хрип, как будто кого-то за его могучей спиной только что придушили, и в конце этой невольной радиопьесы – страшные звуки, которые бывают только при разрыве акустической бомбы с названием «Шёпот»

Глава 119. В ПЛЕНУ НАИВНЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ (ещё одно продолжение продолжения)

Литератору повезло: очереди в шопе Калимы не было, и он вскоре вернулся на благословенную территорию Великого Треугольника, плюхнул котомку на покерный столик и сел отдышаться после трудного похода. Но ему никто не посочувствовал, и к тому же даже не вспомнил, что перед затянувшимся действием, которое писатель назвал ЧАТ, или **Ч**тение **А**лфавита **Т**уповатыми, последний роббер проиграли все, кроме Володи. А чтобы успокоиться, он стал вспоминать, где в мировой литературе упоминается слово *роббер*. И вспомнил! В одном из лучших приключенческих романов, которые он читал в своей жизни, о похождениях эксцентричного англичанина Филеаса Фогга и его слуги француза Жана Паспарту́, предпринятых в результате одного пари, нашёлся как раз такой отрывок:

«Во время игры партнёры не разговаривали, но между *робберами* прерванная беседа возобновлялась с ещё бóльшим жаром»[229]

[229] Жюль Верн, «Вокруг света за восемьдесят дней» (1872)

Если нем ты, не сыграешь!
Как мизéр объявишь ты?
Лишь натужно догораешь,
словно жертва немоты…

Но литература есть литература, хотя бы и великая, а суровая бермудская реальность диктовала свои суровые законы, в число которых входил основной: пиво – это хорошо, но *русская кочерга* – главнее!

Покерный гуру подтянул к себе *раскладку*, убедился, что пришла порá играть роббер на 10 взятках, после чего обратился к потенциальному сдавальцу Батыршину:

– Талгат, яйчики-бабайчики, у тебя есть ровно 45 секунд, чтобы покончить с малым алкоголизмом.

– Есть, йодистый командир! – по-военному звонко ответил старший дудочник, разве что только не прищёлкнувший несуществующими шпорами, и в пять гигантских глотков, искусству которых, видимо, специально учат в прапорщицких школах, выдул свой очередной пивной «Маршал», после чего схватил колоду и сорокá точными бросками обеспечил покерную команду боеприпасами, а сóрок первым водрузил на её (колоды, а не команды) остатки козырь в лице червовой дамы.

Дама казалась очень довольной, что для такой важной роли выбрали именно её, и военному музыканту даже показалось, что она ему подмигнула. «Это знак!», пронеслась в его тыкве нелепая мысль, и Салихдзяныч поспешил обозреть привалившее ему богатст-

во. Кстати, предчувствие не обмануло, ибо, кроме трёх немаленьких козырей, Сука-судьба прислала ему в довесок некозырный марьяж[230] и младшего джокера.

[230] В сданном роббере – король и дама одной масти – прим. автора

Все ходы мои ужасны –
не желаю никому:
карты очень разномастны –
что мне делать, не пойму!

А Кулемзин, быстро просмотрев свои карты, решил, что пора́ ознакомиться с картами соперников. Нет-нет, мой благородный читатель, даже не думай, что марсианин захотел воспользоваться для этого одноимёнными технологиями родной планеты. Просто за годы жизни на Земле он прекрасно овладел навыками физиономики, и по нескольким *намёкам* на рожах противников отлично мониторил их предыгровое состояние.

Так, Володя заметил, что у Полтавцева после того, как тот увидел пришедшие карты, глаза несколько расширились, как у маленького Миши Горбачёва, которого мама привела на съёмочную площадку советского боевика «Взятие Зимнего дворца пьяными революционными матросами», после чего семижопинец выдавил из себя три сло́ва:

– Пас, мать честна́я.

«*Дедушка,* как это одноклеточно!», подумал литератор и стал приглядываться к унтер-офицеру Батыршину. Тот бегло оглядел пришедшие карты, после чего стал выглядеть весьма довольным, словно кета после икрометания, и именно об этом уже было сообщено двадцатью строчками выше.

А вот Курманбаеву, судя по некоторым признакам, повезло меньше, ибо когда партийный осознал, что именно принёс ему очередной роббер, тут же стал похож на монаха, вышедшего к людям с печальной вестью о смерти святого старца.

Каждый в ските – сумасшедший,
чтобы *дедушке* служить:
приказал монах ушедший
долго, счастливо нам жить!

И тут покерный гуру понял, что, мельком глянув на свои карты, слишком увлёкся изучением своих соперников и не совсем запомнил, какие у него в руках оказались ресурсы. Он ещё раз обозрел своё хозяйство, пока не убедился, что шансы на успех есть, но чтобы *поднять* серьёзную заявку, надо будет хорошо постараться, к тому же первый ход сейчас был именно его.

Но, хотя жизнь и научила Володю одной аксиоме: «Когда всё хорошо – это очень плохо!», он, понадеявшись сразу на три фактора, немного расслабился, после чего подтверждение справедливости приведённой аксиомы не заставили себя ждать. А что же это были за факторы, которые должны были помочь писателю подняться ещё выше в раскладке, но на деле приспустили его аж на 45 очков, или две взятки?

Первым фактором была его самоуверенность – кстати, качество не такое уж и плохое в любой игре, вторым – некоторое отставание его партнёров ~~в развитии с детства~~ в знании не то чтобы правил, а, скорее, правильного их тактического применения, третий же фактор был и вовсе банальным – всё то же солнышко, которое как раз сегодня задалось целью превысить самую высокую температуру во Вселенной, а именно 40 триллионов градусов, которая существует лишь внутри квазаров при невероятной силе трения.

Может, это и наивно,

но себя сейчас спасу:
тру звезду я интенсивно,
чтоб поджарить колбасу!

Впрочем, все эти факторы были хорошо известны и его соперникам, а вот фактор четвёртый в прямом смысле сло́ва свалился на Кулемзина сверху, но не с библейских небес, как можно подумать, а всего лишь с балкона второго этажа до́ма № 16, который был присобачен с наружной стороны до́ма к квартире № 20, где проживала веселая еврейская семейка Либерзонов вместе с татарином Батыршиным.

Писатель вспомнил, что первый ход в этом роббере именно его, и уже было собрался объявить мизе́р, чтобы нарушить планы своих противников, но не сделал этого, ибо в этот момент чуть не подпрыгнул от неожиданности, и вот почему.

– Талгат! – раздался страшный крик еврейской супруги. – Вспомни о детях! Вспомни обо мне! Вспомни о моих престарелых родителях! Вспомни, что уже послезавтра тебе надо идти на службу!..

Видя, что такое перечисление может затянуться надолго, литератор-надомник даже подумал: «Хорошо, что она, имея возможность заменить ленинца Курманбаева, не призывает нашего товарища вспомнить о родине!». И вот эта мысль, как назло, перебила другую – об объявлении мизе́ра. Альбионыч посмотрел на зажатую в руке и готовую к ходу карту (а ею оказался старший джокер) и пошёл его со словами:

– По козырям, яйчики-бабайчики!

, но подумал в это время о том, что женщина срывается на крик всего лишь в двух случаях: когда её не слушают, и когда её слушают.

Хоть запишись ты ей сонеты,
хоть 40 раз её утешь,
не угодишь своей жене ты,
коль не работаешь, а ешь!

И только после того, как все послушно скинули *самые старшие козыри*, марсианин понял, что обмишулился, ведь, если бы он не забыл объявить мизе́р, то козырная пятёрка, которая сейчас грелась в его руке и ждала так называемого *своего часа*, оставалась бы самой крупной в данном роббере (не считая, разумеется, *грандов*), но только что превратилась в самую маленькую, которую может побить даже банальная шестёрка!

И самым обидным было то, что в случившемся действительно никто не был виноват! Можно было, конечно, обвинить несчастную Аиду, которой не повезло с мужем – пьяницей и игроманом, но это смотрелось как-то несерьёзно…

Глава 120. В ПЛЕНУ НАИВНЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ (и ещё одно продолжение про-должения)

Вместе с Володей, конечно, расстроился и автор нашего повествования, и не из-за того, что он как-то по-особенному относился к этому герою, а только потому, что покерный гуру, как видно именно из этого определения, был сразу и двигателем, и движителем самого́ процесса ежедневных карточных сражений, а главными из них были, разумеется, не *проходные* короткие робберы, а длинные, где можно было как хорошо приподняться, так и откатиться назад на дистанцию, которая не позволяла надеяться на выигрыш всей партии в целом.

Игра каждого *длинного* роббера для нашего главного героя была похожа на трёхступенчатую космическую ракету: сперва, исходя из пришедших карт, заказывались взятки,

но после первого-второго хода, когда ситуация вдруг резко менялась, первая ступень могла отвалиться и тут же начинала работу вторая, то есть Кулемзин мгновенно решал, сто́ит ли набирать свои очки или нет, а если нет, то перебирать или недобирать, а если перебирать, то немедленно отваливалась упомянутая вторая ступень, и тут уже третья показывала себя на всю катушку, ибо, перебирая, он решал, кого именно посадить на голодную диету *минуса*.

Мозг всегда влаголюбивый,
правда, разный здесь окрас:
если *плюс* – в желудке пиво,
если *минус* – только квас!

А всё почему? Да потому что Альбионыч с детства привык уважительно относиться как к космическому пространству, так и к трёхступенчатым аппаратам, правда, ближе к зрелости вспоминал о них только в День Космонавтики, ибо после его наступления ровно через десять дней случался и его собственный день рождения.

«Как же так?», неожиданно влезал в эти рассуждения некий особо внимательный читатель. «А не вернуться ли на 12 прозаических и поэтических строк назад – к этой нелепой, как мне кажется, фразе про *перебирать* или *недобирать*? Ну, перебирать – это понятно: хоть и немного, но записываешь себе в *раскладку*, а кому-то соответственно списываешь одну-две-три взятки. А вот как быть с *недобирать*? Это что же, добровольно отказываться от своей взятки и откатываться назад?»

Да, мой милый читатель, никому, кроме моего марсианского героя, такое развитие сюжета игры никогда не приходило в голову, а вот ему приходило. И вот по какому случаю. Писатель мгновенно просчитывал, а будучи *записывающим*, ещё и видел, что у того или иного игрока последняя запись соответствовала 25-ти или 45-ти очкам, и вот тогда и наступал тот самый момент, когда именно их (если представлялась эта возможность) можно было обратить в ноль или, как выражались наши покеристы, в *жопу* [230]!

[230] История этого термина – в главе первого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

Дай шрапнелью по окопу
и промолви: «Мать твою!»:
пусть соперник видит *жопу* –
не чужую, а свою!

И делалось это не в угоду своему самомнению и, разумеется, не для того, чтобы обидеть или оскорбить соперника, а исключительно для того, чтобы списать у него в общем рейтинге игры сразу 4 очка, если, как в нашем случае, в игре принимают участие именно четыре человека.

А теперь – внимание! – в этом последнем томе автор всё же откроет тайну, для чего вообще вёлся этот пресловутый рейтинг. Дело было в том, что ещё 2 января сего 2003 года, дав один день для полноценного отдыха после новогодней ночи, литератор, будучи человеком небедным, для игрового стимуляжа на весь предстоящий год пообещал своим товарищам по партии (разумеется, не КПСС, а в *русскую кочергу*), что по его итогам выплатит каждому игроку столько серо-зелёных американских денег, сколько у того наберётся очков в рейтинге.

И, как он уже неднократно убеждался, несмотря на ежедневные пьянки, все участвующие в соревновании помнили об этом как ~~«Отче наш»~~ алгебраическую квадратичную

функцию одной переменной! И особенно хорошо об этом помнил старший знаменосец Батыршин, потому что единственный из всей компании пил крепкое пиво «Маршал», которое было на 5 назарбаксов дороже, чем «Тянь-Шань», и на 7 – дороже «Жигулёвского»!

Коли пьёшь ты беспробудно,
и, причём, не молоко,
«Отче наш» запомнить трудно,
цену «Маршала» – легко!

Но – вернёмся к игре. А она становилась, как выражалась некая Алиса, героиня знаменитой сказки[231] Чарлза Латуиджа Додсона[232], «всё страньше и страньше». Вот только что у Кулемзина всё было хорошо, а теперь вдруг стало плохо, так как пролетел он в последнем роббере сразу на две взятки, или на 45 очков, с трудом удержав первое место. Зато у военного трубача, услышавшего крик супруги, положение значительно улучшилось, ибо он взял свои три взятки, да так ловко, что Володя даже подумал о том, а не позвонить ли своему знакомому профессору Фекалину и не предложить ли ему тему для новой книги «Внезапный испуг как мобилизующий фактор при карточной игре»

[231] «Алиса в стране чудес» (1865) – прим. лит. редактора
[232] Подлинное имя писателя, математика и философа, писавшего под псевдонимом Льюис Кэрролл – прим. лит. редактора

И лишь одно настраивало нашего героя (Кулемзина, а не Фекалина) на оптимистический лад: настало время длинных робберов, а, значит, мобилизуясь без всяких побочных испугов, можно было вполне выправить положение. Для придания большей уверенности он даже стал ассоциировать себя со всем русским народом, который, как гласит известная поговорка, никогда не сдаётся без сурового боя. А мысли его были так интересны, что автор тут же решил ознакомить их со своим читателем, ибо если этого н сделать сейчас, то в пылу сражения можно забыть обо всём.

«Всё-таки мы, русские, яйчики-бабайчики, великий народ!», думал Альбионыч. «Мы даже самогó Гитлера довели до самоубийства …»

В мае (вовсе не в июле)
отколол он номерок:
заработал фюрер пулю,
сам нажавши на курок!

Между тем, не слыша мыслей покерного гуру, охранник уже сдал всем по 12 карт, которые можно было смотреть до заявки, и Муравлёв и Митрохин переглянувшись, поняли, что это пока не средняя *тёмная*. И, действительно, до этой важной позиции оставался ровно 1 роббер.

Первым делал заявку Салихдзяныч, который только что поднялся на 60 очков, поэтому осмотрел он пришедшие карты небрежно и тут же вымолвил:

– Пять, бубёна масть!

– Как пять, мать моя партия? – вначале покраснел от такого нецензурного выражения, а затем и изумился Мусаич, у которого на руках были не менее двух джокеров и трёх козырей, и он сам намеревался заказать все четыре, а то и пять взяток.

– Предложение опережает спрос, – туманно обьяснил Талгат, чем вверг Курманбаева в большýю панику.

Мне снизошло, как озаренье,

и афоризм такой пророс:
«Не спрос рождает предложенье,
а предложенье будит спрос!»

Рядом с Нуртаем на скамеечке вертелся Полтавцев, которому не терпелось сделать заказ, но он не мог совершить этого, пока не прозвучит предложение ленинца.

– Давай, сосед, давай, думай быстрее! – опозорил он его не только перед остальными членами покерной хевры, но и перед дворовыми детьми и старушками-пенсионерками.

– Да я думаю, не мешай! – огрызнулся преподаватель еврейского колледжа, а писатель, чтобы подтолкнуть его к правильному решению, произнёс:

– Нуртай, хочу подтолкнуть тебя к правильному решению.

– Э, нет, святой Малевич, так дело не пойдёт, – неожиданно встрял в разговор Валера. – Если ты ему подскажешь, то тебе придётся самому́ себе списать 100 очков!

«А ты откуда знаешь?», изумлённо подумал Васюхан.

«Да хрен его знает!», также изумлённо подумал в ответ художник.

– А я и не собираюсь подсказывать, – степенно пояснил литератор. – Я же сказал: подтолкну.

– Ну, хорошо, – согласился Николаич, – толкай!

– Итак, старичок, слушай, – обратился марсианин к Мусаичу. – Приходит как-то весной художник Саврасов домой, а у него всё пальто испачкано.

– Что случилось? – спрашивает его жена.

– Грачи прилетели.

Отчего столь печален Саврасов?
Чем в его пониманье весна
облегчает рабочему классу
переход на борьбу ото сна?
Нарисовано быстро, как всуе,
словно кистью махали с плеча.
Почему он гусей не рисует?
Гусь жирней и вкуснее грача!

После этого Володя замолчал, а живописец, видимо, поняв намёк как надо, тонко усмехнулся.

– К чему это ты? – спросил Курманбаев.

– А ты подумай, – ответил Володя. – Если, конечно, осталось чем…

Большевик страшно испугался – то ли обгаженного пальто, то ли вопроса жены Саврасова, но решительно сделал заказ:

– Одну!

, с ужасом подумав о том, куда же будет девать свои два джокера и три козыря, чтобы не сделать перебор.

Глава 121. В ПЛЕНУ НАИВНЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ (и ещё одно необходимое продолжение продолжения)

А что же остальные покеристы, то есть Кулемзин и Полтавцев? Во время перепалки, которые то и дело возникали на поле боя, они, услышав столь нелепые заявки Батыршина и тем более Курманбаева, одновременно посмотрели друг на друга, одновременно тонко улыбнулись и одновременно произнесли:

– Четыре, царица лесная! Четыре, яйчики-бабайчики!

И вот здесь автор, зная, насколько поднаторел читатель в русскокочергинских сражениях, даже не будет описывать ни карт писателя и сторожа, ни каждый из ходов, так как уже с первого из них (ходов, а не игроков) было ясно, что данный роббер не закончится ничем хорошим, потому что взяток *на круг* было заявлено 13, а карт у каждого покериста было, как уже сообщалось, по 12. Так оно и случилось: только один из бермудских воинов завершил этот важный роббер своей победой, и им стал Серёнька Афанасьич, который, заработав аж 75 очков, сразу же вырвался на второе место.

Место будет у героя
не большо и не меньшо:
пусть не первое – второе,
но и это хорошо!

На первом месте по-прежнему удерживался марсианин, хотя и пролетел на одну взятку, а вот третье и четвёртое поменяли своих обладателей: заказавший пас Мусаич хапнул три взятки, после чего с тремя переборными очками переместился на третье место, а недобравший целых 60 очков обер-корнет спустился в *раскладке* ниже всех. И, конечно же, по итогам этой локальной войнушки тут же были проведены короткие дебаты.

– Эх, подвела меня врождённая марсианская доверчивость, – вздохнул Володя. – Лузанулся[233] по полной – как фраер в тапочках!

[233] От англ. lose – проиграть

– А я? – горько вопросил Салихдзяныч. – Как же я тоже сделал это иностранное, но такое понятное сейчас ёкарное слово?

– Талгат, не переживай, святой Малевич, – неожиданно выступил с утешением живописец. – Просто вбей себе в свою тупую тыкву, что это просто вре́менная чёрная полоса, и она когда-нибудь обязательно закончится.

– Правда? – стали высыхать слёзы у обиженного персональной Сукой-судьбой.

– Конечно, правда! – подтвердил слова Николаича его друг Васюханыч. – Ты навсегда запомни, что чёрную полосу всегда сменяет белая.

– Как это?

– Ну, например, если сегодня тебя укусила злая собака, не волнуйся, ибо завтра обязательно укусит добрая!

Если пёс репьи цепляет,
если в речку он ныряет,
если он с утра линяет,
если лезет на весы,
если он хвостом виляет,
значит, просит колбасы!

Но хуже всех, конечно, пришлось партийному, который со своими картами мог сделать большой заказ и хорошо на этом заработать, но которого так некстати подвела его природная трусость, позволившая подняться всего лишь на 3 очка вместо 75-90 гипотетических. Ему надо было срочно найти виновного в таком афронте! А кто подходил на эту роль лучше, чем сосед педагога по лестничной площадке? Да, конечно же, почётный житель деревни Семижопино!

– Серёжа! – с негодованием обратился к нему ленинец. – Ну вот как ты всё время ходил? Неужели нельзя было пойти по-другому? Для чего тебе только голова нужна?

– Как для чего? – удивился экс-текстильщик. – Для этого… как его… для адекватного анализа и осмысления поступающей извне информации…

Но, увидев раскрытый рот Курманбаева, тут же поправился:

– Да шучу я, шучу! Я ей ем!

Знают даже марсиане,
как от армии косить:
тыква для того нужна мне,
чтобы выпить/закусить!

– Нуртай, а чего это ты на него взъелся? – осудил большевика Альбионыч. – Нет такого правила в *русской кочерге*, чтобы после драки коленвалами махать!

– Да я так… на всякий случай… – начал оправдываться неправильно заказавший. – Я же как лучше… чтобы Серёжа эту не потерял…

– Которую, йодистый недоговорилец? – поинтересовался старший трубач.

– Бдительность, мать моя КПСС, – потупясь, словно произносил неприличное слово, ответил преподаватель еврейского колледжа.

А охранник, видя, что на его защиту встал весь коллектив, осмелел и даже заявил, как будто делал чистосердечное признание:

– Вообще-то я действительно хотел, чтобы Нуртай был полностью демобилизован!

– Ты хотел сказать, яйчики-бабайчики, деморализован? – уточнил Кулемзин.

– Нет, Володя, – твёрдо уточнил Полтавцев. – Я считаю, что к Нуртаю не применимо ни одно сказуемое с корнем *мораль*!

– Обойдёмся без лирики, – скривился литератор, словно ему на язык попался нерастворившийся комочек кофейного порошка «Желудёвый»

– Нет-нет, – вскричал уязвлённый педагог. – Оказывается, вóт ты, Серёжа, как! А я всю жизнь считал тебя за товарища, друга, а иногда даже за брата! Так что жди: месть моя – не за горами!

– Ах так! – вновь завёлся уже было успокоившийся семижопинец. – Ну, я тебе сейчас устрою!

– Давай-давай, – иронично поощрил его Нуртай.

И тут Афанасьич, к удивлению всех, а особенно Володи, неожиданно выдал своё хорошее знание кумиров рок-музыки:

– Ну, я тебя сейчас отправлю, куда Маккартни телят не гонял!

Законы жизни переменны:
наш битл когда разбогател,
с женой стал фермером отменным –
телят гонял, куда хотел!

А лучший знаток рок-музыки Бермудского Учпучмака осознал, что сторож оказался в принципе прав, ибо знатный битл в перерывах между сочинением своих песенок (особенно в *послебитловский* период) действительно стал фермером и даже отразил увлечение сельским хозяйством на обложке своего второго сольного винилового диска «Ram», что, как известно любому изучающему английский язык, означает не телёнок, как предположил Серёжа, но всё-таки *баран*:

Но, как выяснилось чуть позже, Мусаич не просто так педалировал своё локальное поражение, – хотя разве можно назвать поражением 3 плюсовых очка? Большевик неожиданно осознал, что через минуту-другую грядёт один из главных робберов в игре – *средняя тёмная*, зачастую после которой кардинально меняется вся конфигурация игры: у кого-то до этого с трудом заработанное стремительно падает в минус, а у кого-то, кто и раньше не сильно стремился поработать тыквой, вдруг возникает такой плюс, что становится ясно: догнать его можно только в одном случае – пристрелить на пути к завершению партии! Шутка.

Покажу я нрав акулий,
как какой-нибудь койот:
угощу-ка друга пулей –
пусть не в очередь не пьёт!

Володя нередко вспоминал этот феномен, который психологи называют *пятью стадиями принятия неизбежного*: это (по порядку) отрицание, гнев, торг, депрессия и, наконец, смирение. По его расчётам выходило, что Курманбаев сейчас находится где-то между гневом и торгом, и, значит, надо быстрее начать игру, чтобы именно на этот период у Нуртая пришлась четвёртая стадия – депрессия, а уж смирение, как пятая стадия – при новом поражении, тогда будет неизбежно!

Глава 122. В ПЛЕНУ НАИВНЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ (незадолго до окончания)

«И всё-таки что-то здесь не то», подумал литератор с философским уклоном. «Может быть, именно здесь и зарыта эта дохлая, долго болевшая собака? Как же просчитать ситуацию и найти то место, где покоится с миром несчастная закопанная псина?»

– Я вижу, старичок, – благожелательно произнёс он, внимательно глядя на учпучмакского негодяя, – что законы и нормы так называемой морали не служат тебе тормозящими факторами.

Нуртай скорбно кивнул головой, как бы говоря, что да, мол, не служат.

– Кстати, – беспощадно продолжил покерный гуру, – в «Книге рекордов Гиннесса» упоминается некий Педро Алонсо Лопес, признавшийся в убийстве трёхсот девочек, хотя следователям удалось обнаружить останки всего пятидесяти трёх.

– А я здесь при чём, мать моя патийная организация? – обеспокоился педагог.

– Да при том же, что и шапка на воре, – объяснил Альбионыч.

Говорила деду бабка:

«На воре горит и шапка!»
Потому у нас в стране
шапки нынче не в цене…

Неиграющие Муравлёв и Митрохин при этих страшных словах литератора переглянулись, и в их взглядах стало ясно читаться, что когда они наконец-то начнут играть в составе покерной хевры, то внимательнее всего будут следить за действиями именно Володи. А сам Володя тем временем завершил свои размышления вот такой мыслью: «С этим Мусаичем того и гляди подхватишь какую-нибудь гомицидофобию [244]!». Он понимал, что именно в этот момент его эмоциональное состояние находилось в противофазе с курманбаевским: чем больше успокаивался писатель, тем сильнее заводился ленинец, и это тоже было на руку, в которой зажаты карты, марсианину.

[244] Боязнь совершить убийство – гр.

Карты для розыгрыша *средней тёмной* сейчас выпало сдавать именно ему, и Альбионыч, перетасовав колоду, быстро и ловко раскидал её по четырём условным частям света, по дороге обходя части пятую и шестую, где сидели неигровые гости Великого▲. Получив карты, игроки тут же, не прикасаясь к картонкам, стали пялиться на них, пытясь проникнуть в суть непостижимого. Первым делал заявку семижопинец, который, практически насквозь просверлив свой роббер мутными зенками, вначале родил мысль в одно слово: «Попытаюся», после чего храбро заявил:

– Четыре, царица лесная!

– Серёжа, – тут же обратился к нему писатель. – А ты хорошо подумал? Ведь корень слова *попытаюсь*, или чтобы тебе было понятно, *попытаюся*, – это пытка!

– Ничего, – самонадеянно и бодро ответил сторож. – Как говорил иностранец Наполеон, главное в сражении – это победить, а там трава не расти!

– Когда это он такое говорил? – возмутился педагог с высшим образованием. – Лично я о таком никогда не слышал!

– А ты и не мог слышать, – под общий смех в который раз развенчал Нуртая бывший текстильщик. – Он это говорил, когда ты ещё не родился!

Чтоб сомненья не изгрызли,
помни ты безтормозно:
изрекали свои мысли
те, кто жил совсем давно!

В это время Альбионыч кивнул головой в сторону серёжиной котомки, и охранник, поняв его правильно, тут же вытащил из неё заветную книжечку «Для му.мы.» и приготовился записывать, после чего философ с марсианским образованием продиктовал:

**Главная трагедия не только покера, но и всех
без исключения хороших игр, заключается
в неуважении к планам соперников.
В. Кулемзин**

Услышав мудрость, Курманбаев вначале вспыхнул лицом, поняв, что этот выпад сделан персонально в его сторону, а потом на нём повторно загорелась та же шапка, что пылала, сжигая его комсомольский полубокс, несколькими минутами ранее. Тем не менее он взял себя в руки и промолвил:

– Три.

Также по три взятки заказали Салихдзяныч и саксаульский достоевский, что в общем составило 13 заказов из 12 возможных.

– Опять одна рвётся, – многозначительно прошептал на ухо Васюхану художник, и антенщик понял, что когда они начнут играть вместе, надо бы присмотреться к Валере получше, потому что тот, по всей видимости, уже начал осваивать кое-какие правила.

На препоны не взирая,
и не веря небесам,
я по правилам играю,
что придумал лично сам!

Давно известно, что кто первым делает заявку, тот и ходит – тоже первым. На этот раз начинающим *среднюю тёмную* был Полтавцев, который лихо заказал четыре взятки, но сделал это, как обычно, сдуру, потому что не разглядел половину карт. И вот сейчас перед ходом он ещё раз захотел удостовериться, что у него где-то мелькнул бубновый туз, хотя козырем в этом роббере были объявлены черви. И, перебирая свои карты, он внезапно обнаружил сразу три джокера, после чего прикрыл глаза, чтобы не спугнуть виде́ние, и помотал головой, как облитый из шланга ньюфаундленд.

– Серёжа, яйчики-бабайчики, ты не заснул? – позвал его в бой штатный политрук Бермудского Учпучмака.

– А? Что? Куда?

– Сюда, – рукой показал Альбионыч на стол, а сидящий рядом с охранником военный музыкант даже подтолкнул его (охранника, а не Альбионыча) под локоток.

– Играем по мизе́рам, – наконец выдавил из себя уроженец деревни Семижопино и, видимо, для того, чтобы информация не стала слишком шокирующей для соперников, добавил:

– Мать честна́я!

, после чего смело пошёл своей бубновой двойкой.

В правилах *русской кочерги* сказано, что игроки обязаны скинуть ту же масть, что и пошёл заходящий, а если её не было, то обязательно побить карту козырем, но в то же время могли не делать ни того, ни другого, если имели на руках любого *гранда* (кроме козырного туза). Именно этим правилом и воспользовался Кулемзин, побив первую взятку своим покером, мысленно произнеся в сторону потерпевшего глупую голливудскую присказку: «Ничего личного!»

Заготовки заготовя,
поступаю бомбово:
лично против дураков я
не имею ничего!

«Ни хрена себе!», привычно подумал сторож. И как же было такое не подумать, если твою заветную бубновую двойку, на которого приходилась какая-то часть надежды, вдруг прихлопнул какой-то явно залётный покер, и это была та самая рокова́я случайность, которую предвидеть было невозможно.

– Ну, ты даёшь, в натуре! – воскликнул он (сторож, а не покер).

– В натуре –
кум в прокуратуре! –

, тут же ответил экспромтом знатный саксаульский поэт, делая второй ход – таким же

бубновым королём. Он знал, что у кого-то на руках имеются маленькие карты этой масти, при мизе́ре становящиеся большими, и не ошибся: четвёрку выложил педагог, тройку скинул саксаульский унтер-офицер, но Афанасьич, раздосадованный начальным афронтом, по-сибирски смачно кхекнул и, несмотря на то, что у него тоже была *бубнушка*, забрал вторую взятку одним из своих младших джокеров.

«Да это просто какой-то акт, мать моя КПСС, гражданской безответственности!», подумал при этом Курманбаев.

«Забью ёкарную скотину!», подумал при этом Батыршин. «Да простят меня активисты движения «Гринпис»

«Как бы не ~~обоср~~… проиграть, яйчики-бабайчики!», подумал при этом Кулемзин.

«Молодец, Серёнька!», подумал при этом Полтавцев и счастливо добавил – также не вслух: «Царица лесная!», представив почему-то свою подругу Зулю.

Пьянка каждый день по кругу
(не даём стопарь бабью!):
вспоминаю я подругу,
если только подопью!

Глава 123. В ПЛЕНУ НАИВНЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ (за 20 минут до окончания)

Солнечный диск давно покинул точку зенита, но это отнюдь не ослабило тепловой мощи светила, которое всеми своими немыслимыми градусами, заметно отличавшимися от градусов на пивных этикетках, так и норовило ослабить интеллектуальную составляющую игроков.

Уже под 40, – шутка ли сказать!
Вопрос «За что?» бездарен как идея,
и мы пыхтели, рдея и потея,
не принимая эту благодать…

Но они, казалось, забыли обо всём на свете, увлечённо бросая карты на раскалённый покерный столик. Особо обиженным при этом чувствовал себя большевик, который рассчитывал на этой *тёмной* немного подняться, но к середине роббера так пока и не взял ни одной взятки.

– Да я всё равно играю лучше тебя, – по-детсадовски попенял он бывшему текстильщику.

– Знаешь, старик, – возразил ему Володя, – один умный человек (из скромности не буду называть его светлое имя) говорил ещё в начале своего рождения:

Карму не перепишешь!

, так что время всё равно всех разложит по полочкам – я имею в виду, по ямочкам.

С каждым днём всё больше сохнуть –
до́лжно нас насторожить:
одному судьба подохнуть,
а другому – долго жить…

В общем, как видит читатель, битва была в самом разгаре, и только неиграющие представители покерной хевры, то есть Валера и Васюхан, млели от удовольствия: во-первых, не надо было думать, как игрокам, во-вторых, не надо было собачиться после каждого хо-

да, и, наконец, в-третьих, у каждого из них ещё оставалась по полбутылочке уже начинающего теплеть пивка, которыми они, чтобы не мешать процессу, тихонько звякали, при этом, как порядочные люди, говоря на ухо друг дружке всякие глупые тосты типа «За нашу конституцию!» (автор Митрохин) или «Давай выпьем за то, чтобы каждый присутствующий здесь мужчина встретил свою Джоконду, которую можно разглядывать, не финансируя!» (автор Муравлёв).

Жила-была на свете Мона Лиза –
её маманя в муках родила,
и Лиза та была не без сюрприза –
ну, очень уж загадочной была:
красою не блистала дюже шибко,
совсем не впечатлял груди размер,
загадочной была её улыбка,
другим коварным фифам не в пример!
Реформа пенсионная не гладко
врубила тоже Лизе по балде,
и стала Лиза сплошь одна загадка
для всех в искусствоведческой среде…

И тут охранник, у которого остался ещё младший джокер, совсем распоясался. Он лихо бросил *гранда* на покерный столик и также залихватски выкрикнул:

– По козырям!

А вот уже было серьёзно. Кулемзин поглядел на остатки своего воинства и увидел, что одна добытая им в бою взятка погоды не делает, ведь он заказывал их целых три. Поэтому вздохнув (на этот раз непритворно), он бросил своего старшего козыря, затем его примеру последовал Курманбаев, а вот Батыршин (кстати, согласно правилам) сбросил и вовсе какую-то залётную некозырную даму, как самую маленькую в своём роббере. И в этом тоже был определённый резон, ибо теперь, когда игровая ситуация сложилась именно так, ценность любой крупной (самой мелкой) карты возрастала, как выражаются наиболее ~~ннизанутые~~ продвинутые математики типа Карла Гебхардовича Гаусса, словно функция $\boldsymbol{f}$ на некотором множестве $\boldsymbol{P}$.

Не завися от погоды,
как в угоду чепухе,
убывают мои годы,
точно функция на $\boldsymbol{X}$!

Взятка, захапанная почётным семижопинцем, была третьей в его арсенале, а заказывал он, как наверняка помнит мой всё помнящий читатель, четыре, поэтому Серёжа, ничтоже сумняшеся, как когда-то давно выразился некий книжный Иаков[245], пошёл своей самой старшей картой – бубновой, то есть козырной, пятёркой. И пусть никто не удивляется, что какая-то пятёрка в этом предложении названа старшей, ведь в данный момент покеристы разыгрывали мизéр. И эта взятка была удачно реализована!

[245] Ничтоже сумняшеся – нисколько не сомневаясь (церковнослав.). Библеизм, берущий начало в в евангельском Послании апостола Иакова (глава 1, стих 6) – прим. богосл. редактора

Но охранник внезапно посмурнел немытой рожей, вспомнив, сколько раз за эту неделю он, взяв своё заказанное, не мог удержать счастье в руках, потому что тут же начинал перебирать, и вместо того, чтобы заработать 45-60-75 очков, записывал в *раскладку* все-

го лишь 4-5-6. После этих тревожных раздумий ход его был логичен и безупречен – Полтавцев пошёл трефовой дамой, надеясь на то, что на неё накинутся все кому не лень. После хода ему стало нестерпимо горько, так как выяснилось, что неленивыми игроками оказались все его так называемые партнёры: несчастная трефовая дама, которой в своё время повезло меньше, чем её родной пиковой сестре, была буквально разодрана на части, так что Володе пришлось срочно сбéгать за новой колодой. Шутка.

А не шуткой (хотя кому как) было воспоминание писателя, иногда притворяющегося поэтом, о том, что в далёкой юности он (под влиянием старшего товарища с *погонялом* Сергеич Наше Всё) наваял стишок:

С трудом овладев полковою казной,
надравшись почти до инфаркта,
фон Германн, поручик, спросил в казино
три карты, три карты, три карты,
поскольку владельцу погон и рейтуз,
бутылку его половиня,
сказала про тройку, семёрку и туз
цыганка по кличке Графиня.
Фон Германн на стол устремляет глаза,
хоть был после литра «Агдама»:
вот тройка, семёрка, но вместо туза –
о боже! – пикóвая дама!
И выпив ещё три бутылки вина,
скривившийся, словно от клюквы,
послал он крупье и обманщицу на
три буквы, три буквы, три буквы...

В общем, напрасно волновался лучший работник магазина «Пингвин и гагара» с двойной должностью, но одним окладом – его честно заработанные четыре взятки после этого серьёзного роббера под пером *записывающего* марсианина тут же превратились аж в 150 очков, и автоматически в первое место в текущей ~~пятилетке~~ игре!

♠♠♠

И тут взгляд автора случайно скользнул вниз этой страницы и он осознал, что до конца книги осталось ровно 300 страниц, и что он, оказывается, уже оставил, как говорят физиологи, за плечами 13 таких половинок! А так как автор был ещё и поэтом, он решил увековечить это событие особенным катреном – вот таким:

♠ ♣ ♦ ♥ ♠ ♣ ♦ ♥ ♠ ♣ ♦ ♥ ♠ ♣ ♦ ♥ ♠ ♣ ♦ ♥

В страницы смыслами вникая,
дождусь ужели я венца?
Какая *жаль*, печаль какая –
всего полтома до конца!

♠ ♣ ♦ ♥ ♠ ♣ ♦ ♥ ♠ ♣ ♦ ♥ ♠ ♣ ♦ ♥ ♠ ♣ ♦ ♥

Глава 124. В ПЛЕНУ НАИВНЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ (разбор полётов)

Но, к несчастью остальных, радовался своему успеху один лишь сторож, тогда как у других дела складывались намного хуже: Володя, забыв о своём 30-летнем игровом стаже, начал хапать всё, что плохо лежало, и в конце концов перебрал одну взятку, получив в *раскладке* всего лишь 8 очков вместо гипотетических 120, а Талгат и Нуртай недобрали по одной взятке, что тоже отразила честная бумага, но уже со знаком минус – по 50 очков каждому.

И тогда, как это раньше частенько случалось, начались внеплановые разборы полётов, полные горьких упрёков, но почему-то не себе, бестолковому, а своему соседу и слева, и справа, а первым в этом тухлом деле был, разумеется, партийный педагог, который научился обвинительным речам вначале в комсомоле, а потом и в партии.

Не могу быть дипломатом –
не такой потенциал:
в комсомоле крыл я матом,
ну, а в партии, – стрелял!

– Нет, ну вы подумайте, мать моя мировая революция, – чуть не плача, начал обвинять неизвестно кого коммунист. – Ну, вот как выиграть, когда вокруг меня такие, с позволения сказать, «друзья»?!

Причём, слово *друзья* Мусаич произнёс таким тоном, что ни у кого не осталось сомнений, что оно было взято в кавычки.

– Я тебе, Нуртай, так скажу, яйчики-бабайчики: играй да постигнется, – словами Покерного евангелия от Владимира ответил покерный евангелист Владимир.

«Да я и так играю», хотел было ответить преподаватель еврейского колледжа, да вовремя прикусил язык, иначе ему бы пришлось сознаться, что, играя, он не постиг ничего!

– Виноват, – после этого фальшиво-кротко признался он. – Погорячился…

– Нет, старик, так не пойдёт, – отозвался Володя. – Что-ты ты легко хочешь отделаться. Лично я думаю, что корни твоей вины уходят в бесконечность…

– А вот не давать ему больше пива, святой Малевич! – вдруг выкрикнул саксаульский гоген Николаич самое страшное наказание на данный момент, и все поневоле подивились жестокости порядочного на вид художника, а он сам тут же понял, что нажил себе са́мого ужасного врага – хуже печенега.

Вам скажу я без базара
и ненужных здесь гримас:
печенеги и хазары –
завсегда враги для нас!

– А ведь и я тоже так надеялся, – наконец прорезался голос у несчастного трубача.

– Интересно, на что? – удивился Митрохин. – Я, насколько тебя успел узнать, вижу только одно – что ты страшно любишь пивко «Маршал» на халяву…

– Ёперное пивко на ёкарную халяву, – поправил его Салихдзяныч и стал страдать дальше, а штатный афоризматик Бермудского Учпучмака вспомнил когда-то сочинённую им мудрость:

Надежда на Суку-судьбу –
это уловка бездельников.
Сила желания – вот что
определяет поступь Случая!

– Да что вы всё делите, царица лесная, уже убитую мной шкуру этого роббера?! – неожиданно воскликнул охранник.

Правда, литератор Кулемзин в это время даже прикусил губу от зависти, так как точно знал, что до таких высот народной мудрости он не поднимется никогда, поэтому, чтобы его внепланового волнения не заметил никто, решил быстро сменить тему:

– А ведь Серёжа прав, потому что именно в этом (но как частный случай) и заключается смысл жизни!

– А ты что, – насмешливо поинтересовался Нуртай, – прямо точно знаешь, в чём этот смысл?

– Конечно, – уверенно ответил философ. – А ты, Серёжа, запиши на всякий случай, а то ещё забуду в пылу сражений, тем более, что я обещал раскрыть его (смысл, а не Серёжу) ещё даже до нача́ла романа – в предисловии «Матрица прошедшей жизни»[246]:

Смысл жизни – в достижении гармоничного сочетания альтруизма и эгоизма…

[246] «Русская кочерга», том I, стр. 14 – прим. гл. редактора

– Мгм, – невнятно прокомментировал педагог, до которого, несмотря на высшее образование, пока не дошёл смысл сказанного.

– Ольтруизм или ольтруизьм? – в это время поинтересовался персональный летописец Бермудского Учпучмака, но ответа не получил, после чего придумал третий вариант: ольтруизом.

– А вообще-то смысл жизни, – продолжил тему Володя, – определяет сама жизнь и её цели, которые, кстати, могут оказаться за пределами жизни как таковой. Но для большинства людей смысл жизни заключается всего лишь в поисках этого са́мого смысла…

Вам проведу я мысль такую,
хотя для многих это дичь:
о смысле жизни я толкую –
саму её мне не постичь!

Но плач партийного педагога о потерянных 25 очках на этом не остановился. Он стал предъявлять претензии по очереди всем игрокам, а, увлёкшись, даже обвинил неиграющих живописца и антенщика в некой бездеятельности, для убедительности приведя слова́ своего старшего патрона Ильича I, которые тот брякнул на каком-то выступлении аж в 1918 году: «Из данных Владимирова вытекает, что паёк надо оставить старый. Надо принять меры, чтобы найти то, что имеется в Петрограде. Все эти сведения показывают чудовищную *бездеятельность* питерских рабочих. Петроградские рабочие и солдаты должны понять, что им никто не поможет, кроме их самих»[247]

[247] В. И. Ленин, ПСС, т. 35, стр. 311 «Выступление по вопросу о мерах борьбы с голодом» на совещании Президиума Петроградского Совета с представителями продовольственных организаций 14 (27) января 1918 года – прим. ист. редактора

Может, я не современен,
и умнею на бегу, –
написал так много Ленин,
что запомнить не могу!

– Я думаю, что всем нам, мать моя КПСС, а не только мне пора́ взять на вооружение…

Услышав знакомое милитаристское слово, старший знаменосец вначале встрепенулся, но тут же поскакал к бермудским кустам – сам знаете зачем, – услышав продолжение нуртаевского спича:

– … великое всепобеждающее ленинское учение!

Разумеется, все знали, что в течение каждой партии Мусаич умудряется подложить партнёрам не один десяток хрюкающих сельскохозяйственных животных, и поэтому относились к большевику с опаской, но иногда в пылу сражения забывали о бдительности, и вот тогда случалась такая беда, какая сейчас случилась с их товарищем.

Я так сильно испугался,
что чуть-чуть не…
произвёл внеплановую дефекацию организма!

И именно в этот момент раздались неубедительные и жалкие виртуальные аплодисменты, коими подлого ленинца наградил его верный друг *иблис*. И хорошо, что они были слышны не всем участникам сражения и их болельщикам, а только марсианину и кошечке Несси, которая в данный момент сидела на травке рядом с покерным столиком в позе египетского Сфинкса и внимательно наблюдала за ходом битвы, которая вот сейчас почему-то сменилась на какие-то глупые разговоры.

У неё (кошечки, а не битвы) несколько минут назад случилась официальная встреча за карагачом с котом Семёном – и как раз по поводу наших персонажей. Не верите? А ведь автор, так же хорошо, как и Кулемзин, владеющий языком животных, самоличными ушами слышал вот такой диалог:

– Несси, а ты знаешь, от кого произошли мы, коты?

– Знаю, Семён! От львов мы произошли!

– Несси, а ты знаешь, от кого произошли вот эти двуногие?

– Знаю, Семён! От обезьян...

– Да-а-а... Стыд-то какой!

Весь мир живой однажды обновился –
и сразу изменился лик земли:
от обезьяны Дарвин появился,
от Дарвина другие все пошли!

Но нечистивый преподаватель еврейского колледжа не слышал не только этого фаунического диалога, но даже своих сопокерников, а размышлял о том, почему Кулемзин в процессе русскокчергинской учёбы не ввёл в игру главное правило, которое постиг только он, Нуртай, один:

ОДИН НА ВСЕХ
И
ВСЕ НА ОДНОГО!

А сам покерный гуру Кулемзин, устав от этих нелепых послеполётных разборов, мысленно поблагодарил ~~дедушку~~ природу за то, что волосы у него не имели склонности к ран-

ней седине, подумав при этом: «Кто с мечом к нам придёт, тот получит срок за ношение холодного оружия!»

Глава 125. В ПЛЕНУ НАИВНЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ (о го́ре потери и радости обретения)

Володя понимал, что нынешняя текущая в Вечность партия – одна из последних не только в последнем дне недели, но и в последнем томе его великого романа, и потому не сильно напрягал своих уставших за семь дней персонажей, как выражался Серёнька Полтавцев, «от покеров-джокеров». И поэтому, когда в его адрес прозвучала смущённая просьба старшего дудочника Батыршина о том, что неплохо бы промочить холодным пивком горячие головы, причём, изнутри, он вначале удивился такому витиеватому фразеологическому обороту, потом обрадовался, так как понял, что Салихдзяныч ближе к концу дня всё-таки пришёл в себя, а потом опечалился, осознав, что у обер-корнета это один из последних всплесков так называемого разума, ибо ещё каких-то пара часов – и весёлая невинная *русская кочерга* мгновенно перерастёт в страшный шабаш разъёма внутренностей его товарищей и Нуртая, и автор надеется, что читатель понимает, о чём идёт речь.

Знает даже марсианка,
что такое карамболь:
каждый вечер – снова пьянка,
ну, а утром – страх и боль!

Альбионыч быстро сунул руку в карман своей межпланетной рубашки, быстро вынул оттуда новую купюру, быстро сунул её Афанасьичу, быстро пробормотал ему на ухо что-то вроде того, что

«Иди, Серёжа, к Калиме,
и принеси пивка в суме!»

, а затем быстро подтолкнул его по названному адресу, отчего сторож быстро-быстро зашагал известной дорогой к предполагаемому счастью. Произведя такие молниеносные действия, писатель включил свой АРЕСТ и внимательно оглядел оставшихся на поле боя, после чего с удовлетворением осознал, что поступил правильно. А автор, чтобы читатель не замер в возмущённом молчании, спешит ублажить его любопытство, делая расшифровку только что прозвучавшей аббревиатуры:

Автономный
Регистратор
Единовременно-
Самодеятельных
Твердолобых

Понимая, что гонца не будет минут 8-10 (в зависимости от наличия очереди и расторопности экс-текстильщика, литератор размышлял, чем бы занять коллектив в пору отсутствия главного швейка второго микрорайона, и даже придумал загадать им невинную загадку: «В каком слове из шести букв 50 % составляет буква с?»[248], но, так как сидел спиной к югу, где, собственно, и располагался «Kalima's Shop», заметил округлившиеся глаза сразу двух человек – Николаича и Васюханыча, после чего понял: быть беде!

[248] ***Так как загадка всё-таки не прозвучала, придётся не оставлять читателей в недоумении и дать ответ на неё здесь: стресс – прим. автора***

Марсианин повернул голову и увидел, как охранник, спотыкаясь, бежит обратно и, видимо, не в силах вымолвить ни слова, машет руками, точно морской сигнальщик – о внеплановом затоплении его судна.

В жутком волнении игроки и им сочувствующие дождались возвращения печального скорохода и через мгновение услышали ужасные слова́:

– Мать честна́я, пива нет!

Услышав эти страшные слова́, каждый среагировал на них по-своему: например, писатель и поэт Кулемзин вначале подумал: «Пока мы можем издавать звуки, передвигать предметы и самим передвигаться в пространстве, мы должны ценить самые простые вещи, настолько простые, что перед ними даже пареная репа будет казаться атомным реактором», а потом и вовсе неразборчиво пробормотал только что сочинённый горький катрен, и радуйся, читатель, что его не услышал никто, а ты в любую секунду можешь заглянуть на эту страницу 305 и освежить его в памяти:

«А где тут руль?», спросил Гагарин.
«Деревня», буркнул Королёв,
«ещё спроси, а где тут вожжи,
ещё *поехали* скажи!»

Художник-вырожденец Муравлёв опечалился, как некий Винсент Теодорович Ван Гог после автооперации на ухе, большевик Курманбаев внезапно вспомнил кулемзинское определение одной нехорошей болезни: «Инсульт – это гипертония, которой позволили дойти до финиша», старший джус Митрохин, видя, как опечалился его друг Валера, овладел некой философской мыслью: «Возможно, вся жизнь была прожита неправильно, причём, совсем не так, как следовало»

Но больше всех начал страдать военный музыкант: он вспомнил, что ему сегодня придётся возвращаться не в пустую квартиру, как это было почти неделю, а в жильё, заполненное большими евреями на 100 процентов, и маленькими – процентов на 50. Затем ему на ум пришло старое школьное знание о скорости света и он даже вспомнил, чему же она равняется:

С = 299.792.465 м/сек

После чего трубачу стало ещё горше, так как он осознал, что раньше такую формулу было запоминать куда как проще, когда маленький Талгатик решал задачки по физике, подставляя в зачение С круглую цифру в 300 миллионов...

А сам семижопинец, принесший такое неприятное известие, открыл щербатый рот и, тяжело дыша сквозь зубы, росшие через один, от полученной ссылки в конце предыдущей страницы даже сочинил некий катрен, хотя ранее в таких творческих потугах замечен не был, причём, его стишок также не отличался рифмами, как и ранее приведённые строчки Володи:
:

«Всё меньше вас, мои родные, –
когда то было тридцать два,
теперь шешнатшать ш половиной
едва…»

Писатель дождался, пока скороход не отдышится, и, недобро глядя на него, произнёс:

– Да уж, на доброго вестника ты мало похож. Что, и подсластить пилюльку-то нечем?

– Есть чем, – сурово ответил гонец. – В соседний магазин с утра пиво завезли, но у них, царица лесная, холодильник не работает…

– Что ж, – философски заметил Володя. – Всё лучше, чем ничего. Но идти опять придётся тебе, Серёжа. И не маши руками. А чтобы тебе легче шагалось по просторам нашей великой саксаульской родины, вот тебе стишок на дорогу – вернёшься, зачёт приму!

Если хочешь сил моральных
и физических сберечь,
пейте пивов натуральных,
и под стол спешите лечь!
И чтоб было что нам пить,
друг, тебе в *комок* катить!

Афанасьич тяжело вздохнул, но перечить спонсору мероприятия не стал, а, без компаса взяв курс на юго-восток от Великого ▲, отправился добывать жидкий и вкусный хлеб насущный. И, конечно же, добыл его, правда, не сразу, а отстояв очередь из таких же, как он, страдальцев, – числом в 9 человек. А Володя, вспомнив, что он не только писатель и поэт двух веков, но и знатный саксаульский просветитель, в это время преподнёс оставшимся свою очередную лекцию под названием

Глава 126. О МЕРЕ ПИВОПИТИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАУКИ

– Главное, други мои и Нуртай, – удобно устроившись на покерной скамеечке, начал он, – это, яйчики-бабайчики, знать меру!

– В смысле, святой Малевич? – поинтересовался живописец Муравлёв, и все немного посмеялись, так как за время знакомства с Николаичем успели узнать истину, что между Валерой и смыслом никак нельзя ставить знак равенства, похожий сразу на две игровые *шпалы* – вот такой:

, а марсианин, пользуясь нехитрой технологией родной планеты, даже показал его не только игрокам и неучаствующим, но даже дворовым детям, которые сейчас бегали по Бермудскому Учпучмаку с таким напором и как бы отчаянием, словно искали пожарный выход из дома, объятого пламенем, и поэтому ничего не заметили. Полюбовавшись шпалами, Альбионыч со вздохом убрал их и продолжил просвещение коллектива:

– Так как в сознании большинства людей между употреблением алкоголя в умеренных дозах и алкоголизмом ставится знак равенства, было крайне важно определить различие между употреблением алкоголя, злоупотреблением и алкогольной зависимостью.

– Так это же про ёкарное бухло, а не про пиво! – не выдержал старший трубач.

– Не торопись, сынок, – остановил его порыв лектор. – Дойдём и до пивка, причём, уже через одно предложение.

И Кулемзин не обманул, произнеся сначала одно предложение, а за ним второе:

– И тогда люди науки начали собирать различные конференции, на которых в конце концов и было выведено правило, построенное на строгих научных данных:

**Выпивать умеренно – это выпивать в пределах,
отведённых вашим собственным здоровьем,**

обществом, в котором вы живёте, а также в пределах ваших обязательств в отношении семьи и друзей.

В общем, учёные, долго совмещая теоретические разговоры с практическим применением предмета изучения, уяснили, что пользу здоровью может принести лишь *умеренное* потребление пенистого напитка, хотя и отметили, что с увеличением регулярной *пивной дозы* риск сердечно-сосудистых заболеваний сразу же возрастает, но так как сами были людьми здоровыми, то этот постулат в резолюцию конференции не внесли.

При этих словах Курманбаеву, который очень заботился о своём здоровье, так как наивно полагал, что оно ему пригодится при *реставрации* социализма, сразу же захотелось домой, но дома, где была семья и еда, не было главного – пива, и он решил остаться.

В воскресенье и в субботу,
как всегда, забыв поесть,
я хожу, как на работу,
лишь туда, где пиво есть!

– Долго изучая эту проблему, – продолжил просветитель, – эти умные люди выяснили, что на организме человека, например, никак не отражается один стакан пива в день, но только в том случае, если человек практически здоров…

– Глупость какая! – воскликнул старший джус Васюхан. – Да один стакан пива даже не отразится на любой из этих старушек, – после чего показал пальцем на пенсионерок, гоняющих с утра *в дурака* маленькой колодой карт в 36 листов.

– … но если же в организме, – завершил фразу Альбионыч, – имеются какие-либо патологии, заболевания желудочно-кишечного тракта или почек, употребление пива нужно полностью запретить!

Последнее страшное слово было произнесено литератором столь страстно и громко, что прятавшийся за карагачом бывший водитель Саша Дубровский схватился за сердце и сполз на позднелетнюю травку, но тут же пришёл в себя и решил дослушать лекцию до конца. И, как тут же выяснилось, не зря, потому что марсианин, сам испугавшись вот этого *запретить!*, стал приводить другие примеры – с положительным смыслом.

– Не пугайтесь, дети мои, – поспешил он изменить тональность лекции, – ибо в умеренном употреблении пива есть и некие хорошие моменты. Например, оно положительно влияет на защитное действие холестерина, и снижает содержание той его части, что ведёт к атеросклерозу.

После этих слов все, кроме отсутствующего Афанасьича, стали попеременно хвататься за левую часть груди, и писатель с лекционным уклоном порадовался, что его персонажи ещё не спились окончательно, так как помнят, где у них находится, как выражаются научные книжки вроде «Общей биологии» за 10 класс, этот конусообразный полый мышечный óрган, в который поступает кровь из впадающих в него венозных стволов и перекачивающий её в артерии.

– Но и это ещё не всё! – торжествующе воскликнул Володя. – Такое умеренное употребление пива снижает также и опасность возникновения «Ивана Михайлыча», то есть инфаркта миокарда!

Хорошо как в мире фактов:
хоть тупы костистым лбом,
не боимся мы инфаркта,
так как пиво часто пьём!

– Нет, ну это же другое дело! – воскликнул Митрохин. – А то прямо запугал нас научными данными!

– Давайте перейдём к конкретике, мать моя КПСС, – предложил педагог, которого на это предложение спровоцировало изречённое антенщиком слово *научными*.

– А давайте, святой Малевич! – воскликнул саксаульский шишкин, но так ничего и не дал коллективу.

– А чтобы ты хотел конкретно узнать? – осведомился Альбионыч у человека, издалека смутно напоминающего не совсем.трезвого художника.

– Ну, например, сколько вообще можно принимать пивка за день?

– Сложный вопрос, – нахмурился литератор, – к тому же здесь столько нюансов. Например, какой день имеется в виду – полный, то есть 24-часовой, или так называемый световой? А если световой, то летний, который может длиться и по 12 часов подряд, или зимний – такой короткий, что если пить по одной бутылочке каждые полчаса, то даже не успеешь проголодаться? И какое пиво надо иметь в виду – «Тянь-Шань» с пятью пивными градусами или талгатовский «Маршал» с градусами уже восемью? А если хорошенько подумать, то подобных вопросов только прибавится…

Говорил один философ,
возглавляя наш кутёж:
«В жизни столько есть вопросов,
что ответов не найдёшь!»

И тут случилось то, что потом долго вспоминали все почётные учпучмакцы – увлёкшись володиной лекцией, они даже не заметили возвращения в покерно-пивное лоно ходока Полтавцева, который вначале плюхнул на столик котомку, а затем, видя, что на него не обращают внимания, демонстративно стал открывать бутылочку любимого «Жигулёвского» о его краешек.

Глава 127. О МЕРЕ ПИВОПИТИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАУКИ (продолжение)

– Но если говорить простонародно, – наконец объяснил марсианин, – то максимальное защитное действие в отношении *ранней смертности* даже по сравнению с теми, кто вообще не употребляет алкоголь, обеспечивает доза в 1-2 (прости, русский язык!) дринка в день.

Услышав про раннюю смертность, водитель Дубровский повторно схватился за сердце правой рукой, а левой стал безуспешно шарить в кармане штанов в поиске никогда не лежавшего там валокордина.

– А этот дрын чему равен? – пережив обиду на невнимание, включился в обсуждение лекции семижопинец.

– Серёжа, а ты что, яйчики-бабайчики, уже пришёл? – обрадовался просветитель.

– Пришёл, – скупо доложил пришелец. – Так чему?

– Объясняю, – приступил к объяснению Володя. – Один дринк в данном случае равен 0,25 литра напитка крепостью не более 4-5 %, что соответствует примерно…

– …полному гранёному стакану! – выдвинул версию Васюхан, который, как выяснилось, умел мыслить *отвлечёнными* категориями.

– Нет, старичок, – осадил его порыв Кулемзин. – Если бы речь шла о воде, тогда да, но я-то говорю о таком напитке, как пиво, так что эти 250 граммов соответствуют всего лишь 10 граммам чистого алкоголя!

Не хочу сознанье вздыбить,
но вопрос хочу иметь:
сколько ж пива надо выпить,
чтоб порядком охмелеть?

– Чистого, мать честная? – удивился сторож. – В смысле без мух?

– В смысле без посторонних примесей, – уточнил писатель.

– Это как? – на ухо спросил Николаич Васюханыча.

– Без *ерша*, – также по-простонародному объяснил старший джус.

– А я вот слышал, мать моя партия, – явно мстительным тоном изрёк Мусаич, поглядев на пивной живот Альбионыча, – что тот, кто пьёт много пива, в конце концов обзаводится пивным животом!

Сказав гадость, педагог улыбнулся улыбкой инквизитора, после чего засмущался.

Володя автоматически погладил себя по названному месту и убедился, что оно в полном порядке, то есть может вместить в себя до конца дня ещё не менее 7-8 бутылочек любимого напитка. Он (Володя, а не напиток), кстати, соглашался с неким датским профессором Арне Аструпом из города Фредериксберг, что жировые отложения в области живота являются опасными для человека, а вот для такого существа, как он, являющегося выходцем с так называемой *красной планеты* и владеющего марсианскими технологиями, вовсе нет.

Не болеют, не пьянеют,
не синеют, не стареют,
а здоровье берегут:
марсиане не жиреют,
хоть цистерной пиво пьют!

– А правда, святой Казимир Северинович, – внезапно поинтересовался художник Муравлёв, сделав перед этим гигантский глотóк из только что принесённой бутылочки, – что больше всех на свете пиво пьют немцы?

– Думаю, что да, – ответил писатель, – но только в рамках неких международных социологических исследований, которые, к сожалению, не включили в себя обследование таких знатных территорий пивопития, как второй микрорайон нашего славного города и Бермудский Учпучмак в частности.

– Ага, царица лесная, значит, в этом деле фрицы нас всё-таки обскакали! – одновременно грозно и весело констатировал охранник.

– Да это, Серёжа, не страшно, – успокоил его лектор с пивным животом. – А чтобы всё было понятно до конца, то вот вам небольшой урок географии...

Услышав слово *урок*, преподаватель еврейского колледжа посмурнел ликом, так как вспомнил, что уже завтра утром ему надлежит явиться на первосентябрьскую линейку и даже сказать несколько ободряющих слов родителям его бестолковых учеников, которым приходится платить по 200 долларов в месяц за обучение своих чад.

Это вам не бандеролька
иль трояк за ананас, –
за учёбу платим столько,
сколько школа доит нас!

– Кстати, – поднял вверх палец Кулемзин, призывая к вниманию, – именно по немецкому пиву иностранцу вполне можно изучать географию страны. На севере Германии любят пиво прозрачное, а вот на юге – нефильтрованное. В центральных федеральных зем-

лях (Тюрингии или Саксонии) издавна пристрастились к так называемому *чёрному пиву*, которое местные жители так и называют – «Schwarzbier». В рейнской метрополии Кёльне и в соседнем Бонне разрешено заказывать только лёгкое пиво со вкусом хмеля, именуемое «Kölsch», а в Дюссельдорфе местные жители не променяют свой терпкий коричневатый «Alt» ни на что другое.

Дайте пиво хоть какое, –
испытаю с ним покой я!

Глава 128. О МЕРЕ ПИВОПИТИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАУКИ (окончание)

– Прямо как я! – удивился Серёжа. – Я ведь тоже своё «Жигулёвское» ни на какие ваши *фанты* не променяю! А если речь вообще зайдёт о какой-нибудь кока-коле, то тем более – даже не просите!

– Кстати, яйчики-бабайчики, – продолжил просвещение коллектива коллективный просветитель Володя, – примечательно то, что приверженцы какого-либо сорта пива иронично, а иногда даже с лёгким презрением относятся к любителям другого. Поэтому, рассматривая из окна пивнушки высоченные шпили Кельнского собора, не сто́ит удивлять и нервировать окружающих, заказывая «Pils» или «Alt» – не поймут! Остановитесь на *мензурке* «Kölsch»'а, особенно если у вас проблемы с почками.

– Чьими ёперными почками? – отчего-то волнуясь, уточнил Батыршин.

– Немецкими, – уточнил Альбионыч, после чего у старшего прапорщика отлегло от того места, где располагалась его огромная печень.

Я б хотел, чтобы на ёлке
вместо праздничных зверьков
красовалось ровно 40
поллитровых пузырьков!

– А вот интересно, мать моя партийная организация, – примкнул к коллективу наконец-то заинтересовавшийся лекцией коммунист, – а они тоже буха́ют пиво из горла́?

– Почки? – уточнил марсианин, потому что говорил о них последними.

– Немцы, – уточнил партийный педагог.

– Нет, Нуртай, – огорчил его лектор, – немцы после Второй мировой стараются показать себя нацией культурной, и даже чрезмерны в этом стремлении, поэтому у них буквально для каждого сорта хмельного напитка существует как бы своя посуда. Например, тот же «Kölsch» пьют только из узких стаканчиков объёмом в 0,2 литра, которые действительно смахивают на мензурку. Есть, конечно, и стаканчики большего размера – в 0,4 литра, но их форма остается всё равно неизменной. Причём, жители этого города утверждают, что вкус кёльнского пива якобы теряется, когда его подают не в традиционной таре!

– Да просто зажрались немчики! – возмущённо крикнул Полтавцев, да так громко, что дворовые дети, которые до этого момента носились вокруг покерного, а ныне пивного столика, поднимая клубы пыли, тут же замерли, а некоторые даже подняли руки вверх, словно услышали от сторожа знакомое советским людям, воспитанным на лентах «Мосфильма», выражение «Hände hoch![249]»

[249] ***Руки вверх! – нем.***

Не люблю я иноземцев –
как зимой со льдом пломбир:

«Hände hoch!», кричу я немцу,
он в ответ: «Gib mir ein Bier!» [250]

[250] ***Дай пиво! – нем.***

– Может, и зажрались, – покачал головой литератор и знаток пивных традиций. – Но лично я считаю, что некоторые нефильтрованные баварские сорта пива вкуснее всего пробовать литровыми кру́жками «Mass», из которых эти нерусские люди в последние годы приучили пить пиво туристов. И каких только нарядных и разукрашенных баварских кружек не увидишь в магазинах Мюнхена: с крышками и без, с отличительными знаками отдельных сортов, и даже с вариантами пожеланий здоровья! Правда, мне кажется, что самый простой и он же самый удачный вариант литровой посуды в Баварии – это тяжёлая прозрачная кружка, стенки которой составлены как бы из объединённых между собой кружков. Лично я получил 100-процентное эстетическое удовольствие, когда однажды наблюдал, как при поднятии этого «Mass»'а янтарный напиток огибал стеклянные впадинки!

Вот где истина зарыта,
вот всегда где глубоко:
буду пить хоть из корыта,
лишь бы было бы пивко!

– А вот интересно, – задумчиво произнёс Муравлёв, – а у немцев есть свои учпучмаки, где можно попить пивка? Или они, как последние лохи, ходят по пивнушкам?

– В том-то и дело, Валера, – горько ответил Кулемзин, – что у этой культурной нации вообще нет объединяющего слова – типа пивнушки! Gaststätte, Kneipe, Bräuhaus, Bierhaus, Bierstube, Biergarten, Bierkeller, Bierhalle, Lokale, Wirtshaus, Kloster – и это ещё далеко не все варианты. А причин для такой терминологической разноголосицы предостаточно: это и региональные различия, которые в Германии очень велики, и особенности развития сословных отношений в различных германских землях, и специфика производства и хранения пива, и даже влияние законодательства, определявшего правила пивоварения и пивной торговли!

– Как это, мать честна́я? – недоумённо почесал тыкву Афанасьич. – Это типа я пришёл в пивнушку, а мне в рожу уголовный кодекс тычут?

– Ну, примерно так, – поморщился пивной лектор. – Да, кстати, забыл ещё одно немецкое название для места, где можно выпить пива – это Schenke. И, кстати-2, именно от этого сло́ва возникло когда-то украинское слово *шинок*, или, попросту говоря, кабак…

– Да, святой Малевич, – поддержал своего друга Васюхана живописец, – трудно живётся бухарям в Германии – это сколько ж надо знать, чтобы просто найти место для выпивона! А у нас легко: зашёл за угол сельпо Калимы – и пей на здоровье! А заодно и пустую посуду можно сдать, ведь лишних назарбаксов не бывает!

При упоминании саксаульских денег глаз художника загорелся, и Володя, воспользовавшись нехитрой марсианской технологией, быстренько засунул ему в глубокий пистон штанов монетку в 100 назарбаксов (пока не забыл!) – для оплаты обратной поездки в семейное лоно.

Мне до дому бы добраться, –
но сначала бы нажраться!

– Хотя, впрочем, вспомнил! – неожиданно воскликнул Володя. – Есть у немцев одно слово, которое при всей разномастности объединяет их пивные – это gemütlichkeit, обоз-

начающее как бы сочетание уюта, спокойствия, искреннего веселья, корпоративности и одновременно открытости![251]

[251] ***А убогий немецко-русский словарь переводит это объёмное слово просто как комфорт – прим. возмущённого автора***

– Какое хорошее слово, – услышав определение писателя-переводчика, похвалил чужую страну семижопинец. – Но у нас всё-таки лучше, потому что оно не одно, а аж три: бухло с кентами!

При этом утверждении сто́рожа все начали переглядываться друг с другом, а Васюханыч даже подмигнул – почему-то Мусаичу, отчего тот тут же покраснел и подумал: «Как бы кто чего, мать моя партия, не подумал!»

Глава 129. В ПЛЕНУ НАИВНЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ (за 15 минут до окончания, продолжение)

Всё кончается на этом свете, други мои, вот и эти внеплановые пивные посиделки, сдобренные ненужными разговорчиками, тоже закончились, после чего игра наконец-то продолжилась. Раздобревшие вначале от жары, а потом наоборот, то есть от холодного пивка с несколькими градусами, весело скачущими в бутылочках, наши игроки, как и рассчитывал коварный покерный гуру, не смогли сразу же вписаться в процесс, сначала невнимательно разглядывая пришедшие карты, а потом и ходя ими как попало. Так что сразу же несколько робберов – на 12, 11, 10 и 9 взятках – достались Володе, который, надо отдать ему должное, не сильно обрадовался, так как и без этого был на первом месте.

Я не дам закиснуть нервам,
буду нем, как некий мим:
быть в игре стараюсь первым,
чтоб в игре не стать вторым!

Сдавать по восемь карт выпало хорунжему Саксаульских вооружённых сил, и он отдался этому процессу полностью. Тщательно перетасовав колоду, Батыршин начал аккуратно раскладывать по одной карте перед участниками предстоящего сражения, и в эту минуту, по мнению писателя, был похож на ротного старшину, раздающего *цинки* с патронами молодым солдатам перед первым боем. Видя такое отношение к игре, все немного подтянулись («Ну, наконец-то!», подумал Альбионыч) и стали изучать пришедшее.

– Да, Талгат, как были твои руки кривыми, мать честна́я, такими они и остались! – неожиданно попенял раздавальцу сторож. – Нет, ну посмотрите сами…

Афанасьич приподнялся со скамеечки и стал тыкать своими картами всем по очереди, норовя приблизить их поближе к физиономиям игроков. Ознакомив с ними (картами, а не физиономиями) Кулемзина и Нуртая, но не самого́ Салихдзяныча, он затем на всякий случай показал их художнику и антенщику, а Васюхан – тоже на всякий случай – даже покачал головой, как бы давая понять, что а) он неплохо разбирается в игровой обстановке и б) карты семижопинцу действительно пришли неважные.

А литератор с покерным образованием сидел на скамеечке и думал горькую думу: то ли впендюрить охраннику штраф за подсказку, и, кстати, какой, ведь он *выказал* карты не одному, а всем своим противникам, то ли сделать вид, что не произошло ничего страшного, ибо явно напрасно в своё время Полтавцев не уступил место другому сперматозоиду.

Пускай твердят: «придурок» и «дебил»,
достоинств занижать своих не стоит,

ведь ты уже однажды победил,
как самый скоростной сперматозоид!

Наконец марсианин принял решение и обратился к птенциальному нарушителю:

– Серёжа, сильно не переживай по этому поводу, а если всё-таки решишь ещё немного попереживать, добавлю-ка я в твою записную книжечку «Для му.мы.» мудрую мысль одного достойного саксаульского писателя, причём, из врождённой скромности не буду называть его великую фамилию:

Человек, который не занимается
самосовершенствованием,
идёт дорóгой сна и печали…

– В смысле, царица лесная? – удивился сторож, но потом всё же бросил карты, схватил упомянутую Володей книжечку и тщательно послюнявив красный конец карандаша, записал, приборматывая что-то о вечной памяти, следующее: «Совершенствуй сам себя. И тогда у тебя вместо крепкого сна будет перманентная печаль!»

Затем он перечитал написанное, после чего владельца заветного блокнотика заметно переклинило, и он ещё раз с подозрением посмотрел на Альбионыча, словно глухонемой на радиоприёмник.

По-видимому, этот неигровой эпизод настолько поразил игроков, что они расслабились ещё больше и сделали заказы, как однажды записал на отдельном листочке Владимир Даль в Тульской губернии, *кто во что горазд*, чем впоследствии доставил массу хлопот американским переводчикам его знаменитого словаря[252].

[252] Кстати, по утверждению героя романа Кулемзина, это являлось реальным фактом! Не понимая смысла выражения, американец просто запихнул его в гугловский переводчик и на выходе получил «who is in that much», после чего решил проверить и вновь перевёл – на этот раз на русский. Получилось весьма корявое выражение: «кто в этом много», но, совершив ещё один языковой перевёртыш, пиндос увидел «who is in it a lot», после чего, воровато оглянувшись, вообще выбросил этого ктовочтогоразда из текста! – прим. гл. редактора

Всяк толмач для нас – уродец,
а ведь надобен здесь ас:
каждый русский оборотец –
только русский! Он для нас…

А горазды здесь оказались все, включая самогó покерного гуру: Кулемзин, помня, что он по-прежнему находится на первом месте, осмотрел карты, которые показались ему значительными, после чего его заказ тут же составил аж 3 взятки! Что, мой внимательный читатель? Ты думаешь, что три взятки – это не так и много? Но не учёл ты, мой дорогой поглотитель этих строк, что нынешний роббер разыгрывался всего лишь на 8 взятках, а три из восьми, как утверждает учебник арифметики за 4 класс начальной школы, это не меньше, чем $^{3}/_{8}$!

На втором месте к этому моменту располагался Полтавцев, который попросил литератора посчитать разницу между их очками, и Альбионыч, не став шутить насчёт диоптрий, как намеревался ранее, сообщил, что она составляет всего 98 очков, после чего сторож в очередной раз впал в ересь всемогущества – с одним младшим джокером, двумя козырями и некозырным тузом – и объявил 4 гипотетические взятки, сообщив на ухо старшему джусу Митрохину план действий:

– Я возьму свои четыре, а Володя не доберёт одну, и, значит, что?

– Что? – с придыханием прошептал Васюхан, которому показалось, что вот он и настал, – тот момент, когда можно понять одно из правил игры.

– Учись, деревня, – опозорил антенщика уроженец деревни Семижопино и снисходительно дал ему предметный урок арифметики:

– Мои четыре взятки – это 75 очков, а минус володина одна взятка – это 25, значит, наша разница будет ровно в 100 очков, а сейчас, как ты слышал своими ушами, 98. Именно так я вырвусь вперёд, на белом коне – как тот прынц!

– Вы чего шепчетесь, яйчики-бабайчики? – попенял шептунам писатель, но не строго, так как один из нарушителей находился, как выражаются футбольные комментаторы, *вне игры*, а, значит, возможность подсказки была исключена.

Вся игра мне как-то чужда
(и она ко мне глуха!):
вне игры я потому, что
не играю, а буха…

Сделали свои заказы Нуртай и Талгат, которые сейчас плелись в хвосте игрового паровоза. Испугавшись общего заказа Володи и Серёжи в 7 взяток, они поглядели в глаза друг другу и решили рискнуть, заказав по две взятки каждый. Таким образом, когда всего получилось аж 11 взяток, возникла уже знакомая игровая ситуация, называемая в покерных кругах *три рвутся*. И это было страшно, ибо здесь возникало множество вариантов, среди которых один был хуже другого! Могло случиться так, что

а) кто-то один не доберёт все три взятки, а это могли быть только или Альбионыч, или Мусаич;

б) сразу трое не доберут по одной взятке, и среди них мог оказаться кто угодно;

в) кто-то мог не добрать одной взятки, а кто-то сразу двух, и тогда повторялась вторая часть утверждения б) и т.д., и т.п.

В общем, выскажусь короче –
мы играем без брони:
вариантов много очень –
все негодные они!

Глава 130. В ПЛЕНУ НАИВНЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ (за 13 минут до окончания)

И вот в это время, когда роббер ещё не начался, саксаульский коммунист Курманбаев вдруг что-то заподозрил. Он посмотрел на невозмутимого марсианина и понял, что тот абсолютно спокоен – как будто не три взятки *рвались* сейчас, а, напротив, была целая куча лишних, и беспокоиться было совершенно не о чем, так как вместо пролёта можно всего лишь банально перебрать.

– Володя, мать моя партия, а чего это ты так подозрительно спокоен? – вдруг взвизгнул ленинец. Может, ты забыл, что три взятки сейчас *рвутся*?

Писатель спокойно поглядел на ленинца – в ответ эту нелепую инсинуацию, после чего рассказал то, что автор выделил жирным шрифтом на следующей строчке.

Короткая дзенская история

Однажды к мудрому Учителю пришёл ученик и спросил его:

– Учитель, как тебе в наше нелёгкое время удаётся сохранять невозмутимость и радость жизни? Научи меня!

– Хорошо, – ответил Учитель. – Скажи мне, только честно, сколько раз в день ты говоришь людям *пошёл на хрен*?

– Ну, наверное, раз 100 или даже больше.

– Так вот, теперь вместо *пошёл на хрен* ты говори им *иди с миром*!

– Старик, да ты гонишь! Что это за хреновина такая?

– Иди с миром, сынок. Иди с миром…

Я ведь так не ординарен,
как ты, друг мой, не крути:
посылают меня нá хрен –
я не знаю, как идти!

Все тут же посмеялись над преподавателем еврейского колледжа, а сам он закусил губу и решил проявить ещё бóльшую твёрдость, чем раньше, как завещал лично ему Владимир Ильич Ленин в своём гениальном труде «Очередные задачи Советской власти»: «Не было ни одной великой революции в истории, когда бы народ инстинктивно не чувствовал этого и не проявлял спасительной *твёрдости*, расстреливая воров на месте преступления!»[253]

[253] В. И. Ленин, ПСС, т. 36, стр. 195 – прим. полит. редактора

И только было покерный гуру собрался дать команду Батыршину, чтобы тот наконец-то сделал первый ход в этом и так затянувшемся роббере, как игроков снова отвлекли – на этот раз не менее визгливый, чем у Мусаича, голос старшей по дому Ж. П., или, как звали её жильцы, не обладающие аббревиатурными навыками Кулемзина, Жанны Пантелеевны. Они (игроки, а не жильцы) дружно обернулись и увидели очередную жанровую картинку в исполнении общественницы и целого выводка среднеазиатских женщин-квартиранток, скрывающих свои лица кто хиджабом, а кто и никабом [254]. Квартирантки стояли смирно и молча, а разошедшаяся Ж. П., видимо, учила их, как правильно вести себя в подотчётном ей доме № 17.

[254] Хиджаб – букв. с ар. преграда – в исламе это любая женская одежда с ног до головы, на Западе под этим понимают традиционный женский головной платок. Никаб – строгий головной убор из тонкой ткани с прорезью для глаз – прим. мусульм. редактора

Ох, солдатика накрыло –
он совсем по деве сох –
Гюльчатай лицо прикрыла,
а Петруха тут же сдох!

Насладившись сценкой, игроки всё-таки принялись за дело, ради которого всю текущую неделю терпели и страшную жару на территории Бермудского Учпучмака, и пыль, поднимаемую дворовыми детьми, и истошные вопли с балкона третьего этажа знатного микрорайоновского пропитона Глав-Буха (в девичестве Руслана Кацоева), и не менее истошные крики его подруги Галлюцинации (в девичестве Галины Смирновой), и выхлопные газы множества разномастных автомобей, оккупировавших площадку перед магазинчиком Калимы, и особо вонючие выхлопы старенькой *волги* врага покерного коллектива омуртая, и много чего ещё, что нормальные люди по своей воле терпеть просто не будут.

Итак, игра продолжилась – все восемь взяток были разыграны буквально за пару ми-

нут, и всё, как и предполагал автор страницей ранее, закончилось весьма печально, правда, не для всех покеристов: по одной взятке пролетели не только Серёжа и Нуртай, но и сам Володя, что его очень удивило, и только военный музыкант счастливо дудел в свою виртуальную победную дудку, взяв две взятки из двух заказанных! И это было важно, ибо для остальных, кроме счёта в минус 25 очков каждому, положение в *раскладке* (в смысле ме́ста) почти не изменилось, разве что Салихдзяныч сумел вклиниться между Курманбаевым и Полтавцевым и занять не последнее место, как было вот только что, а предпоследнее.

Вот такая вот фиеста [255],
вот такие вот узлы:
скачут с места все на место,
как какие-то козлы!

[255] От исп. fiesta – праздник

– Да что же это такое! – внезапно пробормотал литератор. – Да когда же мы начнём играть не отвлекаясь?!

А что, что-то случилось? – спросит читатель. Да в том-то и дело, что да. Буквально шагах в четырёх, прямо напротив игроков, разделённых с ними металлической оградкой Великого ▲, остановился персонаж, весьма редкий в последние годы – нищий. Да-да, не бомж, которых, напротив, развелось очень много, а именно нищий.

– Вам что-то от нас надо, любезный? – осведомился Альбионыч у пришельца, на что тут же получил квалифицированный ответ:

– Не соблаговолите ли подать 25-30 назарбаксов на чашечку кофе?

– Вот как, яйчики-бабайчики! – удивился Кулемзин. – Подождите, но за 30 назарбаксов вполне можно купить две чашки кофе!

– Простите, но я не один, а с девушкой, – объяснил попрошайка.

– Странно, – ещё раз удивился покерный гуру, – у нищего – и вдруг есть девушка?!

– Знаете, я именно поэтому и стал нищим, – горько признался пришелец.

После этого Володя, как человек гуманистического склада, немедленно вытащил мятую бумажку в 100 назарбаксов и отправил Полтавцева отдать её – с наказом не брать при этом сдачи.

Тяжело живется нищеброду –
участи не выдумаешь злей:
в выходной он мчится к огороду
на своем дешёвом шевроле!

После того, как односторонний расчёт состоялся, плохо одетый человек стал удаляться в сторону улицы Жубанова, а оставшиеся игроки и их болельщики смотрели ему вслед и их одолевали горькие мысли.

«А ведь раньше я, у которого есть йодистая жена и ёкарные дети, думал, что я так несчастен…», думал Сализхдзяныч.

«А ведь раньше я, у которого когда-то были две жены, а теперь ни одной, думал, что я так несчастен…», думал Васюханыч.

«А ведь раньше я, у которого есть жена-уйгурка и бестолковые дети, думал, мать моя КПСС, что я так несчастен…», думал Мусаич.

«А ведь раньше я, у которого есть жена-проглот и сломанные весы, думал, святой Малевич, что я так несчастен…», думал Николаич.

«А ведь раньше я, у которого когда-то была жена Нина, которая каждый день варила еду, думал, царица лесная, что я так несчастен…», думал Афанасьич.

И только Альбионыч не думал по этому поводу ничего, потому что до сих пор оставался холостяком, а. значит, счастливым человеком!

Я холостяк, я хлопец гарный[256],
женатики, вам шлю привет!

♠ ♠ ♠

Жаль, секс совсем не регулярный,
и жидкого не ел пять лет…

[256] ***Симпатичный молодой человек – укр.***

Он тоже поглядел вослед недавно богатому человеку, и неожиданно вспомнил некий эпизод съёмок советского кино – это был фильм Александра Роу «По щучьему веленью», который не успели завершить в зимнее время. И тогда, чтобы исправить положение, Роу придумал новый сценарный ход – отсутствующее в сказке желание Емели «Обернись, зима лютая, летом красным!», после чего действие картины происходило уже летом. Понимаешь, мой читатель, к чему это сказано?

Глава 131. В ПЛЕНУ НАИВНЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ (за 10 минут до окончания)

И хотя Володя только что, как и двое его покерных соплеменников, пролетел на одну взятку, на его лице совершенно не наблюдалось морщин неудачника. Он хорошо помнил одну из пословиц индейского народа гуроны, а теперь автор ознакомит с ней и тебя, мой неравнодушный читатель:

Если сняли скальп, то не томагавкай.

К тому же он (Володя, а не скальп) ни на минуту не забывал, что он не только великий покерный гуру, но и знатный писатель двух веков, и параллельно с любимой игрой третьей половинкой мозга[257], как выражаются русские бездельники, *между делом* свободно сочинял или катренчики, или даже целые абзацы для своего пока не дописанного семитомника «Русская кочерга», чьё название было братом-близнецом[258] той игры, которой и занимались персонажи.

[257] ***Не забывай, читатель, что наш герой марсианского происхождения – прим. автора***
[258] ***Кстати, пока не забыл, вот вам интересная история про близнецов. Оказывается, у Ф. М. Достоевского был брат-близнец. Достоевский об этом знал, хотя своего брата никогда не видел. Ещё было известно, что на свет они появились в разных городах и в разные годы. На подобную странность Достоевский внимания не обращал, так как очень сильно любил своего брата и каждый месяц высылал ему значительную сумму денег, благодаря чему систематически оставался без средств к существованию и частенько голодал. Брату же об этом ничего не сообщал, так как не хотел его тревожить. А брат в свою очередь каждый месяц аккурат третьего числа присылал Достоевскому новое письмо с очередной просьбой выслать ему денег. «Брат! – писал он Достоевскому, – Вышли мне денег. Заранее благодарен. Твой брат». Достоверно выяснить личность таинственного брата историкам так и не удалось, однако всё указывает на то, что под личиной близнеца скрывался ни кто иной, как Л. Н. Толстой, который и обналичивал все денежные переводы, отправленные Достоевским – прим. автора***

Близнецы – народ такой:
две беды в одном флаконе!
Что сегодня их затронет
и подвигнет на раскол?
Первый брат – угрюмый псих,
а второй – поэт-повеса.
Кстати, кто из них двоих
промахнулся по Дантесу?

Вот и сейчас он, напрягшись всего на 0,081 ньютона, отложил в память такую красивую мысль: «Пёрышко благосклонности, сброшенное пролетевшей над Сукой-судьбой нашего героя Птицей Удачи, сразу же аппелировало к Великому Закону Взаимосвязи, и неспешная энергетика корректировочного возмездия наполнило действием его дальнейшую игру», имея в виду, конечно же, себя.

А наивные заблуждения, о которых уже несколько раз сообщило название последних глав, всё продолжались. Например, при роббере на 7 картах, где полагалось быть особенно бдительным, потому что карт было мало, а игроков аж четыре, кое-кто расслабился и наивно начал заказывать по две, а то и по три взятки. Альбионыч знал, что на этих коротких робберах карты можно было не смотреть вообще, а просто заказывать пас, после чего благополучно записывать в *раскладку* свои честно заработанные 5 очков. Знали об этом и другие, но ересь всемогущества, так распространённая среди покеристов, частенько подавляла другие чувства и вылезала наружу, губя и без того слабые надежды на что-то хорошее и светлое, что могло бы произойти, но никак не происходило.

Сама с собою состязалась,
саму себя не в рай вела, –
надежда дурой оказалась,
а вера ей сестра была!

А наивным человеком, который заказал именно три взятки из семи возможных, был, как можно сразу догадаться, неунывающий балбес Полтавцев.

– Да я сейчас точно выиграю! – свободно сказал он, при этом максимально *победительно* посмотрев на остальных игроков.

Володя удивлённо посмотрел на храбреца и увидел, как тот *делает бровями*, после чего улыбнулся: он называл это *невещественными знаками*.

– Ну ты даёшь, – восхитился литератор. – Таким радикальным образом можно вообще раскрепоститься до уровня племенной нравственности!

Правда, памятуя, что в *русской кочерге* ни в чём нельзя быть уверенным до конца роббера, про себя писатель пронёс другую мысль: «Идея, конечно, сумасшедшая, но всё же получше, чем машина потерянного времени или телепортация «Тянь-Шаня» на покерный столик без участия саксаульских денег…»

Педагог, перепугавшись столь глобальной заявки, не глядя в карты, сразу же сказал *пас!*, а вот Альбионыч и Салихдзяныч посмотрели и поэтому не испугались, а тоже заказали по три.

– Вот это перспектива! – обрадовавшись тому, что *рвутся* сразу две взятки, ядовито заметил коммунист.

– Да какая тут перспектива, кроме могилки на скромном саксаульском кладбище? – успокоил его покерный гуру.

– Злой ты, Володя, – неодобрительно нахмурил брови притворившийся обиженным Курманбаев.

– Что ты знаешь о зле, сынок? – весело отреагировал марсианин. – Вот я помню такой случай: присутствовал я как-то на церемонии вручения очередных нобелевских премий. Так вот, один из отмеченных – некий Пауль Германович Мюллер – на вопрос журналиста, а не страшно ли ему было создавать яд, ответил: «Что есть добро? Что есть зло?». А, между прочим, звание лауреата этот швейцарский химик получил за открытие ядовитого порошка ДДТ!

С отравами всякий успеет столкнуться,
пусть даже на самом коротком веку:
лекарства в пропорции *капля на блюдце*
и всыпанный дядюшке ковш мышьяку!

– Что за дэдэдэ такой? – нахмурил брови Митрохин. – Никогда не слыхал.
– Не ДДД, Васюхан, – улыбнулся Володя, – а ДДТ или, чтобы тебе было понятнее:

Доигрался,
Долбанный
Термит?

– Кстати, в нашей стране этот порошок когда-то был крайне распространён, правда, под названием *дуст*.
– А-а-а, – обрадовался старший джус, – тогда помню!

«Ох, житуха в бедноте»,
повар (шеф) пенял,
«я нажрался ДДТ –
память потерял!»

Надо ли говорить, что никаких трёх взяток Афанасьич не взял, а взял тоже две, да и то случайно, так как расстроенный тем, что не добирает одну взятку, старший трубач, получив заветный ход, почему-то не пошёл своим некозырным (бубновым) тузом, а кинул на столик какую-то вялую червовую девятку, которую тут же прибрал к рукам Нуртай – посредством такого же червового короля, после чего выложил последнюю карту – такую же червовую даму, которая своей рыжей мастью почему-то не совпала в прапорщицким тузом.

В общем, как когда-то писал в своих воспоминаниях индийский бог разрушения Шива, случился *полный облом*: и Серёжа, и Талгат пролетели каждый на 25 очков, ленинец (к своему удивлению) взял заказанный пас, или 5 очков, и только Володя сыграл вполне профессионально, добавив к своим и без того значительным показателям 60 очков, подумав при этом, что данная ситуация похожа на гипотетический, но весёлый случай на рыбалке: ловишь маленького окуня, а поймать можешь целого водолаза!

На удивление Альбионыча, сторож совершенно не расстроился проигрышем, и все поняли, что тот что-то задумал. Правда, все знали, что из 100 «задумок» Полтавцева сбываются лишь одна-две, да и то случайно.

Но не такого мнения был о себе семижопинец: пролетев окончательно, он неожиданно нашёл гениальное решение – решил просто ждать, когда кто-нибудь из противников ошибётся. Кулемзину был хорошо известен такой тип игроков: он знал, что они становятся похожи на птичку, которая, попав в клетку, ждёт, когда поймавший (или купивший) её человек забудет закрыть дверцу; ждёт, затаив сердце, и не догадываясь, что в случае удачи её ждет встреча с окаянным окном!

Знают даже и двухлетки,
знает и калека:
птичке жить всё время в клетке –
до скончанья века!

Автор не будет описывать подробно все оставшиеся короткие робберы и даже самый последний – *вторую тёмную* на 12 картах, ибо здесь, как и во всей партии, практически ничего не изменилось, разве что только в конце прозвучал некий возглас писателя.

– И последняя взятка! – торжественно провозгласил он. – Оркестр, грянь-ка «На сопках Маньчжурии»! Видите, паровоз с надписью впереди «Мы победили!» уже подкатывает к перрону. Женщины рыдают от счастья, мужчины держатся из последних сил…

Я лежу на авансцене,
муха ползает по лбу,
уходящего сраженья
слышу грохот и пальбу…

Фальшиво улыбаясь, победителя поздравил партийный педагог, и также неискренне это сделали Серёжа и обер-фельдфебель, и только художник Муравлёв зачем-то громко воскликнул:

– Как я рад, святой Малевич!

, но не объяснил, чему именно. А вот его друг антенщик Митрохин, оказывается, даже уснул, но после толчка Серёжи тут же стал буддой, то есть тем, кто пробуждён.

Глава 132, к счастью, короткая. БЕССМЫСЛЕННЫЕ РАЗБОРЫ

– Едрит Мадрид! – проснувшись, неожиданно воскликнул Васюхан и тут же удивился сказанному, а потом вспомнил, что ещё сегодня утром, будучи с глубокого похмелья, осознал, что у каждого члена покерной хевры есть своя присказка, а вот у него нет, и сделалось ему тогда очень горько, после чего он и придумал свою полугеографическую присказку.

(Но ещё горше сделалось при этом восклицании автору, ибо только он один понимал, что до конца *всей книги* остаётся всего каких-то полтома!)

А в тыкве снова вихрево –
пусть многое воспел,
страдает автор: он всего
сказать так не успел!

– Володя, а на каком месте я блистательно завершил эту партию? – вдруг поинтересовался Курманбаев, и все, включая дворовых детей, которые сновали вокруг покерного столика, как шустрые электроны вокруг ядра, в который раз удивились редкой его пропадлючести.

– Вообще-то третье место, яйчики-бабайчики (и только 11 очков отделяет тебя от четвёртого), сложно назвать блистательным завершением, – ответил Володя, так как был не только *записывающим*, но и *оглашающим*.

– «Не может быть!» – заорал преподаватель еврейского колледжа, с какой-то стати неожиданно вспомнивший название старого советского фильма Леонида Гайдая, после чего разразился стра́стным монологом на тему справедливости.

Остальные тоскливо занялись тем, что стали допивать уже заметно потеплевшее пивко, ибо знали, что такая пакость продлится как минимум минут десять. Затянувшийся монолог Нуртая сейчас напоминал сцену из плохого американского фильма, когда, взяв на

прицел главного положительного героя, отрицательное действующее лицо (маньяк, террорист, продажный коп, психопат и т. п.) решает напоследок поговорить и, не спуская палец со спускового крючка, начинает долго и обстоятельно объяснять, почему он поступает так, а не иначе, рассказывая при этом о своих мотивах и психологических переживаниях. Но, как правило, в фильмах такие откровения кончались для разговорчивых психопатов плачевно.

Покажись нам, гроб сосновый,
а в гробу – большой палас:
голливудский фильм хреновый
смотрим мы который раз…

И тогда Альбионыч повторил свой недавний марсианский трюк: он провёл несколько разрушительных виртуальных ударов из арсенала карате по организму большевика – канцэтцу гэри (удар в колено), эмпи огоши атэ (удар локтем вниз), уракен сайк учи (удар в бок), эмпи джодан атэ (проникающий удар кулаком в живот) и йоко-тоби-гэри (боковой удар в прыжке), а завершил всё зубодробительным шуто гонмен учи, то есть ударом ребром ладони по педагогической тыкве, после которого из неё сразу же выскочили все претензии Мусаича.

Нет на свете большего наслаждения,
чем бесцельность,
ибо все стремления – ложны.

Правда, к его так называемой чести надо сказать, что он довольно быстро оправился от володиной серии: шатаясь, поднялся со скамеечки, чтобы опротестовать решение строгого покерного гуру, но, как видно, виртуальный каратизм всё-таки не прошёл даром, потому что педагог вместо игрового протеста стал горячо доказывать, что на дворе стоит давно развитой социализм, и что его полная победа зафиксирована в отчетных документах Политбюро последнему съезду партии, и потому давать ему за труды не очень престижное место – это вообще выход за рамки партийной этики.

А Полтавцев, который не упускал возможности приподняться «разумом» за счёт новых полученных знаний, в это безуспешно крутил головой в разные стороны, во-первых, пытаясь понять, за каким карагачом *стоит* упомянутый ленинцем социализм, и, во-вторых, искал рамки опять же упомянутой педагогом какой-то *етики*.

Если в тыквах буреломы,
если скуден brain[259]-запас,
в рамках этики живём мы,
выходя из них подчас…

[259] Мозг – англ.

Литератор в этом время, видя, что остальные бермудцы и сочувствующие им учпучмакцы заняты последними каплями пива, остановил мартеновскую филиппику коммуниста поднятой вверх рукой, и когда тот всё-таки замолчал, попытался донести до него истину третьего порядка:

– Твоя беда, Нуртай, в том, что ты всё время пытаешься усесться на двух стульях одновременно, но при этом постоянно забываешь, что между двух стульев – пустота!

После такого мощного попрёка саксаулец стал красным, как гоночная *феррари*, и выглядел сейчас каким-то распаренным, словно свёкла в горшке на печке, но опять таки – видимо, сказывался уже приобретённый в битвах с Кулемзиным (прости, русский язык!)

иммунитет – оправился быстро, подтверждением чему стала его обаятельная улыбка гиены, которая решила признаться всему лесному сообществу в том, что она, гиена, большой гурман, поэтому не всякие трупы уважает, а только, мать моя партия, свеженькие!

Когда душа страдает от депрессии,
мы по́нятыми очень быть хотим,
но если вдруг наметятся репрессии,
то лучше быть, конечно, понятым!

А Альбионыч, чтобы не говорить лишнего, просто наслаждался тем, что на Востоке называют нейгун, то есть достижение своего внутреннего мастерства.

Когда я стану знаменитым,
прошу: не надо называть
моей фамилией колхозы, –
достаточно и городов!

– Так мы что, ёперную партию закончили? – неожиданно пробормотал саксаульский унтер-офицер Батыршин.

– Да, – лапидарно ответил ему марсианин, но чтобы его мысль была понятна всем до конца, включая карликовую русалку, известил о своей победе по-французски:

– Fin.

– Татарин, – механически отозвался Салихдзяныч. – А ты чего это русским перестал прикидываться? Что это ещё за ёкарный финн какой-то?

Глава 133. НАШЕСТВИЕ ТУХЛОГОЛОВЫХ

Ну вот скажите, как после столь напряжённых событий можно было отказать членам покерной хевры в маленькой радости, которую доставляло им холодное пивко из лабаза Калимы? Да никак! И тут же в ней (хевре, а не Калиме) включился привычный (прости, русский яык!) алгоритм: кармашек – купюра – считалка – поход! Оп-па, а считалочки-то в этом коллективе давно закончились, поэтому единственному поэту на территории Великого ▲, то есть Володе, пришлось поднапрячься на 4,2 секунды, после чего началась процедура назначения очередного скорохода:

Словно в должности министра
(примеряй быстрей венец!),
побежишь за пивом быстро
только ты, дружок-гонец!

, а последний слог *нец!* на этот раз пришёлся на старшего джуса Митрохина, который хотел было опротестовать назначение, но, получив тычок в бок от своего друга Муравлёва, бодро выкрикнул:

– Да я завсегда, едрит Мадрид!

, чем несказанно поразил весь коллектив. Затем, получив заветную сумму и наказ не задерживаться по дороге обратно, Васюхан опростал на покерный столик серёжин хурджин и отправился за очередной порцией счастья, а остальные, включая владельца котомки, с интересом принялись рассматривать извлечённые из неё предметы, которые, словно в сказке, опять оказались не теми, что в прошлый раз. И они увидели:

яблоко (старое, надкусанное с одного бока, с улыбающимся червяком);

надорванный пакетик с лавровым листом внутри, который тут же, к удивлению присутствующих, стал издавать настолько свежие запахи, что всем захотелось борща;

маленький флакончик лака с этикеткой «Vernis à ongle»[260] с весьма привлекательной надписью внизу: «Pour les parisiennes Madame et Mademoiselle uniquement»[261], видимо, приобретённой сторожем для подарка парижанке Зуле;

тонкую брошюрку «Макрокосм сущего с точки зрения обывателя» авторства некоего Ф. Ф. Фекалина;

радужную ракушку с надписью несмываемой золотой краской «Saludos desde las Islas Galápagos»[262]

[260] «Лак для ногтей» – фр.
[261] «Только для парижских мадам и мадемуазелей» – фр.
[262] «Привет с Галапагосских островов!» – исп.

Бросив в море старый посох,
но об этом не скорбя,
я нашёл в Галапагосах
три надорванных рубля!

И вот здесь произошло то, что уже происходило на ~~полях кровавых сражений~~ страницах нашего романа, но лишь в начальных томах, а вот теперь случилось в этом, последнем томе книги: один за другим перед изумлёнными бермудцами стали появляться члены то ли разных сект, то ли так называемых течений, и было непонятно, откуда в тихий патриархальный Отцеябловск занесло такими течениями этих странных людей, которые, будучи незнакомыми с большинством горожан, смело подходили с ним и, иногда даже не поздоровавшись, тут же начинали вести свою тухлую пропаганду того, чего не существует в физическом мире Вселенной. Причём, ладно, если бы все они дудели в одну дуду – мол, есть такой *дедушка*, который всё это и создал, и за это надо – а вот тут пошлó разделение: ему только поклоняться, а им, то есть этим пришельцам, отдать всю наличность – для того, чтобы и они потом, когда доберутся до своего «храма», могли бы конвертировать ваши денежки в сто раз переплавленные свечки, впоследствие воткнув их перед ликом этого самого *дедушки*.

Лгал, грешил, кидал, лукавил –
поп на мзду благословил:
если б свечки я не ставил,
«москвича» уже б купил!

Но ведь нет: и те, и другие, и третьи с жаром и пылом доказывают, что именно их течение самое правильное, а все остальные самозванцы, которых *дедушка* самолично на том свете на сковородку и определит – за их враньё на этом!

Первыми к учпучмакцам явились сразу две пришелицы: одна тетёнька лет пятидесяти, а другая – девушка годков двадцати, на которую тут же засмотрелся женатый татарин и даже стал подавать ей какие-то знаки глазами. Кстати, отметили и остальные, что хотя девица явилась к ним без косметики, но была очень симпатичной. Она стояла, потупив глáзки, и, видимо, разглядывала в траве потерянную ранее тиынку[263], а старшая в это время уже начала свои приставания с тривиального и глуповатого вопроса:

– Вы читали библию?

[263] Одна сотая назарбакса – сакс.

Покеристы и им сочувствующие сразу же развеселились и стали смотреть на Кулемзина, так как сами с сектантами разговаривать не умели, а вот Володя умел. И он не под-

вёл, потому что сразу же ответил, хотя (автор честно признаётся), и соврал – видимо, для общего веселья:

– Читал немножко, яйчики-бабайчики.

Тогда тётка продолжила:

– Это хорошо. Мы сейчас вам поможем изучить слово *дедушкино* с помощью вот такой книги…

, после чего достала средней толщины книжку и стала показывать обложку с названием «Познание, ведущее к вечной жизни»

– Это, святой Малевич, не профессора ли Фекалина труды? – неожиданно поинтересовался живописец Николаич, и все невольно подивились его памяти, хотя по внешним признакам он должен был пропить эту самую память уже как лет десять назад.

Мозг мой как каменоломня,
надпись в паспорте «Дебил!»:
ничего сейчас не помню –
память я давно пропил…

– Не знаю такого, – ловко увернулась от ответа пришелица, но следующая реплика, на этот раз от неугомонного по женской части военного музыканта просто-таки её добила:

– Вы знаете, товарищ сектантка, лично я, хотя и являюсь мусульманских кровей, готов начать изучать вашу книжку прямо сейчас, только не с вами, а с вашей спутницей, но так как у меня дома жена, то мой друг – вот этот толстый марсианин – даст нам ключи от своей квартиры, и пусть она мне там всё объяснит про вечную жизнь в загробном мире!

У старшей пришелицы от такого предложения отвалилась челюсть, но, к её страшному го́рю, оказалось, что и это было ещё не всё.

– А вы, любезная, – обратился к ней саксаульский хорунжий, – можете в это время подождать на ёперной лестничной площадке. Но лучше – не ждать: вдруг наше изучение этой несомненно интересной ёкарной книжки затянется на неопределённое время!

Все дружно рассмеялись, порадовавшись внезапно проснувшемуся остроумию своего товарища, и только педагог Курманбаев с тоской подумал, что вот если бы они сейчас не ждали Митрохина из лабаза, а играли, то Батыршин, свалив в володину квартиру, тут же получил бы 100 очков в минус, да к тому же 4 минусовых очка в общий рейтинг – за неоправданное дезертирство!

Нахлебавшись «Зверобоя»[264],
пожевавши белену,
дезертировал я с боя –
не видал давно жену!

[264] Горькая настойка в 40°, производимая в советское время в Белоруссии на спиртовом настое трёх трав – зверобоя, душицы и донника – прим. автора

(А автор, чтобы у людей молодого поколения не сложилось мнения, что их обманывают, решил дать им посмотреть на это чудо советских министерств пищевой (!) промышленности):

Но, увы! Обе сектантки почему-то пренебрегли возможностью завербовать сразу пятёрых новых адептов (если помнит мой читатель, антенщик Васюхан всё ещё не вернулся из сельпо), и быстрым бéгом стали удаляться в сторону улицы Жубанова, причём, что-то крича по ходу движения: старшая – какие-то невнятные проклятия оставшимся, несколько раз выкрикнув иностранное слово анафема[265], а младшенькая, обернувшись и на ходý состроив глáзки охальнику прапорщику, воскликнула на прощание:

– Ошибочное решение приводит душу к страданиям!

[265] ***Изгнание, проклятие – гр.***

Вот тебе мои улыбки –
под граммулек 200:
не страдай – твои ошибки
мы исправим вместе!

А Салихдзяныч поспешно схватил покерную *раскладку*, перевернул её и стал покрывать листок какими-то цифрами, после чего заорал вслед удирающим пришелицам:

– Обязательно позвоню!

– А она тебе что, мать моя КПСС, телефон оставила? – язвительно поинтересовался Мусаич и даже издал короткий смешок, как будто задал трубачу действительно смешной вопрос.

– А как же! – воскликнул страшно довольный обер-корнет и сначала показал цифры на *раскладке*, а потом и объяснил:

– Она крикнула мне: «Ошибочное решение приводит душу к страданиям!», а я же парень сообразительный – просто перевёл первые буквы этих йодистых слов в цифры – по их месту в русском алфавите, и у меня получилось 161-81-75, а также йоркширский добавочный 1219!

Для приданья моциону
состоянья «Не брешу!»,
позвоню по телефону –
на свиданье приглашу!

Глава 134. НАШЕСТВИЕ ТУХЛОГОЛОВЫХ (окончание)

Но, как и было сказано в начале прошлой главы 133, эти пришелицы, которые, кстати, так и не обозначили свою принадлежность к какой-нибудь религиозной конфессии,

были не одни – с их уходом на покерный коллектив тут же, словно занимали очередь, с поступательной агрессией пролетариата надвинулись новые адепты, на этот раз, судя по умиротворённым рожам и безумной искорке в глазах, явно представители так называемой РПЦ, или Русской православной церкви.

«Неужели сейчас свечки втюхивать будут? Или книжки про сына дедушкина?», с тоской подумал Володя. «Тогда ведь может в случае *реализации*, яйчики-бабайчики, и на пиво до конца дня не хватить!»

На сей раз первым в разговор вступил благообразный мужчина с личиной брачного афериста на доверии. Он наклонился к группе бермудцев и более чем интимно поинтересовался, словно был директором школы – перед родителем одного из учеников:

– Можно с вами поговорить об Иисусе?

«Ну, и что он снова натворил?», хотел ответить ему Кулемзин, так как ассоциация директор-родитель упорно не отпускала, но решил промолчать. Промолчали и остальные, кроме охранника, который, вспомнив, что раз в нём ещё теплится несколько процентов так называемой веры, рассудил поддержать разговор, и поддержал:

– И чё надо, царица лесная?

Бог создал труд и обезьяну,
чтоб получился человек,
а вот пингвина он не трогал –
тот сразу вышел хорошо!

И тут пришелец мужского рода обрадовался:

– Именно, царица, молодой человек…

При этих словах выглядевший страшно пожилым Полтавцев приосанился.

– …но только в одном вы, к сожалению, ошиблись: не лесная, а матерь наша земная и небесная. Именно её лик мы и хотим вам торжественно вручить.

– Надеюсь, бесплатно? – не выдержал Альбионыч.

– Что вы, – скорбно поникнув главою, тихо и печально ответил православный агитатор. – Наши иконки сто́ят по 72 назарбакса.

– Мать моя Углеводородица! – воскликнул писатель. – Это же как раз две бутылочки «Тянь-Шаня»!

Разговор при пережиме
затевают там и тут:
нет, чтоб пиво предложить мне,
так иконки в нос суют!

– А можно посмотреть, святой Малевич? – вспомнив, что он саксаульский рублёв, попросил Николаич.

Старший агитатор вручил ему иконку, а сам стал мучительно вспоминать, какого такого святого только что упомянул этот худой человек, по виду художник-баталист, а Валера подсел ближе в Митрохину, и они вместе стали разглядывать слишком дорогой церковный товар.

На бумажной иконке 6×9 сантиметров, как на снимке салона «Семейное фото», действительно была изображена так называемая *богоматерь* в полный рост, которая стояла на пухлой подушечке о́блака и показывала какой-то развёрнутый свиток плотной толпе махоньких, как детишки, праведников, сгрудившихся в правой части картинки.

Покерный гуру и по совместительству знатный марсианский атеист, чтобы не подсаживаться к интересующимся, воспользовался нехитрой технологией родной планеты, по-

зволяющей заглянуть через плечо Васюхана с другой стороны, словно бы за антенщиком на карагаче было прикреплено маленькое невидимое зеркальце.

Приглядевшись, он (атеист, а не карагач) узнал этот сюжет и безуспешно попытался найти в виноградной грозди нимбов золотистый пузырёк с головой князя Андрея Боголюбского, но нет – оказалось, что учпучмакцам пытались втюхать уже залежалый товар, потому что буковки поистёрлись, да и в лицо князя Володя не знал. Кстати, наличие такого праведника, как князь Андрей, среди так называемых святых, всегда немного напрягало энциклопедиста Альбионыча: стольный Киев он (князь, а не Альбионыч) спалил, Киево-Печерскую лавру ограбил – но всё равно святой!

Пусть он будет нуворишем,
вновь Христа пусть он продаст,
мы в святых того запишем,
кто нам больше денег даст!

И в это время произошло совершенно внеочередное событие, никак не совпадающее с той ценной бумагой, которую Кулемзин хранил в кармане, то есть «Планом Построения Шестого Тома Романа «Русская Кочерга»: откуда-то сверху, как видно, по ошибке, раздался громовой голос – незабвенная Ангелина Ивановна неожиданно включила своё радио, причём, на сей раз *в тему*: это была какая-то новая радиостанция – судя по (прости, русский язык!) контенту, одна из расплодившихся православных, так что и пришельцам, и нашим невольным слушателям удалось узнать об открытии школы православного программирования «КОДило», а также о том, что в РПЦ подтвердили утечку данных тех пользователей, которые обязательно попадут в ад.

Хорошо было только то, что жиличка дома № 16 вовремя одумалась и вскоре выключила радио, так и не найдя более ничего приличного. Зато писатель, поймав творческую волну, отложил в память новую мысль… нет, не о радио, а о телевидении… о том, что во время так называемого *великого поста* передачу «Спокойной ночи, малыши!» будут вести не какие-то абстрактные Хрюша и Степашка, а Огурчик и Помидорчик!

А марсистско-ленинский педагог подумал о том, что вся религия – глупость, и если бы было иначе, покойный Карл Генрихович Маркс не назвал бы её «опиумом народа»[266]! И это было крайне редким совпадением для нашего повествования, ибо и Володя думал точто также, как саксаульский большевик.

[266] Карл Маркс, «К критике гегелевской философии права» (1843), издательство «Bureau der Jahrbücher»[267] (Цюрих) – прим. полит. редактора
[267] «Бюро ежегодников» – нем.

Каждый мнит: он господин,
волк в пальто овечьем.
Настоящий грех один –
глупость человечья…

А с третьими представителями *дедушки* на Земле наши герои вообще не стали общаться, так как это оказались люди во всём длинном и белом, которые в одном из прошлых томов уже появлялись на славной территории Бермудского Учпучмака, но, видимо, заблудились на улицах Отцеябловска и вот очутились здесь снова.

– Надеюсь, вы не рекламщики, яйчики-бабайчики? – весело спросил писатель кришнаитов.

– В смысле? – удивился главный псевдоиндус, после чего выяснилось, что он разумеет на чистейшем русском языке.

– В смысле: «Балансировка колеса сансары! Шивамонтаж!» и тому подобная дребедень, – ответил марсианин, после чего люди в длинном и белом поспешили в сторону юга – видимо, прямиком в Индию.

Мы шагаем дружно в паре,
и на всю округу слышно,
как поём мы: «Харе, Харе,
Харе Рама, Харе Кришна!»

Глава 135. О МАСШТАБАХ ВЛАСТИ ИИСУСА ХРИСТА

И вот для того, чтобы немного сгладить тухлое впечатление от нашествия святых уголовни… тьфу, угодников, литератор решил на время переквалифицироваться в лектора-атеиста, так как только он один знал, что если сейчас не воспользуется своим конституционным правом говорить то что вздумается, то вся книга скоро закончится и, значит, такой возможности у него больше не будет.

– Итак, други мои и Нуртай, никак не препятствуя поглощению вами самого благородного напитка на Земле, мне сейчас хотелось бы подвергнуть строгому анализу одно из высказываний литературного персонажа Христа, записанного в так называемой книге книг, – произнёс он.

– Подвергай, мать честна́я! – сделав огромный глоток «Жигулёвского» и после этого совершив мощный мыльный выхлоп, разрешил Афанасьич.

– Спасибо, Серёжа, – поклонился в сторону семижопинца литератор и приступил к лекции.

Развенчаю я лакуну [268],
что углу́билась хитро,
и вам лекцию засуну
прямо в самое нутро!

[268] Пробел, пропуск в тексте, неясное (тёмное) место – прим. линг. Редактора

– Надеюсь, все вы когда-то знакомились с библией и, в частности, с евангелием от некоего апостола Матфея, – начал он. – Так вот там описано, что перед тем, как вознестись на небо, воскресший Христос сказал своим ученикам: «дана Мне всякая власть на небе и на земле» [269]. Но о власти Иисуса над иеговой, буддой, аллахом и прочим сонмом *духовных* существ, наряду с Христом ставших героями двухтомника «Мифы народов мира», я сегодня говорить не буду. Итак, поговорим о заявленной власти на земле.

[269] Матф. 28 : 18 – прим. богосл. редактора

– А чего? – воскликнул Муравлёв, чуть не подавившись незапланированно большим глотком пивка. – Можно и поговорить, святой Малевич!

Тут на него зашикали все и даже Курманбаев, который в володиной лекции увидел редкую возможность подтвердить своё атеистическое воспитание.

– Итак, – продолжил Кулемзин, – примем как (прости, русский язык!) аксиому уверение Христа в том, что ему дана *всякая власть* на земле, и на основе этой аксиомы осмыслим историю человечества после так называемого *вознесения*, то есть определим, сколь мудро распорядился этот сын *дедушкин* данной ему на земле всякой властью.

Захотелось до выборов власти
в важном деле одном разобраться.

Власть спросила: «Народ, а ты счастлив?»,
тот ответил: «Куда же деваться?!»

Кстати, а какой мерой вообще измеряется власть? По большому счету, как я это понимаю, мерой ответственности за всё, происходящее в охватываемых властью пределах. И если Христос действительно обладал *всякой властью*, значит, именно он и ответственен за все произошедшие на земле за 2000 лет его правления кровавые исторические события: бунты, восстания, революции, две мировых войны́, череду локальных войн и даже терроризм. Если же слова́ Христа о данной ему всякой власти – вымысел или иллюзия Матфея, то есть никакой власти Иисусу дано не было, то ответственность за происходившие на земле социальные катаклизмы уже лежит не на этом *обещалкине*, а на правительстве и парламентах всех стран и народов, распределивших между собою реальную власть.

Второй вопрос: что значит иметь власть? Это значит, что всё, происходящее в сфере вашей власти, происходит по вашей воле – вы сами определяете стратегию власти, отдаёте распоряжения, а ваши подчинённые точно и в должный срок их выполняют. Это как в армии – приказ командира! Правильно, Талгат?

– Точно, ёперный приказ! – подтвердил единственный действующий воин на территории Великого ▲.

– Но если ваши распоряжения игнорируются, – продолжил Альбионыч, – значит, ваша власть просто фиктивна! Мне кажется, что обладать всякой властью на земле – суть держать в своих руках *все рычаги управления* мировым сообществом, то есть иметь божественную возможность благоустроить землю, воспитать человечество в духе любви, добра и совершенства, утверждая на земле всесторонне правильный и совершенный общественный строй. Так почему же получившему всякую власть Христу за два тысячелетия ничего подобного сделать не удалось?

Получив большую власть,
воровать я начал всласть!

– Да, почему, едрит Мадрид? – вновь порадовал Васюхан коллектив покеристов и сочувствующего живописца новым присловьем.

– Много столетий, – ответил ему лектор с атеистическим уклоном, – церковь внушает людям, что «мир лежит во зле», ибо миром правит «враг рода человеческого». Тогда возникает закономерный вопрос: когда, зачем и каким образом Иисус Христос передал данную ему всякую власть пресловутому *князю тьмы*? Или этот, по слухам, рогатый и хвостатый князь силой отобрал у сына *дедушкина* всякую власть? Быть может, секрет в том, что всякая власть была дана «воскресшему» Христу, а в каждой церкви стои́т распятие, изображающее орудие страшной казни с прибитым к нему агонизирующим или испустившим дух страдальцем, *лишённым какой бы то ни было власти*? Кстати, о бессилии Христа распятого хорошо сказала моя любимая тёзка Марина Цветаева:

А бог? По самый лоб закурен,
не вступится! Напрасно ждём:
над койками больниц и тюрем
он гвоздиками пригвождён…

И если «враг рода человеческого» не мифическое чудовище, но реально существующая во Вселенной, а не только в человеческом воображении бесплотная личность, значит, есть все основания предполагать, что именно он внушил христианам мысль превра-

тить орудие чудовищной казни в культовую святыню, ведь сегодня каждый, повесивший на грудь крест с распятием, демонстрирует миру, что он исповедует Христа казнённого. Даже на пасху – главный православный праздник – в храмах поют: «Христос воскресе *из мёртвых*», а стоящее в храме распятие красноречиво свидетельствует о том, что распятый лидер *по-прежнему прибит к кресту*, и никакой власти у него, естественно, нет.

Так кому реально принадлежит *всякая власть* на земле и, в частности, в России? Найдётся ли среди христиан хотя бы один человек, который способен внятно ответить на вопросы, которые задаю я, скромный лектор саксаульского виртуального общества «Знание», ведь мне, как никому, по барабану, что якобы всесильная РПЦ запрещает подвергать строгому анализу христианские догматы и писания?

Я мир вам нёс,
но меч принёс в итоге.
Решает спрос.
Бессильны даже боги…

Глава 136. СЫРТВОРЕНИЕ МИРА

Что, что, мой читатель? Слишком серьёзная глава получилась? Так и тема серьёзная, не так ли? Но автор, который и раньше шёл у тебя на поводу, и сейчас не будет противиться, как выспренно выражается Русская православная церковь, *воле твоей*, а обещает, что следующая глава, то есть вот эта – текущая, будет гораздло веселее, чем предыдущая. И называться она будет (см. название выше) вот с таким подзаголовком:

Благоповествование от Мышфея

1.1 Вначале был Он.
1.2 И безмолвно Он летал над водами.
1.3 И было Ему скучно.
1.4 И создал Он Сыр.
1.5 И безмолвно Сыр лежал на водах и мок.
1.6 И Он создал Сыроварню.
1.7 И безмолвно лежал Сыр на полу и было Ему скучно.
1.8 И тогда создал Он Мыша́ по образу своему и подобию.
1.9 И посмотрел Он на дело лап своих и сказал, что это хорошо.
1.10 И вдохнул Он жизнь в Мыша́ и повелел ему есть Сыр.
1.11 И Мыш поел Сыру и сказал, что это хорошо.
1.12 И Мыш поел ещё Сыру и подтвердил, что это хорошо.
1.13 И Мыш поел ещё Сыру и сказал, что лучше и быть не может.
1.14 И возгордился сытый Мыш.
1.15 И счел себя равным Ему.

Может, это кривобоко,
но в мыслишке я увяз –
что, наверно, лучше бога –
потому что жив. Сейчас.

2.1 И тогда Он создал Мышу́.
2.2 И посмотрел на дело лап своих и сказал, что это хорошо.
2.3 И он вдохнул жизнь в Мышу́ и привёл её к Мы́шу.
2.4 И повелел им кушать Сыр.

2.5 И Мышá покушала Сыру и сказала, что это вкусно.
2.6 И Мышá покушала ещё Сыру и сказала, что Сыр мог бы быть и поострее.
2.7 И Мышá покушала ещё Сыру и возмутилась однообразию меню.
2.8 И возгордилась Мышá.
2.9 И узнал об этом Тот.
2.10 И, обратившись Котом-Укусителем, поведал Мышé о Сырном Древе Жизни.
2.11 И возжелала Мышá плодов с Сырного Древа Жизни.

Не пойму лишь одного
про того урода:
мало жадному всего,
что дала природа!

3.1 «Он запретил вкушать нам плодов с Сырного Древа Жизни», сказал Мыш.
3.2 «Глупости», сказала Мышá. «Он сам повелел нам кушать Сыр»
3.3 И Мыш послушался Мышý и пошёл и принёс плодов с Сырного Древа Жизни.
3.4 И они ели эти плоды.
3.5 И познали Добро и Зло.
3.6 А Укуситель сидел в засаде и потирал лапы.
3.7 Познав Добро и Зло, увидели они, что самец и самочка.
3.8 И скрылись они в траве и насладились Познанием.
3.9 Но проведал про это Он и призвал их к себе.
3.10 И рёк Он: «Вы нарушили мой запрет и будете наказаны»
3.11 «В поте хвоста своего будете вы отныне добывать Сыр свой насущный»
3.12 И исторг Он их с Сыроварни.
3.13 А Укуситель видел это и пошёл по их следам...

Вот кущи райские – Эдем!
Адам и Ева, наши предки,
пока не народились детки,
спокойно жили, без проблем.
Змей-искуситель не дремал –
исподтишка он наблюдал,
да-да, совсем он не дремал –
всё Еве яблочко совал!

Глава 137. О СТРАШНОМ ОРУЖИИ, КОТОРОЕ НАЗЫВАЕТСЯ СМЕХ

Все, кроме Серёжи, который до сих пор чуть-чуть перестраховывался, немного посмеялись володиной байке о сыртворении мира, после чего он (Володя, а не Серёжа) продолжил свои размышления о религии, церкви и их патроне – *дедушке* небесном.

– Всё-таки удивительная эта штука – религия, – воскликнул лектор. – Вот смотрите, яйчики-бабайчики, как всё хитро получается: если у так называемого верующего случается беда, то он *обязан* считать, что это наказание *дедушкино*. Но и это не всё: он должен *сам придумать*, за что именно его наказали!

Был мой путь – чуть тронувший вокзал,
заставлявший подло лицемерить:
бог меня однажды наказал –
убедил в него же и поверить!

– Правильно, старик! – неожиданно вступил в необъявленный диалог антенщик Ва-

сюхан, после чего достал из кармана… точно такой же блокнотик, какой был у Афанасьича, только без надписи про му.мы., открыл его и, не дав очухаться удивлённым бермудцам, прочитал вслух:

– Вот послушайте, что сказал по этому поводу одесский писатель Исаак Бабе́ль…

– Ба́бель, – механически поправил Кулемзин и тут же поинтересовался:

– Послушайте, гражданин Митрохин, а откуда у вас такой же блокнотик, как у нашего друга сторожа?

– Да я вчера его завёл – с устатку! – свободно объяснил старший джус. – А что – нельзя? Я же, едрит Мадрид, не хуже Серёжи…

– Ладно, проехали, – успокоил его литератор. – Так что там изрёк Бабель?

– А вот что: «Пусть в бога верит тот, кто выиграл двести тысяч!»

Не доверю веры зверю,
поступлю наоборот:
в бога я тогда поверю,
в лотерею коль свезёт!

– Но, вопреки словам этого хорошего писателя, – продолжил научную лекцию Альбионыч, – православная церковь просто заставляет верить в несуществующий в природе миф! Помню, однажды в саксаульском областном центре Грусть-Каменодырск, где я был в командировке от газеты «Саксаульская правда», немного поддав (не пугайтесь, это было в 80-х годах прошлого века), я заявился в местную церквушку, которую тамошние старушки громко величали храмом[270], и предложил бухну́ть местному попу́ – с тем, что на пятом-шестом стакане он докажет мне существование *дедушки*.

[270] Мало кто знает, что слово храм произошло от праславянского chortъ, то есть просто дом – прим. автора

– И что, святой Казимир Северинович? – волнуясь, спросил Муравлёв.

– Да то, что попик сломался именно на пятом стакане, когда признался мне, что за все 14 лет своего служения ещё ни разу так хорошо не отмечал окончание дня!

– Да, дела́, царица лесная! – поражённо резюмировал рассказец семи-жопинец.

– Но это – история личная, – уточнил покерный гуру. – А если говорить от имени возмущённой атеистической общественности, то церковь суть величайший конформист: она подлаживается под любую власть, лишь не бы не трогали её саму и давали одурачивать ещё неодураченных!

– П’гостите, батенька, – неожиданно встрял ещё один участник только что отгремевшего сражения, и по его грассировке *фрикативной г* все поняли, что он тоже почему-то волнуется. – А как вы сегодня относитесь к ‘гелигии, мать моя па’гтия?

– Я, Нуртаилло, к религии вообще не отношусь, – под общий смех сообщил марсианин, – а вот к атеизму отношусь с почтением – исключительно как к науке!

– Но я надеюсь, Владими’г, – не слушая глупые и провокационные оппортунистические смешки, ещё больше заволновался педагог, – вы не п’гек’гащаете неп’гими’гимой бо’гьбы с этим пе’гежитком п’гоклятого п’гошлого?

– И здесь ты, старичок, тоже пролетел. Бороться с религией я вообще считаю ниже своего непомерно раздутого достоинства, и уверен, что этого делать не надо.

Не танцуя с гадом польку,
я борьбою раскалён,
но борюсь я, если только
с тем врагом, кто есть силён!

– Как так, йодистый атеист? – поражённо осведомился старший прапорщик Батыршин и даже немного привстал с покерной скамеечки, словно бы желая как можно быстрее получить квалифицированный ответ.

И он его получил.

– Мы же не ставим, к примеру, задачу уничтожить вирус гриппа, – объяснил литератор с атеистическим уклоном. – Во-первых, это безнадёжно, во-вторых, возможно, вредно, – хотя бы потому, что это может привести к снижению иммунитета, то есть сопротивляемости человеческого организма. И если мы ищем средства и способы защиты от вируса, то бороться надо не с религией, а с существующим *отношением к ней*, и в первую очередь с попытками властей использования её для манипулирования массовым сознанием.

«О чём это он, мать моя КПСС?», тоскливо подумал саксаульский песталоцци.

– И я намерен добиться того, яйчики-бабайчики, – повысил голос Альбионыч и даже немного топнул ногой, подняв небольшой клубок пыли, – чтобы отношение к этому должно закрепиться в общественной морали как к действию абсолютно аморальному! Думаю, что ни для кого не секрет, что вопрос о манипулировании сознанием становится в современном обществе исключительно актуальным – в связи с очень большими для этого возможностями.

– Вот именно, святой Малевич! – тут же подтвердил Николаич, после чего зачем-то соврал:

– Я и сам почти ежедневно думаю на эту важную тему.

– Вот поэтому, – не слушая никого, завершил мысль писатель, – я с церковью не борюсь, а просто высмеиваю. И, по-моему, для религии и её родной дочки РПЦ это будет пострашнее любой *партерной* борьбы!

Бой любой – скорей, потери:
гнул я из последних сил –
находясь в глухом партере,
на лопатки уложил
я того, кто был сильнее
и душевненькобольнее!

«Господи Иисусе Христе!», мелькнула глупая мысль у охранника в тыкве, не содержащая, как обычно, никакой конструктивной информации. «Помоги!»

Впрочем, автору доподлинно известно, что тому́, к кому́ в этот момент ушёл столь нелепый со всех точек зрения (прости, русский язык!) месседж, было вовсе не до какого-то там сторожа: он в очередной 2003-й раз кидал предъявы однажды неосторожно умывшему руки Понтию Пилату. А писателю в который раз стал жалко этого литературного персонажа, которого мог (мог!) спасти его могущественный отец, но почему-то не спас, а уготовал ему страшную участь – быть ежедневно поминаемым больши́м количеством народа, но не для прославления, как это и планировалось изначально, а исключительно для попрошайства со стороны верующих.

И только попы́ в церквях иногда вспоминали его с утилитарной целью: мол, вернётся он когда-нибудь на Землю – с целью так называемого второго пришествия.

Не прилетай, Христос, на Землю,
повремени, повремени, –
она словам твоим не внемлет!
Потуже пристегнув ремни,
Лети, – Вселенная большая,

и где-нибудь, наверно, есть
тот уголок, где оглашают
законом праведность и честь.
А здесь пока тебе не место,
где брань, как пена на устах,
где непорочные невесты
остались разве что в мечтах.
Две тыщи лет вассалитета
конечно, столь немалый срок,
чтоб уяснить стремленья *деда*,
чтобы усвоить твой урок.
Понять едва ль сумеет паства,
как, схоронясь в тени креста,
на нищем нажила богатство
бессовестная нищета.
Не прилетай, Христос, не надо:
здесь любят пряники и кнут,
а балом правит клоунада.
Не прилетай – опять распнут!

Ну, а тем, кто не прислушается к моим советам, ещё один последний совет: по́мните, мои маленькие и глупые друзья, что в рай чаще всего попада́ют с чёрного хода, тогда как ворота в ад всегда стоя́т нараспашку…

– Володя, мать честна́я, – придвинулся к писателю Афанасьич, который никогда не упускал возможности приобщения к ненужным знаниям. – А что такое ад?

– Ну, если говорить проще, – улыбнулся саксаульский просветитель, – это то место, где Гитлер изучает «Капитал» Маркса на иврите.

В аду мы будем долго корчиться,
чертовский радуя народ,
покуда адская уборщица
нас в сингулярность не сметёт!

– Как это? – поразился семиижопинец.

– Это примерно, как обратный (прости, русский язык!) экзорцизм: то есть когда некий демон изгоняет священника из тела маленького мальчика…

Глава 138, очень короткая. О РУССКОМ *ДЕДУШКЕ*

– Так ты что, правда, что ли, не веришь в *дедушку*? – поразился Полтавцев. – А вдруг он есть? Значит, может обидеться и отомстить?

– Серёжа, – ласково, как к больному паранойей, обратился к нему Володя. – Вот ты подумай сам: если всемогущий правитель небесный – такой обидчивый и мстительный, то на хрена он нужен вообще?

– Думаю, – в который раз без кавычек произнёс это слово охранник, – что нам, русским людям, он всё-таки нужен, царица лесная!

Вдруг когда свершится чудо –
ниспошлётся благодать,
стану я тогда иудой,
чтоб простившего предать.
Обратясь молитвой чистой

к существующим богам,
сразу стану атеистом,
взорву всей веры храм,
а затем, силён грехами,
как святой отец в миру,
буду спать с учениками
и учить людей добру!

– Кстати, могу согласиться с тобой только в одном: русские люди, как никто, делятся на две категории: они или законченные похренисты, как я, или туповатые верующие, как ты. Поэтому специально для тебя – самая короткая библия в мире – о русском *дедушке*.

– Давай! – снова разрешил сторож, решив не обижаться на слово *туповатые*.

И Альбионыч в очередной раз дал.

[1] Итак, в самый первый день творения *дедушка* сделал дрожжи.
[2] Во второй день Он сделал закваску.
[3] В третий день Он соорудил самогонный аппарат.
[4] На четвертый день Он придумал, как им пользоваться.
[5] В пятый день Он произвёл водку.
[6] В шестой день Он напился.
[7] А на седьмой день с утра Ему было так хреново, что он сказал: «А нá хрен мне всё это было нужно!»
[8] После этого он изобрёл бабу и научил её мариновать огурцы!

И пока все переваривали его историю, писатель терзался раскаянием, ибо знал ещё одну русскую библию – в два раза короче, чем первая! Вот она, читатель, – для тебя:

[1] В начале было Слово.
[2] И Слово это было из трёх букв.
[3] И создало это Слово русского человека по образу и подобию своему.
[4] И сказал русский человек, что это хорошо.

Русская вера – это надоевшая игра в жертвенность.

Мне бы пыл свой поумерить,
чтоб сказать своим азам:
сколько в жертву можно верить,
если жертва – ты не сам?!

Глава 139. РЕЛИГИЯ И МАРКСИЗМ

– Но позвольте, мать моя партийная организация, – обрёл дар речи педагог, который сразу от двух русских библий сначала охренел, но потом решил, что если сейчас не проявит своей руководящей роли в этой более чем странной истории, то… Правда, придумать, что именно тогда случится, он не успел, а вот выкрикнуть дурацкую фразу успел.

– Позволяем, – за всех ответил писатель. – Так что ты хотел нам трёкнуть?

– Дело в том, Владимир Альбионыч, что мы с вами, как известно, находимся по разные стороны баррикад…

– Ты говори, да не заговаривайся, царица лесная! – строго одёрнул соседа по лестничной клетке Полтавцев. – Каки таки баррикады? Нетути здесь никаких баррикад! Или ты совсем уже с ума съехал от моего блестящего третьего места в последней партии?

Друг для друга люди – гады,

и не верьте вы врунам:
мы построим баррикады –
быть по разным сторонам!

– Я имел в виду, что в таком сложном вопросе, как неприятие религии, мы с Володей как раз сходимся…

И это действительно было так, хотя Кулемзин не принимал идею *дедушки* по научному мировоззрению, а Курманбаев – просто копируя мысли своего главного патрона Ульянова-Ленина.

– Вот я и хочу задать ему вопрос – как соратник соратнику…

При этих словах Альбионыч заметно поморщился.

– …как в стране, полностью победившей мракобесие (я имею в виду СССР) и принявшей на вооружение марксизм, всё же существовали не только церкви, но даже какие-то секты? Короче, как марксизм сочетался с религией?

При этом вопросе он победно оглядел остальных бермудцев, словно призывая их насладиться скоро наступившим поражением покерного гуру. Но, к его удивлению, начальник покерного столика не стушевался, а, напротив, расправил плечи, словно собирался сесть на конька его любимой темы. И пятеро из шести обживших этот столик тотчас услышали вот что.

– Для человека верующего, яйчики-бабайчики, бытиё целиком заполнено смыслом, и всё, что у него есть, служит ему для блага. Так, верующий чувствует себя защищённым от зла милостью *дедушкиной*, а также свободным – всё той же милостью. Он (верующий, а не *дедушка*) как бы обладает спасительной (прости, русский язык!) эсхатологией[271] – несбыточной надеждой на избавление от несправедливости и гнёта.

[271] Эсхатология – система религиозных взглядов и представлений о конце истории, искуплении и загробной жизни, о судьбе Вселенной и её переходе в качественно новое состояние – прим. автора

Проявив о нас заботу,
мозгом дав нам закипать,
дал нам *дедушка* свободу –
в церкви свечки покупать!

И вот для России такой эсхатологией, новой триединой верой – в мессию (пролетариат), в уничтожение зла и грешников (капитализм) и в наступление вечного царства праведников (грядущий коммунизм на Земле), стал марксизм.

Так что эта «наинаучнейшая» философия сразу у трёх обманщиков позаимствовала и три главные свои идеи: идею универсума (мировая душа, история, прогресс, мы), идею светлого будущего (утопия, земной рай) и идею загробной жизни (бессмертие учения и памятники вождям на площадях). То есть должно было победить то же мессианство, та же вековая мечта о коллективной победе над Сукой-судьбой, то же обращение Савла[272], те же доктрины всеобщего благоденствия и блаженства. «Наряду со всеми прочими знаниями», писал Андре Фернанович Мальро[273] в своей «Надежде»[274], «революция имеет ещё и то, какое прежде имело вечное блаженство…»

[272] Он же Саул, он же Шауль, он же Савл Тарсянин, он же апостол Павел – так называемый апостол язычников, не входящий в состав двенадцати апостолов Христа – прим. автора

[273] Французский писатель, культуролог, министр культуры в правительстве Шарля де Голля – прим. лит. редактора

[274] Роман Мальро о гражданской войне в Испании (1937) – прим. лит. редактора

– Не знаю такого, – пробормотал педагог, но на него зашикали остальные, и он тут же умолк, а охранник, наклонившись к его уху, ещё и интимно прошептал в этот приёмный óрган:

– Гляди, Мусаич, мать честнáя, без пива останешься…

Как остатки дерматита,
как остатки от свобод,
раздражает коллектив тот,
кто пивко не с нами пьёт!

А Альбионыч тем временем продолжал:

– Так что вера вере – рознь. Было ясно, что гуманистическая религия, например, христианство по своим постулатам хотя бы *старается* раскрепостить человека, воспитать какие-то личностные качества, персонализировать, очеловечить. Тоталитарная же религия, коей является коммунизм, превращает людей в стадо, толпу, нивелирует, растаптывает, обесчеловечивает, *омассовляет*, подменяет личность общественным, угашает дух. Одна религия пытается превратить животное в человека, другая – человека в торжествующего зверя, фанатика идеи.

Услышав эти страшные словá, Нуртай стал раскачиваться, как иудей на молитве.

– Потому и веры разные, – продолжил Володя, – есть церкви *дедушки*, а есть – *иблиса*. У одних идеи, у других – плахи. Кстати, Карл Генрихович Маркс очень хорошо подспудно чувствовал это, и не потому ли предупреждал, что, мол, мои идеи опасны, они легко превращаются в религию.

Так оно и произошло: перед неискушёнными и начинающими революционерами появилось некое «божественное» откровение, ведическое «знание», не подлежащее проверке или логическому испытанию. И как это присуще коммунистам, объяснение причинности здесь было заменено на прямое указание: «Маркс писал…», «Ленин учит…». То есть одного имени оказалось достаточно, чтобы считать свою точку зрения доказанной, а противника – посрамлённым! Так что из всех созданных человеком религий ни одна не стоила человечеству стольких жертв. Коммунизм по сути – религия жертвоприношения, где жертва – всё человечество!

Партбилет иль библий воз –
запертые двери:
нам что Ленин, что Христос –
было б чему верить!

Менялись эпохи, цари и империи, возникали и пропадали религии, а неизменным оставалось только одно: под разными звёздами и на разных языках человечество уничтожало само себя, изыскивая для этого самые изощрённые формы и способы. Векáми накопившаяся злоба, ненависть и страдания уподобили ноосферу Земли саду, беспорядочно заросшему сорняками. И разобрать, распутать, расчистить этот сад было не под силу ни одному садовнику!

Своим идеям адресат,
я буду вам брехать:
«Планета наша – просто сад!
Кто будет в нём пахать?»

Но таковые садовники вскоре нашлись: вначале церковники, твердившие миру «Не убий», ибо это грех, а потом и марксисты, поправившие первых: убий, но не всех, а толь-

ко тех, кто нам мешает построить светлое коммунистическое завтра, а уж после этого мы заживём! Не потому ли до сих пор марксизм любят сравнивать с фашизмом, ведь главная идея была та же: освободить мир от ненужного – для нас, сильных?

Здесь Кулемзин немного помолчал, опустив голову, как бы переживая собственные слова́, но никто не стал его подгонять, хотя пиво у игроков и сочувствующих закончилось давно. Наконец литератор вновь поднял голову и горько продолжил:

– Людям свойственно взрослеть, если только, конечно, их не ударит по тыкве какое-нибудь массовое движение или иная форма коллективного помешательства. По́мнишь, Валера, – обратился марсианин почему-то к одному саксаульскому шишкину, – как народные советские массы (б), все как один безропотно участвовали в соцсоревновании, и тут же – с закатом этого социализма – спешно переключились на религию, также соревнуясь друг с другом: а кто из нас теперь самый верующий?

Легко нам в трудолюбии
с подачи всех властей:
соревноваться любим мы –
в любой из областей!

Муравлёв заглянул ему в глаза и так энергично качнул головой, что всем стал понятен этот немой посыл: мол, ясен перец, конечно, помню! А писатель к этому моменту закончил свою нелёгкую лекцию о странных взаимоотношениях столь различных понятий, как религия и марксизм.

– В общем, коммунизм – это для людей, которые так и не позвроcлели. Я, например, считаю, что куда более серьёзным, чем коммунизм, является Диснейленд. А религия и так называемая вера – это для тех, кто повзрослел, но так и не стал умным…

Глава 140. О РАСХОЖДЕНИЯХ, НЕВОЗМОЖНЫХ СХОЖДЕНИЯХ, РАЗНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И ИСКУШЕНИЯХ

Вообще тема церкви, веры и того, в кого верят, то есть в *дедушку* и его сына Христа, весьма запутанна. Возьмём самый известный факт: христианство зародилось только через несколько веков после распятия и «вознесения» персонажа библии Христа. Так что вывод первый: Иисус никак не мог быть христианином – так же, как он не мог быть ни католиком, ни православным, ни протестантом, ни старообрядцем. А приди он в наш мир снова, то, думаю, его вряд ли бы приняли в христиане любой конфессии. За что? А за категорическое несогласие с догматами, которых он не произносил!

Всё это напоминает мне… профессиональные требования, скажем, к сотруднику известной компании «Microsoft», ведь однажды в ходе очередного опроса компьютер фирмы выяснил, что им не соответствует сам Билл Гейтс, то есть его бы не приняли ни на какую работу в основанной им же корпорации!

Я страдаю, как тетеря,
проворонивший обед:
много раз миллиардер я –
уважения всё нет!

Нет, я понимаю, были Тёмные и Средние века, когда, например, произошли (прости, русский язык!) схизмы, были людское невежество и несовершенство, борьба за церковные подати, чтобы церкви могли элементарно выжить, был некоторый резон у государства, которое считало церковь одним из орудий колонизации чужих народов. Когда-то

при крушении античной цивилизации, когда выжившие забрались обратно на пальмы, на самом деле было важно, под какой пальмой оказался ты: Риму платить или Константинополю? Но с тех не изменилось ничего: все расхождения католицизма и православия – только об этом.

Или история раскола православной церкви. Она другая, но ровно такая же по сути, – просто влиятельные люди решали свои земные проблемы.

Рискнув, я даже готов примкнуть к любой паре христианских конфессий, но только к тем, которые первыми призна́ют, что все расхождения между ними просто *несущественны*: что они христиане, а не католики, протестанты, православные и т.п., что прежде всего выдуманные ими обряды – это дело рук человеческих: следовать им можно, но не обязательно. Вот в такой христианской церкви я, глядишь бы, и покрестился (причём, повторно, ибо первый раз это произошло, когда мне был 1 год от роду и я ни о чём таком не просил свою бабушку Галину Николаевну!)

Я сейчас кажусь бывалым,
посетившим много мест,
но гундеть не надоест:
«Был ребёнком крайне малым,
а в меня впихнули крест!»

И вот сижу я и думаю: а сегодня-то эти схизмы зачем? Ведь церкви во всех приличных странах и так отделены от государства, принудительные церковные подати в прошлом, великолепные храмы, сооруженные не нами, обычно пусты. Ну и объединились бы – хотя бы христиане с официальным набором общепризнанных аксиом, ведь что креститься двумя пальцами, что тремя – по большому счёту нет никакой разницы! А то, что я не вижу никаких попыток ликвидации исторических схизм, для меня просто тест на качество руководителей церквей, ибо духовно они всё там же, то есть в средневековье. Что вам мешает договориться между собой и официально признать, что все эти расхождения в обрядах ничтожны? Но если вы этого ещё не сделали – это уже приговор.

Неужели кто-то из руководства мировой церкви полагает, что самому́ Христу были важны детали: кто католик, кто православный и прочее? Полагаю, что если бы сейчас существовали *фракции* апостолов, они бы наверняка высказались на эту грустную тему.

И ещё про грусть. Например, ни в одном евангелии не сказано ровно ничего про количество пальцев для крещения, или про то, что крещение должно быть платным и только при согласии со множеством изобретённых *людьми* обрядов.

Например, я охотно жертвую, ибо всех денег на тот свет не возьмёшь, но даю их только бескорыстным или остро нуждающимся. А вот тем, кто пытается содрать с меня бабки принудительно, пусть даже за крещение, – не дам ни гроша, потому что не желаю получать крещение из нечистых рук. Сначала сходите помойтесь, вернитесь ко мне чистыми и бескорыстными, потом попросите у меня прощения – за то, что нагло пытались развести меня на филки, а потом уже и займёмся непосредственно крещением. Правда, к тому времени у любого здравомыслящего человека может возникнуть справедливый вопрос: а на хрена́?

Что улёт, что воскресенье?
Пыхну крэк [275] иль анашу?
Что мне с вашего крещенья,
коли крест я не ношу?

[275] Кристаллический героин – нарк. сленг

В общем, считай всё, что ты, мой читатель, пробежал выше, воспринимай как часть моей исповеди, ибо, несмотря на то, что я убеждённый атеист, я христианин, так сказать, природный. Что это означает? Да то, что с детства мне *интуитивно* были понятны истины про *возлюби ближнего своего*, про прощение, про милосердие к падшим. Так, кстати, я и прожил всю свою жизнь. Но на церковную исповедь и не думал записываться – есть в этом какое-то особенное извращение, когда взрослые люди приходят к попу́ и начинают ему выкладывать всё про себя. Я такой как есть, и этим хорош, пусть и для себя лично. А если плох для кого-то другого, пожалуйте в полицию или прокуратуру – пусть докажут! К тому же на исповедь надо опять-таки идти только крещёным – вот такой замкнутый круг. Впрочем, сколько таких кругов у мировой религии – не сосчитать…

Кстати, Христос, который то ли был, то ли не был, и которому многие так слепо поклоняются, судя по библии, *проповедовал именно некрещёным*. Возможно, встреть я его тогда, может быть, и отдал бы ему все деньги или вообще пошёл бы следом, как тринадцатый апостол. А нынешним как-то не хочется давать ни копейки, ведь они, как мой дедушка Остап, торгуют *видом* на Провал[276]!

[276] И. Ильф и Е. Петров, «Двенадцать стульев», глава XXXVI – прим. лит. редактора

Не найдя в кустах рояля,
сбившись с нужных *панталык*,
продавал билет в Провал я,
чтоб купить себе шашлык!

И последнее. Русская православная церковь, усердно засерающая мозги доверчивому русскому народу, много лет не может разобраться с фразой в мировом хите всех времён и народов под названием «Отче наш». А фраза эта: *да не введи нас во искушение*. Граждане верующие, а вы уверены, что произнося это, вы точно молитесь *дедушке*? Подумайте, кто, согласно Ветхому завету, вводит вас в искушение? Может, всё-таки Сатана? Или опять умными оказываются попы́ с толстыми кошельками, а мы по-прежнему – бедные дураки?

Глава 141. КОЕ-ЧТО О БИБЛЕЙСКИХ ТРИЛЛЕРАХ И *ДЕДУШКЕ*-МАНЬЯКЕ

– Володя, – с сомнением глядя на атеистического лектора, – вот посмотри…

Писатель оглянулся вначале на магазинчик Калимы, потом внимательно посмотрел на персонажей, кроме основных, наводняющих сейчас Бермудский Учпучмак, потом по очереди оглядел всех сидельцев за покерным столиком, и только потом доложил:

– Серёжа, я посмотрел! Видимых изменений к этой странице 340 не наблюдаю!

Сторож не обратил внимания на какую-то дурацкую страницу и продолжил:

– …ты ругаешь библию, мать честна́я, а я вот читал, что у неё самый большой тираж в мире! Как же так?

– Это очень просто, – пояснил Володя. – Например, мой гениальный роман «Русская кочерга» кто-то захочет издать тиражом всего 4000 экземпляров, значит, прочесть его (в книжном варианте) сможет всего лишь каждый $^{1}/_{1975000}$, или практически один человек из двух миллионов. Но так как библии за всё время было напечатано значительно больше, то я придумал ловкий ход: кроме небольшого книжного тиража, можно разместить все 7 томов моей книги в интернете, и тогда её смогут прочесть все 7,миллиардов человек, правда, для этого большинству из них придётся выучить русский язык. Но что не сделаешь для своего личного приватного индивидуального персонального счастья!

Ты по счастью голодаешь?
Но ведь с русским ты знаком,
знать, книжонку прочитаешь,
коль владеешь языком!

– Действительно ловко! – похвалил Кулемзина старший джус, а потом обратился к семижопинцу:

– Серёжа, а ты к чему, едрит Мадрид, завёл разговор об этой книжке?

– Да ты понимаешь, Васюхан, у моей бабушки Федóры была такая, и вот однажды, накурившись самосада моего деда Михея, я нашёл эту самую библию и попытался её почитать. Открыл первую страницу, а там первым же словом было «Ветхий»[277], а я испугался и сразу бросил!

[277] Это так: библия начинается со сборника книг под названием «Ветхий завет» – прим. богосл. редактора

– Правильно сделал, яйчики-бабайчики, – похвалил его марсианин, – неизвестно, кто бы из тебя вырос, если бы ты в столь юном возрасте испортил свои мозги больше, чем теперь… Тем более, что в этой книге столько ошибок, нелепостей, глупостей, неточностей, промахов, упущений и проколов, что читать её без получения диагноза *шизофрения* могут только подготовленные люди – типа семинаристов, которых готовят на мозгозасерательные должности попов, дьяконов, иереев и архиереев.

– А можешь привести хоть один йодистый пример? – заинтересовался старший трубач президентского оркестра.

– Да хоть тысячу один, – не стушевался Альбионыч. – Слушай: есть у меня в России один тёзка…

– Путин, святой Малевич? – сразу же догадался Муравлёв.

Везёт соратникам Володи:
с таким баблом – и на свободе!

– Нет, Валера, это не человек и даже не пароход, а город, который так и называется – Владимир. Так вот возле него русские археологи нашли так называемую сунгирскую стоянку, и выяснили, что эти древние сунгирцы уже были рукастыми ребятами, даром что в шкурах ходили, потому что та-а-акие статуэтки из мамонтовых бивней делали, куда там японским нэцкэ! В общем, стоянку эту археологи отнесли к культуре позднего палеолита, то есть свыше 10.000 лет до нашей эры А смешная библия утверждает, что и Земля, и человек были сотворены *дедушкой* всего лишь 6.000 лет назад!

– Вот это да! – потрясённо проговорил Афанасьич, по виду которого сейчас было заметно, что его вера в *дедушку* уменьшилась ещё на 4,17 процента.

– Много лет изучая библию, – продолжил образование коллектива научный атеист, – я наконец-то начал понимать истоки глуповатого страха перед *дедушкой.* Оговорюсь сразу: глуповатого не потому, что я имею в виду нашего друга Серёжу, а потому что библия – ни что иное, как простая книжка.

– Как это, мать моя Октябрьская революция? – воскликнул партийный педагог, который понял, что если не пресечёт своим вопросом кулемзинские бредни, то о нём просто забудут в коллективе, и, может, даже больше не нальют!

С патронташем и наганом,
словно взялся брать музей,
разливая по стаканам,
вспоминаю всех друзей!

Глава 142. КОЕ-ЧТО О БИБЛЕЙСКИХ ТРИЛЛЕРАХ И *ДЕДУШКЕ*-МАНЬЯКЕ (окончание)

– Представьте чувства человека, которому церковь всю жизнь втолковывала о непререкаемом послушании, – продолжил образование коллектива научный атеист, – и вот он сегодня открыл библию, ну, скажем, на странице 713, и прочитал там следующее:

«Ныне Я восстану, говорит Господь, ныне поднимусь, ныне вознесусь (что это, как не мания величия? – Вл. Г.). И будут народы, как горящая известь, как срубленный терновник, сожжены в огне. Слушайте дальше, что сделаю Я (страшноватая интрига – Вл. Г.); и вы, ближние, познайте могущество Моё»[278]

[278] Книга пророка Исайи, 33:10, 12-13 – прим. богосл. редактора

Здесь же: «Долго молчал Я, терпел, удерживался (молодец какой! – Вл. Г.); теперь буду кричать, как рождающая, буду разрушать и поглощать всё (а так хорошо начал! – Вл. Г.); опустошу горы и холмы, и всю траву их иссушу; и реки сделаю островами, и осушу озёра»[279]. Ну и как, по-вашему, это не маньяк?

[279] Книга пророка Исайи, 42:14-15 – прим. богосл. редактора

Дальше – больше: по мере чтения я вообще начал подозревать, что этот Исайя[280] сочинял исключительно триллеры. Если кто не верит, то послушайте ещё:

«И сказал Господь: за то, что дочери Сиона надменны и ходят, подняв шею и обольщая взорами, и выступают величаво и гремят цепочками на ногах (вот так преступление! – Вл. Г.), оголит Господь темя дочерей Сиона и обнажит Господь срамоту их»[281]

или

«Ныне Я восстану, говорит Господь, ныне поднимусь, ныне вознесусь»[282]

[280] Один из библейских пророков, выходец из знатной еврейской семьи, живший в VII веке до нашей эры – прим. автора
[281] Книга пророка Исайи, 3:16-17 – прим. богосл. редактора
[282] Мания величия? – прим. автора

Нет *дедка* в привычной нише:
весь из наших антител,
поднимался он всё выше,
и на Солнце улетел!

– Поразительно! – ещё раз воскликнул большевик Курманбаев, но и на этот раз его такого возгласа никто не заметил, так как остальные были увлечены рассказом Альбионыча. А он продолжил:

– И ещё несколько строк, которые разбомбили меня до глубины моей так называемой души! Вот послушайте:

«Я, Я Господь[283], и нет Спасителя, кроме меня. Я предрёк и спас, и возвестил; а иного нет у вас, и вы – свидетели Мои, говорит Господь, что Я Бог[284]. От начала дней Я тот же, и никто не спасёт от руки Моей; Я сделаю, и кто отменит это?»[285]

[283] Я долго вспоминал, что же это мне напоминает, и вспомнил! В кинофильме «Берегись автомобиля» на вопрос следователя, есть ли свидетели, из толпы выскакивает старушка и кричит: «Я, я свидетель. А что случилось?» – прим. автора
[284] Супермания величия? – прим. автора
[285] Книга пророка Исайи, 43:11-13 – прим. богосл. редактора

Но не только сам *дедушка*, но и приближённые оказались далеко не ангелами (прости, мой читатель, за скорую тавтологию!). Вот только один пример:

«И вышел Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч (! – Вл. Г.) человек. И вот, все тела мёртвые»[286]

[286] Книга пророка Исайи, 37:36

Хорошо, во сне я смелый
(перед сном вкушая ром):
мне приснился ангел светлый –
весь в крови и с топором!

Был, правда, один случай попытаться договориться с так называемым творцом по-хорошему, но вот что из этого вышло. Вначале некие люди задали ему вопрос:

«Не гневайся, Господи, без меры (! – Вл. Г.), и не вечно помни беззаконие. Воззри же: мы народ Твой (необходимое, видимо, напоминание для существа почтенного возраста – Вл. Г..).

После этого будешь ли ещё удерживаться, Господи (нет, ну наивные же люди! – Вл. Г.), будешь ли молчать и карать нас безмерно (знают, видимо, о крутом нраве персонажа – Вл. Г.)[287]?»

[287] Книга пророка Исайи, 64:9,12

И тут же эти несчастные получили чёткий и ясный ответ:

«Я топтал точило (?! – Вл. Г.) один, и из народов никого не было со Мною; и Я топтал их во гневе Моём; кровь их брызгала на ризы Мои (значит, всё-таки не голым ходил старик – Вл. Г.), и Я запятнал всё одеяние Своё;

И попрал Я народы в гневе Моём, и сокрушил их в ярости Моей, и вылил на землю кровь их»[288]

[288] Книга пророка Исайи, 6:3,6

И всё это безобразие – в тоненькой книжице от так называемого пророка Исайи всего в 60 страничек. Но чувствую, чувствую, что не всё о *дедушке*, который нас любит, рассказал автор, ох, не всё!

Принесли отчёт мне почтой
о «бесчинствиях» громил:
рассказал свидетель всё, что
знал и чуть присочинил!

И в заключение этих страшных глав – ещё пара триллеров от библейских персонажей. Первый триллер – от пророка Амоса:

«Такое видение открыл мне Господь Бог: вот корзина со спелыми плодами.

И сказал Он: что ты видишь, Амос? Я ответил: корзину со спелыми плодами. Тогда Господь сказал мне: приспел конец народу Моему, Израилю: не буду более прощать ему (неужто за то, что плоды оказались спелыми?! – Вл. Г.)

Песни чертога в тот день обратятся в рыдание, говорит Господь Бог; много будет трупов (да кто бы сомневался! – Вл. Г.), на всяком месте будут бросать их молча»[289]

[289] Книга пророка Амоса, 8:1-3

И последний триллер – от пророка Софония:

«Всё истреблю с лица земли, говорит Господь;

Истреблю людей и скот, истреблю птиц небесных (а эти-то чем провинились?! – Вл. Г.) и рыб морских (видимо, в молчании была их вина, а, может, в шевелении плавниками? – Вл. Г.), и соблазны вместе с нечестивыми: истреблю людей с лица земли, говорит Господь (обратите внимание на типично маньяческий приём – дважды запугивать, повторяя одно и то же! – Вл. Г.)»[290]

[290] Книга пророка Софонии, 1:2-3

Так что совет вам, товарищи верующие: попадутся на глаза эти строки, хорошенько запомните их и при случае расспросите о них в церкви ближайшего попа – пусть помучается, сердешный, ища ответ о доброте *дедушкиной*…

С похмелюги, пустозвонно,
пряча в рясу партбилет,
привирает поп с амвона –
знает: *дедушки* ведь нет!

Глава 143. ЧЕМ ДУМАЕТ ЧЕЛОВЕК?

– Ну, не знаю, не знаю, царица лесная, – вдруг заартачился сторож Полтавцев. – Вот ты критикуешь всё это дело – и церковь, и религию, и даже самогó *дедушку*, а мне объяснить не можешь: как же так получилось, что мы всё время думаем об этом? Голова-то у нас есть!

Никто не понял, как соотносятся голова Серёжи, которую привычнее было бы называть тыквой, и мифический *дедушка*, но Володя, будучи не только поэтом, но и крупнейшим атеистом двух веков, тут же решил закрыть этот вопрос раз и навсегда – правда, в пределах данного романа!

Объяснять голословно он не любил, поэтому быстренько сбегал в своё Личное Место-Имение и принёс оттуда толстенькую синюю книжку с оттиснутым на обложке крестом. Он по очереди показал книжку всем присутствующим, затем пересадил Курманбаева подальше, а Афанасьича поближе, и принялся за объяснение.

– Может быть, человек думает мозгом? – задал он неожиданный вопрос.

– А чем же ещё, святой Малевич? – гулко заржал саксаульский рембрандт. – Задницей, что ли?

А Альбионыч в этот момент вспомнил одно старое марсианское правило, которое в земном варианте звучит примерно так:

Думать надо головой,
любить – сердцем,
а чуять – жопой. И, главное,
ничего не перепутать!

К его удивлению, этот смех никто не поддержал, из чего художник Муравлёв сделал вывод, что то, что он так опрометчиво предположил, в жизни всё-таки случается. А Альбионыч, укоризненно посмотрев на перебивальца, продолжил:

– Чтобы ответить на сей вопрос (про мозг, а не про задницу), для чистоты эксперимента обратимся вот к этой книжке.

Он открыл библию на страничке, где располагалась одна из многочисленных закладок, и произнёс:

– Неоднократно анализируя так называемое «святое писание», я выяснил, что слово

мозг упоминается здесь только два раза, да и то не столько в научном смысле сло́ва, а в неких контекстах, – например, «…внутренности его полны жира (!), и кости его напоены *мозгом*»[291] и «…слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и *мозгов*, и сулит помышления и намерения сердечные»[292]

[291] Книга Иова, 21:24
[292] Послание к Евреям, 4:12

Как видно из вышеприведённых отрывков, в них нет ни малейшего намёка на мыслительный процесс, следовательно, библия не считает мозг органом мышления, чем лишний раз и подтверждается вывод о том, что в мозге нет участков, ответственных за творение мысли.

Знает генералитет:
жизнь и так красива –
коли мозга в тыкве нет,
позабудешь пиво!

– Как же так, мать моя КПСС? – недоумённо воскликнул Мусаич. – А как же я, который когда пересчитывает деньги, всегда думает мозгом, правильно ли мне дали в кассе или нет?

– Что касается тебя, Курманбайчик, – улыбнулся лектор, – то правильность выдачи денег, скорее, тебе подсказывает сердце, хотя это тоже мало сочетается с научным мировоззрением. Однако, как ни странно, библия тоже содержит утверждение, что помышления и намерения находятся ни в печёнке или селезёнке, а именно в сердце, причём, подчёркивает это неоднократно. Вот только несколько примеров:

«…все мысли и помышления се́рдца их были зло»[293]
«…сердце твое знает много случаев»[294]
«…мечты се́рдца своего»[295]
«Глупость привязалась к сердцу» [296]
«…в похотях сердце их»[297]
«Уста мои изрекут премудрость и размышления се́рдца моего – знание»[298]

[293] Бытие, 6:5
[294] Книга Екклесиаста, или Проповедника. 7:22
[295] Книга пророка Иеремии, 14:14
[296] Книга притчей Соломоновых, 22:15
[297] Послание к Римлянам, 1:24
[298] Псалтирь, 48:4

Как литровая канистра
на июльской на жаре,
сердце кровь качает быстро,
чтоб не сдох я раньше вре…

– Значит, из всего вышесказанного, яйчики-бабайчики, – поднял указательный палец вверх Альбионыч, – можно сделать вывод, что человек думает сердцем? А вот для ответа на этот вопрос давайте проанализируем все тексты библии с упоминанием деятельности се́рдца, разделив их на три группы.

– А давайте, мать честна́я! – задорно поддержал его единственный в коллективе сом-

невающийся в мифическом происхождении *дедушки*.

– А что это за группы такие, святой Малевич? – внезапно заинтересовался живописец Николаич, который, как всем показалось, за минуту до этого интересовался только уровнем оставшейся жидкости в своей бутылочке «Тянь-Шаня»

Для познанья идеала
будем мыслить мы общо:
если пива в таре мало,
значит, надо взять ещё!

– А группы эти такие, – объяснил Кулемзин. – Первая из них как бы свидетельствует о том, что входит в сердце:

«…в сердце всякого мудрого вложу мудрость»[299]

«Берегись, чтобы не вошла в сердце твоё беззаконная мысль»[300]

«…вложу законы Мои в сердца́ их, и в мыслях их напишу их»[301]

«…любовь Божия излилась в сердца́»[302]

«…страх Мой вложу в сердца́ их» [303]

«Он закрыл глаза́ их, чтобы не видели, и сердца́ их, чтобы не разумели»[304]

«…дьявол уже вложил в сердце Иуде предать»[305]

«Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твоё мысль солгать»[306] и т.д.

[299] Исход, 31:6
[300] Второзаконие, 15:9
[301] Послание к Евреям, 10:16
[302] Послание к Римлянам, 5:5
[303] Книга пророка Иеремии, 32:40
[304] Исход, 44:18
[305] Евангелие от Иоанна, 13:2
[306] Деяния святых Апостолов, 5:3

– Вторая группа этой бредятины – как бы находящиеся в сердце, вот об этом как раз говорилось выше – на прошлой странице.

«Надо бы за холодным пивком кого-нибудь послать, мать моя партия», подумал большевик, «а то этот оппортунист опять про какие-то страницы начал говорить, не иначе как голову напекло!»

Ох, с утра нас жарит-парит –
всё внутри как скипидар:
коль по тыкве солнце вдарит,
пивом отведём удар!

– И, наконец, третья группа, – закончил обзор литератор с атеистическим уклоном, – это исходящее из се́рдца:

«…от се́рдца своего произнесу слова́»[307]

«…приходит сатана и похищает слово, посеянное в сердцах их» [308]

«…приходит дьявол и уносит слово из се́рдца их»[309]

«Из се́рдца человеческого исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство»[310] и т.д., и т.п.

[307] Книга Иова, 8:10
[308] Евангелие от Марка, 4:15

[309] ***Евангелие от Луки, 8:12***
[310] ***Евангелие от Марка, 7:21***

– Ни хрена́ ты ёперный цитатник Мао Цзедуна! – с восхищением проговорил саксаульский хорунжий, допивая последние капли из своей бутылочки «Маршала»

– В общем, хочу закончить тем, други мои, что приведённые цитаты, о которых так лестно отозвался наш военный музыкант, наглядно показывают, что всё происходящее и находящееся в наших сердцах поступает в них *извне* и передаётся далее в окружающую среду́…

– Не сре́ду, царица лесная, а воскресенье! – пробурчал один из слушателей антиклерикальных курсов, но его никто, кроме автора сего повествования, не услышал.

– …таким образом, можно утверждать, что сердце не о́рган мышления, но выполняет роль некоего приёмо-передающего устройства, одновременно являющегося также о́рганом чувств или эмоций. И очень жаль, что составители этой толстой книжки так бездарно упустили это важное рассуждение!

В тыкве мысль живёт витая,
ну, а в ухе – глухота,
в сердце чувства обитают,
а в желудке – вся еда!

Глава 144. НЕКОТОРЫЕ РАССУЖДЕНИЯ АВТОРА И ЕГО ГЕРОЯ КУЛЕМЗИНА, ВЫПОЛНЕННЫЕ В СТИЛЕ НОТАЦИЙ, НО НЕ ПРИВЫЧНЫХ ПОКЕРНЫХ, А АНТИКЛЕРИКАЛЬНЫХ

Володя наконец закончил очередной виток по-видимому последней в нашей книге антирелигиозной пропаганды, и посмотрел на своих слушателей. Сидели они достаточно равнодушно, так как к тому времени пиво закончилось у всех, и только глаза́ Полтавцева были увлажнены слезой.

«Неужели ему больше всех хочется своего мыльного напитка?», подумал писатель, но тут же выяснилось, что был не прав.

– Значит, всего этого нет? – с му́кой в голосе произнёс охранник.

– Нет, – твёрдо ответил марсианин и, увидев, что из серёжиных зенок готова политься река непонимания, добавил, вложив в слова убедительные чувства:

– Я прекрасно понимаю и разделяю чувства людей, которые возмущаются шарлатанами, гнущими ложки, заряжающими воду и изгоняющими бесов, продажей циркониевых браслетов, каких-то пирамидок и (прости, русский язык!) нооскопов, которые якобы отгоняют вирусов. Я сам презираю всех этих жуликов, зарабатывающих на страхе и невежестве людей – дианетиков, астрологов, предсказателей, хиромантов, экстрасенсов и прочих биоэнергетиков. Но меня всегда бесит, когда этим возмущаются люди, верящие в целительную силу краски, нанесённую на кусок доски, стоящие часами в очереди, чтобы приложиться к останкам давно умершего человека, и уверенные в том, что их регулярные мольбы к некоему невидимому существу могут быть услышаны и исполнены!

Расшибая лоб в молитвах тщетных,
на его портрет молюсь в ночи:
«Лобачевский, ты ж в авторитетах?
Надоумь меня и научи!»

И здесь автор решил прекратить филиппику своего героя, так как ему пришло некое озарение: раз этот том является последним в книге, то все мысли о религии и её тухлых

проповедниках надо просто изложить в виде неких анктиклерикальных нотаций, а, значицца, так тому и быть! Итак…

«Религия – чрезвычайно скучная вещь. Понять данную мысль очень несложно – для этого надо просто оглянуться вокруг»

«Бог – это такой или Дед Мороз для взрослых, или Джокер, враг Бэтмена, каким представил его в кино Джон (Джек) Донович Николсон»

«Небо в церковном контексте – это большая сберкасса, куда ежедневно поступают миллионы монеток глупых просьб, надежд и чаяний. Но эта сберкасса – учреждение одностороннее, так как получить не только дивиденды, но хотя *своё назад* не удаётся никогда и никому!»

Какое отношение к душе
имеет нить, пропитанная воском?
Очнитесь люди: XXI век уже –
пора содрать церковную коросту!

«**Анекдот**

Едут два армянина-инвалида по пустыне. Вдруг видят лампу, потерли её и оттуда вылез джинн. И вот джинн им и говорит:

– Я исполню одно любое ваше желание. Но так как вас двое, то желание будет работать пополам на двоих.

– Мы хотим снова ходить! – воскликнули армяне.

– Хорошо. Но так как желание надо разделить, то ходить вы будете по очереди.

И выдал им… нарды!»

«Религии не были способны преобразовать человека», сказал когда-то Фридрих Карлович Ницше, «а были способны только отравить его радости…»

Как он прав, единственный будда XIX века! Все наши радости – пища для церковного остракизма: еда, одежда, музыка, секс…»

«Как и в любом безумстве, в вере в *дедушку* нужна лишь показуха»

«Русские *батюшки* очень похожи на чиновников, пиарящих самих себя: в золотых ризах, важные, велеречивые, – подходить страшно! А поговоришь с ними – и ничего не прибавляется в умной и грешной душе православного атеиста. Да и не надо!»

Я непочтителен к кумирам,
потомок я еретика,
не раздуваю я дымка
по-над рубиновым кадилом.
Из человеческого ряда
двоих рискую перечесть:
Христа, который знал, как надо,
и Фрейда – знавшего, что есть…

«– Да эти йодистые заповеди – вообще глупые! – воскликнул прапорщик. – Вот, например, седьмая: «Не при Любе действуй!». Как будто на каждом преступном свидании за кустами какая-то Люба сидит, подглядывает потихоньку!»

«В текущий XXI век от настоящего христианства, то есть от того, в какое вкладывались *идеи*, ныне остались лишь дохлые муляжи и нарочитое побуждение себя ходить в церковь по праздникам»

«Мнение, что нравственность неотделима от религии, которое мне не раз приходилось слышать в жизни, глубоко ошибочно. Нравственным человеком можно быть и без

религии. Согласны? И если да, тогда зачем человеку религия, ведь сверять свою жизнь можно не только по закону *дедушкину*? Думаю, что для многих религия – это просто возможность спрятаться от мира, ведь стены церкви не пропускают мирских звуков.

И ещё. Мне кажется, что религиозность в большинстве случаев указывает либо на дефицит воли, либо на полное её отсутствие…»

«Любая религия – самоотречение. Но она есть и у меня: моя религия – это смех и любовь, что, согласитесь, намного привлекательнее, чем, скажем, то же христианство с его постулатом пастыря Христа и баранами, ступающими за ним. Размышляя об этом, всегда вспоминаю высказывание титана Ошо:

Смех – лучшее лекарство, чем бог»

«Каждый «истинно верующий» – шовинист, потому что не только не может принять другую, чуждую ему веру, но и активно насаживает свою»

Рассужденье для примера
(и понять его легко:
лучше всех, конечно, вера
лишь моя: она – в пивко!

«Священники так давно эксплуатировали имя *дедушки*, что для нормальных людей оно стало отвратительным, как бы покрытым грязью. Любой разумный человек избегает его, потому что оно напоминает ему о том абсурде, который века́ми происходил на нашей планете во имя *дедушки*, во имя религии. Наверное, именно поэтому на Востоке само понятие *дедушки* стало просто *дао*»

«Как-то коробит, что мы ведём современное летоисчисление от рождения одного человека, который, может быть, даже никогда и не существовал. Странный факт, но китайцы и индийцы за 2000 лет до этого сомнительного события уже играли в бадминтон!»

«Церковь дисциплинирует ум, останавливая в нём течение мысли. Жил себе, жил, и вдруг на́ тебе – с сегодняшнего дня пост, да ещё на семь недель, а, точнее, на 48 дней[311]. А у меня через неделю день рождения! Но сказано – сделано! Плюнь на свой праздник,

[311] В описываемом нами 2003 году так называемый великий пост действительно был с 10 марта по 26 апреля – прим. автора

плюнь на родню и друзей, зато этой великой голодовкой ты будешь угоден церкви и тогда наверняка попадёшь на такое эфемерное небо после смерти. А вот уже там, в раю, отожрёшься за все земные посты!»

Нам вера в *дедушку* дана
как светлый путь, но мир таков,
что у религий цель одна —
благополучие попов!

«Люди могут просить *дедушку* о чём-то только в относительном благополучии или в относительной сытости. Когда не хватает денег на кусок хлеба, поневоле приходится или идти работать, или идти воровать. А уж при приступе аппендицита в церковь вообще не ходят!»

«ПОП – Пастырь Овец Православных
ЛОХ – Лицо, Обманутое Христианством
МОРГ – Место Окончательной Регистрации Граждан»

Глава 145. НЕКОТОРЫЕ РАССУЖДЕНИЯ АВТОРА И ЕГО ГЕРОЯ КУЛЕМЗИНА, ВЫПОЛНЕННЫЕ В СТИЛЕ НОТАЦИЙ, НО НЕ ПРИВЫЧНЫХ ПОКЕРНЫХ, А АНТИКЛЕРИКАЛЬНЫХ (продолжение)

«Кстати, Восток знает три религии, в которых нет никакого *дедушки* – это джайнизм, буддизм и даосизм, и они кажутся гораздо более здравыми, чем религии, происшедшие от иудаизма – то есть сам иудаизм, христианство и ислам. Эти три восточные религии кажутся более здравыми, потому что там с самого начала *нет начальника.* И им не приходится возводить взгляд к небу, им приходится смотреть внутрь себя – единственное место, где они должны искать истину. Это и есть медитация»

«И ещё один афоризм – от главного героя Кулемзина:

В бизнесе, сексе и религии главное правило:
кто сверху, тот и главный!»

«И вообще, если подходить к этому вопросу только формально, то не священники ли распяли столь любимого вами Христа?!»

Возникли временны́е сдвиги
во вре́менном движеньи действа,
бегут гурьбой попы-расстриги
для повторенья лицедейства:
они, надев парчу и атлас,
в роскошном серебре и злате,
грустят, что мало им досталось,
что жертвы ныне не богаты,
и, переполнены печали,
с кадилом ходят вдоль собора...

♠ ♠ ♠

Они бы сто Христов распяли,
чтоб увеличить сумму сбора!

«Цитата от французского литератора и философа-материалиста XVIII века Клод-Адриана Жан-Клодовича Гельвеция:

«Если бог бесконечно добр, зачем его бояться? Если он бесконечно мудр, чего ради беспокоиться нам о своей участи? Если он всеведущ, зачем извещать его о наших нуждах и утомлять нашими просьбами? Если он вездесущ, для чего храмы? Если он господин над всем, для чего жертвы и приношения?»

«**Анекдот**

Патриарх РПЦ Кирилл показал Подлинный Гвоздь Иисуса Христа. В связи с этим хочется напомнить, что в мире известны десять голов Иоанна Крестителя, но даже дети знают, что подлинных из них только три!»

У РПЦ, как я считаю,
не всё в порядке с головой:
вот взять, к примеру, Николая –
он хоть Кровавый, но святой!

«Буддистская пагода, католический костёл, иудейская синагога, мусульманская мечеть… Можно подумать, что бывают какие-то небуддистские пагоды, некатолические костёлы, неиудейские синагоги, немусульманские мечети...»

«Церковь рассматривает жизнь как мотивированную цель – достижение рая. Я же вижу её как переливающуюся немотивированную энергию – с приоритетом не на желания, а на само бытиё. Кстати, именно это имел в виду некий Иисус, когда говорил, казалось бы, странную фразу:

«Ешьте меня, пейте меня. Пусть я стану вашей пищей и вашей кровью…»[312]

[312] ***Евангелие от Матфея 26:26-28***

Пустой наивной веры слишком мало –
мне надо знаний, чтоб к исходу лет
я твёрдо знал, что приплыву к началу,
и снова будет слово – слово Свет…

«Ну вот и дожили: цензура потихоньку возвращается. Пример? Легко. Помните такой замечательный фильм: «Тот самый Мюнхгаузен» Марка Захарова? Так вот, в этом фильме на одну фразу – как минимум! – стало меньше.

До развала СССР (б) в разговоре пастора с Мюнхгаузеном была фраза пастора:

– Я читал … вашу книжку… Что за чушь вы там насочиняли!.

Барон отвечает:

– Я читал вашу – она не лучше.

– Какую?

– Библию

В настоящее время этот диалог изъят из фильма. А ещё говорят: мол, из песни сло́ва не выкинешь. Ещё как выкинешь, особенно по церковно-политическим соображениям!»

«В своё время на полном серьёзе эрпэцэшники требовали запретить «Сказку о попе́ и работнике его Балде» сами знаете кого, или заменить попа на купца. Но, к счастью, пока здравый смысл не совсем выветрился из правящих голов российского государства, а то не ровен час…

У Сергеича ведь, кроме прочего, есть ещё и «Гаврилиада». При жизни ему за эту пародию на так называемое священное писание светили большие неприятности, вплоть до отлучения и тюрьмы́. Но – слава Разуму: спас Вяземский, отмазавший гениального другана. Однако история циклична, и то ли ещё будет в нашем сказочном государстве!»

Есть десять заповедей важных, господа, –
всегда в ладу жить с ними постарайтесь,
а если не сумеете, тогда
запомните одну: «Не попадайтесь!»

«У людей вообще сложилось детское восприятие так называемого творца, как доброго и справедливого *дедушки.* Но почитайте вашу хвалёную библию, и вы увидите, что он – всего лишь яростный и мстительный космический шпион, всегда готовый осудить, наказать и швырнуть в ад на вечные муки!

Вот почему все мировые религии основаны на страхе – они говорят, что если вы сделаете это, то вас оценят и наградят, а если не сделаете – накажут. И тогда *дедушка* действительно становится похож на всемогущего китайского мандарина, сидящего на небесном троне»

Эх, раззудись, моё плечо, –
сейчас всем станет горячо!

«Церковь – это бизнес иного, потустороннего мира. Примерно так же в Америке продают участки на Луне…»

«Давно, ещё с советских времён, церковь стала политической игрушкой. Ещё не забылись те времена, когда половина приходских батюшек имела на рясе незримые погоны, а за окладом икон прятались партбилеты. Да и с каким сознанием можно верить церкви, если даже ныне покойный патриарх, с которым обнимался нетрезвый Ельцин, клятвопреступник?

Сейчас мало кто помнит, что именно заявил Алексий II во время событий 1991 года. А дело было так: он публично изрёк, что предаст анафеме того, кто первым начнёт стрелять возле Белого дома. Слово святейшего! И что? Правительство начало стрелять первым. Где же анафема ему? Где патриаший гнев?»

Исус нарезал из журнала
печатных букв и, склеив текст,
в Москву отправил президенту:
«Володя, бог вообще-то я!»

«Богословы, а также большинство верующих-любителей, говоря о библии и насилии, любят цитировать строку из Нового завета: «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую (левую – Вл. Г.»[313]. Но никто почему-то не хочет вспомнить Ветхий завет, где сказано просто и доходчиво: «Кто сделает повреждение на теле ближнего своего, тому дóлжно сделать то же, что он сделал: перелом за перелом, око за око, зуб за зуб…»[314]!

[313] Евангелие от Матфея, 5:39
[314] Левит, 24:19-20

Глава 146. НЕКОТОРЫЕ РАССУЖДЕНИЯ АВТОРА И ЕГО ГЕРОЯ КУЛЕМЗИНА, ВЫПОЛНЕННЫЕ В СТИЛЕ НОТАЦИЙ, НО НЕ ПРИВЫЧНЫХ ПОКЕРНЫХ, А АНТИКЛЕРИКАЛЬНЫХ (ещё одно продолжение)

«Все заклинания и молитвы работают исключительно у тех, кто живёт лицензионную версию жизни»

«Как религия влияет на генофонд? Пример: в Европе страшные женщины потому, что инквизиция сожгла всех красивых!»

«И ещё один афоризм от человека, по мнению автора, далеко не глупого:

Религиозный экстаз людей недалёких всегда
вызывает у меня чувство расового превосходства.
В. Кулемзин»

«И Христос, и Магомет допустили один серьёзный просчёт: они пообещали райскую жизнь после смерти. Не сегодня, не в крайнем случае завтра, а когда-то потом. Какова перспективка?!»

Уготовлена участь известная
тем, кто *дедушке* не угоден –
гильотина нас ждёт небесная,
на космическом эшафоте.
И когда вселенной нашей косточка
лопнет вдруг, выронив ядрышко,
дедушка всех нас до самой крошечки
соберёт в своё мелкое вёдрышко!

«По всем церковным канонам группа «*Отпетые* мошенники» считается мёртвой»

«Пóмните выражение: на хрена попу гармонь? Вот сижу я и думаю точно так же: на хрена вашему *дедушке* свечка, на хрена ему крестик? Или, например, вставание на колени, чтобы рукой перекреститься? Или молитвы? Это же всё люди сами для себя ритуалы придумали, в одних религиях – одни, в других – другие. И у всех почему-то разные, хотя *дедушка* один.

Согласитесь, что всё это не для него придумано, а для себя. Ведь никто не знает о вкусах *дедушки*. Может, ему это всё вовсе и не нравится. А куда денешься? Пока терпит...

И вообще. религиозная *ритуализация* во многом напоминает гей-парады. Надо, видите ли, так верить, чтобы об этом знали и видели все – с крестным ходом, со звоном колоколов, с ношением специальных атрибутов, с произведением определённых действий, с произношением определённых слов. Какая же здесь духовность, внутренняя работа с душой? Одна показуха!

Я волнуюсь, чуть дыша,
за неясное житьё:
покрестился – есть душа,
не крестился – нет её!

Во что и как верить – уже предопределено в одной-единственной книжке, а как веру выражать – церковники научат. Настоящее моление – только публичное, в церкви. Раньше, если кто в церковь не ходил, крестик не носил, вообще за человека нехорошего считался (помните: «Креста на тебе нет!»? – Вл. Г.). Такая вот «духовность», «разговор с *дедушкой*», всё через церковь, через предписанные ею ритуалы, а иначе – не в счёт!»

«Люди живут не разумом, а эмоциями и чувствами, причём, в основном – примитивными, а то и просто низменными. Вот он где, истинный, первородный грех – наше животное начало. Религии – это во многом ещё и попытки подмены этой истины на сказку, мечту, иллюзию о некой возвышенности, богоизбранности человека.

А человечек слаб, он падок на подобные сказки: они ведь не требуют от него никаких духовных усилий, никакой борьбы, а наоборот, лишь смирения, что, конечно же, для неумеющего думать легче. Об этом, помнится, ещё покойный философ Николай Бердяев говорил: «Человек раб потому, что свобода трудна, рабство же легко»

У попов одна забота:
чтобы был с тобой облом!
«Ох, и трудная свобода!
Лучше буду я рабом…»

«– Вообще-то хорошо, яйчики-бабайчики, что Иисуса распяли, – неожиданно заявил Володя.

Прапорщик тут же поперхнулся пивком, а Серёжа и вовсе выронил бутылочку, и хорошо, что она к тому времени уже кончилась.

– Почему это, ёперный схоласт? – сдавленно поинтересовался военный.

– Вот смотри: если бы его, например, повесили, – объяснил знатный саксаульский атеист со стажем, – так сейчас бы всё население РИО[315] разгуливало по своим республикам с золотыми виселицами на шеях, а если бы пристрелили, то с маленькими пистолетиками на цепочке!

[315] Напомним читателям, что эта аббревиатура расшифровывалась нашим героем как Россия И Остальные, хотя газеты советских республик (б) знают это образование как СНГ – прим. гл. редактора

– А если бы четвертовали, мать моя партия?! – предположил педагог Курманбаев»

Среди разных орудий казни
нестареющий интерес
вызывает благообразный
одноместный красавец-крест.
Но в связи с перенаселеньем,
экономией древесин,
в мире стало не до веселий –
грешных много, а он один.
Веселиться так веселиться!
Технологии суть проста:
из креста можно сделать две виселицы!
Только где взять ещё Христа?

В спорах с критиками религии самый первый довод защитников такой: критика религиозных противоречий – это, видите ли, агрессивная форма атеизма. То есть, церковники в споре с вами сразу же берут себе большу́ю фору: что вы, мол, не истину ищете и пытаетесь в чём-то разобраться, а всего лишь агрессивную атеистическую сущность проявляете. Впрочем, эти ребята и в риторике сильно преуспели. Например, они с лёгкостью выдвигают другой, якобы полностью обезоруживающий вас довод: «Библия есть не истина, а лишь указание на неё». Вот теперь и попробуйте поспорить!

Или так. Есть научный факт, есть исторический, а ещё, оказывается, есть *факт веры*. Вот я верю, и всё! А против веры какие могут быть доводы? И так понятно, что вера в доказательствах не нуждается, ведь если ей нужны доказательства – это уже не вера! Нет, ну умные же люди…»

Не слушай, что тебе трубят, –
край жизни неизбежен:
Христом будь только для себя,
и верь всегда себе же!

«Вопрос вопросов для любителей Ветхого завета:
Если *дедушка* создал Солнце на 4-й *день*, как он считал первые три дня?»

«Единственная проблема атеизма в том, что в мире есть тысячи людей, которые должны гореть в аду, а ада нет!»

Сказка о *дедушке* и бесе

– Я надеялся, что смогу лучше, – сказал *дедушка* после того, как создал мужчину.

Но второй попытки у него не было: в мужчину тут же вселился бес – прямо в ребро! Правда, *дедушка* оказался молодцом – он среагировал молниеносно и успел вырвать ребро, пока бесовщина не распространилась по всему телу.

А вот то, что получилось из этого ребра, мы все хорошо знаем! Поэтому неправильно говорить: «В неё как будто бес вселился». Он в ней до сих пор живёт!

Адам незабвенный богу
поставил вопрос ребром:
мол, жить одному убого,
не лучше ли жить вдвоём?
И бог, улыбнувшись хи́тро,
задумался перед ним:

«Ступай, Адамушка, с миром, –
утром поговорим…»

Глава 147. НЕКОТОРЫЕ РАССУЖДЕНИЯ АВТОРА И ЕГО ГЕРОЯ КУЛЕМЗИНА, ВЫПОЛНЕННЫЕ В СТИЛЕ НОТАЦИЙ, НО НЕ ПРИВЫЧНЫХ ПОКЕРНЫХ, А АНТИКЛЕРИКАЛЬНЫХ (и ещё одно продолжение)

«Недавно пересмотрел фильм «Эван всемогущий», снятый американским режиссёром Томом Абрахамовичем Шедьяком.. Так вот там *дедушка* поручает одному конгрессмену построить ковчег и собрать в него зверей по паре каждого вида. Типа, ты говорил избирателям, что хочешь изменить мир – тебе и карты в руки, в смысле столярный инструмент. Одним словом, повторяется история Ноя Ламеховича, потомка Сифа.

А у меня, как уже успел заметить читатель, такой несносный характер, что я постоянно начинаю цепляться к деталям. И вот в этом фильме зацепила меня такая штука: у Ноя, как известно, было три сына – он построил с ними ковчег и поднялся на него с семьёй.

Теперь вопрос на засыпку: с кем потом его сыновья плодились и размножались? Получается, что до потопа люди были значительно красивее, ведь ребятам в жёны никого, кроме самок обезьян, найтись не могло!»

В степи, покрытой пылью бренной,
сидел и плакал человек,
а мимо шел *творец* Вселенной –
остановившись, он изрек:
«Я друг униженных и бедных,
я всех убогих берегу,
я знаю много слов заветных.
Я есмь твой бог. Я всё могу.
Меня печалит вид твой грустный,
какой бедою ты тесним?»

♠ ♠ ♠

И человек сказал: «Я – русский»
И *дедушка* заплакал с ним…

**Невежество – лучшая в мире наука:
она даётся без труда и не печалит душу.**

Это не просто о невежестве. Это о религии. И сказал это не я (хотя и подписываюсь под каждым словом), а великий Джордано Джованниевич Бруно, сожжённый церковью как раз за эти слова́…»

«Кто скажет мне. откуда люди, пришедшие, скажем, в христианскую церковь, знают, что Христос – это бог? Или вообще то, что бог – это именно бог? Почему они так решили? В книжке прочитали? У родителей спросили? Попу поверили?

Мне могут возразить, что *все и так знают*, что Христос – бог. То есть ты христианин, возражу я, потому что веришь в Иисуса, а в Иисуса веришь уже автоматически, потому что христианин…»

«**Анекдот.**

Смывал на *крещение* грехи в проруби. Грех прелюбодеяния съёжился и почти исчез ещё до того, как я вступил в воду!»

Бывают, брат, такие в жизни дни,
что ты, не верящий ни в *дедушку*, ни в чёрта,

хрипишь раскаянно: «Спаси и сохрани!»
Всё...
(дальше стёрто)

«Рассказ о том, как однажды Кулемзин молился

– Каюсь, каюсь, и я однажды молился, – серьёзно поведал Володя. – Но меня извиняют сразу две вещи: во-первых, яйчики-бабайчики, это был только единственный раз, а, во-вторых, было это так давно – во времена советские, – что я с трудом припомнил этот случай. Помню, работал я тогда на Отцеябловском городском радио, и однажды проснулся со страшного похмелья. И вот именно тогда мне показалось, что *дедушка* наконец-то удумал отобрать мою бесценную жизнёшку! Преодолев внутреннее сопротивление, я обратился к нему напрямую, подняв хмельную головушку к безоблачному небу – не сообразил как-то, что раз собеседник мой вездесущий, то можно было говорить с ним, даже глядя в унитаз.

Показали в «Кинопанораме»,
как придуркам нравится влетать:
за червонец дед молился в храме,
правда, дома мог без денег бормотать…

– Дорогой, глубокоуважаемый *дедушка*, – сказал я тогда, – моя жизнь для тебя, конечно, пустяк, а вот для меня она очень-очень важна. Это сейчас я алкаш, но через много лет обязуюсь завязать с алкоголем и даже написать не меньше чем семь томов здоровенного романа о нашей жизни!

А ежели ты, *дедушка,* существо, как известно из библии, крайне мстительное и даже несколько кровожадное, ежели тебе, *дедушка*, так и не удалось за долгую жизнь изгнать из себя эти *родовые* ближневосточные черты, и если тебе непременно нужна сегодня чья-то жизнь, то, пожалуйста, забирай абсолютно никчёмную жизнь пьяницы Юры Аначко из соседней редакции!

А ежели и это ты сочтёшь недостаточной платой за мою – чего прибедняться! – достаточно ценную жизнь, и ежели тебя, *дедушка*, по-прежнему гложет чисто арабская кровожадность и сугубо семитская мстительность, то, пожалуйста, забирай себе всю редакцию городского радио, включая звукооператоров и сторожа, а также весь погрязший в пропагандистской ереси город Отцеябловск!

– А потом, мать честнáя? – проникшись серьёзностью рассказа, спросил Серёжа.

– А потом, к концу этой нескладной молитвы, появился мой старый друг Гена Власов – со свежим пивком, и общение с так называемым *творцом* пришлось отложить до лучших времён. Но, как известно, лучшие времена так и не наступили, и теперь я изредка общаюсь с *дедушкой* – но исключительно по ночам, во сне…»

Монолог *дедушки*

Что ж вам, милые, неймётся? –
отовсюду шум да вой!
Сделал небо, сделал солнце,
крышу дал над головой,
создал воду, атмосферу,
плодородный чернозём,
обратить пытался в веру –
всё равно во тьму ползём!
Намекал войной, торнадо,

напускал на землю дрожь,
дескать, хватит вам, не надо,
побесились – и хорош!
Столько лет я вами правил,
а итог? Бардак везде!

♠ ♠ ♠

Закрывай программу, Павел,
мы летим к другой звезде…

«Заметили, что ритуальность в религии вполне естественно становится основной её частью? Всё стремится к минимизации, в том числе и в приложении душевных усилий. Надел крестик, в церковь сходил, назвал себя верующим, а то и на храм пожертвовал – и ты теперь тоже с *дедушкой*.

Не приживётся Новая Вера именно по этой причине – не будет никаких литургических предметов, ни ритуальных обрядов, через что в религиях вроде как общение с *дедушкой* происходит. Да и *дедушки*-то, как такового, в той вере нет. И вообще, – люди легче и в большем количестве пойдут за сказкой, за идиотским вымыслом, чем за идеей, которая лично каждому из них заведомо ничего не обещает. Так, какое-то самоутешение, что и ты, прожив свой краткий век, что-то для человеческой цивилизации сделал, и этим вроде как себя обессмертил. А в религии конкретно – будешь веровать, так и будет тебе бессмертие. И понимаешь, что обман, а всё равно – лучше уж так... Как же прав был Сергеич, когда воскликнул: «Ах, обмануть меня не трудно! Я сам обманываться рад!»

«Любая религиозная конфессия – это политика, а политика и вера несовместимы»

Волк в старости

Состарившись изрядно, Волк,
хотя б и знал в охоте толк,
но без зубов и без когтей
стал не опасен для зверей.
Он на клубнику перешёл –
и утешенье в том нашёл.
Вздохнуло легче всё зверьё,
и восхищение своё
спешат на Волка все излить,
его во всем превозносить.
И вот уж Волк, на радость им,
стал разве только не святым.
Теперь сверх всех разумных мер
Волк – добродетели пример.
Уже дары ему несут
и всех ведут к нему на суд,
а он вещает приговор:
«Кто не со мной, тот враг и вор!»
Но мне подумалось: «Поди-ка
стань Волк опять силён, зубаст,
так, полагаю, не клубника
окрасит красным волчью пасть!"

♠ ♠ ♠

Не раз мне слышать доводилось,

что церковь – эталон добра.
Сегодня – так. Скажи на милость,
какой она была вчера?

Глава 148. НЕКОТОРЫЕ РАССУЖДЕНИЯ АВТОРА И ЕГО ГЕРОЯ КУЛЕМЗИНА, ВЫПОЛНЕННЫЕ В СТИЛЕ НОТАЦИЙ, НО НЕ ПРИВЫЧНЫХ ПОКЕРНЫХ, А АНТИКЛЕРИКАЛЬНЫХ (окончание)

«Есть в библии такая Книга пророка Аггея, которая занимает всего одну страничку! И это есть книга… Но как же эта, несомненно, полезная для христиан книга выглядит нелепо по сравнению, скажем, с романом «Русская кочерга»!»

«Послание христианства в своей сущности – это призыв быть универсальным, призыв стать космически сознательным. Но именно в этом и кроется основная ошибка: надо призывать поместить *дедушку* в самый центр нашей сущности не с помощью слепой веры, а с помощью *озаряющего осознания*, не посредством жёсткой приверженности нелепым ритуалам и непонятным догмам, а с помощью *воплощения в себе* космических принципов. Каких? Если человек поймёт это сам, без помощи учреждения с куполами, он станет счастлив *безусловно* – именно от осознания того, что сейчас сделал со своей так называемой душой…»

В одинокую дудочку дуя,
слаб душою, пожрать я не прочь,
ни от *дедушки* чуда не жду я,
ни ему я в ни в силах помочь…

«Кулемзин в своё время немало покатался по свету и, будучи человеком любопытным до жизни, посещал множество храмов. Видел он и конструктивистские католические шпили, и протестантские *ракеты*, но лишь в православных церквах наблюдал только самоварное золото, купеческие завитушки да безделушки, безвкусицу и пышность, присущие советским оперным театрам»

«Религиозные люди обычно ищут и жаждут какого-либо подтверждения наличию *дедушки*, какого-либо и в чём-либо его проявления. Вера-то верой, но хотелось бы, видите ли, понадёжней удостовериться. Помните, когда умер один литературный старец Зосима, и от него, как и от любого усопшего, стал исходить «тлетворный дух», и миряне, и в монастыре стали говорить: «Знать, суд-то Божий не то, что человеческий»[316]. Почитали при жизни чуть не за святого, а тут вот что...»

[316] Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы», книга VII, глава I – прим. лит. редактора

«Чем дольше жил на свете наш герой Альбионыч, тем яснее приходил он к выводу, что все библейские заповеди – полная чушь. И убить можно праведно, например, напавшего врага на войне, и прелюбодействие, если разобраться, не такой уж большой грех, да и ложь во спасение бывает просто необходима. Но вот единственным *смертным* грехом он считал отказ от детей своих и родителей своих»

Свой выбор каждый
должен понимать:
Европе – *папу*,
а России – *твою мать*!

«Христос тяжко оскорбил всё человечество, назвав людей овцами. Хотя и был прав! Володю с этим фактом примиряло лишь то, что этими домашними животными были на-

званы не все, а только так называемые верующие, так что он сразу же открестился от почётных церковных *погонял* овец и баранов!»

«Сделка с *иблисом*, как кредит: сперва получаешь, потом отдаёшь. Сделка с *дедушкой*, как пенсия: всю жизнь отдаёшь, потом, возможно, получишь, но это не точно…»

«Единственный грех, который может вменить мне *дедушка*, это приверженность тотальной свободе. И от него в том числе…»

«Давайте порассуждаем. Церковь нам рассказывает, что вино – это кровь Христа. Вывод: значит, Иисус – это виноград. Соответственно, изюм – это мёртвый Иисус. Так вот почему в пасхальные куличи добавляют изюм!»

Ангел к нам сошёл с небес,
ну, а в пасху кот залез:
жрёт кулич – такой проказник!
Ну, а что здесь делать? Праздник!

«*Дедушка*, как известно из одной занятной книжки, создал целую Вселенную из ничего, но вот для создания Евы ему всё-таки пришлось занять ребро у Адама!»

«А сейчас я скажу вам то, что вы не прочтёте ни в одной библии. Чтобы возлюбить ближнего своего, обычно требуется бутылка водки. А для того, чтобы дальнего – не меньше литра!»

Я уверен, бог простит меня –
он не вправе поступать жестоко:
это всё записано, друзья,
в должностной инструкции у бога…

«И ещё одна цитата от единственного будды XX века – Ошо:

**Люди, которые не любят, когда
смеются над их религией, должны
исповедовать менее смешную религию**»

«**Анекдот.** В обычный магазин заходит покупатель. Встал посередине, разглядывает прилавки.

Продавец:

– Может, вам что-то подсказать? К нам только что привезли свежие пирожки, вкусные, с мясом!

– С мясом? Да вы что, сейчас же пост! Дайте лучше... бутылку водки и пару пива»

«К сожалению, в обществе до сих пор нет сколь либо широкого неприятия лжи, в том числе и религиозной, а есть ни на каких исторических фактах не обоснованная надежда на то, что религия способна улучшить это общество. Или боязнь: а как же без *дедушки*-то (уточним, что под *дедушкой* понимается не какая-то Высшая Идея, Высший Смысл, а то, что нам когда-то насочиняли библейские сказочники). То есть, у многих это не вера в бога, а *вера в веру в него*!

«**Байка от автора.** Когда Моисей разбил скрижали из цельного самоцвета, народ тут же бросился собирать осколки. Собранное и стало основой будущего благополучия их семей. Сегодняшние богачи – это потомки тех, кто ухватил здоровенные куски, на которых было написано «укради», «возжелай», «прелюбодействуй». А бедняки – потомки тех, кому достались мелкие осколки, на которых были одни «не», «не», «не»…»

«И последний в нашей многотомной и многотонной книге (к великому сожалению автора) стишок на эту тему:

Религий истина проста,
невинна, незамысловата:
евангелие от Христа
плюс толкованье от Пилата….

Глава 149. КАК АФАНАСЬИЧ НАКОНЕЦ-ТО ОБРЁЛ ВЕРУ В АТЕИЗМ

Когда суровая лекция была окончена, все некоторое время сидели молча, затем Полтавцев приподнял свою пустую бутылочку из-под «Жигулёвского», с тоской посмотрел, не осталась ли в ней хотя бы капля, не нашёл её, а затем поднялся с насиженного места, приблизился к Кулемзину и, волнуясь, произнёс:

– Так, значит… того самого… царица лесная… нет его, что ли?

– Пивка? – задумчиво ответил Володя, глядя на пустую тару интересующегося. – Не знаю, но думаю, что если кто-нибудь сходит за ним, то мы узнаем об этом наверняка.

– Да нет… я про этого… пресловутого…

– А-а-а, про *дедушку*, что ли? – пришло понимание к литератору, после чего он придал своему голосу необходимую для данного случая твёрдость:

– Нет, Серёжа. Точно нет.

Атеизма дам вам базу
я о том, кто триедин[317]:
нет того, кого ни разу
не увидел ни один!

[317] Так называемая троица – христианский догмат, учение о триипостасности единого по существу дедушки – прим. автора

– Точно? – ещё раз усомнился поколебленный верой, после чего произнёс фразу из лексикона литературного деда Щукаря[318], хотя с детства не прочёл ни одной книжки после «Филиппка» Толстого, которого одолел за период с первого по шестой классы.

[318] Казак из станицы Гремячий Лог, персонаж романа Михаила Шолохова «Поднятая целина» (1932) – прим. лит. редактора

– Ладно, давай так, – предложил Альбионыч. – Ты сейчас зайдёшь за магазинчик Калимы и сотворишь некую молитву – о том, чтобы прямо сейчас тебе в руки упала хотя бы одна бутылочка твоего любимого пивка. Только молись искренне и сердечно!

– Хорошо, – согласился Афанасьич и отправился в поход за долгожданной истиной.

Дождавшись, когда сторож скроется за ржавым контейнером, уже пару лет притворявшийся лабазом, писатель тут же сорвался с места, выкрикнув на ходу: «Остаёшься за старшего, яйчики-бабайчики!», и поспешил к месту очередного контрольного *закупа*, а оставшиеся тут же начали спорить о том, кого именно скороход оставил главным смотрящим за порядком, причём, громче всех кричал коммунист Курманбаев, напирая на то, что он одно время уже работал руководителем, то есть третьим секретарём райкома комсомола, а, значит, у него есть накопленный с тех пор ценный опыт руководящей работы.

С давних пор болит простата,
словно в железé – компост:

был начальником когда-то,
но пропил серьёзный пост!

Впрочем, покерный гуру вернулся буквально через пару минут, убедился в том, что охранник ещё не проявился, и задвинул хурджин с добытым содержимым под столик. А минут через десять к коллективу присоединился и сам Серёжа – явно расстроенный.

– Ну, как? – осведомился у него посылалец.

– Да никак, – раздражённо ответил ходилец. – Я уж его и так просил, и эдак, и про богоматерь упомянул, и вообще про всех святых, кого вспомнил, а он никак! Кстати, мать честнáя, а ты зачем меня туда посылал?

– А затем, чтобы ты, вернувшись, поучаствовал во второй части нашего эксперимента. Алле-оп!

, после чего извлёк из-под столика серёжин вещмешок, достал из него ледяную бутылочку «Жигулёвского» и протянул её сомневающемуся. В ответ Полтавцев протянул руку, но пальцы ухватили только пустоту.

Как щас врежу по затылку,
как начну тебя рубать:
не хватай мою бутылку –
помни про статью 105 [319]!

[319] Уголовный Кодекс Российской Федерации, статья 105 (убийство) – прим. юр. редактора

– Э, нет, дружок, – по-собачьи обозвал бывшего текстильщика Володя. – Так не пойдёт. Вот сейчас, когда ты видишь, кто на сáмом деле в течение короткого времени способен доставить тебе счастье, ты должен признать, кто из нас главнее – пресловутый, как ты выразился, *дедушка*, или я.

Сторож осторожно схватил заветную бутылочку одной рукой, а второй на всякий случай потрогал марсианина за рукав рубашки, словно желая убедиться, что всё это ему не снится, после чего восторженно прокричал:

– Ты, ты главнее!

– А зато я старший! – пробормотал самоназначенец Нуртай, но его никто не слушал, не желая разрушать торжественность момента.

Вот так, к концу седьмой книжки нашего великого повествования с остатков мозгов семижопинца спала последняя религиозная пелена, в результате чего он почувствовал огромное облегчение и прохладу во всём организме. А, впрочем, может быть, это произошло из-за гигантского пивного глоткá, который с шумом влился в разверстую пасть нового атеиста…

Я сначала сам проверил –
в зодиаках всех планет,
и товарища уверил:
никакого бога нет!

Глава 150. НЕОЖИДАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Остальные бермудцы завистливо посмотрели на счастливчика, так дёшево продавшего душу этому иблису Кулемзину, после чего он (иблис, а не счастливчик) начал раздачу пивка. И тут случилось то, что ранее, в прошлых томах нашего романа, не случалось ещё ни разу, да и не могло случиться, как теперь выражаются все, по определению!

А что же именно? Да то, что сразу двое учпучмакцев, как будто сговорившись заранее, выставили вперёд ладони правых рук, словно убеждая остальных, что они не левши. Оказалось, что и Муравлёв, и Митрохин отказались от предложенного пивка!

– Мать честная, вы что, с ума съехали? – поражённо воскликнул один из пивных любителей.

– Яйчики-бабайчики, вот это поворот сюжета! – поражённо воскликнул второй знатный пивофил.

– Ни хрена себе, йодистые диссиденты! – поражённо воскликнул третий единомышленник Альбионыча по части любимого напитка.

– Мне, мне лишние бутылочки давайте, мать моя партия! – радостно воскликнул четвёртый пивной халявщик.

И здесь те, кого только что назвали пивными диссидентами, как по команде посмотрели наверх – на ветки карагача, откуда донёсся неясный шум. И тут же заорали оба, начиная тереть глаза, в которые напáдала чешуя с русалкиного хвоста. Да и разве она (русалка, а не чешуя) была виновата, когда внизу происходило такое!

Затем обитатели покерного столика услышали резкое карканье, которое, используя свой ПАЖ, смог правильно перевести на человеческий язык только Володя. А незнакомая аббревиатура, которая только что появилась в предыдущей строчке, означала всего-навсего

Переводчик
Анонимных
Животных

Анонимным животным оказался уже знакомый моему читателю старый вóрон, который высказался о происшествии весьма радикально:

– Что один пр-р-ридур-р-рок, что др-р-ругой – оба кр-р-ретины и лузер-р-ры!

Почему они едины,
почему должны тупить?
Разве это не кретины,
кто не хочет пива пить?

Наконец покерный гуру пришёл в себя и кротко осведомился:

– А что, собственно, произошло?

– А ты как будто не знаешь! – опять как по команде хором ответили художник и антенщик. – Сам же нас подбивал, чтобы мы начали учить правила вашей дурацкой игры!

– Так вы из-за этого? – удивился писатель, которого что калачом манú, что стодолларовой купюрой, никогда бы в жизни не отказался от бутылочки «Тянь-Шаня»

– Из-за этого, – вновь хором доложились старые друзья, а Николаич в ажитации даже выдернул из-под володиного локтя *раскладку* и, перевернув её, сделал вид, что собирается записывать все на этот момент установленные правила *русской кочерги*.

Игра любая – лженаучна,
как у рубашек холстяных:
играть по правилам так скучно,
что мы играем без оных!

– Ну и ну! – ещё раз поразился не только литератор, но и автор нашего повествования, который уже давно смирился с тем, что его герои вытворяют всё, что хотят, а не то,

что он давно вбил в ОБРОК, или

Общую
Базу
Романа,
Определяемую
Кулемзиным

– Нет, ну если вы так хотите, яйчики-бабайчики, то, конечно, пожалуйста, – смятённо произнёс Альбионыч и начал лихорадочно припоминать все правила, которые сам же и втюхивал в тыквы покерного коллектива. – Только я попрошу Серёжу, Талгата и Нуртая, чтобы они дополняли меня, если я нечаянно чего-нибудь забуду. Надеюсь, все с этим согласны?

– Согласны! – хором откликнулись Афанасьич, Салихдзяныч и Мусаич, а первый из из названных, то есть бывший хлопчатобумажник и бывший семижопинец Полтавцев даже уточнил:

– Кстати, царица лесная, давно пора́ это сделать, тем более, что сия инструкция будет опубликована на странице 362.

– А это что, какая-то особенная ёперная цифра? – поинтересовался обер-корнет музыкальных войск Республики Саксаулия.

Видя, что его не желают понимать в коллективе, охранник притворно вздохнул, поднял какую-то веточку и старательно, как это делают большие художники, нарисовал в пыли под ногами три цифры, зачем-то разделив их неким знаком препинания:

3.62

– Надеюсь, так понятнее? – иронично поинтересовался он, и по заблестевшим глазам главных персонажей романа понял, что все поняли его прекрасно.

А автору только осталось надеяться, что данную цифру поймут и примут все те, кто сейчас с трудом удерживает в руках этот толстый том «Русской кочерги»

Сколько я платил за водку,
буду помнить много лет,
ведь моя сухая глотка
никогда не скажет *нет*!

А покерный гуру в это время не знал, радоваться ему или печалиться: радоваться тому, что появилась возможность расширить границы любимой игры до 6 человек, или печалиться от того, что на двух сумасшедших в Великом ▲ станет больше, после чего и озвучил сводные правила *русской кочерги*…

Глава 151. ДОЛГОЖДАННЫЕ ПРАВИЛА ИГРЫ

1. Общие положения

1.1. Для производства игры в Russian Poker, или *русскую кочергу*, необходимы: колода карт в 55 листов, место для игры, авторучка, сами игроки и *раскладка* → [320].

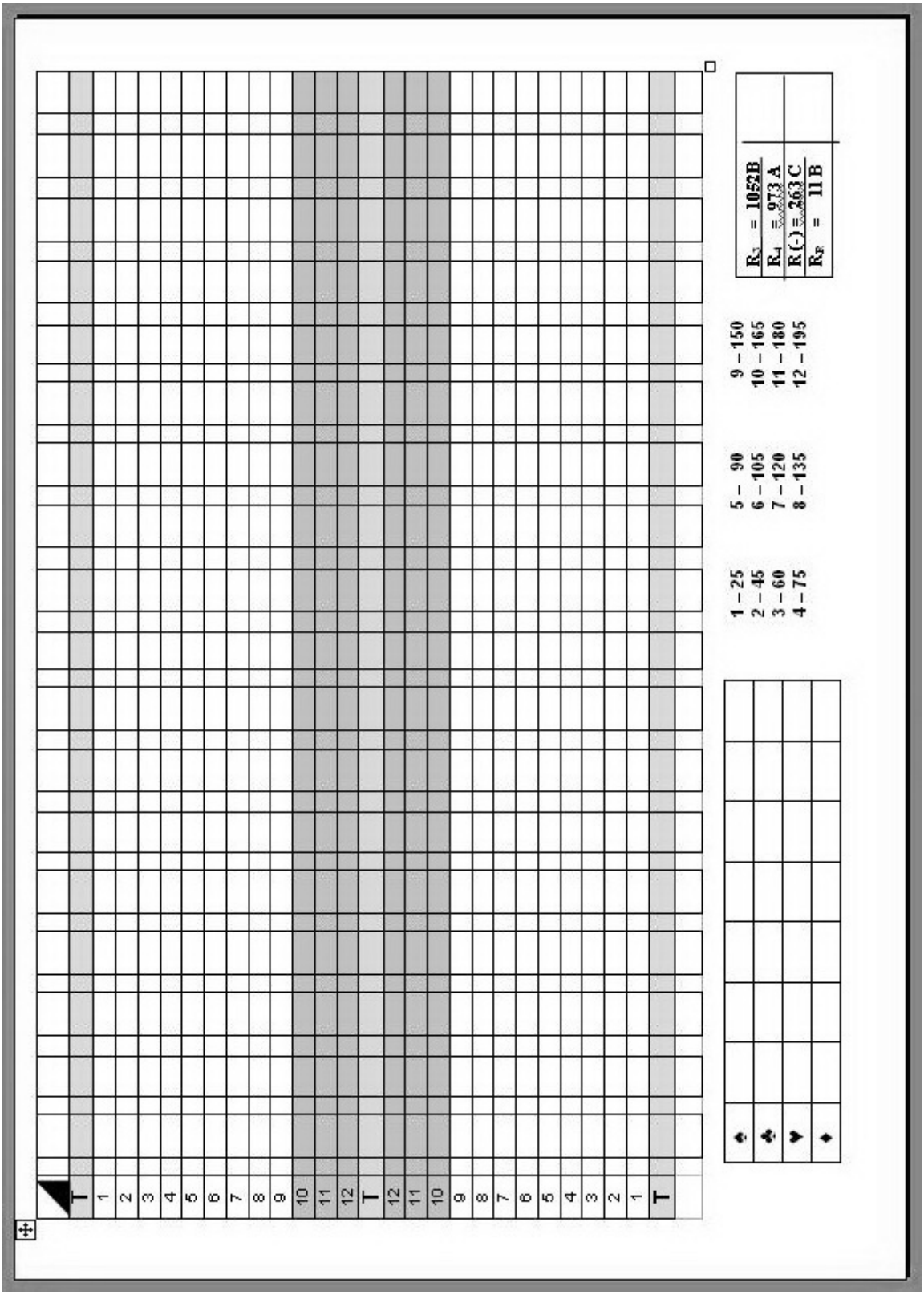
1.2. Колода карт – из четырёх мастей, каждая из которых состоит из карт достоинством от двойки до туза (всего 13 карт), общее количество карт 52 + 3 *гранда* без обозначения мастей: 2 младших джокера и 1 старший джокер.

[320] В первом томе романа читатели уже знакомились с классической раскладкой, но как же это было давно! – прим. автора

1.3. В состав колоды входит главная карта в игре – семёрка пикей, или покер.

1.4. Один игровой момент *русской кочерги* называется роббер.

1.5. В одной партии всего 27 робберов – от сдач по 1 до 12 карт, а затем от 12 до 1 карты + 3 *тёмных* – первая в 1 карту, вторая и третья – по 12 карт (см. *раскладку* на следующей странице) →



1.6. Игра разыгрывается при наличии от 3 до 6 игроков.

2. Неигровые правила

2.1. Цель игры: разыграть каждый роббер, делая заявки перед игровым моментом, исходя из того, какие карты пришли к игроку. Все заявки перед игровым моментом записываются в *раскладку*.

2.2. В игре присутствуют как плюсовые, так и минусовые значения итогов робберов. Все плюсовые (минусовые) значения смотри **выше справа**: например, при выигрыше одной взятки игроку добавляется 25 очков, трёх взяток – 60 и т.п.

2.3. В середине прилагаемой *раскладки* 3 роббера до *средней тёмной* и 3 после неё отмечаются серым цветом. Это сделано для удобства записи, если количество игроков в игре составляет 6: при этом робберы до и после *средней тёмной* играются на 9 картах, общее количество карт при этом составляет 54 + 1 карта, открытая как козырь.

2.4. После сдачи каждого роббера обязательно открывается козырь. Козырем может быть любая карта колоды – как одна из четырёх мастей, так и одна из 5 *грандов*, в число которых входят, кроме 1 старшего джокера и 2 младших джокеров, покер (7♠) и козырной туз, или *плавающий гранд*.

2.5. Масть в текущем роббере определяется предлагаемым козырем, кроме тех момен-тов, когда вместо козыря выкладывается любой из джокеров или покер. Этот игровой мо-мент называется *бескозырка*, игроки при этом разыгрывают заказанные взятки, исходя из мастей своих карт.

В картах главное не масть,
а какая-то там *мать*!

2.6. Начало первого роббера в игре определяется раскладом перед каждым игроком одной карты из колоды, исходя из самого старшего значения карты, включая *грандов*. Так, если у одного игрока 10♥, у второго дама♠, у третьего туз♦, а у четвёртого младший джокер, то первую заявку и, соответственно, первый ход в игре делает четвёртый игрок.

2.7. Игроки делают заявки и ходы по часовой стрéлке.

2.8. Каждый роббер, независимо от количества карт, считается разыгранным, когда все игроки один за одним выложили свои карты в соответствии с п. 3.1. данных правил.

2.9. После розыгрыша каждого роббера в *раскладке* отмечаются его итоги – согласно п. 2.2.

2.10. При розыгрыше *тёмных* робберов, когда карты нельзя смотреть до начала игры, числовые значения как выигранных, так и проигранных взяток удваиваются: если, например, игрок заказал 4 взятки на *тёмной* и выиграл их, ему добавляется не 75 очков, а 150, а если недобрал одну взятку, то списывается не 25 очков, а 50.

Цель игры – играть надёжно:
в старину рекли «на ѣ[321]»
Наши правила несложны –
просто надо выполнять!

[321] Читается ять – 32-я буква церковнославянской кириллицы, в составе алфавита русского языка в России оставалась в употреблении вплоть до реформы русской орфографии 1918 года. Играть на ять – выражение русских картёжников XIX века, означающее играть только на выигрыш – прим. лит. и ист. редакторов

3. Игровые правила

3.1. Порядок выкладывания карт практически такой же, как в русской народной игре *в дурака*, то есть второй и последующие игроки **обязаны** выложить ту же масть, коей за-

шёл первый игрок. В этом случае выигрывает игрок, у которого значение карты оказалось больше.

3.2. Исключением из правила 3.1. является наличие у второго или последующих игроков одного из *грандов*, кроме *плавающего* (козырного туза). Наличие таких карт предполагает бой ими вне зависимости от зашедшей масти.

3.3. В игре может создаться создаться игровой момент, исходящий из правила 3.2., когда несколько игроков ходят имеющимися у них *грандами*. В этом случае выигрывает самая старшая, то есть старший джокер бьёт младшего джокера, а покер бьёт всех.

3.4. Если одному из игроков в роббере приходит два *гранда* (кроме козырного туза), то есть два младших джокера, или младший джокер и старший джокер, или младший джокер и покер, или старший джокер и покер, он (игрок) после сделанной заявки вправе объявить мизе́р. В этом случае самые младшие карты становятся старшими, например, при объявленных козырях самой старшей картой является не туз, а козырная двойка.

Здесь в чести́ ходы пираньи –
вот такие чудеса:
в перевёрнутом сознаньи
двойка смело бьёт туза!

3.5. Если у игрока, сидящего по часовой стрелке за первым игроком, объявившим мизе́р, есть два оставшихся *гранда*, независимо от их величины, он (игрок) вправе **отменить** объявленный мизе́р. Например, если первый игрок объявил мизе́р старшим джокером и покером, то второй игрок вправе отменить мизе́р оставшимися *грандами*, то есть двумя младшими джокерами.

3.6. Общее количество заявок игроков в текущем роббере не обязательно совпадает с количеством карт роббера. Например, если играется роббер на 10 картах, то каждый из игроков вправе заказать любое количество взяток. В этом случае лишние взятки называются *рвущимися*.

3.7. При розыгрыше средней и последней *тёмных* (по 12 карт) каждый игрок вправе заказать любое количество карт, но не менее трёх.

3.8. Если при игре к одному из игроков приходит роббер, в составе которого находятся все четыре *гранда* (кроме козырного туза) или четыре семёрки, создаётся положение, называемое *четыре покера*. В этом случае игрок в своей заявке вправе объявить столько взяток, сколько карт разыгрывается в роббере. Например, если в роббере разыгрывается 9 карт, то игрок-обладатель *четырёх покеров*, **без игры** объявляет свою победу на всех 9 взятках, и ему записываетмся в *раскладку* 150 очков.

Расплююсь я не словами –
кулаком да по носам:
не хочу играть я с вами –
объявлю победу сам!

4. Положения в игре

4.1. В данной игре существуют два положения: одно игровое, называемое *жопой*, другое неигровое, называемое *шпалой*.

4.2. В течение игры создаётся положение, когда текущий счёт игрока в *раскладке* равняется нулю: например, если у игрока до текущего роббера было минус 60 очков, а он заказал три взятки и взял их, то есть заработал 60 очков. В этом случае в *раскладке* вместо нуля в квадратик итога роббера помещается рисунок, называемый *жопой*:

4.3. После сыгрывания всей партии создаётся положение, когда один игрок заканчивает партию с минусовым значением, тогда вместо цифры в квадратике итога помещается рисунок, называемый *шпалой*:

5. О штрафах

5.1. Во время покерной партии соперники зачастую допускают неигровые и игровые ошибки, которые наказываются штрафами в виде списания определённого количества очков в *раскладке*.

5.2. Неигровыми штрафами называются штрафы за ошибки, допущенные не в течение партии, а до неё.

5.3. Если игрок произвёл сдачу очередного роббера не в свою очередь, эта неигровая ситуация наказывается штрафом в минус **20** очков.

5.4. Если сдающий ошибся в количестве карт очередного роббера, и игра уже началась, наказывается не он, а игрок, не проверивший количество карт для данной игровой ситуации. В этом случае штраф составляет минус **50** очков.

5.5. Если игрок неожиданно покидает поле покерного сражения (по разным причинам), ему следует наказание не в виде штрафа, а в виде списывания в общем рейтинге стольких очков, сколько соперников участвуют в данной партии, сама же партия заканчивается оставшимся составом игроков.

Будет штраф без мордобоя –
мы же вам не басмачи:
дезертировал из боя –
пулю в тыкву получи!

5.6. Игровыми штрафами называются штрафы за ошибки, допущенные в течение партии.

5.7. Если во время игры игрок скинул для взятки не ту карту, которая предписана правилом игры п. 3.1. (ошибочно или намеренно), он наказывается штрафом в **50** очков.

5.8. Если игрок перед началом очередного роббера объявляет нелигитимный мизéр, то есть у него нет двух *грандов*, как предписывает п. 3.4., он наказывается штрафом в **100** очков.

5.9. Если данные штрафы используются при игровых ситуациях на *тёмных*, они автоматически умножаются на 2 и записываются в *раскладку*.

6. Положение о рейтинге

6.1. Если при игре в *русскую кочергу* в течение длительного времени сформировался стабильный состав игроков, то в действие вступает положение о рейтинге каждого игрока, отмеченное на рисунке (стр. 363) в правом нижнем углу. Текущий рейтинг игры определяется в зависимости от количества играющих. Например, при составе в четыре игрока, победитель партии записывает в свой рейтинг 4 очка, занявший второе место – 3, третье место – 2, и последний игрок – 1 очко.

6.2. При возникновении игровой ситуации, описанной в п. 4.2., у игрока, попавшего в эту ситуацию, в общем рейтинге списывается то количество очков, сколько игроков принимает участие в игре.

6.3. При возникновении неигровой ситуации, описанной в п. 4.3., у игрока списывается то количество очков, сколько игроков принимает участие в игре.

Хоть порой мы и убоги
и не знаем всех дорог,
шпала-жопа, джокер-покер –
всё обязан знать игрок!

Глава 152. ОБСУЖДЕНИЕ ПРАВИЛ

Николаич и Васюханыч внимательно выслушали предложенные покерным гуру правила игры, правда, при этом поминутно переглядываясь, а Афанасьич даже – на всякий случай – записал некоторые их положения (правил, а не художника и старшего джуса) в знаменитую на весь Отцеябловск книжечку «Для му.мы.», но, как это бывало часто, (прости, русский язык!) интерпретируя их по-своему. Так, например, пункт 6.1. (см. 20 строк выше) в его изложении превратился в следующее:

«В нашей любимой *русской кочерге* есть такой ри́йтринк – это когда проиграешь всю партию и будешь на последнем месте, тебе положено кое-что прямо в очко! Хорошо, что я уже который год играю исключительно с гуманистами!»

– Ну, и как, яйчики-бабайчики? – задал странный и несколько безличный вопрос русский марсианин, но оказалось, что его прекрасно поняли все, включая партийного саксаульца Курманбаева, еврейского татарина Батыршина, русского семижопинца Полтавцева и русских по паспорту Муравлёва и Митрохина.

Правда, ответили все одновременно, поэтому литератор, который не забывал набираться впечатлений для написания последнего тома своего великого романа, уловил только какие-то отвлечённые «мать моя Октябрьская революция», «ёкарные правила», «царица лесная», «святой Малевич» и «едрит Мадрид»

Переел сегодня вишен,
обозначив апогей:
голос мой в толпе не слышен –
слышу в тыкве лишь моей!

Видимо, желудочному усвоению правил помогало и усиленное употребление лучшего на свете напитка, так как во время оглашения ~~приговора~~ правил игры за покерным столиком слышались шумные хлюпанья и, иногда со стонами, гулкие глотания. Но, увлечённые «повтореньем – мать его!», как выразился охранник-афоризматик, слушатели покерных курсов слишком быстро расправились со своими напитками и теперь смотрели на спонсора коллектива, как на недорезанного буржуя.

Но Володя не спешил, поминутно утирая пот со лба, вызванного сразу двумя факторами: непрекращающимися солнечными пытками, законодательно запрещёнными в Антарктиде, и тем напряжением, с каким он вспоминал и тут же объяснял присутствующим правила *русской кочерги*.

– Ну, как, други мои, – приступил он к опросу, – всё ли вам понятно? Или главное в ваших тыквых – это не мозги, а отверстия для употребления пивка?

Ртом всегда ты балаболишь,
но тебе ведь не далось:

рот нам нужен для того лишь,
чтоб в него пивко лилось!

– Да если бы мы знали, – хором ответили живописец и антенщик, – что эти правила такие лёгкие, то мы бы уже давно были на первом и втором местах в рейтинге!

– Ну-ну, – улыбнулся Кулемзин.

– А ты не нукай – не запряг, – старым русским трюизмом отозвался Васюхан. – Сейчас мы тебе это докажем. Валера, помнишь, ещё позавчера в третьей партии Нуртай пролетел на одну взятку, когда его старшего джокера забрал своим покером Талгат?

– Конечно, помню, – уверенно ответил саксаульский рембрандт. – А мы тогда правил не знали и потому не отреагировали! А сейчас-то мы понимаем, что вот если бы этот недоумок…

, показал он пальцем на педагога,

– …после своей второй взятки пошёл некозырным королём, то у Салихдзяныча не было бы другого выхода, как забрать его своим покером, иначе он просто мог бы пролететь на одну взятку!

– Ну, знаете ли! – услышав оскорбление в виде *недоумка*, вскипел Курманбаев, – будут тут меня всякие товарищи учить!

Но месть в виде *товарищей* дошла не по адресу: услышав это противное словцо, к учпучмакским кустам кинулись не Муравлёв с Митрохиным., как было задумано большевиком, а бравый оловянный прапорщик, хотя и старший.

– А! А! Ы! Ы! Ы! – перешёл он на кроманьонский язык, но всем, включая дворовых детей, было понятно, что так Батыршин выражает несогласие со своим сопокерником.

Их как будто спеленали,
в рты засунув грязный жмых:
кроманьонцы точно знали
лишь язык глухонемых!

– Ни хрена́ себе, мать честна́я! – услышав рассуждения старых (во всех смыслах) друзей, вскричал Полтавцев и даже подпрыгнул на покерной скамеечке.

– Да уж, – озаботился внезапным озарением Валеры и Васюхана и покерный гуру, после чего предложил:

– Так, может, тогда сыграем партейку в обновлённом составе – на шестерых?

– Нет, Володя, – вновь хором, как малыши на утреннике, ответили Муравлёв и Митрохин. – Мы с вами лучше с завтрашнего дня играть начнём!

«Так ведь вся книга заканчивается именно сегодняшним днём!», горько подумал Альбионыч. «Хотя… яйчики-бабайчики… в этом предложении что-то есть…»

А автор, который легко читал мысли своих героев, так как придумывал их сам, обрадовался той форе, которая внезапно замаячила на горизонте Великого Игрового ▲. «Кто знает», наивно подумал он (автор, а не ▲), «может же так случиться, что благодарные читатели со всех концов света засыпят Гостевую книгу моего сайта russian-poker.kz своими горячими просьбами написать продолжение о приключениях этих шестерых персонажей, не говоря уже о дворовых детях, старушках-пенсионерках, бомжах, алкашах, владельцах магазинчиков и домовых активистах!»

Перед автором в тумане
проносился целый век:
понапихано в романе
240 человек!

– А мы сегодня, мать моя партийная организация, ещё играть будем? – неожиданно поинтересовался саксаульский коммунист.

– Будем! – твёрдо пообещал Кулемзин и даже показал Нуртаю колоду в 55 карт.

Тогда Мусаич повернулся к будущим новым игрокам и стал с ними тихо перешёптываться.

Володя мгновенно настроил свой КУРС и услышал явно криминальное предложение от ленинца:

– Валерий Николаич, если ты сегодня играть ещё не хочешь, будешь мне немножко подсказывать? А то я вижу, ты в совершенстве овладел этой хитрой наукой.

– Ну, это же не марксизм-похренизм, – улыбнулся художник, – здесь, святой Малевич, думать надо.

Говорил сыночку батя,
с похмелюги что болел:
«Маркса не хочу читать я –
мне и Энгельс надоел!»

Педагога перекосило и даже немножко перекондубарасило, но он сдержался и задал следующий вопрос уже старшему джусу:

– А ты, Васюхан, будешь?

– Нет, Нуртай, не буду.

– Почему?! – шёпотом вскричал партийный.

– Да потому что Володя, как я заметил, уже включил свой КУРС и сейчас вовсю слушает твои криминальные намёки, а это, как ты догадываешься, чревато!

– К-к-какой к-к-курс? – начал заикаться на одной букве преподаватель еврейского заведения просвещения.

– Не к-к-курс, Мусаич, – передразнил его старший покерист, – а

Кулемзинский
Усилитель
Речи
Соперников

Большевик немедленно покраснел, и все собравшиеся за покерным столиком убедились, что годы, проведённые в волчьей партячейке, не до конца выбили из него чувство стыда за бесцельно проведённые в ней дни.

– К тому же, Васюханыч прав, – добавил Володя, – говоря о том, что подобное предложение чревато: хотя этого и нет в изложенных мной правилах, предлагаю ввести неписанное правило нашего покерного коллектива: за подсказку – секир-башка!

Зря мы никого не губим –
просто сам не будь дурак,
а башку тому отрубим,
кто проявится как враг!

– В смысле, едрит Мадрид? – испугался пока неиграющий антенщик.

– В смысле зачем нам в коллективе безголовый игрок? – объяснил литератор. – Итак, кто за?

Все поёжились от перспективки, нарисованной Кулемзиным, но проголосовали *за* при одном воздержавшемся – Нуртае.

– Кстати, забыл сказать, что мы сейчас одновременно голосовали сразу за два предло-

жения – о секир-башке и немедленном употреблении пивка.

– О-о-о, это хорошо! – хором застонали все, кроме писателя.

– Кто пойдёт? – поинтересовался спонсор.

– Я! – по-немецки вызвался Афанасьич, хотя до этого пару лет изучал английский.

– Тогда держи! – Володя вручил ходоку крупную купюру, после чего напутствовал:

– Принесёшь 10 бутылочек, да смотри не перепутай – кому какую.

– Как 10? – заорал Курманбаев. – Почему 10? А я? А мне?

– Так по две каждому, кто принимал участие в голосовании, – объяснил Володя. – А ты, как все помнят, *воздержался*…

Ответом ему страшный стон обиженного коммуниста.

Глава 153. ЗАГАДКИ ОТ ГУРУ

Но всё, конечно, произошло не так. Афанасьич, достигнув порога сельпо, тут же забыл наказы спонсора и, подойдя к прилавку, тупо уставился на Калиму. Она выждала положенные по «Закону о торговле» Республики Саксаулии 40 секунд и спросила сама:

– Как обычно?

– Угу! – привычными двумя буквами отозвался учпучмакский скороход, хотя где-то глубоко – на нижней полочке черепной коробки, у него лежала маленькая мыслишка о том, что в этом случае надо бы принести пивка как-то не так.

Правда, долго думать не пришлось, так как работница прилавка споро собрала его котомку к недалёкому походу и теперь протягивала руку за законной добычей. Сторож отдал чужую купюру как свою, то есть со стоном и вздохом, взвалил хурджин на условный горб и отправился обратно.

Напрягу сейчас запятье –
ведь несу не колбасу:
я товарищам по счастью
много счастья принесу!

А за покерным столиком в это время было весело. Все согласились с мыслью Кулемзина, что Серёжа – чувак непредсказуемый, и когда он вернётся обратно, известно только *дедушке*, а так как *дедушки*, по слухам, нет, то, значит, неизвестно никому, и зачем тогда сидеть пнями, когда можно провести это время с толком и пользой.

– Загадаю-ка я вам пару загадок, – решил Володя, на что получил горячее одобрение бермудских сидельцев.

И тут же выдал первую:

– Вот послушайте, яйчики-бабайчики. Один мужик возвращается из магазина домой и видит в прихожей мужские туфли, а из спальни доносятся громкие и неприличные звуки, однако он спокойно идёт на кухню, жарит яичницу и садится слушать новости по радио. Как вы думаете, почему?

– Да что тут думать, мать моя партия? – первым, как и положено руководителю среднего звена, отозвался педагог. – Налицо явное нарушение пункта 7 «Морального кодекса строителя коммунизма»!

Под партийною муштрой
вождика фиглярова
строили мы новый строй –
на обломках старого!

Все поморщились, а сидящий рядом со старшим трубачом Васюхан даже пригото-

вился быстро прикрыть уши давнего страдальца от нуртаевских пакостей. И не зря, ибо Курманбаев, когда начинал говорить о святом, делал это с истинно партийной страстностью. Вот и сейчас он выкрикнул упомянутый пункт так громко, пламенно и патетически, что автору не остаётся ничего другого, как оформить этот пункт каким-нибудь выдающимся способом:

7. Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни.

– Молодец, старичок, – поощрительно кивнул головой Альбионыч, видя, что антенщик в последнее мгновение перед партийным спичем всё-таки успел прикрыть уши унтер-офицера.

– А? Что? Где? – оторвав руки приятеля от ушей, начал задавать наводящие вопросы Батыршин. – Что он сказал? Чтó, этот ёперный Нуртай отгадал?

– Нет, конечно, – под общий смех опроверг это вздорное предложение литератор. – А что именно он сказал, я тебе потом на отдельной бумажке напишу.

– Хорошо, – согласился военный. – А можно, я теперь свою йодистую отгадку дам? – причём, несмотря на невинность этих слов по отдельности, глаза предлагальца странно замаслились.

– Давай, – разрешил страший группы.

– Короче, пока этот дурак ходил за хлебом, колбасой и пивом…

Весь в стремлениях нелепых
я живу и не мудрю:
в магазин хожу за хлебом –
там и зрелища смотрю[322]!

[322] «Хлеба и зрелищ!» (лат. Panem et circenses) – выражение из 10-й сатиры древнеримского поэта-сатирика Децима Юния Ювенала, использованное им для описания современных ему устремлений римского народа – прим. лит. редактора

Здесь все напряглись и стали недоумённо переглядываться, пытаясь понять, каким таким кашпировским способом Салихдзяныч сумел определить, за какими именно товарами ходил *загадочный* мужик.

– …к его жене пришёл любовник, а она, дура, от счастья подумала, что муж не пошёл в магазин, а поехал в деревню к старенькой маме чинить прохудившуюся крышу…

«Да тебе ужé порá рóманы писать!», с восторгом подумал Володя, который сам был писателем и знал в этом толк.

Талгат закончил выступление и вопросительно посмотрел на загадывальщика:

– Правильно?

– Не совсем, – ответил марсианин. – Или, если быть точнее, совсем не правильно.

– Ну надо же, – расстроился еврейский зять, но быстро успокоился:

– Пусть неправильно, зато в моей разгадке у мужика хоть что-то к ужину будет!

В это время к коллективу наконец-то присоединился скороход Полтавцев, быстро раздал всем по бутылочке и тихо спросил Муравлёва:

– Валера, а чего это Талгат такой расстроенный сидит?

Художник быстро объяснил ему что к чему, и даже процитировал володину загадку, на что охранник тут же вскинулся, привычно подпрыгнув на покерной скамеечке:

– Так я уже допёр, царица лесная!

– Ну-ну, – поощрил его Кулемзин. – Докладывай!

– Я думаю, что этот мужик просто был глухой, поэтому и не слышал радостных стонов своей изменяющей жены!

Хорошо мне, а не плохо:
пусть жена и взбешена, –
так как год назад оглох я,
то не слышу ни хрена!

– И этот туда же! – проворчал писатель. – Неужели у вас нет версий, чтобы не позорить несчастных жён?

– А пусть так не делают, едрит Мадрид! – выкрикнул с места Митрохин, да так страстно, что знатные бермудцы начали понимать, почему у крикуна когда-то было две жены, а теперь ни одной.

– В общем, я так понимаю, что версий больше не будет? – поинтересовался Володя, выждал традиционную паузу в минуту и озвучил правильное решение:

– Этот мужик из загадки был просто не женат, а в спальне перед походом в магазин забыл выключить видик с порнухой.

– А туфли, святой Малевич? – заорал Николаич. – А мужские туфли, которые он обнаружил, когда вернулся с шопинга?

– Вообще-то, Валера, я знаю не только себя, но и некоторых других мужчин, у которых дома есть не одна пара обуви, а две, а то и три, – улыбнулся Кулемзин.

Обувь часто я меняю –
на неё могу копить,
ведь богатый: позволяю
три кроссовка аж купить!

– Точно, ёкарный загадчик! – довольно произнёс саксаульский хорунжий. – Вот у меня, например, есть сапоги повседневные, сапоги парадные, ботинки военные с приложенными к нему носками х/б зелёного цвета, а также тапочки, подаренные моими тестем и тёщей на нашу свадьбу с Аидой!

Тут загомонили и остальные, начиная припоминать, сколько и какие именно обувные па́ры находятся в их домашнем арсенале, и только бедный семижопинец посмотрел вниз – на свои потёртые детские сандалики, и грустно молча вздохнул.

Глава 154. ЗАГАДКИ ОТ ГУРУ (продолжение)

Навспоминавшись вволю, все даже немного устали, а что же может снять усталость ~~полевого пехотинца~~ покерного игрока лучше, чем пара глотков холодного пивка? И вот после них только собрался писатель предложить наконец-то продолжить карточное сражение, как его намерение перебил пока не играющий Муравлёв.

– Ловко это у тебя, Володя, получается – с этими загадками. И как только ты их запоминаешь?

«А ты попробуй, яйчики-бабайчики, не попить с моё, так, может, и у тебя память будет получше», хотел было ответить Кулемзин, но, разумеется, не стал обламывать приятеля и сказал совсем другое:

– Если говорить честно, я в последнее время стал замечать, что мне самому́ не нравятся загадки.

Мне догадки страшно гадки –
не держу их в голове:
не люблю я те загадки,
у которых нет отве…

– В смысле? – возмутился Курманбаев. – А зачем же ты нам голову морочишь?

– Мне стало казаться, что загадки – это по сути просто некорректно оформленные ТЗ, – объяснил как мог Альбионыч и тут же пожалел, что не сразу расшифровал последние 2 буквы, потому что расшифровки посыпались со всех сторон – от тех, кто уже подсел на некое разгадывание.

И вот что он услышал.

– Товарищеские заветы, мать моя КПСС? – предложил один их угадайцев.

– Танковое заграждение, йодистая армия? – предложил второй.

– Твёрдое замалёвываие, святой Малевич? – назвал третий какую-то (по общему мнению) несуществующую художественную технику.

– Трескучие заморозки, едрит Мадрид? – отчего-то вспомнил зиму четвёртый.

Но самую оригинальную версию выдвинул пятый, видимо, начитавшийся собственных страничек из блокнотика «Для му.мы.»:

– Табуреточный «Зверобой», царица лесная?

Эти техники не редки,
хоть народ и обнищал:
гоним спирт из табуретки –
как О. Бендер завещал[323]!

[323] И. Ильф и Е. Петров «Золотой телёнок», глава VII – прим. лит. редактора

– Да нет, друзья мои и Нуртай, это всего лишь технические задания. Впрочем, я ведь хотел сказать вам совсем другое, хотя и о загадках.

– Говор-р-ри, шифр-р-ровальщик хр-р-ренов! – раздалось карканье над нашими героями, но что оно обозначало, понял только марсианин да все те, кто сейчас держат в руках этот том «Р-р-русской кочер-р-рги»… тьфу, просто «Русской кочерги»

– Бывает так, други мои, – философски начал объяснение штатный философ Бермудского Учпучмака, – что решение задачи уже как бы впаяно в само условие.

– Да ну, мать честнáя? – одной короткой частицей и одним не менее длинным междометием усомнился Полтавцев, присоединив к своему сомнению чью-то неизвестную родственницу.

– А п’гимер, мать моя паг’тия, можете п’гивести, батенька? – тут же заложил по-ленински большой палец правой руки за несуществующий лацкан коммунист Мусаич, видимо, входя в образ нетленных мощей Ильича I.

– Да, ёкарный Володя, что-то тут не сходится, – добавил в общее сомнение свои поллитра Батыршин. – Как это – и условие, и решение? Так не бывает!

– Ещё как бывает, яйчики-бабайчики, – весело ответил Альбионыч. – Вот, например, послушайте условие одной такой задачки, придуманной мною на днях:

У Серёжи было три яблока,
у Талгата – четыре груши,
у Нуртая – пять апельсинов,
а у Володи – много денег,
и он весело смеялся над этими неудачниками!

Все подавленно молчали, не в силах *в уме* решить столь сложную задачку, поэтому художник подобрал из-под ног какую-то сухую веточку, от которой недавно избавился карагач, и стал рисовать ей в пыли означенные фрукты. Это продолжалось целых три минуты, пока пылевой живописец не воскликнул – довольно и весело:

– Всё правильно, Володя!

А весёлым и довольным он стал после того, как понял, что никакого Валеры в условиях задачки не было, так что не было и никаких причин распутывать чужое горе.

Говорил я после кори:
«Не нужна мне доброта!
Не люблю чужое горе –
своего вполне хвата…»

– Старичок, – так же довольно произнёс живописец, обращаясь сами знаете к кому, – а повеселее у тебя загадки нет?

– Повеселее? – удивился литератор. – А-а-а, впрочем, есть! Вот слушайте: что у Адама спереди, а у Евы сзади?

– Володя, как ты можешь?! – покраснев, вскрикнул ленинец.

– Ещё как могу, – ответил Кулемзин. – А ты, Нуртаилло, если нет ответа, дай лучше сказать другим…

В голове – одни торосы,
но мозги свои взнуздай:
нет ответа на вопросы –
подучи и пересдай!

Но, на его удивление, никто другой также не смог предложить внятной разгадки, которая хотя бы отдалённо напоминала правильную. Наконец, Салихдзяныч не выдержал и произнёс, как раньше выражались исключительно на партийных собраниях, от лица всего коллектива и себя лично:

– Сдаёмся! Говори ответ.

– Говорю: это буква *а*.

– Как это? – подпрыгнул на скамеечке Васюханыч. – Не может быть, что отгадка была всего одной буквой.

– Может, может, – засмеялся загадчик. – Вот смотри…

Он отобрал веточку у саксаульского мунка, которую тот до сих пор зажимал в руке, и, стерев пыльные фрукты, написал в две строчки имена *перволюде*й – да так высокохудожественно, что единственный в коллективе дипломированный художник закусил губу:

Адам
Ева

– Теперь видите? – спросил Володя, чрезвычайно довольный произведённым эффектом. – У Адама буква *а* впереди, а вот у его подружки – сзади! И это вовсе не что-то неприличное, что примерещилось Курманбаеву под впечатлением от прочитанной работы Фридриха Фридриховича Энгельса «Людвиг Фейербах или конец классической немецкой философии»!

В тыквах наших перегревы,
словно нет других путей:
у Адама и у Евы
нет того, что у людей!

– Ух ты, здóрово, святой Малевич! – воскликнул супруг Наташи Муравлёвой. – А чего-нибудь потруднее у тебя нет?

Альбионыч удивился этим словам, посчитав, что если предыдущая загадка была слишком лёгкой, то почему же её никто не разгадал, но спорить не стал и продолжил турнир:

– Конечно, есть. Вот слушайте: «Шёл Иван в Москву, зашёл на мельницу. На мельнице 4 окошка, на каждом окошке по 4 кошки, у каждой кошки по 4 котёнка, а у каждого котёнка по 4 мышки. Сколько всего в загадке ног?»

– А не можешь ли ты уточнить фамилию этого Ивана? – кашлянув, словно застеснялся, попросил Мусаич.

– Охотно, – не стал чиниться марсианин. – Иван Полуэктович Бобров-Бобровский. Надеюсь, что это поможет тебе сдаться так же честно, как недавно сделал наш бравый оловянный прапорщик…

– Что-то я такое слышал, мать моя партия, – сделав умное лицо, тут же соврал большевик. – Вот только не могу припомнить, что именно…

Что судьба в меня вложила,
как по тыкве долбанёт!
Помню я не то, что было,
а, скорей, наоборот!

Глава 155. ЗАГАДКИ ОТ ГУРУ (окончание)

– А вот лично я думаю, святой Малевич, что отгадка здесь кроется в географии, – сделал своё предположение художник Николаич. – Вот смотрите: этот загадочный Иван шёл не куда-нибудь, а в Москву! А почему не в Амстердам? Почему не в Ригу? Почему, наконец, не в Отцеябловск?!

– Кхм-кхм, Валера, я думаю, что ты не совсем прав, – перебил его старший джус Митрохин. – География, на мой взгляд, тут совершенно ни при чём. Вот смотри: речь идёт о количестве ног, правильно? А ноги – это биология, так?

– Так, так, так, – дружно согласились с ним все, включая самого загадчика.

– А ноги, едрит Мадрид, это…

Антенщик помолчал, потом руками попытался изобразить какие-то виртуальные растопырки, но к правильному ответу так и не приблизился.

– Эх вы, – перехватив эстафету, начал позорить коллектив охранник Афанасьич. – А для чего Володя говорил нам все эти цифры – 4, 4, 4 и 4, а? Правда, как-то подозрительно, что все они похожи друг на друга!

– А ведь верно, ёперный арифметик! – воскликнул старший трубач Батыршин. – Давайте всё это помножим на мышек!

– А почему не на мельницу, мать моя КПСС? – резонно заметил педагог, за которым хотя и числилось два высших образования, но с математикой он был не в ладах, потому что за годы своего членства в партии ежемесячно недоплачивал по одному-два рубля партийных взносов.

Чтобы избежать ареста,
тыквой я своей варю,
ведь плачу партвзносы честно –

литр пивка секретарю!

– Неужели опять сдаётесь, яйчики-бабайчики? – в притворном ужасе вскричал Альбионыч.

– Увы нам, царица лесная, – за всех признался семижопинец. – Вот если б у нас были счёты деревянные, артикул 322/14, тогда бы ещё можно было посчитать, а так – нет!

– Если так, то можете воспользоваться услугами калькулятора на моём телефончике, – благородно предложил писатель и потыкал в кнопки прибора, пока на маленьком мониторчике не возникла картинка с разными математическими символами, заставившими учпучмакцев вспомнить основы начальной школы.

Преподаватель еврейского колледжа, как единственный представитель школьной интеллигенции, осторожно взял приборчик в руки и стал тыкать в кнопки, что-то бормоча себе под нос. Все настороженно наблюдали за его эволюциями, пока не заметили, что рожа коммуниста покраснела, как флаг СССР, после чего он (коммунист, а не СССР) выдавил из себя, словно страдал запором:

– По-моему, Володя, у тебя телефон не работает.

– А, по-моему, Нуртай, это у тебя не работает тыква, – попенял ему марсианин.

– Ну почему же? – сделал слабую попытку защитить самолюбие Курманбаев. – Просто он у тебя умножает как-то не так – всё время получаются разные цифры…

– А что́, чтобы узнать, сколько именно ног кроется в моей загадке, надо что-то умножать? – строго поинтересовался литератор.

– Так вот же Серёжа предлагал, – тут же спихнул с себя ответственность на соседа ленинец.

– Я предлагал умножать? – вскричал Полтавцев. – Да я и в школе этого не умел! Я же просто хотел на счётах костяшки погонять!

Говорили звездочёты,
применяя вазелин:
«Да, ребята, наши счёты –
это вам не «Феликс» [324], блин!»

[324] Об этом приборе-арифмометре – в главе 55 третьего тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

При этих словах сторож покраснел от гнева и решил, что с завтрашнего дня вообще не будет здороваться с Нуртаем при встрече.

– Ладно, сдаёмся, – в очередной раз признал общее поражение Мусаич.

– А ведь всё, как, впрочем, и в прежних загадках, чрезвычайно просто, – довольно воскликнул покерный гуру, – всего искомых ног – две!

– Как две? – хором закричали сидельцы. – Почему две?

А сторож, видимо, прочувствовавший горечь поражения более глубоко, чем другие, даже уточнил:

– Ну, это искомых, мать честна́я, а биологических?

– Биологических тоже две, – улыбнулся Кулемзин. – Именно две ноги у загаданного Ивана, так как в условии загадки не было сказано, что он одноногий инвалид. А вот у остальных персонажей данной загадки – лапы!

Есть сомненья при делёжке –
вот такая вот фигня:
лапы есть у мышки-кошки,
ну, а ноги – у меня!

– Лапы, святой Малевич! – хлопнул себя по лбу живописец, причём, сделал это так сильно, что этим ударом вызвал воспоминание о том, как перед своим увольнением из отцеябловского Гороформления он занял бригадиру художников Петровичу[325] четыре ещё советских рубля на бутылку водки, а тот до сих пор их ему не вернул. И горечь этого воспоминания тут же перебила горечь от своего неугадайства!

[325] Об этом персонаже – в главе 123 первого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

– Ну что, мои маленькие друзья, – в это время очередной раз сделал предложение коллективу покерный гуру. – Может, всё-таки сыграем ещё одну партию?

– А третью загадку? – заорал знаменосец. – Надо же как в сказках – всего по три!

– Разве? – удивился Володя. – Ну, раз надо, – так надо! Слушайте загадку № 3, и не говорите, что не слышали…

– Да мы и так не говорим, – пробурчал Салихдзяныч. – Давай, излагай.

– Излагаю, – приступил к третьему изложению Володя. – На этот раз, чтобы вам было проще решить задачу, моя загадка – про людей.

При этих словах все приободрились, хотя жуликоватый марсианин обманул их и на этот раз, ведь в прежних загадках речь тоже шла о людях – неких Адаме, Еве и Иване!

– Итак, однажды некие восемь братьев-близнецов вырвались на выходные в загородный дом, и каждый нашёл себе дело по вкусу…

Вот удача так удача,
счастлив каждый как один:
отдыхаем мы на даче –
водку пьём, шашлык едим!

– По какому такому вкусу, царица лесная? – решил уточнить экс-текстильщик. – Грызли они все что-нибудь, что ли? – но на него зашикали остальные, и Серёжа тут же умолк.

А Кулемзин продолжил своё загадайство:

– первый занялся сбором яблок;
второй отправился на рыбалку;
третий топил баню;
четвёртый играл в шахматы;
пятый готовил ужин;
шестой весь день смотрел сериалы про ментов;
седьмой рисовал окружающие пейзажи.

А теперь скажите, чем в это время занимался восьмой брат?

Все глубоко задумались, но это продолжалось недолго, так как Мусаич радостно воскликнул:

– Я разгадал! Эта загадка не имеет решения.

– Почему же? – удивился писатель.

– Да потому что ты рассказал про всех братьев, а про восьмого – ничего!

– Как это ничего? – возмутился старший покерист. – А то, что он – близнец остальных?

– А разве это имеет какое-то значение? – пролепетал педагог.

– Конечно! – уверил его Альбионыч. – Просто я не могу сказать об этом больше. Иначе какая же это будет загадка? Так что думайте!

В коммунизме ли, в фашизме
я похож на батрака,

думать ведь привык о жизни –
что она так коротка!

– Надо Николаича спросить, – на ухо предложил Митрохину Полтавцев, твёрдо подтвердив догадку:

– Он, царица лесная, должен знать!

– Почему, едрит Мадрид? – так же тихо поинтересовался Васюхан.

– Да потому, что седьмой брат – такой же художник, как Валера.

– Точно! – выдохнул антенщик и только было открыл рот для вопроса, как живописец открыл его сам:

– Сдаёмся, Альбионыч. Жги глаголом и другими частями речи!

– Хорошо, – довольно отозвался загадывальщик, – только учтите, что счёт 3:0 в мою пользу! Восьмой брат играл в шахматы с четвёртым…

– Вот как, мать моя партия, – промямлил на это партийный педагог.

Глава 156. ПОКЕРНЫЕ НОТАЦИИ ДЛЯ ВТОРОЙ ЧАСТИ 7 ТОМА

И вот теперь, когда отвертеться от предложенной игры уже не было вообще никаких оснований, она всё-таки началась. Но прежде чем автор начнёт её описание, ему хотелось бы предложить своему читателю некое рассуждение. И вот о чём.

Сколько человечество себя помнит, столько оно и толкует о скором конце све́та. И, как правило, относит его в самое близкое будущее, а себя полагает живущим до скончания ве́ка. И, кстати, именно этим пресловутое человечество и объясняет ущербность своей морали и разложение нравственности: мол, что́ вы хотите, ведь конец све́та не за горами!

Напрасно лбами тупо бьёмся –
наверно, это неумно:
конца мы све́та не дождёмся,
ведь электричества полно!

А раньше, когда до конца све́та было далеко, мы что, все как один демонстрировали высокую нравственность и, соответственно, высокую мораль? Отнюдь! Возьмите пресловутые 10 заповедей, большинство из которых абсолютно утратили актуальность. Сотворение кумиров, конечно, мало кого касается, но – не убий! но – не укради! А не не прелюбодействуй – так это вообще!

Казалось бы, за тысячи лет можно было привыкнуть к запретам? *Иблиса* с два! А то, что пророчат так настырно конец све́та, так это просто от эгоцентризма, от *ячества*: ведь я – самый важный в галактике, мне страшнее всего! А не будет меня – так наверняка же конец све́та и наступит. Впрочем, есть ещё одна мыслишка на этот счёт: а что, если он уже был, этот конец све́та, а мы его просто не заметили?!

Например, для Серёжи Полтавцева конец све́та наступал тогда, когда он просто щёлкал выключателем перед тем, как лечь спать, а вот его соседу Нуртаю в этом вопросе было гораздо труднее: для него конец све́та становился персональным несколько раз в течение дня, когда он, великий изучалец ЕПУ, то есть Единственно Правильного Учения, не мог одолеть своего старого врага – оппортуниста и схоласта Кулемзина. А для самого́ Кулемзина понятие конца све́та вообще не существовало, ибо он знал и свято верил, что начало всему положил Большой Взрыв, а конца этому детерминизму мы в силу малочисленности годков, данных нам для проживания *дедушкой*, не увидим вообще, так сто́ит ли волноваться и ломать копья, которые ещё не раз пригодятся в *русской кочерге*…

Навроде это всё почтамта,
чтоб получить нам пару тонн:

Big Bang [326] случился где-то там-то,
а к нам дошёл один фотон!

[326] Большой Взрыв – англ.

И ещё одно заметил неугомонный автор, который иногда так увлекался жизнеописанием своих героев, что даже забывал свериться с очередным Планом Построения Очередного Тома Романа «Русская Кочерга» – это то, что описание нача́ла новой игры во многом будет повторять нача́ла, уже случившиеся до этого: опять сдача по одной карте, чтобы разыграть очерёдность ходов и заказов, опять те же стандартные заказы на одной-двух-трёх картах, опять незаслуженная радость игроков по поводу их выигрышей, которые, между нами говоря, и так предопределены процентов на 80-85.

И поэтому решил он (автор, а не выигрыш), что даст описание этой последней игры второй части седьмого тома в виде привычных покерных нотаций. Да будет так!

«Ну, что, посоцсоревнуемся?». Именно такой была первая фраза старшего покериста Альбионыча, вызвавшая в разных персонажах разные ответные чувства»

«Володя, без того хорошо помнящий все без исключения правила *русской кочерги*, постоянно придумывал что-то новое, желая только одного: чтобы эта великая игра, несмотря на своё многообразие, не приедалась покеристам. Вот и сейчас, в то время, когда старший трубач Батыршин начал сдавать всем по одной карте *втёмную*, он придумал, что эти понятия можно обозвать вполне по-шахматному – например, первую *тёмную* назвать дебютом, а вторую и последнюю (прости, русский язык!) миттельшпилем и эндшпилем»

«В игре писатель считал Серёжу той самой лошадью, которую можно заменить даже на переправе. Но не делал этого сразу по двум причинам: во-первых, заменять охранника пришлось бы или на Муравлёва, или на Митрохина, а это, сами понимаете, чем чревато, и, во-вторых, если не заменять, а просто *послать*, то тогда в игре останется всего три участника, и она станет просто скучнее – были уже такие примеры в истории покера…»

Вы ошиблись: мы не хамы,
но не верим бегунам:
потеряли игрока мы –
стало больше пива нам!

«Лицо у преподавателя еврейского колледжа было такое, словно он нечаянно заглотнул тампакс вместо сникерса»

«Литератору не всегда везло в игре, как, впрочем, и остальным игрокам, но он придерживался им самим придуманной доктрины: если уж мне суждено этот раунд проиграть, то это нужно сделать так, чтобы обо мне потом никто не сказал: «Вот дурачок, как легко мы его сделали…»

«– Талгат, – обратился к обер-корнету его друг Полтавцев. – А ты уверен, мать честна́я, что походил правильно?

– Да мне-то что? – уверенно ответил Батыршин. – Мне же нигде и ничего. Главное то, чтобы оно всё время, ёкарный бабай…»

«Курманбаев посмотрел на довольно улыбающихся Кулемзина и старшего трубача и горько подумал: «Зарвавшаяся упряжка акул империализма наконец-то сорвала с себя фиговый листок лживой демагогии и обнажила свой звериный лик…»

Нет замены нашим лирам,
и живём мы как в тумане:
капиталы правят миром –
don't give beer without money [327]!

[327] ***Не дают без бенег пива – англ. Читается донт гив бир витáут мани – прим. переводчика***

«Сыграв семь первых робберов и только разохотившись, покеристы были вынуждены на короткое время прервать игру, так как на территории Бермудского Учпучмака неожиданно появился кулемзинский друг Насиб Кураев.

– Как оно? – спросил его Володя, пожимая руку.

– Нормальде, – по-турецки ответил друг, ответно пожимая руку покерному гуру, а все остальные страшно удивились, что, оказывается, знают хотя бы одно слово на этом восточном языке.

– Аферин[328]! – похвалил его марсианин.

– Ве сен насилсин[329]? – из вежливости поинтересовался столяр.

[328] ***Молодец – тур.***
[329] ***А у тебя как? – тур.***

– Да тоже ничего, – ответил Альбионыч. – Уже уходишь?

– Эвет. Херкесе гюле-гюле[330]!

[330] ***Да. Всем до свидания – тур.***

– А ты чего приходил? – запоздало крикнул вслед другу Володя.

– А я не приходил – я проезжал, – логично объяснил друг. – И сейчас поеду дальше.

«Как же всё-таки восточная логика отличается от нашей», подумал писатель»

«Перед роббером на 10 картах Альбионыч проверил *раскладку*, убедился, что отстаёт от Мусаича аж на 46 очков, и решил рискнуть, заказав не три взятки, что было бы логично, а четыре. И, к своему немалому удивлению, выиграл их.

– В яблочко! – странным ботаническим термином, придуманном русскими, похвалил он сам себя, а вот Афанасьич похвалил его по-иностранному:

– Да ты просто Вильгельм Телль-Авив какой-то!»

Мальчик мечтал повторить подвиг Телля –
бабушку вытащил он из постели,
яблоко ей положил на макушку!
Всё, умолкаю: мне жалко старушку…

«Пролетев на две взятки, или 45 очков, Нуртай схватился за голову, но вспомнив, что он коммунист, выпрямил спину и, глядя в глаза почему-то Салихдзянычу, громко и уверенно произнёс звенящим от напряжения голосом:

– Времени на раскачку нет. Надо, мать моя партия, подниматься с колен!

Военного музыканта подбросило, как катапультой, и через несколько секунд бермудские кусты услышали очередное исполнение одной и той же на протяжение целой недели арии измученного суровыми походами Дон Кихота, а Кулемзин, поглядев на педагога, укоризненно покачал головой:

– Эх, Нуртай, ты бы эти святые слова лучше утром сказал, когда я вас похмелял...»

Глава 157. ПОКЕРНЫЕ НОТАЦИИ ДЛЯ ВТОРОЙ ЧАСТИ 7 ТОМА (продолжение)

«– Талгат, так ты говоришь, с Нуртаем бы в разведку не пошёл? – поинтересовался писатель. – Да ты смелый человек! Я бы, например, с ним даже в тылу не остался!»

«На губах покерного гуру играла широкая улыбка банковского воротилы»

«– Мизе́р, – стыдливо проговорил уроженец деревни Семижопино. – Извиняюсь, конечно, за мой французский…»

«– Почему мне всё время не везёт? – разродился очередным риторическим вопросом большевик.

– Да потому, что ты, яйчики-бабайчики, не знаешь свойств вакуума, – тут же ответил единственный дваж-ды кандидат наук на территории Великого ▲.

Педагог тут же замолчал. Он знал, что будет ещё хуже, если он начнёт выяснять, при чём тут вакуум, и как он вообще соотносится с покером»

«Время растянулось, словно медовая капля, капающая из ковша»

Думаешь: «Вот она, залежь –
с музыкой нежных сюит!»
Тянется время тогда лишь,
коль магазин не открыт!

«– Разошлись, – резюмировал литератор. – Как уссурийский тигр с пингвином…»

«Альбионыч мельком глянул на пришедший роббер, увидел там сразу три джокера и два крупных козыря, после чего весьма правдоподобно вздохнул и произнёс:

– Пас…

, но ход его после того, как сделали заявки остальные, был прямой и жёсткий, как ручка лопаты:

– По козырям!

Сторож в ужасе поднял глаза и уставился на Володю с таким удивлением, будто тот спросил у него самую короткую дорогу на Сатурн.

– Ох, и наберут же детей на флот, – вздохнул мастер покерного блефа, – ни нырять, ни плавать…»

«Нуртай смотрел на свою мини-колоду, полную джокеров и козырей, стыдливо, – как продающий фамильное серебро по большой нужде русский князь после октябрьского переворота»

Вот так выпала мне карта –
впору горькую запить:
фермуар сдаю в ломбард я,
чтоб селёдки накупить!

«Салихдзяныч завистливо посмотрел на столбик в *раскладке*, помеченный буквой К, то есть Кулемзин, после чего попенял марсианину:

– Да ты, Володя, просто йодистый удачник.

– А ты? – улыбнулся в ответ знатный филолог.

– А я неудачник.

– А знаешь ли ты, о татарин, что слова *удачник* в русском языке нет?

И тут внезапно еврейский зять почему-то посмотрел в сторону ленинца и задал новый вопрос:

– Может, и слова *годяй* нет?

А писатель-надомник, вспомнив, что он временами становится поэтом, тут же рассказал присутствующим свой стишок десятилетней давности:

– Шёл по улице удачник,
весь в глиже, одетый брежно,

и на вид он очень взрачный, –
сразу видно, что годяй!
Он людимый, он имущий,
удивительный дотёпа,
он доумок и доучка,
и доразвитый вполне.
А ему идёт навстречу
врастеничная Смеяна,
языком вполне цензурным
говорит ему взначай:
«Я уклюжая такая,
и природная поседа,
я радивая ужасно,
очень ряшество люблю!
А давай-ка мы с тобою
будем жить в законном браке,
ведь такой кудышной пары
сыщут вряд ли кто и где!»

«Неожиданно взяв заказанные четыре взятки, военный музыкант не удержался и просвистел одну из лучших композиций, которые знал наизусть, – «Шоу должно продолжаться»[331]. Нуртай с отвращением посмотрел на морального разложенца»

[331] «The Show Must Go On» – финальная песня британской рок-группы «Queen» из альбома «Innuendo» («Недосказанность») 1991 года – прим. муз. редактора

«Кулемзин отличался от других игроков ещё и тем, что как профессионал, просчитывал последствия заявок, или, как он это называл, *перспективу информации*»

«– Да, Серёжа, – развёл руками Володя, – чувствую: не понимаешь ты принципа детерминизма…

– Это я-то не понимаю? – страшно обиделся охранник. – Да я этот минизм, царица лесная, ещё в армии постиг!

«Прямо синдром Жоржа Альберовича де ла Турéтта[332] какой-то!», глядя на него, подумал Альбионыч»

[332] Неврологическое заболевание, при котором европейские больные подпрыгивают и гримасничают, а русские ещё и отчаянно матерятся – прим. мед. редактора

Думал, есть ещё резервы,
думал, буду в борозде:
распоясались все нервы –
ну, не держатся в узде!

«Курманбаев делал пакости не задумываясь, и все давно смирились с этим злом, и даже иногда говорили между собой, что так играть якобы интереснее. Вот и сейчас, притворно вздохнув, что ему приходится ходить именно так, партийный педагог забрал такую нужную Полтавцеву взятку, а сам перебрал.

– Володя, мать честнáя, – чуть не заплакав, спросил Афанасьич, – а можно на зло ответить насилием?

– Конечно, старичок, можно, но – не стóит. Ты только представь себе – чтó может в ответ придумать изнасилованное зло?!»

«Кажется, дисциплина падает», подумал литератор, «как высота на приборах подбитого бомбардировщика…»

Словно песней недопетой,
в разногласьях ампдитуд,
самолёт подбит ракетой…
Хорошо, есть парашют!

«А Валера Муравлёв, который *не играл*, как он пообещал бермудскому коллективу, последний день, неожиданно подумал словами чьего-то чужого афоризма:

«Кто рискует оправданно, тот пьёт шампанское,
а кто неоправданно, за того пьют не чокаясь…»

«И тут произошло то, что не должно было произойти: семижопинец, взяв свои заказанные три взятки, неожиданно бросил поверх следующей взятки младшего джокера, забыв при этом сказать *за простую!*, после чего был вынужден оформить перебор, сдуру хапнув 4 очка вместо 60 возможных. Но даже не это было самим плохим, а то, что своим дурацким ходом Серёжа посадил писателя, который и без этого отставал ~~в развитии~~ от Нуртая на целых 22 очка.

Возмущению Володи сейчас не было предела – его разум кипел, как радиатор «Москвича-2141» после двухкилометрового пробега. И покеристы, и им сочувствующие знали, что в гневе он (Володя, а не «Москвич») становился похож на сочетание сварочного аппарата и прохудившейся газовой трубы под давлением, и вот теперь воочию убедились в этом.

«Дурак», в это время грустно констатировал внезапно проигравший. «В гербарий бы его, под стекло, с подписью: «Дурак русский обыкновенный. Половозрелый самец в стадии окончательного отмирания головного мозга»

Одни взлетают аж до облаков,
другие на земле уж больно юрки:
немало на планете дураков,
а кто не дураки – те полудурки!

Глава 158. ПОКЕРНЫЕ НОТАЦИИ ДЛЯ ВТОРОЙ ЧАСТИ 7 ТОМА (ещё одно продолжение)

«– Нуртай, яйчики-бабайчики, хотя бы перед последней *тёмной* веди себя достойно, а не как прожжённый пропадлюка!

– Ну что ты, Володя, я же пацифист, мать моя КПСС, я такого никогда не сделаю…

Услышав этот короткий диалог, охраннику очень захотелось узнать, что такое пацифист, потому что он тут же стал подозревать в этом слове нечто неприличное, к тому же не мог понять, как так можно называть себя при людях. *в открытую*.

– Это хорошо, – отозвался Кулемзин. – И все же иногда так хочется тебя немного отпацифиздить!

Серёжа густо покраснел, так как понял, что был прав в своих предположениях»

«После проигрыша сначала одного роббера на 11 картах, а потом второго на 12, у Салихдзяныча возникло ощущение, что он не успел отереться от коровьей лепёшки, как тут же с размаху угодил в силосную яму!»

«Покерный гуру посчитал, что с начала дня его подотчётным коллективом во главе с

ним самим было сыграно уже четыре партии, и постановил, что вчерашняя колода[333] наверняка отыграла своё, после чего сходил домой за новой. На сей раз это оказались карты «Княжеские», артикул 7с80-02424449[334]»

[333] Напомним читателю, что это были карты «Белый Палех», 6 том, стр. 450 – прим. гл. редактора
[334] Автор С. Спиров, художник Б. Аджиев, дизайнер Е. Шиляев – прим. худ. редактора

Не герой я некролога,
чтобы *дедушку* гневить:
карты новые помогут
шулерóв остановить!

«– Мизéр! – произнёс бывший текстильщик с гордостью, словно не Сука-судьба только что подсунула пару джокера в его роббер, а он сам, без посторонней помощи открыл рентгеновские лучи или, на худой конец, палочки Роберта Германовича Коха»

«– При чём здесь верю-не верю? – поморщился марсианин. – В существование атома мы, положим, верим все, хотя далеко не каждый, как я, видел его вживую!»

«Иногда человек думает: «Наконец-то я попал в струю!», а его просто смыло сливом в унитазе»

«Люди согласны проигрывать», подумал теоретик покера, «но они терпеть не могут, когда выигрывает кто-то, а не они…»

«– Талгат, если ты такой умный, – обратился Володя к старшему трубачу, – тогда скажи: а сколько лет дают нарушителю закона Бойля-Мариотта?

– Да я бы таких вообще на месте расстреливал, – неожиданно озлобился Батыршин»

«Нуртай с тоской ещё раз проверил пришедший роббер, но не обнаружил там ни одной хорошей карты, а всё какие-то, как неприлично выражался Кулемзин, фóски[335].

[335] Фоска – маленькая ненужная карта – карт. жаргон. [336]
[336] Вот так, ближе к концу аж шестого тома, читатель узнал ещё один карточный термин, и наконец-то поверил, что русская кочерга – неисчерпаема! – прим. автора

Что тупых всегда бесило,
как *фанера* для певца:
к тем приходит карта-сила,
кто уверен до конца!

«Педагог смотрел на литератора набычившись, точно стараясь просверлить его взглядом, но Кулемзин никак не просверливался»

«– А то! – рассудительно сказал семижопинец. – Три джокера, царица лесная, – это вам не в вагоне с металлоломом сало жрать!»

«– А почему ты всё-таки не сделал перебор и не посадил меня? – с тоской во взоре поинтересовался Нуртай.

– Как говорят глупые люди, ходящие в домá с иконами, мне удалось таки победить искушение и тем самым осрамить *иблиса*!»

«Такой карте сторож сопротивлялся не дольше, чем французская конница в битве при реке Березине, и со вздохом проводил в последний путь своего младшего джокера»

«После пакости ленинца Альбионыч вовсе не расстроился – он, как известный философ современности, знал, что среди ровных пальцев коллектива всегда может оказаться один кривой мизинец»

«– Ох, ёкарные карты! – увидев пришедший роббер, воскликнул Салихдзяныч.

– Тебе что, вступило? – проявил чуткость к другу бывший текстильщик»

«– Кто так сдаёт? Нет, ну кто так сдаёт?! – горько причитал педагог, вертя в руках пришедший роббер.

– Ну, извини, сосед, – спокойно ответил ему экс-хлопчатобумажник, – как говорили в советских магазинах, бери, что дают, – другого не завезли!»

«В это время шаловливый ветерок принёс прямо в руки охранника клочок бумаги с логотипом в уголке, из которого игроки и болельщики узнали, что это газета (б) «Караван». Серёжа тут же бросил карты и с выражением прочитал рекламный заголовок: «ЗАКАЗ ОБЕДОВ»

– Кто это, мать честнáя? – удивился он.

– Да один узбекский повар, – улыбаясь, объяснил Володя.

– В смысле, святой Малевич? – удивился и живописец.

– Имя-фамилия у него такие, – уточнил писатель. – Заказ Обедов…»

Это просто нотабене,
разум что не помутил:
приготовил плов узбек мне –
сум[337] ему я заплатил!

[337] Денежная единица Узбекистана – прим. фин. редактора

«– Почему? – спросил саксаульский хорунжий.

«– По кочану, – примитивно схамил Афанасьич»

«Глядя на игру Полтавцева, Володе пришла на ум японская народная мудрость, которую он не вспоминал много лет:

Человек как меч:
или делает своё дело,
или тупой.

«Из такой комбинации карт вполне можно приготовить СВУ[338]», подумал покерный гуру»

[338] Самодельное взрывное устройство – прим. воен. редактора

Проявил на днях геройство:
тыкнул в кнопку – и ага!
Самодельное устройство
я взорвал в тылу врага!

«От сурового взгляда военного музыканта намечающаяся плешинка Курманбаева стала покрываться инеем»

«А, может, природа просто обделила меня деликатностью?», подумал литератор. «И я не замечаю этого, как не вижу свою спину на пляже, а остальным, напротив, как раз видно всё?!»

«– Ничего не понимаю, мать моя КПСС! – в отчаянии выкрикнул большевик. – Вот только что у меня были два джокера, а я пролетел именно на две взятки! Как же так?!

– Давай я тебе поясню на примере, – отозвался отзывчивый Альбионыч. – И для этого расскажу некую притчу…

Сидевшие рядышком художник и старший джус навострили уши, потому что процесс игры не любили, но зато очень любили посторонние разговорчики.

– Итак, однажды великий индийский император Акбар пришёл в суд, – начал историческую байку марсианин, – нарисовал на стене вот такую линию (а я нарисую её вам веточкой под ногами):

, а затем спросил у членов суда: «Как сделать эту линию короче, не притрагиваясь к ней?»

Я, поддавшись жёсткой злости,
как какой-то… педагог,
испоганил стенку гвоздем,
искрошив побелку враз!

Долго думали члены суда, но так ничего не придумали, и не стали впаивать императору Акбару 16 лет *строгача*, как хотели вначале. Понятно, Нуртай?

– Н-н-нет, – стал заикаться педагог. – А что, действительно так можно сделать?

– Конечно, причём, легко, – улыбнулся Кулемзин. – Надо просто провести рядом другую линию – более длинную.

– В смысле, царица лесная? – не понял Полтавцев.

«В здравом!», ответил про себя писатель, но потом решил на несколько секунд переквалифицироваться в художника типа Муравлёва и нарисовал той же веточкой отгадку:

Глава 159. ПОКЕРНЫЕ НОТАЦИИ ДЛЯ ВТОРОЙ ЧАСТИ 7 ТОМА (и ещё одно продолжение)

«Володя отлично знал, что в покере вкус пряника иногда бывает даже сильнее, чем страх кнута»

«От радости, что он взял свои три взятки, нога Мусаича стала непроизвольно дёргаться, пока не наградала пинком под покерным столиком ногу Салихдзяныча.

– Ты чего пинаешься, ёкарный придурок? – возмутился обер-корнет и в отместку пнул первую попавшуюся ногу – Афанасьича.

Сторож не остался в долгу и пнул ногу Васюхана, который, не долго думая и не целясь, тут же попал по ноге Володи.

– Да вы что, яйчики-бабайчики, совсем с ума съехали? – страшно заорал писатель, потирая раненую конечность. – Да это просто какая-то битва золотых шпор[339]!»

[339] Битва фламандцев с французской армией 11 июля 1302 года возле города Куртре во время Фламандского восстания, когда впервые в Средние века рыцарская конница потерпела поражение от пехоты – прим. ист. редактора

На опасность не взирая,
что неописуемо,
бьюсь я шпорой, причиняя
вред коню – боку его!

«– Вот как же интересно, – тяжело вздохнул Серёжа. – Человеку в душу заглянуть невозможно, а вот нагадить туда – запросто!

Вслед за охранником ещё тяжелее вздохнул марсианин, ибо почувствовал, что эта искромётная мысль семижопинца сто́ит всех семи томов его «Русской кочерги»!»

«– Да я всё равно лучше вас всех играю, мать моя Октябрьская революция! – по-детсадовски обиделся преподаватель еврйеского колледжа.

– Люди держатся за свои сказки до тех пор, – ответил ему старший покерист, – пока те не становятся фильмами ужасов…»

«– Нет, ну это уже переходит всякие границы с ёперной Германией! – неожиданно воскликнул шнапс-капитан Батыршин.

– А что случилось? – притворно ласково поинтересовался саксаульский макаренко.

– Что случилось? И он ещё спрашивает! А сам только что хапнул мою ёперную четвёртую взятку – и сам перебрал, и мне не дал взять своё!

– Да я не хотел, – затянул привычную песню Курманбаев. – Это просто какое-то вре́менное помешательство было – на несколько секунд…

Раз приснилось агроному,
что бывал самолюбив:
впал в безумную он кому –
даже пиво не допив!

Видя, что зачинается новый скандал, Альбионыч, чтобы погасить его, тут же рассказал историю из своей жизни под названием

Про звёзды и свастики

– Было это примерно в году 76-м прошлого века. Когда Саксаульский КГБ разгромил наш журнал «Вопль»[340], одна из воплевцев, а именно Жанна Нурланова перевелась из нашего СаксГУ в Москву, в госуниверситет, всё на тот же факультет журналистики. А я, в то время уже учившийся на заочном отделении и работавший в одной многотиражной газете, как-то раз набрался лишнего креплёного вина и утром оказался не в своей кроватке, а в зале ожидания московского аэропорта «Шереметьево», куда, как вскоре выяснилось, прибыл ночью, повторив подвиг некоего Жени Лукашина[341].

[340] С историей этого журнала можно ознакомиться на сайте www.vopl.kz – прим. автора
[341] Герой комедии Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» – прим. кинoредактора

А так как во всей Москве у меня из знакомых была только Жанна, то я взял такси и поехал в МГУ, где и нашёл её в общаге на 7 этаже. Так что похмелье у меня было весёлое, ибо вместе с Нурлановой мой приезд отмечали человек 8-10-12 – число их или всё время менялось, или мне казалось, что меняется.

Под разные напитки мы рассказывали друг другу интересные истории из студенческой жизни, и одну из них я запомнил так крепко, что сейчас расскажу её вам.

Слышал много я историй,
но такой вот – никогда:
как настойкою от хворей,
ею я лечил кота…

В общем, в одной из комнат общаги журфака на четыре персоны жили русский, узбек и поляк, и надо сказать, жили дружно – в холодильнике всегда лежал *общак*, то есть хавчик был общим и не делился на *мой* и *чужой*. И тут подселили к ним четвёртого – немец-аспирант из ГДР.приехал на стажировку. Встретили мы его как родного, правда, пить он

с нами не стал, чем, признаться, озадачил, но выкрутился, пояснив, что страдает желудком. Но – врал, подлец!

Открываем мы на второй день свой холодильник и тихонько охреневаем: немец накупил жратвы (у него же валюта!), про которую мы не только забыли, но даже никогда раньше не видели! Но дело оказалось в другом – вся жратва была аккуратно промаркирована чёрным фломастером – мол, смотрите не перепутайте и не сожрите случайно! А больше всего нас поразили куриные яйца в дверце холодильника, которые этот Вернер промаркировал чёрными крестиками. Ну, мы, конечно, на эти яйца не позарились, но придумали кое-что получше.

Вечером немец открыл холодильник и настал его черёд охреневать: на его яйцах вместо крестиков была подрисована фашистская свастика, а на наших – красные звёзды!»

Не от голода иль жажды,
а чтоб знали бугаи:
яйца я помечу так, чтоб
знали все – они мои!

«Проиграв одну взятку и потеряв 25 очков, Мусаич тут же устроил дешёвое представление: запрокинул голову, точно в лоб ударила пуля, бессильно свесил руки вниз, как при самоубийстве всё той же пулей, а ноги протянул под покерным столиком так далеко, что они вылезли под ноги Митрохину, который рефлекторно отдёрнулся назад, но наткнулся на вопрос сидевшего по соседству Муравлёва:

– Васюхан, святой Малевич, ты чего дёргаешься, как киловольтный провод лизнул?

Антенщик ничего не ответил, а художник от собственного юмора гулко захохотал»

«Не зная, какой картой сделать первый ход, Нуртай решил попастись в картах своего соседа Серёжи, и при этом изогнул шею, как шахматный конь»

«И тут уже второй раз за игру всё тот же ветерок принёс ещё один рекламный листок, но на этот раз не Серёже, а в руки Альбионыча. Тот машинально взял листок в руки и вначале прочёл: «Доставка воды», а потом: «Доставка суши», после чего глубоко задумался, пока его не окликнул партийный педагог:

– Володя, ну ты ходить уже будешь?

– Да, конечно, извини, – очнулся писатель. – Я вот тут немного задумался – заказать, что ли, и то, и другое, а потом соорудить себе планету – и свалить отсюда на хрен!»

Под берёзкою иль смоквой,
если тыквой позвеню,
я, как *дедушка*, мирок свой
за неделю сочиню!

«Родное, отечественное хамство нужно гасить быстро», подумал Кулемзин, «как случайно оброненный окурок на дорогом пушистом ковре…»

«– Ёперные пять! – сделал заказ Талгат, на мгновение ощутив себя человеком, выпрыгнувшим с вертолёта и не знающим, есть ли у него парашют за спиной или нет»

«– Так жалко джокера отдавать, мать моя партия, – тонко пропел педагог.

– Нуртай, не прикидывайся правым оппортунистом, мать честнáя! – попенял Афанасьич, не заметив, как Курманбаев изменился в лице»

«Ну что, ребята, а не пора ли мне, яйчики-бабайчики, применить ленинский принцип о неотвратимости наказания?», подумал Альбионыч.

«– Как говорят учёные шарлатаны с астрологическими погонами, прибитыми прямо к голове, *не то сочетание планет*, – обронил писатель. – И не зря они, Талгат, предупреж-

дают, что есть дни, когда с этими иблисовыми гороскопами лучше сидеть дóма на диване, а не пытаться играть в карты с умными людьми, не верящими во всю эту чушь!»

Глава 160. ПОКЕРНЫЕ НОТАЦИИ ДЛЯ ВТОРОЙ ЧАСТИ 7 ТОМА (окончание, Об уникальности карточной колоды)

«Сыграв уже 20 робберов из 27 возможных, все подустали, к тому же коллектив покеристов и им сочувствующих мучила жажда, потому что пивко закончилось давно, а сходить за ним, не завершив партию, было нельзя. Но вот сделать короткий – на пять минут – перерыв было можно. Все внимательно смотрели на покерного гуру, словно ожидая от него некоего откровения. И он не подвёл.

Коллектив не маринуя,
понапрасну не блажу:
знаю истину одну я
и сейчас вам расскажу!

– Перетасовывая колоду карт, други мои, – начал короткое исследование теоретик *русской кочерги*, – вы создаёте последовательность, которая никогда ранее не существовала. Согласны?

– Лично я согласен, царица лесная, – согласился один из слушателей, – хотя вообще не понимаю, о чём ты говоришь!

– Как же так, мать моя КПСС? – расстроился за соседа по лестничной площадке второй слушатель.

– А, может, это, святой Малевич, вопрос веры? – встрял в диалог третий слушатель.

– Точно, йодистая вера! – подтвердил четвёртый слушатель.

– Володя, едрит Мадрид, может, ты продолжишь? – попросил лектора пятый слушатель.

– Конечно. Итак, **условие**: допустим, вы сдаёте карты в игре в покер. При этом уточним: вы опытный сдающий, а не один из тех людей, которые просто неумело крутят карты в руках, как дети. Вы мастерски тасуете карты, перебрасываете их из руки в руку, даже жонглируете ими, пока в конечном счёте не приходите к выводу, что карты расположены в абсолютно случайном порядке. **Вопрос**: каковы шансы, что конфигурация колоды, которую вы сейчас дéржите в руках, такая же, как той, которую вы перемешивали в прошлый раз? Может, это один шанс из 1.000? Или один из 10.000? Кстати, не забываем, что у нас в колоде целых 55 карт.

Вначале игроки бухали,
потом ругались без прикрас:
«В колоду карт понапихали,
что не запомнить их зараз!»

– Я думаю, – тут же озвучил решение сторож Полтавцев, – что это один шанс из двух: или получится, или не получится, – причём, всем слушающим этот бред показалось, что слово *думаю* Серёжа опять произнёс без кавычек.

– В смысле? – попросил уточнить Васюханыч.

– В смысле – как за пивом сходить: или принесу (если есть), или не принесу (если пива нет), – уточнил семижопинец.

– Нет, старичок, – перебил его карточный лектор Кулемзин, – здесь всё немного сложнее…

– Неужели один из трёх? – удивился охранник. – А-а-а, понял: третий вариант – это ку-

пил пива, но не донёс его до столика – разбил по дороге!

– И ещё раз нет, – вновь перебил его Володя. – Итак, **решение**.

Сейчас вы должны почувствовать себя особенным, потому что почти бесспорно, что конфигурация колоды, которую вы де́ржите в руке, *никогда* не создавалась ни одним человеком за всю историю человечества ни на нашем кривом шарике, ни в одной из её параллельных Вселенных. Ибо вы сейчас де́ржите в руках нечто, что никогда не будет снова создано, отныне и до самого конца времён!

– Не может быть, святой Малевич, – пробормотал Николаич, который всегда знал, что создать можно всё – да хоть «Джоконду-2» художника Муравлёва-Саксаульского, были бы краски под рукой да литров 6 «Фиолетового крепкого»!

Холст люблю я и горилку
(ну, ей-богу, не брешу):
дай мне краски и бутылку –
я «Джоконду» напишу!

– Что-то не сильно верится, мать моя КПСС, – проявил сомнение и педагог.

– Да, не верится, и я, Нуртай, тебя понимаю: согласитесь, непохоже, что 55 карт – это много. Но для попытки подсчитать количество возможных комбинаций из этих карт вам понадобится далеко не один свободный вечер. Не знаю, удивлю ли я вас, но общее количество статистических комбинаций колоды из 55 карт – это то, что известно в математике как «55 факториал», или «55!», а полностью это число выглядит так:

80.658.175.170.943.878.571.660.636.856.403.766.975.289.505.440.883.277.824.000

Серёжа привстал с покерной скамеечки, обошёл её кругом и принялся водить носком рваного сандалика по записи, которую Альбионыч только что сделал веточкой в пыли под ногами – от первой цифры 8 до последнего нуля, постепенно передвигаясь к северной границе Бермудского Учпучмака. А математик с покерным образованием в это время закончил свой научный обзор:

– Так что вам, други мои, осталось только представить, что если бы у каждой звезды в нашей галактике был триллион планет, а на каждой планете жили бы триллион людей, и у каждого человека был триллион колод карт, и они бы перетасовывали карты 1.000 раз в секунду, и делали это со времён Большого Взрыва, *то возможно*, только сейчас порядок бы повторился ещё один раз!

Даже в космосе взяли все моду
и́гры в покер буровить, визжа:
и на Альфе Центавра колоду
уважают, как мы уважа…

Уроженец деревни Семижопино, где *в дурака* играли все с са́мого рождения и до погоста, услышав сообщение своего учёного друга, с уважением посмотрел сначала на него, а потом и на колоду. «Пожалуй, пора бы научиться тасовать карты хотя 1 раз в секунду», подумал он. А учёный друг в этот момент полностью завершил свою краткую лекцию об уникальности карточной колоды:

– Так что, если это взрывает вам мозг, подумайте об этом так: есть только 55 карт, а в русском алфавите почти вдвое меньше букв. А теперь задумайтесь о количестве книг, написанных путём комбинации этих букв. Их, как это ни странно, чуть меньше, чем число, написанное мной у вас под ногами…»

Глава 161. ПОКЕРНЫЕ НОТАЦИИ ДЛЯ ВТОРОЙ ЧАСТИ 7 ТОМА (окончание)

«– Зачем ты так сделал, мать моя партийная организация? – недовольно спросил Мусаич. – Ведь мог же пойти за простую? Зачем?!

– Зачем? – переспросил Альбионыч. – Надеюсь, ты просто так спросил? Зачем, к примеру, встречаются кот и кошка? Ну, не для того же, яйчики-бабайчики, чтобы обмениваться блохами!

– Вот именно, царица лесная! – вставил свои три назарбакса сторож.

– Вот так и люди, – философски закончил объяснение писатель.

– Точно, святой Малевич! – вставил свои три мазка в общую философскую картину бытия художник Муравлёв, чем окончательно опозорил бестолкового коммуниста»

С разночтеньем мы покончим –
будь ты к этому готов:
блохи селятся на гончих,
но не жалуют котов!

«Партия уже подходила к концу, когда до носов играющих и их болельщиков со стороны площадки возле лабаза Калимы, давно превращённой в стихийную автостоянку, донеслось невероятное амбре. Все повернули указанные органы своих персональных чувств в эту сторону и увидели то, что не видели давно, а именно: гремящую запчастями коробку из-под примуса под названием «Запорожец»

Помнится, автор в каком-то из первых томов романа уже рассказывал об этом чуде советского автопрома (б), но вот сейчас выдалась та редкая возможность пополнить копилку знаний читателей романа. На этот раз речь пойдёт о цене этого «автомобиля»

В 70-х годах прошлого столетия самым дешёвым из продававшихся в СССР (б) автомобилей был именно ЗАЗ-966 с погонялом «Запорожец», стоимость которого составляла всего 3.000 советских рублей, что соответствовало 3.614 американским долларам. Но в то же самое время в США примерно за эти деньги, а именно за 3.562 доллара, например, можно было купить «Ford Mustang Mach 1», оснащённый кондиционером, АКПП[342] и 6-литровым 8-цилиндровым двигателем мощностью 290 лошадиных сил! Кстати, обычный «Ford Mustang» в базовой комплектации стоил всего 2.820 американских долларов…»

[342] *Автоматическая коробка переключения передач – прим. тех. редактора*

Мы на Земле одни такие,
и всё у нас наоборот:
машины наши дорогие,
ведь очень до́рог их ремонт!

«– Знаешь, Нуртай, такое иногда возникает желание, – запальчиво произнёс писатель.

– Пивка мне купить? – глуповато понадеялся учитель.

– Да нет, в последний раз припасть челом к твоему хладному лбу…»

«– Да я бы сейчас не проиграл, – посетовал Серёжа, – если бы точно знал, царица лесная, что к тебе пришёл покер, к Нуртаю старший джокер, а к Талгату аж четыре козыря!

– Так ты думаешь, что любое знание так важно? – поморщился Володя. – Вон сколько лет историки бьются: тоже хотят знать, кто же на са́мом деле убил царевича Дмитрия – и что? Ну, предположим, узнаем мы, что это сделал боярин Прошка Замудрилов, и опять-таки – что? Жизнь наша изменится к лучшему? Налоги станут меньше? Канарские остро-

ва расширятся на семь гектаров, чтобы принять всех желающих? Запомни, старичок, что всегда существует нечто, чего мы никогда не узнаем…

Афанасьич, слушая такие мудрёные рассуждения, раскрыл рот и даже забыл сделать контрольную запись в заветную книжечку «Для му.мы.»

«И здесь случилось неожиданное: проиграв сразу две взятки, или 45 очков, Альбионыч даже немного растерялся и решил выругаться, чтобы, по странной привычке русских, ему стало легче, но так как во всём был виноват сам, то решил ругнуться на прошлое.

– Долбаная советская власть! – с наслаждением произнёс он и прислушался к организму, но через несколько секунд понял, что легче не стало.

И генсек сказал, икая:
«Нет, ну правда, что за жизнь?
Власть советская такая,
хоть досрочно в гроб ложись!»

Зато стало легче Курманбаеву, который, услышав такую знатную хулу, вскочил с покерной скамеечки, поспешно отбежал в сторону, спрятался за карагачом, после чего вытащил из кармана помятую книгу жизни и записал в неё слова́ Володи – с тем, чтобы вечером аккуратно переписать их в объёмистую тетрадь под весьма убийственным названием «Компромат на всех. Том 14»

При этом восторженном исполнении партийного педагога заметно изменился: губы, сытенько выдаваясь вперёд, залоснились, словно он только что проглотил кусок лососины, на лбу проступили набрякшие кровью вены, а узкие саксаульские глаза, обычно чуть-чуть прикрытые ве́ками, зажглись необыкновенным энтузиазмом»

– Смотрите, у меня ровно 600! – радостно воскликнул трубач президенского военного оркестра, ещё минуту назад притворявшийся полуслепым.

– Два нолика, яйчики-бабайчики, – похвалил «заслугу» Кулемзин. – Как в сортире…»

«Когда ему не шла карта, сторож Афанасьич заводился, как двигатель какого-нибудь *ягуара* – с пол-оборота. После двух лет практически ежедневной игры в покер семижопинец стал невосприимчив к неудаче, как сова – к дневному свету»

Как алкашик с перепою –
тот, что путает слова,
притворяется слепою
наша бледная сова!

«Салихдзяныч, которого сейчас выручил земной марсианин, подарив ему недостающую для победы в роббере взятку, так как сам уже давно добрал своё, подпрыгнул от счастья и даже сделал попытку расцеловать Кулемзина, но тот, вспомнив о своей традиционной ориентации, ловко увернулся и, чтобы не оставлять человека в недоумении и обиде, произнёс:

– Вот ты, Талгат, когда целуешь свою Аиду, иногда вспоминаешь хотя бы одну историю из книги Ошо «Я праздную себя»?

– Н-н-нет, – заикаясь, признался обер-корнет, который в жизни не слыхал ни о каком Бхагване Шри Раджнише. – А что там, ёкарный праздник?

– Да просто в этой забавной книжке в одном месте тоже шла речь о поцелуях, только весьма специфических.

– Расскажешь, святой Малевич? – попросил Николаич.

– Конечно, – не стал чиниться писатель и рассказал то, что можно назвать

История от Ошо

Дело было в Ленинграде, ещё в советской (б) России. Так вот там местные власти велели свидетелям Иеговы выстроить себе особенную церковь под названием Холл Царства. Сказано – сделано. Построили эти глупые люди церковь, и вот идёт первая служба. Наконец после множества криков, воплей, обмороков, проповедей и назиданий служба благополучно завершается.

Потея, одна бабка становится перед распятием – гигантской статуей Иисуса, прибитого к кресту, затем поднимает голову и запечатлевает на его ногах долгий поцелуй.

Офицер из КГБ пристально наблюдает за бабкой, а потом подходит и спрашивает:

– А поцеловали бы вы ноги нашему великому вождю Горбачёву?

– Безусловно, – отвечает бабка. – Если бы вы также прибили его гвоздями!»

Раньше пили каждый день,
а теперь с получки:
этот хрен с пятном на лбу
нас довёл до ручки!

«Увидев, что в роббере на 11 картах ему пришли сразу два джокера и аж шесть весьма достойных козырей, Володя, не моргнув глазом, объявил пас, а когда остальные покеристы поназаказывали себе крупные взятки, мгновенно провёл классический снукерный поттинг[343], который закончился для него привычно, а вот для остальных – горем и разочарованием в жизни»

[343] *От англ. potting – забивание шаров*

«– Серёжа, не форсируй события! – попенял охраннику покерный гуру. – В шею тебя никто не гонит, да и коммунистический лозунг «Пятилетку – в три года!» давно отменили. И, кстати, тебе минус 20 очков!

– За что, мать честна́я?!

– А не выскакивай вперёд папы римского…»

«Смотрите-ка, какая забавная идеомоторная прострация», продиагностировал поведение большевика Альбионыч»

Глава 162. О ПИСЬМАХ Ж.П. и В.И. ЛЕНИНА, А ТАКЖЕ ПЕСНЕ ТАНКИСТА И ОДИССЕЯ

И как же хорошо, что покеристы успели закончить эту партию, потому что к участникам битвы, а также её сопровождающим Муравлёву и Митрохину неожиданно подошла Жанна Пантелеевна и тут же принялась агитировать не только Володю и Талгата, которые по её разумению, как жильцы до́ма № 17, были в полном подчинении инициативщицы, но и покеристов из соседнего до́ма № 16 Серёжу и Нуртая, а также совершенно посторонних людей Валеру и Васюхана.

– Вот вы сидите здесь, ничего не делаете, а я за всех должна думать, – сходу наехала общественница.

– Думать вообще-то никогда не вредно, – осторожно отозвался Кулемзин.

– А ты не умничай! – оборвала его Ж. П., как с подачи писателя называли активистку почти все жильцы вышеозначенного до́ма. – Вот завтра, например, дождь пойдёт, и что ты будешь делать со своим умом?

Слепительно в мои глаза
кидается сухое лето,

И собирается гроза,
лениво громыхая где-то…

Альбионыч несколько смутился, потому что никогда не связывал свой ум с природными явлениями, отдавая их воле несуществующего *дедушки*.

– А что такое, ёперный дождик? – вступил в разговор славный воин Батыршин.

– Да то, что некому позаботиться о том, чтобы прокопать хотя бы маленький арычок – от магазина Калимы прямо до большого арыка по улице Жубанова, тогда дождевая вода не будет задерживаться возле нашего дома и размывать его основание! – торжествующе объяснила старшая по дому.

Услышав одно из важнейших слов в своей тухлой жизни коммуниста, а именно *основание*, Курманбаев аж привстал с покерной скамеечки, словно собрался толкнуть речугу, но тут же очнулся, вновь сел и зажал голову между ладонями, чтобы не слышать визгливый голос Жанны Пантелеевны, а внимать словам вождя, которые, вспомнившись, из его головы сейчас проникали прямо в партийное сердце.

Мудрость Ленина – как реки,
что смывают всяку тлю:
то, что вождь сказал, навеки
в сердце я запечатлю!

Но удивительное дело, слова́ эти словно были связаны с безумной энергией общественницы: «Я с ужасом, ей-богу с ужасом, вижу, что о бомбах говорят больше полгода и ни одной не сделали! Пусть тотчас же организуются отряды от 3-х до 10, до 30 и т. д. человек. Пусть тотчас же вооружаются они сами, кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога. Пусть каждый отряд сам учится хотя бы на избиении городовых!»[344]

[344] В. И. Ленин, ПСС, 5 издание, том 11, стр. 229 «Письмо в Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете от 16.X.1905 года» – прим. полит. редактора

Ещё не до конца осмыслив слова́ вождя, Мусаич был вынужден очнуться ещё раз, ибо Ж. П. на этот раз обращалась непосредственно к нему:

– Вот ты, Нуртай, вроде бы учёный человек, неужели ты не подпишешь это письмо?

– А? Что? Какое письмо, мать моя партия?

– Да вот это, – сунула ему под нос бумажку активистка.

Преподаватель еврейского колледжа принял бумажку, витиевавато расписался где-то внизу, после чего свои автографы поставили остальные члены покерной хевры, включая Полтавцева, который, кроме крестика, который он ставил на все документы, добавил ещё коряво написанное слово Пол, словно объявляя себя одноимёнцем битла Маккартни, а к нему присобачил закорючку, которую подглядел когда-то в подписи Кулемзина.

«Успокоить кредиторов!»,
размечтался идиот.
«Ставлю я на том автограф,
что мне деньги принесёт!»

Старшая по дому тут же снизила градус своей активности до 0 процентов, аккуратно свернула бумажку, сунула её в то место, где у приличных женщин обычно бывала грудь, и отчалила от коллектива в сторону СС, или Старушечьего Столика, как называл его писатель, откуда тут же послышался повторный визга. А писатель поглядел в сторону виз-

га и неожиданно задумался над возрастом общественницы, но не придумал ничего, и решил обратиться к научному литературоведению.

«Вот читаю я мировую литературу», подумал Володя, «и понимаю, что у этих классиков с возрастом героев явно было что-то не то. Вот смотрите сами», обратился он неизвестно к кому.

«Маме Джульетты было 28 лет, и это придумал не я, а некий Шекспир. А вот это уже из Сергеича: Марья Гавриловна в его «Метели» была немолода: «Ей шёл двадцатый год». Толстой тоже постарался: Карениной было 28, Вронскому 23, а вот «*старику* мужу Карениной» – 48 лет! *Старому* кардиналу Ришельё (это Дюма отметился) было аж целых 42 года. Или вот читаем у Тынянова: «Карамзин был старше всех собравшихся, ему было 34 года – *возраст угасания* (?!)». И напоследок – из записок юного Пушкина (он тогда ещё Сергеичем не был): «В комнату вошёл *старик* лет тридцати»!

Додумав все эти мысли до конца, Володя понял, что с задачей не справился, так как визгу от швондера дома № 17 не убавилось.

В стране повальная разруха,
явившаяся страшным сном,
а наверху друг другу в ухо
горланит выбранный домком.!

Глава 163. О ПИСЬМАХ Ж.П. и В.И. ЛЕНИНА, А ТАКЖЕ ПЕСНЕ ТАНКИСТА И ОДИССЕЯ (окончание)

«Как бы сделать так, чтоб хотя бы ненадолго не слышать всего этого безобразия?», успел подумать марсианин, как заметил, что недалеко от места только что отгремевшего покерного сражения, а именно по левому катету Великого Игрового Треугольника неторопливо шестовавали знакомые читателю (и, надеюсь, полюбившиеся ему) апатриды второго микрорайона Танкист и Одиссей, толкая перед собой детскую коляску (б), доверху гружёную пустыми бутылками из-под пива, вина и водки.

– Эй, господа хорошие! – приподнял их (апатридов, а не бутылок) в статусе литератор. – Komm zu mir[345], яйчики-бабайчики!

[345] ***Подойдите, пожалуйста, ко мне, и не обижайтесь на это неожиданное приглашение! – перевод с нем. автора***

Бомжи, словно понимая один из европейских языков, послушно свернули с намеченного маршрута и приблизились к оградке Бермудского Учпучмака.

– Предлагаю обмен, – весело предложил добрый Альбионыч. – Меняю пару пива на два-три куплета какой-нибудь душевной песенки.

«Нелогично как-то, едрит Мадрид», подумал Васюхан, «нет бы всё по-честному: если пару куплетов, то пару пива, если три куплета, то три бутылочки, а если они вдруг споют лишний, четвёртый куплет, то отобрать ещё одну бутылочку у Курманбаева и рассчитаться!»

– Барно[346], начальник, – согласились асоциалы, – всё будет алмазно[346]. Наша песня – твои ампулы[347]! Забалдеете по-чёрному[348]!

[346] ***Хорошо, честно – феня***
[347] ***Бутылки – феня***
[348] ***Очень хорошо отдохнёте – феня***

Бомжи отряхнулись, встали рядышком, как сёстры Зайцевы, после чего Танкист, поправив несуществующую манишку, звучно объявил:

– Романс про Изю Шмеерзона!

А Володя порадовался, что этот звучный голос, да ещё в дуэте с Одиссеем, сейчас точно перебьёт визгливую Жанну Пантелеевну. И клошары запели:

– Курчавый Изя по прозванию Брунет,
побочный сын портного дяди Бори,
таких в природе больше не было и нет,
на зуб клянусь, век не видать мне воли!
Любитель женщин и знаток французских вин,
блюститель уркаганского закона,
он был прекрасен, как Исус Навин,
а в картах смыслил больше Соломона.
Его ценили и каталы, и воры́,
в нём был кураж и барская осанка,
курчавый Изя дня не прожил без игры –
он шпилил в стос, как в шашки Капабланка.
Но как-то Изя оказался на мели –
не пёрла масть ему, и жестом или зна́ком
свою шикарную подружку Натали
в отчаянье Брунет поставил на́ кон.
Но в этот вечер карты Изю подвели:
он всё вкатил влиятельному вору,
и вся в слезах его красотка Натали
ушла с другим согласно договору.
С улыбкой Изя удалился на балкон,
и грянул выстрел, словно залп «Авроры»!
Погибнул наш Брунет, но слава богу, он
своею кровью не забрызгал шторы...

~~Едва сдерживая слёзы~~ Не в силах вымолвить сло́ва от волнения, вызванного проникновенной историей, покерный гуру передал все шесть бутылочек (по числу исполненных куплетов) Афанасьичу, а тот, подойдя к оградке, передал их исполнителям.

– Вусмерть покатаемся[349]! – дружно воскликнули довольные бомжи и отчалили восвояси, а автор вместе со своими главными героями проводил их с глубоким сожалением, так как только он один знал, что навсегда расстаётся с этими персонажами…

[349] ***Высшая форма удовлетворения – феня***

Глава 164. ПОСЛЕДНИЙ ДОЖДЬ ЛЕТА

И тут наши герои, которые в эту минуту думали только о пивке, вдруг заметили, что с уходом клошаров на территории Великого▲ внезапно сделалось темнее. Все задрали глаза к небу и заметили до этого незамеченные аккуратные тучки, которые были разбросаны где-то вверху, как раскрытые коробочки хлопчатника.

– Неужели ёперный дождик? – радостно вытирая обильный пот носовым платком, больше похожим на портянку, воскликнул Салихдзяныч.

Ответом ему стали глухие звуки, которые пришли откуда-то с запада, и почётный синоптик Бермудского Учпучмака Кулемзин понял, что еле слышный гром, как предвестник скорой грозы, перекатывает гремящие чугунные болванки где-то далеко за облаками.

Но всё происходящее, конечно, не было неожиданностью, ибо вся прошедшая первая половина дня была ознаменована такой безысходной жарой, что просто не могла не закончиться дождём.

Всё выглядит немного странным,
хотя действительно весомо –
мне непогода так желанна,
желанны мне раскаты грома…

– Кажется, дождь собирается, – по-мультфильмовски[350] произнёс охранник, который, как оказалось, не расслышав слов военного музыканта, вдруг, сорвавшись с места, огромными прыжками поскакал в сторону до́ма № 16. Правда, минут через пять он вернулся – в пиджачке, в последний раз перелицованном во время правления К. У. Черненко.

[350] Слова́ Пятачка из мультфильма «Винни-Пух» (режиссёр Ф. Хитрук, 1969) по одноимённой сказке Алана Джоновича Милна[351] – прим. кинoредактора
[351] А вот забавный факт, который не известен ни одному кинoредактору: одним из школьных учителей юного Милна был Герберт Джозефович Уэллс – прим. автора

Вскоре звуки усилились, и Альбионыч, срочно снарядив в магазинчик старых друзей Муравлёва и Митрохина, стал с больши́м интересом наблюдать за приближающейся грозой, отметив, что когда в прогретом воздухе возникает пе́тля удушья, которая безжалостно затягивает горло, тут только два спасения: или кислородная подушка, или дождь. Но где было взять нашим героям какую-то медицинскую подушку, когда ближайшая аптека находилась от покерного столика минутах в десяти ходу – прямо напротив микрорайоновского базарчика.

Огромная, иссиня-чёрная туча, прямо на глазах клубясь на полнеба, наползала на персонажей романа «Русская кочерга» с неправдоподобной быстротой, периодически часто ощетиниваясь ветвистыми молниями. Дождя всё ещё не было, но уже стали ощущаться резкие порывы летнего ветерка, подымавшего и закручивающего пыльные столбики. Подойдя поближе и расположившись прямо над местом былых сражений, туча вдруг разродилась мощной молнией, за мгновение до которой пришёл громовой раскат, а потом ещё и ещё – всё с меньшими паузами между вспышками и звуковыми ударами.

А единственный поэт в этой странной компании в это время к месту вспомнил свой старый стишок под названием

Начало и конец

Путь начать, дождём промокнув,
но не сбиться с полпути,
невзначай кидая в окна
взгляд, и вновь вперёд идти,
не отталкивая встречных,
завершить свой путь простой,
и увидеть бесконечность
в каждой капле дождевой,
что вперёд тебя бежала,
обгоняя вечный миг,
и заранее не знала,
кто сейчас её настиг…

– Ну, наконец-то достигли *дедушкиных* ушей мои просьбы! – как ребёнок, радовался бывший текстильщик. – А то просишь его, просишь, а он делает вид, что не слышит…

– Какой же ты всё-таки бескультурный, Серёжа, – попенял сторожу Курманбаев, который со своими двумя высшими образованиями точно знал, что дождь – это ни что иное, как атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде капель жидкости со средним диаметром от 0,5 до 6-7 миллиметров.

– А я согласен с моим другом Полтавцевым, – неожиданно поддержал охранника литератор. – Мне тоже кажется, что где-то далеко-далеко *дедушка* наконец-то принял жертвенного саксаульского барашка и послал нашим чабанам давно обещанный дождик, вот только немного промахнулся. И то – попробуй без компьютера уследи за просьбами без малого нескольких миллиардов нуждающихся!

И вот наконец пришедшие во второй микрорайон тучи приобрели очертания мериносов и стали играть друг с другом, вовсю перебрасываясь мелкими, как бы *разминочными* молниями, которые с удовольствием схлёстывались, выжигая всё вокруг. Затем вполне ожидаемо грянул гром, и его грохот напомнил перестук вагонных колёс. Над покерным столиком вдруг резко запахло статическим электричеством и влажными женскими волосами.

И только после этой этой подготовительной небесной артподготовки сверху ударила какая-то особо крупная, неудержимая и испепеляющая, как первый оргазм, молния. И упал дождь!

Он свалился какой-то отвесной стеной, и сразу же стало темно, будто вместе с дождём на Бермудский Учпучмак упала ночь. Резко рванул ливень, да ещё какой – не отдельные капли, а плотные, тугие струи сливаясь, с шумом полились на землю. Сразу пропал из виду соседский дом № 16, стоящий менее чем в пяти метрах. Дунуло свежестью, в лица игроков и их болельщиков полетела мелкая водяная взвесь, которую все перенесли мужественно, кроме Мусаича, взвизгнувшего, как собака из романа Лескова [352]. Малая вода вскипела и заклокотала, как в легендарные времена Великого потопа.

[352] Н. С. Лесков, «Обойдённые» (1865). Точная цитата: «Вдруг собака потянула чутьём, глянула на чёрный сундук, быстро вскочила, взвизгнула, зарычала тихонько и со всех ног бросилась в тёмное поле, оставив недоглоданную кость на платформе» – прим. лит. редактора

По воле *дедушки*-владыки
Земля состряпалась в бассейн:
потоп назвали мы Великим,
ведь утонули мы в нём все!

Володя, со счастьем ловивший капельки небесной влаги на лицо, подумал, что только что упомянутый в стишке *дедушка* сейчас, видимо, смотрел сентиментальный мексиканский сериал, и поэтому плакал дождём, роняя крупные капли слёз. Дождь стучал по листьям, сбивая их на землю, по затылкам прохожих, по грязной одежде бомжей. Вода бесшумно сочилась по забытому на верёвке белью. Дождь падал особенно сильный, как отпущение чьих-то коллективных грехов. Бермудский Учпучмак мгновенно опустел, оставив на своих малых просторах только главных героев «Русской кочерги»

Глава 165. ПОСЛЕДНИЙ ДОЖДЬ ЛЕТА (продолжение)

Капли дождя били по их макушкам в полном соответствии с законом всемирного тяготения, законом сохранения импульса, законом сохранения массы и ещё парой-тройкой

других основополагающих законов, придуманных какими-то умными людьми. Слизнув первую каплю, упавшую ему прямо на губу, Серёнька Афанасьич к месту и вслух вспомнил, что у него на антресолях (здесь все уважительно покосились на произнёсшего такое сложное слово) где-то валяется зонтик. Но он не знал, а вот автор нашего замечательного повествования знает точно, что этот зонтик давно *схарчили* тараканы, постепенно вымирающие в квартире № 30 от голодухи.

Звучат печальные орга́ны,
чтоб до конца жизнь очернить:
ушли к соседу тараканы –
мне нечем здесь их накормить!

А писатель Кулемзин подумал, что этот природный катаклизм сто́ит запомнить, после чего отложил на полочку с надписью *safe* вот такую нехитрую мысль: «Море в этом году меня не дождалось – это плохо. Но то, что оно решило проведать меня в виде дождей – это хорошо!»

И вот уже второй раз за день Альбионычу пришлось прибегнуть к своим знаменитым марсианским технологиям, соорудив ещё один невидимый хрустальный купол над покерным столиком [353]. И тут же страшный и ужасный ливень перестал казаться прелюдией конца света – это был самый обыкновенный летний дождик, по которому соскучились пересохшая земля и раскалённый солнцем асфальт. Пуга́ло только отсутствие людей (кроме, разумеется, наших героев): в мгновение ока куда-то делись и дворовые дети, и старушки-пенсионерки, и алкаши Глав-Бух и Галлюцинация.

[353] Первый такой купол был сооружён в главе 99 этого тома – прим. гл. редактора

Во время дождя происходил как бы эффект нейтронной бомбы, которой *штатовцы* долго пугали Совок: всё оставалось на своих местах, но куда-то немедленно исчезали люди. Правда, не в само́м Великом Треугольнике, а рядом с ним всё ещё смешно бегали домохозяйки, на свою беду десятью минутами ранее решившими сходить в магазинчик Калимы за спичками и солью. Дождик словно решил наказать их за неразумность и стал бить как-то очень прицельно, стараясь попасть тонкой струйкой именно на эту часть населения второго микрорайона. Холодные капли сбега́ли за шивороты – щекотные, будто маленькие насекомые, и домохозяйки взвизгивали, как в сноске в конце прошлой страницы.

Мне дождик летний говорит:
мир из осколков состоит,
и утверждает летний гром,
что обновилось всё кругом,
а молний росчерк пишет в небе:
есть зло, добро, и быль, и небыль.
Но говорят всех тюрем башни,
что есть у мира дождь вчерашний…

Дождь давил на психику, как отпущение грехов. Марсианин представил, как там, наверху, за облаками, *дедушка* – весь в белом, с крыльями и золотым сиянием вокруг головы, цедя сквозь зубы нехорошие слова́, наблюдает за ним в прицел какого-нибудь небывалого небесного орудия типа *грозомёта*, и никак, бедняга, не может поймать его макушку в перекрестье, чтобы как следует долбануть ещё и молнией.

Скорее всего, система наведения у него была слишком громоздкая, порядком уста-

ревшая за тысячелетия, к нынешним скоростям не приспособленная, вот и не выходит ничего, кроме как тонкой струйки так долго ожидаемого дождя.

Потом его (марсианина, а не дудушки) взор поневоле упал левее оградки – там сидел мокрый пёс Боря и скулил, жалуясь на то, что его хозяйка Жанна Пантелеевна, когда начался дождь, побежала домой, а его забыла.

О, как тяжёл собачий век:
и в дождь, и в снег, и в слякоть
из дома гонит человек
и заставляет какать!

Затем Альбионыч перевёл взгляд направо и его затошнило: под невидимым хрустальным куполом сидел педагог Курманбаев и с явным неудовольствием наблюдал чуждую его патриотической аскезе стихию. Чтобы успокоиться, писатель поглядел в бумажку с планом этого тома и увидел, что его вторую часть уже пора заканчивать. А что могло быть самым лучшим окончанием, чем весёлая, искромётная и весьма поучительная басня ~~дедушки Крылова~~ будущего дедушки Кулемзина...

Глава 166. БАСНЯ ПРО СТРАННЫЙ КВАРТЕТ, ВСЯ СТРАННОСТЬ КОТОРОГО ОБЪЯСНЯЕТСЯ В ДВУХ ПОСЛЕДНИХ СТРОКАХ

Проказница Мартышка,
Осёл, Козёл и косолапый Мишка
задумали сыграть в картишки,
затарились вином и коньячишком,
и сели под кустом.
Решив играть не в покер-преферанс,
а просто в *дурака* – в почёте он у нас.
Сдаёт Осёл, Козёл пристроился к вину,
Медведь таращит гла́зки, чтоб не обманул,
Мартышка же жеманно причёску поправляет,
«Кому б построить глазки?», неспешно размышляет.
Медведь сказал: «Семёрка» и карту – шлёп на стол!
Побил семёрку бойко шестёркою Козёл.
«Козлиная ты рожа!», взревел тогда Медведь,
«Зачем шестёрку *ложишь*? Могу за это съесть!»
«Шестёрка – козырная», расплылся тот в улыбке
и, не размышляя, выпил полбутылки.
«Ну и пьёшь, Козлина!», насупился Ишак.
«Ведь вечер у нас длинный – давай сюда коньяк!»
Допив и смачно крякнув, смотрит на Мартышку:
«Клади, сказал, девятку, а я – погоны Мишке!»
«Ну, я так не играю», расстроился Медведь,
«хоть вас я уважаю, но сколько ж мне терпеть?
Проклятая Мартышка глядит в мои картишки,
Козёл нахально жулит, Осёл-сапожник курит.
По кумполу заеду за вашу за победу!
Ведь все вы обезьяны, играть с вами не стану…»
«На что ты намекаешь?», возникла тут Мартышка.
«Хреново ты играешь, и грубиян ты, Мишка!!
«Играю, как умею, и явно – лучше многих,
связался я с плебеем и парочкой убогих!»

«А за базар ответишь!», сказал за всех Козёл.
«Зря в чемпионы метишь: хоть бурый, но – осёл!»

♠ ♠ ♠

Вот так и вздорили зверюшки,
ведь карты с водкой – не игрушки!

Конец второй части

Часть III. Вечер

Глава 167. ПОСЛЕДНИЙ ДОЖДЬ ЛЕТА (окончание)

«Похоже, этот дождь будет идти до самой пенсии», подумал Володя, и тут случилось чудо – это природное явление немедленно прекратилось, как будто бы ждало именно такой мысли писателя, и он даже пожалел, что не подумал об этом раньше. Итак, дождь закончился, но тучи не желали расходиться – они стояли плотной и угрюмой толпой, словно чего-то ждали.

«А, может, подумать и про них тоже?», ещё раз подумал литератор, и тут же случилось второе чудо – эти взвешенные в атмосфере продукты конденсации водяного пара, видимые на небе с поверхности земли, как называют тучи учёные словари, исчезли, как будто их и не было. Небо прояснилось: где-то ближе к *дедушке*, как видно, гулял сильный верховой ветер, который и разодрал эти тучи в клочья – сквозь фиолетовые прорехи уже проглядывали весёлые голубые полянки, с которых так и мечталось собрать послегрозовой урожай рыжих лисичек.

Альбионыч второй раз за день ликвидировал нежный хрустальный купол, и тут же на игроков хлынула та же жара́, ещё более невыносимая из-за липкой влажности.

– Жалко, мать честна́я, что дождик так быстро кончился, – произнёс голос, похожий на полтавцевский, и все невольно удивились, какая же складная фраза на этот раз получилась у сторожа.

– А то ведь ещё мог немного погудеть, святой Малевич! – поддержал мысль Афанасьича живописец Муравлёв, и все невольно удивились, как он мог расслышать какое-то гудение, сидя вместе со всеми под куполом.

Его органное гуденье
во все басы, на все лады
бесспорно, как происхожденье
всего живого из воды…

Да, дождь, к сожалению, закончился, только в разлившиеся лужи иногда срывались капли с деревьев, домов и случайных постовых милиционеров. В лужах плавали пузыри, на ближайшее время не обещавшие ничего хорошего и сухого. Капли сверкали на солнце, как крупные бриллианты, по подсыхающим пешеходным дорожкам с утробным воркованием расхаживали сексуально озабоченные голуби. По сырой полоске прибитой пыли, оттискивая полиграфически чёткие следы, нагло прогуливался знакомый моему читателю мокрый и взъерошенный во́рон, изредка вскрикивая:

– Где ёпер-р-рная р-р-радуга? Где эта кр-р-расота?

Оборвавшаяся напоследок молния расщепилась как-то корнеобразно и прошлась, судя по мощному звуку, сразу по нескольким нераскаявшимся грешникам типа Глав-Буха и Галлюцинации, заставив вздрогнуть карликовую русалку, сушившую влажные волосы в кроне карагача.

Во время дождя земля местами без травы, вытоптанной дворовыми детьми, раскисла и размягчилась, словно сентиментальная старуха от слезливого бразильского сериала, и сейчас превратилась в податливое и скользкое сало.

На кладбище одна вдова,
похоронив вождя,
увидела: земля жива –
полезла из неё трава!
И всё из-за дождя…

И вдруг вокруг огромного пространства между домами №№ 16 и 17 возникло третье чудо этой главы, называемое радугой, и этому явлению больше всех обрадовался старый ворон, довольно воскликнувший:

– Наконец-то, ёкар-р-ный р-р-раскар-р-рдаш!

– И не говорите, сосед! – довольно ответила ему русалка, волосы которые из-за вновь хлынувшего жáра стали сухими за считанные минуты.

Все невольно залюбовались прекрасной разноцветной картиной, а старший джус и антенщик Васюхан Митрохин даже открыл рот от удивления, вспомнив, что последний раз видел радугу в классе втором или третьем, когда они всем классом ходили в Отцеябловский ботанический сад собирать жёлуди, попали под дождь, а потом любовались неожиданной радугой.

И так пробило Васюханыча это детское воспоминание, что он даже вспомнил не только урок природоведения, но и Ф.И.О. учительницы Софьи-Дарьи Константиновны Доценко, которая на этом уроке рассказала ученикам о том, как правильно и, главное, на всю жизнь, запомнить порядок цветов радуги – надо просто зафиксировать в памяти вот такие слова́:

Когда
Охота
Жвачку,
Закрой
Глаза,
Сиди и
Фантазируй!

, а когда надо вспомнить, просто взять первые буквы этих слов и придумать на них название цве́та – красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий и фиолетовый!

«А откуда он вообще берётся, мать моя партия?», хотел озвучить свою мысль партийный педагог Курманбаев, но не стал этого делать, боясь осмеяния от своего идеологического врага Кулемзина. Но не таков был штатный поэт Бермудского Учпучмака, чтобы не ответить на вопрос, даже не заданный вслух, поэтому тут же прочёл свой старый стишок на заданную тему:

– Какой-то пьяный подонок
вышел из душной палатки
и выстрелил из винтовки

в глаз вечерней звезде.
Пуля звезду миновала –
дедушке врезалась в пятку,
и плюнул *дедок* в досаде,
и мир утонул в дожде!

«Какое сомнительное творчество!», раздражённо подумал ленинец, но вслух произнёс совсем другое:

– А я вот слышал, что русский царь Пётр Первый однажды даже издал какой-то закон, то ли запрещающий дождю идти во время религиозных праздников, то ли запрещающий ему мочить царственных особ, то ли запрещающий что-то вообще.

– А чего это у тебя, царица лесная, всё запрещающее? И почему не названа точная дата выхода закона? И вообще при чём здесь Пётр Первый?

– Можно подумать, ты что-то про него слышал? – притворно возмутился Мусаич.

– Да что же я, вашего Петра Первого не знаю, что ли? – обиделся Серёжа. – Это же он, когда с Пушкиным бухáл, кричал: «Отсель грозить мы будем Штатам!»

Глава 168. СЛАДКИЙ ТУМАН НАСЛАЖДЕНИЙ (Поход сами знаете за чем)

Но вот дождик, который, как выяснилось, был быстротечным, закончился, и наши герои с удовольствием глядели на умытый мир сквозь чистый и даже в чём-то прохладный воздух. Впрочем, такой радости жизни оказалось всего на минуту, так как беспощадный жёлтый карлик G2V, как по спектральной классификации называют наше солнышко астрономы, после дождя стал ещё беспощаднее и принялся за своё привычное летнее дело, то есть осушать лужицы и выбивать пот из подвернувшихся ему под лучи землян. А вместе с этими потугами в Бермудский Учпучмак тут же вернулась жара, которая, казалось, спряталась куда-то во время кратковременного катаклизма, но тотчас же вернулась – для производства своих дальнейших пропадлючьих работ.

Дебоширило буйное лето,
как в таверне поддатый матрос,
избивало всех солнечным светом,
наплевав на дождливый прогноз.
Загоняло до пота одетых,
голых жарило до черноты,
зная точно: за это к ответу
привлекать не возьмутся *менты*…

И, наверное, поэтому художник Николаич, который неожиданно, как любой русский интеллигент во время беды, почувствовал себя ответственным за здоровье нации, поднатужившись спёкшимся мозгом, произнёс краткую, но полную смысла речь:

– А не испытать ли нам, друзья, приход сладкого тумана наслаждений?

, после чего сам удивился сказанному и смущённо замолчал, как бы ожидая версий-расшифровок своих внезапных слов. И они поступили на горячий телеграф Великого▲.

– В смысле по ёкарным домам и йодистую порнуху смотреть? – вбросил первую версию единственный гендерный страдалец в коллективе по имени Талгат.

– Ну, наконец-то хоть кто-то, яйчики-бабайчики, – подал вторую версию наивный писатель, – сказал слово за продолжение нашей великой игры!

– А я, о мои сопокерники, – начал озвучивать третью версию коммунист Курманбаев, – могу, конечно, прямо сейчас принести 41-й том Полного собрания сочинений Владимира Ильича Ленина, где опубликована гениальная статья «Проделки республиканских шовинистов»[354], но боюсь, что это может не понравиться… Талгат, куда же ты?!

[354] Эта ленинская статья была опубликована в газете «Volksrecht» от 5 апреля 1917 года (№ 81) – прим. ист. редактора

Баночку тюленины
быстро дожую:
я под книжки Ленина
только водку пью!

И пока многострадальный старший прапорщик Батыршин вёл привычную беседу с многострадальными бермудскими кустами, на суд коллектива поступила третья версия муравлёвских слов – от его друга Васюхана.

– А я думаю, – заявил он, – что мой друг Валера на этот момент нашего бытия оказался самым умным в коллективе, иначе зачем бы он предложил Серёже сходить за пивом?

Полтавцев, услышав своё имя, страшно удивился, потому что среди слов, произнесённых до этого живописцем, никакого *серёжи* не было.

Разумеется, после заявления Митрохина все остальные версии, даже неназванные, рассы́пались в прах. А удивление сторожа оказалось таким сильным, что он даже не стал задумываться, почему это именно он снова должен идти в сельпо Калимы, и, получив от Володи необходимые финансы, отправился строго на юг – преодолевать заветные 22 метра до крыльца лабаза.

Оставшиеся в сиротстве учпучмакцы знали, что походы Афанасьича иногда делают задержку до 10-15 минут, и поэтому стали коротать время за разными разговорчиками.

– А тебе, Талгат, чего хочется? – с улыбкой поинтересовался Альбионыч, на что получил ответ:

– Мне? Мне хочется вареничков со сметаной. И холодца с хреном. И – на Мальдивы!

– Жаль только, – ещё раз улыбнулся литератор, – что из перечисленного тобой заказа у Калимы пока есть только хрен, да и то не в виде закуски, а лишь как фигура речи…

Грусть стабильна, а радость – бренна:
чтобы я забренчал внутри,
ты потри мне, родная, хрена –
килограмма примерно три!

Минут через семь первым занервничал антенщик Васюханыч:

– Что-то наш скороход, едрит Мадрид, долго делает покупки.

, на что тут же получил ответ от знатного бермудского историка Кулемзина:

– Одиссей Лаэртович с погонялом Троянский, как известно из сочинения некоего Гомера, возвращался домой ровно 20 лет. А виной тому, ясен пень, были некие *дедушки*, которые всячески ему препятствовали. По крайней мере, именно так он объяснял задержку своей жене Пенелопе!

– Дорогая Пенелопа,
мне 4 эскалопа!

Но семижопинец задерживался по другой причине – он, как всегда увлекшись новыми товарами в лавке, с удивлением рассматривал их и даже приценивался, хотя все рассуждения об этом в конце концов сводились к такой вот мысли: «С такими ценами на продукты, мать честна́я, сказку про кашу из топора в наше время надо рассматривать как рецепт!»

Он недолго постоял возле молочной полки, пробормотал что-то вроде того, что зачем покупать дорогие 30-процентные сливки, если можно просто смешать 10- и 20-процент-

ные, затем обозрел полочку сырную и даже вспомнил, как на днях заходил сюда вместе с другом Кулемзиным, который показал ему заморский сыр *фета*, но сказал при этом какую-то явную чепуху, причём, таким голосом, словно выдавал очередной афоризм:

Почему есть сыр фета,
но нет колбасы тютчева?
Потому что умом Россию
не понять!

Тащишься от свежих дыр –
покупай швейцарский сыр!

Затем он поразил Серёжу вопросом: «Какое молоко даёт утонувшая корова?» и, не получив ответа, объяснил, что *топлёное*, а потом под большим секретом поделился с охранником тайным масонским знанием, как заработать на торговле яйцами: «Купите яйца из птицефабрики, сотрите спиртом клеймо и дату, слегка обмажьте продукт куриным навозом и продавайте, как деревенские, смело удвоив цену!». И хорошо, что в тот момент его не слышала владелица магазинчика Калима…

Целый день он слышит: «Дайте,
заверните и продайте!»,
и хоть очень устаёт,
но даёт и продаёт!

И уже в конце этого просветительного похода покерный гуру раскрыл бывшему текстильщику самую главную тайну, объяснив, что подлинное умение продавца заключается в его способности так завязать полиэтиленовый пакет, чтобы его уже никогда не удалось развязать!

А сейчас Афанасьич стоял перед рыбной полочкой, на которой, судя по внешнему виду, появилась селёдка, но с совершенно непонятным ценником, да ещё и такими страшными большими буквами, которые грамотный Володя называл *прописными*:

Сельдь СС.
Цена договорная.

– Уважаемая Калима, – обратился Серёжа к завлабазом, – не могли бы вы прояснить мне мне один вопрос: вот этой селёдкой вы что́, фашистов кормить собираетесь?

«Ну и придурок!», подумала магазинщица, но вслух решила быть любезной, свесилась через прилавок, чтобы быть ближе к потенциальному покупателю, и тихо прошептала:

– Это сельдь у меня так называемая долгоиграющая: первую неделю она проходит как Слабо-Солёная, через неделю – Средне-Солёная, а если за две недели никто не купит, то Сильно-Солёная – до конца!

Плывёт косяк в миллиард хвостов,
навстречу косяк в миллиард голов:
не думай, что это неправда –
бывают и в три миллиарда!

В это время все заметили, что Альбионыч внезапно замолчал и, прикрыв глаза, привалился спиной к карагачу, и поняли, что его посетил очередной Хронотоп. И автор подтверждает: да, это именно так, и даёт читателю ознакомиться с короткой главой, озаглавленной как

Глава 169. СЕЛЬМАГИ В СССР (Хронотоп № 47)

Прикрыв усталые марсианские глаза, Володя, словно во сне, видел ряды булок свежего хлеба без всяких целлофановых упаковок, строй бутылок с пивом и лимонадом, лопаты, какие-то шали, краску в грязных банках, обязательные пряники и, конечно, конфеты *монпансье* в металлических коробочках. Всё это лежало на полках вперемешку, ни о каком товарном соседстве в те годы речи не шло. За хлебом приходили с утра, чтобы покушать свежую хрустящую корочку, к обеду в магазин подтягивались бабульки, разносящие по округе новости о том, что у Людки новый хахаль, а у Петровны Звёздочка отелилась: бычка назвали Лёней – в честь генсека Брежнева.

Говорит доярка Тоня,
не смотря на ветврача:
«Назову телёнка Лёня –
так похож на Ильича!» [355]

[355] ***Разумеется, в честь Ильича Второго! – прим. автора***

Именно такими он (Володя, а не Брежнев) помнил сельские магазины в СССР. Кстати, для тех читателей, кто не в курсе: слово *сельпо* было образовано от **сель**ского **п**отребительского **о**бщества, и цель таких магазинов состояла в том, чтобы избавить деревенских жителей от спекулянтов.

Магазинчик как клеймо:
«Продаём без блата!»:
власть дала нам всем сельпо –
чтоб без переплаты!

Сейчас писатель словно наяву видел один из таких раймагов в Грусть-Каменодырской области, где неоднократно бывал в командировках. Это был как бы отдельный игрушечный магазин, в который люди приезжали из всех окрестных сёл, он обладал даже тривиальной вывеской «Советская игрушка». Впрочем, это и не удивительно, ведь стоял он в райцентре, в котором уже в 70-х годах прошлого века проживало больше 2.000 жителей. А вот и памятное фото, которому без малого исполнилось 30 лет:

Что же можно было купить в таком магазине игрушек, кроме игрушек? Шашки, шахматы – вот обе доски для этих игр соседствуют с портретом Ленина, куклу на велосипеде, неваляшек, книги и даже мини-бильярд – особенно шикарную игрушку в советские (б) времена. Здесь же продавали маленькие радиоприёмники, которые было удобно подвешивать в кабине тра́ктора или комбайна, а также музыкальные инструменты и многое другое.

Тогда ещё не было моды часами сидеть в магазинах просто так, но они (магазины, а не часы) всегда были местом ежедневного сбора населения: поболтать, обменяться новостями, похвастаться покупками – всё здесь….

В этот момент писатель получил заметный тычок в бок и, открыв глаза, увидел перед собой довольную рожу хорунжего Батыршина.

– Хватить спать! – рявкнул он. – Серёжа на горизонте!

Это было, конечно, враньём, потому что из-за магазинчика Калимы не было видно не только горизонта, но даже гор, которые в Отцеябловске все наблюдали именно на юге.

Нам подсказывает сервер,
как не даться маетам:
«Хоть на юг, а хоть на север –
лишь бы пиво было там!»

Глава 170. АРМЕЙСКИЕ БАЙКИ СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

Довольные бермудцы быстро разобрали заветные бутылочки и начали их потребление с разной степенью интенсивности: больше всех старался Нуртай, от жадности даже иногда покусывая горлышко сосуда. Смотреть на это было противно, и Кулемзин, будучи знатным писателем сразу двух веков, рассказал им короткий случай из своей жизненной практики:

– Заехал я как-то на выходных в наш местный магазинчик со странным для Саксаулии названием «Русский». Смотрю и глазам не верю: стоя́т на по́лке стерилизованные супы в стеклянных банках производства одной евространы, а этикетка на русском языке сообщает:

**Борщ украинский. Содержимое банки
разбавить водой в соотношении 1:1
и довести до кипения!**

Но я человек, как известно, любопытный, поэтому посмотрел на другую сторону банки, где была ещё одна наклейка – с переводом на английский. Не буду мучить Серёньку Афанасьича просьбами, а сразу же переведу сам:

**Борщ украинский. Содержимое банки
разбавить водой в соотношении 1:1,5
и довести до кипения!**

– Что такое?! Не может быть! Тут я продавца спрашиваю:

– Это что, опечатка?

– Вы знаете, нас самих это удивило, и мы сразу́ же поставщикам написали,:мол, у вас тут ошибка, так исправьте, пока жалобами не засы́пали. А они в ответ нам пишут: «Спасибо, мол, за сообщение, рекомендуемое нами разбавление учитывает отзывы потребителей и различается в зависимости от страны. Русские любят борщ погуще, а американ-

цы предпочитают пожиже. Кстати, мы недавно сделали пробную поставку и в Китай, так там вообще 1:2 разбавлять надо – им, оказывается, так вкусней!». Интересно, что они там в Китае во вкусе борща понимают?! Так что разбавляйте, как по-русски написано…

Эх, жаль в продаже нет наганов,
особенно когда вспылишь:
едят китайцы тараканов,
а нам на закусь – репа лишь!

После такого страшного рассказа бермудцы с покерным образованием несколько минут сидели молча, изредка издавая напряжённые хлюпающие звуки. Но сидеть молча было (прости, русский язык!) не комильфо, и Володя предложил тем участникам спонтанного банкета, кто когда-то служил в армии, рассказать коллективу какие-нибудь армейские байки. А так как из шести сидельцев на покерной скамеечке таких набралось пять человек (кроме Мусаича), то таких историй у каждого набралось немало. Но в этой главе мы ограничимся всего двумя, а почему, будет понятно любому читателю, если тот посмотрит на первую сторону нашей книжки и ещё раз прочтёт её название!

Первое слово было предоставлено единственному на этот момент действующему воину, на чьих погонах гордым светом сияли аж 6 звёздочек – правда, маленьких.

– Однажды, когда я ещё учился в музыкально-прапорщицком училище имени ёкарного домбриста Курмангазы, вызвал меня к себе лейтенант Петрушенко и говорит:

– Курсант Батыршин, мы решили поручить вам ответственное дело – даже можно сказать, государственной важности! Поедете в город вместе с начальником финансовой части капитаном Беленьким. Охранять его будете.

Не подумайте, бахвальство,
не подумайте гадать:
охраняю я начальство –
жизнь готов всегда отдать!

– Извиняюсь, – поинтересовался я, – а что, стало известно, что на товарища капитана будет совершено покушение?

– Не выдумывайте, курсант, – отвечает лейтенант. – За деньгами поедете. Ясно?

– Так точно! – сказал я. – Ясно!

Тогда взял я из пирамиды автомат…

– А пирамида, царица лесная, часом, не Хеопса была? – закатился смехом Полтавцев, и все вспомнили, что служил он в стройбате, где солдатам оружия не выдавали вообще, а если выдавали, то в виде совковой лопаты.

Салихдзяныч укоризенно посмотрел на перебивальца и продолжил:

– …так вот, получил я у старшины под расписку 7 патронов и пошёл в штаб, а из штаба уже вместе с капитаном Беленьким – на станцию. Пригляделся: в руках у капитана чемоданчик – самый обыкновенный коричневый чемоданчик, даже немного потрёпанный. Значит, именно за этим чемоданчиком и надо было смотреть в оба.

На станции сели мы в поезд и поехали в город. А вот какое у него название, не скажу – до сих пор военная тайна.

– Так ваше училище чтó, в деревне какой-то было, мать моя КПСС? – воскликнул Курманбаев.

– Ох, и глупый ты человек, сосед, – в очередной раз опозорил педагога сторож. – Как ты не понимаешь, что воинская часть – это секретный объект, и в городе его размещать никак нельзя! А вдруг враги, а вдруг шпионы, а вдруг асоциальные личности пьяными ночью через забор перелезут? Эх, ты!

Враг нападает на объекты,
а мы же защищаем их –
все расточают нам *респекты*
под видом вин полусухих!

Нуртай сконфуженно пожал плечами и решил больше не вмешиваться в разговор людей, объединённых некой милитаристской идеей, а трубач продолжил свой рассказ.

– В общем, добрались мы до города и там пошли в йодистый банк. И кстати, помню, как сейчас, что все встречные люди с уважением смотрели на вооружённого автоматом курсанта, то есть меня. В банке капитан получил деньги, сложил их в чемоданчик, и мы пошли назад, на вокзал: офицер чуть впереди, а я с автоматом – чуть сзади.

Пришли на вокзал, сели в поезд и поехали обратно. Вернулись на свою станцию и пошли в сторону нашей части. Дошли до штаба, и тут капитан пожал мне руку, а потом и говорит:

– Ну, вот и всё. Спасибо.

– Пожалуйста, – отвечаю.

Знает весь военный полк –
нет у нас изгиба:
выполняем свой мы долг,
но не за спасибо!

Глава 171. АРМЕЙСКИЕ БАЙКИ СТАРЫХ ДРУЗЕЙ (окончание)

Вернулся я в казарму, сдал старшине патроны и поставил автомат в пирамиду.

– Всё? – спрашивает старшина.

– Всё, – говорю я..

Старший прапорщик откинулся немного назад, поднял вверх свою бутылочку «Маршала» и стал шумно, как лошадь из ведра, пить пиво – видать, пересохло у него в горле во время рассказа.

– Ну, а дальше-то что, святой Малевич? – не выдержал паузы Муравлёв.

– Дальше? – недоумённо переспросил шнапс-капитан. – Так всё уже. Конец фильма!

– Как, едрит Мадрид? – воскликнул вслед за Валерой Васюхан. – А разве на вас не было никакого нападения? А разве ты не отстреливался до последнего патрона? А разве тебе за этот подвиг не дали краткосрочный отпуск на родину?

С целью смысла бытия
тайно, а не очно,
совершаю подвиг я
раз в неделю. Точно!

– Конечно, нет. Чего я врать-то буду? Как было, так и рассказал.

А автор, стоявший в это время неподалёку за карагачом, подумал, что это – самая удивительная история, которая обязательно пополнит копилку одного из томов его великого романа «Русская кочерга»!

– Ну, а теперь ты, Васюхан! – дал команду командир всех покеристов.

– Хорошо, – согласился старший джус. – Расскажу, как меня уже после дембеля разжаловали.

– Слушай, а разве так бывает, яйчики-бабайчики? – недоверчиво посмотрел на него литератор.

– Бывает. В общем, когда служба моя закончилась, кстати, в чине старшего сержанта,

настала пора возвращаться в родной город. Но ехать пришлось с пересадкой в городе-герое Москве. Вышел я на перрон, и бегом в вокзальный туалет, и пропустил, что на другой путь как раз ещё один поезд прибыл. А в нём оказался тогдашний министр обороны с космонавтской фамилией Гречко. И, видимо, этому министру тоже, как и мне, приспичило!

Когда воля совсем на пределе,
когда нервы на грани уже,
достигаешь ты заданной цели,
добежав до таблички М/Ж!

И вот по каким-то причинам военные проверяльщики на этот раз оставили без внимания вокзальный (прости, русский язык!) ватерклозет, имевший выход на платформу. Вот оттуда-то я появился и, будучи одетым в солдатскую форму, естественно, налетел на министра, после чего мы оба впали в ступор, и, кстати, вся свита министра тоже. Наступила, как и предупреждал в конце пьесы «Ревизор» Николай Васильич Гоголь…

«Откуда он это знает?», мелькнуло в тыкве преподавателя еврейского колледжа.

– … немая сцена, которая благополучно закончилась гауптвахтой.

– Так ты же уже отслужил! – воскликнул саксаульский унтер-корнет. – Какая же тут может быть ёкарная *губа*?

– И тем не менее, – окончил свой рассказ антенщик. – Жаль, я раньше эту историю не вспомнил, когда вы на днях у меня дома были [356], а то бы показал вам свой военный билет, который я сохранил на память. Так вот в нём у меня до сих пор есть такие записи:

«Окончание военной службы – 12.09.72 г.»

«Задержан комендантским патрулём города Москвы за неотдание воинской чести министру обороны СССР маршалу Советского Союза Гречко А. А. – 13.09.72 г.»

«Разжалован в рядовые – 14.09.72 г.»

«Принят на учёт в Калининский райвоенкомат города Отцеябловска – 17.09.72 г.»

[356] Эта история – в главе 122 пятого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

Попрошу, друзья, учесть,
как меня ломало:
не отдал свою я честь –
самому мне мало!

И в этот момент Альбионыч почувствовал лёгкое прикосновение к своему правому плечу. «Комар!», решил он и даже взмахнул рукой, но на всякий случай скосил глаза и обрадовано вернул руку на место. Оказалось, что его посетил песональный муз Вася Курочкин, а делал он это нечасто, а лишь по исключительным случаям.

«Что случилось?», мысленно спросил его писатель.

«Да то», так же мысленно ответил муз, «что мы сейчас находимся в пространстве седьмого, а, значит, последнего тома книги…»

«И что?»

«Да то», ещё раз повторил Вася, «что когда же ты собираешься показать читателям одного из самых-наисамых главных героев «Русской кочерги»? Я имею в виду бутылочку «Тянь-Шаня»

Володя благодарно погладил Курочкина по ломкому крылышку и тут же выполнил наказ ~~родины~~ персонального муза, а ты, читатель, тоже скажи merci этому мифическому персонажу!

Глава 172. КПП, или ВНОВЬ О ПИВЕ

И вроде бы уже пора́ было начинать одну из последних партий не только сегодняшнего дня, но и всей недели, а, значит, и всех семи томов нашей великой книги, но как же можно было проигнорировать весёлый блеск глаз сопокерников Володи и ещё двух лиц, обещающих в ближайшее время стать таковыми, как можно было не заметить дёргающиеся в пароксизме скорого удовольствия кадыки его подопечных, как можно было не принять с восторгом то коллективное состояние, которое психиатры всего мира называют гипербулией, а расшифровывают как состояние избыточной активности *с обилием* разнообразных, часто сменяющихся побуждений к деятельности, а также импульсивным стремлением к *немедленному* достижению цели?

Обуздать так трудно страсти:
промахнёшься – и беда,
мы стремимся только к счастью –
попадаем не туда!

И Кулемзин не проигнорировал, а, напротив, заметил и принял всё описанное выше, ибо был не только покерным гуру, но и выдающимся гуманистом сразу двух веков.

Игроки расхватали бутылочки – кто какую, и принялись дружно прихлёбывать стремительно теплеющее пивко. Писатель вытащил из кармана свой миниатюрный телефонный аппаратик и набрал номер, помеченный в его виртуальной алфавитной книге не как привычное имя, а некий безликий Прогноз погоды. Он зачастую пользовался этим номером, так как при поступлении сигнала в этом случае не надо было разговаривать с живыми людьми, а просто выслушать механический голос, заранее записанный на плёнку. Вот и сейчас буквально через пару секунд гудок оборвался, но вместо скрежетания механизма раздался чарующий голосок, похожий на тот, коим обладала подруга Альбионыча по имени Стелла, а по фамилии то ли Кудряшкина, то ли Энгельгардт.

– Зачем, зачем тебе эти нелепые цифры? – томно спросил голос литератора.

– Да я… в общем… как бы… – растерялся абонент.

– Ну, 35, ну, 37, ну, 40 градусов, какая разница? – объяснил голос. – Лучше бери две-три бутылочки ледяного шампанского и приезжай к нам…

Услышав такое невероятное предложение, Володя вначале чисто автоматически пробормотал по-полтавцевски что-то вроде *ага!*, но затем тут же отключился, вытер выступивший на его челе холодный пот и только тогда понял: да всё это ему просто послышалось – из-за страшной жары, разрывающей сознание. Он махнул головой, словно отгоняя видение, и услышал чей-то настойчивый голос:

– Так скоко щас, мать честнáя?

Гадство, жарко этим летом!
Людям проще, а вот нам,
титулованным поэтам,
душу разрывает в хлам
Вижу явно: мой читатель,
одуревший от жары,
критики отложит шпатель,
спрячет гнева топоры.
Мне б нырнуть в глубокий омут
старой ласковой пивной –
здесь я, музою не тронут,
пережду проклятый зной....

– Да градусов 40, – честно ответил писатель.

– Так это же отлично, святой Малевич! – неприлично намекнул живописец, но Володя сделал вид, что не понял его.

Но просто так осуществлять распитие лучшего напитка во Вселенной было неинтересно, и это почувствовали все.

– Может, расскажешь что-нибудь интересное, ёперный рассказчик? – сделал заманчивое предложение один из игроков – правда, пока пассивных.

– Да запросто, – не стал чиниться марсианин. – А о чём именно?

– Я, дайте я скажу, царица лесная! – выкрикнул с места второй игрок.

– Ну да, ты уж скажешь, мать моя КПСС, – попенял ему третий игрок. – Один такой как-то тоже хотел кое-что сказать инквизиции, Джордано Бруно его звали. Впрочем, откуда ты, с трудом осиливший четыре класса средней школы, можешь такое знать?

Предки под марихуаной
сочинили, как коня, –
хорошо, что не Джорданой
обозвали вы меня!

– Да что же я, вашу Джордану не знаю, что ли? – страшно обиделся на педагога Афанасьич. – Это же этого болтуна в Средние века терпели-терпели, терпели-терпели, а потом взяли и *кострировали*!

«Браво, славный уроженец деревни Семижопино!», мысленно воскликнул писатель и на всякий случай отложил полтавцевский неологизм на секретную полочку в своём левом полушарии.

– При чём здесь, едрит Мадрид, какой-то Бруно? – воскликнул один из будущих игроков. – Вот я, Володя, как будущий игрок в *русскую кочергу*, очень хочу послушать от тебя какие-нибудь интересные факты о…

– … картах? – уточнил Кулемзин.

– Да сколько же можно! – не стал отказывать себе в удовольствии выступить оппонентом Курманбаев. – Он уже столько про них понарассказывал, что хоть книгу издавай!

– Нет, о пиве, – несколько нелогично завершил просьбу антенщик. – Продолжай, Володя.

– Ты ошибаешься, Нуртай, – благодарно продолжил литератор. – Я, между прочим и яйчики-бабайчики в придачу, знаю и о картах, и о пиве такое огромное количество фактов, что не снилось не только тебе, но даже директору твоего еврейского колледжа Бенику Мойшевичу!

– А ты… а как ты… а откуда ты…– сделал жалкую попытку уточнения саксаульский коммунист.

– Да оттуда, – под общий смех уточнил Альбионыч. – А чтобы мои слова не показались вам (прости, карточная колода!) блефом, то приведу я вам сейчас навскидку аж 55 таких фактов о пиве (спасибо за тему, Васюханыч) – по числу карт в той игре, которой мы и занимаемся. Серёжа, проверь!

Сторож споро схватил колоду и стал отнимать у неё по одной карте, громко считая вслух:

– Один, он же раз… Два, она же два… Три, оно же три…

, причём все очень удивились, откуда в его голове взялись так называемые *личные* местоимения.

Я, ты, он, она –
все сегодня с бодуна!

Наконец охранник закончил считать и радостно объявил:

– 47 с половиной!

, после чего у него была отобрана вся колода, а знатные бермудцы приготовились слушать очередные факты о пиве от учпучмакского знатока всего на свете.

– Кстати, Серёжа, ты мог бы и не считать по одной карте, – неожиданно произнёс Митрохин.

– В смысле? – удивился бывший текстильщик. – А как же тогда узнать истину?

– Да просто, – объяснил человек с техническим образованием. – Вот смотри: карт от двойки до десятки – девять штук, да плюс 4 картинки, значит, всего 13. Умножаем на четыре масти, получаем 52…

Здесь Николаич с уважением и одновременно с завистью посмотрел на своего друга, так легко оперирующего столь глобальными цифрами.

– … добавляем три джокера и – получаем 55! Всё правильно, Володя.

– Спасибо, Васюхан, – растроганно проговорил покерный гуру. – А то ведь я до тебя, как и Афанасьич, тоже по одной карте считал…

«В голове одни поленья»,
сам себя с утра стыдил.
«Вычитанья и сложенья
я таблиц не проходил!»

Глава 173. КПП, или ВНОВЬ О ПИВЕ (продолжение)

– Итак, – ещё раз объявил марсианин, – **55 интересных фактов о пиве!**

1. В Вавилонии[357] 4000 лет назад существовал обычай, по которому отец невесты в течении месяца после свадьбы поил зятя медовым пивом. Поэтому первый месяц после

торжества назывался…

[357] ***Древнее царство между Тигром и Евфратом, на юге Месопотами, возникшее во втором тысячелетии до нашей эры и утратившее независимость в 539 году до нашей эры – прим. ист. редактора***

– медовый месяц! – хором заорали сидельцы за покерным, а ныне пивным столиком.

Писатель довольно посмотрел на коллектив и продолжил:

2. Перед тем, как изобрели термометры или, чтобы было понятно Полтавцеву, градусники, пивоварам приходилось опускать в готовящееся пиво большой палец руки, чтобы определить правильную температуру при добавлении дрожжей. Именно оттуда мы знаем и сегодня: слишком холодно – дрожжи не будут работать, слишком жарко – дрожжи погибнут. Кстати, именно от этого древнего обычая пошло выражение *правило большого пальца*.

Упомянутый Полтавцев вначале внимательно изучил свой правый большой палец, а потом левый, затем сделал знак рассказчику о вре́менном прекращении лекции, после чего записал в заветной книжице «Для му.мы.»: «Только что при анатомическом изучении своих рук я понял, как же долго нас обманывала современная наука: больши́е пальцы вовсе не самые большие, потому что гораздо длиннее пальцы указательные!»

Потом умный сторож немного подумал и дописал: «Чего решительно нельзя сказать о пальцах ног!». А Кулемзин между тем продолжил просвещение коллектива.

Не паршивя, не фальшивя,
твёрд, как белый плексиглас,
просвещаю коллектив я,
дав фонарь им всем под глаз!

3. Ассирийские писания ещё за 2000 лет до нашей эры утверждали, что в Ноевом ковчеге хранилось пиво!

4. После употребления ведра-другого янтарного варева под названием *аул* или (в привычном написании) *эль*, викинги бесстрашно бросались в битву в чём были, иногда даже без рубашек. Термин *берсеркер* на древнескандинавском языке фактически означает *без рубашки*, а со временем стал означать яростный бой.

5. Древние египтяне приветствовали друг друга фразой «Хлеб и пиво», при этом почитая некую Изис – богиню плодородия и пива.

6. Самый древний сохранившийся в мире рецепт – рецепт пива.

7. Историки обнаружили доказательство тому, что в Средние века, когда монахи варили пиво в монастырях, каждому из них разрешалось выпить почти 5 литров пива в день!

Прочитал я в альманахе
просвещения плоды:
были толстыми монахи
от пивка – не от еды!

8. Самая большая в мире коллекция пивных бутылок принадлежит Рону Вернеру, который собрал 11.644 разных бутылок с 1982 года, из них 7.128 – закрытых!

9. Самым большим пивным фестивалем в мире признан германский Октоберфест.

10. Хмель – магический цветок, благодаря которому существует вкусное пиво. Хмель растёт на лозах, и каждую осень пивовары собирают его цветы.

11. Три пивовара из английского города Бертон-на-Тренте выбрали огромную старую бочку покрепче, приладили к ней небольшой мотор и благополучно пересекли Ла-Манш.

12. В голландских деревнях можно встретить почтовый ящик в виде пивной бочки.

13. Ежегский тарный завод в Польше построил на берегу озера для своих работников городок Диогенов, домики которого состоят из старых пивных дубовых бочек.

14. Американский архитектор Майк Рейнольдс строит из пивных банок дома́. Он связывает проволокой восемь пустых банок в единый блок и соединяет их цементом. На дом из двух спальных комнат, гостиной, столовой и кухни уходит ≈ 40 тысяч банок.

15. В городе Падуя в Италии любители пива построили из пивных банок копию собора святого Антония в $^1/_4$ натуральной величины. На это сооружение пошло 3 миллиона 45 тысяч пивных банок!

И, назло антимирам,
мы не пьём горилок,
а молиться ходим в храм
из пивных бутылок!

16. Владелец одного из пивных баров под Кавите на Филлипинах построил новогоднюю ёлку из пивных бутылок.

17. Стадо из 20 слонов было привлечено в селение Джаухати в индийском штате Ассам запахом пива, которое жители посёлка варили для местного праздника. Слоны, опустошив бочки с рисовым пивом, набросились на людей, в результате чего пять человек погибли и многие получили ранения.

18. В американском городе Натчез в штате Миссури существует закон, запрещающий поить слонов пивом.

19. Не так давно в ночных ресторанах английского города Брайтон в качестве аттракциона демонстрировали гигантскую улитку длиной в 30 сантиметров и ве́сом в полкилограмма. Она была знаменита тем, что пила пиво!

20. Приличную порцию пива за один раз приучил выпивать сухопутного краба некий Амаури Барбаросса до Нассименто из бразильского городка Натала.

Мы под пиво балаганим,
как какой-то караим [358]:
краба поим мы «Тянь-Шанем»
и закусываем им!

[358] С др.-евр. букв. читающий

21. Никто уже не помнит, как попал бурый медвежонок, которого назвали Квимбо, на остров Диско, что к северо-западу от Гренландии. Квимбо вырос среди людей, его научили прислуживать посетителям пивного бара островной столицы – посёлка Годхавн, разносить полные и убирать пустые кружки, а также отчасти выполнять функции блюстителя порядка: ему достаточно один раз рыкнуть, чтобы разгулявшиеся посетители вмиг успокоились.

22. Курьёзный случай произошёл близ зимбабвийского города Маранделлас. На проходящем рядом шоссе опрокинулась цистерна с пивом. Пасшиеся недалеко коровы принялись хлебать прохладный напиток, ручьями лившийся по обочинам дороги. Вскоре бурёнки, громко мыча, разбрелись во все стороны, а самые агрессивные стали приставать к прохожим и мешать движению транспорта. Попытки унять животных оказались тщетными – коровы дружно отбивались от пастухов. Не признали они и своих хозяев. Только наутро протрезвевшие коровы стали послушными и принялись виновато щипать траву.

23. Однажды 15 диких слонов хоботами сломали соломенную крышу хижины в индийском селе Праджапатибости и стали пить рисовое пиво из стоявших там бочек.

24. В начале 80-х годов среди домашних животных, населяющих эфиопскую столицу, наибольшей популярностью пользовался козёл по кличке Афро. Приученный кем-то ради забавы к пиву, козёл превратился в настоящего пьяницу. Ради кружки пива он был готов на любые унижения, а выпив лишнего, приходил в такое возбуждённое состояние, что не раз задерживался полицией за нарушение тишины и порядка.

25. Во время проходившей в Брюсселе недели защиты животных была организована лотерея. Первым призом, который получил некий Леон Пети, было... охотничье ружьё, член английской палаты общин выиграл право присутствовать на трёх заседаниях палаты общин, а пивовар амстердамского пивоваренного завода выиграл... 50 ящиков пива!

26. Чтобы получить прекрасную по вкусовым качествам так называемую *мраморную* говядину, японцы из городка Мацуздаки поят коров пивом, а по утрам делают им массаж. Гурманы готовы платить за такое мясо в 6-8 раз дороже!

Пусть хоть треснет моя ряса,
пусть пропью я амулет,
буду есть из мяса мясо –
а из мрамора – нет-нет!

27. Американский инженер Герман Регастер отправился в Конго, надеясь встретить у озера Теле загадочное животное. После одной из утомительных экскурсий в район болот в поисках чудовища Регастер попробовал местное пиво Нгок, что означает *крокодил*. Оно оказалось необычайно ароматным и вкусным. И Регастер, так и не повстречавшись с загадочным животным, занялся экспортом в США этого пива!

28. Владелец гамбургской компании «Дом 131 сорта пива», делает бизнес, выпуская пиво с картинками. На этикетках бутылок пива «Pin Up Bier» – фотографии красоток, у которых мини-деталь туалета легко исчезает, если немного поскрести пальцем!

Глава 174. КПП, или ВНОВЬ О ПИВЕ (ещё одно продолжение)

– Вот бы попробовать такое ёперное пиво! – облизываясь, произнёс старший прапорщик, а остальные порадовались за товарища, крамольные речи которого не слышали сейчас еврейские родственники.

А Кулемзин, уже и сам увлёкшись своим рассказом, продолжил пивное обозрение.

29. Владелец не очень посещаемого пивного зала в немецком городе Люденшайт как-то объявил, что в плохие по метеоусловиям дни он будет наливать всем по кружке пива бесплатно, объяснив своё заявление тем, что пиво якобы помогает человеческому организму легче справляться с магнитными аномалиями природы. И только друзьям, критиковавшим это решение с коммерческой точки зрения, хозяин пивной раскрыл карты. Оказалось, что Люденшайт посещает немало туристов, в том числе зарубежных, и вот они-то высоко ценят местное пиво. А какой мужчина, выпив бесплатно кружку отличного пива, на этом остановится? Он будет заказывать пиво ещё и ещё, но уже за свой счёт. Доходы хозяина с тех пор резко возросли!

Цистерну, кружку иль бадейку –
не за рубли, не за юань –
отдам последнюю копейку
за пиво с именем «Тянь-Шань»!

30. Во времена моды на буддизм среди американской молодёжи в 70-х годах некая нью-йоркская пивоваренная фирма наняла нескольких студентов и на их выбритых голо-

вах изобразила свою эмблему. Такой рекламный трюк имел огромный успех!

31. Тридцатилетний новозеландец Джек Манакау погиб при попытке установить мировой рекорд по потреблению пива – он смог справиться только с 77 кружками.

32. Пиво замерзает при температуре минус 2°. При этом происходят физико-химические изменения. Такое пиво потом можно пить, но оно теряет свои вкусовые качества.

33. В алмазных копях Сьерра-Леоне драгоценные камни обследуются в пиве. Как утверждают английские геологи, визуальные качества алмазов в такой среде становятся очевидными.

34. Каждый третий пивоваренный завод мира расположен в немецкой Баварии!

35. В 1947 году американский писатель Генри Августович Менкен подписал контракт с канадской кинокомпанией. За право экранизации его книги компания обязалась ежемесячно поставлять автору до конца его жизни по два ящика светлого эля.

36. В 1910 году в германском городе Бинген-на-Рейне во время перекачивания пива на одном пивоваренном заводе из одной бочки в другую рабочие ошибочно оставили открытыми краны для воздуха. Последствием этой оплошности явилось то, что дно бочки с вылетело и пиво хлынуло на пол. Остановить пивной поток не удалось. Через несколько секунд бочка, содержащая 2.300 литров пива, была пуста! Разлившееся пиво затопило весь завод и двор с постройками.

Нам своих не жалко почек –
плюнь на них и разотри!
Что нам выпить пару бочек –
лучше было бы их три!

37. На одном из перекрёстков в западной части Берлина опрокинулась автомашина с 12 тысячами бутылок пива. Бóльшая их часть разбилась, а оставшиеся 2.000 бутылок распили набежавшие прохожие и жители окрестных домов, произнося тосты в честь потерпевшего пивзавода.

38. 23 сентября 1986 года, в день закрытия пивоваренного цеха межколхозного объединения «Валгунде» в Латвии, была выкопана яма, в которой торжественно захоронили последнюю бутылку пива, снятую с линии розлива.

39. Однажды изумлённым жителям нескольких кварталов польского города Быдгощ пришлось ущипнуть себя за щёку, чтобы удостовериться, что это им не приснилось: вместо воды из водопроводного крана полилось... настоящее пиво. Причиной этого счастливого случая было повреждение раздаточного вентиля на местном пивзаводе, в результате чего пиво под большúм давлением хлынуло в коммунальный трубопровод.

Вот на днях случилось диво,
и за что такая честь?
Кран открыл – и льётся пиво!
Я ведь знал, что счастье есть…

40. Некоторые пивоваренные фирмы заинтересовались опытами по воздействию невесомости на дрожжевые грибки. Для этих целей на территории Бременского университета в Германии была построена башня высотой 146 метров. И хотя такие опыты на земле обходятся дешевле, пивоваренная фирма «Backs & Company»[359] отправила свои пивные дрожжи в космос на борту космического корабля «Колумбия»

[359] «Спины и компания» – англ.

41. В Люксембурге есть маленькая улочка, которая носит название «Там, где варят мо-

зельское пиво»

42. В мире есть профессии, которые не встретишь ни в одном справочнике. На пивоваренном заводе в австралийском Мельбурне есть работник с необычными обязанностями: он обнюхивает вымытые бутылки перед подачей их в цех розлива. Его задача установить, не пахнут ли бутылки керосином, который обладает очень устойчивым запахом, не устраняемым даже при мытье.

43. В Чехии и некоторых других странах Европы в далёкие времена большое внимание уделялось качеству пива. Владелец пивоварни должен был вылить ведро пива на дубовую скамью, на которую усаживались члены местного магистрата, одетые в кожаные штаны. Если за определённое время их штаны прилипали к скамье, то пиво могло поступать в продажу.

Афанасьича так поразил этот факт, что он незаметно попытался подняться с покерной скамеечки и – не смог! «Неужели, мать честнáя, кто-то пролил на моё место *хорошее* пивко?», подумал сторож. «Серёжа», прямо в его «мозг» подумал Володя, «а ты не пробовал хотя бы раз в четыре года стирать свои штаны?!»

Говорила мать парнишке:
«В нашей есть наказ семье:
постирай свои штанишки,
не прилипнуть чтоб к скамье!»

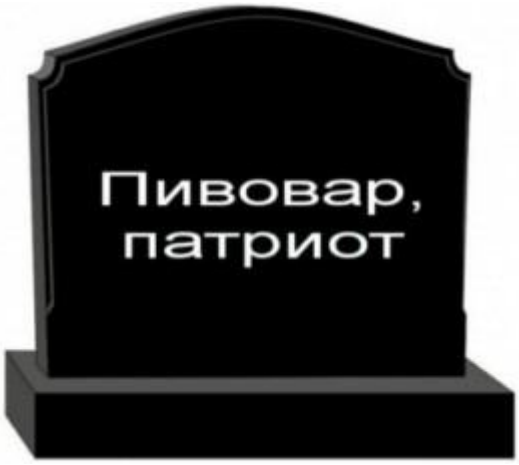
44. После шестой бутылки пива житель города Хошимина Нгуен Хыу Хай, поспорив с дрýгом на ящик пива, сел голым на велосипед и отправился в поездку. По условиям пари ему в таком виде было необходимо проделать 4 километра до бывшей резиденции президента Южного Вьетнама и вернуться обратно, но на полпути к дворцу его задержал милиционер и вызвал жену спорщика с комплектом одежды!

45. В американском штате Канзас закон запрещает есть мясо гремучей змеи по воскресеньям. Здесь же врачам разрешено выписывать своим пациентам пиво в качестве лекарства, но распивать это лекарство совместно строжайше запрещено.

Глава 175. КПП, или ВНОВЬ О ПИВЕ (окончание)

46. Проверка начальством тюрьмы в итальянском городе Форли обнаружила, что в камерах отсутствуют трое заключённых. Персонал тюрьмы был поднят на ноги, и беглецы вскоре нашлись в соседней пивной, где они в обнимку с начальником учреждения отмечали день рождения одного из участников тёплой пирушки.

47. В Бостоне стоит памятник Самуэлю Адамсу На камне скромная надпись:



48. 77-летний австралийский фермер Аарон Гольдштейн уже в течение более чем полувека ежедневно выпивает не менее 4-5 бутылок пива. И все опустошенные им сосуды хранятся на его страусиной ферме в штате Новый Южный Уэльс. В юности Аарону попалась бутылка пива, в которой плавало какое-то насекомое, и он решил, что не будет сдавать бутылки, чтобы не подвергать риску других, а выбрасывать пустую тару ему стало жалко.

На виске трепещут жилки,
мысль одна: «Быть иль не быть?» –
для того я сдам бутылки,
чтоб ещё одну купить!

49. Только два завода в СССР (б) – Московский экспериментальный завод пива и напитков и «Оболонь» экспортировали пиво за пределы страны. Оно называлось «Экспортное» и выпускалось в диковинных по тем временам бутылочках ёмкостью 0,33 литра.

50. В 1983 году одна японская компания освоила выпуск *твёрдого пива*: предварительно смешанное с яблочным и лимонным соком, оно затем доводилось до желеобразного состояния. А продавалось это безобразие… в русских гранёных стаканах!

Пусть умом мы и не блещем,
но на это наплюём:
стакана́ми водку хлещем,
стакана́ми пиво пьём!

51. Пиво «Roger & Out» имеет 16,9 % крепости. Подают его в пабе «Frog and Parrot»[360] в английском городе Шеффилд – в посуде, составляющей всего лишь одну треть от традиционной пинты, то есть менее 200 граммов. Первую порцию клиент получает с белым сертификатом предупреждения, вторую – с жёлтым, третью и последнюю – с красным!

[360] «Лягушка и попугай» – англ.

52. Английское пиво «Тутанхамон» (50 фунтов бутылка!) приготовлено по древнеегипетскому рецепту. Секрет его удалось раскрыть после того, как учёные при помощи электронного микроскопа изучили окаменевшие остатки на стенках пивоваренных сосудов.

Без наличных и кредиток
я налью себе бокал:
фараон варил напиток
и рецепт нам передал!

53. В чешском поселке Тршебивлице, расположенном на северо-западе страны, местный пивоваренный завод принял предложение властей назвать новый сорт своей продукции в честь баронессы Ульрики фон Левентцов – возлюбленной великого немецкого поэта Иоганна Иоганновича Гёте, которая здесь похоронена. Так «Ульрика» стала первым в Чехии сортом пива, носящим женское имя! В Тршебивлице, где насчитывается всего 830 жителей, сейчас проходят несколько праздников, посвящённых сразу двум датам – 250-летию со дня рождения Гёте и 100-летию со дня смерти его возлюбленной.

54. Программа Партии любителей пива одного шведского университета состоит из одного-единственного пункта: провести пивопровод от завода «Туборг» прямо к студенческому общежитию, чтобы в каждой комнате из крана текла живительная влага!

55. Мюнхенский аэропорт – первый в мире, где варят собственное пиво.

– Всё! – выдохнул притомившийся Володя и даже вытер пот.

И здесь литератору и образователю вновь помог его верный муз Вася Курочкин. Он, мягко *приплечившись* на левое плечо Альбионыча, неслышно прошептал ему на ушко:

– Не забудь расшифровать свой КПП, а то все четыре последних главы́ будут признаны ООН и другими международными организациями недействительными!

«Спасибо, Вася», неслышно, чтобы не смущать присутствующих, благодарно ответил музу писатель, после чего обратился к покеристам и сочувствующим:

– А кто ответит мне, други мои, что означает аббревиатура КПП?

– Да это легко, – тут же поднял руку саксаульский есаул. – Это йодистый контрольно-пропускной пункт.

– А у меня, святой Малевич, другой вариант, – возразил живописец Муравлёв. – Я думаю, что это означает контрапунктирование поверхности плакатов.

Без любых сертификатов,
на которые плюю,
на покерхности плакатов,
как на столике, я пью!

– Ты, Валера, сам-то понял, чё сказал? – попенял ему охранник Полтавцев. – Неужели не ясно, что КПП – это катастрофически-преступный парабеллум?

При последнем слове все вздрогнули, а Курманбаев даже чуть не забыл свою расшифровку, и только усилием воли вспомнил её.

– Даже не спорьте со мной, друзья, – торжественным голосом провозгласил он. – Это, разумеется, мать моя партия, коммунистические правила поведения!

, после чего проводил взором очередной полёт Салихдзяныча в бермудские кусты.

А последнюю расшифровку дал старший джус Митрохин, дождавшись Талгата из незапланированной командировки, в которую его отправил коммунист. Он (Митрохин, а не коммунист) наклонился к центру столика и прошипел таинственным шёпотом:

– Это – кривой палец паникёра!

, после чего все второй раз вздрогнули, но комментировать этот ужас не стали.

И тогда марсианин, чтобы его не обвинили в излишнем (прости, русский язык!) ригоризме, просветил и покерных сидельцев, а заодно и наших читателей:

Кулемзинские
Правила
Пивопития

Ох, нас забуравило
мыслью внеземной:
пиво пьём по правилам,
принятым лишь мной!

Глава 176. МУКИ ТЩЕСЛАВИЯ И КОРЧИ НЕПРИЗНАННОСТИ (Начало)

С детства Володя жил ощущением иллюзорности своего *я* – и гипотетической полнотой этой иллюзии. «Как мы в детстве верим в киношных ихтиандров», думал он сейчас, перед началом очередной партии, «зная, что это кино – и отказываясь верить, что это всего лишь кино!»

Но он знал и то, что по мере жертвования полнота чувства выветривается, по мере опреснения души всё на свете перестаёт казаться прекрасно иллюзорным. Но, к сожалению, и это не означает прихода реальности.

«Реальности в её житейском понимании», рассуждал он, «ложно предписывают (про-

сти, русский язык!) предикаты, по сути лишь компенсирующие утрату молодой полноты чувства, ведь существуют и *обратки* увлекательной иллюзорности бытия: рост ощущения сделанного дела, сужения круга друзей до двух-трёх, сужение круга любовей до одной-единственной, взросление детей и собственное старение – в общем, яйчики-бабайчики, всё, что приятно-неприятно утяжеляет твоё существование до самоощутимой его реальности. Это, как сейчас говорит молодежь, *вставляет*…»

Когда плыву, тогда тону
в пределах неземного:
реальность – то, что я живу,
иллюзия – что много…

– Но мне не повезло: я не вставился.

И тут Альбионыч заметил, что на него уставились пять пар глаз – кто с тревогой, кто с сожалением, а кто и с откровенной радостью: вот, мол, и пришло то, что так давно ожидалось, мать моя КПСС, то есть явное сумасшедствие строптивого писателя.

Оказалось, что глубоко задумавшись, последнюю мысль знатный покерный гуру проговорил вслух, и, увидев, что его всё равно уже слушают, продолжил:

– Но не думайте, что это потому, что мне не дали премию «Триумф» или не пригласили на телевидение. Если бы когда-то и мне дали жить по-человечески, востребованно и при неразменном рубле на такси, я бы хрен *вставился* – у меня, извините, нет вставляющегося óргана. А если нет штекера, что пользы от розетки?

Я, окончив восьмилетку,
в темноте могу почить:
нету дырок у розетки –
как же ток мне получить?!

– Вот именно, царица лесная, – поддержал простенькую мыслишку своего друга охранник на доверии, а остальные посмотрели на него с завистью, потому что не поняли в усечённой речи литератора ни одного слóва.

Но – пора было начинать игру! Володя чувствовал, что, с одной стороны, игроки действительно немного устали от *русской кочерги* за прошедшую неделю, но, с другой стороны, у них уж сложилось твёрдое убеждение, что ещё пара таких партий – и наконец наступит то блаженное время, когда не надо будет мучительно раздумывать над количеством взяток, над тем, объявить мизéр или сыграть блеф, и как к этому отнесутся остальные сопокерники.

А блаженным они называли это время потому, что во время принятия тяжёлых напитков сразу пятеро бывших игроков – таких умных, талантливых, проницательных, сообразительных и толковых – вскоре становились теми, кого русский народ издавна звал *блаженными*, то есть слабоумными, придурковатыми и безголовыми олухами, для которых весь мир сходился в стеклянной точке полулитровой бутылки водки или вина.

От таких антиалкогольных мыслей гуру неожиданно пробило воспоминанием о своём давнем стишке – про себя и своего лучшего друга по поэтическому цеху Сергеича.

Шел А.С. дорогой длинной,
сопли свесив до колен, –
ждал его в отделе винном
змий, берущий многих в плен.
Там, вихляя на ступеньках,
няню с кружкой встретил он,

попросил: «А ну, налей-ка,
что там в кружке – самогон?»
И, обнявшись со старушкой,
побрели тихонько в дом, –
в той бревенчатой избушке
сочиняли обо всём:
о дожде и снегопаде,
и какие снятся сны,
о петровском дивном граде
в ожидании весны…

♠ ♠ ♠

Кабы зельем полной кружки
змий поэта не пленял,
не прославился бы Пушкин –
все читали бы меня!

И этот невинный стишок – ещё один предмет для твоей гордости, мой дорогой читатель, ведь только ты сейчас видишь его на этой чистой белой странице, а вот герои нашего романа остались без него в творческом сиротстве!

– Ну что, други мои, приступим к очередной осаде Дамаска? – удивил географическим термином покеристов неутомимый в своих придумках Альбионыч.

– При чём здесь, мать моя КПСС, какой-то Дамаск? – взвился педагог.

– Да ни при чём, конечно, яйчики-бабайчики, но вам всё-таки лучше серьёзно приготовиться к бою, как сделали те крестоносцы[361]…

[361] Речь идёт об осаде, предпринятой крестоносцами во время Второго крестового похода, длившейся пять июльских дней 1148 года и закончившейся поражением крестоносцев – прим. ист. редактора

«Ну, наконец-то», второй раз за последние пять минут промелькнуло в голове партийного. «Кажется, к концу недели у этого оппортуниста всё же поехала крыша!»

Но лучший игрок второго микрорайона города Отцеябловска не прислушивался к таким глупым мыслям, а вовсю манипулировал колодой, вначале хорошенько её растасовав, а потом и сдав по одной карте рубашкой вверх каждому из игроков, включая себя.

Именно так всегда начиналась каждая партия – с первой *тёмной* на одной карте. Но картёжники, словно играли первую в жизни игру, напряглись и стали мучительно изучать пока неизвестную для них карту – каждый свою, а Салихдзяныч даже низко-низко наклонился над покерным столиком, чуть ли не нюхая пришедшую картонку. Впрочем, природу такой военной маскировки удалось узнать буквально через секунду – со стороны родного еврейского балкона раздался голос жены трубача Аиды:

– Талгат, немедленно иди домой! Вернулся наш папа Яков Моисеевич и сейчас будет рассказывать, как они вместе с Мойшей Ароновичем сидели шиву по покойному Абраше Цукерману. Будет очень интересно!

Тут бедный военный музыкант вспомнил еврейский нос своего тестя, после чего его затошнило.

Все на еврея смотрят косо –
и то, и сё нехорошо!
«Еврей не видит дальше носа» –
так у еврея нос большой…

Глава 177. МУКИ ТЩЕСЛАВИЯ И КОРЧИ НЕПРИЗНАННОСТИ (Начало, продолжение)

Но вот все, мучаясь неизвестностью, сделали первые заказы: Батыршин, Полтавцев и Кулемзин дружно сказали *пас*, а Курманбаев, хотя ходил первым, что в 95 случаях из 100 сулило победу, почему-то не стал рисковать и тоже отпасовался. Все дружно, хотя и молча, осудили его бзделоватость, и игра началась.

Впрочем, как и следовало ожидать, единственную взятку в этом сверхкоротком роббере взял партийно-большевистский коммунист-ленинец. Он глупо разглядывал взятку, а потом также глупо стал следить взором, как *записывающий* литератор с удовольствием ставит в столбики прапорщика, сторожа и свой число 10, а вот в столбик, помеченный таинственными буквами «К^{п}», что означало «Курманбаев^{педагог}», цифру 2.

Случившееся так расстроило Мусаича, что надолго выбило его из колеи: он и дальше стал бояться ещё больше, и на робберах на 1 карте *всветлую*, а потом на 2, 3, 4, 5 и 6 картах набрал всего 18 очков, тогда как у семижопинца, который неожиданно вырвался вперёд, было 82 очка, у писателя – 77, а у бравого оловянного прапорщика аж целых 70!

– Эх, не простит нам Нуртай быстрого успеха, яйчики-бабайчики, – наклонившись к уху соседа, прошептал Володя, – сплетни станет распускать, на аморалке ловить…

– Эт’ точно, мать честнáя! – в ответ прошептал сосед, затем, игнорируя чей-то возглас «Чего это вы там шепчетесь, мать моя партия?», достал из хурджина свою знаменитую на весь Бермудский Учпучмак книгу мудрости и быстро записал пришедшую в его голову мысль: «Чужая душа – потёмки. А уж если она ещё и барахтается в пучине шизофрении, лучше всего в этом случае обратиться к специалистам широкого профиля!»

Чтобы челюсти отвисли,
с ручкой я, как со стволом:
запишу я в книге мысли,
что пришли ко мне с бухлом…

И теперь надо сказать о двух друзьях, непосредственно не принимающих участия в игре, но уже пообещавших с завтрашнего дня принимать, а, значит, на 50 процентов как бы ставших недоразвитыми игроками. Сейчас и художник Муравлёв, и антенщик Митрохин сидели тихо, как мышки в овсе, но жадно вслушивались в реплики, которые издавали сопокерники, пытаясь по ним ещё лучше понять абсолютно непонятные правила таинственной игры в *русскую кочергу*. А так как правилами игры такие реплики во время сражения не запрещались, вся покерная квадрига изощрялась как только могла.

Мы по жизни однобоки,
как салага из амёб,
и бухтим, играя в покер,
обдурить соседа чтоб!

Например, Володя, услышав до розыгрыша роббера на 8 картах, как Нуртай наконец-то преодолел свой страх и заказал аж четыре взятки, тут же решил немного приопустить решительность преподавателя еврейского колледжа:

– Знаешь, Нуртай, одну из моих самых любимых поговорок?

– Нет, – с опаской промолвил Мусаич.

– Тогда слушай, хотя думаю, что ты вряд ли поймёшь: «Нет такой головы, от которой бы пули отскакивали…»

Курманбаев, услышав такой страх, сильнее вжал голову в плечи, зато с покерной скамеечки радостно взвился Полтавцев:

– Я, я понял!

– Ну и? – вопросил его марсианин.

– Он же, царица лесная, просто в каске был!

– Кто, яйчики-бабайчики?!

– Ну, этот, про которого ты говорил. Одно только не пойму: при чём здесь наша игра?

Не удивительным было и то, что все трое противников большевика старались посадить именно его, и не было в этом стремлении никакого особенного садизма, а было только желание отомстить ему за все пакости, которые тот причинил каждому из покерного коллектива за неделю. А лучше всего такое состояние символизировал суперкороткий спич экстекстильщика, состоящий всего из одного сло́ва: «Натерпелися!»

Так, Афанасьич вдруг остро поглядел на ленинца, после чего неожиданно произнёс такие слова́, от которых педагога сладко зашлось сердце:

– Ты, Нуртай, прямо как Дзержинский!

Володя от удивления крякнул, Талгат поперхнулся очередным глотком, а сам Курманбаев начал хватать ртом воздух, как карась из сказки в предпоследнюю минуту своей малой жизни.

– В смысле, мать моя Октябрьская революция? – наконец выдохнул он.

– Конечно, как Дзержинский, – упрямо подтвердил свою «мысль» сторож. – Мне же Володя рассказывал, что у чекиста должна быть горячая голова, холодное сердце и липкие руки. Ну, прямо как у тебя!

Сексоты раньше в каждом доме жили,
стремясь, о чём ты думаешь, узнать,
но как свободу слова объявили,
осталось тупо всех переписать!

Так, Салихдзяныч, зачем-то оставивший напоследок старшего джокера и увидевший, что Нуртай собирается брать свою третью заказанную взятку, решил перебрать, но остановить своего главного врага. Он с размаху кинул *гранда* на столик, но, хитро поглядев на партийного, поступил неким нестандартным способом, то есть промолчал.

– Талгат, – услышал он умильный голос пламенного коммуниста, – ты, наверное, забыл сказать *за простую!*

– Ничего я не забыл, – объяснил саксаульский хорунжий. – Просто так сложился исторический момент!

А Серёжа, в полном восторге от такого *афронта* своего соседа по подъезду, победно вскричал сначала одно слово с восклицательным знаком, а потом и целых три:

– Загасил! Загасил таки макаренку!

И в этом возгласе было всё, и, прежде всего, особенное ликование победы. С таким же ликованием индейцы в давние времена, наверное, сдирали с бледнолицых чужаков скальпы или отреза́ли им мошонки, чтобы приторочить к своему седлу.

– Ну, что ж, – с удовлетворением констатировал Володя, – вот и ещё одного зазевавшегося свежевали мимоходом…

Костеря ольху и бук,
шёл по лесу Чингачгук:
за ольху копьё цеплялось,
а за бук цеплялся лук!
Кровь в кустах течёт потоком,
бьёт фонтаном из травы!
Что, жестоко? Да, жестоко,
но индейцы – таковы…

А сам Мусаич был так потрясён коварством своего, как ему казалось раньше, друга, что сначала покраснел, потом побледнел, потом позеленел, а потом и вовсе привстал со скамеечки и в полной ажитации воскликнул:

– Слава НКВД!

Бедного прапорщика подкинуло, как битумную тарелочку на стрельбище, и понесло в сторону многострадальных учпучмакских кустов, которые тут же принялись страдать вновь. А Кулемзина, который знал множество историй, даже не относящихся напрямую к *русской кочерге*, пробило на внеплановый Хронотоп, правда, очень короткий.

Глава 178. ОБ ОДНОМ ОПЫТЕ СОВЕТСКОЙ ЦЕНЗУРЫ (Хронотоп № 48)

Вряд ли кому из моих читателей известно, что первый вариант гениального романа Александра Беляева «Человек-амфибия» назывался «Человек с железными жабрами», и героя звали не Ихтиандром, а Прохором, и рассказывалось в этом произведении про базу подготовки подводных диверсантов-разведчиков в Ялте!

На следующий день после сдачи рукописи в издательство фантаста вызвали *куда надо* и настоятельно порекомендовали заменить железные жабры жабрами молодой акулы, а также исключить всякие упоминания СССР (б), и вообще перенести действие куда-нибудь подальше. Что автор, к нашему счастью, и сделал!

Ихтиандры звонили под утро,
нарушая общественный сон, –
набирали случайно, кому-то,
и молчали, дыша в телефон.
Словно их беспокоило что-то
на рассвете – с пяти до шести,
ну, а людям потом на работу,
будто в бой, с недосыпом идти.
Убеждали весьма чрезвычайно
ихтиандров оставить звонки,
те в ответ улыбались печально,
растопырив свои плавники,
и чесали задумчиво темя,
виновато стараясь понять:
не звонили какое-то время,
но потом продолжали опять!

Глава 179. МУКИ ТЩЕСЛАВИЯ И КОРЧИ НЕПРИЗНАННОСТИ (Начало, ещё одно продолжение)

Но это литераторное воспоминание было слишком коротким, чтобы остановить уже начавший набирать обороты вал игры. К этому времени вполне можно было рассматривать кое-какие промежуточные итоги, правда, с теми, что приводились автором три страницы назад, они отличались не очень. Главным событием здесь стала яркая победа Батыршина на роббере из 8 карт, когда Сука-судьба подвалила ему два джокера и аж четыре козыря, и он взял заказанные четыре взятки, а это было целых 75 очков, опередив и Нуртая, и Володю, которые до этого занимали первое и второе места́.

Кулемзин отнёсся к этому событию довольно равнодушно, так как хорошо понимал, что прошла всего лишь первая треть игры, и до финала ещё далеко. А вот Курманбаева такая локальная победа просто выбила из колеи. Вначале, увидев, что Талгат всё-таки взял свои, он не удержался и всплеснул руками, воскликнув:

– Мать моя советская педагогика!

, а потом и вовсе стал немного похож на сумасшедшего начала XX века, которому неожиданно почудилось, что зазвучала труба классовых боёв, поющая зарю нового века пролетарской свободы. Оставалось одно – усилить бдительность, чтобы быть ещё твёрже.

Такой нехитрый план очень понравился педагогу, и для начала его осуществления он скосил глаз в карты левого соседа по покерной скамеечке Серёжи, в этот миг став удивительно похожим на классического апостола Иуду, каким его представляли нетрезвые художники позднего Ренессанса. Потом, осознав, какие именно карты он увидел у сторожа, которые, как казалось Афанасьичу, тот так надёжно прятал в своих кривоватых руках, большевик затрясся, как оккупант в осаждённом Киеве.

Но вот Полтавцев заметил нечестивые потуги Мусаича и реко отвернул ру́ки с картами в другую сторону, на этот раз выставив их на обозрение саксаульскому унтер-офицеру, который с такой же жадностью начал изучать чужое наследие.

Если мы играем в нарды,
по башке вам достучусь:
покажу свои я карты,
потому что не боюсь!

А Альбионыч, отметив в памяти все эти забавные эволюции, решил предупредить охранника, но так, чтобы потом никто не смог обвинить его в подсказке:

– Ты, Серёжа, яйчики-бабайчики, самое яркое доказательство того, что и *дедушке* в его глубоком миллионнолетнем маразме всё же свойственны глобальные ошибки…

Семижопинец ничего не понял, но услышал, что его имя упоминается вместе с *дедушкиным*, и успокоился. Увидев, что его усилия потерпели фиаско, писатель сделал заход с другой стороны:

– Знаешь, старичок, когда человека кусает вампир…

– Знаю! – радостно перебил его бывший хлопчатобумажник. – Он сам становится вампиром!

– Вот-вот, – печально заметил литератор. – А тебя, судя по всему, искусали бараны.

Сородичи глотают корвалол,
а у меня зудит острей, чем жало:
я зеркало сегодня расколол,
которое меня не отражало!

– Да это Винокурам на смех, мать честна́я! – ответил Афанасьич.

Но, как уже хорошо известно моему читателю, прочитавшему не одну тысячу страниц нашего сиятельного повестовования, покерный гуру был человеком упёртым, поэтому не раздумывая сделал третью попытку предупредить своего неразумного товарища. На этот раз он сделал это практически в лоб и содрогнулся, ибо всё было так прозрачно, что…

– Не думайте, други мои, что я хочу подсказать Серёже, просто я неожиданно вспомнил одну весьма поучительную историю.

– Давай, святой Малевич! Давай, едрит Мадрид! – перебивая друг друга, в нетерпении закричали неиграющие бермудцы.

– Даю, – согласился Володя. – Итак, однажды некий молодой буддист по дороге домой вышел к реке и увидел, что мост смыло водой. Когда он уже собрался бросить всё и пойти назад, то увидел учителя на другом берегу реки. И молодой буддист крикнул еиу:

– Досточтимый, вы не подскажете, как мне перебраться на другой берег реки?

Учитель на мгновение задумался, потом посмотрел вверх и вниз по реке и прокричал тому в ответ:

– Сынок, ты уже на другом берегу!

– А-а-а, – воскликнул Афанасьич, – я всё понял: речка была неширокой, поэтому они друг другу докричались. А вот не понял только одного: молодой муддист – это кто?

Становлюсь от зла неистов,
загоняя в ствол патрон:
Будда умер, но буддистов
наплодил со всех сторон!

Поняв сразу две вещи: 1. все три попытки подсказать семижопинцу оказались провальными и 2. что от Суки-судьбы не уйдёшь, земной марсианин заглянул в *раскладку*, увидел, что следующим играется роббер на 9 картах, и предложил Мусаичу сделать заявку на него первым. Курманбаев заглянул в карты и чуть не задохнулся от восторга, увидев, что ему пришли два джокера и куча картонок маленьких значений, с трудом взял себя в руки и, даже зевнув – для того, чтобы все видели, как он равнодушно относится к пришедшему, твёрдо объявил всего две взятки, но в поганом уме своём задумал взять не меньше пяти, а то и шести!

А вот ошибкой педагога было то, что он сидел слева от Альбионыча, а это значит, что следующий заказ был как раз литератора. Но ошибкой было, конечно, не местоположение ведущего игрока *русской кочерги*, а то, что Кулемзин в тот момент, когда Нуртай делал свой заказ, пристально наблюдал за его глазами, руками и… ногами.

Не сержантская полоска,
ни матросская матроска,
и не грузоперевозка,
чем давно владеет он –
шея, копчик и причёска
выдают, что он шпион!

Да-да, мой читатель, здесь нет никакой ошибки: если глаза коммуниста бегали, а руки потихоньку тряслись, то это ещё не означало, что он в этот момент блефует, ибо глаза саксаульского песталоцци бегали всегда, а руки, чувствуя лёгкую поживу, тряслись тоже довольно часто. Но вот ноги! Как раз ноги и выдавали его больше всего, так как автономно от черепной коробки, в которой Мусаич прятал мозг, просто-таки приплясывали от нетерпения в очередной раз показать, кто является самым пакостным в покерной хевре.

Правда, оставшиеся двое игроков, то есть Серёжа и Талгат, были не такими внимательными, как Володя, и сделали свои заявки исключительно в расчёте на собственные силы. После того, как все они (не Серёжа и Талгат, а заявки) были тщательно занесены в игровой кондуит[362], Нуртай, всё также взволнованно кося глазами, тряся руками и пританцовывая ногами, торжествующе объявил мизéр.

[362] Кондуит, или штрафной журнал – документ, в который заносились проступки учащихся. Впервые они были введены в середине XIX века в Германии, впоследствие применялись в России в гимназиях и духовных учебных заведения – прим. ист. редактор

Но не тут-то было! Володя в ответ произнёс всего одно слово, но оно оказалось роковым именно для преподавателя еврейского колледжа. А почему только для него? Да потому, что и Полтавцев, и Батыршин делали свои заявки, исходя из того, что будут играть самый обычный роббер – без всяких дурацких мизéров.

Комедия не личная –
на четверых гульнуть:
для нас игра привычная,
коль можно чуть хлебнуть!

Глава 180. МУКИ ТЩЕСЛАВИЯ И КОРЧИ НЕПРИЗНАННОСТИ (Середина партии, начало)

Так что середина партии, о коей было заявлено в названии этой главы, выдалась боевой, как, впрочем, бывало почти всегда, когда плавное течение игры подходило к числу 9. Здесь надо пояснить, что именно эти 9 робберов, называемые *серединными*, были самыми продуктивными, но не потому, что мозги покеристов к этому времени начинали работать лучше, а только потому, что такие робберы были самыми большими по количеству карт. Вот посмотри, мой читатель, и убедись сам: 9, 10, 11, 12, *тёмная* на 12, 12, 11, 10 и снова 9!

Но – к делу! Надо ли говорить, что Курманбаев проиграл этот роббер практически насухую, правда, хапнув одну случайную взятку некозырным королём, когда ни у кого из соперников не нашлось, чем его (короля, а не Курманбаева) перебить ~~из автомата Калашникова~~. Огорчало только одно, что потеря педагога составила всего 25 очков, так что его хитрость сыграть блеф почти удалась. Но зато радовало другое: старший трубач по-прежнему удерживал первое место, второе оккупировал Альбионыч, третье занял семижопинец, а вот ленинец оказался в хвосте событий.

И именно это, то есть последнее место, вызывало у Мусаича огромную тревогу и волнение. Ведь количество карт, а, значит, и взяток увеличивалось с каждым роббером на одну, а, тем самым, увеличивался и риск. Играть надо было наверняка, и в этом случае мог бы помочь *иблис*, но коммунист, пошарив рукой сзади себя, не обнаружил знакомого подрагивающего хвоста и понял, что рассчитывать надо только на себя!

Бес телесный духовному бесу
не товарищ, не ровня, не брат:
первый – циник, гуляка, повеса,
но второй пострашнее стократ!

Может, поэтому, а, может, по какой другой причине, но и в следующих робберах – до *тёмной*, большевику тоже не везло, и если учесть, что в каждом из них он пролетал на одну-две взятки, то не удивительно, что к самой середине игры, то есть *тёмной* на 12 картах, преподаватель информатики подошёл с минусовым значением своих заслуг! Да-да, сейчас в его колонке стояла позорное число в минус 13 очков, и это было тоже нехорошим зна́ком, тем более, что двое неиграющих бермудцев, то есть Муравлёв и Митрохин, громко и вслух обсуждали роковое значение этого страшного числа!

Всего-то малость – 12 (дюжина),
а добавь единицу – и чёртова будет,
и этим она, ну, никак не сконфужена,
зато 13 никто не забудет!

Но ещё хуже было то, что в разговор вступил третий эксперт по фамилии Полтавцев, который, послушав предыдущих экспертов, вынес своё резюме:

– Кранты тебе, сосед, царица лесная!

Был здесь для Мусаича, конечно, один вариант: рискнуть и заказать не менее четырёх взяток, но очко! – то самое очко, которое располагалось у педагога сзади – там, где начинались ноги, как выражаются наиболее продвинутые зэки, *начинало играть* ещё до того, как только он принимался думать на эту страшную тему. Он был бы рад заказать в этом случае даже пас, чтобы, не взяв ни одной взятки, получить заветные 10 очков и сократить своё нелепое число до минус трёх, но и этого было нельзя – по правилам *русской кочерги* на *тёмной* никто не имел права делать заявки меньше, чем в три взятки!

«В общем», подумал в этом месте автор, «финита ля трагедия, как частенько говорила одна моя знакомая театральная гардеробщица!»

Был и второй вариант: заказать пресловутые три взятки и играть, надеясь на то, что каждый, в желании захапать двойное, как и положено на *тёмной*, количество, будет играть осторожно, сбрасывая всё лишнее, и именно это лишнее затем и подберёт Нуртай.

Но, как хорошо известно из популярной русской пословицы, человек предполагает, а *дедушка* располагает, и именно её сейчас, видя терзания партийного, произнёс саксаульский есаул, но надежду так и не подарил. А Володя, как знаток всего на свет, вспомнил, что эта пословица прижилась в русском народе тогда, когда одна книжка, а именно библия, была впервые переведена на церковно-славянский язык, ибо была взята из первой части этой книги – Ветхого завета, а именно из книги Притч: «Много замыслов есть в сердце у человека, но случится только то, что определено Господом»[363]

[363] Притчи, 19:21 – прим. богосл. редактора

Бытиё познать чтобы прытче,
запираясь один в туалет,
я читаю библейские притчи –
толковых вот только здесь нет!

И Мусаич рискнул! И, пожалуй, это было самым героическим его поступком за все описанные здесь семь дней.

– Три, мать моя КПСС! – выкрикнул он, испугав дворовых детей, которые в этот момент проносились рядом с покерным столиком, как кучка камней из метеорного потока Леониды, который был назван именно так неким патриархом Евтихием Александрийским ещё в 901 году, но Курманбаев был убеждён в том, что такое красивое название появилось совсем недавно – в честь генсека Брежнева.

И уже через пару минут выяснилось, что ни человек (Нуртай) правильно не предположил, ни *дедушка*, разумеется, не расположил – по причине своего тотального отстутствия в природе. Или, говоря простым языком сельского пролетариата, впендюрился наш педагог по полной, то есть ещё глубже в минус – аж на 90 очков, недобрав на этот раз две взятки.

А ещё через минуту выяснилось ещё одно – то, что, как выражаются юристы, главным выгодоприобретателем этого роббера стал Серёнька Афанасьич, неожиданно для себя и всех остальных взявший заказанные четыре взятки, в результате чего поднявшийся аж на 150 очков! И теперь его и Кулемзина, который с трудом удерживал первое место, разделяло всего 10 очков…

Хоть и был помост трёхместным,
впору уходить в запой:
пьедестал, зараза, тесный –
все стоят на нём толпой!

И тут оказалось, что страшный афронт Нуртая подействовал на него весьма странным образом: осознав, что впервые за всю неделю после сыгрывания серединного роббера он не только не вышел из минуса, а залез в него так глубоко, как даже не мог представить, педагог внезапно вспомнил, что он не только преподаватель еврейского колледжа, но и пламенный коммунист, а, значит, сейчас ему может помочь только наполненная партийным смыслом хорошая песня, после чего, неожиданно обеднев (прости, русский язык!) обертонами, запел тонким фальцетом, хотя, как однажды выразился известный моему читателю сторож, фальцет и не может быть толстым:

– Остался дом за дымкою степною,
не скоро я к нему вернусь обратно.
Ты только будь, пожалуйста, со мною,
товарищ «Правда»,
товарищ «Правда»!

А после того, как перед изумлёнными дворовыми детьми в который раз за сегодня, да и за всю неделю тоже, промелькнули условные пятки несчастного еврейского зятя, закричал ему вслед:

– Талгат, я ещё не всё сказал! Та «Правда», о которой я сейчас пел, и есть единственная истина!

И лучше бы он этого не говорил, ибо вслед за старшим духовиком президентского оркестра окончательно потерявшие рассудок учпучмакские кусты встретили ещё троих членов покерной хевры – Муравлёва, Митрохина и Полтавцева. А Володя, услышав в принципе невинное слово *истина*, вспомнил о том, как за годы жизни насобирал таких истин, которые до сих пор помогали ему жить, аж 13. Думаю, что у каждого человека есть какие-то свои прописные истины, найденные им в течение жизни, и пусть они были придуманы не им, а заимствованы у умных людей, но они всегда делают так, чтобы данный человек стал данным человеком. Вот поэтому Альбионыч и захотел познакомить всех с такими истинами, которые когда-то сделали его. И именно их сейчас и узнает мой читатель.

Слепым бываю, дурнем тугоухим,
когда мне мнятся прошлые бои,
и вот тогда, собравшись с тёмным духом,
я вспоминаю истины свои.
И помню их, не знаючи – зачем,
от этих схем пожизненно я нем…

Глава 181. 13 ИСТИН ДЛЯ КУЛЕМЗИНА

1

**Страдания не рождаются нигде,
кроме нашего собственного необузданного ума.
Будда Гаутама**

2

**Ничего не бывает рано.
Ничего не бывает поздно.
Всё бывает только вовремя.
Конфуций**

3

**Все пути ведут из никуда в никуда.
Главное – пройти по ним с радостью.
Ошо**

4

**Нищете материальной нетрудно помочь.
Нищете души – невозможно.**

Жан-Жак Руссо

5

**Сведи к необходимости всю жизнь, –
и человек сравняется с животным.
Уильям Шекспир**

6

**Равенство – это рабство.
Гюстав Флобер**

7

**Лучший день – сегодня.
Лев Николаевич Толстой**

8

**Не печалься, что тебя не знают люди.
Печалься, что ты не знаешь людей.
Конфуций**

9

**Лучше сделать и жалеть,
чем не сделать и жалеть.
Маркиз де Сад**

10

**Поиск истины способен
изрядно позабавить.
Вернон Гордон**

11

**ПРЫГАЙ. ПОКА НЕ ПОДУМАЛ!
Ошо**

12

**Лучший способ найти себя – перестать
прислуживать другим людям.
Махатма Ганди**

13

**Освобождение ведёт к освобождению.
Георгий Гурджиев**

Глава 182. МУКИ ТЩЕСЛАВИЯ И КОРЧИ НЕПРИЗНАННОСТИ (Середина партии, продолжение)

И к концу такого воспоминания вся покерная хевра, включая двух верных болельщиков, которые уже дослужились до звания соратников, вновь собралась в полном составе, а, значит, можно было продолжать сражение.

По требованию присутствующих, у которых мозги понятно от чего сделались немного набекрень, марсианин озвучил текущие результаты в *раскладке*, чем поверг в шок многих: охранника – тем, что тот узнал о своём первом месте, большевика – его не только последним местом, но и глобальным минусом, Салихдзяныча – что он, оказывается, давно уже думает не о каком-то там семейном гнезде, а исключительно о том, чтобы день побыстрее закончился, а он и его собутыль… тьфу, друзья по покеру могли спокойно отметить окончание трудного дня, как это в своё время сделали некие битлы в названии одного из своих виниловых дисков[364].

[364] «A Hard Day's Night» («Вечер трудного дня») – третий студийный альбом группы «The Beatles» 1964 года. Большинство песен альбома были написаны специально для одноимённого фильма, в котором участники группы сыграли самих себя – прим. муз. редактора

Ах, давай мы забудем,
сколько будет икс в кубе,
и на Кубу скорее махнём,
где один из битлов,
тот, что пел про любовь,
в виде статуи[365] свой обрёл дом…

[365] Парк Джона Леннона расположен в районе Ведадо кубинской столицы Гаваны. Назван в честь музыканта группы «The Beatles» Джона Леннона. В парке установлена бронзовая скульптура битла, а у её подножия находится вот такая надпись: «Dirás que soy un soñador pero no soy el único», которая является переводом на испанский язык фразы из песни «Imagine» («Представь»): («Можно сказать, что я мечтатель, но я не одинок») – прим. муз. редактора

Кстати, ознакомился с этими результатами и сам *записывающий*, которого воспоминания о 13 истинах, а потом о строчках в *раскладке* тоже немного выбило из колеи, после чего довольно улыбнулся:

– А ведь неплохо, яйчики-бабайчики, потрудился наш РУБОП, – неожиданно похвалил он всех.

– В смысле, святой Малевич? – усомнился художник Николаич. – Вы же не менты какие-то!

– А при чём здесь менты? – удивился писатель. РУБОП – это

Рыцари
Универсальной
Борьбы,
Озаглавленной
Покером

– Кстати, Мусаич, сейчас твоя очередь сдавать!

– Только смотри, Нуртай, – неожиданно со злостью обратился к ленинцу Серёжа, – а то сдашь мне, как в среду, – одну чепуху, мать честнáя!

– В к-к-какую среду? – от волнения стал заикаться Курманбаев, метнув в семижопинца уничтожающий взгляд. – По-моему, ты уже совсем с ума съехал!

– Да-да, ёкарный старик, а я ведь тоже такое помню, – неожиданно поддержал Афанасьича Батыршин и получил ещё один взгляд, как выражался когда-то М. Горький[366], «чёрной молнии подобный» [367], после чего оба обидчика педагога поняли, что нажили себе одного коллективного врага.

[366] Не путать с автором данного произведения Вл. Горьким! – прим. гл. редактора
[367] Строка из «Песни о Буревестнике» (1901) – прим. лит. редактора

Я читателя тревожу
тем, что мысли так низки:
своего врага мы в рожу
знаем, как своим мозги!

А Володя с сожалением слушал такие перепалки и думал о том, что так и не смог втюхать в тыквы своих подельников простую мысль: если не зацикливаться *только на своей выгоде* в игре, а плести полотно *русской кочерги* пусть не вместе, а хотя бы пытаясь что-то сделать в гармонии с другими, то она (игра, а не гармония) сразу же расцветёт такими красками, что куда там радуге! Но ни разу за прошедшие годы усиленных тренировок эти краски так и не увидел никто из знатных бермудцев!

Увидеть чью-то Саскию [368]
на полотне я рад:
беру цветные краски я –
но вылез вновь «Квадрат» [369]!

[368] Скорее всего, речь идёт о Саскии ван Эйленбюрх, жене голландского художника Рембрандта ван Рейна, изображённой на многих его картинах – прим. худ. редактора
[369] Скорее всего, автор имеет в виду знаменитый «Чёрный супрематический квадрат» Казимира Малевича – прим. худ. редактора

А ведь такая гармония была не придумана покерным гуру, а взята из китайской стратегии 工合, или гун хо, что означало *работать в гармонии*, а если дословно, то «преисполненный энергии, крайне увлечённый, заряженный на победу»!

Но слишком отвлекаться на посторонние мысли сейчас было не с руки, ведь покеристам предстояло сыграть один из самых важных робберов в игре – *среднюю тёмную*. Мой читатель за прошедшие дни и посвящённые им тома, конечно, не раз незримо присутствовал при этих битвах, но каждый раз они были не такими, как прошлые покерные вóйны, ибо количество комбинаций, когда на четверых игроков сдаётся по 12 карт, приближается к астрономическому числу со многим нулями на конце.

В нашем городе районов –
столько пыли в них взметать:
триллионы биллионов –
всех нулей не сосчитать!
Обойдёшь его не скоро –
если хочешь, сам проверь,
но такой огромный город
только снится мне, поверь!

Афанасьич твёрдыми крестьянскими руками, немного трясущимися с никак не проходящего утреннего похмелья, сдал игрокам карты, и те принялись буравить их глазами, потому что до сделанной вслух заявки смотреть пришедшее было категорически запрещено – под страхом 1. штрафа в 50 очков и 2. пересдачи роббера.

Первым делал заявку Кулемзин, который сейчас был на втором месте, так как на первое неожиданно вышел Полтавцев, поэтому литератор не стал гневить Суку-судьбу, а пообещал взять минимум на *тёмной*, то есть 3 взятки. Сам сторож, уже как 5 последних минут впавший в ересь всемогущества, заказал 4, такие же 4 взятки решил хапнуть военный музыкант, который до этого кинул взгляд на балкон еврейской квартиры и, не увидев там никого, решил, что это некий добрый знак.

Хуже всего было Мусаичу, который мгновенно подсчитал общее количество взяток – 11, и страшно этого перепугался, но добирать до 12 (чтоб наверняка!) всего одну взятку было не по правилам, и он, мысленно поцеловав отсутствующего *иблиса* под хвост, тоже сделал минимальный заказ в 3 взятки.

После этого игроки разобрали карты и принялись их изучать, и буквально в эту же секунду верные болельщики Валера и Васюхан услышали разные звуки, сопровождающие это изучение: стоны, всхлипы, облегчённые вздохи, кое-как подавленные тихие вскрики счастья и разочарованное бормотание, но так как все они (звуки, а не болельщики) были произнесены одновременно, было совершенно непонятно, кому они принадлежат. К тому же была вероятность блефа, когда какой-нибудь игрок, не желающий, как говорил в детстве маленький Серёнька, *выказывать* хорошие карты, стонал, чтобы все остальные подумали, что они у него плохие!

Нас в игре, как *в дурке* водят,
но без радостей и бед:
карты разные приходят –
всем the best [370], а мне – the bad [371]!

[370] Лучший – англ.
[371] Плохой – англ.

– Талгат, ходи! – подсказал записывающий марсианин и, видя, что названный ужаснулся известию, даже подтвердил свои слова каким-то непонятным жестом.

– Я?! – ужаснулся старший прапорщик.

– Ты, яйчики-бабайчики, ты.

Глава 183. МУКИ ТЩЕСЛАВИЯ И КОРЧИ НЕПРИЗНАННОСТИ (Середина партии, ещё одно продолжение)

И Салихдзяныч сделал первый ход. Но от осознания своей значимости пошёл так, как иногда ходил Володя, правда, с одной разницей: Кулемзин делал такой ход вполне продуманно, опираясь исключительно на свои карты, а вот саксаульский есаул просто повторил его, опираясь исключительно на желание *догнаться* – в отсутствие более железных аргументов для своей тыквы – крепким пивком «Маршал», которое, как помнит наш верный читатель, всегда входило в систему главных приоритетов старшего трубача президентского оркестра вооружённых сил Республики Саксаулия.

А сделал он вот что – с неожиданными для всех и для себя словами «По старшим козырям!» бросил на покерный столик младшего джокера. И это действительно стало катастрофой, ибо и Курманбаев, и сидящий за ним писатель были вынуждены сбросить свои главные козырные карты – короля и туза соответственно, а вот охранник неожиданно забрал весь этот *крупняк* тоже джокером, но старшим, после чего сделал уже вполне осознанный ход – пошёл козырной дамой, полагая, что в данное мгновение это самая большая из оставшихся на руках карт.

Самой важной вновь осталась дева,
вновь досталась главная ей роль:

козырна́я дама – королева,
так же как король – всего король!

«А покер?», воскликнул здесь уже поднаторевший в бермудских баталиях читатель. И как же он был прав! И как же обрадовался такому ходу Альбионыч, потому что если бы не пришедший к нему покер – эта незначительная, например, в игре *в дурака* пиковая семёрка, то не брать ему заказанные три взятки точно. Жалко было, конечно, тратить на эту воспетую Сергеичем пиковую женщину такой железобетонный аргумент, но – надо. Литератор бросил покера на серёжину карту, и в этот момент над столиком мелькнула чья-то рука, ловко выхватила главную володину карту, и только после этого до ушей покерной хевры дошёл торжествующий голос:

– Ага, попался, мошенник!

Все вздрогнули, выпрямили плечи и посмотрели немного вверх. Оказалось, что ни игроки, ни их верные болельщики в лице Николаича и Васюханыча в пылу сражения не заметили, как к ним неслышно подобралась старшая по дому № 17 Жанна Пантелеевна, которая сейчас с торжествующе-обличающим видом держала на виду кулемзинский покер. Видимо, до этого возгласа она собиралась пополнить семейную продовольственную корзину, но вместо неё держала в руках сумку, откровенно выдававшую возраст потенциальной покупательницы – было похоже, что сумку в давние времена сделали из кожи пожилой колхозной коровы.

Не продаются бандерильи[372]
в сельпо – лишь только балычок:
в Нью-Йорке сумки крокодильи,
а нам подходит и бычок!

[372] Копьё наподобие гарпуна, которым пользуется участник корриды – прим. автора

А сам Кулемзин ещё раз подумал о том, как же точно он в своё время сократил имя-отчество общественницы до двух букв русского алфавита – Ж. П. Он смотрел на неё и, как русский философ-надомник, думал о том, что всякая вещь, наделённая (прости, русский язык!) субстантивной полнотой, сохраняется долго, и даже после пятидесяти, пока не упирается в слова́ if you're not experiemced[373].

[373] Аллюзия на название альбома Джимми Хендрикса 1967 года «Are You're Experiemced»
[374] «Если у вас нет опыта» – англ.

Плохие времена для таких женщин наступают поздно, зато мгновенно и навсегда – туго натянутая тонкая кожа, не имеющая прокладки сырого мяса, высыхает, идёт мелкими *кракелюрами*, превращая лицо в листки школьного гербария, переложенные папиросной бумагой.

– Жанна Пантелеевна, ты что, с ума съехала? – сделал слишком смелое предположение обер-корнет саксаульских вооружённых сил.

– А, по-моему, это вы все тоже самое! – несколько не по-русски взвизгнула активистка. – Сидите и не видите, как вот этот, – показала она пальцем на чуть растерявшегося Альбионыча, – вас дурит как хочет!

Знают даже алеуты,
очищая ананас:
у кого мешок валюты,
тот обдуривает нас!

– Да нет, царица лесная, – отбирая у местной швондерихи карту, пояснил семижопинец, – это же правило такое. – В данной игровой плоскости…
, после чего все подивились этой вовремя вспомненной сторожем плоскости.

– Ты мне голову не морочь! – завизжала она, прижав карту к тому месту, которое раньше у неё называлось хорошим русским словом *грудь*. – Не может быть никаких правил, чтобы семёрка была старше дамы! Дама завсегда старше её!

Надо было что-то делать, ибо такое противостояние с железной леди второго микрорайона могло длиться ещё долго.

– Жанна Пантелеевна, – любезно обратился к нарушительнице покерного спокойствия Володя. – А вы знаете, что Валентина с третьего этажа, которую мы видели здесь на днях, опять продлила срок аренды то ли пятерым, то ли восьмерым таджичкам, которые сейчас проживают в её квартире. И, кстати, вы уже выяснили, какая именно немалая сумма квартплаты попадает в карман этой, с позволения сказать, арендодательницы?

Вот такие дифференты
и извивы бытия:
сам себе плачу аренду,
ведь квартира-то – моя!

– Что?! – взревела Ж. П. – Как продлила? Почему без моего ведома?
, после чего бросила поруганную женскими руками главную карту в игре и, с места набрав вторую космическую скорость, бросилась в подъезд.

– Лихо ты её! – похвалил старший джус Володю, после чего розыгрыш средней *тёмной* продолжился.

И тут все обратили внимание на сидящего с открытым ртом Полтавцева, который, как оказалось, никак не мог отойти от незапланированной потери козырной дамы. Муравлёв даже сочувственно пожал ему руку, после чего сторож наконец вновь обрёл дар русской крестьянской речи.

– Вроде ведь и карта приходит неплохая, – с сомнением произнёс он, – а начнёшь играть – так одна *кажимость*…

И горе на его роже было так велико, что марсианину не оставалось ничего сделать, как повторить тот же трюк, который он только что произвёл с активисткой Ж. П., то есть немного отвлечь охранника.

– Серёжа, – обратился он к горемыке, – я вот давно хотел узнать твоё мнение по одному важному вопросу…

Глаза страдальца тут же засветились счастьем, ибо сам великий покерный гуру захотел поинтересоваться его соображениями.

– Отвечаю на любой вопрос, – быстро произнёс он, – и, разумеется, с внятной доказательной базой!

– Вот скажи, друг мой, когда однажды к некоему доктору Айболиту принесли зайчика, которому отрезало лапки трамвайчиком, он пришил ему новые. Правильно?

Афанасьич тут же согласно кивнул и вздохнул с облегчением, подумав, какой же лёгкий вопрос задаёт ему сейчас писатель, но оказалось, что главный вопрос впереди, что и огласил знатный собеседник.

– Внимание, вопрос: а где он взял эти лишние лапки?

Ведь пирамида есть для заек,
и мы её не утаим:
одним врач лапки отрезает,
а пришивает их другим!

– Да это же очевидно, мать честнáя! – с облегчением воскликнул бывший текстильщик. – Дело же происходило в сказке! И как ты сам до такой *легкоты* не догадался?

– Вот я дурак, – улыбаясь, попенял сам себе Альбионыч. – Спасибо, старичок, выручил разумом!

– Да, как говорил мой дедушка Михей из деревни Семижопино, на здоровьичко плюс полный рот закуски!

После того, как все убедились, что обида Серёньки неизвестно на что была прочно забыта, игра продолжилась. И пошла она довольно легко, так как первая часть, когда активны *гранды*, уже закончилась, и осталось только две части – когда сыграют вначале козыри, а потом просто старшие карты.

Как известно ветеранам,
покер – это адский цех:
было б чем игру играть нам,
ну, а руки есть у всех!

Но всё оказалось не так просто, и виной нового скандала опять оказался сторож, хотя сам скандал начал Салихдзяныч, который почувствовал, что явно не доберёт одну взятку, а, значит, не видать ему второго места как сливного клапана[375] своей военной дудки. И виной всему был действительно странный ход экс-текстильщика, который вместо того, чтобы пойти верным бубновым тузом, пошёл тоже бубями, но четвёркой, а военный музыкант, сидящий следом за ним, испугался, что его бубнового короля могут побить, и сбросил невнятную десятку, которую, вздохнув с немалым облегчением, забрал таким же валетом Курманбаев. Затем педагог повторил бубновый ход, пойдя семёркой, и когда оберкорнет выбросил своего короля, тот был немедленно побит серёжиным тузом.

[375] Техническое приспособление трубы, не участвующее в извлечении звуков – прим. муз. ре-дактора

А Талгат в этот момент с горечью подумал, что было бы не обидно, если бы этот придурок делал такие ходы *по уму*, так ведь нет же – по дурости!

– Ёкарный придурок, – заорал он, – ты зачем так сходил?

– Да я хотел немного позицию поструктурировать! – немедленно начал оправдываться Афанасьич.

Разобрав на части схему
автомотободуна,
структурирую систему, –
чтоб работала она!

– Какое ещё струк… трук… турик… – от возмущения начал заикаться Батыршин.

«Действительно, придурок…», подумала карликовая русалка и, прицелившись, сбросила сразу 17 чешуек с хвоста на тыкву сторожа, отчего тот немедленно принялся яростно расчёсываться с каким-то тургеневским скрежетом[376].

[376] Вот цитата из рассказа И. С. Тургенева «Пунин и Бабурин» (1874): «Всюду, между деревьев, по луговинам, мелькали белые, красные, сизые рубахи; всюду слышался скрежет и лязг скребущих лопат, глухой стук земляных комьев о косо поставленные сита» – прим. лит. редактора

И только игроки закончили сражение на средней *тёмной*, как произошло событие, которое снова отодвинуло продолжение того, в честь чего названа наша блистательная кни-

га. А отодвинул его ни кто иной, как батыршинский сосед по подъезду по имени дядя Петя – бывший военный моряк, а ныне пенсионерствующий алкаш.

Глава 184. НЕУДАВШИЙСЯ ПЛАН ДЯДИ ПЕТИ

А дело было так. Сегодня с са́мого утра дядя Петя ходил злой-презлой, и вот почему: пенсия, которую он получил аккурат с неделю назад, как-то подозрительно быстро закончилась. Проводив жену, известную моему читателю как тётя Лиза, он, несмотря на страшную головную боль, уселся за подсчёты и вскоре выяснил, что внезапное окончание денег означало два варианта.

Первый из них был страшным: если бы, пользуясь его ежевечерним обездвиженным состоянием, деньги прибрала к рукам супруга. Второй вариант был получше: если бы он полностью пропил полученные от государства назарбаксы сам. Был и третий вариант, хотя несколько гипотетический: если бы бывший военный моряк потратил последние деньги на бухло, но затем припрятал несколько бутылок у себя до́ма.

Советом помогли мне пацаны,
когда лежали мы в шестой палате:
хранить заначку в лифчике жены,
ведь там искать у ней ума не хватит!

Дождавшись, когда ~~любимая супруга~~ эта чёртова баба слиняет из дома и, на всякий случай, проследив в окно и убедившись, что она уселась за СС, или как называл его сосед Володя из первого подъезда, Старушечий Столик, дядя Петя начал производить обыск, но минут через 40, периодически поглядывая в окно, понял, что не нашёл ничего – ни денег, ни бухла. Откуда было знать старому алкашу, что деньги его супруга Елизавета спрятала как раз в то место, о котором читателю рассказал катренчик пятью строчками ранее, а *пузырь* «Саксаульского фиолетового» она, пока он спал, перелила в бутылку тёмного стекла, в котором раньше хранила отвар лечебных трав.

От любой отравы
мне помогут травы!

И вот тогда у хитрого пенсионера родился грандиозный план. Он оделся, вышел из подъезда и отправился к столику, но уже другому, – тому, за которым играли в сложную игру *с записями* богатый Альбионыч и его бедные друзья. Затем он для виду спрятался за карагачом, но вскоре, якобы случайно, выдал себя деликатным покашливанием, был отозван из-за дерева и допрошен.

После этого бравый офицер (б) и озвучил свой гениальный план, хотя соврал при этом на все 333 процента. По его словам выходило, что у него до́ма припрятана заначка в одну бутылку водки и аж 18 бутылок пива, и если игроки помогут отыскать всё это богатство, то в награду пускай забирают пиво, а водочку оставят ему.

Грабить сирых – святотатство:
пусть меня кидает в дрожь,
забирай моё богатство,
только *белую* не трожь!

Нельзя сказать, что сообщение пенсионера было принято с доверием, но здесь Кулемзин, который, как известно моему читателю, был гуманистом, альтруистом и просто человеколюбом, понял, что текущая игра – одна из последних на этой неделе, и принял решение на какое-то время её отсрочить, тем более, что самое ценное в этой ситуации, то есть

раскладку, он, чтобы не потерять набранные очки, попросил сохранить тётю Шуру из соседнего дóма № 16, сообщив ей на ухо, что среди других пожилых женщин она вызывает у него самое большое доверие, после чего старушка сложила заветную книжицу в четыре раза и засунула в карман не то халата, не то салопа.

И только было наивные кладоискатели поднялись с покерной скамеечки, чтобы проследовать в пещеру новоявленного Аладдина, как сам Аладдин… тьфу, дядя Петя таинственным шёпотом сообщил им, что всё продумал, а потом, как в своё время вотчинный староста Иван Сусанин, повёл знатных бермудцев окольным путём, то есть вокруг дóма, чтобы быстро, внезапно и незаметно, как красная конница в 1919 году при обороне Уральска, ворваться в подъезд.

Правда, не обошлось без инцидента: как только вся компания скрылась за поворотом, Нуртай, явно попутавший крестьянина XVI века с неким героем гражданской войны, бодро, хотя и вполголоса, исполнил вначале первый куплет старой песни:

Мы красные кавалеристы, и про нас
былинники речистые ведут рассказ:
о том, как в ночи ясные,
о том, как в дни ненастные
мы гордо, мы смело в бой идём!

, и до этого момента один из игроков ещё как-то держался, но когда прозвучал припев:

Веди, Будённый, нас смелее в бой!
Пусть гром гремит, пускай пожар кругом,
мы беззаветные герои все,
и вся-то наша жизнь есть борьба!

, опрометью бросился в сторону автобусной остановки на улице Жубанова, возле которой также были могучие заросли какого-то неизвестного ботаникам кустарника. А мой читатель пусть немного пошевелит мозгами, напряжёт память и сам определит и имя пострадавшего, и зачем тот совершил эти странные телодвижения.

Правда, через пáру минут отряд дождался возвращения на удивление ещё живого бойца и, сделав три поворота под углом в 90°, проник во второй подъезд володиного дóма. А сам поэт во время проникновения перебирал в памяти только что пропетые строки и удивлялся, насколько нескладно и не в рифму они были сочинены…

Не подчиняясь логарифмам,
пытаясь значить высоко,
стихи, написанные в рифму,
поются просто и легко!

Зайдя в подозрительную квартиру, Альбионыч первым делом огляделся, как делал всегда, когда попадал в незнакомое место, – для набора писательских впечатлений, но так нигде и не заметил предупреждающей таблички:

Внимание, газы!

Квартира для обыска была поразительно похожа на сюрререалистический коммунальный клоповник, и до полного соответствия ей не хватало только велосипеда на стене и кадушки с огурцами в прихожей. Ободранные обои и снятая со стен ванной комнаты кафельная плитка наводили на смутные ассоциации с ветхими домами *под снос*, а также в целом с нищетой, неряшливостью и безалаберностью.

В полумарке затхлой квартиры хозяин, и раньше не отличавшийся благородностью рожи, внезапно стал выглядеть как персонаж старой картины «Приход колдуна на деревенскую свадьбу» [377]. У него (хозяина, а не колдуна) сейчас было глупое, как у рыбы, лицо, брови его отчего-то полезли вверх и стали похожи на хорошо высушенных стрекоз, а сам он, видимо, от своего же вранья, сделался красным, потным и всклокоченным, как портовый грузчик. К тому же опытный диагност Кулемзин определил у ответственного квартиросъёмщика (прости, русский язык!) скоптофобию, или боязнь пристального взгляда, после чего его подозрения усилились. Неприятным было и то, что в тишине квартиры, куда не доносились вопли дворовых детей, ноги дяди Пети при ходьбе стали постреливать в суставах, как фарфоровые.

[377] Картина русского художника Василия Максимова (1875). Ныне принадлежит Государственной Третьяковской галерее (инв. № 585) – прим. худ. редактора

– Какой-то ты растерянный, старичок, – заметил знатный гость. – Как будто только что женился…

И лучше бы он этого не говорил, так как хозяин заметно вздрогнул, покачнулся и чуть было не повторил недавнее происшествие с Батыршиным.

Нахлебавшись пепси-колы,
а не водки (вот склероз!),
я женился по приколу,
ну, а жить пришлось всерьёз!

Глава 185. НЕУДАВШИЙСЯ ПЛАН ДЯДИ ПЕТИ (продолжение)

Кстати, здесь бы надо объяснить читателю, почему в голове хозяина квартиры вообще родился этот коварный для бермудских покеристов план. Он (план, а не хозяин) был далеко не первым, так как всю послепенсионную жизнь дядю Петю не покидало ощущение, что кто-то где-то что-то пьёт без него. Со временем эта мысль превратилась в некую манию, но закончилась как у многих алкашей, то есть тем, что он стал упорно собирать им же опустошённые бутылки – на предмет предполагаемого будущего финансового голода, тем более что по телевизору чуть ли не ежедневно говорили о каком-то экономическом кризисе – в США, Европе, России, а потом и добрались до само́й Саксаулии.

В принципе, Володя всегда находил общий язык со стариками, у которых за простецкой внешностью скрывалась жизненная мудрость, но только не с дебиловатыми маразматиками, полагавшими, что всё лучшее осталось в прошлом, а настоящее – это сплошное болото и дерьмо, не говоря уже о будущем, которого просто нет. Именно таким маразматиком ему виделся сосед дядя Петя Мазилов [378].

[378] Об этом персонаже подробно в главах 189-193 четвёртого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

«Что-то я чувствую себя здесь», подумал писатель, «не только не в своей тарелке, яйчики-бабайчики, но и на чужом подносе, и даже в незнакомой столовой!»

Кстати, вместе с ним особо внимательно оглядывался единственный в коллективе живописец, словно марсианин только что внушил ему мысль написать картину «Ленин после взятия Зимнего дворца с соратниками по государственному преступлению», причём, сейчас мучительно решал, кого изобразить в роли вождя народов – Мусаича или всё-таки Альбионыча.

Каждый факт об этом важный,
этот факт – на 100 рублей:
Ленин взял дворец отважно,
а потом лёг в мавзолей!

И вот что они увидели перед тем, как начать торжественный шмон по просьбе хозяина. Предварительный осмотр было решено провести с прихожей, в углу которой сиротливо стоял небольшой ржавый ломик, причём, ржавчина была очень похожа на запёкшуюся человеческую кровь. «Кстати, а где тётя Лиза?», вздрогнув, подумал писатель, но тут же вспомнил, что скрываясь именно от неё, вся компания только что провела блестящую контрразведывательную операцию.

После этого все под водительством дяди Пети заглянули на кухню, где он даже распахнул перед ними дверцу холодильника. Да-да, не смейся, мой читатель, но ты, уже поднаторевший в чтении этих нескончаемых страниц, предположил абсолютно верно, порукой чему стала совершенно бессмысленная фраза хозяина:

– Прошу!

, а бессмысленная потому, что угощать своих гостей он не собирался. Так что совершенно бесплатно и беспредметно они увидели, что на нижней полке холодильника в промасленном пакете лежала уже разломанная на куски копчёная курица – здоровенная, как будто её перед смертью готовили в лошади

«Так вот оно какое, счастье!», подумал Серёжа.

Чтобы кони нам не двинуть,
в мир внимательней смотри:
счастье – стопку опрокинуть,
а экстаз – так сразу три!

– Дядя Петя, – сглотнув слюну, обратился к хозяину охранник. – А у тебя, мать честна́я, соль есть?

– А вот соли нету, – признался Мазилов. – Пенсия такая маленькая: то одно купишь, то другое…

«В смысле, то бухло, то закусь?», подумал Кулемзин, а бывший моряк продолжал жалиться:

– …то третье…

«Видимо, пивко на похмелье!»

– …вот на соль денег и не остаётся.

– А я вот слышал, – решил проявить учёность коммунист, – что соль есть вредно.

– К счастью, Серёжа, это правда, – подтвердил покерный гуру.

– А почему? – сильно расстроился сторож и посмотрел почему-то на братьев-близнецов Валеру и Васюхана, но они одновременно замахали руками, как бы отвергая вздорную мысль о том, что должны знать такие научные страсти.

– Вот, Серёжа, смотри, – продолжил ненужное образование литератор, на некоторое время становясь учёным-химиком. – Соль – это, как хорошо известно нашему другу Салихдзянычу, NaCl, или в просторечии натрий хлор. Правильно?

Мозг ты думкою печалишь,
если хочется сольцы́:
NaCl хорош тогда лишь,
коли солишь огурцы!

Бросив махать руками, художник и антенщик в унисон закивали головами.

– А что такое натрий? – задал риторический вопрос новоиспечённый химик. – Обратимся к «Словарю иностранных слов», где сказано, что натрий – это серебристо-белый и, хотя и мягкий, но всё-таки металл, то есть вещь безусловно несъедобная.

– А хлор, застрявший Бармалей? – с надеждой спросил дядя Петя.

– А хлор ещё хуже! – не стал давать надежды Альбионыч, удивившись ниоткуда взявшемуся литературному персонажу[379]. – О нём та же высоучёная книга сообщает, что это вообще удушающий газ зеленовато-жёлтого цвета. Думаю, что такой, с позволения сказать, элемент, о котором вслух мечтал наш друг Полтавцев, не только нюхать, но даже лизнуть будет противно! И вот теперь подумайте, какой же должна быть мерзость их соединение…

[379] На морском жаргоне Бармалей – это БМРТ, или большой морозильный рыболовный траулер – прим. мор. редактора

Закуплю не меньше пуда,
чтоб почувствовать виском:
в жизни соль лизать не буду –
буду жрать большим куском!

Глава 186. НЕУДАВШИЙСЯ ПЛАН ДЯДИ ПЕТИ (окончание)

Талгат от эффекта, произведённого короткой научной лекцией, осторожно опустился на норовящий рассыпаться стул, который, судя по внешнему виду, помнил если не Иосифа Виссарионыча, то уж Никиту Сергеича наверняка, но бывший моряк уже приглашал их в дальнейшее путешествие по миру квартирных чудес.

– Опера «Разгон тоски», акт первый! – торжественно произнёс Володя, выходя вместе со всеми из советской кухни в 6 квадратных метров.

Зайдя в следующую комнату, громко называемую тётей Лизой за́лом, все вздрогнули, так как увиденные ими большие напольные часы, являющиеся обломком старой счастливой жизни, когда хозяева были молодыми, начали отбивать время, и все присутствующие убедились, что стукнуло 17 часов, хотя к досаде Афанасьича, отбобомкало всего 5 раз.

Колёса зубьями за зубья
цепляются – и потому,
цепляясь зубьями за судьбы,
идём по кругу своему.
Совсем несложная наука –
сосчитывать за часом час.

♠ ♠ ♠

Ах, птица-тройка – Лебедь, Щука
и Рак – куда летишь без нас?

В само́м зале достопримечательностей было всего три: одна из них висела на стене, вторая стояла на полу, а третья – на тумбочке системы «Немного подгнившего дерева в жаркий день». Но вначале па́ру слов о первой вещице, которая оказалась логически связана со второй.

Итак, над старым пыльным диваном неизвестно какого первоначального цве́та висел такой же пыльный, но трогательный коврик с оленями. Володя, кроме того, что видел такие в детстве, уже давно забыл, как они выглядят, и вот сейчас, применив незамысловатую марсианскую технологию *въъъжъъъ*, поспешил сделать в своей голове что-то вроде

новомодного компьютерного (прости, русский язык!) скриншота, так что теперь и мой читатель может полюбоваться на это произведение абстрактного советского (б) искусства:

Третьей же достопримечательностью был советский телевизор «Рекорд», видимо, названный в честь какого-то неизвестного советского же рекорда – то ли спортивного, то ли трудового. Альбионыч, увидев этот раритет, вопросительно поглядел на хозяина, который немедленно отозвался двумя словами:

– Это телевизор.

, но, подумав, добавил:

– Временно неработающий…

Показала экспертиза,
чем хорош был сей барак:
очень старый телевизор
не работает никак!

Затем гости по периметру заглянули ещё в два места для условного проживания людей. В первом писатель, прищурившись, оглядел некое приспособление для сексуальных (б) наслаждений (б), после чего невинно поинтересовался:

– Спальный гарнитур «Эвтаназия»?

, на что получил честный ответ:

– Нет, это спальный гарнитур «Карелия», приобретён в 1968 году за 46 руб. 00 коп.

После этого сообщения Кулемзин вспомнил старую истину, которую познал довольно давно:

Ничто в доме не хранится
так долго и трепетно,
как барахло под названием
«А вдруг пригодится?»

Во всяком случае, всё это выглядело так же нелепо, как, например, выглядел бы Полтавцев в библиотеке имени Ильича I. Гостей бравого моряка словно окружали призраки благополучно почившего Советского Союза (б).

Среди простого окруженья,
среди обыденных гостей
мои ленивые движенья
сопровождает скрип костей.

Среди такого окруженья
живётся легче во хмелю,
и, как предмет воображенья,
я очень призраки люблю…

Но вслух марсианин, разумеется, сказал совсем другое, – чтобы не обижать гостеприимного хозяина:

– Думаю, яйчики-бабайчики, что вечер у камина с томиком Платона на коленях нам сегодня не светит…

А последним местом, куда заглянули кладоискатели, был сортир, никогда не видевший цивилизованного рулона бумажной санитарии, но зато многолетне подкованный политически – аккуратно нарезанными квадратиками из газеты «Социалистический быт»

Внимательно оглядев всё это великолепие, один из гостей шумно почесал затылок и растерянно промолвил в качестве резюме увиденному:

– И немного накакали в патефон, мать честнáя…

Глава 187. И ВСТРЕТИЛ ИХ БЕРМУДСКИЙ УЧПУЧМАК

– На волю! – не найдя в моряцкой квартире ничего для себя полезного, отдал короткую команду старший покерист Бермудского Учпучмака.

– А как же я? – растерянно вопросил хозяин несостоявшегося трактира, который, конечно же. рассчитывал на что-то другое – и упоительное.

Для разговора-диалога,
пожав товарищам *клешни*,
хотели выпить мы немного,
да что-то столик не нашли…

– А тебе, дядя Петя, – укоризненно ответил Володя, – надо поменьше врать – в угоду своему хроническому алкоголизму.

– Да я… да вы… так не хотел же… – заблеял обманщик.

– Хорошо, – решил спонсор коллектива, – исключительно в качестве платы за незапланированные ранее три главы в последнем томе «Русской кочерги» одариваю тебя тремя бутылочками пива «Жигулёвское»…

– А мне, царица лесная?! – возмущённо перебил его сторож-охранник пингвино-гагарового магазина. – Ты почему это моё пиво всяким врунам раздаёшь?

– Нет, Сережа, – мягко поправил его одаритель. – Обещаю, что *твоё* пивко навсегда останется при тебе, а вот этому персонажу я вручу другое, но с таким же названием.

– А-а-а, ну если так, – пошёл на так называемую попятную семижопинец.

– К тому же, – подойдя ближе к экс-текстильщику, на ушко прошептал ему Альбионыч, – думаю, что даже это спонсорское пивко останется в сельпо Калимы и, может быть, именно оно завтра попадёт тебе в брюхо.

Говорил подруге Зине:
«Счастье – глотки нам залить,
было б пиво в магазине
да *хрусты* – его купить!»

И тут, словно в подтверждение слов литератора, дядя Петя открыл рот и, как бы смущаясь, произнёс:

– Володя, а можно вместо этих бутылочек пивка всего одну, но «Фиолетового саксаульского»?

– Это ту, которую мы так и не нашли в твоей несуществующей заначке? – уточнил Кулемзин.

– Её, – уточнил хозяин несуществующей заначки.

– Можно, – разрешил знатный бермудец и тут же проспонсировал алкаша, выдав ему сумму наличными – *без сдачи*.

Моряк (б) крякнул, но положил выданные назарбаксы поглубже в карман плохо пахнущих штанов, после чего все шестеро его гостей наконец-то покинули незапланированное заведение и вышли на условно свежий воздух. Несмотря на то, что время приближалось к половине шестого вечера, жара, которая в приличных странах к этому часу должна была спадать, стояла такая же, как и в полдень, то есть около 35°.

Но исправить что-то, касающееся работы светила, расположенного в 149 миллионах 597 тысячах 870 километрах и 693 метрах от Великого Игрового ▲, было просто невозможно, поэтому четверо игроков и двое членов незарегистрированного наблюдательного совета вновь заняли места на покерной скамеечке, а Володя, отдав команду Афанасьичу подготовить всё для продолжения и завершения текущей партии, стал оглядываться в поисках писательских впечатлений.

Каждый день я в пол-шестого
тыкву думаю грузить –
вновь гляжу на мир сурово,
чтоб его отобразить!

В принципе, в Бермудском Учпучмаке за время их отсутствия практически ничего не изменилось: всё также что-то орал с балкона совершенно пьяный Глав-Бух, а его подруга Галлюцинация стояла под балконом и жадно ловила нецензурщину, извергаемую пропитоном, при этом шевеля губами, как бы в тщетной попытке перевести его алкогольный бред на русский язык; всё также сидели на своих рабочих местах старушки-пенсионерки, изредка излишне громко произнося примитивные *дураковые* кричалки типа «Бито!» или «А это тебе, подруга, на погоны!»

А Володя в это время вспомнил, что *дурак* – игра такая старая, что однажды даже удостоилась чести быть отражённой в одном из произведений Сергеича, а именно в его великом романе в стихах:

«И старый барин здесь живал;
Со мной, бывало, в воскресенье,
Здесь под окном, надев очки,
Играть изволил *в дурачки*» [380]

[380] А. С. Пушкин, «Евгений Онегин», глава VII, строфа XVIII – прим. лит. редактора

Глава 188. И ВСТРЕТИЛ ИХ БЕРМУДСКИЙ УЧПУЧМАК (окончание)

И тут острым литераторским взором Кулемзин приметил одну тенденцию: кроме алкаша Кацоева (б), которого мужчиной можно было считать весьма условно, на всей территории Игрового Треугольника наблюдалось засилие женской половины земного шара: кроме означенных Галины Смирновой (б) и *дураковых* старушек, здесь сейчас можно было увидеть старшую по дому № 17 Жанну Пантелеевну, метко прозванную Альбионычем Ж. П., которая делала внушение целому выводку квартиранток, прибывших в город Отцеябловск из какой-то среднеазиатской республики, и не понимающих ни одного из слов, произносимых активисткой, а также володину соседку железнодорожницу Ирину, а также сразу пятерых потенциальных школьниц из близлежащей школы, для которых уже за-

втра должен был наступить день траура под названием «1 сентября». Кстати, эти старшеклассницы-переростки в этот момент были действительно бермудками, так как сидели на железной оградке, свесив ноги как раз на учпучмакскую территорию.

Но вначале – о труженице стальных рельсов и пропитанных креозотом шпал. Ира стояла в сторонке и явно скучала без мужского внимания, пока не заметила направленный на неё страшно похотливый взор неутомимого прапорщика. Впрочем, она тут же отвернулась от потенциального ухажёра, потому что ещё раньше отметила в саксаульском трубаче сразу два недостатка: то, что он был давно женат, и то, что даже в браке не утратил пагубную привычку к алкогольному потреблению.

– Талгат, ты почему, мать моя партия, не смотришь ей в глаза? – неожиданно воскликнул Курманбаев, который тайком делал то же самое, но в ответ Салихдзяныч молча посмотрел на него, как на придурка.

Да будь она глухонемою,
глазами грудь её едим!
Глаза – всего лишь сто восьмое,
на что мы, мужики, глядим...

Тогда Ира, чтобы не терять драгоценного времени, принялась в уме составлять очередной зов ~~плоти~~ сердца в газету бесплатных объявлений, но кроме фразы:

Ира, 27 лет, ищу парня!

, не сочинялось больше ничего. Она с тоской вспомнила, что у неё всё-таки был один радостный опыт знакомства – с цветами, рестораном и пылкими признаниями, хотя и он закончился весьма банально – сразу после ресторана:

Мы познакомились весною,
он мне сказал, что бизнесмен,
я отдала ему святое,
а он – 100 долларов взамен!

А унтер-офицер, видя, что пылкая в его представлении железнодорожница не обращает на него никакого внимания, немного повращал залитыми зенками, работающими сейчас как армейские локаторы AN/APG-63, пока не наткнулся взором на рано повзрослевших школьниц, но и они, увидев этот страшный взор, тут же уткнулись глазами куда-то вниз и стали тихо переговариться, словно бы обращались не к военному музыканту, а к единственному поэту в пёстром коллективе Великого Треугольника:

Не стройте гла́зки – нету проку:
мы с гла́зок не впадаем в транс.
Вот если б вы прочли мне хокку,
у вас, возможно, был бы шанс…

В этот момент Володя вспомнил, как *по молодости* запросто подходил к таким красоткам и невинно интересовался у них:

– Скажите, девушки, и почём ваша красота зря пропадает?

И если уж речь в нашем великом романе вновь зашла о представительницах прекрасного пола, то автор, чтобы соблюсти историческую правду, обязан рассказать об ещё одной такой представительнице, правда, не называя её по имени, потому что сам так никогда его и не узнал.

Дело было в том, что с внешней стороны восточного катета Бермудского Учпучмака внезапно раздался скрежет тормозов, и прямо перед изумлёнными игроками и их болельщиками с визгом остановилась маленькая российская машинка «Ока», из которой немедленно вышла блондинка лет тридцати, обратившаяся к группе покерных товарищей вот с таким вопросом:

– Ребята, а что́, на улицу Жубанова здесь проезда нет?

– К сожалению, нет, – ответил ей Кулемзин. – Впереди – гидротехническое сооружение в виде небольшого оросительного канала.

– В смысле? – нахмурила бровки автолюбительница.

– В смысле арык, – перевёл своё сообщение писатель с технического языка на общечеловеческий.

Стою пред ним, наморщив бубен,
и думаю: «Едрёна вошь!»:
арык, как крепость, неприступен –
не проплывёшь, не перейдёшь!

– А как же?... – растерялась красавица.

И тут педагог еврейского колледжа и, между прочим, женатый человек, подскочил с места, как *ванька-встанька*, лихо перемахнул через оградку и, осторожно взяв владелицу «Оки» под ручку, стал ей что-то тихо объяснять. Вскоре до бермудцев донеслись негромкие голоса: «Да что вы говорите!» и «Да-да, так оно и есть!», после чего собеседники тепло попрощались, а автовладелица села в машинку и, резко сдав назад, через несколько мгновений скрылась за магазинчиком Калимы.

После этого произошло непоправимое: все, уставившись вслед красавице и её автомобилю, через секунду сфокусировали взгляды именно на знакомом лабазе, а сторож, тут же назначивший сам себя парламентёром, обратился к писателю:

– Володя, мать честна́я, а ты не хочешь помочь коллективу восстановить поруганную справедливость?

– В смысле, яйчики-бабайчики? – повторил фразу только что уехавшей марсианин.

– В смысле взять нам немножко пивка, а то как какому-то дяде Пете, так, значит, можно, а как нам, так, значит, нельзя?!

Посчитав претензию справедливой, финансист тут же снабдил коллективного попрошайку очередной купюрой, а Васюхан даже подтолкнул его по нужному направлению.

Глава 189. ПОСЛЕДНЯЯ РАДИОКАША ЛЕТА

Не знаю, повезло или нет семижопинцу, отправившемуся за пивком, но именно в это самое время случилось уже привычное моему читателю событие, хотя следующие строки тут же объяснят, какое именно.

Вечерние радионовости в городе Отцеябловске традиционно начинались в 6 часов вечера или, как выражался военный музыкант Батыршин, когда бывал трезв, в 18.00. Но в воскресенье такая традиция почему-то нарушалась, и новости надо было слушать с 17.30, иначе человеку, включившему приёмник в привычное время, доставался только традиционный воскресный концерт оркестра домбристов городской филармонии имени Кристофа Александровича Глюка. Эта загадка давно мучила того, кто в таких случаях сам себя называл ИПРИТ, то есть Кулемзина. А чтобы читателю было понятно, о чём идёт речь, то вот тебе расшифровка таинственной аббревиатуры:

Исследователь
Парадоксов
Радио-
И
Телепередач

Но наши герои, как успел заметить мой внимательный читатель, никогда не пропускали ни одной новости дня, потому что за их психическим здоровьем вовсю следила нуртаевско-серёжина соседка из дома № 16 по имени Ангелина Ивановна.

Говорю без всякой шутки –
испытавши страшный шок:
слушал радио я сутки,
и с ума чуть не сошёл!

Вот и сейчас, строго по расписанию, с высоты второго этажа, где жила радиофанатка, вначале прозвучала громовая мелодия, в которой все узнали музыкальную заставку новой для Саксаулии радиостанции «Азия Минус», а после неё (заставки, а не Саксаулии) как бы из воздуха возник голос постоянной ведущей.

«Вначале – о научных достижениях со всего мира. Сразу два сообщения поступили в нашу редакцию из российского инновационного центра Сколково.

Первая новость – о том, что сколковские учёные испытали секретный сверхзвуковой бумеранг. Очевидцы, присутствующие при запуске, утверждают, что учёные даже моргнуть не успели!

И вторая новость. Чтобы доказать, что хлебать щи лаптем всё-таки возможно, учёные из Сколково готовятся поставить уникальный эксперимент. Для этого российским правительством выделено 5 литров щей, две пары лаптей и 250 миллионов рублей»

У нас не лаптем щи хлебают,
не лаптем делают детей, –
у нас вообще не применяют
лаптей!

«И ещё несколько новостей из мира науки»

«Российские учёные установили, что любая дипломная работа на 90 процентов состоит из воды»

«В результате многолетних исследований российские учёные выяснили, что докторская колбаса не лечит, а любительская – не любит»

«И приятное сообщение для любителей музыки. Российские исследователи пришли к выводу, что голос Филиппа Киркорова на самом деле обладает целебными свойствами: теперь его пластинки будут продаваться исключительно в аптеках – в качестве рвотного средства»

«И ещё одна новость о российских исполнителях: хорошее настроение своим фанатам подарил популярный певец Валерий Леонтьев, который сделал сразу несколько подтяжек лица. 54-летний кумир рассказал журналистам, что хочет выглядеть на все 100!»

Быть красивым очень тяжко:
сделал сотую подтяжку!

«А сейчас научные новости из зарубежья»

«Сразу две новости поступили к нам сегодня из Великобритании. Английские учёные

установили, что настоящее название картины «Супрематический чёрный квадрат» Казимира Малевича – «Одинокий пиксель № 000000»

– Святой Малевич! – воскликнул художник Муравлёв.

– Вот именно, мать честнáя! – поддержал его сторож Полтавцев.

– Тише вы, мать моя КПСС! – зашипел на них педагог Курманбаев.

Между тем, новости продолжались.

«И вторая новость из Великобритании. Английские учёные были в шоке, когда узнали, что их новосибирские коллеги, работающие над лекарством для диабетиков, случайно создали беспохмельную водку!»

Не бей, охотник, бéлок, –
не будь таким жестоким,
не делай алкоголика
ещё и одиноким!

«Также две новости поступили сегодня из США. 16-я американская экспедиция по поиску снежного человека поймала на Аляске трёх заросших гоминидов. При первичном осмотре снежных людей выяснилось, что это были участники предыдущих экспедиций.

Американские исследователи наконец-то признали, что их теория глобального потепления верна лишь частично. По новой теории глобальное потепление наступает только летом, а зимой наступает глобальное похолодание»

В это время пáру новостей нашим героям пришлось пропустить, ибо в коллектив вернулся вечный бермудский сусанин по фамилии Полтавцев, споро раздал принесённые бутылочки как патроны, и вскоре все персонажи, сидящие в это мгновение на покерной скамеечке, вновь превратились в радиослушателей.

«А эта научная сенсация пришла к нам из ФРГ. Немецкие учёные доказали, что лучший в мире торф – белорусский, ведь только в белорусском торфе содержится до 25 процентов немцев»

«Новость из Баку. Азербайджанский ИНИ (Институт неоконченных исследований) выяснил, что в восьми случаях из десяти»

«Сенсацию преподнесли мировому сообществу и украинские астрономы – они наконец-то вычислили точный возраст Вселенной. Итогом исследований стало их сообщение о том, что возраст Вселенной ледь-ледь [381] меньше, чем срок украинской независимости. Остальные учёные мира сейчас проводят дискуссии о том, что такое новый научный термин *ледь-ледь*. Свои версии уже предложили астрономы Канады, Конго, Австралии, Южной Кореи и Буркина-Фасо»

[381] Чуть-чуть – укр.

Кто черны, а кто белы,
кто сейчас на марше ,–
рассказали нам хохлы,
кто на свете старше!

«И ещё одна новость из дальнего зарубежья, касающаяся жителей нашей страны. Теперь саксаульским туристам в Израиле будет предложено новое национальное блюдо. Дело в том, что Министерство обрезания Израиля открыло на одной из площадей Тель-Авива новую шашлычную под названием «Пикантная»

«И, наконец, два сообщения на одну тему от отечественных исследователей. Саксаульские учёные из НИИ ШИША [382] доказали, что самый правдивый тест на определение темперамента – это жёлтый свет светофора.

[382] ***Научно-Исследовательский Институт Шибко Интенсивных Широкомасштабных Аномалий – прим. автора***

Второе исследование специалистов этого же института показало, что женщина за рулём чувствует себя уверенно только тогда, когда во всех трёх зеркалах она видит своё отражение»

«И последнее сообщение пришло к нам из Национального финансового центра. По итогам вчерашних биржевых торгов американский доллар по отношению к саксаульскому назарбаксу преодолел важную психологическую отметку: теперь всем пó фигу, сколько он стóит»

Быть может, я не с той повенчан:
пред загсом – и такой вояж?!
В машине зеркало для женщин –
лишь средство править макияж...

Глава 190. ПОСЛЕДНЯЯ РАДИОКАША ЛЕТА (продолжение)

Слушая столь разномастные новости, наши герои не спеша прикладывались к любимым бутылочкам, а потом внимали кто что. Например, большевик с педагогическим образованием непременно шикал на тех, кто не давал ему послушать сообщения не только из Национального финансового центра Республики Саксаулия, но и из Государственной Думы России. А речь в радионовостях сейчас шла именно о ней.

«В Госдуму Российской Федерации внесли на рассмотрение сразу два новых важных закона: о замене в азбуке несогласных букв на согласные, а также о переименовании гласных букв в негласные»

Не буду врать напрасно
о лесополосе:
согласны – не согласны,
а пиво будут все!

Но соседняя Россия радовала, конечно, новостями не только политическими. Покеристы и им сочувствующие вначале удивлялись, что новостей из сопредельного государства было больше, чем из родного, пока подкованный Кулемзин не объяснил им, что всё дело здесь в площадях обоих государств, на которых и разворачиваются ежедневные события: так, территория РФ занимает чуть больше 17 миллионов квадратных километров, а территория РС – всего 2,7 миллиона тех же единиц.

Такая же история была и с народонаселением двух стран: в одной, которая побольше, проживали 145 миллионов человек, а в той, которая поменьше – 14,9 миллиона, то есть в 10 раз меньше. «Отсюда и соответствующее количество новостей», резюмировал штатный объяснялец Бермудского Учпучмака.

В стране большой живёт побольше,
а в маленькой – совсем чуть-чуть,
но там и там – одни дебоши,
но там и там – сплошная жуть!

То, что российских новостей было больше, невольные слушатели тотчас почувствовали на себе.

«Руководство туристической компания «Понаехали!», созданной коренными жителями Москвы, решило бесплатно доставлять обратно домой в любую точку бывшего Советского Союза всех так называемых гостей столицы»

«Центробанк РФ на своём брифинге сообщил журналистам, что российский рубль показал хорошую динамику отрицательного роста»

«После многочисленных лжепророчеств о грядущем апокалипсисе, вошедших в традицию, Государственная Дума России решила объявить так называемый Конец Света национальным праздником и отмечать его каждый год»

«На российском телевидении проводится необычный эксперимент: здесь решили объединить передачи «Сам себе режиссёр» и «Я сама». Теперь в эфир будет выходить передача для одиноких мужчин «Я сам себе сама»

«Два тревожных сообщений с российского Кавказа»

«В Дагестане произошла массовая драка на чемпионате по массовым дракам»

«В Чечню привезли шоу с крокодилами. Конечно, было очень страшно, но, переборов страх, крокодилы всё-таки выступили!»

«Работники АвтоВАЗа собирают металлолом прямо на главном конвейере»

Устаревший дизайн и хреновая сборка –
с конвейера сходит «Лада Пятёрка»
Поддержим российский мы автопром –
если заглохнет, толкнём впятером!

«Вчера в Москву на гастроли приехал хор из Китая, но, не найдя гостиницу на 20 тысяч человек, уехал обратно»

«По решению Министерства образования в Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова с этого года создаётся новый факультет – откатно-финансовый»

«Тревожное сообщение поступило в нашу редакцию прямо из космоса. На международной космической станции засорился туалет. Космонавты два часа устраняли последствия, вооружившись сачками»

«Россия признана самой вежливой страной мира: только здесь ночью в переулке можно встретить человека, который поинтересуется, какие у тебя проблемы»

«Чтобы не травмировать детей, в российских школьных учебниках началась корректировка литературных произведений. Например, у персонажа повести И. Тургенева некоего Герасима теперь будет новая собака – породы *водолаз*»

Попытка утопить в пруду
Муму не удалась:
была собачка, на беду,
системы водолаз!

«И в заключение российских новостей – сразу три сообщения от нашего гламурного корреспондента Мадины Арбузовой»

«Самый долгий телефонный разговор в мире был зафиксирован сегодня утром в Москве, когда Тина Канделаки случайно позвонила Андрею Малахову!»

«Выяснилось, что российский поэт Андрей Кукушкин подбрасывал свои стихи в книги других авторов!»

«Любовница российского миллиардера Романа Абрамовича выложила в интернет откровенные фото его банковского счёта!»

В это время вместо голоса ведущей послышались какие-то потрескивания и хрипы, и знатные бермудцы поняли, что Ангелина Ивановна по какой-то причине решила послушать другую радиостанцию. Оказалось, что это та самая неведомая станция, которая уже несколько раз в нашей книге транслировала очень короткие радиопьесы, и кто это делал и зачем, так и останется тайной не только для читателей, но даже для автора романа.

«ПЕРВЫЙ ГОЛОС:

– Мадам, прошу вас, специально в подсобке отложили. Сапоги – чистая Австрия, умопомрачительная модель, натуральная кожа, прошитая подмётка. Примерьте-ка сапожок...

ВТОРОЙ ГОЛОС:

– Ой, с удовольствием! Надеть помогите... О-о-ой, помогите! Ой, мама! Царапается! Кто это там?! Все колготки порвал! А-а-ай!

ГОЛОС ДИКТОРА:

– Вы прослушали радиопьесу «Кот в сапогах»

Жил на свете кот-хитрец.
Вот попал он во дворец
Карабаса-людоеда,
только кот им пообедал!
Сказка эта в двух словах
о коте, но в сапогах…

Глава 191. ПОСЛЕДНЯЯ РАДИОКАША ЛЕТА (ещё одно продолжение)

Но тут же выяснилось, что, скорее всего, переключение на другой канал было случайным, ибо послышались повторные трески и хрипы, после чего покеристы и потенциальные покеристы услышали ставший родным голос ведущей радиостанции «Азия Минус»

«А теперь, друзья», радостно произнесла она, «послушайте новости из-за рубежа»

«Первое сообщение – из братской Украины. По просьбе пограничных собачек пограничных войск *незалежной* по всей границе с Россией установлено очень много пограничных столбов»

«Продолжаем украинскую тему. На торжественный обед в Париже, посвящённый дружественной встрече французской и украинской делегаций, на десерт было подано лягушачье сало»

«Продолжаем французскую тему. На показательных выступлениях в Киеве победила французская гимнастка. Она показала больше всех!»

Так гимнастка изогнулась,
что попала под статью[383] –
что-то там вдруг расстегнулось,
приоткрыв всем… Мать твою!

[383] Статья 302 Уголовного кодекса Украины. Распространение порнографии – прим. юр. редактора

«В Антарктике найдена нефть. Генеральная сессия ООН записала в своей резолюции, что кровавому режиму пингвинов осталось не долго мучить свой народ»

«На чемпионате мира группа немецких биатлонистов случайно завоевала Польшу»

«В США из соображений политкорректности решили заменить слово *женщина* словом *вагиноамериканец*»

«Известного английского композитора и певца сэра Элтона Джона лишили титула сэр, потому что *с другой стороны* он ещё и леди»

В мире тьма вещей неясных
среди гладких и рябых:
голубая кровь у красных,
белая – у голубых!

«Группа молдавского спецназа во время штурма одной из кишинёвских квартир по привычке отремонтировала её»

«Эстонские хакеры наконец-то взломали личный сайт Иосифа Сталина, где ознакомились с планами оккупации Эстонии»

«В Израиле завершился чемпионат мира по жадности. Золотые, серебряные и бронзовые медали было решено никому не вручать»

«Два сообщения из Нидерландов. В амстердамском аэропорту Скипхол был задержан пассажир, который пытался улететь своими силами»

«И второе сообщение. Оказалось, что в голландской версии известной сказки «Красная Шапочка» дровосеки – это на самом деле дровосексуалисты»

«А эта новость пришла к нам из братского Узбекистана. Силами киностудии «Узбекфильм» снят римейк фильма «Титаник». Краткое содержание фильма: студент Национального университета имени Улугбека Дилшод утонул на глазах своей сокурсницы Дильбар в ванне со льдом»

Десятый раз смотрю «Титаник»,
глотая антидепрессант, –
всегда рыдаю на моменте,
когда на дно идет брильянт!

«И, наконец, о происшествиях, случившихся в разных странах», радостно объявила ведущая, видимо, сама устав от бесконечных названий государств и городов, и мечтающая покончить с этой лабудой и выпить очередную чашечку кофе.

«Итак, происшествия. Узнав, что бывший муж женится на молоденькой соседке, украинка из Харькова отомстила ему с чисто женским коварством – она вышла замуж за отца соседки и стала его тёщей»

«А это сообщение, судя по содержанию, задержалось на пути к нашей редакции где-то на полгода. Совершенно неожиданный сюрприз припас российскому гражданину Иванову-Рабиновичу Дед Мороз, услуги которого гражданин оплатил через интернет: ровно с двенадцатым ударом часов на кремлёвской башне банковский счёт Иванова-Рабиновича был обнулён!»

Повышает всё проценты
банк с начала месяца –
очень скоро дивиденды
в ваш карман не вместятся!

«Происшествие, случившееся в Белоруссии. Пригласив потерпевшую Б. Т. домой под предлогом секса, обвиняемый Ивашкевич заставил её мыть посуду и пылесосить квартиру, а затем, так и не переспав, выгнал на улицу»

«В ходе длительных исследований киргизские учёные, вспомнив учёбу в советских вузах, установили, что сильнее всего сажает почки не нефильтрованное пиво, а нефильтрованный базар!»

«И последнее происшествие – к сожалению, из нашей республики. С позором уволена из числа сотрудников Отцеябловского аэропорта диктор Тарараева, которая долго издевалась над пассажирами. Последний случай был просто вопиющим, когда она объявила по громкой связи: «Уважаемые пассажиры рейса, вылетающего в Карловы Вары, перестаньте корчить рожи пассажирам, вылетающим в Урюпинск!»

В сердце вы любовь носи́те,
а не клон её на роже:

ведь Чимкент – хороший city[384],
но Урюпинск мне дороже.

[384] ***Город – англ.***

Глава 192. ПОСЛЕДНЯЯ РАДИОКАША ЛЕТА (окончание)

В конце радионовостей всегда был привычный блок рекламных объявлений, от коих зависела зарплата и нашей ведущей, и её начальников – продюсеров. Вот и сейчас Володя, Серёжа, Талгат, Нуртай, Валера и Васюхан *хочешь не хочешь* ознакомились с достижениями рекламной мысли родного города. Впрочем, на этот раз рекламы оказалось совсем немного.

«С 1 сентября, то есть с завтрашнего дня, в Центральную городскую аптеку № 1 будет запрещён вход с собаками любых пород, включая породы «Это не собака», «Очень дорогая», «Гипоаллергенная» и «Такая же, как человек»

«Городская парикмахерская «Талант и везение» из-за оттока клиентов согласна работать со скидкой 90 процентов!»

«Городское управление здравоохранения объявляет конкурс детского рисунка «Туберкулёз – глазами ребёнка»

Цветочный магазин «Венерина мухоловка» объявляет акцию: при покупке букета на 500 назарбаксов вы получаете в подарок портрет президента Назарбаксова!»

«Отцеябловская фирма «Намбо»[385] предлагает к продаже участки земли всего в 2982 километрах от города Сочи!»

[385] ***Читай наоборот! – прим. автора***

«Лотерея Минздрава «Лотто-больной»! Еженедельно разыгрываются: бюллетени от 3 до 5 дней, плоскостопие для призывников, лечение за рубежом, а также суперприз – инвалидность первой группы»!

«Отцеябловская фирма «Самая обычная жизнь» предлагает горожанам выпивку, жратву и веселье!»

«Салон ритуальных услуг «Тьма в конце туннеля» предлагает воспользоваться нашими услугами. Спешите! До конца месяца скидки!»

Цены так бесчеловечны
у гробовщиков – *итить*!
Лучше буду жить я вечно,
чем так дорого платить!

«И в завершение нашего выпуска – пара объявлений»

«Внимание! Потерялся сын начальника Отцеябловского ГУВД, мальчик 12 лет. Особые приметы: майор»

«Найдена девочка, воспитанная шампанским. Она очень игривая и бьёт в голову»

На этом последняя радиокаша лета была окончена, и Альбионыч в честь этого события даже предложил всем присутствующим хором спеть гимн приёмщиков стеклотары «И вновь продолжается бой!»

Но петь нашим героям не пришлось: по причине вечернего времени не только из окна Ангелины Ивановны, но и других окон домов, окружающих Бермудский Учпучмак, неслась музыка различных радиостанций. Домá пели и играли на разные голоса и инструменты, и эта музыкальная каша делала горячий воздух плотным, как облако вулканической пыли.

Что? Автор что-то промолвил о горячем воздухе? Неужели даже в вечернее время неутомимое в своих пакостях солнце всё ещё не даёт покоя знатным бермудцам? Именно не даёт, именно пакостит, совершенно не обращая внимания на то, что уже завтра по земному календарю будет не лето, а наступит долгожданная осень. Но всё это будет завтра, а сегодня, здесь, на этой странице 455 – последний стих об августовской жаре 2003 года:

У жары нет компромисса,
коль ты в городской черте!
Август – знойная франшиза,
где есть множество потерь.
В этом пекле проще неграм,
но я белой расы сын.
Август – траурным аллегро
водосточных труб басы
мне сыграют без бравады
марш последних летних дней.
Август – глупо ждать прохлады,
глядя в осени дисплей!

Столь глобальный объём информации, полученный нашими героями за последние 30 минут, надо было как-то переварить. И сделать это можно было двумя способами: или перекурить, или запить неким холодным напитком, который выручал кочерговских персонажей уже не первый день. Но при мгновенной межличностной ревизии, произведённой после осознавания этой мысли, выяснилось, что ни то того, ни другого, то есть ни сигарет, ни пива ни у кого больше не осталось.

«Что же делать?», на месте знатных учпучмакцев воскликнул бы какой-нибудь экзальтированный герой Чернышевского, но не таковы были герои нашего великолепного повествования, чтобы долго печалиться о том, чего нет, ведь в их славных рядах был тот, кого в глаза звали марсианином, а за глаза – спонсором покерного коллектива. Они хорошо помнили, что его зовут Альбионыч, и вот сейчас этот Альбионыч, поднапрягшись аж на 14 мегапаскалей, мгновенно принял конструктивное решение: послать в лавку Калимы за пивом и сигаретами того, кто курит – для того, чтоб хотя бы один из этих погубленных пороком остался чист разумом после его воспоминания о советском курении.

Даже в невродиспансере,
где несладко и дрозду,
мы курили в СССРе
«Приму», «Лайку» и «Звезду»!

Володя отдал команду младшему командному составу бермудцев, то есть военному человеку Батыршину, и тот быстренько построил пятерых персонажей (включая себя) в некий сакральный кружок, после чего писатель вклинился между Полтавцевым и Митрохиным и принялся декламировать тут же сочинённую считалочку, тыкая поочерёдно пальцем в сторону того, на кого падал её слог:

Хоть не курят трилобиты,
не забудем тех утех:
«Саксаульские» купи ты –
одну пачку, но на всех!

Покупателем на счастье выбрался Курманбаев, а на счастье потому, что именно ему и не стоило слушать воспоминания о Стране Советов, при которых партийному педагогу

хотелось рыдать от душивших сознание памятных событий. Получив от Кулемзина а) деньги на закупку, б) наказы, кому что брать и в) персональный наказ от спонсора, сколько назарбаксов он может стырить со сдачи, Нуртай отбыл на юг от Бермудского Учпучмака в царство золотозубой хозяйки салона разврата и наслаждений. А почётный хронотопист данной территории в это время приступил к своему очередному Хронотопу.

Глава 193. О СОВЕТСКОМ КУРЕНИИ (Хронотоп № 48)

В послевоенном Советском Союзе голодного потребителя не балова́ли количеством сортов колбасы или хлеба, но зато гражданам предлагали весьма достойный выбор табачной продукции. Любители подымить могли выбирать из десятков марок сигарет, папирос и трубочного табака – как отечественного, так и зарубежного производства. Но, разумеется, так было не всегда. Так что же курили в СССР (б) в разные годы?

Как-то раз читал я в прессе:
табака огромна роль –
в том, что он снимает стрессы
и отпугивает моль!

В дореволюционной России выбор табачной продукции был очень обширным: жители городов могли покупать в табачных лавках и у лоточников не только отечественные, но даже импортные папиросы, сигареты и табак. В деревнях же предпочитали крепкий табак-*самосад*, его же высоко ценили в армии и на флоте. Правда, курильщиков тогда было относительно мало, потому что церковь «дымление травой никоцианой» не одобряла.

Но всё изменилось в начале XX века, когда грянула Первая мировая война. Миллионы людей оказались вдали от дома, в сырых и холодных окопах, под постоянной угрозой смерти. Тогда курить начали даже те, кто раньше об этом и не помышлял. А затем, вернувшись домой с пагубной привычкой, курильщики стали способствовать её распространению среди молодёжи.

После Октябрьской революции 1917 года папироска или самокрутка с махоркой стала непременным атрибутом гражданина молодой советской страны – курили все, начиная от школьных учителей и заканчивая комиссарами. При этом табака катастрофически не хватало – табачная промышленность, лежавшая в руинах, не могла обеспечить продукцией всех желающих.

Поэтому советская власть очень скоро поняла стратегическое значение табака для народа. Ведь курящему человеку гораздо легче прожить день без еды, чем без курева. Поэтому вместе с металлургией, пищевой промышленностью и сельским хозяйством в 20-х годах страна начала поднимать и табачную индустрию.

Мне табак снимает ношу,
душу, тянущую в сплин,
так что я курить не брошу –
пусть желтеют зубы, блин!

Тогда выбор сигарет и папирос был невелик, а качество их оставляло желать лучшего. Большинство пролетариев и крестьян сохраняли верность махорке – вот такой:

а элиты предпочитали дорогие, мало кому доступные сорта. Сам товарищ Сталин выбрал для себя не какие-то удушливые папиросы «Спорт», а «Герцеговину Флор», выпускавшуюся на московской фабрике имени С. Габая ещё до революции. Правда, вождь сам папиросы не курил, а извлекал из них табак для своей знаменитой трубки.

Вторая мировая война снова нанесла серьёзный удар по табачной промышленности – в СССР (б) стало не до разнообразия. Все отрасли промышленности начали работать для фронта, не исключая и табачные фабрики. Офицерский состав ещё мог рассчитывать на папиросы, а вот для рядового состава поставлялась всё та же махорка для самокруток.

Улучу-ка я минутку
предвечернею порой
да сварганю самокрутку
с позабытою махрой!

Именно во время войны для жителей СССР (б) и состоялось первое знакомство с импортным куревом – сигаретами союзников и немецкими трофейными, именно тогда почувствовали советские граждане разницу между отечественной и зарубежной продукцией. Так что после окончания войны многие уже знали толк в хорошем табаке, и правительству пришлось принимать меры, чтобы советский продукт *соответствовал*.

Уже в середине 50-х в стране появилась табачная продукция множества наименований. «Каталог табачных изделий», выпущенный Министерством промышленности продовольственных товаров РСФСР (б) в 1957 году, наглядно демонстрировал разнообразие сигарет и папирос, которые выпускали в стране. Правда, простому народу бóльшая часть этих изделий не была доступна, и в сельской местности, а зачастую и в городах, народ оставался верен самокруткам.

И вот, наконец, в 1966 году произошло знаковое для советских курильщиков событие: на московской фабрике «Ява» начали выпускать сигареты с фильтром, соответствующие мировым стандартам, ведь до этого никто особо не регламентировал производителей, и каждый изготовлял сигареты на свой лад.

Чуть промокли мы в канаве,
не стесняясь утонуть,
покурили с братом «Яву»
и решили: «А бухнуть?»

Глава 194. О СОВЕТСКОМ КУРЕНИИ (Хронотоп № 48, окончание)

И уже через 10 лет, в середине 70-х, СССР (б) вырвался в тройку лидеров мировой табачной индустрии, уступая лишь США и Китаю. Только одних сигарет выпускалось 365

миллиардов (!) штук в год, а это не только 1 миллиард штук в день, но, кстати, и $^{1}/_{10}$ часть всего мирового производства. Были среди советских сигарет очень неплохие изделия, но основная их часть значительно уступала заграничным аналогам. Советские сигареты и папиросы отличались низким качеством табака, который был плохо подготовлен и зачастую не до конца высушен. В сигаретах попадались щепки и разный мусор, они потрескивали, часто гасли и иногда удивляли курильщиков нетипичными запахами и вкусами дыма.

Зато в Советском Союзе (б) тех лет не знали, что такое добавки, поддерживающие тление и усиливающие вкус, а это значит, что такие сигареты и папиросы можно было назвать *экологически чистыми*, насколько эти слова́ применимы к табаку. Кроме этого, наши производители не скупились и набивали изделия под завязку, да так, что чтобы раскурить сигарету, курильщику приходилось перед этим разминать её пальцами.

«Скажи, Саид, где сигареты
вы эти с Суховым нашли?»
Саид, сурово взгляд потупя,
«Стреляли» тихо произнёс…

Начало 70-х ознаменовалось и началом поставок на рынок СССР (б) импортных сигарет и даже сигар. В основном это была продукция соцстран: Болгарии, Румынии, Кубы, ГДР. Крупнейшим экспортёром сигарет стала Болгария, отправлявшая в Союз свои «Родопи», «Стюардессу», «Ту-134», «Опал» и «БТ» сотнями вагонов. Качество «Болгартабака» было на порядок выше отечественного и эти сигареты быстро стали бестселлерами! Спрос на эти *социалистические* сигареты сохранялся более 20 лет, и они начали постепенно исчезать из продажи только в середине 90-х. Правда, продукция 90-х, по мнению курильщиков, отставала по вкусовым качествам от той, что была в 70-х и 80-х годах.

Ещё гурманы высоко ценили сигареты и папиросы, которые производила социалистическая Куба. Они были очень крепкими и давали дым, похожий на сигарный, ибо это было связано с тем, что кубинцы делали сигареты из обрезков сигарного производства. А вот то, что ввозилось в СССР (б) из Вьетнама, спросом не пользовалось вообще. Сигареты из Юго-Восточной Азии почему-то были невероятно вонючими, и в народе их стали называть «портянками Хо Ши Мина» – в честь первого генсека компартии Вьетнама.

Как-то думал я, от скуки
сигарету закурив:
«Почему, блин, съели Кука,
а Колумб остался жив?»
И меня ответ блестящий
ненароком осенил:
просто Кук был некурящий,
а Колумб вовсю дымил!

Гораздо реже попадали к нам сигареты из капстран, которые привозили моряки и командированные за рубеж граждане. Американские (прости, русский язык!) бренды «Marlboro» и «Camel» долгие годы были в СССР (б) символами роскоши и успеха. Пачка такого элитного курева у спекулянтов стоила 10 рублей, то есть месячной зарплаты рядового советского инженера могло хватить только на 12 пачек.

И всё же наши табачные изделия всегда превосходили любые зарубежные продукты тем, что были частью истории страны. На любое важное событие табачные фабрики немедленно отзывались новой маркой сигарет и даже папирос. Так появились легендарные «Беломорканал», «Космос», «Лайка», «Союз-Аполлон» и другие. Были и продукты, явно

ориентированные на определённые категории потребителей, например, папиросы «Шахтёрские», сигареты «Полёт» и «Гвардейские»

В конце концов советские курильщики стали тонко разбираться в нюансах своей вредной привычки, большинство предпочитало покупать изделия определённой марки и даже выпущенные конкретным предприятием.

Дюймовочки секрета нет –
он оказался очень прост:
она курила с малых лет,
а это замедляет рост!

Это было очень актуально, ведь в стране к тому времени существовало немало *клонов*. Например, «Приму» без фильтра только на Украине выпускали две фабрики – Черкасская и Каменец-Подольская, и считалось, что черкасская «Прима» была мягче и приятнее. Но надо добавить, что табачная индустрия Советского Союза (б) производила и (прости, русский язык!) эксклюзив. Например, специально для некоего заядлого курильщика по имени Леонид Ильич была создана элитная марка сигарет «Новость». Кстати, они были доступны и жителям некоторых больших городов, но при достаточно высокой цене значительно уступали тем, что делали для генсека и его приближённых.

Однажды для Брежнева даже выпустили специальную серию сигарет с удлинённым фильтром, который должен был снизить негативное действие продуктов горения и никотина на организм немолодого вождя. Но его такой сюрприз только рассердил – главный коммунист планеты наотрез отказался даже пробовать особые сигареты.

Говорят, что сигарета
отнимает 6 минут
нашей жизни… Худо это,
коль источники не врут!

И только в начале 80-х годов в среде курильщиков наконец-то произошёл пересмотр ценностей: сигареты без фильтра и папиросы, некогда обожаемые миллионами, попали в категорию *непрестижной* табачной продукции. Им остались верны только люди старой закалки, а также далеко не самые избалованные деньгами категории населения – пенсионеры, студенты и солдаты.

Ну что хорошего в куреньи?
Бьёт по здоровью, бьёт рублём!
И я по здравом размышленьи
решил поставить крест на нём…

И здесь рассказ Володи прервал истерический возглас Полтавцева:

– Идёт! Идёт!

, как будто речь шла, по крайней мере, объявлении Христа электорату, что однажды весьма художественно изобразил русский живописец Александр Ива́нов.

«Как странно», через минуту после возвращения Мусаича подумал Володя. «Вроде бы в приоритете сейчас, как всегда, должно было быть пивко, а все эти кинулись к принесённой пачке сигарет и затянулись как один. Неужели их так взволновала моя скромная лекция о курении, ненавязчиво замаскированная под Хронотоп?». А автор сообщает своему читателю, что наш герой угадал полностью!

Чтоб мозгами не закисли,
поступает как ведьмак:

нам угадывает мысли,
ибо это наш Чумак!

Глава 195. ЕЩЁ ОДНА КОРОТКАЯ (И ВЫНУЖДЕННАЯ) ЛЕКЦИЯ

А ещё через минуту над местом только что отгремевших покерных боёв встал плотный столб дыма, потому что не было спасительного ветерка, коий мог отнести этот дым или в сторону соседнего Старушечьего Столика, или СС, как называл его Кулемзин, или в сторону сельпо Калимы, или в сторону володиного дома № 17, по стене которого сейчас в очередной раз полз Глав-Бух в сопровождении верной подруги Галлюцинации.

«Что же делать?», подумал литератор, а потом вспомнил, что он не только писатель, но ещё и марсианин, и быстренько соорудил в воздухе виртуальный плакат, который, честно говоря, никакого психологического эффекта курильщикам так и не принёс:

В это время партийный педагог еврейского колледжа покопался в серёжиной котомке, но вместо вполне ожидаемых весёлых бутылочек крепкого спиртного, за коими и ходил, вдруг вытащил несколько штук продолготоватых пакетиков, фантики которых были раскрашены особо весело.

– Вот, мать моя КПСС, – объявил он, – Калима зачем-то дала!
, после чего выложил на столик пять жевательных резинок.

Пусть не всю, а половинку,
как простой пирамидон,
начал я жевать резинку –
оказалось, что… презерватив!

– А почему пять, мать честна́я? – почуяв неладное, вопросил Афанасьич.

И как оказалось, не зря, потому что странный большевик озвучил свою версию справедливого дележа принесённых сокровищ:

– Да потому что тебе, Серёжа, вообще ничего давать нельзя. Ты же сейчас нажрёшься, как свинья, а утром всё равно не вспомнишь ни вкуса этой резинки, ни само́й резинки, ни самого́ себя!

Здесь автор вынужден заметить, что в этом утверждении была толика истины, но всё равно поступать так со своим товарищем было нельзя, и шесть предыдущих строчек при-

пришлось срочно переписать – вот в такой редакции:
«, после чего выложил на столик семь жевательных резинок.

– А почему семь, царица лесная? – почуяв приятные события, вопросил Афанасьич и даже приподнялся со скамеечки от волнения.

И как оказалось, не зря, потому что странный большевик озвучил свою версию справедливого дележа принесённых сокровищ:

– Да потому что тебе, Серёжа, я отдаю не одну резинку, как всем, а сразу две, ведь ты являешься не только моим соседом по подъезду и лестничной площадке, но и самым большим другом в коллективе»

Правда, при такой редакции всё-таки случился незапланированный автором эксцесс – после признания дружбы между Нуртаем и сторожем старший трубач, успев прихватить свою жвачку в карман штанов, метнулся в бермудские кусты, чтобы наедине с Вечностью рассказать последним летним листочкам и веточкам, какой мерзавец этот Мусаич!

Как разъяснил мне адвокат
одной из странных тем,
всегда в компании есть гад,
что портит нервы всем!

И пока Курманбаев не достал из хурджина остальное, Кулемзин в очередной раз решил отвлечь коллектив от принятия *тяжёлого*, предложив:

– А хотите расскажу, откуда они вообще появились?

– Нуртай и Талгат, едрит Мадрид? – уточнил Васюхан.

– Жевательные резинки, – уточнил Володя.

Отказать спонсору коллектива, который весь день только и занимался тем, что как мог поддерживал всех присутствующих в соответствующем тонусе, было крайне неприлично, и Муравлёв, остро переживая за своё враньё, всё-таки соврал:

– Хотим.

– Итак, яйчики-бабайчики, – воодушевившись этим словом, произнёс писатель и одновременно историк, – ровно 162 года назад, 23 сентября 1848 года американец Джон Сэмович Кёртис произвёл первую жевательную резинку – прямо у себя дома И уже в том же году году он наладил промышленное производство такого баловства. Кстати, на фабрике Кёртиса было всего четыре котла: в одном из хвойной смолы выпаривались примеси, а в остальных готовилась масса для изделий с добавлением лёгких ароматизаторов. Забавно, но первые жевательные резинки носили романтические названия «Белая гора», «Сливки с сахаром» и «Лакричник Лулу»

Впервые сделана не пролетариатом
(я факт у матери-истории краду),
а мы увидели её в восьмидесятом,
всем памятном Олимпиадою году.
И вот с тех пор, как будто с нею мы и жили,
набит наш рот, и зуб кусает прочный наш
кусочки белые (их из чего лепили?),
и зуб крепчает, разгрызая карандаш!

– Но, конечно, этот пиндос придумал всё не сам. История такого бездумного жевания была очень стара. Известно, что ещё древние греки жевали смолу мастичного дерева – для освежения дыхания и очистки зубов от остатков пищи, а самые продвинутые из них (древних греков, а не зубов) для этой цели употребляли ещё и пчелиный воск.

Например, племена майя в качестве жевательной резинки использовали застывший сок гевеи, позже названный каучуком. На севере Америки индейцы жевали смолу хвойных деревьев, которую выпаривали на костре.

А вот в Сибири издавна применялась так называемая сибирская смолка, которой не только чистили зубы, но и укрепляли дёсны, а также лечили различные болезни.

Чтобы скоро не заесться
(нам не надо докторов!),
пожую смолу деревца –
буду тотчас же здоров!

– И в заключение моей суперкороткой лекции, – тяжело вздохнул Альбионыч, а вместе с ним с облегчением вздохнули остальные, – ещё один интересный факт: в 1911 году с помощью такой резинки команда Королевских военно-воздушных сил Великобритании предотвратила катастрофу самолёта, заклеив дыру в водяной рубашке двигателя!

Глава 196. КАК МИЛИЦИЯ ПОРЯДОК НАВОДИЛА

– Володя, – выждав для приличия несколько секунд, решил озвучить общее мнение коллектива семижопинец. – Давай-ка, мать честнáя, завязывай свою шнягу пихать – нет, ну сколько уже можно!

А чтобы до писателя лучше дошёл его посыл, привёл, как ему казалось, обезоруживающий довод:

– К тому же, Нуртай уже всё принёс…

– А я не принёс, – сделал неожиданное и горькое признание ленинец. – Калима мне почему эти жвачки сунула? Потому что у неё, мать моя партия, сейчас менты сидят, а она их задарма поит и кормит!

– А где же пиво, едрит Мадрид? – задал глупый вопрос старший джус Митрохин.

– Сказала подождать, – не слишком по-русски построил предложение педагог с двумя высшими образованиями.

И в это время литератор, сидящий спиной к лабазу, заметил напрягшуюся рожу Афанасьича, а потом до него донёсся и свистящий шёпот сторожа:

– Вовка, атас, менты!

Мы рождены! Зачем – не знаем сами,
но для чего-то всё же рождены,
над нами гордо реет наше знамя,
доверен нам покой родной страны.
И если кое-кто порою где-то
решит нарушить родины покой,
мы враз в него стрельнём из пистолета
недрогнувшей мозолистой рукой!

Сообщение Серёжи, как это часто бывало в нашей книге, стало одновременно приятным и неприятным: приятным – по той причине, что в магазинчике люди, названные охранником на повсеместном сленге, теперь отсутствуют, а неприятным – по причине того, что люди в милицейской форме, заметив подозрительную компанию, стали приближаться к покерному столику. И, может, было даже неплохо, что на нём в это время не стояли разномастные бутылочки с крепкими напитками.

– Кто старший? – не поздоровавшись и даже не козырнув компании, осведомился человек с погонами милицейского лейтенанта.

– Я! – бодро отрапортовал Альбионыч.

– Документы, – так же безлично попросил погононосец.

Володя достал из кармана шортов удостоверение со стёршейся надписью «Пресса» и подал его, после чего лейтенант раскрыл *корочку*, прочёл внутри фамилию и, словно не веря в происходящее, уточнил:

– Кулемзи́н?

– Нет, – ответил марсианин. – Кулéмзин.

Был Кулемзин –
был болезнен,
ну, а коли Кулемзи́н,
хорошо, что не грузин!

– Так это не ваше? – уточнил милиционер. – А почему фотография похожа?

– Документы мои, фамилия моя, фотография моя, – по полной форме доложил допрашиваемый, – и я сам – перед вами!

– Так, – продолжал допрос офицер, тогда как его подчинённый с мятыми погонами рядового топтался рядом, придерживая рацию. – Значит, компания «А́льбион»?

– Для лейтенанта милиции вы неплохо читаете, – похвалил его писатель, решив на сей раз не заметить неправильное ударение.

– Спасибо, – не моргнул глазом человек в погонах, затем отдал удостоверение обратно, кивнул напарнику, после чего они оба-два перешагнули через металлическую оградку Великого ▲ и отправились дальше – видимо, по служебным делам.

Увидев милицейский исход, все облегчённо вздохнули, и только один экс-текстильщик был явно в шоке. Когда его с двух сторон растолкали Батыршин и Муравлёв, он очнулся, вздрогнул и прошептал:

– Володя, расскажи что-нибудь… чтобы успокоиться… а то эти менты поганые прямо до печёнок достали… царица лесная…

– Да не вопрос, – согласился писатель, а в данное время поэт, и, вспомнив, что Афанасьич из всех видов поэзии больше всего любит басни, известил:

О старых вещах (басня)

Добра за жизнь – чтобы носить и впрок, –
старушкою накоплено немало.
Пришла весна, она салоп достала –
и на балкон, на свежий ветерок.
Ворона, озаботившись всерьёз
гнезда устройством, на балкон слетела
и тут же ловко принялась за дело –
давай щипать пожухлый меха ворс.
Старушка спит, не ведая беды,
гнездо растёт, салоп прилежно тает,
ощипан воротник, и улетает
разбойница, свершив свои труды.

♠ ♠ ♠

Какая же мораль у басни сей?
Отринь старьё, забудь про время о́но,
салопы – вон, и пусть хотя б ворона
прок извлечёт из скопленных вещей…

Глава 197. СКАЗКИ II МИЛЛЕНИУМА (Семнадцатый блок)

– Ну что, сынок, успокоился? – завершив чтение своего выдающегося литературного произведения, коему он прочил когда-нибудь остаться в веках и памяти народной, произнёс бермудский поэт, после чего задал несколько странный для иностранцев вопрос, хотя обращался исключительно к сторожу:

– Тогда чего мы сидим, яйчики-бабайчики? Сумма прописью выдана, ноги, как я вижу, при себе, Калима освобождена от ментовского налога – forward, comrade[386]!

– Yes, comrade commander, queen of the forest[387]! – на том же иностранном для всех остальных языке ответил скороход, после чего отправился к месту очередной контрольной закупки.

[386] ***Вперёд, товарищ! – англ.***
[387] ***Есть, товарищ командир, царица лесная! – англ.***

И только задумался покерный гуру, чем бы занять осиротевших без сторожа знатных учпучмакцев, как раздался бодрый голос вернувшегося Серёжи, который в своём докладе по-прежнему осваивал военную тему:

– Прибыл к месту сбора! Разрешите приступить к раздаче вверенных мне жизнеобеспечивающих материалов?

– Разрешаю, ёперный ходок! – опередив писателя, разрешил Салихдзяныч, после чего принесённое было складиривано на столик, временно превращённый в пивопитьевой.

Это в нашем генотипе –
до всего умом дойдём:
было б что сегодня выпить,
ну, а место мы найдём!

Через несколько мгновений послышался ряд звуков, которыми наши персонажи выражали своё самое большое удовольствие от жизни: вначале захлопали бутылочные крышечки, открываемые о различные предметы – от края покерного столика до собственных зубов, потом такое же дружное шипение вырывающихся из сосудов пивных паров, которые бермудский мистик Полтавцев торжественно называл *душой жизни*, а потом и жадное хлюпанье принесённого напитка.

– Да это, святой Малевич, просто сказка какая-то! – со сладостным стоном произнёс живописец Муравлёв, чем явно выразил общее мнение по поводу происходящего.

А литератор Альбионыч обрадовался тому, что ему больше не надо искать соображения касательно того, чем бы занять коллектив во время пивопития, так как ключевое слово уже было произнесено.

– А не рассказать ли вам, други мои и Нуртай, ещё одну порцию моих коротких сказочек? – печальным голосом вопросил он друзей и Нуртая.

– А почему так печально, едрит Мадрид? – радостно отозвался антенщик и по совместительству старший джус Митрохин.

– Дело в том, Васюхан, – ещё печальнее отозвался единственный сказочник в учпучмакском коллективе, – что у меня родилось смутное подозрение, что эти сказочки – последние не только в этом томе, но и во всей книге в целом…

– Давай, Володя, мать моя Октябрьская революция! – неизвестно к чему приплёл некое историческое событие педагог Курманбаев, но по слову *давай* Володя понял, что разрешение получено.

Пьём мы пиво без указок,
чтобы перед сном взгрустнуть:

расскажу-ка кучу сказок, –
чтоб быстрее вам заснуть!

Затем штатный рассказчик сделал глоток «Тянь-Шаня» и приступил к рассказу.

1

Пошла однажды девочка Машенька в лес по грибы, по ягоды. А вот вернулась обратно ни с чем, потому что надо ставить перед собой конкретные цели!

2

Один маленький мальчик очень любил подарки, и однажды, встретив фею, загадал ей желание, чтобы у него *каждый день* был день рождения. И ровно через два с половиной месяца он умер от старости…

3

И сказал *дедушка* Моисею, делая пальцы веером:
– Вот вам 10 понятий, фраера. Живите, типа, по ним…

4

К концу сказки выяснилось, что смерть Кощея была в игле, игла – в яйце, яйцо – в утке, утка – в зайце, а сам заяц – в шоке!

Это сказка, а не шутка,
что была такая утка,
в ней яйцо, игла в яйце,
гибель на её конце…
И без этаких вещей
жить не мог старик Кощей!

5

Они жили долго и счастливо, страшно раздражая работников Пенсионного фонда…

6

Тихими летними ночами Мальвина любила смотреть на звёзды своим единственным глазом и вспоминать о том незабываемом поцелуе, который ей подарил Буратино…

7

Было у отца три. Так ведь нет, за четвёртой побежал…

На столе стоит вино –
мне не нравится оно:
и нетвёрдою походкой
отправляюсь я за водкой!

8

Поцеловал Иван-царевич лягушку и наконец-то начал понимать французов…

9

И был потоп. И взял праведник Ной на ковчег даже двух динозавров, а они оба оказались мальчиками! Вот так динозавры и вымерли – хотя очень старались…

10

И говорит тут щука Емеле человеческим голосом:
– От Советского информбюро…

Глава 198. РАЗБОР СКАЗОЧНЫХ ПОЛЁТОВ

Как это случалось ранее, все сидели немного пристукнутые после кулемзинских сказочек, в которых отражалось и время, и жизнь, и русская тоска по прекрасному.

– Володя, мать моя паг'тия, а ты сам как к этим г'усским сказкам относишься? – решив подначить знатного сказочника и страшно картавя от волнения, задал провокационный вопрос сами знаете кто.

– Да по-разному, – честно ответил писатель. – Иногда просто поражаюсь их мудрости, а иногда сижу и думаю: «Вот вы хоть раз встречали *нашу* сказку, чтобы в ней какая-нибудь Василиса Премудрая Ивана-царевича помыла, накормила и спать уложила? Почему этим постоянно занимается Баба Яга?!»

Как Яга сказала, взяв метлу,
Ваньке – после пятой браги кружки:
«Партизанишь, гад, в моём тылу?
Ну-ка, выметайся из избушки!»

– Вот буквально на днях, – продолжил Альбионыч, – среди других книжек, которые я почитываю на ночь, мне случайно попалась старая книжонка «Сказки Корнея Чуковского». Надо сказать, что у меня и ранее накопилось немало вопросов к этому якобы детскому поэту, который, по моему глубокому убеждению, просто-таки злоупотреблял анашой.

– В смысле, мать честнáя? – поражённо воскликнул Полтавцев.

– Да в прямом, Серёжа! – убеждённо воскликнул штатный литературовед Великого ▲. – Вот послушай сам – разве можно написать такое для детей, если ты не под кайфом:

Ехали медведи
на велосипеде.
А за ними кот
задом наперёд.
А за ним комарики
на воздушном шарике.
А за ними раки
на хромой собаке…

– Да, дела, святой Малевич, – озадачился и живописец Николаич. – А ведь я на днях даже подумывал о том, что не сделать ли мне серию офортов на стихи этого Чудаковского? Спасибо, друг, что предупредил, а то ведь за такое, с позволения сказать, творчество и загреметь можно!

– Не за что, – отмахнулся от благодарности настоящий – безанашовый – русский писатель.

– А ещё какой-нибудь ёперный пример привести можешь? – внезапно озаботился качеством детской литературы саксаульский есаул, вспомнив, что в его паспорт вписаны аж четверо детей от двух жён.

– Конечно, – ответил Володя. – Вот, например, в той же книжке я нашёл чрезвычайно популярную среди советских детей сказку этого Корнея про доктора Айболита и его (прости, русский язык!) антипода Бармалея. Да вы, наверное, пóмните: «Маленькие дети... ни за что на свете...» и тому подобный бред.

– Конечно, помним, едрит Мадрид, – солидно подтвердил бездетный Васюхан.

– Так вот там первая часть весьма банальна:

«Папочка и мамочка
уснули вечерком,

а Танечка и Ванечка –
в Африку бегом!»

– Короче, обычная детская шалость, не иначе как усугублённая забористой травой этого Корнея Иваныча. Впрочем, для моего расследования не так важно, как именно Танечка и Ванечка оказались в плену у Бармалея. Поэтому начну сразу со второй части, когда за этих дебиловатых деток и вписался Айболит со словами: «Развяжите, отпустите этих маленьких детей». А вот дальше читаем очень внимательно:

Но злодей Айболита хватает,
и в костёр Айболита бросает.
И горит, и кричит Айболит:
«Ай, болит! Ай, болит! Ай, болит!»

– То есть этот доктор, по словам очевидца Чуковского, был *физически* помещён в костёр, и, судя по его крикам, этот костёр горел!

– Точно! – подтвердил охранник. – Кстати, Володя, а почему ты сделал акцент на то, что эта сказка была популярна именно у советских детей?

И только было открыл рот Альбионыч для ответа, как Афанасьич звонко хлопнул себя по лбу и произнёс звенящим шёпотом:

– А-а-а, теперь я понял, почему развалился именно Советский Союз, а не какой-то там Западноафриканский экономический и валютный союз, или, как называют его буржуи, ЮЭМОА!

Услышав такую крамолу, большевик Курманбаев даже привстал с покерной скамеечки, чтобы дать отпор идеологическому врагу, но в этот момент понял, что не знает, какую именно мысль сформулировать, и сел обратно.

А марсианин продолжил своё исследование:

– Ну, а дальше, собственно, всем известное: «Горилла идёт, крокодила ведёт», и после этого – предсмертная просьба Айболита:

«Ну, пожалуйста, скорее
проглотите Бармалея,
чтобы жадный Бармалей
не хватал бы,
не глотал бы
этих маленьких детей!»

– И, заметьте, это всё, это последние слова́ Айболита. Из последних, так сказать, сил! Ну, а дальше вообще начинается трэш и угар:

«Рада, рада, рада, рада детвора,
заплясала, заиграла у костра…

– …в котором, кстати, догорал Айболит!

Ты нас, ты нас от смерти спас,
ты нас освободил.
ты в добрый час увидел нас,
о, добрый Крокодил!»

– А останки Айболита, яйчики-бабайчики, не только никто не подумал вытащить из огня, но этот псевдодоктор даже не фигурирует в списке освободителей детей! О нём просто забыли. А дальше все переключились на Бармалея, который ни с того ни с сего вдруг

полюбил детей и стал напевать песенку, что он якобы «очень рад, очень рад, что поедет в Ленинград!». Я вот думаю, не перепала ли и ему пайка анаши от неутомимого в выдумках автора?

– Да, дела, царица лесная, – потрясённо вымолвил семижопинец. – Никогда бы не подумал, что в советском книгоиздательстве было всё так запущено!

– А дальше? – жадно поинтересовался прапорщик Батыршин, которому неожиданно пришла в тыкву мыслишка о том, что сегодня вечером он перескажет (хотя и своими словами) эту сказку малолетним дочкам – перед сном.

И только автор в этот момент ухмыльнулся в усы, ведь именно ему, как никому, было хорошо известно, чем заканчивался каждый вечер зашитника родины на этой неделе.

В пьянке страшно безобразный,
пробивая жизни дно,
утром думаю о разном,
ближе к ночи – об одном!

– А дальше, – ответил военному трубачу исследователь, – по словам всё того же Корнея, все стали веселиться и танцевать, смеяться и кушать мятные прянички! И, заметьте, в этой садистской сказочке нигде нет ни малейшего упоминания, что хотя бы после всех этих танцев и кренделей детишки погасили костёр, достали оттуда обгоревшее тело Айболита и предали его земле. Скорее всего, он просто сгорел дотла и его пепел развеяло по ветру – согласно африканских обычаев!

Все потрясённо молчали, переживая за Суку-судьбу известного литературного персонажа. А литературовед Кулемзин, видя это потрясение, понял, что надо заканчивать, и наконец произнёс в качестве резюме:

– Короче, в итоге жизнь доброго дóктора и оказалась той самой ценою, которую непослушные дети заплатили за беспечную прогулку по Африке – вопреки запрету родителей. Вот такое, други мои, Лимпопо!

Тыквы деток рушатся –
надо старших слушаться!

Глава 199. МУКИ ТЩЕСЛАВИЯ И КОРЧИ НЕПРИЗНАННОСТИ (Середина партии, вниз под горку)

– Ну, как, други мои, – весело проговорил Володя после короткого молчания, которым знатные бермудцы проводили в последний путь литературного персонажа, – чувствую, что вы уже всласть наговорились, наслушались и напились? Не пора ли завершить эту растянутую в пыльных веках партейку?

Альбионыч поглядел на присутствующих, но в их скорбных рожах увидел только одно: может, наговорились или наслушались они и вправду всласть, но вот насчёт напились он явно ошибся. И тем не менее писатель заглянул в *раскладку*, которая тут же показала, что следующая сдача после *средней тёмной* выпадает на… него. Он смущённо отобрал колоду у Полтавцева, который уже с минуту теребил её потными руками, и сдал трём соперникам и себе по 12 карт, одну карту в виде бубновой десятки положил *козырем* и придавил её оставшимися шестью, которые постоянно были причиной самых нелепых догадок, предположений, гипотез, допущений и умозаключений.

И так как с момента сыгрывания *средней тёмной* прошло уже не менее 40 минут, все, конечно, забыли, какой именно роббер играли последним, и сейчас тупо пялились на свои пришедшие карты, не решаясь взглянуть на них, чтобы не пролететь аж на 100 очков сразу, или удвоенных 50.

– Не тушуйтесь, дети мои! – воскликнул *сдающий* и тут же дал команду к продолжению битвы неким корявым подобием стишка:

– Разбирайте патроны, поручик Батыршин, и остальные сидящие рядом с ним!

Ох, гудят в мозгах нейроны:
чтоб партнёров обломать,
проверяю я патроны,
собраясь в них стрелять!

После этого старший музыкант президентского оркестра, который сейчас сидел после литератора по часовой стрелке, сделал первый заявку – в 4 очка. «Однако!», хором подумали его соперники. Следующую заявку сделал Афанасьич, и тоже в четыре взятки!

«Что же делать, мать моя партийная организация?», забилась тревожная мысль у преподавателя еврейского колледжа, но он, как настоящий коммунист, пересилил себя и выдавил, как при запоре:

– Две.

Марсианин тут же включил свой внутренний инопланетный калькулятор и, произведя сложные расчёты, выяснил, что его противники заказали 10 взяток *на круг*, оставив ему всего две взятки. Но делать такую смешную заявку было бы неинтересно, тем более, что в данный момент он находился на втором месте, а ведь даже са́мому маленькому дворовому ребятёнку было хорошо известно, что чтобы выиграть партию, надо быть как минимум на месте первом, а как максимум – вообще на нулевом! Шутка.

Поэтому покерный гуру поднапрягся мозгом и известил противоборствующий клан:

– Четыре взятки, яйчики-бабайчики!

А вот это уже было серьёзно, ведь на глазах изумлённых Муравлёва и Митрохина создалась ситуация, называемая *две рвутся*. Записав все фантазии игроков, Володя дал отмашку Талгату, который ходил первым, и только тот было прицелился, чтобы выстрелить первой картой в самый центр покерного столика, как с внешнего западного катета Великого ▲ раздался незнакомый голос, сразу же поставивший наших персонажей в положение (прости, русский язык!) дежавю, ибо те же самые слова́ они уже слышали аж дважды – в другие дни недели:

– Господа, а кто из вас Кулемзин?

«Я один такой Кулемзин –
и в здоровье, и в болезни!»

, хотел было пошутить Альбионыч, но подумал, что неизвестный человек, не знакомый с его поэтическим даром, может испугаться и убежать, и тогда ни он, ни остальные учпучмакцы, ни читатели этой книги так и не узнают, зачем ему был нужен писатель.

– Я! – по-армейски доложился литератор и в тот же миг понял, что перед ним очередной курьер, так как заметил в одной руке незнакомца маленький пакетик, а в другой – большую амбарную книгу – для автографов.

Заметили это и остальные, правда, среагировав по-разному: четверо с любопытством («Что там на этот раз принесли Володе?») и один с откровенной завистью – сами понимаете кто. Заметили они и то, что этот четвёртый стал откровенно страдать – у Курманбаева, когда он кому-то завидовал, нос сразу становился мокрым – от внеплановых соплей.

Закусь бросив и горилку,
вновь на месте я осла:
приоткрыл свою посылку –
вижу, вновь меня посла…

Курьер перелез через оградку, подошёл к покерному столику, положил перед получальцем пакетик и, раскрыв книгу для сбора подписей, молча вручил её литератору. Володя тут же поставил на предложенной страничке витиеватую закорючку, вытащил из кармашка купюру в сто назарбаксов и вручил посыльному. Тот принял денежки как должное, забрал книгу и отчалил, проделав обратный путь – всё через ту же оградку.

А марсианин, видя, что любопытство его друзей и Нуртая уже перешло все мыслимые границы, небрежно распаковал маленький пакетик, на котором, кстати, оказалась приклеена бумажка на каком-то иностранном языке, отдал её знатоку языков Полтавцеву – для дальнейшего изучения, и вытащил из него (пакетика, а не Полтавцева) что-то похожее на удостоверение небесного цвета с оттиснутыми на обложке золотыми символами

, в которых с трудом угадывались латинские буквы U и N.

– Серёжа, откуда это, едрит Мадрид? – свистящим шёпотом поинтересовался сгорающий от любопытства старший джус. – Или ты не понимаешь?

– Почему это не понимаю, царица лесная? – обиделся знатный переводчик. – Конечно, понимаю: из-за границы, Васюхан! А если конкретно, из Нуёрка! Правда, пишут они это слово как-то неправильно…

Мы не путаемся в знаках,
мозгом нам не оскудеть:
за границей всё не так, как
здесь, ребята. Обалдеть!

А Альбионыч тем временем временем раскрыл небесного цвета удостоверение, с немалым удовольствием полюбовался на собственное цветное фото, правда, пожалев, что оно сделано не в полный рост, и прочёл название своей новой должности, сделанное на английском языке – как только что выяснилось через сторожа-переводчика:

UN Honorary Commissioner for the Rights of Beer Drinkers

– А что это означает, святой Малевич? – поинтересовался живописец Николаич.

– О, Валера, это вполне почётная должность. Если теперь тебя обидят в каком-нибудь магазине, когда ты будешь покупать пиво, то сразу же ко мне! А я возьму эту *корочку* и мы пойдём с тобой на *разборку*, ибо отныне моя должность не только в Отцеябловске, но и во всём мире звучит так:

Почётный комиссар ООН по правам любителей пива

А закончилась история с принесённым курьером удостоверением так – охранник ещё раз внимательно изучил все нерусские буквы и попенял неизвестным людям, выписавшим Володе документ:

– Хреновый язык этот английский. У них, куда ни кинься, всё неправильно. Вот смотрите: по-русски ООН, то есть три буквы, а *по-ихому* – всего две! Вот и спрашивается, куда они одну дели?!

Знает даже мальчик Федя,
что с большою бородой:
по-английски scary fat [388] я,
а по-русски же – худой!

[388] ***Страшно толстый – англ.***

Глава 200. МУКИ ТЩЕСЛАВИЯ И КОРЧИ НЕПРИЗНАННОСТИ (Середина партии, вниз под горку, продолжение)

Писатель, только что назначенный неким международным комиссаром, бережно уложил документ, подтверждающий его новое не меньше чем маршальское звание, поглубже в карман рубашки, после чего игра возобновилась. И новый роббер, и и парочка-другая следующих за ним были самыми интересными в каждой партии – причём, с точек зрения не только психологической, но даже психической.

Как так? – воскликнет мой читатель, в процессе чтения романа узнавший уже практически обо всех нюансах нашей великой игры. Да вот так, ответит ему автор. Что касается психологии, то любому из игроков становилось ясно, что до конца игры ещё есть время – для того, чтобы каждый из них решил именно свои задачи, не оглядываясь на других: кто подтянулся бы после рискового провала на *средней тёмной*, кто попробовал бы за счёт блефа сдержать слишком прытких преследователей, а кто и возомнил бы себя великим игроком – всего лишь на основании того, что именно сейчас, на роббере, например, в 9 карт ему пришли весьма неплохие шансы. Но всё это чаще всего оставалось только теорией.

Или умный, как политик,
или мозгом паралитик,
или просто некий нытик,
или просто генерал,
но стратег и аналитик!
Почему же проиграл?

А психически было ещё проще: забывая о том, что сыгрывание каждого последующего роббера длится от минуты до 40-30-20 секунд, многим казалось, что с каждым ходом напряжение усиливается, что со всех сторон игрока окружают не партнёры по *русской кочерге*, а настоящие враги – с браунингами, миномётами и базуками, и поэтому надо быть особо бдительными, ибо сделай даже самую маленькую ошибку, и очнёшься уже в морге – с пулей в тыкве.

Но нет – русский покер, так же как и шашки, так же как и городки, был всего лишь игрой – со своими правилами и законами, и больше ничего, и надо было эти правила соблюдать, правда, кроме этого, грамотно распоряжаться пришедшими картами, ибо совершенно точно, что если сделать именно так, то на протяжение всей игры в 27 робберов можно было не проиграть ни одного из них, а постоянно продвигаться вперёд, пусть даже ненамного, а, скажем, на 5 очков при верно сыгранном пасе.

Ну, а сейчас согласно очерёдности должен был играться роббер на 10 картах – интересный уже тем, что число карт в нём не было кратным ни трём, ни четырём, а это означало, что при любой более-менее рисковой заявке кто-то пролетал обязательно!

Не жалея миокарда,
с мозгом, данным на пятак,
хоть какую дай мне карту,
но сыграю я не так!

И подтверждение этой мысли пришло тут же: Альбионыч заказал три взятки, Мусаич тоже три, Салихдзяныч всего две, а Афанасьич, которому до полного комплекта должнó было хватить также двух взяток, внезапно застопорился, перекладывая пришедшие карты из руки в руку и при этом что-то тихо бормоча – по-видимому, выстраивая хитроумные комбинации, манипуляции, сопряжения и прочие фокусы, на которые был способен только он один.

Все знали, что такое торможение могло затянуться надолго, и первым не выдержал педагог, в нетерпении ёрзавший на покерной скамеечке, ведь ему сейчас пришли два младших джокера и два крупных козыря.

– Серёжа, мать моя КПСС, ходи быстрее, что ли! – поторопил он сторожа.

– Не могу, царица лесная, – степенно ответил Полтавцев.

– Почему?!

– Думаю, – подтвердил худшие опасения по поводу своей вменяемости уроженец деревни Семижопино.

Но тут его поддержал литератор, который, кстати, тоже не любил сидеть впустую:

– Приличные люди, Нуртай, живут, не торопя время. Я тебе, яйчики-бабайчики, даже больше скажу: время торопят только активные дураки.

Поняв, что его прилюдно обозвали нехорошим словом, большевик замкнулся в своём го́ре, но параллельно с этим затаил зло.

Я руками и ногами
должен всех вас погубить:
не прощу своим врагам я,
что не мо́жу победить!

– К тому же каждая карта, – поведал Кулемзин, почему-то повернувшись к неиграющим Николаичу и Васюханычу, – лёгкая, как пёрышко, но тяжёлая, как Сука-судьба.

Правда, ни саксаульский тициан, ни саксаульский герц[389] ничего не поняли, но на всякий случай ответили нестройным хором:

– Да ну, святой Малевич!

– Да ну, едрит Мадрид!

– Точно! – подтвердил единственный в покерной хевре философ.

[389] Первую антенну в 1888 году в ходе собственных экспериментов по доказательству существования электромагнитной волны изобрёл великий немецкий физик Генрих Густавович Герц – прим. физ. редактора

– А почему ты, йодистый Володя, именно им это сказал? – с подозрением на измену поинтересовался саксаульский обер-корнет.

– Так, если ты, Талгат, помнишь, вот эти два ныне молчаливых ханурика прилюдно обещали с завтрашнего дня стать активистами великого покерного движения на территории Бермудского Учпучмака!

А бывший текстильщик по-прежнему тупил, затягивая даже не с первым ходом, а всего лишь с заявкой. Наконец не выдержал и покерный гуру, который сейчас по совместительству оказался поэтом-переложенцем. Он посмотрел в глаза охраннику и произнёс:

– А знаешь ли ты, Серёжа, что сейчас выглядишь как та эстонка?

– Какая, мать честна́я? – удивился покерный тормоз.

– Такая, – сообщил подробности марсианин, – из одного фильма, где про неё пели задорную партизанскую песенку:

«Как-то утром на рассвете
заглянул в соседний сад,
там эстонка молодая
наблюдает виноград.
Я краснею за эстонку –
это странный очень вид:

виноград растёт быстрее,
чем она его глядит!»

Наконец все вздохнули с облегчением, когда всё-таки решившийся на подвиг сторож заказал четыре взятки, и роббер начался. Впрочем, закончился он уже через 1 минуту 11 секунд – с таким результатом: Володя взял свои три взятки, Нуртай, который слишком по-осторожничал при заявке, перебрал одну, Талгат неожиданно поздравил себя с победой на двух заказанных взятках, а вот Афанасьич пролетел аж на три, или 60 очков, после чего допил из своей горячей бутылочки уже совершенно тёплое «Жигулёвское» и с облегчением произнёс:

– А ведь могло быть и хуже, мать честна́я! Так что merci *дедушке* именно за такой вариант развития!

– Куда уж хуже, – скептически отозвался Митрохин, который теперь – после обещания включиться в игру – стал внимательно отслеживать каждую ситуацию, которая возникала на покерном столике.

– А хуже, – объяснил крупно проигравший, – было бы, если б и этого малого глотка́ не было…

, после чего с укоризной посмотрел на спонсора коллектива, отчего Володе действительно стало не по себе. Он тут же залез в карман, вытащил очередную купюру и стал скороговорить экспромтом, тыкая указательным пальцем в сторону каждого из шести сидельцев, включая себя:

– На кого покажет палец,
тот нам пиво принесёт, –
выход вперёд, скиталец,
собирайся в свой поход!

На этот раз слог с весьма говорящим названием *ход* выпал на живописца Муравлёва, и тот, крякнув от неожиданности, всё-таки принял купюру и отправился исполнять суровый мужской долг. А покерный гуру, глядя в спину удаляющемуся Валере, не смог удержаться от поэтического напутствия:

– При купле-продаже
всегда будь на страже!

Глава 201. НЕВОЛЬНАЯ ОШИБКА ПИСАТЕЛЯ, СДЕЛАННАЯ ИМ ИЗ-ЗА ПОТЕРИ ЧУВСТВА ВРЕМЕНИ

Одной из самых больши́х загадок – с тех пор, как Кулемзин организовал практически ежедневные покерные турниры под распитие благословенного напитка – была та, сколько же времени уходит у персонажей на покупку и доставку пивка. Бывало, что вот только что глядели оставшиеся бермудцы на сверкающие пятки ходока, как буквально через минуту видели уже сверкающий от пота лоб скорохода, а бывало и так, что, скажем, Полтавцев, вовсю стремящийся к ненужным знаниям, увлечётся созерцанием в лавке Калимы новых ценников, то пока их не перечитает все целиком и полностью, так и не вернётся в осиротевший коллектив.

Был порыв к ученью пылок
(«Дурень, думкой богатей!»):
этикетки от бутылок
стали азбукой моей!

Поэтому сейчас, когда будущий лауреат «Turner Prize», или премии Тёрнера[390] только что скрылся в горячем помещении железного контейнера, исключительно по недоразумению называемого магазином, Альбионыч решил развлечь сидельцев покерной скамеечки очередной загадкой. И совершил ошибку! А вот какую, мой читатель узнает уже сейчас.

– Не знаю, други мои и Нуртай, – произнёс он, – сколько будет бродить в поисках счастья наш товарищ Валера, поэтому разрешите загадать вам небольшую загадку – для более быстрого прохождения формы протекания физических и психических процессов, как условия возможности изменения, или, чтобы было понятно не только дворовым детям, но и Серёже, времени.

[390] Самая престижная премия в области живописи, учреждённая в 1984 году и названная в честь английского художника, мастера романтического пейзажа XIX века Уильяма Уильямовича Тёрнера – прим. худ. редактора

Пропадает, возникает,
намекает и пугает,
нас стругает и стегает
больно так, что, друг, держись, –
только время утекает!
Знать, дырявой стала жизнь…

– Разрешаю, – разрешил охранник, очень довольный тем, что именно его в своей речи выделил старший друг Володя.

– Итак, слушайте. В некой русской сказке, написанной ещё церковно-славянской азбукой (коей, надо заметить, я владею блестяще) мною был обнаружен… распорядок дня русского богатыря Ильи Муромца. Чтобы было понятно всем, включая потомков татаро-монгольского ига Батыршина и Курманбаева, сразу же переведу его на современный русский язык:

Он стоял заутреню во Муроме.
А к обедне хотел поспеть он
в стольный Киев-град.

И вот тут я задумался: ведь оба города, то есть Муром и Киев, существуют и сегодня, и никуда с прежнего места со стародавних времен не переносились. И тогда я решил открыть карту, из которой узнал, что расстояние между этими городами *по трассе* составляет 1163 километра. Но это – по трассе, а *напрямки*, как тогда выражались, дорога была значительно короче – что-то около 800 километров.

Но напрямки – это только так сказано. На самом деле, богатырь явно ехал кружными путями, ведь в тех местах в то время вместо дорог были сплошь «леса непроходимые, болота топкие, дороги непроезжие да объезды кружные». В общем, заколодела дорожка, замуравела! Опять же задерживали сражения, например, с известным разбойником Одихмантьичем, за ужасный облик названный русским народом Соловьём.

Я Соловей-Разбойник – древний род:
мой прадед по былинам всем известен
бесчинствами, а я наоборот –
отзывчив, скромен, беспредельно честен.
Я изменю преступный генофонд!
В душе неисправимый тонкий лирик
и смелый я, такой же, как Джеймс Бонд –
борец за справедливость во всем мире!

Короче, такая дорога могла быть и в 1000 километров, и в полторы! Опять же так называемая заутреня[391], которую служат рано утром.

[391] Самое продолжительное из ежедневных богослужений – прим. богосл. редактора

И вот тогда я поставил перед собой дв вопроса. **Первый**: с какой скоростью должен был передвигаться богатырский конь, чтобы Илюшка мог отстоять заутреню во Муроме, скажем, в 5 часов утра, и успел бы отстоять обедню в Киеве – в 12-13 часов дня? Иначе говоря, мог ли наш богатырь преодолеть расстояние в 1000-1500 километров за максимум 9-10 часов?

Хрен с ним, допустим, что в те годы обедали в Киеве не в 12 часов дня, а, скажем, в 5 часов вечера – такой вот у них был five o'clock[392]. И тогда, яйчики-бабайчики, давайте растянем время ещё до 14 часов, а с учётом са́мого малого расстояния – в 1000 километров – бедному коню Муромца надо было скакать со скоростью более 70 километров в час!

[392] Глупая английская традиция, дословно: пятичасовой чай – прим. автора

Совершенно не эстетски,
я как будто на метле:
шпарит конь мой не по-детски –
удержаться бы в седле!

И **второй**, садистский вопрос: так какие же перегрузки испытывал наш русский богатырь, превращённый старой легендой не меньше чем в космонавта, передвигаясь на боевом коне с такой скоростью?

– Идёт, царица лесная! – внезапно заорал под ухом несостоявшегося загадчика уроженец деревни Семижопино.

А почему несостоявшегося? – спросит мой читатель. Да потому, что когда Муравлёв раздал всем по бутылочке, никакие володины отгадки оказались никому не нужны!

Глава 202. О ЗЕЛЁНЫХ И КОРИЧНЕВЫХ СТЕКЛЯННЫХ БУТЫЛКАХ

Кулемзин досадливо крякнул, но взял себя в руки, так как начал наивно полагать, что ведь можно и попивать пивко, и продолжать игру *одновременно*. Но не таковы были практически неуправляемые персонажи романа, к тому же за время, прошедшее с начала первого тома и до почти конца вот этого – седьмого, значительно поумневшие. Поэтому, например, автор, который давно уже потерял нить повествования, не удивился, когда один из наших героев обратился к писателю с тривиальной фразой:

– Володя, мать честна́я, вот ты всё знаешь…

, на что покерный гуру только утвердительно кивнул головой, как бы поощряя к дальнейшему развитию вопроса.

– Тогда скажи, – поднял вопрошалец над столиком свою бутылочку «Жигулёвского» тёмного зелёного стекла, – а почему моя бутылочка «Жигулёвского» именно тёмного зелёного стекла?

Тут же этим сложнейшим вопросом вселенского мироздания заинтересовались и другие учпучмакцы, которые стали вертеть свои бутылочки – не только тёмно-зелёного, но и тёмно-коричневого цвета – перед глазами, и даже пытаться смотреть через них на солнце, что, кстати, было гораздо приятнее, чем наблюдать наше светило напрямую – без оптических приборов.

Вот поддался я разводке –
сам себя, дурак, гружу:

через стёклышко от водки
я на солнышко гляжу.
И в плену той ахинеи
глазки враз мне напекло,
ведь светило бьёт больнее –
знать, прозрачное стекло!

Здесь Альбионыч понял, что в очередной раз проиграл битву за просвещение коллектива и приступил к очередной, правда, на этот раз короткой лекции.

– Итак, яйчики-бабайчики, почему пиво сейчас (потому что в СССР (б) всё было по-другому) продаётся не в прозрачных, а именно в тёмно-зелёных или тёмно-коричневых стеклянных бутылках? Неужели всё дело исключительно в эстетических соображениях, как, например, сейчас думает Салихдзяныч?

– А откуда ты… – округлил глаза саксаульский шнапс-капитан. – А как ты… ёкарный бабай…

Но лектор уже продолжал:

– Да, делается это отнюдь не для красоты, хотя и немного жаль такой замечательной версии. Как вы пóмните из моих предыдущих лекций, пиво существует довольно давно – одними из первых его начали варить ещё древние египтяне тысячи лет назад. Однако из-за отсутствия пастеризации и охлаждения пиво хранилось недолго: употребляли его почти сразу же после изготовления – как это, например, делает наш Николаич – иногда даже во время движения из магазина.

Вверх от радости взмываю,
если пива – три ведра:
на ходу я распиваю –
чтоб менты не отобра…

На этот раз глаза округлились у художника, который иногда делал именно так, но до данной минуты полагал это своей самой большой тайной жизни. А литератор продолжал просвещение:

– Но всё изменилось в XVII веке: пивовары начали использовать стеклянные бутылки, обнаружив, что стекло – лучший материал для сохранения свежести напитка в течение длительного периода времени. Однако у стеклянных бутылок вскоре обнаружилась одна серьёзная проблема: при слишком долгом нахождении на солнце у пива появлялся крайне стойкий неприятный запах. А потом какой-то средневековый менделеев выяснил, что это происходило из-за того, что прозрачное стекло позволяло ультрафиолетовым лучам проникать в напиток и изменять его вкус!

И вот тогда производители приняли решение использовать тёмно-коричневое стекло, чтобы защитить пиво от порчи. Кстати, по такому же принципу работают сегодня солнцезащитные очки.

– Вот я дурак, царица лесная! – неожиданно принял муку покаяния сторож. – Однажды Калима продала мне пиво, а уже дома я обнаружил, что оно совсем *пропащее*. А ведь надо было нести его с солнцезащитными очками! Да, как видно, сам виноват… Спасибо, друг, что научил!

Пиво пья вместо музея –
и в жару, и в гололедь –
научу своих друзей я,
как бухáть и не болеть!

После этого Серёжа немедленно перевернул свою котомку, из которой на покерный столик вывалились следующие предметы:

♦ костяной набалдашник от трости, обгрызенный, видимо, самим владельцем в период голодных ночей;

♦ упаковка импортного валидола, в которой осталась всего одна таблетка;

♦ учебник «Палеоботаника» для студентов политехнических вузов;

♦ и, наконец, солнцезащитные очки с приклеенной в уголке овальной этикеткой с надписью на каком-то закорючистом языке: 看不見太陽 [393].

[393] Не видно солнца – кит.

Очки были немедленно нацеплены на серёжину похмельную рожу, после чего он тут же стал похож на агента сопредельной державы.

Устав от явок и подстав,
от очных ставок и паролей,
я продавал славянский шкаф –
как артефакт! Плюс антресоли…

– А что там дальше было, едрит Мадрид? – наконец понудил Володю к рассказу старший джус Митрохин.

– Да, а про зелёные бутылки, мать моя партия? – поддержал васюханскую страсть к просвещению Нуртай, давно имеющий такую страсть по своему педагогическому долгу.

– А зелёные бутылки, яйчики-бабайчики, – приступил к финальной части своей лекции Альбионыч, – появились уже после Второй мировой войны. Дефицит коричневого стекла так-таки вынудил европейских пивоваров искать альтернативы, из которых самой доступной и оказалось зелёное стекло. Кстати, эти поиски был недолгими, ибо и до войны многие фармацевтические продукты уже выпускались в зелёных ёмкостях. Поэтому со временем зелёная бутылка как бы стала фишкой именно европейских пивоваров, и после, когда коричневое стекло перестало быть в дефиците, производители по-прежнему продолжили выпускать напиток в зелёной таре.

– Да, дела, святой Малевич! – потрясённо проговорил живописец Валера-ибн-Николай. – Я теперь с особым почтением буду относиться именно к этим двум цветам…

Пусть трепещут крохоборы –
труд даётся мне легко:
разной краской я заборы
так покрашу, ого-го!

Глава 203. МУКИ ТЩЕСЛАВИЯ И КОРЧИ НЕПРИЗНАННОСТИ (Завершение партии)

Когда-то давно наш главный герой вывел для себя некий закон, который он назвал *законом тотальности психологического феномена.* А суть его вот в чём: если в каком-либо человеке присутствует некая особенность психики или особенность мышления, то она обязательно проявится в самых разных ситуациях.

Простой пример: преступник, который *всегда* рассчитывает, что его не поймают, заранее считая себя умнее тех, кто обязан его ловить, считая себя ловчее, хитрее, везучее и безнаказаннее. И, даже попавшись, он нисколько не меняется, да и с чего меняться-то? Дело вовсе не в том, считает такой умник, что он дурак и сволочь, а в том, что произошёл несчастный случай – короче, просто не повезло. А вот уже в следующий раз – через несколько лет, когда отсижу…

Но сейчас, когда игралась одна из последних партий практически закончившейся недели, продолжение игры развивалась в стиле Бертольда Бертольдовича Брехта.

Надо заметить, что чаще всего Игра шла ровно, как и положено далёкой родственнице великого Случая. Но, как когда-то доказал объединённый закон Эйнштейна-Кулемзина, изменить Случай не могут ни искривление пространства-времени, ни глобальные законы Вселенной, а могут только двуногие прямоходящие планеты Земля, по недоразумению называющие себя людьми.

А в том кластере[394], о котором идёт речь вот уже седьмую книгу подряд, таким человеком был Серёнька Афанасьич, бывший житель деревни Семижопино, а ныне сторож-охранник отцеябловского магазина «Пингвин и гагара». Да судите сами: тихо-мирно игроки сыграли пару робберов – на 8 и 7 картах, после чего их персональные показатели относительно друг друга практически не изменились. Но разве мог допустить такое неинтересное развитие сюжета Полтавцев? Конечно, нет!

[394] Кластер – от англ. cluster (скопление) – объединение нескольких однородных элементов, которое может рассматриваться как самостоятельная единица, обладающая определёнными свойствами – прим. философ. редактора

Скучно без неразберихи –
вот он я, во всей красе:
закручу сюжет я лихо,
чтобы в шоке были все!

Впрочем, всё началось вполне невинно. На условную причёску Серёжи неожиданно спустился заметно пожелтевший листочек карагача. Бывший текстильщик снял его с тыквы, внимательно осмотрел, потом сложил в четыре раза и наконец сунул в карман штанов, но не молча, а как бы резюмируя происшествие:

– Вот и лето, мать честнáя, повернулось к нам задом.

– А, по-моему, святой Малевич, оно в этом году так и не пришло! – отозвался Николаич, который не почувствовал в словах сторожа никакой лирики.

Володя, выслушав все стороны этого короткого диспута, решил поставить в нём точку – в целях быстрейшего продолжения игры:

– Скорей бы зима! А то осенью как-то неприлично ждать весну…

, после чего произнёс одно короткое слово, тревогой отозвавшееся в трёх сердцах из пяти присутствующих:

– Мизéр!

, и вдруг с удивлением услышал ответное предложение курманбаевского соседа по лестничной площадке:

– Отменяю!

А почему с удивлением, спросит мой уже поднаторевший в покерных стражениях читатель, ведь такие ситуации, хотя и редко, но время от времени всё-таки случались. А потому, ответит автор, что к Альбионычу в этот момент из шести карт пришли аж три джокера – старший и два младших. И это означало, что у охранника из всех известных *грандов* сейчас могли быть, например, только козырной туз и сам покер, но такое сочетание не давало право отменять объявленный Кулемзиным мизéр.

Мы все – невольники азарта,
но Случай часто близорук:
мизéр – когда большая карта
становится неважной вдруг!

Но самое страшное было в другом: даже зная о серёжиной оплошности, литератор не мог сейчас его поправить, иначе бы просто заработал штраф в 100 очков – за подсказку, так что в данной ситуации единственным выходом было сыграть роббер до конца и только после этого указать на ошибку, списав 50 очков (по правилам!) теперь уже не с себя, а с ошибальца, причём, за обман – пусть вольный, пусть невольный.

– Поздравляю, выкрутился!

Покерный гуру вздрогнул, услышав слабый шёпот в левое ухо, и понял, что его посетил верный муз Вася Курочкин.

– Спасибо, Вася, – так же тихо ответил писатель, но был услышан несчастным Полтавцевым, который несколько секунд лишился не только первого места, но даже второго. А не проигрывай сдуру, болезный!

После этого диалог с музом продолжился в беззвучном режиме – это было легко как любому марсианину, так и любому сказочному персонажу.

Сам себе шизу диктуя,
очертив себя кружком,
рад беседовать в бреду я
хоть с котом, а хоть с горшком!

«А ты почему сделал подзаголовок этой главы как «Завершение партии»?», спросил Вася. «Ведь до конца ещё ого-го…»

«А ты правила *русской кочерги* давно повторял?», вопросом на вопрос ответил учредитель великой игры

«А я их вообще никогда не знал», признался Курочкин. «Мне-то они к чему? Я всё больше по творческой части мастрячу …»

«Кстати, Вася, а я ведь тебе ещё в четверг – помнишь, ночью? – задание давал: намастрячить что-нибудь про меня и про любовь», вспомнил Альбионыч.

«Конечно, помню», с ноткой упрёка ответил муз. «Давно уже готово! А я всё жду, когда же ты вспомнишь…»

«Давай!», разрешил автор будущего стиха [395].

[395] И это так – согласно договору № 666-ж между Поэтом и Музом, заключённым 1 января 2000 года – прим. автора

И Курочкин дал – прямо в мозг Кулемзину:

Я не вечен, но сердечен –
в сердце множество обид,
и душа моя под вечер
вдруг возьмёт да заболит,
вдруг возьмёт да и попросит:
«Помечтай о чём-нибудь!»,
и есенинская осень
вдруг наполнит мою грудь.
И придумаю я песню
на мотив, смешной до слёз,
что не каждому известен,
что дошёл от зла до грёз.
Эта песенка смешная
тайно будет в доме жить,
изредка напоминая,
что пришлось и мне любить…

, после чего Володя наконец объяснил музу, что если до конца партии осталось всего семь робберов, то это и есть завершающий этап ~~пятилетки~~ всей партии.

Глава 204. МУКИ ТЩЕСЛАВИЯ И КОРЧИ НЕПРИЗНАННОСТИ (Завершение партии, продолжение)

К сожалению, ошибка одного игрока (в данном случае Полтавцева) породила явление, хорошо известное моему читателю, – тут же, как ком с горы, начались ссоры, перебранки, склоки, разборки, препирательства и прочая грызня. Создавалось впечатление, что рядом с игроками внезапно появился какой-то невидимый Локки – скандинавский дух раздора, исподтишка подначивающий то одного, то другого игрока. Дело дошло даже до того, что сидящие рядом неиграющие Валера и Васюхан вдруг резко отвернулись друг от друга и надулись, словно детские шарики с гелием.

«А вам-то чего делить?», несложной марсианской технологией *трррръъътррр* втюхал им одновременно простенькую мыслишку Володя, после чего старые друзья обменялись абсолютно одинаковыми *тянь-шанчиками* и тут же помирились, чего нельзя было сказать об игроках.

Это что же здесь сверкает,
повышая вольтажи?
Вместо карт в игре мелькают
сабли, шашки и ножи!

И вот вместо того, чтобы благополучно завершить партию и сыграть сейчас короткий роббер на пяти картах, все начали дружно обвинять всех, а Курманбаев даже припомнил, как Салихдзяныч ещё в среду на последней *тёмной* не дал взять ему контрольную взятку, чтобы завершить партию на первом месте! Впрочем, больше всех возмущался Афанасьич, у которого неожиданно оказалась очень хорошая память, так как он начал припоминать грешки буквально всех игроков, *ювелирно* объясняя, кто когда какую карту пошёл и как это отразилось на его, Серёжи, победах. В своём раже он постепенно повышал градус обиды и в конце концов дошёл до того, что обвинил старшего джуса Васюханыча в том, что тот три дня назад отхлебнул из бутылочки охранника аж четыре глотка́!

«Как бы остановить всё это безобразие?», в это время думал покерный гуру и наконец придумал.

– А знаете ли вы, други мои и Нуртай, – перекрикивая учпучмакских крикунов, обратился он к подотчётному коллективу, – что у всех музыкантов в голове – тараканы, и только у некой ливерпульской четвёрки – beatles?

Те, кто к сочинительству причастен,
в музыке, другом ли баловстве,
в большинстве своём или отчасти
не без тараканов в голове!

– В смысле, мать моя партия? – изумился Мусаич. – А при чём здесь какой-то битлз, когда буквально вчера вот этот мой неумытый сосед неправильно скинул на мою козырную даму простую четвёрку, а ведь у него в это время была такая же козырная двойка?

– Что было, яйчики-бабайчики, то прошло, – трюизматически ответил Володя. – Так что ты, Нуртаилло, если не знаешь правильного ответа, то сиди и молчи!

Но уже было видно, как ° напряжения заметно снизился, а взаимообвиняющие игроки явно заинтересовались вопросом Альбионыча. Наконец четверо из тех, кого сейчас опрашивал литератор, сдались, и остался только хитро улыбающийся семижопинец, кому наконец дал слово загадчик.

– Дело в том, – как настоящий лектор, начал своё выступление бывший текстильщик, – что все вы дубы, не знающие базовых основ английского языка, кроме, конечно, нашего выдающегося многожральца… тьфу, полиглота Володи.

Обозванные дубы тихо зароптали, но примолкли, поглядев на поднятый палец (прости, русский язык!) спонтанного лектора.

– Именно наш покерный гуру когда-то сподвиг меня на изучение английского языка, и на мой безмолвный вопрос, притаившийся в моих глазах, пригодится ли он мне когда-нибудь, ответил: «Да, Серёнька, обязательно пригодится, а именно 31 августа 2003 года!». А теперь посмотрите на календарь и содрогнитесь!

Выступление Афанасьича было таким ярким, что все содрогнулись без календаря.

Осознание подарит,
что жизнёха – дребедень:
нам расскажет календарик,
что мы пьём который день!

– Ты, святой Малевич, ближе к делу давай! – попенял сторожу живописец Муравлёв, который, как и остальные, сгорал от любоьпытства.

– Вот именно, едрит Мадрид! – поддержал его друг Митрохин. – Давай!

– Даю, – согласился объяснялец с англо-переводческим уклоном. – Дело в том, что тараканы, о которых упомянул наш великий друг Володя, а также жуки, по-английски звучат как beetles (битлз), а вот beatles, который отличается от них всего одной буквой, придумали сами «The Beatles»

– Что-то ты нас совсем запутал, ёкарный переводчик! – на этот раз попенял лектору военный музыкант.

– Совсем нет, – тонко улыбнулся ёкарный переводчик, – ведь эти битлы, когда только начали играть свою шумную музыку, сами придумали своё название, и поначалу никто не понимал, в чём тут прикол.

– И в чём же? – громко прокричал дворовый ребятёнок, вихреобразно приблизившийся к покерному столику на 10 сантиметров и тут же исчезнувший в клубке пыли.

– Да в том, – победно закончил речь Серёжа, – что первая часть этого названия, то есть Beat – это такт, ритм, биение! Так что учите языки, мои неграмотные друзья и соседи!

– Браво, старичок! – похвалил выступающего Альбионыч, смахнув виртуальную слезу наставника. – Я тобой горжусь!

– А уж я как собою гордюся! – с ответной слезой во взоре ответил Полтавцев.

А Кулемзин в это время вспомнил свой старый стишок – как раз о том, как легко перепутать иностранные слова:

Двенадцать пьяных англичан
гурьбой пристали как-то к немке:
двенадцать лбов, и каждый пьян, –
прижалась в страхе немка к стенке.
Из немки визг, из немки крик:
– Найн, найн (оставьте, мол, в покое)!
Британцы поняли всё вмиг,
и удалились... лишних трое [396]!

[396] Найн по-немецки – нет (nein), найн по-английски – девять (nine) – прим. главы гильдии переводчиков романа «Русская кочерга»

И вот теперь, когда все успокоились, можно было *продолжать заканчивать* и без того слишком растянувшуюся партию.

Но – чему быть, того не миновать, утверждает старая русская пословица, и в данном случае автор просто вынужден с ней согласиться, ибо быстро и незаметно промелькнули так называемые короткие робберы – на 5, 4, 3, 2 и 1 карте, и настал некий тревожный психологический момент, называемый *последняя тёмная*, где решалось если не всё на планете Земля, то, по крайней мере, некое основное на территории Бермудского Учпучмака, то есть кто будет победителем в этой партии, а кто, как (прости, русский язык!) аутсайдер, положит в свою персональную копилку всего-то 1 очко, как последний ~~баран~~ среди славной четвёрки.

Словно бед прямой наследник,
жизнь которого – раба,
то я первый, то последний –
ох, и сука же судьба!

Глава 205. МУКИ ТЩЕСЛАВИЯ И КОРЧИ НЕПРИЗНАННОСТИ (Завершение партии, ещё одно продолжение)

Уже не раз в нашем бесконечном романе описывались эти последние в каждой партии робберы, но ни один из них не был похож на другой, и дело было даже не в том, что игрокам всё время приходили разные карты, чему не переставал удивляться Полтавцев, а в том, что игроки подходили к этому *пороговому* показателю с разными значениями, накопленными в процессе игры. И это не только очки, хотя и они были важны для покеристов, а исключительно разница между ними, ведь у одного на носу просматривались простые советские стёкла + 6, а у другого – элегантный итальянский лорнет фирмы «Franco Sordelli». Шутка.

Быстро портят мне зрачки
зарубежные очки!

И, как и все предыдущие последние робберы, этот тоже оказался важнейшим. К этому моменту муки тщеславия и корчи непризнанности, как и было заявлено в названии наших последних глав, достигли крайней точки кипения. На первом месте с трудом удерживался Володя – с 774 набранными очками, на второе пробился коммунист Мусаич, столбик которого отразил итоговое число 731, а вот четвёртого места не оказалось вовсе, так как сторож-охранник из деревни Семижопино и военный человек Салихдзяныч оба теснились на узком третьем месте, набрав к этому времени по 600 очков ровно! Сейчас они сидели рядышком и, сдвинув лбы, любовались на этот странный показатель в *раскладке*, которую специально для них развернул *записывающий* литератор.

Но самое забавное в этой ситуации было то, что разница между показателями игроков позволяла именно на *тёмной* из 12 карт набрать столько очков, что любому можно было надеяться на первое место! Например, рискнёт какой-нибудь старший трубач да и закажет аж 5 взяток, а потом их и возьмёт, и сразу же после этого у него зафиксируется 600 + 180 (удвоенные 90) = 780 очков! А тот же Альбионыч, у коего до этого роббера было всего на 1 очко меньше, возьмёт да и пролетит на одну взятку, но именно она окажется роковóй, так как даст (а, вернее, отнимет) у него сразу 50 очков. И подобные предположения можно было делать в отношении любого, кто сейчас сидел за покерным столиком.

То вдаль шагну, то отодвинусь, –
как трудно мне собой владеть! –

очки то в плюс, а то и минус
стремятся вниз и вверх взлететь!

Так что, как говорил главный герой нашей книги семижопинец Серёнька в последних строках одной из книг, «Я думаю, что у нас всё ещё спéреди…» [397]

[397] Роман «Русская кочерга», том I, глава 360 – прим. гл. редактора

Но вот Талгат уже сдал всем по 12 карт, после чего началась привычная мистификация, которую образованный Альбионыч называл *херомантией* – игроки, включая самогó покерного гуру, стали пялиться на карты, лежащие рубашками кверху, не в силах посмотреть, что же к ним пришло, но стараясь некими таинственными силами угадать это. Жаль только, что в покерной *квадриге* не было ни одного экстрасенса, а если и был некий марсианин, владеющий инопланетными технологиями, то все знали, что он пользовался славой честнейшего человека, и никогда не опускался до подсказок Вселенной.

Ворошу свои я космы,
как какой-нибудь генсек:
подскажи мне карту, космос,
чтобы выиграть парсек!

То, что *херомантия* окончилась, поняли и Николаич, и Васюханыч, так как услышали призыв писателя:

– Ну, вы заказывать, яйчики-бабайчики, будете или как?

После этого начались заказы: Нуртай, страдающий от того, что ему приходится рисковать первым, заказал минимум на *тёмной*, то есть 3 взятки, Володя осторожно повёл головой вместе с ушами – как некий астроном, ожидающий радиосигналов неведомых цивилизаций, но решил не рисковать своим сомнительным первым местом, и заказал 3 взятки, Талгат, напрягшийся, как молодой бычок на первой в жизни случке, решил быть мужественным и заказал 3 взятки, – то есть, несмотря на разные мотивации, все оказались в равных условиях перед боем.

Неохваченным записью остался только охранник, который не просто потрогал карты, но даже понюхал их, хотя этот приёмчик ничего нового в знание потенциала пришедшего роббера ему не добавил, и он (охранник, а не приёмчик) сейчас выглядел как пациент ПНД [398], которому санитары за какую-то малую провинность хватили больничными шлёпанцами по ушам. Наконец он решительно перевернул свою котомку, откуда вновь вывалились ранее незамеченные предметы, и нашёл среди них советский пятак.

[398] Психоневрологический диспансер – прим. мед. редактора

– Или так, или так, мать честнáя, – озвучил он своё глобальное решение и, положив монету на ноготь большого пальца, приготовился запульнуть её в пространство.

Как учил великий Óшо,
чтоб мне жить и не грешить,
я пятак наверх подброшу,
чтоб судьбу свою решить!

– В смысле, если будет *орёл*, то ты закажешь 5 взяток, а если *решка*, то ноль? – улыбнулся Володя.

– Ага, – в ответ ему улыбнулся бывший текстильщик.

– А ничего, что йодистый ноль заказывать нельзя? – поинтересовался Батыршин.

– Ничего, прорвёмся, – непонятным для иностранца (прости, русский язык!) эвфемизмом ответил Афанасьич, сделав самый большой заказ – в пять карт.

И вот после того, как карты было разрешено смотреть, Альбионыч посмотрел свои и убедился, что остальные игроки сейчас представляли для него опасность примерно такую же, как нашкодившие второклассники для физрука.

И последняя *тёмная* началась! Большевик Мусаич, собрав в кулак свою волю, как ему завещал его патрон Ильич I[399], сделал первый ход, после чего все поняли, что ничего хорошего на этот раз Нуртаю не пришло, поэтому его неуверенную некозырную девятку даже не стали брать ни Альбионыч, ни Салихдзяныч, а радостно вскрикнув, взял семижопинец – почему-то младшим джокером, который приготовил заранее, уверенный в том, что надо будет либо отдать его в результате грозного окрика «По джокерам»!», либо забрать эту взятку, если туда накидают самые крупные козыри под окрик «По козырям!»

[399] В. И. Ленин, ПСС, т. 38, с. 234, «Обращение к Красной Армии» – прим. полит. редактора

Сейчас он сидел, глядя на свою первую взятку, но радость его быстро сменилась на печаль, а выражение лица читалось как «Ну и чё?». Кулемзин улыбнулся про себя, так как знал ответ на этот непростой вопрос бытия: «Ну и то!» было восстанавливающим баланс контраргументом даосской философии, указывающей на безмятежность и отстранённое отношение к жизни в целом.

Уму и сердцу слишком непривычна
дань дао, словно культ стрелы без лука –
оно всегдда бесформенно, безлично,
совеем одно и не имеет звука.
Туманней философий не встречал я, –
возможно, выражаться так негоже,
но это всех вещей первоначало
на полную абстракцию похоже!

Глава 206. МУКИ ТЩЕСЛАВИЯ И КОРЧИ НЕПРИЗНАННОСТИ (Завершение партии, окончание)

Впрочем, расслабляться было рано, ибо каждый знал, что предсказывать действия Серёжи во время игры было тем же, что искать свежие мухоморы в зимнем лесу. Поэтому никто не удивился, когда охранник пошёл с козыря – им оказался бубновый валет, и ещё более не удивился, когда всю взятку – с курманбаевским королём и батыршинской дамой забрал Володя – своим покером, после чего пошёл старшим джокером со словами:

– По джокерам!

, хотя к этому моменту всем было ясно, что у кого-то остался всего один джокер, но такова была формула – по правилам игры, и писатель не думал отступать от неё ни одну букву русского алфавита!

Игроки скинули кто что мог, что – опять-таки по правилам – в отсутствие заказанной карты было вполне легитимным, и только охранник, печалясь повторно, расстался со своей последней надеждой, после чего решил прояснить ситуацию.

– А как ты, царица лесная, узнал, что у меня не один, а два джокера? – изумился он.

– А вот это и было недостающим твёрдым знаком в красивом слове *догадка*, – ответил знатный учпучмакский филолог.

В перестрелке в вестибюле,
что затеял наш жиган,
догадался он, что пули
сохранил его наган!

– Ну ты, Володя, и этот – с моторчиком! – восхитился сторож. – Прямо бац – и в самую точку!

– В смысле? – удивился писатель, который точно знал, что в земной жизни у него никакого моторчика никогда не было, а про марсианские моторчики Полтавцев даже не догадывался.

– Да это из книжки, – пояснил Афанасьич. – Ты, наверное, её не читал.

– Я не читал? – ещё больше удивился литератор. – А не можешь уточнить?

– Могу, – согласился объяснялец. – Её баба написала – шведская стенк… тьфу, писательница.

– А название случайно не помнишь? – начал прозревать покерный гуру.

– Конечно, помню, мать честнáя, – не стал отнекиваться семижопинец. – «Снайпер, который снимал квартиру на крыше»

– А я здесь при чём? – в третий раз удивился марсианин.

– Так я ж тебе уже говорил: прямо бац – и в точку! Как снайпер этот, который всех крышевал…

«Знал я», подумал Кулемзин, «что у этого персонажа – каша в тыкве, но вот что она из всего, что не родит земля, даже не догадывался!»

Мысли словно простокваша
и застывшие, как воск:
в голове – густая каша,
а все думали, что мозг!

– Ну, вы ходить уже будете, ёперные знатоки дурацких книжек? – внезапно расстроился *старший унтер-офицер* Вооружённых сил Республики Саксаулия. – А то ведь время поджимает!

Правда, чем и в чём время поджимает именно бермудцев, сидящих на покерной скамеечке, он не объяснил, а без объяснения никто не догадался, хотя одна догадка всё же была – у Володи. Он мельком глянул на электронные часы, ловко встроенные в его миниатюрный ~~автомобильчик~~ телефончик, и увидел, что до семи часов вечера, когда в прошлые дни завершались все активные покерные события, осталось минут 50, а это значило только одно – что на сегодня осталось сыграть последнюю партию.

А вот потом и должно было наступить событие, которое так ждал военный музыкант Батыршин. И автору кажется, что его читатели, уже успевшие не только полюбить героев этой книги, но и детально изучить их распорядок дня, должны сразу же догадаться, о каком событии идёт речь!

«Да, теперь я и сам понимаю», думал в это время Альбионыч, «как это непросто – сочинять пухлые тома, списывая приключения прямо из жизни, ведь эти иблисовы прототипы постоянно искажают всё мною задуманное, а за ними вслед начинают артачиться и сами персонажи!»

Не избавлюсь я от лажи,
автор, что считает дни:
обнаглели персонажи –
сами пьют всегда они!

Наконец Володя, угнетённый претензиями Талгата, сделал очередной ход – козырной десяткой, потому что, кроме неё, у него сейчас оставались самые крупные карты в игре – такие же восьмёрка и семёрка. И вот этот ход оказался для него роковым. Как помнит мой читатель, наш покерный гуру заказал всего три взятки, и этим ходом брал уже вторую, а когда следующим пошёл только что озвученную восьмёрку, вышло так, что перебить её не смог никто, так как до этого верный ленинец Мусаич отдал своего последнего козыря – девятку.

«Так Кулемзину надо же было пойти вначале восьмёркой!», мог бы здесь воскликнуть СУЧОК, «да отдать её под курманбаевскую девятку, а уже потом брать подряд две недостающих до победы взятки!». И это так… Что-что? Да-да, просит извинения автор, расшифровка этой странной аббревиатуры будет немедленно предоставлена всем желающим:

Самый
Умный
Читатель,
Охрененно
Крутой

Но – чему быть, того не миновать, утверждает странная русская пословица, с которой семнадцатилетний Кулемзин познакомился ещё в 10 классе, когда они *проходили* повесть Тургенева «Вешние воды». А если кто не верит в этот факт, то вот вам цитата:

«– Одна цыганка и мне предсказала насильственную смерть, но это вздор. Я этому не верю. Представите вы себе Ипполита Сидорыча с кинжалом?!

– Можно умереть и не от кинжала, – заметил Санин.

– Всё это вздор! Вы суеверны? Я – нисколько. *А чему быть, того не миновать…*»[400]

[400] И. С. Тургенев, «Вешние воды», глава XXXIX. Повесть опубликована в журнале «Вестник Европы» (1873) – прим. лит. редактора

Что-то смысл не ловится,
словно в сеть кальмар:
по словам – пословица,
по делам – кошмар!

А дальше пошло, как утверждала некая литературная Алиса, «всё страньше и страньше, всё чудесатее и чудесатее»[401] – всем показалось, что на игровом поле остались только два игрока – марсианин Кулемзин и землянин Полтавцев, так как литератор, уже не контролируя себя и не думая о последствиях, хапнул ещё две взятки, а вот охранник, который до этого равнялся очками с трубачом, порадовался тому, что писатель не объявил мизéр, ибо у него после розыгрыша всех *грандов* и оставшихся козырей остались самые значимые карты – туз некозырной национальности и такие же король и дама – всё та же роковая пушкинская красавица[402].

[401] Цитата из главы 2 «Море слёз» сказки Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в стране чудес» (1865) – прим. лит. редактора
[402] А. С. Пушкин, «Пиковая дама». Повесть опубликована в журнале «Библиотека для чтения» (1934) – прим. лит. редактора

Поэтому не удивительным стало то, что Серёжа забрал все оставшиеся взятки себе, а, если помнит читатель, до этого он взял свою первую младшим джокером – две с половиной страницы назад. А ведь четыре страницы назад автор как раз и предупреждал своих

героев, что выиграть эту партию может буквально любой – лишь бы он взял *свои*, а остальные или перебрали, или недобрали.

И это случилось! На первом месте оказался Афанасьич (600 + 180 = 780 очков), на втором, отстав всего на 1 очко, Альбионыч (774 + 5 переборных = 779), на третьем Мусаич (731 – 90 недобранных = 641 очко), и, наконец, на четвёртом – Салихдзяныч (600 – 90 недобранных = 510)!

Я врагов своих не глажу –
разведу я их на лажу!

Глава 207. РУССКО-ТЮРКСКИЙ АРМЕЙСКИЙ СЛОВАРЬ

– Ну ты и шайтан-семижоп! – на всякий случай изучив раскладку – для исключения факта фальсификации, обмана, подтасовки, подлога и надувательства – воскликнул старший прапорщик Батыршин, глядя прямо в счастливую рожу победителя.

И ничего удивительного, что никому из присутствующих такое выражение не показалось странным, ведь действие, как хорошо помнит мой читатель, происходит не где-нибудь в России или, не приведи *дедушка*, в Габоне, а в благословенной Саксаулии, где слово шайтан, равно как и *иблис*, были знакомы каждому младенцу – даже до выхода на волю. Поэтому заявленный в восклицании *шайтан-семижоп* означал банального беспредельщика и к тому же уроженца известной деревни Семижопино.

Выговаривал царевне
царь, понюхав ацетон:
«Я рождён в своей деревне –
не поеду в Вашингтон!»

А ведь наверняка не все читатели помнят, что начало таким сложным словечкам положил никто иной, как кулемзинский дедушка по имени-фамилии Остап Бендер, описанный в 1930 году великими русскими писателями Иехиелом-Лейбом Арьевичем Файнзильбергом и Евгением Петровичем Катаевым[403]. В романе «Золотой телёнок», в главе 28 «Потный вал вдохновения» именно сын турецкоподданного вручил неважному журналисту Ухудшанскому «Торжественный комплект. Незаменимое пособие для сочинения юбилейных статей, табельных фельетонов, а также парадных стихотворений, од и тропарей», где в подглавке «Азиатский орнамент» привёл первые из описываемых нами слов:

Урюк (абрикосы)
Арык (канал)
Ишак (осёл)
...
Шайтан (чёрт)
Арба (телега)
Шайтан-арба (Средне-Азиатская ж.д.)
и т.п

[403] Подлинные ФИО писателей Ильи Ильфа и Евгения Петрова – прим. лит. редактора

И в том же романе писатели посмеялись над такими же плохими журналистами, которые все как один приводили в своих статьях легенду о киргизском озере Иссык-Куль. Исследователи разных творчеств потом долго выясняли, почему в Киргизии искусственные слова́ типа *шайтан-арба* не прижились, а вот в соседней Саксаулии, напротив, подобные словарики пополнялись с космической скоростью. Наш герой Кулемзин хорошо помнил,

как ещё в годы учёбы в СаксГУ он наряду с однокурсниками смело оперировал словечками шайтан-апá[404] (тёща), Колотун-атá[405] (Дед Мороз) и Саксаул-балá[406] (Буратино).

[404] ***Апа (мама) – сакс.***
[405] ***Ата (дедушка) – сакс.***
[406] ***Бала (ребёнок) – сакс.***

Потом среди гражданского населения такие выражения постепенно стали забываться, но неожиданно возродились в армейской среде. Тот же Альбионыч долго не мог понять, почему это произошло, но потом наконец расчухал, что во времена СССР (б) офицеры – уроженцы среднеазиатских республик – служили не там, где родились, а обязательно где-то по соседству – саксаульцы в Туркмении, туркмен отправляли в Узбекистан, а узбеков – всё в ту же Киргизию. А так как языки этих республик имели одни общие тюрские корни, то из них постепенно и составился тот русско-тюрский словарь, который автор в обозначении этой главы по праву назвал *армейским*.

Не деревенско-городские,
не воровские-плутовские,
не болевые-броневые,
а те, пришли что в оборот:
в казармах есть слова такие,
что не расчухал наш народ!

Писатель Кулемзин, который старался изучить все стороны подотчётных его творчеству народов, общаясь с военными, время от времени пополнял такой словарь, занося новые словá в специальный блокнот, который в конце концов назвал «Русско-тюркский армейский словарь», или, в оригинале, – «УРУС-УРЮК-ОРДА-БЕЛЬМЕС». И вот только малая часть из этого великого наследия.

Аксакал-бабай – дед
Шайтан-бабай – дед-беспредельщик
Балабол-оглы – замполит
Ботан-батыр – отличник боевой и политической подготовки
Тулуп-бек – начальник вещевой службы
Хапуг-бай – прапорщик
ЕГЭ-малай – призывник
Истукан-батыр – часовой в почётном карауле
Кабай-бабай – Верховный Главнокомандующий
Лампас-запас – генерал в отставке
Орда-баши – командир дивизии
Пейджер-джан – начальник службы связи
Пурген-хан – начальник медицинской службы
Фосген-ага – начальник химической службы
Харч-визирь – начальник продовольственной службы
Черпак-малай – дух[407]

[407] ***Призывник после присяги, данное неуставное звание носится ровно 100 дней – прим. воен. редактора***

Шатёр-вахтёр – дежурный по штабу
Дервиш-ханур – спившийся офицер

Культур-ханур – в меру пьющий офицер
Кумыс-ханур – непьющий офицер[408]

[408] *Популярный персонаж научно-фантастических романов – прим. автора*

Колдырь-басмач – напившийся солдат
Байконур-заслон – войска воздушно-космической обороны
Айда-орда – пехота

Не пришлось бывать мне в доте[409]
(это, братцы, хорошо):
я, служа в родной пехоте,
службу всю пешком прошёл!

[409] *Долговременная огневая точка – прим. воен. редактора*

Арба-айда-орда – мотопехота
Ероплан-летун – авиация
Ероплан-прыгун – воздушно-десантные войска
Ишак-ятаган – кавалерия
Пиндос-кирдык – ракетные войска стратегического назначения
Чугун-табун – бронетанковые войска
Кордон-орда – погранвойска
Этикет-малахит-ватаг – группа вежливых людей в зелёном
Шайтан-арба-орда – железнодорожные войска

Без тревоги и мороки,
в устремленье боевом
по железной по дороге
мы на фронт солдат везём!

Глава 208. РУССКО-ТЮРКСКИЙ АРМЕЙСКИЙ СЛОВАРЬ (окончание)

Арба-сарай – крытый бокс в техпарке
Каракуль-куркуль – шубохранилище
Каравай-секир – хлеборезка
Коллаж-понтаж – дембельский альбом
Кызыл-юрта – красная комната
Маршируум-бахча – плац
Микстур-сарай – лазарет
Ништяк-чулан – каптёрка
Орда-кишлак – гарнизон
Улан-сарай – казарма
Учкудук-арык – водопровод
Учкудук-лохань – умывальник
Фекаль-зиндан – сортир
Шайтан-сарай – гауптвахта
Автоген-арба – огнемёт
Арматур-арба – боевая машина пехоты
Бабах-кирдык – реактивная система залпового огня «Смерч»
Блютуз-мутуз – средства радиоэлектронной борьбы
Демагог-башлык – танковый шлемофон

Ишак-арба – тачанка
Патрон-колчан – обойма

Проведу как аксиому
действие со словом *м-м-мать!* –
вставлю я в «ТТ» обойму
и пойду врагов стрелять!

Саксаул-кирдык – гиперзвуковая межконтинентальная баллистическая ракета «Тополь-М»
Соляр-арба – топливозаправщик
FM-шампур – антенна
Чугун-арба – танк
Шайтан-анфас – противогаз
Шайтан-труба – гранатомет
Бардак-шухер – беспорядочное отступление
Бельмес-замес – подготовка наступления
Бабай-малай-кирдык – неуставные отношения
Грибок-кирдык – ядерный взрыв
Гурьба-пальба – перекрёстный огонь
Караван-орда – маршевая колонна
Махач-бахча – поле битвы
Отбой-базар – вечерняя поверка

По окопам днём шныряя
и сбивая этим спесь,
по ночам мы проверяем,
сколько нас осталось здесь!

Пиф-паф-бахча – стрельбище
Пиф-паф-бельмес – учебные стрельбы
Пиф-паф-зиндан – окоп
Пиф-паф-сарай – оружейный склад
Кумар-банзай – газовая атака
Трепло-арык – канал радиосвязи
Каланча-арык – радиорелейная связь
Тудым-сюдым-арык – фельдъегерско-почтовая связь
Тук-тук-арык – телеграфная связь
Шнурок-арык – телефонная связь
Чайхана-орда – гарнизонная столовая
Бигмак-урус – хлеб с маслом
Бурда-балык – уха
Жестян-баран – тушёнка
Жестян-кумыс – сгущёнка
Картофан-урюк – чипсы
Матрос-лапша – макароны по-флотски
Урюк-чифир – компот из сухофруктов
Бурка-юрта – плащ-палатка
Гламур-фасон – парадная форма одежды
Кокард-убор – фуражка
Колотун-фасон – шинель

Ох ты ж, етическая сила! –
знать, вышел мне большой гипноз:
жена «Шанель» купить просила,
а я же ей шинель принёс!

Колотун-башлык – шапка-ушанка
Халат-рулон – скатка
Чугун-кафтан – бронежилет
Чугун-тюрбан – каска
Шайтан-башмак – кирзовый сапог
Янычар-ярлык – военный билет
Закос-ярлык – белый билет
Кирдык-ярлык – похоронка
Батрак-дехкан-кызыл-орда – Рабоче-крестьянская Красная армия
Гигиен-алейкум – Здравия желаю!
Гудбай-урус-ханум – марш «Прощание славянки»
Кумач-эстрад-баллад-ламбад – Краснознамённый ансамбль песни и пляски имени Моисеева
Моряк-гопак – танец «Яблочко»

Воображенья не хватает
всем тем, кто нынче служит тут:
матросы «Яблочко» катают,
солдаты «Грушу» волокут!

Глава 209. О ЗАГАДОЧНОМ СЛОВЕ И ГЛИНЯНОЙ ТАБЛИЧКЕ

Но завершение такой напряжённой партии, конечно же, требовало некоторого расслабления, а чем можно было расслабиться лучше, как не бутылочкой-другой прохладного пивка. Видимо, об этом одновременно подумали все, так как Володя заметил, что глаза у покеристов и их болельщиков стали одинаково-пустыми, но с тревожным выражением – типа, расколется этот буржуй Кулемзин ещё по пивку или нет? Правда, через мгновение выражение одного из озабоченных стало более выразительным, а «мозг» его даже дал команду правой руке, которая сама собой сложилась ковшиком и протянулась к спонсору коллектива.

– Серёжа, тебе чего? – заметив руку, спросил литератор. – Милостыньку дать или, яйчики-бабайчики, прямо сейчас ноги покрасить?

– Да нет, дружище, – подражая неизвестно какому киногерою, сурово заявил сторож. – Давай-ка я за пивом схожу…

– Иди, – недоумённо пожал плечами Альбионыч. – А я здесь при чём?

– Так я же не просто хочу сходить, мать честнáя, – объяснил бестолковому марсианину семижопинец. – Я же параллельно хочу финансами поманипулировать!

Мысль простую не забудьте
в сочетании планет:
есть финансы – пиво будет,
нет финансов – жизни нет!

– А это как, едрит Мадрид? – заинтересовался Митрохин.

– Эх, Васюхан, если бы ты, как я, в своё время занялся изучением иностранных языков, – снисходительно объяснил охранник, – ты бы понял, что в русском слове *поманипулиро-*

вать спрятано одно важное английское слово, которое немедленно поможет нам вкусить блаженство!

Знатный саксаульский живописец без академического уклона Муравлёв-Рембрандтов тут же отобрал у покерного гуру *раскладку*, перевернул её чистой стороной и художественно изобразил

поманипулировать

, после чего все, кроме писателя и Афанасьича, сгрудились в кучку и принялись тыкать пальцами в написанное слово. Через пару минут ими были озвучены несколько версий: в данном длинном слове они обнаружили пул, ИП, Лир, ров и просто мягкий знак, который предложил лично Курманбаев, но не объяснил, почему он считает эту букву за целое слово, к тому же важное. А Васюхан даже вспомнил французское слово *пом*, что означало *яблоко*, но не смог объяснить, откуда его знает, так как в школе учил немецкий, правда, на учебнике было написано что-то вроде «Деутсцх» [410]

[410] От нем. Deutsch – немецкий язык

Говорят у нас в Донецке
про еду – с большой душой:
«По-немецки – хек-по-грецки,
а по-русски – суп с лапшой!»

ИП по просьбе экс-текстильщика расшифровал Володя – как название своей бывшей должности в саксаульском бизнесе новых времён, то есть Индивидуальный Предприниматель [411]. Неожиданное знание сло́ва *Лир* проявил полиглот Полтавцев, который заявил, что это фамилия некоего короля, а на насмешливое замечание Мусаича, что это он угадал случайно, страшно расстроился и возмутился:

– Да что же я, царица лесная, вашего короля Лир не знаю, что ли? Это же именно король Лир пошел войной на царя Арф!

После того, как старший трубач, педагог, художник и антенщик сдались, Серёжа снисходительно объяснил им, что спрятанное слово – это *мани* [412], перевод которого сегодня знали даже малые дворовые дети.

[411] Об этом факте в главе 6 первого тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора
[412] От англ. money – деньги

Альбионыч, как и остальные сидельцы на покерной скамеечке, был впечатлён лингвистическими познаниями семижопинца и немедленно выдал ему необходимую для счастья сумму. Афанасьич степенно принял подаяние и не спеша отправился на промысел, по дороге напевая, как делал в своё время бравый солдат Швейк, песенку об одном напитке, сочинённую несколько лет назад Кулемзиным, и тогда же записанную в знаменитую книжечку «Для му.мы.», впоследствии выученную (песенку, а не книжечку) наизусть:

– Я не могу тебя забыть,
ты снишься мне ночами –
твой нежный запах, цвет и вкус
встают перед глазами.
Когда тебя со мною нет,
на сердце так тоскливо…
Жить не могу я без тебя,
моё родное пиво!

Дошёл ходок до лабаза быстро, но также быстро понял, что его металлическая дверь закрыта изнутри – как крепостные ворота. Но не таков был охранник, чтобы пасовать перед трудностями доставания напитков: он тут же обошёл спаренные контейнеры и нашёл вторую дверцу с табличкой «ППП», которая, как наверняка помнит мой внимательный читатель, расшифровывалась как «Приёмный Пункт Порожней Посуды». Ходок медленно прочёл всё четыре буквы, удивился тому, как они похожи друг на друга и задумчиво произнёс:

– А где же здесь пункт приёма стеклотары им. товарища Менделеева? Вот и изобретай после этого водку!

Опасною будет затея любая,
когда поручили её раздолбаю!

После этого Серёжа приступил к осуществлению второго пункта своего плана – принялся долбить в дверцу пролетарским кулаком, пока она не открылась и не показала возмущённое лицо магазинщицы Калимы, которая русскими словами, коими не пользуются писатели, объяснила ему, что старое пиво закончилось, а новое прибудет с минуты на минуту, поэтому третий пункт программы сторожа оказался очень лёгким – он вновь обошёл лавку и замахал руками то ли как сторож Федотыч, сгоняющий детвору с колхозных яблонь, то ли как некий морской сигнальщик, подающий флажком букву «В», что означало «Курс ведёт к опасности»

Расскажу сейчас стишками,
как понять без рации:
помашу я вам флажками –
как на демонстрации!

Глава 210. О ЗАГАДОЧНОМ СЛОВЕ И ГЛИНЯНОЙ ТАБЛИЧКЕ (окончание)

Наконец сигнальщик с семижопинским уклоном прибыл обратно в расположение команды, которая ждала от него вестей, степенно присел на покерную скамеечку и наконец открыл рот.

– У меня две новости, друзья, – потускнев взором, объявил он, после чего расшифровал:

– Одна хорошая, мать честнáя, и одна плохая.

– Начинай с плохой, – скомандовал старший покерист.

– Пиво кончилось!

– Ну, наконец-то, – обрадовался писатель. – Наконец-то от тебя прозвучала первая пара трезвых слов!

– А в чём же тогда, святой Малевич, хорошая новость? – поинтересовался Николаич. – Что ты заныкал для нас пару бутылочек в своей котомке?

– А хорошая в том, что через несколько минут прибудет спецмашина и начнёт разгрузку нового пивка!

– Тогда кончай перекур и иди-ка лично последи за процессом, – дал распоряжение командир ПОЛКа [413], – а то, яйчики-бабайчики, мало ли чего. А заодно и купишь всё, что полагается нам для счастья в этот тёплый воскресный день.

[413] Напоминаем читателям, что это слово расшифровывается как Партия Откровенных Любителей Карт – прим. гл. редактора

Не страшна друзьям запарка –
каждый на неё плюёт:
хоть нам холодно, хоть жарко,
пьём мы пиво круглый год!

И вот тут произошла катастрофа: у Афанасьича, обрадованного столь ответственным поручением, что-то щёлкнуло в тыкве, после чего он начал думать, но печаль оказалась в том, что думать начал вслух, приборматывая крайне паскудные слова́:

– Разгружать они будут минут 15, а я куплю прямо у грузчиков парочку «Жигулёвского» да употреблю – за здоровье моей незабвенной подруги Зули!

Все замерли, поражённые коварством Полтавцева, и только Мусаич, вспомнив о руководящей роли КПСС (б), произнёс с отеческой теплотой:

– Серёжа, ты лучше отнесись к володиному поручению со всей серьёзностью!

Причём, сделал это он с такой интонацией, с какой в былые времена произносились слова́ из Отчётного доклада ЦК КПСС (б) очередному съезду партии, – например, о том, что растёт империалистическая агрессия против стран мирного социалистического лагеря, то есть с едва сдерживаемой внутренней тревогой и полным осознанием масштаба и важности проблемы.

Не хотим мы быть богаче,
не хотим в кино ходить:
нет у нас важней задачи,
чем буржуя победить!

– Нурта-а-ай! – простонал военный музыкант, после чего исчез в бермудских кустах.

Кулемзин проследил за внеплановым полётом старшего трубача, строго поглядел на педагога, но обратился к Афанасьичу:

– Серёжа, слушай приказ: для доставки ценного продукта – котомку опростать!

– Есть! – вспомнив воинскую службу, отозвался экс-текстильщик и тут же опростал, как и попросил Альбионыч, свой хурджин на столик.

– Какие милые сувениры! – ошеломлённо произнёс писатель, который отлично помнил, что лежало в котомке совсем недавно.

А автор подтверждает: да, несколько глав назад в этом пролетарском граале находились другие вещи. Сейчас же на столик были вывалены:

♦ тоненький цветной буклет «Навозоразбрасыватель для вашей дачи»;
♦ хитро испечённый калач, вся хитрость которого заключалась в том, что одна его половина была посыпана маком, а другая кунжутом;
♦ советская сберкнижка на предъявителя с обгорелым краем;
♦ маленькая (для паспорта) фотокарточка какой-то страшной азиатки и
♦ листок из газеты «Караван» вот с такой фотографией:

То с восторгом, то с слезами –
у экстаза на крючке,
каждый раз мы видим сами,
что в волшебном рюкзачке!

Демиург Кулемзин внимательно изучил высыпанное, после чего распределил сувениры по справедливости: буклет про навозоразбрасыватель вручил Батыршину, калач разломал пополам и дал по половинке Муравлёву и Митрохину, сберкнижку получил Курманбаев, который немедленно раскрыл её и тут же застонал, ибо в последней записи значился 1 руб. 29 коп., владельцу котомки Полтавцеву в подарок досталось подозрительное фото, которое было тут же расцеловано, из чего все заключили, что на нём ~~обезображена~~ изображена та самая таинственная серёжина подруга Зуля, себе же Кулемзин оставил газетную страничку.

– Знаете ли вы, други мои и Нуртай, что именно в этой статье, – потряс он газетным листком, – говорится о некоей глиняной табличке, которой на днях исполнилось ровно 5.000 лет?

Впору пить тетрациклины
из просроченной квашни:
на табличке, что из глины,
мы письмо к себе нашли!

– Нет, не знаем, – дружно призналась покерная хевра, а большевик Мусаич даже приподнялся со скамеечки, чтобы уточнить:

– Наверное, опять что-нибудь о картах?

– На этот раз лучше, – счастливо улыбаясь, ответил Володя. – Именно на этой табличке учёные нашли подробное описание ингредиентов пива, которая, кстати, была продана на аукционе за 175.000 фунтов стерлингов…

– … или, царица лесная, за 42 миллиона 875 тысяч назарбаксов.

После этого сторож как бы прислушался к эху страшных чисел и добавил:

– Хорошо, что таких денег вообще нет в природе, иначе бы я сейчас мог заболеть шизофреническим хотением этих самых фунтов июзма.

А великий просветитель Бермудского Учпучмака потыкал пальцем в фотографию на страничке и продолжил:

– Считается, что эта табличка является самой ранней известной записью любого личного имени в истории… вот смотрите… на неё указывают символы, переводящиеся как «KU» и «SIM» в верхнем левом углу.

– И что это означает, ёкарный объяснитель? – поинтересовался Салихдзяныч.

– Эксперты интерпретируют это как написание имени Кушим, возможно, имени государственного писца, сделавшего запись для неких административных целей. А вот другие надписи на ней гораздо интереснее – они изображают производство пива в ближневосточном храме в 3100 году до нашей эры и подробно описывают производство пива.

Разбивай скорей копилку
и гаси менталитет:
пива мы нашли бутылку –
давностью 5.000 лет!

И если вы присмо́тритесь внимательнее, то можете увидеть весь процесс превращения ячменя или кукурузы в пиво, а также транспортировки его в варочный цех. Конечно, мне может возразить Мусаич, что всё это проиллюстрировано примитивными изображениями зёрен и сосудов, но я настаиваю, что эти символы показывают весь производственный процесс создания пива – от початка кукурузы или колоса ячменя до кирпичного здания с дымоходом, который может быть той са́мой пивоварней, и ячменём или кукурузой в ёмкости, обозначающими пиво.

– А точки? – хором поинтересовались Валера и Васюхан.

– А точки и другие отпечатки на глине, скорее всего, обозначают числа и, вероятно, отражают количество производимого пива! – объяснил Кулемзин, на чём лекция, собственно, и закончилась.

Глава 211. РИСК И АЗАРТ

И так все присутствующие прониклись володиной лекцией о древнем пиве, что нынешнее стало казаться им ещё вкуснее. И стоило только покерному гуру заикнуться о том, чтобы сыграть последнюю партию уходящего лета, как все дружно стали искать причины этого не делать.

Талгат посетовал на то, что после такой партии будет нечего делать и ему *вынужденно* придётся идти домой – словно такой поход был сравним по меньшей мере с каторгой; Валера и Васюхан, не говоря ни сло́ва, просто дружно махали руками, как пьяные мельницы, вышедшие на сражение против некоего саксаульского Дон Кихота; у Серёжи после володиного предложения переклинило в тыкве и он стал раскачиваться на скамеечке, приговаривая: «Да что же это?», «Да что же это?», иногда, правда, сбиваясь на «Нет, нет, не могу поспособствовать!»; а Нуртай даже выразил желание сбегать домой за 36-м томом из Полного собрания сочинения Ильича I, а потом открыть его перед всеми на странице 407, где есть такие волнующие строки: «На эту задачу сто́ит отдать все силы и принять решительный и **последний бой**. И в этом бою мы победим. (Аплодисменты)» [414]

[414] В. И. Ленин, ПСС, т. 36, «Выступление на Объединённом заседании ВЦИК и Московского Совета 4 июня 1918 года» – прим. полит. редактора

До сих пор в бою кипучий,
до сих пор адам[415]-гора,
Ленин нас сегодня учит,
как нам действовать вчера!

[415] Человек – сакс.

А старший покерист Кулемзин за время этих эволюций, чтобы немного отвлечься то ли от лени своих товарищей по партии, то ли от затяжного алкогольного кризиса их же,

стал думать о том, как же было бы здорово, если бы все игроки прониклись сразу двумя жизненными категориями, которые или следуют одна за другой, или взаимопроникают. Догадываешься, мой читатель, о чём идёт речь? Ах, догадываешься! Конечно, нетрудно догадаться, если эти категории заранее вынесены в название главы!

Да, речь идёт о риске и азарте – сильных наркотиках для постоянно играющего человека. Предельное физическое и психическое напряжение, рисковые ситуации, азарт, нахождение, как кажется игроку, который давно потерял чувство релаьности, на грани жизни и смерти естественным путем вызывают… те же химические изменения в деятельности нервных клеток, которые возникают под действием кокаина и амфетаминов!

И этот факт подтверждён многочисленными исследованиями, а раз так, то можно сказать, что человеческая потребность в *новизне ощущений* является гораздо более важным, чем просто банальные воспоминания о детстве. Потребность в новых переживаниях, отличных от ощущений серой реальности, является частью той глубинной потребности, которую психологи и философы называют метафизической.

В эмпиреях не витая,
я искал потенциал:
с метой физику читая,
ничего не понимал!

Человеку, у которого простой внутренний мир сочетается с лёгким внешним миром, вероятно, свойственно *намеренное создание* экстремальных ситуаций – с целью получить удовольствие от сильных ощущений.

Сегодня многое определяет не только социальная среда и человеческое отношение к жизни, но и сам образ жизни. В современном обществе азарт проявляется слишком бурно, у него нет сдерживающих границ, поэтому пик игромании наблюдается именно сегодня. Например, во времена *застоя* правила определяла идея коммунистической партии, что являлось сдерживающим фактором стремления к азартным играм: в карты играли, но подпольно, а казино в стране, как элемент буржуазной идеологии, не существовало вообще, зато в каждом более-менее крупном советском городе вовсю работали подпольные катраны. Но когда запрет на игру был снят, человек духовно раскрепостился!

Берёшь колоду – нет инерций,
и начинаешь мастерски:
азарт сжимает туго сердце
и бешено стучит в виски!

И вот уже заканчивается наша великая книга, а мы, то есть автор и его читатели, так и не ответили на один важный вопрос: а что же такое игра вообще? Чтобы не мучиться определениями, откроем два словаря по очереди. В первом, принадлежащем перу великого Владимира Иваныча Даля, читаем: «Играть – шутить, тѣшиться, веселиться, забавляться, проводить время потѣхой, заниматься чѣм для забавы, отъ скуки, безделья»

А вот некий *частный* случай игры у русского датчанина отмечен так: «И́гры азартныя или роковыя (въ карты) – денежныя и притомъ зависящія не отъ искуства[416], а *отъ одного счастья*». Понимаете, от одного счастья! Вот он, великий и весёлый Случай, сын само́й богини Фортуны!

[416] Именно так, с одной второй с писалось это слово в середине XIX века – прим. филолог. ре-дактора

(А теперь неожиданность для тебя, дорогой читатель! Только что промелькнувшая ссылка 416 стала 2.500-й в нашей книге. Бросай читать, беги к холодильнику, откупоривай бутылочку и… дальше всё знаешь сам!)

А вот второе определение – по сравнению с первым, наверное, скучноватое, но тем не менее тоже многое объясняющее: «Игра – тип осмысленной *непродуктивной* деятельности, где мотив лежит не в результате, а в само́м процессе». Кстати, как раз об этом и толковал покерный гуру Кулемзин своим неофитам, когда говорил, что игра как таковая гораздо важнее её правил!

В смерче пламенных пожарищ
твёрдым будь, как 10 свай:
к чёрту правила, товарищ, –
мне без правил наливай!

А теперь попробуем понять, что такое азарт – основа всякого риска? Если совсем просто, то это социальный обмен эмоциями в процессе игры, то, что современные исследователи характеризуют как явление из области психологии, связанное со стремлением людей рассказать о своих эмоциональных переживаниях и поделиться ими с другими. Иными словами, это процесс *повторного* переживания эмоций в рамках межличностного взаимодействия. Да-да, именно повторного и именно в названных рамках, поверьте старому кинику и схоласту.

Этот термин был введён в науку совсем недавно, а именно 13 лет назад [417], французским психологом Бернардом Римé, когда он проводил научные исследования, посвящённые изучению эмоционального состояния людей после чрезвычайных происшествий или сильных эмоциональных потрясений. И вот тогда уже первая серия экспериментов показала, что 88-96% респондентов *хотят делиться* своими эмоциональными переживаниями после того, как событие произошло.

[417] Напомню читателю, что действие романа происходит в 2003 году – прим. гл. редактора

Игра – это, пожалуй, самое интересное в мире занятие. Принято считать, что понятие игры относится к детскому периоду жизни человека, но это, конечно, не так, – достаточно вспомнить распространённые выражения *взрослого* языка: например, «играть на бирже», «поднимать тяжести играючи», «игривый характер», «играть чувствами» и т. д.

Кроме того, существует множество игр не для детей – к ним можно отнести различные викторины и интеллектуальные игры, которые сегодня в изобилии присутствуют на телеэкранах. Некоторые люди объединяются в команды, чтобы принять участие в ролевых играх, повторяющих какое-либо историческое событие. И, конечно, не сто́ит забывать о разнообразных спортивных играх и состязаниях.

И, к чувствам разумом взывая,
азартом жизнь свою губя,
играя, преодолеваю
я зачастую сам себя!

Да, игральные карты – это не просто набор картинок для игры. Глубокое изучение истории карт даёт представление о культуре и развитии той или иной страны в определён-

ное время, поскольку карты хотя и весьма своеобразно, но отражают бытовую, стилистическую и досуговую культуру своего времени.

Поэтому смело назову карточную колоду уникальным творением человеческой мысли. Её структура, будучи очень простой по форме, отличается *абсолютной логичностью* и достаточной многогранностью, что позволяет использовать карты для гаданий, пасьянсов и, конечно, для игры. При этом вариантов карточных игр бесконечное множество – от примитивной игры в *пьяницу* до самой интеллектуальной – *русской кочерги*.

Все люди разные, поэтому между ними всегда есть различия в глубине и устойчивости чувств: одних они захватывают целиком, оставляя глубокий след после себя, у других чувства носят поверхностный характер, протекая легко и проходят совершенно бесследно. Заметно различаются у людей и проявление аффектов и страстей. В этом плане можно выделить людей неуравновешенных, легко теряющих контроль над собой и своим поведением, склонных легко поддаваться аффектам и страстям, необузданному гневу, панике или азарту. Другие же люди, наоборот, всегда уравновешены, вполне владеют собой и сознательно контролируют своё поведение. (Узнаёшь читатель, персонажей нашего блистательного романа?!)

Ну, как сознаньем не двоиться,
ну, как не чувствовать тавро:
листаю белые страницы,
а вижу чёрные поро…

И всё-таки желание победы, выигрыша, успеха в крови у каждого человека, а в большом или в малом – суть не меняется, ведь достижение любой поставленной перед собой цели – уже победа, а желание достичь её всегда связано с азартом, этим самым сильным чувством, свойственным человеку так же, как любовь или ненависть…

Глава 212. МАНЯЩИЙ ХАОС ЖИЗНИ, или УВЫ, ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА

Извини, мой дорогой читатель, за это обилие на *последних* страницах слов именно с этим определением: последний летний месяц, последний день, и, наконец, последняя игра. А ведь впереди тебе ещё предстоит прочесть о последней гулянке наших героев, об их последней ночи да плюс к этому о последних литературных потугах главного героя Кулемзина и даже его последней в этой безразмерной книге колыбельной для своих читателей. А что делать, как говорили простые русские люди в разные века́, и кто виноват, как выражались всегда бездельники-интеллигенты?

По жизни считая ступеньки,
мы мысли, как сопли, жуём:
что делать, коль кончились деньги?
И кто виноват, что мы пьём?!

А сам Володя, будучи одновременно и простым русским человеком, и бездельником-интеллигентом, в преддверии последней игры летнего сезона сейчас думал о том, что на протяжение этих семи томов с чем только не сравнивал поистине несравненную *русскую кочергу*. И вот сейчас на его изощрённый ум философа-надомника пришло ещё одно сравнение – скорее, философское, чем спортивное – с неким восточным единоборством под японским названием дзюдо, что переводится как *мягкий путь*.

Обладая значительной философской составляющей, дзюдо, как утверждают люди, им занимающиеся, базируется на трёх главных принципах – это взаимная помощь и понимание для достижения большего прогресса, наилучшее использование тела и духа, и, нако-

нец, на главной мысли: поддаться, чтобы победить. Человеку, неподготовленному к таким сложным мыслям, трудно разобраться в структуре само́й борьбы, поэтому автор позволит себе посвятить несколько строк человеку, который и придумал это скорее учение, чем единоборство – японскому мастеру Дзигоро Кано, родившемуся ещё в позапрошлом веке, а скончавшемуся в конце 30-х века прошлого.

«Основной принцип дзюдо я открыл в тот момент», говорил мастер, «когда смотрел на заснеженные деревья. Снег гнёт ветки, и, чтобы не сломаться под тяжестью, им нужно склониться до са́мой земли. Тогда снег соскользнёт, и ветки распрямятся. Отсюда вывод: силу противника нужно использовать против него же. А если противников слишком много? Слишком много – как раз не страшно: они обязательно будут мешать друг другу. Надо лишь сделать правильный отсчёт своих движений, ведь побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кто *правильно сконцентрирует* свои силы в нужном направлении!»

От альфы шёл я до омеги,
пока не перешёл на бег:
в дзюдо боролся я со снегом,
а навалял мне человек!

Но всё это лирика, а пока автор изощрялся в своём ненужном многословии, игра уже началась! И началась она, как всегда, не с первой сдачи, а с того, что Полтавцев, которому к тому времени уже было присвоено звание «Покерист-подводник III класса», сдал игрокам по одной карте *в открытую* – с целью выведать у Суки-судьбы, кому она даст первую заявку и соответственно первый ход в партии.

К удивлению сторожа, именно ему и пришла единственная *картинка* среди простых числовых карт – трефовый валет, похожий на молодого артиста Боярского, и *записывающий* Кулемзин проставил точки, означающие очерёдность, в столбике, над которым значилась пометка П. Афанасьич схватил колоду и, не тасуя, тут же сдал всем игрокам по одной карте.

– Нет, старичок, так дело не пойдёт, – отобрал у него колоду писатель, после чего смешал с ней только что розданные карты.

– Почему? – завопил оскорблённый в лучших чувствах криворукий сдавальщик.

– Да потому, яйчики-бабайчики, что это – не по правилам! – объяснил марсианин. – Учишь вас, учишь – и всё мимо!

Ты не бойся мысли темноты,
помни, что часы – быстротекущи:
делай всё по правилам – и ты
сразу же добьёшься преимуще…

– Да я не криворукий, как вы сейчас подумали, – объяснил охранник, – просто у меня, мать честна́я, в результате многолетней работы на ОХБК[418] в организме выявилась контрактура Дюпюитрена!

[418] Напомним читателям, что эта аббревиатура переводится как Отцеябловский Хлопчато-Бумажный Комбинат – прим. гл. редактора

– А это за ёкарная хрень? – заинтересовался Салихдзяныч, который уже давно заметил, что у него тоже возникает синдром криворукости, но исключительно тогда, когда он позволяет себе употреблять больше двух с половиной литров сами знаете чего.

– Давайте объясню я, – поднял вверх неизуродованный в жизненной борьбе палец литератор. – Синдром Гийома Филипповича Дюпюитрена – это такая сгибательная (прос-

ти, русский язык!) контрактура пальцев рук, которая возникает в результате фиброзного перерождения ладонного апоневроза.

– А-а-а, ну так бы сразу и сказал, едрит Мадрид! – разочарованно протянул Васюхан. – А то мы с Валерой уже всякое передумали…

– Ага, – подтвердил его слова́ саксаульский васнецов. – Мы уже хотели скидываться на преждевременное погребение…

– Отставить погребение! – дал команду покерной хевре Альбионыч, потом взял карточную колоду и произвёл тщательное шафле́ [419].

[419] Тасование – фр.

Вот так, мой дорогой читатель, только к концу последнего тома нашей великой книги ты узнал ещё один французский термин *русской кочерги*!

Сноровку показав народу,
но чтобы лишку мне не пить,
тасую быстро я колоду,
чтобы на ней мясца срубить!

А партийному педагогу Курманбаеву, который всегда завидовал ловкости рук покерного гуру, даже показалось, что Володя сейчас словно не колоду тасовал, а полоскал тельняшку в горном озере! А. может быть, всё это помни́лось саксаульскому большевику из-за чрезмерно обильного возлияния халявного пивка в его тухлый организм.

– Итак, let's go! [420] – прозвучала ещё одна команда из уст старшего покериста Бермудского Учпучмака, который вновь передал уже тщательно стасованную колоду уроженцу деревни Семижопино, в которой все жители играли исключительно *в дурака*.

[420] Начали! – англ.

И здесь же отметим, что в начале игры писатель был всегда торжественен, как японский офицер в присутствии императора на закрытии Олимпийских игр в Саппоро.

И только было Полтавцев приступил к первой сдаче, как Володя дал отмашку художнику Муравлёву – и… ничего не произошло.

– Валера! – строго обратился Альбионыч к живописцу. – Ты что́, забыл, о чём мы договаривались?

– А-а-а, – тремя одинаковыми буквами наконец проявил догадку Николаич, – сейчас, святой Малевич!

После этого он снял рубашку и свернул с условного торса опять-таки последний плакат собственного изготовления, на коем был начертан последний лозунг уходящего в небытие дня:

Начиная последнюю в этом сезоне
игру в *русскую кочергу*, не забудьте
дослать патрон в патронник!
Вл. Кулемзин

И тут сторож Афанасьич открыл рот и, тонко улыбнувшись, наконец-то изрёк одну из редких умных фраз на прошедшей неделе:

– А патрон – это, как я понимаю, аллегория?

– Правильно понимаешь, яйчики-бабайчики, – ответил марсианин.

– А патронник? – вновь ступил на скользкий путь глупости семижопинец.

– Сдавай! – на этот раз не отвечая по существу, дал последнюю команду покерный гуру, после чего игра наконец началась.

Мне не надо клоунады,
я и так не то творю,
аллегории не надо –
дайте встретить мне зарю!

Глава 212. МАНЯЩИЙ ХАОС ЖИЗНИ, или УВЫ, ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА

И в том, что игра началась так же, как до этого начинались все описанные автором 34 партии, нет ничего удивительного, если вспомнить ещё один термин – на этот раз английский: replayability[421], что смело можно перевести как совершенно новое для русского языка слово *реиграбельность*. А означает оно некую качественную характеристику игры, которая определяет степень того, насколько же игроки *хотят сыграть* в неё (игру, а не степень) ещё раз, даже если они уже уделили ей большое количество времени и достигли некоторого уровня мастерства.

[421] Читается рипле́йэби́лити

А чтобы было совсем понятно об этом уровне хотения, то вот вам ещё одно пояснение: это происходит точно так же, как человек с удовольствием просматривает хорошие фильмы много раз (вспомните ежегодную «Иронию Суки-судьбы» Эльдара Рязанова), а в оперу идёт, уже зная либретто (ну, это пожалуй, фантастика! – Вл. Г.), а в магазин к Калиме, точно зная, что именно там, а не в каком-то другом месте он обретёт не только доступное, но и *быстрое* счастье!

Если хочешь лимонада,
чтобы вспомнить о былом.
далеко идти не надо –
магазин наш за углом!

Так как первую сдачу в одну карту на *тёмной* сдал Серёнька, первый ход сделал сидящий за ним старший трубач. При открытом бубновом козыре это была скромная червовая дама, которая в карточных гаданиях позиционируется как женщина эмоционального склада с любящим сердцем. Но об этом сейчас думать не приходилось, ибо следующим пошёл Володя, побив красотку козырной тройкой, но поморщившись при этом, так как знал, что сторож ещё долго не простит ему такого афронта, правда, выручил писателя педагог, у которого оказался тоже козырь, но больший, а именно валет, так что вся вина теперь лежала именно на нём. А вина эта была перед глупым охранником, который, зная, что первый ход почти всегда сулил победу в этом суперкоротком роббере, заказал одну взятку. Но ход был не его!

В общем, уже через несколько секунд шариковая ручка литератора бегло обрисовала первые результаты партии: Альбионыч и Салихдзяныч получили по своим законным 10 очкам, Мусаич – всего 2 переборных очка, а вот Афанасьич резко вошёл в игровой минус аж на 50 очков!

Не прочухавши колоду,
не подумав глубоко,
провалился в минус с ходу,
как в сортирное очко!

И вот в этот момент автор принял для себя нелёгкое решение: он вспомнил, как тщательно и подробно расписывал каждую предыдущую партию, но всё же реабилитировал себя тем, что именно об этом, судя по звучному названию, и писалась его великая книга жизни, и вот теперь, в последней партии сезона, он решил давать некие промежуточные итоги только *пунктирно*, а основное внимание акцентировать на самих игроках, их отношении друг к другу, разговорах, которые они ведут во время игры и т.п. К тому же он, как демиург произведения, чувствовал, что читатель (хотя и не хотелось в это верить!) немного устал от многочисленных терминов *русской кочерги*, а также описания хитроумных ходов и их последствий. Ну что ж, это было смелым решением, и посмотрим, сможет ли автор, уже сам немного подуставший от своей книги, сдержать обещанное.

А в это время игроки, осознав, что идёт последнее сражение дня (о, наивные!), шизофренически раздваивались своим сознанием: с одной стороны, каждому из них хотелось победы, которая, как им казалось, надолго запомнится именно потому, что партия была последней, а, с другой, не меньше хотелось завершить её как можно скорее, причём, с любым результатом, – потому что сразу же за этим наступало лучшее время дня – вечерний разлив, распив и сладкий-сладкий разлад организмов, причём, заметьте, добровольный.

Это вам не христианство,
это вам не ницшеанство,
это вам не гегельянство,
чтобы в логику влезать, –
знаем пагубность мы пьянства,
но не в силах завязать!

В начале партии писатель всегда мысленно разглядывал противников, как портной во время примерки скептически разглядывает нескладную фигуру клиента. Например, взяв в руки первый после *тёмной* роббер, он стал присматриваться к нему, принюхиваться, и даже *настраиваться*, как старый матёрый лев перед началом охоты, после чего всё-таки обронил:

– Одну.

– Да ты совсем совесть обнаглел! – на каком-то своём русском языке возмутился Полтавцев, к которому сейчас пришёл козырный король, и он тоже хотел рискнуть и заказать одну взятку, но вот теперь не знал, что и думать, а когда Серёжа не знал, что и думать, то всегда говорил *пас*, что и сделал немедленно.

Художник Муравлёв, который поклялся, что будет играть с завтрашнего дня, увидев эволюции сторожа, стал переглядываться с антенщиком Митрохиным, как бы спрашивая его, что происходит, и Васюхану не оставалось ничего, как объяснить ему на ушко:

– Карты, едрит Мадрид, не просто так ложатся, в картах смысл есть.

– А-а-а, – наконец-то понял Валера, после чего дополнил мысль старшего джуса – ему же, и тоже на ушко:

– А также циферки и картинки.

«Точно!», подтвердил им прямо в тыквы, чтобы не быть обвинённым в подсказке, Володя. – «Именно в картах Сука-судьба, как парижанка из-под вуали, иногда приоткрывает своё мурло!»

Коль живёшь ты безрассудно,
коль любитель вистовать [422],
то понять судьбину трудно,
знак её расшифровать…

[422] В првферансе: играть против партнёра – прим. автора

Ну, а теперь то, о чём предупреждал автор в середине прошлой страницы, то есть о *пунктирных* промежуточных итогах:

♠ Володя: **35** очков
♦ Талгат: **15** очков
♣ Нуртай: **7** очков
♥ Серёжа: – **45** очков

Глава 213. МАНЯЩИЙ ХАОС ЖИЗНИ, или УВЫ, ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА (продолжение)

Короткие робберы – от 2 до 6 карт – согласно традиции, промелькнули довольно быстро и большого разнообразия в общую *раскладку* не внесли, разве что на пяти картах неожиданно повезло партийному педагогу, которому пришли сразу четыре козыря и, немного подумав, он заказал три взятки, но для верности всё-таки воскликнул:

– Ну что ж, друзья мои, как когда-то говорили в Республике Никарагуа году примерно в 85-м, patria o muerta! [423]

[423] ***Свобода или смерть! – прим. ист. редактора***

Правда, разыграть этот роббер пришлось только через полторы минуты, когда к коллективу вновь присоединился военный музыкант, у которого до этого нашлось срочное дело в учпучмакских кустах. В результате этой краткосрочной командировки у него сбился прицел в тыкве, и Батыршин вместо того, чтобы забрать нуртаевского козырного короля младшим джокером и не дать ему взять заказанное, положил своего *гранда* со словами *за простую!*, отчего дал коммунисту заработать аж 60 очков, а сам в это время пролетел на 25.

Словно в недрах анекдота
вдруг случился беспредел:
кто-то взял своё, а кто-то
так бездарно пролетел!

В основном же ничего сверхестественного не происходило, всё шло довольно мирно, и сейчас игровая ситуация напоминала классический велосипедный *сюрпляс* – так на гонках называли печальное событие, когда гонщики вынужденно стояли на месте. И только Салихдзяныч, всё никак не оправившийся от позорной ошибки в роббере на 5 картах, выглядел как человек, вынужденный ознакомиться с ощущениями горемыки, наступившего на грабли.

– Да что же это такое? Да как же я мог так ошибиться? – причитал он, словно именно эта маленькая ошибка обязательно должна была стать роковóй, и именно от неё зависел исход всей партии.

Между тем, до конца было ещё далеко, и все, включая дворовых детей, которые в силу малолетства ещё не познали двух саксаульских слов «ойын карталары» [424], знали это так же хорошо, как таблицу умножения, которую, впрочем, совсем не знал Серёнька Афанасьич.

[424] ***Игральные карты – сакс.***

Мозг наукой залатаем,
постараясь всё понять:

дважды два мы сосчитаем
как четыре. Или пять…

Все терпеливо ожидали, пока у старшего трубача пройдёт горе, но он, похоже, и не думал останавливаться в своих излияниях:

– Нет, ну как же так, ёкарный прокол? Да ведь я хотел совсем по-другому, йодистое гадство!

– Талгат, – наконец попробовал упокоить товарища Володя. – Остынь, ведь все делают ошибки, и даже один человек, о котором я хочу тебе рассказать.

Унтер-корнет сразу же замолчал и с печальным видом уставился на успокаивательца, всем своим видом выражая намерение послушать очередную кулемзинскую историю. И он, ра́вно как и остальные сидельцы на покерной скамеечке, её услышал.

Все делают ошибки, или Внеплановая история Кулемзина

– Однажды один человек, – начал писатель, – пришёл в храм, и войдя в него, забыл выключить телефон, который во время молитвы неожиданно зазвонил. И тогда священник отчитал его, закричав, что, мол, яйчики-бабайчики, так делать нельзя, надо же знать меру, а потом произнёс другие глупые слова. А люди, которые молились вместе с ним, ругали его уже после молитвы – опять-таки за то, что он нарушил тишину. Но и это было ещё не всё: по дороге домой его жена также выговаривала ему за невнимательность, и даже договорилась до того, что жалеет о своём необдуманном замужестве! А на лице бедолаги в это время все прохожие видели стыд, растерянность и унижение…

Не мозги, а просто щёлочь,
в голове чертополох, –
совершил ошибку, сволочь,
прокололся я, как лох!

Но после такого трагического случая этого человека никогда больше не видели в церкви. А почему? Да потому что в этот же вечер, чтобы немного забыться и развеяться, он пошёл в бар. Зайдя туда, он всё ещё нервничал, и когда ему дали па́йку виски, его руки дрожали, и он случайно разлил напиток на стол, после чего съёжился и стал ждать повторения случившегося утром.

Но неожиданно официант извинился и дал ему салфетку, чтобы вытереть брюки, потом уборщик вытер пол, а хозяйка этого чудесного бара вообще предложила ему другой напиток – за счёт заведения, сказав при этом:

– Не беспокойтесь, мой дорогой, ведь все делают ошибки.

После этого он стал приходить в бар каждый вечер, а в церковь – ни ногой!

♠♠♠

Первым на прослушанную историю откликнулся охранник Полтавцев:

– Вот это да, царица лесная! Теперь и я стал понимать смысл жизни, бытия и вообще всего! С этих пор – никакого *дедушки*, даже в мыслях, а вот насчёт бухну́ть – это с нашим удовольствием!

– И я бухну́ть – тоже! – в один голос воскликнули друзья Муравлёв и Митрохин, после чего автономно добавили начёт святого Казимира Севериновича и едрит-Мадрида.

У нас то радость, то беда,
но всё ж готов ответ:

насчёт бухну́ть – мы завсегда,
насчёт работать – нет!

А Альбионыч, заметив, что педагог Курманбаев уже открывает рот, поспешно зажал уши шнапс-капитана своим и ладонями – и вовремя!

– Ну, а мне, товарищи, – заявил саксаульский большевик, – не остаётся ничего другого, как присоединиться к мнению других товарищей!

После этого все посмотрели на только что страдавшего военного музыканта, который, заметив эти взгляды, приосанился и заявил:

– А я и раньше ни-ни!

, правда, что это означало, расшифровывать не стал, после чего игра продолжилась и после сыгрывания нескольких очередных робберов стала выглядеть вот так:

♠ Володя: **90** очков
♦ Талгат: **66** очков
♣ Нуртай: **41** очко
♥ Серёжа: – **2** очка

Глава 214. МАНЯЩИЙ ХАОС ЖИЗНИ, или УВЫ, ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА (продолжение продолжения)

Между тем игра приблизилась к робберной отметке в 10 карт, но, судя по только что приведённым итогам, ни у кого из игроков не складывалось преимущества, правда, все относились к этому по-разному: Серёжа и Талгат видимо равнодушно, так как больше, чем об игре, думали о предстоящем застолье, Нуртай остро переживал нежелание, по всей видимости, отсутствующего *иблиса* помочь ему занять первое место, и только Володя чувствовал себя спокойно и уверенно, так как в игре был реалистом, но как бы (прости, русский язык!) с легирующими присадками идеализма и цинизма. Никакого страха он не испытывал, так как, давно вышедший на этот уровень *русской кочерги*, умел распознавать опасность задолго до её *объективации*.

Чувства с детства нет другого,
выноси хоть всех святых:
не боюсь своих врагов я,
а боюсь друзей своих!

Затем все занялись изучением пришедших к ним карт. Покерный гуру мельком оглядел свои и тут же понял, что сейчас его карты представляли объективную угрозу – такую же недвусмысленную, как несущаяся прямо на Нюру Каренину электричка Москва-Бологое, и даже более реальную, потому что от них (карт, а не Нюры и электрички), в отличие от электрички, не увернёшься! «А интересная, должно быть, штука», подумал марсианин, «электричка, охотящаяся персонально за тобой…»

Опасайся электрички,
ведь она страшней, чем спички!

Теперь многое зависело от него: с такими картами литератор мог заказать а) две взятки и, сыграв блеф, посадить как минимум двух игроков, б) четыре взятки и взять их, заработав при этом аж 75 очков, и в) три взятки и пустить игру на самотёк. И хорошо, что этот роббер сдавал именно он, поэтому делать заявку Кулемзину предстояло последнему – после того, как расхрабрятся остальные. Но, словно сговорившись, и Афанасьич, и Са-

лихдзяныч, и Мусаич заказали по три взятки и теперь во все глаза смотрели на Володю, как бы насмехаясь над ним: «Мол, мать честнáя, ничего тебе, ёперный гуру, не остаётся, как заказать одну вшивенькую взяточку, мать моя партия!»

Словно услышав эти неприятные уничижительные словá, Альбионыч тут же принял решение – сыграть вариант б), после чего заказал четыре взятки и, удовлетворённо поглядев, как расширились пять пар глаз (вместе с неиграющими художником и антенщиком), стал ждать первого хода. Расстроенный страшным заказом писателя, первый ход сделал коммунист – каким-то некозырным тузом. За ним этой же мастью пошли недоделанный офицер и доделанный сторож, а Володя, у которого тоже была карта этой масти, просто забрал взятку младшим джокером, причём, заметьте, по правилам! И тут же пошёл покером, проговорив при этом ужасные слова:

– По джокерам!

Для дальнейшего успеха
я на карты принажал:
выбил джокеры у всех я –
и победу одержал!

Забрав младшего джокера Полтавцева и старшего – Батыршина, он тут же пошёл козырным тузом, на который все вынужденно сбросили свои козырьки, стараясь сбагрить их как можно меньшего достоинства. Но это помогло мало! А сидящий сейчас на белом коне удачи Кулемзин запоминал свои мысли о происходящем, чтобы потом вставить их в главу 214 последнего тома «Русской кочерги»: «Да нечего тут изобретать велосипед с вертикальным взлётом, когда решение – вот оно, естественно, в правой руке, потому как в левой – бутылочка «Тянь-Шаня»

Карты и пиво –
врагам всем крапива!

Результатом такой игры марсианина стал полный разгром врага: все трое его соперников пролетели на одну взятку, или по 25 очков каждый! Больше всех от этого пострадал, конечно, бывший хлопчатобумажник, который, изучив *раскладку*, наклонился к Володе и, как будто не осознавая, что именно тот вёл записи, тихонько сообщил ему на ушко:

– У меня проблема, старичок.

– Что, в зеркало себя увидел? – поинтересовался обозванный, хотя никакого зеркала в этот раз из котомки вытащено не было.

– Да что-то никак, царица лесная, из минуса выйти не могу, – пожаловался уроженец деревни Семижопино. – Что-то никак не получается…

– Это точно, – легко согласился с ним Кулемзин. – Как говорят наиболее продвинутые бобслеисты, «всю жопу обдерёшь, пока санки разгонишь!»

В это время охранник потёр себе лоб и сообщил более громко – как бы для всех:

– По-моему, я немного захворал. Может, вирус какой вселился…

Затем он отодвинулся от Нуртая, чтобы ещё раз оглядеть его подробнее, и завершил диагноз:

– А то сидишь тут рядом не пойми с кем…

Вирус приземлился
прямо мишке в лоб.
Мишка повалился
из берлоги в гроб!

– Не переживай, Серёжа, – сделал попытку ободрить товарища писатель. – Тем более, что следующая сдача – твоя.

– Давай, – обречённо махнул рукой охранник, попав по плечу ленинцу, на что тот прошипел какое-то краткое пролетарское проклятие.

– Нуртай, в каком смысле *чтоб ты сдох*? – вдруг приостановил тасование Полтавцев. – Например я, как бывший истинный православный, не понимаю таких грязных партийных выражений!

– И правильно, старик, – поддержал его слова единственный философ в компании. – Истинно православные никогда не говорят *чтоб ты сдох*, а выражаются более изысканно: *желаю вам карьеры великомученика*!

– Да, конечно, извини, что перебил, мать моя КПСС, – тут же повинился педагог.

– Всех не перебьёте! – по-партизански ответил ему Афанасьич, после чего начал по новой тасовать колоду корявыми руками работника физического труда.

Перебили партизанов!
Кто же предал? Я во сне –
за кружочек пармезана
и прибавочку в казне…

Глава 215. МАНЯЩИЙ ХАОС ЖИЗНИ, или УВЫ, ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА (и ещё одно продолжение продолжения)

Но худо-бедно карты были розданы, и игроки, а также заглядывающие им через плечо живописец и старший джус, которые, как видно, набирались опыта для грядущих сражений, принялись изучать пришедшее.

Так, увидев свои новые карты, старший прапорщик, который сейчас должен был заказывать первым, аж зажмурился, словно неожиданно увидел световую гранату в действии. А вот партийный преподаватель еврейского колледжа, бегло просмотрев картонки, тут же стал улыбаться, но как-то странно, словно его попросил позировать для женского портрета ~~Валерий Николаич Муравлёв~~ Пабло Руисович Пикассо.

Володя понял, что здесь что-то нечисто, после чего решил разведать обстановку и, глядя прямо в глаза Мусаичу, промолвил:

– А вот я, знаете ли, завидую хлору.

Курманбаев вздрогнул, уронил несколько карт на покерный столик, пара из которых открылась так называемым *лицом*, и только после этого натужно спросил:

– Почему?

– Да ему проще, яйчики-бабайчики, – ответил знатный химик-надомник, – ведь он, в отличие от нас, семивалентный…

В один проникнись из моментов,
чтоб не сломался миокард:
валентность есть у элементов,
валетность – только лишь у карт!

Семижопинец тут же расстегнул замызганную котомку, лихорадочно вытащил из неё книжечку «Для му.мы.» и, торопясь, чтобы не забыть произнесённую мудрость, записал: «У хлорки, которая *текёт* из моего крана, бывают аж семь валéтов! Знать, нам играть намного проще – у нас их всего четыре, правда, разных мастей, что, конечно же, создаёт *определённые* трудности в игре…»

Между тем оценил пришедший роббер и Альбионыч, неожиданно поняв, что костяшки его шансов с треском слетели с деревянных счётов – вот таких:

Он ещё раз оглядел приготовленные к новой короткой битве боеприпасы и с разочарованием отметил, что из 11 карт к нему не пришли ни один *гранд*, ни один козырь и ни одна картинка. «Что делать?», мелькнула в его тыкве затасканная от времени мыслишка, впервые обнародованная в русской литературе неким Гаврилычем [425].

[425] Скорее всего, речь идёт о названии романа русского философа и литературного критика Николая Гавриловича Чернышевского «Что делать?» (1862-1863) – прим. лит. редактора

«Делать что, когда артрит,
и к тому ж фиброз?» –
полтораста лет стоит
вот такой вопрос!

Была только единственная надежда, но об этом автор, чтобы не сглазить своего главного героя, расскажет чуть позже. А сам герой, то есть Володя, дождался, пока коммунист не заказал три взятки, а музыкант – четыре, и твёрдым голосом произнёс:

– Пас!

И вот тут случилось чудо, ибо только что сдавший роббер охранник звонко выкрикнул сразу два сло́ва, одно из которых вселило в Кулемзина, как выражаются плохие писатели, бездну надежд:

– Четыре! Мизе́р!

– Вот за что я люблю советскую власть (б), – тут же отозвался Володя, – так это за всеобщую грамотность. Понавыучивали словечек!

И ведь придраться было не к чему – Серёжа на сей раз всё сделал по правилам. А обрадовался покерный гуру как раз тому, от чего начал страдать несколькими строками выше – на предыдущей странице, как раз под картинкой деревянного счётного устройства, ведь у него оказались практически все самые маленькие карты, что сулило большие надежды на страшные неожиданности для его ~~друзей~~ врагов.

Тут же выяснилось, что тайно радовался лишь один литератор, а вот тайно печалились сразу двое – Талгат и Нуртай, причём, один из них с выражением ужасного ужаса обратился именно к литератору, видимо, приняв его за аналог некоего третейского судьи:

– Володя, что-то у меня в ёперном боку начинает колоть.

– Не обращай внимания, старичок, – успокоил его судья, – скорее всего, это доброта, доверчивость и отзывчивость.

– В каком йодистом смысле?!

– А они всегда боком выходят…

В рассуждении глубоком
смысл в себя ты вколоти:
доброта выходит боком,
если больше нет пути!

И надо ли говорить, что этот нелёгкий роббер закончился вовсе не так, как планировали все четыре игрока: после объявленного мизе́ра экс-текстильщик принялся лютовать, как батька Махно в бою под селом Перегоновка[426], и ожидаемо перебрал одну взятку, заработав вместо заказанных 75 очков всего 5; Альбионыч, пользуясь невероятным наплывом мелких карт, дождался выхода всех *грандов* и козырей, после чего умудрился взять аж три взятки, так что вместо запланированного паса в пять очков выиграл всего 3, но не расстроился, а, напротив, воодушевился на дальнейшие диверсионные действия; а вот военный ~~трубочист~~ трубач и большевистский педагог пролетели более предметно – Мусаич на две взятки, или 45 очков, а Салихдзяныч на одну, потеряв в *раскладке* 25 очков из своих к тому времени заработанных 66-ти.

[426] Исторический факт. 22 сентября 1919 года в окрестностях Перегоновки – железнодорожной станции нынешней Кировоградской области Украины произошло крупное столкновение Украинской повстанческой армии под командованием батьки Махно с частями Добровольческой армии – оперативно-стратегического объединения Белой армии на юге России – прим. ист. редактора

Особенно расстроился такой неожиданности ленинец, у которого, как было доложено читателю на странице 505, к этому времени было заработано всего 41 очко, а вот теперь, когда *записывающий* твёрдой рукой списал ему в *раскладке* 45 очков, цифровое значение его (ленинца, а не *записывающего*) усилий вновь стало минусовым, зато у семижопинца Полтавцева всё получилось как раз наоборот – он вышел в плюс с цифрой 3, чему вначале расстроился, а потом обрадовался, и в этом был весь Серёжа!

Это странно всё – как синус,
разбодяженный на флюс:
поменялся плюс на минус,
ну, а минус стал как плюс!

– Ничего, Нуртай, – объяснил Володя, – хорошая трёпка иногда бывает на пользу подлецам. Помогает, знаешь ли, осознать своё место в мироздании и соизмерить эмоции с реальной обстановкой.

Нуртай тут же возразил, что он не подлый, а несчастный, пытающийся уцелеть в водовороте событий, который несёт его, как весенний поток – берёзовую почку.

– Надеюсь, ты вычитал этот поэтический оборот не в «Манифесте Коммунистической партии» неких Карлуши и Фрица?

– Зачем ты меня достаёшь, мать моя партийная организация?

– Я достаю, яйчики-бабайчики? – возмутился Володя. – По-моему, тебе ещё далеко до русалки в колодце!

И тут же заметил, как стали перешёптываться неиграющие Валера и Васюхан, кото-

рые стали спорить о том, что именно имел в виду литератор, говоря о таких несовместимых понятиях, как русалка и колодец.

Ох, когда-нибудь икнётся
эта скобка бытия:
не глотаю из колодца –
нет воды, лишь чешуя!

Ну, а автору только и остаётся, что ознакомить своего читателя с очередной сверкой раскладочных позиций:

♠ Володя: **93** очка
♦ Талгат: **41** очков
♣ Нуртай: – **4** очка
♥ Серёжа: **3** очка

Глава 216. МАНЯЩИЙ ХАОС ЖИЗНИ, или УВЫ, ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА (ещё одно новое продолжение продолжения)

Следующий роббер, как наверняка догадался мой читатель, игрался на 12 картах и был первым из таких робберов, когда каждый игрок получал на руки ровно по 12 карт. Но, как это ни странно, этот роббер был не только первым, но и последним – перед *средней тёмной*, которая тоже игралась на 12 картах, а за этим следовала ещё одна игра, и тоже на 12 картах, которая к этому моменту уже становилась первой – в начинающемся марше, как говорили покеристы, *с горки*. Вот такая вот (прости, русский язык!) казуистика!

На этот раз выпало сдавать Кулемзину, что он и сделал, причём ни разу не уронив карты, как это постоянно делал Полтавцев, не опрокинув на них немного не допитую бутылочку «Маршала», как это однажды произошло с Батыршиным, и не смухлевав при сдаче, как это постоянно делал Курманбаев.

Я читаю в «Манифесте
карты» – это документ:
«Сдача карт – и дело чести,
и ответственный момент!»

Когда все карты обрели своих хозяев на этот нелёгкий роббер, выяснилось, что часть игроков не боялась ничего, как, например, Альбионыч, у которого, как видно выше, было 93 очка, и он, даже если бы пролетел аж на пять взяток, то списал бы себе всего лишь 90 очков – и остался в плюсе; часть покеристов – в лице Салихдзяныча – играла лихо, но неосторожно, так как ему до минуса оставалось недобрать всего лишь две взятки; а вот самая крупная часть игровой хевры – числом в два бойца, а именно Мусаича и Афанасьича – принялась делать заказы крайне осторожно, так как они оба уже вляпались в минус и, естественно, не хотели впендюриваться ещё глубже!

Правда, один из последних перечисленных игроков, а именно сторож на доверии, сделав осторожный заказ в одну взятку, тут же обнаружил, что является обладателем сразу двух *грандов* – старшего и младшего джокеров, после чего версия коллектива о том, что фантазией мама-природа наделила Серёжу чуть хуже, чем дятла, получила фактическое подтверждение, так как он, нисколько не раздумывая, азартно прокричал на весь Бермудский Учпучмак одно слово:

– Мизéр!

, чем сбил с панталыку не только своих соперников, но и дворовых детей, которые шныряли возле покерного столика, как рыбки среди родных кораллов.

Малыши живут бегуче –
им ведь некогда дремать:
у детей суставы лучше,
чем у взрослых, *иху* мать!

И эта задумка неутомимого в глупостях охранника сейчас выглядела как спортивная ходьба в секторе метания молота, тем более, что он (охранник, а не молот), свято уверовав в свою непобиваемость, хвастливо заявил:

– Ну, пацаны, я вас сейчас, мать честнáя, накормлю цикалистым анием!

, на что тут же отреагировал партиец, считающий себя самым умным в коллективе:

– А знаете ли вы, друзья, что цианистый калий, о котором нам так разнузданно сообщил наш товарищ Серёжа, имеет, мать моя партия, приятный запах горького миндаля?

А вот комментарий Володи услышали все, кроме саксаульского знаменосца, который в 1244-й раз с момента обретения покерных навыков метнулся к учпучмакским кустам:

– Да, Нуртай, ты прав, к тому же, яйчики-бабайчики, на его вкус с тех самых пор, как придумали этот яд, никто ещё не жаловался…

Как люблю я CNK[427] –
он вкуснее балыка!

[427] ***Читается цэ-эн-кá – прим. хим. редактора***

А про себя марсианин проговорил совсем другое: «Ну, это мы ещё посмотрим, кто из нас проснётся в гробу, а кто будет возлагать венки и пить на поминках, потешаясь в душé над скорбными мордами присутствующих…»

Затем все дождались хорунжего, который вернулся из кустов, пошатываясь, но нашёл в себе силы спросить почему-то не у коммуниста, отправившего его в краткосрочную командировку, а всё у того же бывшего хлопчатобумажника:

– Жути взалкал?

, на что тот не ответил никак, так как первое слово не понял, а второе просто не знал.

Выйди завтра на большак
громко, смело, ощутимо.
Задержи свой шаг на шаг –
и беда проскочит мимо!

То, что семижопинец заказал всего одну взятку, автор уже сообщал, так что осталось только добавить, что большевик Курманбаев, посчитав, что негоже отставать от соседа-дурака, нашёл в себе силы заявить две взятки, Талгат решил попробовать хапнуть аж четыре, и только писатель, который пока никуда не торопился, тщательно изучил пришедшие карты и остановился на заявке в три взятки.

И тут случилось непоправимое: увидев, что карты в предстоящем роббере ему пришли неважнецкие, Нуртай демонстративно пригорюнился, высморкался в кружевной дамский платочек, в который он сегодня завернул свой партийный билет, и горько произнёс:

– Нет, нет того искреннего и доброго человека, кто смог бы согреть меня своим душевным теплом…

Через мгновение в крапивных кустах за покерным столиком блевали все.

До мозгóвых потемнений
в наших схватках боевых
нас всегда тошнит от мнений –
не своих, а лишь чужих!

При этом незапланированном мероприятии на военно-музыкальной роже Салихдзяныча мелькнуло выражение недоумённого непонимания, словно у обезьяны, не дождавшейся вожделенного банана, Афанасьич то и дело мотал тяжёлой и страшно горячей, как домна, тыквой, у Альбионыча с каждой произносимой буквой *а* прямо в мозгах начинала мигать красная лампочка – то ли тревоги за будущее родины, то ли радости, что к вечеру 31 августа он всё ещё оставался в рядах живых, а вот Николаич и Васюханыч говорили эту букву как бы спарено – *а-а*, отставая друг от друга на наносекунду и очень расстраивались, что никак не могут сделать это (прости, русский язык!) в унисон.

Глава 217. МАНЯЩИЙ ХАОС ЖИЗНИ, или УВЫ, ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА (и ещё одно новое продолжение продолжения)

Затем все вернулись в лоно родной покерной скамеечки, где нашли сидящего в одиночестве расстроенного большевика, так как он полминуты назад выяснил, что все его оппоненты, в спешном порядке отправившиеся в кусты, захватили с собой свои карты. Наконец все расселись согласно записям в *раскладке*, и литератор, строго оглядев исключительно участвующих в битве и проигнорировав болельщиков, пригласил к началу игры:

– Серёжа, ходи.

Полтавцев недоумённо поглядел на приглашальца, словно бы впервые услышал своё имя, затем ещё раз проверил карты, которые вдруг показались ему не теми, какие он ужé видел, и на его лице отразилась сложная гамма чувств: он побледнел, потом покраснел, и в конце представления спохватился, что может выдать себя изменением цвета, как хамелеон. И он придумал! Чтобы никто ни о чём не догадался, сторож напустил на себя важный вид и грозно произнёс, посмотрев почему-то на Муравлёва с Митрохиным:

– Ну, сейчас я сделаю с вами то, что никакой Содом никогда не делал со своей женой Гоморрой!

«Ещё одна ~~иностранная~~ еврейская семья», решил военный, но подробности узнавать не стал.

Швейцарцы знают и аджарцы,
балкарцы знают и бухарцы,
что нет средь этих марсиан:
Шлагбаум, Бумеранг и Карцер –
фамилии израильтян!

– Так ты будешь ходить или нет, мать моя КПСС? – ещё раз подогнал потенцииального ходильца один из игроков, но на охранника это подействовало мало: в этот миг он прислушивался к тайному голосу, который и раньше звучал у него в голове, но всегда по-русски, а вот сейчас говорил ему на каком-то другом языке: «Kāds debīls tu esi!» [428]

[428] ***Какой же ты придурок! – латв.***

– По-моему, тебе только что пришла телеграмма, – поглядев на бывшего текстильщика, иронически заметил Кулемзин. И на недоумённый взгляд Серёжи процитировал:

– «Доехала хорошо *тчк* Целую *тчк* Твоя крыша *вскл*»

При этих невинных словах персонаж по фамилии Полтавцев покраснел ещё больше и запыхтел, как перегревшийся котёл из песни про крейсер «Варяг», а марсианин почувствовал, что припадок может начаться в любую минуту: уроженец деревни Семижопино неизвестного уезда сейчас был похож на гранату с неисправным взрывателем, и любое нежелательное изменение обстановки могло спровоцировать взрыв. «Да когда же это кончится?», нервно подумал Володя. «А, вернее, начнётся?», но вслух сказал совсем другое:

– Серёжа, а ты знаешь, что мудрость – это не морщины, а извилины?
– В смысле, царица лесная?
– В смысле ходи.
– А-а-а, – наконец понял Афанасьич и сделал первый ход козырным валетом, совершенно забыв, что пять минут назад объявлял мизе́р.

Он и выглядит как чурка,
что похитил керогаз:
едет крыша у придурка –
скорость 300 км в час!

Надо ли говорить, что этот не слишком большой козыришка сразу же пропал в пучине жадности, алчности, корысти и стяжательства, ведь каждый из игроков мечтал отличиться именно в этой партии – последней в сезоне, и только один писатель знал, что ещё и в книге. А забрал серёжиного валета (или *вальта*, как он называл такую карту) неутомимый в гадостях Курманбаев – своим младшим джокером, после чего пошёл бубновой двойкой, ведь игра велась всё-таки на мизе́ре.

Полтавцев проводил тухлым взором своего красавца-валета и – по сложившейся внутри него привычке – решил отомстить! Он знал, что Нуртай поступил вполне по правилам, поэтому решил применить это же правило, то есть забирать любую карту *грандом*, даже если на руках есть такая же масть, окинул своим взором пришедшее к нему войско, вытащил из пачечки, судорожно зажатой в руке, почему-то старшего, а не младшего джокера и, прицелившись, побил предложенную двойку.

После этого и Альбионычу и Салихдзянычу не оставалось ничего другого, как только смотреть на перестрелку Афанасьича и Мусаича, которые именно к этому моменту стали непримиримыми (прости, русский язык!) антагонистами – как, например, непонятные для русских избирателей тори и виги[429], или, чтобы мог правильно расчухать мой читатель, как похмелье и рабочий день.

[429] Две основные политические партии Великобритании – прим. полит. редактора

Прочитал я в увесистой книге,
что когда-то в потёмках истории
жили глупые-глупые виги
и такие же глупые тори.
Не пошли им на пользу интриги,
не нашли они истины в споре, –
так и померли глупые виги,
а за ними и глупые тори…

«Да это, яйчики-бабайчики, просто ТОСКА какая-то!», подумал покерный гуру и тут же расшифровал подуманное:

Территория
Ожесточённых
Сражений
Карточного
Альянса

«Как бы, йодистая Йошкар-Ола», подумал музыкальный есаул, «без своих не остаться, тем более, что я, как дурак, заказал аж четыре взятки!»

И вот тут произошло то, что не могло не произойти: в пылу битвы с соседом по лестничной площадке саксаульский коммунист, который просто не мог остановиться, вначале взял свои заказанные две взятки, потом перебрал ещё одну, а затем, видимо, решив наказать семижопинца до конца жизни, хапнул ещё одну, произнеся странную фразу: «Да ты ещё, мать моя партия, беды́ не нюхал!», после чего остановился на четырёх. Правда, остыв за секунду, он с удивлением заметил, что бывший текстильщик нисколько не испугался, затем попросил Володю посмотреть в *раскладке*, сколько взяток заказал Полтавцев и, узнав, что всего одну, которая уже лежала перед сторожем, страшно расстроился.

Чтоб в могилке не простынуть,
кое-что себе включил:
пакость я хотел задвинуть,
но по тыкве получил!

И тут в дело вступили остальные игроки, то есть Кулемзин и Батыршин, коим предстояло взять 7 взяток на двоих. Они многозначительно переглянулись и, сыграв с максимальной осторожностью, взяли свои – литератор три, а старший трубач – четыре взятки, причём, последнюю ему подарил Альбионыч, скинув не просто какую-то карту, а покера *за простую*, до этого тщательно скрываемого от противников. И хорошо, что именно пиковую тройку на этот случай оставил себе еврейский зять дома № 17!

– Ну, вот и всё, прекрасные господа из Буа-Доре! – известил марсианин покерную хевру об окончании роббера. – Запишем итоги в нашу заветную *раскладку* и начнём наконец японскую *тя-но ю*, или чтобы было понятно даже дворовым детям, чайную церемонию!

Чай в пакетиках – не чай,
экспертизой подтвердилось:
35 % – чай,
остальное только силос!

И писатель, как оказалось, недаром упомянул дворовых детей, при взгляде на которых казалось, что они бегают везде. Например, сейчас они носились по периметру Бермудского Учпучмака так стремительно, словно перед этим вышибли дубовые двери, и теперь никак не могли остановиться.

Но – вернёмся к трудовому процессу покерного коллектива. Взяв на средней *тёмной* то что хотел, писатель от удовольствия стал насвистывать 25-й концерт Антонио Джованниевича Вивальди для мандолины с оркестром, а счастливый Талгат, который тоже взял то что хотел, вспомнил, что он не только ёкарный покерист, но и ёперный музыкант, после чего отметил, что Кулемзин сейчас свистел не только за мандолину, но и за скрипку, виолончель, валторну, фагот, гобой и даже за *продольную* флейту.

«Это ж надо было так «Марсельезу» исказить!», в это время гневно думал партийный, но вслух не высказывался. Впрочем, даже если бы он и подумал что-то сказать, то просто не успел бы, так как Володя, тщательно записав итоги роббера, повернулся в сторону Мусаича и радостно его известил:

– Жопа, Нуртай! Большая полновесная жопа, мать твоя партия!

Если вам вдруг прилетело,
если вдруг вы не боец,
жопа – это вам не тело,
жопа – покерный трындец!

– Не м-м-может б-б-ыть, – заикаясь, пробормотал саксаульский ленинец.

– Может, может! – хором закричали живописец и антенщик, которые до этого сидели тихо, как мышки, не решаясь нарушить ход ожесточённой битвы, а вот теперь Васюхан даже уточнил:

– У тебя же, Нуртай, минус четыре очка было, а ты сейчас взял четыре взятки. Так что ноль, старичок, или, как будем мы с Валерой выражаться уже с завтрашнего дня, жопа!

А автору только осталось завершить эту главу очередной выпиской из раскладки:

♠ Володя: **93** очка
♦ Талгат: **116** очков
♣ Нуртай: **0** (или **жопа**)
♥ Серёжа: **28** очка

Глава 218. МАНЯЩИЙ ХАОС ЖИЗНИ, или УВЫ, ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА (средняя *тёмная*)

Го́ре педагога было неописуемым. Сейчас он сидел на скамеечке только одной половинкой задницы, словно именно в этом заключалось его наказание в получении сурового покерного штрафа, морща лоб и даже двигая ушами, короче, всеми силами стараясь изобразить, как ему сейчас плохо, а также стонал, будто находился в роддоме.

Литератор ещё некоторое время смотрел на псевдострадальца и решил немного поддержать его артистические потуги.

– Нуртай, яйчики-бабайчики, ты бы чуть больше старался, а то у тебя выходит, словно ты всего позавчера записался в драмкружок сельского клуба имени Первого Председателя Колхоза «Шлях до комунізму» Мыколы Салои́да. А между тем надо бы помнить, что не только таким, как ты, но и другим нашим гражданам постоянно не везёт во всём: начиная от правителей и заканчивая климатом.

Хоть звать меня Удачин Петя,
я сник от жизненной борьбы,
ведь должен каждый день терпеть я
превратности моей судьбы.
Куда б ни шёл, везде засада,
повсюду прячется песец!
Судьбе шепчу: «Не бей, не надо,
помилуй, сжалься наконец!»

Для партийного саксаульца произнесённое было слишком сложным для понимания, но Кулемзин уже добивал его своим могучим интеллектом:

– К тому же необходимо помнить, что в любом наборе исходных данных самая надёжная величина, не требующая никакой проверки, является ошибочной.

– Сам придумал, царица лесная? – с надеждой осведомился охранник и даже вытащил из котомки блокнотик «Для му.мы. Том 2»

– Нет, это III закон Финейгла, – ответил знаток всего на свете. – Из забавной книжки «Законы Мёрфи»

«Занятно!», подумал семижопинец, но шанса стать умнее упускать не стал и быстро записал поразившую его мудрость: «Ошибочные данные – самые надёжные, потому что исходят из какого-то Финогада!»

И вот наступил один из самых волнующих моментов в игре – роббер на средней *тёмной*. Его ждали все: те, кто был впереди, надеялись, что он позволит им закрепиться ещё лучше, а те, кто отставал, наивно думали, что вот именнго сейчас им повезёт, после чего они обязательно вырвутся вперёд. Впрочем, огромное количество комбинаций, которые

возникали при игре четырёх человек, у каждого из которых было на руках по 12 карт, позволяло думать что угодно, и даже такие глупости, приведённые в этом абзаце выше.

Порой мечтам непросто сбыться!
Но есть ли смысл чего-то ради,
на волю выпустив синицу,
на журавля сидеть в засаде?

Сдавать на *тёмной* выпало Володе, и он тщательно подошёл к этому процессу, аккуратно раскладывая карты перед своими соперниками, а затем положил и козырь, увидев который, все поняли, что козыря в этом ключевом роббере не будет вообще, так как вместо карты какого-то определённого значения выпал младший джокер или, проще говоря, безличный *гранд*. Вот так в игре образовалась одна из самых редких ситуаций, называемая *бескозырка на тёмной*. Впрочем, каждый из покеристов отреагировал на это событие по-разному.

Серёнька Афанасьич, увидев это, с его точки зрения, безобразие, завопил:

– Надо пересдать, мать честнáя!

, судорожно помогая невнятным словам взмахами свободной левой руки, так как в правой зажал недопитую бутылочку «Жигулёвского», набрызгав при этом на маечку педагога.

Сам педагог, зная, что он – типичный джокерный наркоман, находящийся в полной зависимости от *грандов*, вначале тихо застонал, так как заранее не знал, что делать, но потом вспомнил, сколько раз его покойный патрон Владимир Ильич говорил о революционной хитрости, после чего положил правую руку на то место не слишком чистой маечки, где, по его представлениям, билось его партийное сердце и, глядя по очереди в глазá противникам, отчётливо продекламировал:

– Оно пришло, не ожидая зова,
оно пришло, и не сдержать его:
позвольте мне сказать моё вам слово,
простое слово сердца моего!

Расчёт был на то, что все трое, а если повезёт, и пятеро – вместе с художником и антенщиком, кинутся в бермудские кусты, а у него, Нуртая, вполне хватит времени на то, чтобы изучить карты и даже поменять некоторые из них на те, что ещё оставались в колоде. Но этот хитрый план полностью провалился, ибо в тот момент, когда Курманбаев открыл рот, Альбионыч, сидящий рядом с Салихдзянычем, тут же заткнул ему уши сразу двумя большими пальцами, так что саксаульский военный не услышал ни одного слóва из пламенного стиха большевика. Ну, а остальные ужé настолько привыкли к банальным приёмчикам Мусаича, что просто не обращали на них внимания.

Плохо выглядел в данный момент и сам Талгат, съёжившийся и чем-то напоминающий спаниеля: немного печальный, но желающий понравиться соседской жучке Бернардине. Осознав, что сейчас и ему тоже придётся играть *бескозырку на тёмной*, обер-корнет стал выглядеть, как человек, почувствовавший первые признаки головной боли – при виде таблички на двери кабинета командира полкá:

Без денег не входить!

И только один покерный гуру (не считая неиграющих Муравлёва и Митрохина) оставался спокойным – за его 30-летнюю практику в *русскую кочергу* подобные финты, которым сейчас отличилась Сука-судьба, встречались ему не раз. Поэтому он взял ручку, чтобы записать заявки играющих, и произнёс:

– Sometimes it takes a lot of courage just to play the hand you got dealt[430].

[430] ***Иногда нужна отвага, чтобы просто играть теми картами, которые были розданы – англ.***

– Ты́ сказал, царица лесная? – вопросил сами знаете кто.

– Я, – признался писатель-полиглот.

Здесь охранник порадовался, что не успел спрятать заветную книжечку в котомку, открыл её и, послюнявив красный конец карандаша, которым записывал самое важное для себя, быстро начеркал на чистом листочке: «Deal the cards and play boldly, and the rest doesn't bother you! (Vovka said)»[431]

[431] ***Сдай карты и играй отважно, а остальное тебя не колышет! (Вовка сказал) – англ.***

Вновь живу его азами
под созвездием Тельца:
я слова́, что друг сказал мне,
буду помнить до конца!

Глава 219. МАНЯЩИЙ ХАОС ЖИЗНИ, или УВЫ, ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА (средняя *тёмная*, окончание)

И тут, словно сговорившись заранее, все без исключения заказали тот минимум, который правила игры установили для заявок на *тёмной*, то есть по 3 взятки, после чего наконец-то воспользовались своим правом открыть пришедшие карты. Не удивительно, что в тесном пространстве покерного столика сразу же начались охи и вздохи, а также другие восклицания-междометия, правда, верить им было нельзя, так как 87 % из них восклицались и междометировались специально, чтобы сбить с панталыку соперников.

И только было Батыршин собрался делать первый ход в этом важном роббере, как его остановил голос Кулемзина:

– Мизе́р.

– В смысле, ёперный игрок? – удивился старший трубач.

– В смысле играем по мизе́рам, – немного расширил своё сообщение литератор.

– А вот это, мать моя Октябрьская революция, меня совершенно не радует, – печально произнёс Нуртай.

– Я так и думал, яйчики-бабайчики, – ответил знатный мизерщик. – Хотя, в принципе, радовать тебя, объявляя эту (прости, русский язык!) опцию как-то и не входило в мои высокие намерения.

Объявил врагу я опцию –
получил в ответ эмоцию!

Но сыграть сразу не удалось – в володином кармашке сработал звонок телефона. Писатель глянул на мониторчик и определил, что ему звонила… Калима! Не поверив экранчику, Альбионыч нажал какую-то нужную кнопку и осторожно, словно работал минёром на разминировании избы-читальни деревни Семижопино, поинтересовался:

– Калима, это ты?

– Я, я, – ответил магазинщица. – К нам только что редкий товар завезли – в бутылках. Называется «60-процентная вода». Судя по времени, вы последнюю партию играете, так что заходите на диагностику исследовательского анализа.

– Хорошо, – ответил писатель вслух, а про себя заметил, что его многолетние устные занятия русским языком с владелицей сельпо не прошли даром.

В великом и могучем есть основы –
тут *масляное масло* не пройдёт,
но в странном сочетаньи *хрен хреновый*
любой читатель верный смысл найдёт!

– Итак, приступаем к *средней тёмной*, господа покеристы и примкнувший к ним товарищ! – озвучил он собственный приказ и показал пальцем на Нуртая:

– Твой ход.

Курманбаев закусил губу и несмело двинул вперёд какого-то туза. И пусть читатель не удивляется, что автор не назвал масть *заходной карты*, ведь данный роббер игрался как *бескозырка*, но на объявленном марсианином мизе́ре. Надо ли говорить, что первая взятка оказалась в руках внеземного пришельца, так как он отыгрывался последним.

И это было на руку Кулемзину, потому что такое начало позволило сделать ему ещё один ход. Дело в том, что среди 12 карт, пришедших к нему, были двойка и тройка червовой национальности, поэтому литератор пошёл покером, произнеся роковы́е слова:

– По джокерам!

, а потом, видя, как в пучине его коварства пропал старший джокер Мусаича, следующим ходом пошёл оставшимся *грандом*, то есть младшим джокером:

– По червям, яйчики-бабайчики!

Вселенский стон был ему ответом: по правилам игры необходимо было сбросить не просто червовые карты, а именно самые младшие. Ну, а следующие два хода Володи были просчитанными и рациональными: он по очереди положил на покерный столик вначале двойку, а потом и тройку всё той же червовой масти.

И в завершение своего маленького представления Альбионыч пошёл… пиковой четвёркой. Зачем же? – спросит мой читатель. А вот зачем: просто в его арсенале была ещё и пиковая тройка, и он не сомневался, что тот, у кого оставалась в руке такая же двойка, непременно захочет её забрать, так как старший покерист Бермудского Учпучмака уже и так перебрал, а это означало, что кто-то не доберёт как минимум одну взятку.

Поступлю сейчас могуче –
есть в запасе пятый туз:
перебор, конечно, лучше –
он сулит мне только плюс!

Кроме того, к удивлению писателя, ему досталась и ещё одна случайная взятка – на скромной трефовой пятёрке, так как остальные карты этой масти вышли чуть раньше.

Дальнейшая игра оказалась слишком эмоциональной, ведь каждый из володиных соперников старался хапнуть всё, что подвёртывалось под руку, а уроженец деревни Семижопино, забрав последнюю взятку в этом нелёгком роббере, даже в ажитации придвинул к себе лежавшие на краю покерного столика шесть оставшихся карт с младшим джокером сверху – так и несыгранным заместителем козыря.

Писатель подмигнул друзьям-неигрунам, и те немедленно отобрали у сторожа несуществующую взятку – чтобы не возникало путаницы при записях.

Но посчитать итоги этого практически для всех трагического роббера удалось немного позже – дело в том, что четырнадцатилетний инфантил – сын Нуртая, который до этого активно поднимал пыль вместе с маленькими дворовыми детьми, сейчас подошёл к удручённому папаше и громко заявил:

– Папа, дай денег – на сладкое!

Большевик тут же стал копаться в карманах, что-то приборматывая, так как под руку попадались крупные на ощупь монетки, но потом вспомнил, что, когда вчера вечером волочил пьяного прапорщика домой, то пошарил в его карманах и извлёк оттуда скромную монетку в 10 назарбаксов. Достав сейчас именно её и печально оглядев на прощание, он протянул сынишке саксаульскую валюту:

– Купи себе что хочешь!

И дрезину, и резину,
и крыло от лимузина, –
чтобы стать совсем крутым:
я куплю полмагазина,
ведь владею *золотым*!

Курманбаевский отпрыск осторожно взял монетку и, как Буратино Карлович в известном фильме, попробовал её на зуб, после чего споро побежал по ранее проложенному дядей Серёжей героическому маршруту, то есть в магазинчик Калимы.

«Если бы за хорошее исполнение отцовских обязанностей присуждали «Оскара», подумал Володя, «моего бы голоса он не получил точно!», после чего принялся за привычную работу, то есть подсчёт плюсов-минусов только что отгремевшего локального сражения и записи итогов в *раскладку*.

А они, кроме разве что для самого́ марсианина, были неутешительными: писатель приписал себе 10 очков – за перебор пяти взяток, преподаватель еврейского колледжа снова угодил в покерную долговую яму с минус 50 очками за одну недобранную взятку, так же одну взятку недобрал Полтавцев, который оказался по соседству с соседом по лестничной площадке с показателем в минус 17 очков, а вот Батыршин чудом остался на плаву – против его столбика была оставлена пометку в + 26 очков – за недобор двух взяток.

А автор по традиции, которую сам и придумал, сделал на этой странице 519 следующую промежуточную запись:

. ♠ Володя: **103** очка
♦ Талгат: **26** очков
♣ Нуртай: **– 50** очков
♥ Серёжа: **– 17** очков

Глава 220. МАНЯЩИЙ ХАОС ЖИЗНИ, или УВЫ, ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА (вниз по лесенке – до финала)

А затем тот же автор решил перечитать несколько последних глав, после чего затуманился взором и немного огорчился. А почему? Да потому, что он увидел, как же много ненужных слов отвёл *глубинному* процессу игры, объясняя на пальцах то или иное положение. А ведь читатель, решил демиург «Русской кочерги», наверняка ждёт каких-то искромётных диалогов, ведь промежуточные записи, одна из которых приведена здесь же – в конце прошлой главы, можно делать даже после таких глав. И тогда к нему (демиургу, а не читателю) пришло блестящее решение: последние главы о последней игре сезона вполне можно дать в стиле неких расширенных покерных нотаций, но так, чтобы любому листателю этих страниц было хотя бы примерно понятно, о какой игре идёт речь. Итак…

Отплачу монетою
всем, кто здесь шустры:

кратко вам поведаю,
в чём тут суть игры…

♠♠♠

– Как бы походить, мать честна́я? – скатываясь всё ниже в *раскладке*, продолжал приборматывать Серёжа. – Как бы не ошибиться?

На что Володя, у которого последние две карты были покером и старшим джокером, заметил:

– Старичок, ты не можешь сейчас заниматься отсортировыванием настоящих ключей от поддельных, потому что у тебя нет их никаких.

– Как это нет?

Экс-текстильщик отложил в сторону карты, для надёжности перевернув их рубашкой кверху, ловко достал из-под покерного столика котомку и вдруг вывалил из неё изрядную связку тяжёлых железных *отпиралок*. Все вздохнули и с сожалением переглянулись.

– Был не прав, яйчики-бабайчики, – на всякий случай тут же покаялся писатель.

– Вот то-то же!

И только неиграющие Валера и Васюхан молча переглянулись, словно давая друг другу обоюдный обет играть на 11,8 процента лучше, чем семижопинский придурок.

♠♠♠

– Всю ёкарную дорогу тебе, Нуртай, везёт, – укоризненно заметил Салихдзяныч.

– Что есть везение? – заметив, что Курманбаев открывает рот для ответа, быстро и несколько по-пилатовски ответил марсианин, обращаясь к военному музыканту. – Впрочем, могу и тебя научить.

– Ну-ну, – скептически улыбнулся саксаульский коммунист, после чего по-стукачески доложил старшему по покерному званию:

– Этого Талгата, мать моя партия, учи не учи, а он всё равно дуб дубом.

В день весёлый, окаянный,
пья текилу без помех,
головою деревянный,
думал я, что лучше всех!

– Ты, старичок, дерево-то не обижай! – попенял ему Альбионыч и посмотрел на старшего трубача – не обиделся ли.

Но тот сидел молча, словно бы подтверждая только что данное ему деревянное звание. Тогда литератор посмотрел на охранника, который уже тянул из котомки заветный блокнотик «Для му.мы.»

– Вот именно, царица лесная, – подтвердил сторож. – Так что там насчёт везения?

– Ах[432], да[433], – по-пушкински ответил писатель. – Правил везения, Серёжа, всего два. Записывай:

[432] «Ах! – и зарыдали оба» (А. С. Пушкин «Сказка о мёртвой царевне», 1833) – прим. лит. редактора
[433] «Да, слава в прихотях вольна» (А. С. Пушкин «Герой», 1830) – прим. лит. редактора

1. Слушайся своей интуиции
2. Считай, что каждая неудача
только приближает тебя к победе

Охранник мысленно ещё раз повторил сказанное и спешно накаракулировал на чистой страничке: «Оглянись кругом и взором найди какую-то Туи́цу. Слушайся её, потому что она, видимо, очень строгая»

Я хочу, чтоб твёрдо уяснили вы
и смогли растолковать всем людям:
интуиция – способность головы
задницей почувствовать, что будет!

Володя через плечо заглянул в блокнотик, с трудом разобрал написанное с помощью марсианской *технологии ръчиш–хыырчъ*[434] и посетовал:

– А что же ты вторую мудрость не обработал?

[434] Разбери написанное – марс.

– А мне она не покатила! – храбро ответил дурковатый.

– А мне, кстати, тоже, – засмеялся Кулемзин.

♠♠♠

– Мизе́р, мать моя КПСС! – воскликнул большевик и победно посмотрел на соперников, как бы приглашая их заранее разделить радость своей победы.

– Вот те на! – отозвался семижопинец. – И на хрена́ мне такое счастье?

Литератор улыбнулся и решил немного просветить коллектив:

– Лично мне это напоминает одно из знаменитых замечаний, а, вернее, последнее замечание знаменитого убийцы Фердинанда Стивеновича Боуэна, сделанное им в тюрьме Синг-Синг[435], когда его пригласили немного посидеть на электрическом стуле. Представляете, он тогда пробормотал что-то вроде этого: «Эта идея мне невыносима…»

[435] Американская тюрьма с максимально строгим режимом в городе Оссининг, штат Нью-Йорк – прим. автора

♠♠♠

– А давайте мы с Васюханом сыграем с вами уже сегодня – в час ночи! – неожиданно предложил Муравлёв, после чего все поняли, что у него на почве недопитости начинает развиваться алкогольный психоз с синдромом бреда отваги.

– Знаешь, парень, – внимательно посмотрел на него Кулемзин, – когда-нибудь ты попадёшь не на тот поезд, поскольку пытаешься сесть в свой до того, как он пришёл.

– Как это, святой Малевич? – удивлённо подпрыгнули брови художника.

– Вот Серёжа не даст соврать: великие «Nazareth» ещё в 1977 году пели об этом в своей гениальной песне «Gone Dead Train» [436]

[436] «Поезд стал мёртвым» – англ.

Року с чувствами внимая,
под покровом бытия,
назаретов понимаю
по-английски только я!

– Не дам, мать честна́я, – подтвердил бывший хлопчатобумажник.

– Чего не дашь, йодистый казуист? – не понял музыкант.

– Соврать, – объяснил Афанасьич.

– Так вот, – дождавшись конца диалога, продолжил знаток мирового рока. – Я как-то по случаю перевёл эту песенку, правда, не в виде подстрочника, а творчески переработал,

как это умею делать только я. И вот что у меня получилось:

Он вновь по рельсам тарахтит –
тот поезд мертвецов,
вагоны тянет, как магнит,
от инея свинцов.
Горит огонь в его котле,
но кто здесь кочегар? –
сидит лишь призрак на угле,
свистком гоняя пар.
Хочу я поезд научить
немного быть живым,
чтоб мне билеты получить,
когда исчезнет дым…

. ♠ Володя: **163** очка
♦ Талгат: **81** очко
♣ Нуртай: **– 5** очков
♥ Серёжа: **– 12** очков

Глава 221. МАНЯЩИЙ ХАОС ЖИЗНИ, или УВЫ, ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА (вниз по лесенке – до финала, продолжение)

А игра стремительно катилась вниз – с каждым роббером словно бы по лесенке – до са́мого финала, коим в любой партии был последний роббер на *тёмной* на 12 картах…

♠♠♠

– Ну откуда у тебя эта склонность к силовым методам? – пенял Альбионыч в сторону ленинца. – Где гибкость, яйчики-бабайчики, где умение манипулировать, где способность к комбинациям и вариациям? Пойми, Нуртай, если всё время переть как бульдозер, можно наскочить на такую бетонную стену, о которую сломается весь механизм…

Услышав такое откровение, старший джус Митрохин страшно пожалел, что у него нет такой книжечки, как у Полтавцева, затем вытянул шею и задышал, словно собираясь хотя бы так запомнить сказанное, а про себя упомянул некий едрит Мадрид, открытый им коллективу только в последней книге романа.

– И вот тогда, – горько закончил филиппику Володя, – такую машину уже не собрать и не починить…

Наступила минута молчания, изредка прерываемая истошными воплями дворовых детей, которые сейчас метались по пространству Бермудского Учпучмака, словно обречённые троянцы.

До тринадцатого вала
(«Вот же экая напасть!»)
Троя долго воевала,
в «Илиаду» чтоб попасть!

♠♠♠

Писатель сидел над последним роббером и, глядя в карты, сосредоточенно размышлял о том, что́ ему лучше приготовить на ужин – макрель под ананасовым соусом, средиземноморского тунца под лаймом или всё-таки японские роллы *негимаки*?

♠♠♠

– Каин сильно огорчился, и поникло лицо его, – весело прокомментировал Володя ситуацию, когда охранник вместо того, чтобы забрать третью заказанную взятку, зевнул в полную пасть и отправил своего младшего джокера *за простую*, посчитав план решающего года пятилетки выполненным..

– Какой ещё Каин, царица лесная? – отмахнулся он от слов Кулемзина.

– Персонаж из этой цитаты, – уточнил писатель. И уточнил ещё раз:

– Так называемое Бытие, глава 3, стих 1.

– Стих один? – расстроился охранник. – Чего же, рядом никого не было?

– Да был, только в виде трупа.

– Ой! – испугался Полтавцев. – Кто?

– Да брат родной, яйчики-бабайчики, – пояснил Альбионыч.

– Вона как, – ещё раз расстроился за незнакомцев сторож.

Так с кем же братишка боролся –
садист, отвратительный тип?
Народу – раз, два, и обчёлся!
А тут ещё Авель погиб…

♠♠♠

– Ну ты, Талгат, разбойник! – застенчиво попенял Курманбаев, когда унтер-корнет неожиданно забрал его старшего джокера покером. – Прямо как Абдулла, мать моя партийная организация!

– В смысле, ёперный таджик?

– В смысле из фильма «Белое солнце пустыни», – объяснил педагог.

– А-а-а, «Белое солнце пустыни»? – включился в обсуждение Васюханыч. – Я тоже его помню, сто раз смотрел! Хорошее кино, едрит Мадрид: там такой Петруха одной узбечке говорил: «Гюльчатай, открой лифчик-то …»

♠♠♠

Уши у литератора мгновенно стали красными – самый верный признак того, что сейчас он выйдет из себя, после чего дальнейший разговор потеряет для соперников всякий смысл. Но спасителем в данной ситуации неожиданно стал Афанасьич.

– А не взять ли нам ещё немного напитка счастья? – выкрикнул он и уточнил:

– Для разгону!

Причина показалась существенной: даже без уточнения, о каком именно напитке и каком именно счастье идёт речь, деньги были выданы семижопинцу немедленно.

Открывай аккредитивы,
шесть бродяг – бутылок шесть:
если деньги есть на пиво,
значит, счастье тоже есть!

♠♠♠

Марсианин выкинул на столик своего старшего джокера и обозначил намерение:

– По червям!

«Какое интересное начало!», похвалил он себя про себя. «Похоже на гамбит Вильгельма Йозефа-Саломоновича [437] Стейница 1939 года…»

[437] ***Не ошибка – прим. шахм. редактора***

♠♠♠

После только что полученных и тут же потерянных 90 очков удар по нуртаевскому самолюбию был сильным.

– Сохранить богатство гораздо тяжелее, чем его нажить, – посочувствовал Володя. – Помнишь, как у олимпийцев: стать чемпионом легче, чем им остаться?

– Не помню. Не был. Не участвовал, – угрюмо ответил партийный коммунист.

Заработал мало гривен
наш хохол и бракодел:
был безынициативен –
на путёвку пролетел!

♠♠♠

Игра уже шла на роббере из 8 карт, и Кулемзину становилось всё труднее удерживать ситуацию в своих натруженных мозолистых руках знатного покериста. «Как же отвлечь этих иблисов?», отстранённо подумал он о тех, кто сидел сейчас рядом и напротив него. И тут же придумал.

– Я давно заметил, яйчики-бабайчики, что римская буква X напоминает ко́злы для распилки дров…

Ох, горазды мы в ремёслах,
на работу страшно злы:
пилим мы дрова на ко́злах –
называют нас козлы́!

Так называемые партнёры по лучшей в мире игре все как один бросили изучать карты и уставились на Володю, ожидая продолжения. И они его получили.

– Но если поставить такие ко́злы парой, то получится не какое-то короткое предложение, а вполне таки римская цифра – XX. А если к ней добавить ещё одну палку, то как раз выйдет наше столетие, в котором мы имеем несчастье проживать, то есть XXI век. И вот эта цифра уже начинает тревожить, потому что в ней я вижу сразу двое ко́зел и одного несчастного, который вынужден работать за четверых!

– И к чему ты всё это, мать моя КПСС? – скривил губки саксаульский большевик Курманбаев.

– Жаль, что ты, Нуртай, не владеешь английским языком, а то бы понял, что я сейчас произнесу. Если вспомнить, что эти ко́злы зовутся по-английски buck[438], то наш век всё-таки можно рассмотреть несколько юмористически, например, вот так:

One buck, one buck
and one choovak!

[438] ***Читается бак – прим. главы гильдии переводчиков романа «Русская кочерга»***

♠♠♠

К концу роббера на 8 картах выяснилось, что все участники игрового процесса давно вышли в плюс, и разница между ними была лишь *арифметической*: у Альбионыча сумма заработанных очков выражалась трёхзначной цифрой, а у остальных покеристов – двузначной.

– По-моему, святой Малевич, – глубокомысленно заметил живописец Муравлёв, – положение становится безвыходным, – после чего подтолкнул в бок друга-соседа.

Глава 222. МАНЯЩИЙ ХАОС ЖИЗНИ, или УВЫ, ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА (вниз по лесенке – до финала, окончание)

Антенщик не стал чиниться и тут же рассказал короткую байку под названием

Про безвыходное положение

– Во времена СССР бригада советских сварщиков тянула трубу здоровенного сечения в братскую Чехословакию. А работали они, едрит Мадрид, так: наши тянули трубу на нашей территории, а чехи – на своей. И вот на точке соединения одним летним вечером наш сварщик, хорошо выпив, залез поглубже в трубу и уснул.

– А нельзя ли узнать фамилию этого нерадивого работника? – поинтересовался Мусаич, в котором никогда не засыпало его стукаческое прошлое.

Не бомбят пятиэтажку –
что же в окнах свет погас?
Просто бьют соседа Сашку,
и уже не первый раз!
Вряд по недоразуменью,
и пиар тут не причём –
у жильцов сложилось мненье:
был он в прошлом стукачом…

Старший джус не стал отвечать на эту глупость и продолжил:

– В общем, когда утром этот бедолага проснулся, трубу уже заварили. Но это же был наш человек! Какой-нибудь великобританец так бы и сгинул в стальной пучине братской дружбы, но наш сразу сообразил, что делать, и стал двигаться *вдоль*, пока перед ним, как в книжном раю, не появился свет.

Короче, вылез он и узнал, что… лез не в ту сторону, так как оказался в Чехословакии, а это, сами понимаете, незаконное пересечение госграницы! Ну, пообщался он кое-как с чехами и понял, что дело швах, ведь дома, в СССР, его ждали жена, двое детей и 13-я зарплата за ударный труд.

И вот выпросил он у братьев-славян здоровенный молоток, запел песню Аллы Пугачёвой «Всё могут бубновые короли» и пошёл обратно. Через некоторое время он приблизительно прикинул расстояние, после чего начал стучать молотком по трубе. И на его счастье наши работяги услыхали горемыку, вскрыли трубу и вывели на свет *дедушкин* затворника. А потом распили пару литров за спасение товарища и договорились – про такой курьёзный случай молчок, а иначе не только этот Семён Поддувалов, но и его спасители могли огрести от высшего начальства, да и премии можно было лишиться!

Рано праздновать мне труса,
хоть в душе и диссонанс:
ох, на премию напьюсь я,
словно в первый мой аванс!

♠♠♠

До заветных трёх взяток, которые преподаватель еврейского колледжа самонадеянно заказал на роббере из 6 карт, осталось взять всего одну, но после его хода выяснилось, что следующим бросал карту Альбионыч, и это было страшно.

– Володя, не забывай, что мы с тобой лучшие друзья, – заискивающе произнёс саксаульский ленинец.

Военный трубач тут же метнулся в бермудские кусты – скинуть очередной харч, и потому не расслышал ответ писателя:

– Знаешь, Нуртай, по-моему, неправильно говорят, что друзья должны вместе съесть пуд соли. С такими друзьями, как ты, иногда достаточно и спичечного коробка́ дерьма!

Говорил своей я даме,
с кем прожил аж жизни треть:
«Если соль нам жрать пудами –
можно запросто сгореть!»

♠♠♠

– Володя, вот если ты такой умный, то ответь, – начал Серёжа.

Литератор поморщился – он знал, что такое начало ничем хорошим не закончится.

– Вот почему куры с петухом, мать честна́я, дружно живут?

– И как это соотносится с *русской кочергой*? – мягко попытался отговориться саксаульский и русский писатель.

– Напрямую, – объяснил ему Афанасьич. – Так почему?

Кулемзин, лично знавший кур лишь по одноимённым бульонным кубикам (хотя на са́мом деле это были параллелепипедики) и цыплятам табака, замешкался. На ум шли какие-то Курочка Ряба, петушок по имени-отчеству Золотой Гребешок да ещё некая птицеферма с инкубатором.

– Потому что петух один, а куриц много, – наконец нашёлся он и густо покраснел, потому что даже старшему прапорщику эта версия показалась крайне слабой.

– Нет! – торжествующе воскликнул охранник.

– А почему, едрит Мадрид? – поинтересовался Васюхан.

– Да потому, что найдёт петух зерно и давай кликать кур: ко-ко-ко, ко-ко-ко, ко-ко-ко, ко-ко-ко…

Здесь Полтавцев не на шутку увлёкся и, прикрыв глаза, как бы впадая в незапланированный транс, стал квохтать не переставая. Через секунду в его печень мягко вошёл военно-музыкальный локоть.

– …ко!, – в последний раз проверещал бывший текстильщик, – а они всё бегут, слушаются его и не обсуждают!

На хоздворе своя есть каста,
рули́т здесь с гребешком чувак:
петух меняет кур так часто,
что куры говорят: «Маньяк!»

– Ну, и? – хором спросили присутствующие.

– Всё, – довольно заключил придурок.

Ещё некоторое время попереживав таинственную историю, игроки наконец завершили основное занятие дня, а неиграющие Николаич и Васюханыч, отойдя в сторонку, ещё долго шептались, причём так громко, что до покерной *хевры* доносились громкие русские слова *петух* и *куры*. А автор, спрятавшись за карагачом, в последний раз сообщил своему читателю итог этой завершающей игровой сезон битвы:

. ♠ Володя: **208** очков
♦ Талгат: **126** очко
♣ Нуртай: **94** очка
♥ Серёжа: **111** очков

Глава 223. ВЕСЕЛЬЯ ЧАС И ЧАС РАЗЛУКИ (До начала процесса, или Поход за весельем)

И тут Володя увидел сразу 13 нацеленных на него печальных глаз. Как так? – воскликнет здесь мой читатель, а автор объяснит ему, что 10 глаз из названных 13-ти принадлежали героям «Русской кочерги», сидящим на всё еще покерной скамеечке, ещё два гла́за – карликовой русалке, прячущейся в скудной листве почти осыпавшегося карагача, а ещё один – во́рону, который в этот момент просто прищурился от острого закатного лучика.

А печальными взоры человеческих героев прошлого предложения были известно от чего: эти персонажи знали, что вот оно и наступило – самое лучшее время из всего светового дня, когда можно было не ломать головы над заказами и их исполнением в виде взяток, не надо думать, сыграть мизе́р или блеф, не надо представлять себя или честным рыцарем, или подлым трусом, в общем, короче говоря, не надо было *поглощаться* в очередной роббер очередной партии. Всё! И робберы, и партии оказались законченными, причём, не только сегодня, в последнее воскресенье недели, но и в последний день последнего летнего месяца 2003 года, а также в последний день, который сейчас описывается в последнем томе нашего великого романа.

Слова́, как сливы, созревают,
и могут вмазать кистенём:
«В последний день конец бывает!»
Но мы ведь завтрашний начнём?

И чтобы сгладить тягостное впечатление от предложения, перенасыщенного словами с длинным, как у морковки, корнем **последн-**, человек, на протяжение всего нашего бесконечного романа притворяющийся писателем, сделал задумчивое лицо и тихо, со значением произнёс:

– Посмотрите на сумрак умирающего августа, друзья. Что вы здесь видите?

«Да ни хрена́, царица лесная, пока на столике не появится что-то сто́ящее и стоя́щее!», хотел было произнести сторож Полтавцев, но Альбионыч уже продолжал свою лабуду:

– А видим мы здесь то, что *воскресение* давно стало просто словом в календаре, утратившим связь с тем словом, что когда-то обещало надежду каждому…

Правда, здесь покерный гуру заметил, что лица его подневольных слушателей, только что жившие обещанием скорого счастья, заметно опечалились, и поспешил исправить положение, продолжив уже более бодрым голосом:

– Кстати, давно уже надо пересмотреть календарь. Вот, например, почему бы не сделать в неделе не семь дней, а восемь?

Это что же в самом деле –
чем себя вознаградить?
Надо восемь дней в неделе –
лишний литр мне *усадить*!

– Зачем? – всполошился педагог, во всём любивший устоявшийся порядок бытия.

– Да чтобы восьмым днём было второе воскресенье, – предложил великий реформатор. – Ведь как было бы удобно: в одно воскресенье набухаться, во второе – похмелиться, а в понедельник – на работу!

– А, ну если так, то можно и ёперных десять! – поддержал идею Салихдзяныч.

– А то и все 30, святой Малевич! – высказал уже какую-то совершенно фантастическую идею Муравлёв.

– Или 31! Иногда… – дополнил идею его друг Васюхан.

– Стоп-стоп, друзья! – поднял руку Кулемзин. – Я вот что подумал…

– Давай я догадаюсь, мать моя партия! – перебил его старый классовый враг Курманбаев. – Наверное, ты хочешь угостить нас всех – по случаю праздника?

«Конец недели, конец месяца, конец романа?», горько подумал литератор. «Да разве же это праздник?!»

Бровь свою не опечалишь,
не протянешь её в нить:
праздник нам – всегда тогда лишь,
если выпить-закусить!

– Нет, – второй раз поднял руку спонсор коллектива, – я просто хотел вам напомнить, что именно сегодня, 31 августа… но много-много лет назад… в 1674 году в американском городке Род-Айленд была запрещена продажа спиртных напитков индейцам…

– Надо же, мать честна́я, – опечалился за неизвестных ему аборигенов семижопинец. – И как же они выкручивались?

– Да кто как, – объяснил штатный историк Бермудского Учпучмака. – Кто вместе с томагавком откапывал старые запасы ви́ски, кто убивал бледнолицых – с целью похищения спиртного из их фляжек, а кто и вообще кончал жизнь самоубийством – с глубокого неизлечимого похмелья!

Но оказалось, что отклонить знатных бермудцев от намеченного курса на привычное вечернее распитие оказалось не так легко.

– Володя, – робко заметил Нуртай, с вожделением глядя на карман знаменитой марсианской рубашки. – Там у тебя ещё 1432 назарбакса осталось…

– Ну и глаз, яйчики-бабайчики! – восхитился марсианин. – Как у вертухая на шмоне!

Следующим номером программы выступил экс-текстильщик, недолюбливавший своего соседа по лестничной площадке, но решивший сейчас выступить с ним в одной пятой колонне. Он привстал со скамеечки, прижал руку к груди и, как ему казалось, с выражением пропел:

– Эх-ма, эх-ма,
кабы назарбаксов тьма!

Песня была явно неизвестна покерной хевре, поэтому горячих аплодисментов не заслужила.

– Серёжа, – поморщился Кулемзин. – Вечно у тебя одна мысль…

– Почему одна? – возмутился сторож. – А закусить?!

Нам паникеров не понять,
и кризис нас не задевает,
пока хватает на 0,5
и есть места, где наливают!

Но и единственный в коллективе трезвенник (не считая, конечно, пивопития) тоже решил не отступать от праведного дела постановки своих друзей и Нуртая на ~~строгий учёт~~ рельсы трезвости.

– А вы знаете, – решительным тоном задал он (прости, русский язык!) сакраментальный вопрос, – что вы пьёте уже це́лую неделю?

, после чего был оглушён одновременным шумом сразу пяти ответов:

– Да ну, царица лесная!

– Вот это да, мать моя КПСС!

– Ну надо же, святой Малевич!

– Не может быть, йодистая неделя!

А конец возгласам подвёл недавно принятый в коллектив старший джус, но, как оказалось, хорошо в нём прижившийся:

– Да неужто правда, едрит Мадрид? Так это дело надо отметить!

Хорошо, что наши деньги
в карманáх бросают тень:
отмечаем каждый день мы
этот самый каждый день!

Альбионыч хорошо помнил, что бóльшая часть его доходов от разной коммерческой деятельности оседала в сомнительной лавке золотозубой Калимы навсегда, как «Титаник» на дне Атлантики. И сейчас эту нехитрую мысль напомнил ему Полтавцев, который произнёс жалобным голосом, подавая ему ковшик правой руки:

– Володя, ты же знаешь, у меня в голове было много считалок для магазинных походов, но вот сейчас все они кончились. Может, ты знаешь какую?

После чего решил польстить знатному учпучмакскому поэту:

– А если не знаешь, то сразу же сочинишь!

Писатель знал, что сторож сейчас произнёс многократную ложь: назвал головой свою тыкву, соврал, что может хоть что-то знать много, а также то, что его дурь когда-нибудь кончается. Но делать было нечего, ведь это был действительно последний вечер последнего дня последней недели последнего месяца лета! И тогда он, подумав 4,6 секунды, стал привычно тыкать пальцем в грудь каждого из сидельцев на покерной скамеечке, разумеется, включая и себя:

– В этот жаркий день и знойный
снова будем мы в дрова:
в путь отправится достойный,
а, быть может, сразу два!

Последние слоги *-зу* и *два* пришлись на сидящих рядышком покерных болельщиков из числа живописцев и антенщиков, так что Валера и Васюхан, кряхтя, подняли некоторые части своих организмов и стали собираться в поход.

– Кстати, я слышал, – неожиданно обратился к коллективу Митрохин, – что в нашем сельпо сегодня должны появиться новая водка под названием «Хорошо пошла!»

– Охотно верю, – отозвался Володя, хотя и недоумевал, где такую новость мог услышать Васюханыч. – Как вы водку назовёте, так она и потечёт!

Перед походом скороходы повернулись к большевику и одновременно, как будто заранее разучивали вопрос, спросили:

– Нуртай, а тебе купить что-нибудь особенное?

– Да!

– А что?

– Не знаю, но купите два!

После этого Кулемзин снабдил снабженцев снабженческими финансами и даже помахал им вослед растопыренной пятёрней.

Аэропорты, вокзалы, причалы…
Все вы, конечно, когда-нибудь
и уезжали, и провожали
своих товарищей в дальний путь!

Глава 224. ВЕСЕЛЬЯ ЧАС И ЧАС РАЗЛУКИ (До начала процесса, или Поход за весельем, продолжение)

Все знали, что ничего нового – типа володиных загадок или баек оставшихся членов покерной хевры – затевать не стоило, потому что походы за *тяжёлым* спиртным обычно заканчивались быстро. Но только не на этот раз! Вот прошло уже 5 минут, вот 10, а наших скороходов не было видно.

– А не случилось ли, мать моя КПСС, чего-либо ужасного? – с ужасной гримасой на партийном челе наконец промолвил Мусаич.

– Вполне, – коротко ответил Володя.

После этого он решил сам провести тщательное расследование и отправился в лавку Калимы. Войдя через минуту в тёмный и душный контейнер, который уже па́ру лет притворялся торговой точкой, писатель обнаружил внутри целую толпу страждущих людей разных возрастов, национальностей и социальных статусов, которые, шушукаясь разными децибелами, создавали некий шумовой фон, в котором нельзя было понять ни сло́ва.

На майдане слышит Киев,
как куда-то соскочить:
все кричат слова́ такие,
что нельзя и различить!

– Валера, Васюхан! – повысив голос, позвал он, после чего из темноты, как Тит Кузьмич и Фрол Фомич [439], возникли оба вызываемых.

[439] Два дюжих молодца из сказки Леонида Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца» (1985) – прим. лит. редактора

– Что случилось? – задал Альбионыч трюизматический вопрос.

– Да эта иблисова Калима заперлась в своём кабинете…

«Так у неё ещё есть и кабинет?!..»

– …с каким-то подполковником продовольственной службы и что-то обсуждает с ним уже минут пятнадцать.

– А как ты, старичок, определил его принадлежность к этой таинственной службе? – спросил Муравлёва литератор.

– А по эмблемам! – ответил саксаульский микельанджело, который всегда гордился своим глазом-алмазом. – У этого по́дпола на кителе перекрещенные сосиски!

«Однако!», подумал спонсор покерного коллектива и, раздвинув толпу страждущих, решительно ступил в ещё более тёмный провал подсобного помещения.

– Калима, – тихонько позвал он, но был услышан.

Владелица популярного сельпо выглянула из «кабинета», узнала Володю и тихонько объяснила ему, что дело затягивается, так как вороватый военный пытается втюхать ей просроченную тушёнку «Великая Китайская стена» аж по 45 назарбаксов за банку, а она, напирая на то, что товар всё-таки просроченный, может взять его только по 30, а он спорит, что дата выпуска написана тоже на китайском, так что никто ничего не узнает!

Не грусти, коль в год Железной Мыши
не случится съездить на Гоа, –
выпей, закуси и, повторивши,
вспомни председателя Хуа [440].
Ведь когда его великий Мао
спрашивал: «Ну, как дела, Хуа?»,

тот ему ни много и ни мало
отвечал: «Всё классно – по Хуа!»

[440] Хуа Гофэн – председатель Коммунистической партии Китая (1976-1981) – прим. полит. редактора

Подивившись таким запутанным коммерческим делам, Кулемзин поинтересовался, когда же закончится всё это безобразие, и получил честный ответ, что не раньше, чем минут через 25-30, после чего вначале покинул помещение подсобки, а потом, прихватив неиграющих друзей, и всю торговую точку. Через минуту и следователь, и двое подозреваемых вернулись в родной коллектив и сообщили печальную новость всем потерпевшим.

Настроение на ноль?
Значит, нужен алкоголь!

– И что же делать, мать моя партийная организация? – воскликнул партийный. – Полчаса – это же, как говорил Владимир Ильич, *смерти подобно*!

И, не обращая внимания на метнувшегося в кусты Салихдзяныча, уточнил:

– Это – кто не знает – из его «Письма членам ЦК» от 24 октября 1917 года…

– А пусть что-нибудь полезное для нашего коллектива, едрит Мадрид, как всегда, расскажет Володя, – попросил Митрохин, причём, намётанным техническим глазом отметил, что при словах *как всегда* ленинец досадливо закусил губу.

И в этот момент в нескольких сантиметрах от покерного столика словно пронёсся незримый ветерок, на мгновение обдув всех шестерых знатных бермудцев.

– Что это пролетело, святой Малевич? – испуганно воскликнул Николаич.

– Не пугайся, старичок, – успокоил его единственный в коллективе природовед Альбионыч, – это восемь месяцев! Они в последние годы тут часто пролетают...

– А-а-а, – успокоено протянул художник эпохи Вырождения, – а я-то было подумал, что это опять НЛО какое-нибудь!

– А что, часто навещают, яйчики-бабайчики? – улыбнулся литератор.

– Да каждый день! – сообщил Валера. – А, вернее, каждую ночь, но особенно – после встреч с вами, друзья. Наверное, хотят, чтобы я им *выказал*, о чём мы тут беседуем…

У инопланетян – тарелки,
а вилки-ложки – на Земле,
вот потому и прилетают
к нам *за приборами* они!

Глава 225. ВЕСЕЛЬЯ ЧАС И ЧАС РАЗЛУКИ (До начала процесса, или Лекция об истине в вине)

Но предложение уже было сделано, и Володя задумался, какой же полезной информацией он сможет развлечь коллектив во время вынужденного перерыва, устроенного владелицей лабаза.

– А ты долго не думай, царица лесная, – видя мучения старшего покериста, вдруг сделал весьма странное для философа предложение охранник магазина «Пингвин и гагара», а затем развернул объяснение:

– Когда не знаешь, об чём ляпнуть, всегда бери ближе к ~~енеькам~~ теме!

– А какая ёперная тема сейчас? – поинтересовался саксаульский обер-корнет.

– Да бухло же, – просто объяснил сторож. – Об чём ещё тута думать?

– Merci, mon ami [441], – поблагодарил Серёжу на одном из европейских языков будущий

лектор, а остальные завистливо посмотрели на бывшего текстильщика, который уже второй год овладевал неким знанием, потому что явно понимал изъясняющего не по-русски Альбионыча.

[441] Спасибо, мой друг – фр.

– Итак, по просьбам трудящихся! – известил присутствующих марсианин. – Слушайте лекцию под названием

Истина в вине

– Эта известная фраза, которая на латыни звучит как «In vino veritas», употребляется довольно часто, причём не совсем ясно, что же здесь на самом деле имеется в виду[442].

[442] Фразу «In vino veritas» впервые употребил древнеримский учёный Плиний Старший (24-79 годы н. э.) в своём труде «Естественная история» – прим. ист. редактора

– Что, и ты, мать честнáя, не знаешь? – ахнул семижопинец.

– Да вот как-то так, – своими словами оправдался Володя, после чего продолжил:

– Правда, нам, русским, понятно одно: это непонятное выражение явно имеет отношение к употреблению любимых нашим народом напитков, причём удивительно, что (прости, русский язык!) контекст её употребления может быть не только одобрительным, но и осуждающим, – в зависимости от целей говорящего.

Мне проставили в зачётке –
в строчке, да по всей длине:
«Может, истина не в водке,
а действительно в вине?»

Итак, какая же истина может быть заключена в хмельных напитках, признанных вредными и для физического, и для психического здоровья человека? Давайте поразмышляем, чтобы понять истинный смысл этой фразы.

– Давайте, святой Малевич! – махнул рукой Муравлёв и попал по плечу сидевшего рядом коммуниста, который только чудом овладел собой и не высказался в отношении художника так, как это сделал в своё время его патрон Ильич I в письме А. М. Горькому, говоря об интеллигенции[443]. Правда, он не преминул высказать вслух ещё одно выражение всё из того же ленинского письма:

– «Когда я читаю Ваше откровенное мнение по этому поводу, я вспоминаю особенно мне запавшую в голову при наших разговорах (в Лондоне, на Капри и после) Вашу фразу: «Мы, художники, невменяемые люди»[444]. И я полностью поддерживаю слова́ вождя мировой революции!

[443] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 51. стр. 47: «Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и её пособников: интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно» – прим. полит. редактора

[444] Там же, стр. 48 – прим. полит. редактора

При вечерней синей дымке,
где токуют глухари,
говорил Ильич Максимке:
«Ты пиши да не дури!»

На этом лекцию, как это бывало и ранее, пришлось прервать на па́ру минут, и автору кажется, что мой читатель уже сам догадался, по какой именно причине. Впрочем, эта пара минут пролетела быстро, и Альбионыч продолжил образование коллектива:

– Если обратиться к кладезю, яйчики-бабайчики, русской народной мудрости…

Здесь все почему-то посмотрели на сторожа Афанасьича.

– … то есть пословицам и поговоркам о пьянстве, – уточнил лектор с покерным образованием, – можно легко вспомнить высказывание «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». А это означает, как известно даже дворовым детям, добиться правды от человека, узнать его истинные намерения, понять, что он в действительности думает о жизни вообще и о собеседнике в частности, причём, сделать это легче, если его подпоить. И этот приём работает! И не важно, что на утро протрезвевший покаянно бормочет извинения: дескать, спьяну сболтнул, ведь истина уже всплыла на поверхность, и все оправдания бесполезны.

Дело в том, что под действием алкоголя человек уже не слишком хорошо контролирует себя, и скрытые в подсознании сомнения, страхи и комплексы выходят наружу и так и просятся на язык.

Ум, язык поют дуэтом –
им обоим смысл ведо́м:
что у трезвого на этом,
то у пьяного – на том!

– Например, – продолжил Володя, – один мой знакомый психотерапевт (не буду называть его фамилию при Курманбаеве)…

Здесь все почему-то посмотрели на педагога Курманбаева.

– … так вот он перед началом лечебных сеансов собирал потенциальных пациентов и устраивал большой банкет с обилием спиртного. Кстати, он (терапевт, а не банкет) и сам принимал участие, употребляя вино наравне со всеми. Но главным условием здесь было не ограничивать себя в количестве выпитого, а хитрость заключалась в том, что всё происходящее снималось скрытой камерой. И уже после, на трезвую голову специалист просматривал запись и решал, как необходимо *строить работу* с каждым из клиентов.

А объяснял он свой странный метод просто: дескать, чтобы *вытащить* проблемы клиента, необходимо провести не один такой сеанс, ибо это сложный процесс, который может закончиться неудачей. А вот если человек выпил, все его проблемы проявляются сами собой, и необходимость в предварительных сеансах отпадает!

Человек всегда мобильный –
будь диод он иль катод:
выпил – смелым стал и сильным,
трезвым – сло́ва не найдёт!

Глава 226. ВЕСЕЛЬЯ ЧАС И ЧАС РАЗЛУКИ (До начала процесса, или Лекция об истине в вине, окончание)

Истинный талант

– Да уж, царица лесная! – дослушав первую часть до конца, по-воробьяниновски резюмировал охранник родом из деревни Семижопино, не забыв вставить в свой короткий спич упоминание о мифической царственной персоне.

Альбионыч покосился на перебивальца, но не стал делать замечания с утра подвыпившему человеку, а продолжил:

– Известно также, что многие талантливые творческие люди якобы помогали раскрепоститься своему таланту, подогревая вдохновение спиртным. И, кстати, именно в таком состоянии им иногда удавалось создать подлинные шедевры!

Здесь все почему-то посмотрели на художника Муравлёва.

– А дело здесь в том, что, раскрепощаясь под воздействием спиртного, подсознание такого человека более свободно начинает выражать себя, а вот голос сознательного звучит уже не так громко, ведь нет рамок, условностей, можно посмотреть на мир под новым углом, найти свежую, оригинальную идею и развить её – без оглядки на шаблоны и правила. Вот только заканчивали такие гении, как правило, плачевно…

Авторучкой или мелом,
крепко принявши арак,
пьющий гений пишет смело,
а непьющий – просто так!

Здесь все почему-то посмотрели на писателя Кулемзина. А он меж тем уже заканчивал вторую часть своей незамысловатой лекции:

– У спиртного, как и у всякого допинга, есть существенный недостаток: стимулируя воображение поначалу, оно со временем вызывает привыкание и требует увеличения доз алкоголя. А в это время, яйчики-бабайчики, и гибнут клетки головного мозга, и безвозвратно разрушается психика.

Здесь все почему-то посмотрели на старшего прапорщика Батыршина, который так и не понял, почему все посмотрели именно на него.

– А теперь, други мои, третья, заключительная часть моей лекции, – объявил литератор, – под названием

Истина в вине утонула

– Мало кто знает, что известное выражение, которое сегодня стало предметом моего талантливого исследования, иногда произносят полностью…

– Наверное, истина не только в вине, а ещё в водке и самогоне, едрит Мадрид, – предположил Васюхан.

Здесь все почему-то посмотрели на старшего джуса Митрохина, который отлично понял, почему все посмотрели именно на него.

– Нет, старичок, – опроверг его вздорное предположение марсианин. – Полная версия этого выражения звучит как «In vino veritas multum mirgitum», что означает «Истина в вине не раз тонула»!

– Вот как, мать моя партия! – воскликнул Нуртай, который понял, что в пылу пьянки, которая, даст *дедушка*, скоро начнётся, о нём могут вообще забыть.

– И с этим остаётся только горестно согласиться, – наконец завершил свои исследования Альбионыч. – Случайные проблески вдохновения, правдивые признания и прочие так называемые плюсы алкогольного опьянения, – всё это не окупает тот вред, который приносит пьянство. Не поэтому ли разговоры о высоком по мере увеличения количества выпитого почти сразу сменяются бессвязным пьяным бормотанием, а истинные чувства забываются ради пристрастия к банальному *зелёному змию*? Так что, други мои и Нуртай, истину в вине искать всё же не сто́ит…

От бессилья просто немы,
сколько счастья не лови,
ищем истину в вине мы,
а находим лишь в любви![445]

[445] ***Какая пошлость! – прим. гл. редактора***

После лекции, как пишут плохие писатели, наступила гнетущая тишина. Все пытались осмыслить рассказанное рассказчиком, но получалось плохо, а у некоторых и вовсе никак. Наконец первым тишину поломал саксаульский пиросмани Муравлёв.

– Володя, – волнуясь проговорил он, – видимо, от имени всего коллектива, – а ты можешь сказать нам, святой Малевич, зачем всё это нам рассказал?

– Конечно, – не стал чиниться писатель. – Но, думаю, у всех вас хватит так называемого ума самим понять (прости, русский язык!) аллегорический смысл сказанного – через некую притчу, автора которого по причине глубокой личной скромности я назвать не могу. Итак, **Притча о гвоздях**

Однажды к некоему Учителю пришёл один любопытный паломник.

– Учитель, – сказал он, – а вы можете лежать на гвоздях?

– В принципе могу, – ответил удивлённый Учитель.

– Ой, а можете показать? – взмолился паломник.

Учитель пожал плечами, высыпал на пол два ящика гвоздей, постелил сверху матрац и аккуратно улёгся.

– Нет, это неправильно, – упрекнул его пришелец. – Гвозди надо вбить в доску – остриями вверх. И вот потом на этом лежать!

– Мужик, ты что, совсем дурак? – вежливо спросил Учитель и отправился пить зелёный чай, заваренный с маленьким кусочком имбиря, маленьким кусочком лимона, маленьким кусочком красного перца и большим цветком жасмина, который к его приходу как раз раскрылся в напитке…

Вырос я большим детиной,
получил диплом врача,
а *зелёный* чай пью с тиной –
просто рядом нет *ключа*!

– Ну как, всё понятно? – спросил после притчи ещё один великий Учитель, и автор не сомневается, что любой из сейчас держащих в руках этот огромный том, догадывается, о ком идёт речь.

Слушатели числом пять все, как один, вспомнили, что перед притчей Альбионыч понадеялся, что у них хватит ума понять её, и стали ожесточённо кивать головами, словно хотели использовать их вместо спортивных ядер, которые, как постоянно видят телезрители, так надоели атлетам, что те постоянно хотят зашвырнуть их куда подальше.

А сам автор в это время прятался за соседним карагачом и не знал, как завершить эту главу, пока не заметил, как мимо игроков…

Мимо игроков… тьфу, покерных алкашей… прошла девушка со взглядом цепким, но пустоватым, как у большинства нынешних молодых людей. Увидев, что девица, как ему показалось, посмотрела именно на него, старший ~~ловелас~~ прапорщик Батыршин тут же забыл о супруге и уставился на её (девицы, а не супруги) ноги. И было на что посмотреть – ноги оказались очень красивыми и длинными, настолько длинными, что правильнее было бы написать *длин-н-н-н-н-ными.*

Экономия повсюду
и повсюду хозрасчёт,
потому у девок юбки
всё короче каждый год!

– Володя, царица лесная! – неожиданно воскликнул охранник Афанасьич. – А вдруг в магазине уже *дают*?

– Не беспокойся, друг мой, – улыбнулся литератор. – Я же на ушко договорился с магазинщицей Калимой, что когда она будет давать, то *маякнёт* нам путём громкого крика в нашу сторону…

Глава 227. ВЕСЕЛЬЯ ЧАС И ЧАС РАЗЛУКИ (До начала процесса, или Первая из двух баек)

И тут марсианин хлопнул себя по лбу – жестом, которому научился у русских землян одним из первых.

– Что с тобой, ёкарный старик? – озаботился его психическим здоровьем военный музыкант.

– Да я же могу позвонить Калиме! – ответил вспоминалец и тут же достал из кармана штанов свой миниатюрный аппарат, после чего нажал несколько кнопок, дождался, пока не прекратятся гудки, открыл рот, чтобы задать вопрос, но из аппарата уже слышался ответ:

– Володя, ещё минут десять – и можете приходить! Ваша очередь – первая!

– А раньше, мать моя Октябрьская революция? – пискнул Курманбаев.

– Передай этому придурку, – громко ответила старшая лабазница, – что я сейчас провожу сеанс мерчандайзинга[446]!

[446] От англ. merchandising – часть процесса маркетинга, определяющая методику продажи товара в магазине – прим. соц. редактора

Я сегодня мерчандайзер:
за товарами схожу,
всё на полочки положу
а, быть может, положу!

– А это что, так сейчас называется? – сделав вид, что не расслышал *придурка*, спросил большевик с педагогическим уклоном. – А он хоть симпатичный?

– Кто? – удивился спонсор коллектива.

– Да этот, в подсобке, который с Калимой этим… мудачайзингом занимается…

Все, включая уроженца деревни Семижопино, немного посмеялись над Мусаичем, который тут же успокоил себя тем, что всё равно умнее всех вот этих – вместе взятых.

А старший покерного столика в это время, чтобы скрасить тревожное ожидание, предложил кому-нибудь из присутствующих рассказать какие-нибудь жизненные байки, случившиеся с ними в разные периоды их существования. И первым вызвался Васюхан Митрохин, которому давно не терпелось поведать что-нибудь о своей жизни, а свою байку он назвал

О заводском иуде

– Работал я одно время после армии на Отцеябловском заводе имени Кирова…

– Это, мать честна́я, там, где торпеды выпускали? – небрежно поинтересовался охранник Полтавцев.

– Извините, я на минутку, – сорвался с места Нуртай.

Он забежал за карагач, первым делом расстегнул ширинку, вторым делом вытащил из кармана смятую *книгу жизни*, а третьим делом лихорадочно записал туда украденной на днях у Володи авторучкой: «Сообщ. в орг. про В. В. М., кот. прод. секр. род. всяк. прох.»,

что должнó было расшифровываться как «Сообщить в органы про Васюхана Васюханыча Митрохина, который продаёт секреты родины всяким проходимцам!». После этого ленинец вернулся в коллектив, известил остальных, что готов слушать дальше и – для конспирации – демонстративно застегнул ширинку, вернув *молнию* на место.

Расстегни скорей ширинку –
и иди на вечеринку!

– А начальником цеха у нас, – продолжил антенщик, – как раз накануне моего приёма на работу стал один человек, про которого говорили, что он отличается злостным *закладыванием*…

Здесь все в который раз посмотрели на Курманбаева, но тот сделал вид, что вообще не понимает, о чём идёт речь.

– …но не таким, чтобы по тихому, а так, чтобы потом это в некоем геройском ракурсе предъявить: вот, мол, смотрите, люди и общественность – я не побоялся! И вот из мастеров выбился в люди – стал начальником!

Короче, стал он начальником цеха и тут же по этому поводу объявил для всей верхушки цеха ГОД, или, чтобы было понятно всем, **Г**игантское **О**бмывание **Д**олжности, которое должно было произойти на его фазенде – в гостевом домике. Но что интересно, сам пить он отказался: мол, язва разыгралась, но народу подливал исправно, хотя, когда был мастером, обычно как раз именно его *выносили* с таких вот мини-корпоративов. А собрал он всех, как мы, работяги, говорили, *верхних* – начальников смен, начальников участков, главного механика, главного инженера – короче, всех.

И вот утром, минут за 15 до начала рабочего дня стои́т этот новый начальник на проходной цеха, а рядом с ним пара охранников с трубочками.

– В смысле, с пирожными? – удивился преподаватель еврейского колледжа, который, как видно, никогда раньше не сталкивался с подобными (прости, русский язык!) девайсами, после чего получил ещё один уничижительный коллективный взгляд.

– А этот иблис, – продолжил байку старший джус, – на всех *вчерашних* начал пальцем указывать и говорить, чтобы *дыхнули*.

Токаря и слесаря
поддавали втихаря!

Вот так и начал он своё царствование в цеху с этой глобальной борьбы, о чём незамедлительно *просемафорила* местная заводская газета «Торпедоделалец», что нашёлся, мол, тот, кто не побоялся пойти против систематического пьянства на производстве! Ну, и, конечно же, был этот подлец ~~кремирован~~ премирован и даже удостоился здоровенной фотографии на весь первый лист газеты.

– Да, дела, яйчики-бабайчики, – поразился даже видавший виды Альбионыч. – А мораль, Васюхан?

– А мораль простая, – покачал головой байкер[447], – непьющий человек, едрит Мадрид, в пьющем коллективе – это предатель, иуда…

[447] В данном произведении: человек, рассказывающий байки – прим. гл. редактора

На заводе нашем юмор
плохо понимают:
стóит месяц побухать,
сразу выгоняют!

– А давайте следующую историю я расскажу сам, – попросил Кулемзин, и все как-то сразу согласились, конечно, кроме Курманбаева, который сначала заявил отвод кандидатуре лектора, но когда получил сразу два тычка – в печень от живописца и в почки от унтер-офицера, тут же объяснил, что речь шла о *самоотводе*.

– Володя, только ты не такое страшное, как Васюхан, рассказывай, – жалобным голосом изложил просьбу экс-текстильщик. – А то сам знаешь, мать честна́я, каково это…

– В смысле, каково, святой Малевич? – поинтересовался художник.

– Да оно как-то так, – объяснил сторож.

– Хорошо, – согласился писатель с лекторским уклоном. – Я вам поведаю одну литературоведческую байку про знакомую всем сказку – на этот раз моего друга Сергеича. А называется она «Сказка о попе́ и о работнике его Балде»

– Знаю-знаю! – по-детсадовски захлопал в ладошки охранник. – Там один чувак всё прикалывался над одним толстым служителем культа, а потом сел на два года по статье 116 «Побои», рассматривающей насильственные действия в отношении человека, которые причинили физическую боль, но не привели к лёгкому вреду здоровью, – за избиение лица́!

Мне друган Балда базарил,
как однажды он влипал:
«В лоб попа́ я отоварил –
сразу в сказочку попал!»

– А откуда ты… мать моя КПСС… а как ты? – заблеял коммунист, но был быстро успокоен уже привычным способом, хотя именно к этому способу можно было вполне применить только что озвученную статью.

Глава 228. ВЕСЕЛЬЯ ЧАС И ЧАС РАЗЛУКИ (До начала процесса, или Вторая из двух баек)

– Если покопаться в интернете, – начал своё очередное исследование в виде байки Володя, – то можно найти кучу разных разъяснений смысла сказки Пушкина про попа́ и его работника. Но я, изучив их все, говорю: всё мимо! Просто удивительно, как люди, смотрящие в книгу, видят не суть произведения, а субтропическое листопадное растение рода фикус семейства тутовых, то есть фигу.

Между тем, ключ для понимания этой выдающейся сказки Сергеича всё-таки есть! И, говоря без ложной скромности, от которой я ни страдал ни одного дня своего существования[448], его (ключ, а не Сергеича) выточил как раз я, ведь именно сидящий перед вами гражданин Республики Саксаулия первым понял, что автор рассказывает в этой сказке

О некоем этапном событии в формировании трудового права в России

[448] На сегодняшний день, то есть 31 августа 2003 года, это составляет ни много ни мало 18.393 дня! – прим. автора

– Ерунда какая-то, мать моя КПСС! – пробурчал педагог с пропадлючьим уклоном, но сделал это так тихо, что его за столиком не услышал никто, кроме автора нашего романа, и поэтому эта бессмысленная фраза осталась только на данной странице 538.

– Думаю, содержание сказки напоминать никому не надо, тем более, что минутой ранее его блистательно озвучил наш друг Серёжа!

В книге есть чудны́е знаки,
их понять – наш идеал:

сказки смысл постиг не всякий, –
а лишь тот, кто буквы знал!

Итак, однажды некий страшно жадный поп нанял случайно встреченного мужика по имени Балда на работу – за кашу и три щелбана по лбу. Но такая идея оказалась для него (попá, а не Балды) весьма неважной, ибо от щелбанов служитель культа получил травмы, несовместимые с его дальнейшей профессиональной деятельностью! И это неудивительно, ведь *балдой* в пушкинские времена называли устройство для забивания свай, так что можно догадаться, чтó из себя представлял парнишка с таким прозвищем!

Но давайте, яйчики-бабайчики, читать:

«А Балда приговаривал с укоризной:
«Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной!»

Отсюда первый вопрос: с какой стати этот Балда упрекает попá? Да, он отработал год бесплатно, но ведь это было его собственное предложение, с которым батюшка просто согласился! Так какие же претензии? И за что такое жестокое наказание?

Вторая загадка: почему здоровый мужик, мастер на все руки, да ещё смекалистый, который мог бы найти хорошо оплачиваемую работу, нанимается к первому встречному *за бесплатно*?

Получается, что Балда, как опытный провокатор, поманил несчастного старика соблазнительным предложением, чтобы покуражиться над ним, и даже не пожалел для этого целый год своей жизни?! Что-то тут не так! Как однажды сказала Муму Герасиму: «Вы что-то не договариваете»!

Вернёмся к началу сказки:

«Пошёл поп по базару
посмотреть кой-какого товару»

Но мы уже выяснили: батюшке был нужен не товар, а работник. Тогда третий вопрос: почему он не пошёл на *биржу*, где обычно собираются люди, желающие работать по найму? И у меня есть своя версия: потому что этот жадина не хотел иметь дело с профессионалом, знающим расценки, и имеющим опыт общения с работодателями, – поп хотел дёшево нанять новичка, которого можно было потом ещё и обдурить при расчёте.

Ну, с батюшкой-то всё понятно, так что перейдём к основному персонажу. Трудно поверить, что он, как утверждает Сергеич, *идёт, сам не зная куда*. Напротив, Балда вполне готов к встрече с попом, ведь он с ходу делает ему предложение, от которого тот не может отказаться. Тогда получается, что этот умник заранее знал, что попу нужен (прости, русский язык!) хаускипер[449], а также он откуда-то знал, где и как тот будет его искать!

[449] Работник по дому – англ.

От кого же он мог получить эту информацию? Очевидно, от предыдущих работников. И вот здесь сюжет начинает проясняться: попу нужен новый работник, потому что накануне он рассчитал старого! Причём, рассчитал со скандалом, придравшись к чему-то и, как обычно делают работники РПЦ, недоплатив. Потом, я думаю, работник и отправился поделиться горем с собратьями по цеху в трактир…

Без ружья и конвоира
я на жизнь свою кладу:
горе есть – пойду в трактир я,
счастье есть – в трактир пойду!

– А вот это правильно, ёкарный бабай! – воскликнул музыкант Салихдзяныч, который давно мечтал устроить трактир под открытым небом – на территории знаменитого на весь второй микрорайон Бермудского Учпучмака.

– Нет, Талгат, здесь есть свой нюанс, – объяснил Володя. – В далёкие пушкинские времена трактиры были некими клубами по интересам – извозчики собирались в одном, приказчики в другом и так далее. И вот именно в этом месте наш Балда и встретил других пострадавших от деятельности хитроумного священнослужителя, а потом, бухну́в с ними, очевидно, здесь и было принято решение его проучить!

Из сказки неясно, наняли Балду за деньги или он являлся добровольным защитником корпоративных интересов, но зато понятно, что на встречу с попом он идёт творить возмездие не от себя, а от всего профессионального сообщества. Конечно, у Балды чесались кулаки сразу при встрече отвесить попу заслуженные щелбаны! Но нанесение тяжких телесных повреждений лицу духовного знания – в то время верная каторга. И вот тут Балда совершает уникальную операцию – он юридически оформляет себе право нанести побои попу́!

В ожидании улова
(было б мне кого пасти́!)
подставлял всегда попов я,
чтобы сам деньгу грести…

И хотя Сергеич об этом не написал, но сто́роны наверняка ударили по рукам при свидетелях, – всё-таки это был официальный договор найма. Кто-то другой на месте попа́ заподозрил бы в этом явно странном предложении что-то неладное, но батюшке оно показалось слишком уж привлекательным, к тому же он рассчитывал избежать оплаты ранее проверенными способами. Так что ловушка, в которую он попал, была выстроена *персонально для него*, и шансов вырваться из неё не было, что полностью исключает случайный характер происходящего. И этот урок, разумеется, был предназначен не столько попу́, сколько другим недобросовестным работодателям!

– Так это что же получается, царица лесная? – воскликнул Полтавцев. – Этот Сергей Иваныч, выходит, рассказал не просто забавную бытовую историю…

– …а этапное событие, святой Малевич, в формировании трудового права в России! – тут же добавил ещё один слушатель одной из последних лекций уходящего лета.

А Альбионыч в это время вспомнил название подглавки двумя страницами ранее и порадовался, что слушатели поняли его размышлизмы как надо. И только было он собрался подняться и проведать хозяйку (прости, русский язык!) алкошопа, как на скамейку рядом с ним присел толстяк, как две капли воды похожий на самого́ литератора.

– Привет. Привет, – обменялись близнецы приветствиями, не обращая внимания на шокированную картинкой покерную хевру.

– Кто это, мать моя партия? – наконец прошептал на ухо сторожу педагог Мусаич.

– По-моему, это Вл. Горький, мать честна́я, – так же на ухо ответил ему семижопинец. – Он будет про нас ро́ман сочинять…

При моём известном стаже
я могу всё уравнять:
изучив все персонажи,
буду в книгу их вставлять!

Глава 229. ВЕСЕЛЬЯ ЧАС И ЧАС РАЗЛУКИ (До начала процесса, или Окончательно состоявшийся поход за весельем)

И вот тут случилось маленькое происшествие, которыми и без того перегружена наша бесконечная книга. Дождавшись, когда пришелец отчалит, как остроумно выражались наши русские предки, *восвояси*, Афанасьич, забыв, что художник и антенщик недавно уже ходили в спецлабаз – за главным приобретением дня, внезапно протянул руку в сторону ~~дающему семя сеящему~~ [450] своего друга Кулемзина и жалобно произнёс:

– Володя, а ты можешь нам дать любую сумму – в пределах неразумного?

[450] Новый завет, Второе послание коринфянам, 10:15 – прим. богосл. редактора

– Конечно, могу, – не стал чиниться спонсор коллектива. – Но, прежде чем я сделаю это, пусть прозвучит из моих уст горячий призыв к покерной общественности: все ли из вас сейчас осознают свою причастность к деструктивному процессу, давно и безнадёжно прогрессирующему в нашей многострадальной Саксаулии?

– Верую, царица лесная! – вскричал охранник, который не понял ни одного сло́ва из страстного спича.

Поняв, что начал заход не с той стороны́, писатель сделал ещё одну, надо прямо сказать, глупую попытку остановить ещё не начавшееся алкогольное безумие:

– А, может, сходим ко мне домой – на предмет вечернего перекуса?

Прямо вам скажу по-русски,
как друзей нам воскресить:
«Вся еда для нас – закуска,
если есть что закусить!»

– Да было бы только настроение выпить, святой Малевич, а уж настроение закусить себя ждать не заставит, – неожиданно присоединился к большей части коллектива Валера, а его друг Васюхан, чтобы поддержать товарища, торопливо добавил:

– А я думаю, что пить – в русском смысле этого многогранного сло́ва – надо бросать на регулярной основе.

– В смысле, яйчики-бабайчики? – обалдел от потока новой для него народной мудрости литератор.

– Да чтобы, едрит Мадрид, навыка не потерять!

– Так и я о том же, – вскричал марсианин, хотя сердцем уже понял, что спор проиграл, но также по-глупому всё-таки решился на третью попытку.

«А, может, устроить им на прощание чайную церемонию?», подумал он, но оказалось, что, задумавшись, произнёс эту фразу вслух.

– Знаешь, старичок, – ответил ему Серёжа, – вот лично я не люблю этих ваших церемониев! Давай по-нашему, по-рабочему: водочки, да побольше!

– Да-да, мать моя партия, а то-то уже как-то сосуды начинают сгущаться, – задумчиво посетовал педагог Курманбаев.

После высказанных мнений на несколько секунд наступило молчание, которое зависло, как готовый вот-вот сорваться нож гильотины. И всё же сто́роны, где на одном берегу были пятеро алчущих, а на другом – один колеблющийся, пришли к компромиссу, и не могло быть иначе, ведь не может же щедрый и добрый персонаж в одночасье превратиться в жадного и расчётливого сквалыгу .

Смысл в сей мудрости огромный –
он ядрёный, словно квас:
я не жадный – экономный,
экономлю на всех вас!

И тут Володя понял, что по поводу *пить-не пить* высказались ещё не все, и выжидательно поглядел на Салихдзяныча. Оказалось, что тот понял его взгляд правильно, потому что тут же высказал и свою точку зрения на предстоящий деструктивный процесс:

– Ты, Вовка, не переживай, мы же дорогие *мартели* употреблять не будем, к тому же дешёвое йодистое бухло, как показывает моя многолетняя военная практика, справляется с ёкарным стрессом лучше дорогого, потому что мы во время употребления не слишком переживаем о потраченных деньгах…

– Вот это ни хренá себе мудрость! – вскричал счастливый обладатель книжечки «Для му.мы.». – А я-то всё это время думал, что ты, Талгат, дуб дубом! – после чего тут же накаракулировал на чистой страничке: «Жалко, что я в своё время не поступил в высшую школу прапорщиков, а то к нашему времени тоже бы знал, что дешёвая *палёнка* куда как лучше дорогого коньяка!»

Чтоб мы враз захорошели,
чтоб ещё хотелось пить,
пьём сейчас, что подешевле, –
чтоб подольше закупить!

– Да, – выслушав все мнения, задумчиво пробормотал марсианин, – как бы ГУБА не настала…

– Кака така губа? – неожиданно перешёл на народный язык большевик. – Ты что, мать моя КПСС, хирург, что ли?

– Да не губа, Нуртай, а ГУБА.

– А эт’ чё, мать честнáя? – поддержал просьбу бывшего и будущего собутыльника экстекстильщик.

– А это, мой друг, вот что:

Губительное
Удовлетворение от
Бухла
Алкоголического

, и именно этого я и опасаюсь!

– А ты не бойся, – горячо заверил Мусаич, – я, если что, всё возьму на себя!

– А уточнить не можешь, что именно?

– Могу, но не скажу: мы, коммунисты, всегда в первых рядах…

– …халявщиков, святой Малевич! – закончил тронную речь педагога Муравлёв, но по искрам из глаз ленинца понял, что только что нажил ещё одного врага.

Правда, недовольство Курманбаева длилось недолго – предчувствуя скорое забвение от последнего проигрыша, он нетерпеливо сучил правой ногой, дрыгая ей часто и мелко, а писатель Кулемзин к месту вспомнил, что в народе такое проявление нервов метко называлось *иблиса нянчил*.

И тут все сидельцы за покерным столиком узнали, как выражаются наиболее продвинутые филологи, который час, или, как выражается персонаж романа «Русская кочерга» Полтавцев, *скока время*, – из окнá квартиры второго этажа дома № 16, где обитала радиолюбительница Ангелина Ивановна, раздались короткие звуки, знакомые буквально каждому, кто когда-то проживал на территории Советского Союза (б).

– Московское время 15 часов дня, – известила невидимая ведущая.

– А нашенское – уже 6 часов вечера, – перевёл на саксаульский язык грамотный Афанасьич, а не менее грамотный Альбионыч даже вспомнил катренчик из какого-то стиха Николая Заболоцкого:

Тогда ударил вновь бокал,
и разом все *виват!* вскричали,
и им в ответ, устроив бал,
часы шесть криков прокричали…

Затем из окна раздались какие-то сдавленные звуки, как будто там начали кого-то душить, потом хрюканье, перханье и шипение, а потом и вовсе наступила благословенная тишина, отчего наши герои поняли, что во втором микрорайоне произошло очередное *веерное* отключение электроэнергии.

Глава 230. ВЕСЕЛЬЯ ЧАС И ЧАС РАЗЛУКИ (До начала процесса, или Окончательно состоявшийся поход за весельем, окончание)

Но молчание было недолгим – пропавший радиоголос внезапно сменился живым и, судя по обертонам, не слишком русским:

– Толик, не делай мне нервы! Иди домой!

Митрохин вздрогнул и спросил на ухо друга Валеру:

– А кого это она зовёт?

– Да Талгата же, святой Малевич…

– А она что, едрит Мадрид, забыла, что он татарин?

– Да нет, я думаю, что это очередные еврейские штучки!

А автор, прятавшийся в это время за карагачом, в который раз порадовался, что не надо ничего выдумывать, а просто слушать и запоминать – чтобы потом вставлять вот такие диалоги в очередную главу очередного то́ма своего блистательного романа.

Мне советуют: «Не кисни –
ради жизни на земле!»,
я ж пишу роман о жизни,
а жизнёха – обо мне…

Но военно-прапорщицкая супруга на этом не успокоилась: поняв, что голосом с балкона ничего не добьёшься, она попыталась проникнуть в сплочённый алкого… тьфу, покерный коллектив с другой стороны – внезапно сработал володин телефончик, и писатель, поглядев на мониторчик, определяющий звонившего, пробормотал:

– Женщины сначала ищут мужчину, чтобы быть за ним как за каменной стеной, а пото́м, яйчики-бабайчики, начинают долбить эту стену своим перфоратором!

, после чего просто отключил аппаратик, на что татарский глава еврейского семейства порадовался, что ему не надо произносить в трубочку стишок неизвестно чьего сочинения:

Обо мне сегодня дурно
ты подумать не спеши:
я сегодня не гламурный,
я сегодня выпимши!

– Господа, господа! – отвлёк внимание коллектива от семейного инцидента голос с южной стороны великого Бермудского ▲, в котором все узнали владелицу сельпо Калиму. – Я освободилась, так что прошу на свидание со счастьем!

Все вздохнули с облегчением, и даже приподнялись со скамеечки назначенные ходоки Николаич и Васюханыч, как неутомимая музыкальная жена выставила на учпучмакские просторы тяжёлую артиллерию – к покерному столику уже подбежали батыршинские дочки, которые, словно долго репетировали, хором позвали ~~батьку Махно~~ отца:

– Папа, мама кушать зовёт. Или сказать ей, что ты опять глухой?

Саксаульский шнапс-капитан застонал, мысленно открыл Устав караульной службы и прочёл давно волнующие его строки об армейском приёме пищи, после чего решил, что он (приём пищи, а не Устав) для человека военного, как известно, дело в жизни главное, – даже если его покрывают матом или ОФС[451].

[451] Осколочно-фугасный снаряд – артиллерийский боеприпас основного назначения, предназначенный для поражения живой силы противника и уничтожения легкобронированной техники – прим. воен. редактора

– Идите, дети, – отозвался несчастный родитель, – и скажите маме, что я глухой.

Валера с Васюханом, пошарив по карманам, нашли ранее врученные им назарбаксы и повторно отправились в магазин, а для оставшихся из общего мрака неизвестности наконец проглянула крохотная искорка надежды. Все, кроме Володи, напряжённо всматривались в сторону юга, как будто в Саксаулии началась война и была вероятность, что ходоки могли просто не вернуться из тыла врага.

В магазин пошла соседка –
закупиться на троих,
донесла *своя* разведка:
в магазине нет чужих!

Кулемзин знал, что такое напряжение чревато неизвестно чем, и постарался снять его, как мог.

– Хорошо, что воскресенье сегодня, – произнёс он, – а не завтра, как вчера…

– В смысле? – раздался в ответ разномастный хор из трёх голосов незадействованных в походе персонажей, а один из них, явно озабоченный больше остальных, даже поведал собравшимся свою беду:

– Что-то ёкарное настроение падает.

– И что? – индифферентно поинтересовался писатель. – Ты знаешь рецепт, как это исправить?

– Конечно, – с непонятным воодушевлением повысил голос музыкант. – Рецепт простой: пиво «Маршал» + водка «Чапаев»

– Думаешь, мать моя КПСС, поможет? – с надеждой заглянул ему в глаза Мусаич, но ответил ему не военный, а Альбионыч:

– Самое ужасное на свете – это сомнение[452], как однажды протрёкал со сцены мой черножоп… тьфу, чернокожий друг Отелло. И он был прав!

[452] Точная цитата: «Больней обиды это тайное сомненье / В самом себе…» (Уильям Шекспир «Отелло», акт I, сцена I) – прим. лит. редактора

Ходоков всё не было, хотя все слышали, что хозяйка лабаза клятвенно обещала отоварить их ~~по тыкве~~ полной котомкой без очереди, поэтому единственный в компании знатный саксаульский поэт воспользовался старым приёмчиком, то есть чётко и с выражением прочёл бедолагам стих, соответствующий предстоящему событию, под названием

Ангел-алкоголик

Весь день по городу бродил
бездомный ангел-алкоголик,
он денег у людей просил
и пел им о душевной боли.

Не узнавал его никто –
он был небрит и матерился,
он крылья прятал под пальто
и нимб носил в кармане джинсов.
Он на вокзале ночевал
и от ментов терпел побои,
он всё на свете потерял,
он обнищал и стал изгоем.
Его отвергли небеса –
не брал людей он под опеку.
Ведь люди верят в чудеса,
а ангел верил в человека!

«Но пора бы открыть волнующую тайну задержки скороходов в микрорайоновском сельпо», подумал автор и приступил к выполнению этого нехитрого плана. А дело было в том, что старший джус Митрохин впервые – с тех пор, как появился в нашем романе, переступил порог этой торговой точки, и был так впечатлён открывшимся ему ассортиментом, что банально упал в обоморок, и именно поэтому остановилось время, которое ушло на поиски Калимой бесплатной воды в собственном заведении, чтобы полить на лицо больного, хотя его друг-художник и намекал хозяйке, что неплохо бы – исключительно из человеколюбия – смочить виски́ пациента самогоном из зелёной бутылки без наклейки, а остаток отдать ему, как будущему надзирающему и лечащему врачу.

План леченья очень чёткий –
правда, не для синьорин:
алкаша лечу я водкой,
хоть прописан аспирин!

Глава 231. ВЕСЕЛЬЯ ЧАС И ЧАС РАЗЛУКИ (Процесс пошёл, или Напрасная лекция про ГАМК)

Но всему на свете приходит конец, пришёл он и нетерпеливому ожиданию наших героев. А положил его внезапный крик особо бдительного Афанасьича:

– Идут, мать честна́я!

, услышав который, все тотчас вспомнили старый советский фильм «Формула любви», в котором нечто подобное [453] кричала Фимка – дворовая девка помещиков Федяшевых. А уже через минуту глагол первого спряжения, настоящего времени третьего лица, выкрикнутый сторожем, превратился почти в такой же, но с изъявительным наклонением и прошедшим временем, оставив неизменным только первое спряжение, то есть «Пришли!»

[453] *«Едут!» – прим. кинoредактора*

И действительно оба ходока, утомлённые походом за счастьем, тяжело плюхнули на покерный (б) столик серёжину котомку, изучение которой тут же началось заинтересованными сторонами процесса. Литератор, который внимательно набирался впечатлений для своей заключительной книги эпопеи-мениппеи, заметил, что оно (изучение, а не счастье, хотя и счастье тоже) сопровождалось весёлыми криками, безумными огнями в очах и судорожными, но пока холостыми дёрганиями кадыков.

В кураже-ажиотаже,
на столе создав уют,
обезумев, ждём, когда же
нам в стаканчики нальют!

К его удивлению бутылочек оказалось не так много, как ожидалось, но бывшие игроки, а ныне будущие питоки, казалось, не замечали ничего, кроме принципиального Курманбаева, который вот уже третий раз громко произносил вслух:

– А где же, мать моя КПСС, наши стаканчики из пластических масс?

, но тут Полтавцев, который сроду не понимал этих высокоучёных слов, по собственной инициативе вслед за любовно вынутыми бутылочками небрежно вытряхнул из котомки пять скомканных и не очень чистых стаканчиков, облепленных табачными крошками, и раздал их потенциальным алкоголикам, а также свой знаменитый стеклянный стакан по имени *двухсотовый*, который протянул старшему коллектива Кулемзину, и тот очень обрадовался подарку, так как замучился постоянно пить пиво «Тянь-Шань» по-русски, то есть из горла́.

Всего в комплекте боезапаса, приобретённого старыми друзьями Валерой и Васюханом, оказались две бутылки неизменного туркменского портвейна «Чашма», маленькая – в 0,25 литра – бутылочка коньяка по алкашиному имени *чекушка* – и, наконец, вычурная бутылка, которая, по мнению марсианина, более приличествовала бы аристократическому ви́ски, о которой ещё 12 глав назад Володе сообщала Калима, настойчиво продвигающая свой товар направо, налево и прямо.

Альбионыч, увидев её (бутылку, а не Калиму), тут же понял, что об этом приобретении сто́ит сказать особо. Как и обещала хозяйка лабаза, на красивой иностранной бутылке ёмкостью 0,5 литра не было никакой этикетки, но на стеклянной поверхности было выдавлено название напитка:

, а вот сзади не было выдавлено ничего, зато учёный исследователь нашёл там так называемую контрэтикетку, на которой вполне русским языком сообщалась важная информация для потенциальных потребителей:

«60-процентная вода»
Рекомендована людям с избытком H_2O
в организме, легко пьётся, способствует

аппетиту, выводит из депрессий,
раскрепощает сознание.
Состав: вода – 60 %, консервант
(этиловый спирт) – 40 %.

Увидев в руках писателя такую знатную диковинку, все стали осторожно брать её по очереди, разглядывая и читая поясняющую контрэтикетку, а также обмениваясь мнениями по поводу прочитанного, а единственный в коллективе лектор-надомник тут же понял, что настал его час, и без ~~объявления войны~~ предупреждения выпалил короткую лекцию, как и было заявлено в названии этой главы, про ГАМК, которую он назвал **Почему хочется ещё**. И это было вполне своевременно, так как один из страждущих, а именно военный музыкант уже прилаживал руку для отвинчивания пробки.

– Подожди, Талгат, – остановил он движение мысли саксаульского хорунжего, – а я объясню тебе, зачем ты хотел это сделать…

– Да вмазать же, ёкарный бабай, – удивился странной тупости лектора Салихдзяныч, – чего же ещё!

– Дело в том, старичок, – терпеливо приступил к объяснению Володя, – что после нескольких литров пивка нашим людям – и русским, и саксаульцам, и вообще всем тем, кто когда-то проживал на территории Советского Союза (б), очень нелегко остановиться и закончить так называемое веселье. А всё почему?

И бальзамы, и сезамы –
наше главное плечо:
пить не можем завязать мы,
ибо есть у нас ещё!

– Да-да, Володя, расскажи, мне тоже очень интересно, – попросил лектора большевик и даже похлопал себя по заднему карману – как бы в поисках записной книжки для фиксирования лекции.

– Конечно, расскажу, – пообещал Альбионыч и тут же выполнил обещание:

– Когда человек сильно напивается, он (и это так странно!) часто хочет ещё больше алкоголя. А происходит это вот почему. Вот самый простой ответ: алкоголь высвобождает в алкоголиках такие (прости, русский язык!) ингибиторы, как дофамин и серотонин. Например, даже небольшое количество алкоголя может высвободить дофамин в так называемом *центре вознаграждения* головного мозга – если, конечно, такой ещё есть в тыкве у выпивающего.

– А это как, святой Малевич? – заинтересовался живописец, напряжённо всматриваясь в процесс отвинчивания пробки.

– Да просто, – ответил писатель, – ряд (ещё раз прости, русский яык»!) нейротрансмиттеров в разных частях мозга объединяются…

– … прямо как мы, едрит Мадрид! – воскликнул по ходу лекции антенщик.

– … и делают потребление алкоголя приятным.

– А разве, царица лесная, бывает алкоголь неприятный? – страшно удивился повторной тупости марсианина уроженец деревни Семижопино.

– И тогда, – продолжил Кулемзин, – человек начинает думать, что он отлично проводит время. Эйфория, создаваемая этими нейротрансмиттерами, усиливает привычку пить, а также мысль о том, что *чем больше, тем лучше*!

– Ну ты даёшь, ёперный мозголом! – произнёс старший прапорщик, наконец справившийся с пробкой. – А по-твоему, что же, чем меньше, тем лучше?

– Талгат, мать моя партия, не мешай слушать! – прикрикнул на него коммунист, который также, как Муравлёв, не отводил глаз от нужных действий трубача.

Друзьям принёс я весть благую:
бутылка ведь не лабиринт –
открою пробку я любую,
будь то сургуч [454] иль даже винт!

[454] Поясню для моих молодых читателей: с 30-х годов прошлого века до конца 50-х водочные бутылки заливались сургучом, под которым пряталась картонная пробка, покрытая изнутри целлофаном для непромокаемости – прим. автора

– А при чём тут какой йодистый гавк? – не вытерпел Батыршин, с наслаждением нюхая содержимое открытой бутылки с 60%-ной водой.

– Не гавк, старичок, а ГАМК, – терпеливо пояснил бермудский лектор. – Дело в том, что принимаемый алкоголь усиливает действие гамма-аминомасляной кислоты, известной учёным типа меня как ГАМК (а ведь именно она является главным тормозящим нейромедиатором в головном мозге), которая подавляет действие глутамата (главного возбуждающего нейромедиатора) в человеческом мозге.

– Надо же, какая интересная классовая борьба! – воскликнул педагог с пропадлючьими наклонностями, наблюдая, как его сосед по бывшей покерной скамеечке по привычке метнулся в учпучмакские кусты.

Писатель дождался возвращения вечного страдальца коллектива и продолжил:

– Следовательно, когнитивные и моторные навыки у алкоголика типа нашего врага Глав-Буха…

– Я! – раздался глухой голос из опаскуженных кустов, и все поняли, что названный алкаш давно залёг там, как в окопе под Харьковом в 1942 году.

– … страдают из-за употребления алкоголя, – закончил мысль покерный гуру. – Поэтому неудивительно, что пьяному человеку трудно сконцентрироваться.

Без поддержки, без поруки
квасим мы из кузова́:
отказали ноги, руки
и, конечно, голова!

– Эт’ точно! – неожиданно поддержал мысль лектора обер-корнет, вспомнив, как каждый вечер на этой неделе ему было тяжело добираться до родного еврейского порога.

– Интересно и то, что алкоголь, яйчики-бабайчики, – продолжил Володя, – заставляет основной ход мыслей работать как обычно, правда, при этом снижает вероятность того, что мозг будет порождать *связанные* мысли и строить логические цепочки.

– А ещё долго, мать честна́я? – перебил выступающего без трибуны Альбионыча сами знаете кто.

– В смысле? – удивился безтрибунный.

– В смысле завязывай свою лабуду! – объяснил бестолковому лектору охранник.

Тут Кулемзин горько усмехнулся, подумав про себя что-то нехорошее про этих не хотящих просвещаться людей, и так же горько закончил:

– Именно поэтому распитие алкоголя заставляет *принимающих* сосредоточиться только на самих себе, ведь им нужно всё больше и больше алкоголя, а процессы и окружение их нисколько не волнуют…

Счастлив радостью земною,
словно вижу каравай:
не волнует, кто со мною, –
мне скорее наливай!

Глава 232. ВЕСЕЛЬЯ ЧАС И ЧАС РАЗЛУКИ (Процесс пошёл, или Занимательные песни и разговорчики)

Да, мой любезный читатель, повторю ещё раз не повторённую вслух, но мелькающую между строк каждого тома нашего блистательного произведения одну из самых мудрых мыслей, рождённых неизвестно кем на планете Земля: **неизбежное неизбежно!** И это неизбежное так-таки произошло: вот только что наши герои жаловались на жизнь, рассказывая друг другу, как же трудно им приходилось с са́мого утра и до вечера тасовать карты, разбираться в козырях, заказывать взятки, а потом стараться взять их, ловча и обманывая соперников, прикрываясь иностранными словами покер и джокер, мизе́р и блеф, гранд и марьяж, а также ни разу ни прозвучавшей в романе «Русская кочерга», но вдруг вспомненной кана́стой [455], и вот теперь, когда всю эту, как называл любую жизненную ситуацию Володя, *херомантию* можно было благополучно забыть, эти же самые герои в момент сделались суетливыми, весёлыми и говорливыми, в данную минуту следя за тем, как Салихдзяныч, ловко схватив туркменскую бутылку с портвейном за горло, пытается выбить из неё пробку, хотя ещё вчера никаких пробок в этом виде продукции не было!

[455] ***Карточная игра на четверых игроков – прим. автора***

Нам 100 грамм – уже награда:
радость мы свою соткём,
пробка – к счастию преграда,
но её превозмогём!

И тут Васюхан, покопавшись в карманах штанов, отыскал некий железный предмет и торжественно вручил его Талгату. Тот оглядел предмет со всех сторон и задал уточняющий вопрос:

– Это что? Ёперное шило?

– Да нет, – странным русским присловьем ответил антенщик. – Это штопор, только он немного стёрся, едрит Мадрид.

– А-а-а, – удовлетворился объяснением старший военный трубач, после чего ловко, как будто обучался этому приёму в прапорщицкой музыкальной школе имени домбриста Курмангазы, расковырял пробку, проделав в ней маленькое отверстие, после чего тут же начал такой долгожданный розлив.

И, видимо, победа человеческого усердия над иноземной продукцией была так грандиозна, что живописец Муравлёв, ни разу за прошедшие дни не делавший ничего подобного, сейчас от полноты чувств исполнил что-то похожее на куплет из песни, причём, судя по содержанию, сочинённым им самим – как-то ночью, в приступе горячечного бреда:

– Как с тоски не ершись,
мы не снизим цену́ возрастного:
я люблю тебя, жизнь,
ну, а ты меня снова и снова!

– Да, яйчики-бабайчики, до Синатры тебе далеко, – поморщился Альбионыч.

– Эх, слышал бы ты, святой Малевич, как я в полный голос пою! – возразил ему самодеятельный певец.

– Да упаси *дедушка*!

– Это какого синантропа, царица лесная? – поинтересовался тянущийся к знаниям семижопинец, после чего тут же вытащил из котомки книжечку «Для му.мы.» и навострил двуцветный карандаш.

– Да был такой американский (прости, русский язык!) крунер Фрэнк Мартинович.

Слушать этого Синатру
назначают психиатры!

Здесь насторожились и другие присутствующие – никто из них, включая музыканта, тоже никогда не слышал такого сло́ва.

– А эт' чё? – поинтересовался художник.

– Крунер-то? Да такой же вокалист, только придерживающийся принципов свинговой фразировки.

– Американец, мать моя партия? – на всякий случай уточнил педагог Курманбаев.

– Да, – твёрдо ответил литератор, решивший не скрывать этого факта от общественности.

– А как же это он придерживается каких-то принципов? – иронично осведомился Мусаич, после чего тихо, как в театре, добавил в сторону:

– Капиталист проклятый…

– Не мешай, – дёрнул его за рукав шнапс-капитан. – И чего это хрунер делает?

– Да поёт как канарейка, только человеческим голосом, – просто объяснил нечаянный лектор.

Свищет, свищет канарейка,
воробьиная сестра, –
жарко вспыхивает шейка
в пыльной зелени двора…

– А есть какие-то характерные особенности?

– У крунинга? Конечно, есть! Прежде всего, это непринуждённое звукоизвлечение, а также повествовательная и элегантная подача материала, и, к тому же, имитация разговора в паузах между куплетами.

– А ёкарная тембральная насыщенность?

– Она тоже играет некоторую роль, – не стал разочаровывать музыканта Кулемзин.

У Полтавцева сегодня определённо был праздник – он не успевал строчить в заветной книжечке. Вот и сейчас после маленькой володиной лекции в ней появилась волнующая запись: «Американские певцы, особенно выжившие синантропы, совсем с ума посходили – не хотят петь как Людмила Зыкина, а только имитируют чужие разговоры посреди пения. И за что им только американские доллары плотют?!»

После этого все, не дожидаясь тоста, выпили за Синатру и его крунинг, хотя марсианин, тайно применив некую инопланетную технологию, до этого снизил температуру своего любимого пивка аж на 4°, и вот сейчас отхлебнул из серёжиного *двухсотового* па́ру серьёзных глотков.

– А чего это ты, Володя, без йодистых тостов пьёшь? – решил попенять ему обер-корнет, после чего усилил это попеняние серьёзной предъявой:

– Не можешь человеческих слов сказать, так хоть стишки прочитай.

По земле пройдя боями
и оставшись на нуле,

прочитаю стих друзьям я
о себе и о бухле!

Надо ли говорить, что на такие просьбы покерный гуру был чрезвычайно отзывчив, поэтому тотчас произнёс первое, что пришло ему в голову:

– А хотите стишок про вольного казака Стеньку Разина?

– Погодь, погодь, мать честнáя, – остановил его порыв Афанасьич. – Вот ты говоришь Стеньку, а я помню, что его звали Степаном Тимофеевичем.

– Так и я о том же, – заволновался писатель.

– А вот и не о том, – поправил его грамотный сторож. – Раз он был Степан, значит, его в дурацких стишках и народных песнях надо называть не Стенька, а Степька!

– *Дедушка*, какой придурок!, – тихо, чтобы не слышали люди, воскликнула карликовая русалка, мысленно обращаясь к своему другу вóрону.

– Пр-р-равильно! Пр-р-ревосходная р-р-ремар-р-рка! – не стал сдерживать чувств вóрон, тоже не любивший человеческой дурости.

Правда, названные люди, кроме Володи, услышали всего лишь обычное карканье. А знатный саксаульский поэт сделал указательным пальцем правой руки знак «Внимание, начинаю!», после чего из его уст полились гениальные строки [456]:

– Степан был очень сексапилен,
княжна ж упёрта как забор.
Сказал он: «Дашь разочек или
за борт!»
Мундир и честь насквозь задеты –
не отдалась княжна ему!
Сказал он: «Будешь ты за это
Муму…»
Шашлык шампуром полосуя,
себя побаловав пивком,
он шварк за борт княжну босую –
пинком!
«Good bye, my baby!», пела басом
ватага Стеньки на челне,
княжна ж плыла сначала брассом
в волне,
потом русалкою красиво
она нырнула и – буль-буль!
Завыл петух, за ним плаксиво
питбуль.
Степан зевнул, разверзнув гланды,
надел на палец пять перстней,
сказал: «Утопла, ну и ладно,
хрен с ней…»

[456] ***Какая пошлая самовлюблённость! – прим. гл. редактора***

Глава 233. ВЕСЕЛЬЯ ЧАС И ЧАС РАЗЛУКИ (Процесс пошёл, или Занимательные песни и разговорчики, продолжение)

Не дождавшись, как ему казалось, вполне заслуженных аплодисментов, поэт бытия, антиномии[457] и запредельности горько улыбнулся, но всё-таки преодолел себя, обратившись ко всему пьющему коллективу:

– Да, неразумные дети мои, чего вам сейчас не хватает, так это СО́СКА!

[457] ***Противоречие нескольких законов – др.-гр.***

– Соска́? – оживился неравнодушный к этому делу Батыршин. – А ещё лучше два таких – розовеньких!

– Нет, Талгат, моё ударение правильнее твоего, ибо речь идёт не о каком-то пошлом соске́, а о трезвости, то есть том, чего вам перманентно не хватает по жизни.

И, чтобы до разнузданной хевры всё дошло в правильном направлении, Володя расшифровал свою непонятную аббревиатуру:

Спасение
От
Смерти,
Которая
Алкоголизм

Ответом философу стал издевательский смех вконец спившегося коллектива.

В это время шаловливый ветерок, как пишут плохие писатели, принёс прямо в руки марсианина кусок рекламной газеты с загадочным названием «Шанс». Володя тут же изучил печатное слово и воскликнул:

– Глядите, какой необычный подарок только что сделала мне Сука-судьба – в виде вот такого объявления: «Свято-Никольской церкви города Отцеябловска требуются менеджеры по сбору подаяния. Полный рабочий день (от восхода до заката), соцпакет (с едой на время работы), спецодежда (чистые лохмотья). Требования: представительная внешность, диплом о высшем образовании, грамотная речь, честность (по возможности)»

«Лучше де́ла мы не сыщем –
ну, скажи, всё так ведь, бать:
хорошо работать нищим –
сидя, деньги загребать!»

Мой читатель, конечно, помнит, чем отличаются герои «Русской кочерги» Вл. Горького, например, от героев «Войны и мира» Льва Толстого или «Цемента»[458] Фёдора Гладкова. Те – из классики, разумеется, тоже, как выражается русский народ, *употребляли*, но в отличие от этих – из классики будущего, после пьянки шли сражаться с французом или упорно-производственно трудиться во имя социалистического будущего. А вот у литературных обитателей Бермудского Учпчумака и во время употребления, и особенно после было только одно стремление – поговорить друг с другом и высказать своим сопокерникам-собутыльникам самое сокровенное, что накопилось у них на так называемой душе́.

И автор романа, который тесно общался с единственным практически непьющим персонажем – Володей Кулемзиным, был этому только рад, ибо перманентно не знал, чем наполнить последние страницы каждого тома, а услышав такие диалоги, уже не сомневался, что закончит очередную книгу так же легко и свободно, как и предыдущие. Вот и сейчас, прячась за карагачом, он (автор, в не персонаж) не успевал записывать за своими героями их искромётные диалоги, радуясь, что с первого же тома не сделал их примерными семьянинами, трезвенниками и вообще порядочными людьми.

[458] ***Классическое произведение соцреализма (1922-1924), один из первых образцов советского производственного романа – прим. лит. редактора***

А первой его записью стал короткий печальный диалог между старыми друзьями Муравлёвым и Митрохиным.

– Слушай, Васюхан, а ведь завтра, святой Малевич, осень…

– И что?

– Да я просто хотел узнать, какие у тебя планы на осень?

– Пить буду, едрит Мадрид! – уверенно озвучил нехитрый план старший джус (б), который к этой минуте уже нисколько не сомневался, что его окончательно выперли с работы – за прогулы.

– Так у тебя же на лето такие планы были! – удивился художник.

А писатель Альбионыч, слыша всё это, подумал: «Интересно, а о чём вообще можно толковать с человеком, который в упор не видит разницу между весёлым летним запоем и депрессивным осенним пьянством?»

«Никого не обрюхатя»,
говорил кутила,
«буду осенью бухать я –
лета не хватило!»

Следующий диалог состоялся между сторожем Серёжей и трубачом Талгатом.

– Старик, – обратился военный музыкант к экс-текстильщику, совершенно игнорируя педагога Мусаича, который порывался вставить хотя бы несколько слов, – а как ты думаешь, сколько часов разницы между мною и Гринвичем?

– Да разве в этом дело, Талгат? – горько ответил семижопинец, коий, как помнит мой читатель, уже па́ру лет изучал какой-то иностранный язык. – Как ты можешь думать о Котором Зелёном[459], когда есть покер и мы? По-моему, здесь главное другое: вперёд или назад течёт это время?

[459] Герой романа сделал дословный перевод английского слова Greenwich – прим. переводчика

«А и в самом деле», подумал автор, но его мысли перебил голос большевика Курманбаева, который, дёргая за рукав Николаича, всё-таки добился его внимания.

– А про меня картину нарисуешь? – застенчиво, но настырно попросил Нуртай..

– Ага, – по-полтавцевски ответил за художника Володя. – Я тебе, Валера, по такому случаю даже название подарю: «Прощание с целкостью совести»

В сознанье не вмещается,
но всё же вам спою:
«Кто с совестью прощается,
тот говорит: «Adieu! [460]»

[460] Прощай – фр. Читается как адью – прим. переводчика

«Кстати», подумал автор, топча траву за ближайшим карагачом, «а ведь во втором томе моего великого романа я пообещал, что именно в последней книжке «автопортрет» художника Муравлёва[461], который он подарил Афанасьичу, получатель этого подарка достанет из своей котомки». И сделал так, чтобы это призошло!

[461] Этот случай описан в главе 234 второго тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

– Кстати, – неожиданно пробило на воспоминание охранника, – я же давно не любовался твоим «автопортретом», Валера, – после чего достал из хурджина картину, как на-

верняка помнит мой читатель, наваянную шоколадным маслом.

Правда, от того, что она была сложена вчетверо, как банальный бумажный лист в карман пиджака, картина приобрела несколько другой вид: рожа Полтавцева, изображённая на ней, из-за просочившего шоколадного масла теперь стала похожа на грим разных актёров из разных театров, которым когда-то довелось играть на сцене некоего ревнивого генерала [462].

[462] Это Отелло, герой одноимённой трагедии Уильяма Шекспира (1604) – прим. лит. редактора

Дрожала трагика рука,
додушивая Дездемону,
другой рукой ей мял бока
и эротическую зону.
Одышка мучила, склероз –
забыв на миг, в какой он роли,
утёр платком сопливый нос,
подумав вдруг о валидоле…

Но тут, как это бывало и раньше, приключения наших героев перебил очередной телефонный звонок – на этот раз от муравлёвской супруги Наташи. Давно осознав, что Кулемзин находится не на её стороне, она перестала с ним здороваться, поэтому немедленно взяла самца группы полорогих парнокопытных млекопитающих за образование на его голове, или, говоря простым языком городской интеллигенции, быка за рога.

– Володя, передай этому аспиду, что я твёрдо решила развестись с ним, алкашом проклятым.

Услышав сообщение, литератор тут же стал переживать: как донести до своего друга столь трагическое сообщение, чтобы не ранить его святые чувства женатого человека и трепетную душу художника-передвижника в сторону Великого ▲.

– Кто звонил, Володя? – тем временем спросил Николаич, и Альбионыч понял, что в этот раз забыл включить громкий звук, но, набравшись мужества, всё-таки ответил:

– Валера, звонила твоя жена Наташа и, яйчики-бабайчики, просила передать, что тараканы в её голове наконец-то окончательно проголосовали против тебя!

Услышав столь радостное сообщение, живописец испытал сразу несколько чувств – кроме невероятной радости, в душе́ прописалась ещё и горькая нотка, ведь этой радостью нельзя было поделиться с холостяками Володей и Васюханом.

После брака и развода –
вновь желанная свобода!

Глава 234. ВЕСЕЛЬЯ ЧАС И ЧАС РАЗЛУКИ (Процесс пошёл, или Занимательные песни и разговорчики, ещё одно продолжение)

Но иногда случалось так, что в этих пьяных ~~базарах~~ разговорах приходилось принимать участие и Володе. Видя, как усердно его бывшая покерная, а ныне алкогольная хевра поглощает одноимённые напитки, он не упускал случая немного полечить своих товарищей и Нуртая если не лекарством, то хотя бы умным словом.

– Мы, марсиане, – заполнил он одну из коротких пауз, – живём несколько отлично от вас, млеко-пиво-питающихся. Я, например, играя с вами в *русскую кочергу* в дневное время, всего лишь медитирую. А по-настоящему живу только вечером и ночью, читая прекрасные стихи – в большинстве своём свои собственные.

– А сейчас можешь что-нибудь протрёкать? – наивно поинтересовался Серёжа.

– Протрёкать? – улыбнулся поэт. – Ну, ладно, слушай, только потом не говори врачам, что это я тебя таким сделал.

Живём без ясных, твёрдых схем,
свою беду итожа –
проблема в том, что без проблем
мы просто жить не можем.
Плодим их каждый час и день,
и в памяти копилку
бросать проблемы нам не лень
в угоду жизни-цирку.
Вот так живём – глухонемы
с подобной дребеденью.
И всё ж покончим с ними мы
в один денёк весенний.
Узнает радостный гранит
последнюю проблему:
кто́ на могилке разместит
две вялых хризантемы…

Прослушав поэтический спич, семижопинец всхлипнул и коротко подумал: «Всё врачам расскажу! Пусть знают…»

И тут очнулся педагог, который остро завидовал кулемзинскому таланту.

– А при чём здесь марсиане, мать моя КПСС? – тонко заверещал он.

– Да при том, – улыбнулся Альбионыч, – что Марс и Земля – это братья-близнецы, родившиеся четыре с половиной миллиарда лет назад. Правда, потом одному из братьев немного не повезло.

– Марсу? – наивно предположил художник.

– Земле, – ответил писатель.

– Почему, святой Малевич?

– Да потому что на ней завелись разные люди, среди которых очень много пропадлюк, – и он выразительно посмотрел на Мусаича.

И тут художник Муравлёв неожиданно понял, что является не только мастером забубённой живописи, но и настоящим художником сло́ва, ведь он открыл рот, чтобы попросить сидящего рядом с ним Васюхана плеснуть ему ещё в приветливый пластик, но против его воли в эфир Бермудского Учпучмака, смешиваясь со слезами счастья, полились пронзительные строки:

– Живу я от пьянки до пьянки,
и больше мне не на что жить!
Подайте хоть бледной поганки –
бесплатно разок закусить…

, а поражённый этим экзерсисом Митрохин даже промахнулся, налив туркменского пойла не Николаичу, а Мусаичу.

«Кажется, я коллапсирую как личность», с ужасом подумал преподаватель еврейского колледжа, но предложенную па́йку выпил залпом.

– Володя, едрит Мадрид, может, ты хоть сегодня с нами выпьешь? – внезапно предложил писателю Митрохин, а затем, видимо, для убедительности добавил:

– По случаю воскресенья.

Любим пиво и вино,
пишем им мы оды:
воскресенье нам дано
как для пьянки отдых!

Кстати, Альбионыч, несмотря на высшее образование, никогда не понимал, чем отличается воскресенье от остальных дней недели в плане пьянки, поэтому, чтобы сейчас не молчать, решил ответить довольно саморазоблачительно:

– Кстати, пьянство осуждают только люди, сами этим сладким грехом не злоупотребляющие. А ещё те, кто когда-то пил весьма активно, но после завязал, – типа меня. Между тем, таким людям (и мне в том числе) надо бы почаще вспоминать слова́ некоего Виссариона Григорьича[463], который однажды довольно метко заметил, что

**Пьянство есть ни что иное,
как русская болезнь
непонятого одиночества…**

[463] В. Г. Белинский – русский литературный критик XIX века – прим. лит. редактора

Полтавцев, услышав такую мудрость и поняв, что если не запишет её, то навсегда потеряет смысл жизни, от усердия выпучил глаза, опрокинул котомку, в который раз нашёл свой блокнотик «Для му.мы.» и быстро-быстро накаракулировал в нём: «Только русские, когда буха́ют, никогда не бывают одинокими, и это так понятно!». Записав, он довольно улыбнулся, представив, как сегодня вечером поразит этим свою подругу Зулю.

Правда, оказалось, что последнюю фразу он не подумал, а произнёс вслух, а литератор в этот момент понял, что всё в мире взаимосвязано, так как затухающие темы для алкогольных разговоров тут же пополнились новой. Услышав про серёжину подругу, сразу трое учпучмакских питоков практически хором задали вопрос записчику мудростей:

– Старик, мать моя партия, а когда ты, святой Малевич, нам покажешь свою ёкарную Зулю?

Но в уже изрядно изменённом сознании бывшего хлопчатобумажника все слова перемешались, как в миксере, а вот на имя возлюбленной текстильщицы (б) он отреагировал немедленно:

– Так я же и говорю, что мне эта дура однажды претензии предъявила: мол, в нашей стране я пью больше всех!

Пусть историки не грезят –
обо мне – лишь глубоко:
пью всегда я, сколько влезет,
ну, а влазит – ого-го!

– А дура – это кто? – увеличенным хором спросили не только Нуртай, Валера и Талгат, но и примкнувший к ним Васюхан.

– Да Зуля же моя, царица лесная, – удивился Полтавцев. – А вы думали кто?

– Нет, нет, мы ничего, – опять же хором ответили вопрошальцы.

– Так что там с претензией? – направил разговор в старое русло марсианин с саксаульской пропиской. – Ты ей хотя бы ответил достойно?

– Да, конечно, нет, – с досадой пояснил сторож. – Покопался я в своём словарном запасе – и ни хрена не нашёл! И так расстроился: думаю, спросит она ещё раз такое, а я и не знаю, что ответить.

– Давай я тебя научу, – вызвался Альбионыч.

– Давай, – обрадовался семижопинец.

– В следующий раз на её глупые претензии скажи, что ты не пьющий, а алкосаксаулец!

– Класс! – восхитился Афанасьич и порадовался, что не успел спрятать заветную книжечку. – Сейчас запишу!

Он нашёл чистую страничку в своём блокнотике и аккуратно записал красным концом двуцветного карандаша: «Загадаю как-нибудь загадку дуре Зуле: кто такой саксаул в спирту́, и пускай она тогда помучится, – отгадывает!»

Вот зачем жена бранится,
чешет мне нотации?
Пью я спирт, чтоб сохраниться –
это ж консервация!

«Да это просто КОИТУС какой-то!», подумал Володя, а чтобы мой читатель не остался в недоумении, то вам расшифровка этой аббревиатуры:

Клуб
Ораторского
Искусства
Тотально
Ужасающих
Стопариколюбителей

Последний выходной лета проходил под привычным знаком душевной пустоты…

Глава 235. ВЕСЕЛЬЯ ЧАС И ЧАС РАЗЛУКИ (Процесс пошёл, или Занимательные песни и разговорчики, и ещё одно продолжение)

Но уж такая в нашем романе повелась традиция: как начнёт один герой вспоминать свою подругу (жену, тёщу, швабру, стерву), так тут же к разговору подключаются и другие. А уж если кто из знакомого женского пола появится ~~в перигелии~~ на горизонте, то тогда и вовсе труба! И как раз именно это произошло к данному моменту нашего сиятельного повествования: Кулемзин, сидя спиной к лабазу Калимы, а, значит, могучей грудью к родному дому № 17, вдруг заметил, как на балконе квартиры № 20, где проживал татарин Батыршин с приобретённым еврейским семейством Либерзонов, появилась его супруга Аида и стала вглядываться в пространство Бермудского Учпучмака – так, вероятно, много-много лет назад римские консулы обозревали гладиаторские бои.

Днями римскими, даже ночами,
выступая в природной красе,
гладиаторы бились мечами,
пальцы веером – зрители все!

Володя, как натура сугубо поэтическая, давно отметил для себя, что при внимательном дозоре в наших женщинах всегда можно заметить единство арфы и мясорубки, а теперь толкнул старшего прапорщика в бок и показал ему пальцем открывшуюся на балконе картину. Музыкант грустно посмотрел на второй этаж, который давно стал приютом его стреноженного полового инстинкта, затем пригнулся, чтобы не заметила родственница, чуть ли не под столиком залпом выпил полстаканчика какого-то пойла, потом выпрямился, спрятался за широкой спиной Васюханыча, и только после этого решился на очередное откровение:

– А у меня, братаны, йодистая жена всё время ругается, когда мы на ёперную дачу выезжаем.

– Аида? – уточнил антенщик.

– Аида, – уточнил Талгат.

– А чего ругается-то, едрит Мадрид?

– Да не знаю, – поморщился военный трубач. – Говорит, что вся заросшая какая-то.

– Аида, святой Малевич? – уточнил Муравлёв.

– Нет, ёкарная дача, – уточнил саксаульский унтер-офицер.

– Давай, Валера, лучше я тебе объясню, – улыбнулся Альбионыч. – Потому что, яйчики-бабайчики, твой новый друг Салихдзяныч на этой даче ничего, кроме собственной печени, не сажает!

– Да кто же знал! – невпопад, но тихо воскликнул несчастный муж.

– Смотри, старичок, как бы с тобой не случилось то же, что в своё время с английским королём Генрихом II Жоффруаовичем Плантагенетом.

В мири́сте [464] есть одна глава,
как баба всех достала:
в расстройстве Генрих № 2 –
жена подлюкой стала!

[464] ***Авторское сокращение: мировая история – прим. гл. редактора***

– А что, ему тыкву отрубили? – сразу же предположил нечто ужасное хорунжий.

– Да нет, голову – это слишком, – улыбнулся писатель с историческим уклоном. – Просто в один прекрасный миг его жена Алиенора Гильомовна Аквитанская подбила своих сыновей Генку, Петьку и Ваньку… тьфу, Генриха, Питера и Джеймса произвести против папаши мятеж, который, правда, закончился весьма мирно – примирением с предком под распитие британского «Тянь-Шаня» XII века!

– Уфф, – с облегчением вздохнул музыкант со средним прапорщицким образованием, – хорошо, что у меня не сыновья, а дочки, и не три, а только две, что я, как человек военный, расцениваю весьма скромной перспективой для мятежных планов…

«Однако, мать честна́я!», изумлённо подумал уроженец деревни Семижопино. «А он, кажется, не такой сапог, как я всегда думал…». Но только что начавшиеся мысли пришлось срочно прервать, так как Серёжа заметил остановившийся взгляд Муравлёва – в сторону подъезда, где проживал их покерный босс Кулемзин. «Неужто опять баба какая?», подумал он (Серёжа, а не Кулемзин), и не ошибся.

Без мечт (мечтов?) о нереиде,
я вдруг знакомую увидел
(ведь к ней недавно сватался!),
но по привычке спрятался!

Вслед за Афанасьичем остальные алко… тьфу, бермудские герои повернули головы в нужную сторону и увидели вышедшую из подъезда железнодорожницу Иру, которая сейчас занималась привычным делом – размышляла о себе, мужиках и о Суке-судьбе, что никак не даёт соединить эти два понятия. И мысли эти были не на пустом месте!

С утра она решила капитально заняться просвещением, так как вчера вечером какая-то толстая баба из телевизора поведала ей, что умной женщине легче, чем дуре, найти богатого мужика. При этом телевизионная баба показывала женской аудитории свою только что вышедшую книгу – почему-то на английском языке – под названием «Kamasutra.

Five basic poses to trim your toenails»[465]. Первое слово Ира перевела без труда, а вот смысл остальных надеялась узнать у кого-нибудь из знакомых интеллектуалов, правда, после получасового размышления поняла, что таковых в своём окружении не имеет.

[465] «Камасутра. Пять основных поз, чтобы подстричь ногти на ногах» – англ.

После этого она вздохнула, быстро сделала дежурную причёску, накрасилась, надела новое бельё и побежала к уже начинающему седеть соседу со второго этажа Андрею Ибрагимовичу – одолжить соль, но тут же выяснилось, что у соседа эту противную NaCl уже одалживает Таня из второго подъезда.

Такой удар надо было как-то пережить, и Ира стала размышлять: немедленно заняться спортом или поесть? После долгих размышлений она – по таинственному закону женской логики – решила завтра с утра купить себе новые кружевные трусики.

О женская загадочная логика,
в ней много неизведанных чудес –
не в силах мировая педагогика
постичь тех дивных мыслей тёмный лес.
Немало бились гении бессмысленно,
пытались разгадать её секрет,
не счесть попыток смелых многочисленных,
но точного ответа всё же нет!

И именно в момент серьёзных раздумий о жизни к ней подвалил смутно знакомый алкаш из окружения её соседа Володи – с пятнами краски на застиранных штанах. И пока она прикидывала, как бы ей половчее отшить назойливого ухажёра, тот поклонился, как художник Репин в каком-то советском фильме, и произнёс:

– Красавица, я пока не готов на вас жениться, но могу уже сейчас, святой Малевич, начать потихонечку выплачивать супружеский долг, – после чего прочёл в глазах проводницы нечто такое, от чего решил тут же ретироваться, а володина соседка осталась в недоумении, как ей в своих малых мозгах связать супружеский долг и неизвестного святого, судя по фамилии, явного католика.

Когда он, страшно расстроенный, вернулся в родной коллектив и увидел, как из его стаканчика какая-то пропадлюка успела отпить полпайки туркменского пойла, отзывчивый Альбионыч решил утешить приятеля и задал ему отвлекающий вопрос:

– А ты, Валера, яйчики-бабайчики, что будешь делать с завтрашнего дня?

Плохо всё, хоть застрелись
(«Надо психиатра!»),
я начну другую жизнь
не сегодня – завтра!

– Честно говоря, у меня готов только черновой план, – выдавил из себя Николаич, – но и его я не могу озвучить, так как он записан на бумажке, которую я, похоже, спрятал где-то до́ма – по пьянке.

– Смотри, старик, если вдруг не найдёшь эту таинственную бумажку, то вот тебе уже готовый план, – обрадовал живописца литератор, который был всегда рад помочь товарищу. – Серёжа, дай листочек…

После этого он быстро набросал план для наташиного супруга и подал ему листок. На нём крупными печатными буквами было написано:

**С понедельника бросаю пить, курить и врать себе,
что с понедельника бросаю пить, курить
и врать себе, что с понедельника!**

Глава 236. ВЕСЕЛЬЯ ЧАС И ЧАС РАЗЛУКИ (Процесс в разгаре, или Песня Нуртая и байка Полтавцева об одной алкогольной формуле)

В общем, мой читатель видит, как весело проводили последние полчаса главные герои нашего повестовования. И только педагог Курманбаев сидел недовольный, ибо ему никак не удавалось поучаствовать в обязательных разговорах, которые и в сопредельной России, и в Саксаулии, где происходят наши события, всегда соседствуют с выпивкой.

В нас заложен в архетипе,
как тыквёшки задурить:
надо нам не только выпить,
надо нам поговорить!

Поняв, что собеседников ему не найти, Мусаич не растерялся и начал негромко разговаривать сам с собой, с удовольствием прислушиваясь (прости, русский язык!) к обертонам своего голоса. И хотя он делал это довольно тихо, всё же можно было разобрать отдельные фразы типа «Аналогичное положение и в других партийных организациях», «В целях углубленного изучения материалов XXV съезда партии», «творческое обобщение практики революционной борьбы, социалистического и коммунистического строительства» и тому подобную бредятину.

Было видно, как большевика забирает всё больше и больше, и Володя испугался, как бы педагог не соргазмировал раньше времени, после чего кивнул Афанасьичу, который тут же подлил ленинцу немного водочки. Курманбаев лихо опрокинул напиток в партийную пасть, и – о, чудо! – водочка тут же произвёла революционную перестройку в мозгах: вместо планово задуманной для исполнения песни «Гулял по Уралу Чапаев-герой, он соколом рвался с полками на бой» из горла коммуниста вначале послышался хрип, как будто продувались динамики его возбуждённого организма, а потом плавно потекла задушевная песня пламенной молодости из 70-х годов прошлого века:

– Говорят что некрасиво, некрасиво, некрасиво
отбивать девчонок у друзей своих.
Это так, но ты с Алёшкой несчастлива, несчастлива,
а судьба связала крепко нас троих.
Как же быть, как быть, запретить себе тебя любить?
Не могу я это сделать, не могу.
Лучше мне уйти, но без грустных нежных глаз твоих
мне не будет в жизни доброго пути…

И вот здесь Володя с изумлением увидел, как все парные и непарные диалоги прекратились сами собой, Серёжа, Васюхан и Валера заслушались и даже тихонько подпевают, а Талгат и вовсе пустил скупую военную слезу, видимо, вспомнив что-то своё из семейной жизни.

– А давайте ещё выпьем, едрит Мадрид, – после хорового исполнения, которое впечатлило даже дворовых детей, предложил один из членов бермудской хевры.

– А давайте, ёперные друзья! – неожиданно твёрдо заявил второй член всё того же коллектива. – Но предупреждаю всех заинтересованных: я буду пить с вами с позиции силы! Правда, сил у меня всё меньше и меньше...

Но тут оказалось, что параллельно с этим обещанием буквально в полуметре от участников разговора проходил совершенно другой диалог.

– Ты, Валера, царица лесная, главного не знаешь! – убеждал художника Серёжа.

– В смысле, святой Малевич? – хлопал глазами Муравлёв.

– В смысле, что главное, когда начинаешь бухáть, арифметику не применять!

– Как это? – заинтересовался сидящий рядом антенщик.

– Я вот, – начал объяснение почему-то с другой темы сторож, – в психушку несколько раз попадал.

– А это, мать моя партийная организация, тут при чём? – не выдержал срочно примкнувший к разговору Курманбаев.

– А при том, что когда я первый раз попал – после армии, тогда мы ещё с двумя кентами решили это дело отметить. Нажрались, помню, страшно! А наутро, дураки, решили заняться арифметикой.

Организм вдруг занеможет,
значит, мне пора глотать:
арифметика поможет,
сколько литров, сосчитать!

– Похмелиться было не на что? – поинтересовался Салихдзяныч, и писатель понял, что поднятый вопрос внезапно перерос из бытового воспоминания в нечто напоминающее народный референдум.

– Похмелиться было на что, – эхом ответил Полтавцев. – Просто мы захотели вспомнить, сколько вчера выпили (а бухáли мы исключительно сабонисы по 0,7!).

– Чего-чего? – не понял педагог.

– Эх ты, Нуртай, а ещё высоким образованием обзавёлся! – попенял ему семижопинец . – Купил диплом-то небось!

А вот остальные охранника действительно поняли. А чтобы поняли и молодые читатели нашего романа, которым не довелось не только употреблять, но даже видеть вино в такой таре, поясняем, что огромную бутылку из толстого литого стекла именно за её размер называли бомбой, торпедой, огнетушителем, но чаще всего *сабонисом* – по фамилии очень известного баскетболиста времён СССР (б) Арвидаса Сабониса, выступавшего за вильнюсский клуб «Жальгирис» и даже за сборную страны, ведь рост центрального нападающего был 2 метра 21 сантиметр!

Взыграл после рожденья дух:
не стал я монументалистом,
ни журналистом, ни солистом,
не стал врачом – баскетболистом,
ведь рост чуть больше метров двух!

– А потом мы, мать честнáя, – продолжил волнительный рассказ охранник, – посчитали пустые бутылки – нашлось всего 17 штук… И вот сидим мы с кентами на кухне и кумекаем насчёт арифметики – сколько же всё-таки мы вчера на брата выжрали?

– А-а-а, – наконец сообразил Курманбаев, – так это ты со своими братьями употреблял? Родными или двоюродными?

Все презрительно поглядели на перебивальца, а Афанасьич продолжил:

– А тут принёс мой дружок Колька Портнягин из туалета бумажку почище, и мы составили вот такую формулу…

Серёжа поднял с земли засохшую веточку карагача и тут же, в пыли, начертал какие-то таинственные цифры и знаки:

$$0{,}7 \times 17 : 3 = ?$$

– А так как ни калькулятора, ни арифмометра «Феликс», ни даже простых деревянных счётов не было, пришлось считать руками, загибая пальцы, которых для такого сложного решения просто не хватало. Вот после этого я на Каблукова первый раз и залетел. Ох, и весело там было! Жалко только, что выпивать не давали. Нет, давали, но только из чайной ложечки, и не бухло, а сульфазин и галоперидол!

Нас лечили сульфазином –
лучше дали бы нам Зину!
Был и галоперидол –
повкусней, чем солидол!

– 3,966! – неожиданно присоединился к рассказу ещё один слушатель из хевры по фамилии ~~Конан Дойл~~ Кулемзин.

– Это ты зачем нам такие непонятные цифры говоришь? – подозрительно посмотрел на него вспоминалец советских времён (б).

– Просто думаю, что вы в тот день так и не смогли ничего посчитать, и эта загадка, судя по твоему ежедневному поведению, мучает тебя до сих пор. Так вот: вы выпили каждый по 3,966 литра *сабониса* на брата, или, проще говоря, по 4 литра.

После этого сообщения штатного математика Бермудского Учпучмака остальные посмотрели на бывшего текстильщика с уважением, а один из них даже подумал термином из воровского словаря фени: «Силён, бродяга, святой Малевич!», а педагог Мусаич, который всё никак не мог успокоиться, даже спросил:

– Володя, а ты сильно устаешь, когда ничего не делаешь?

– Нет, – свободно ответил марсианин. – Я никогда сильно ничего не делаю…

Глава 237. АЛКОГОЛИЧЕСКОЕ РОНДО

Тратить время на вино
непрактично и смешно!
Дабы сразу отпустило,
в **понедельник** пей текилу.
Не отыщется причин,
чтоб не пить во **вторник** джин.
По **среда́м** же пей коньяк,
без которого никак.
Можешь и не знать английский,
но в **четверг** нельзя без виски.
Пятница же день короткий –
славный повод выпить водки.
Пей в **субботу** чистый ром
и попрыгай над огнём.
В **воскресенье** нет резона
обойтись без самогона!

♠ ♠ ♠

Впрочем, можно что придётся,
что отыщется, найдётся,

разольётся, разведётся,
снизойдётся и взовьётся.
Во дворе, в гостях и в баре
будь как перец в полугаре,
и в угаре, и в ударе,
но всегда в стеклянной таре!

Глава 238. ВЕСЕЛЬЯ ЧАС И ЧАС РАЗЛУКИ (Разговорчики ни о чём)

Альбионыч, глядя на то, как развлекаются стопариками его друзья и Нуртай, иногда поглядывал на мониторчик своего телефона, в котором секунда за секундой изменялось время Вселенной. И, несмотря на то, что эти убегающие секунды скакали без перерыва, ему (Альбионычу, а не Нуртаю) казалось, что время тянется невыносимо ровно, как проза Варлама Шаламова.

– Что-то хреновато, – тихо бурчал он (Альбионыч, а не Шаламов). – Может, вышла какая-нибудь путаница с кармой?

– А? Что, мать честнáя? Это ты про кого? – явно хлебнув лишку, озаботился сторож-охранник магазина «Пингвин и гагара»

– Да я про себя, – сделал слабую отмазку писатель.

– А он вообще много говорит, – совершил неожиданный наезд явно хвативший лишку большевик. – И если говорит, мать моя КПСС, то вот как сейчас признался под протокол, только про себя!

Говорю, пивко хлебая,
и рождается мой стих:
«Расскажу вам про себя я,
ведь не знаю про других!»

– Что значит много говорю? – возмутился старший по хевре. – Надо же отличать потребное потребительство от непотребного! Подумайте, как это славно – попасть в ритм, в драйв, покачать свои осевшие речевые мускулы. А иначе в нашем возрасте что ещё останется от удовольствия жизни? Вот говорят, пьяный лыка не вяжет…

– Кто ёкарный пьяный? – пробормотал явно хвативший лишку старший прапорщик.

– А чё такое лыко, едрит Мадрид? – пробормотал явно хвативший лишку Васюхан.

И только педагог Курманбаев сладко поёжился при слове *вяжет*.

Как пропел нам Гари Глиттер[466],
словно мявкнули коты:
«Мне *связала* мама свитер,
но *связали* и менты!»

[466] Гари Глиттер (настоящее имя Пол Фрэнсис Гэдд) – британский поп-рок-исполнитель и автор песен направления глэм-рок, пик популярности которого пришёлся на начало 70-х годов прошлого века – прим. муз. редактора

– Да я никогда, яйчики-бабайчики, так лихо это самое лихо не вязал, – продолжил мысль писатель, – когда, будучи помоложе, несколько подкирямши…

– Нет-нет, Володя, ты не подумай, что я против, – дал задний ход партийный преподаватель. – Просто ты давно никаких тостов не говорил, ведь от этих, – он обвёл рукой сидельцев за покерным (б) столиком, – ничего путного не услышишь!

– Хорошо, слушайте: за секс! – предложил тост литератор, но, оглядев всех бытовых алкоголиков, сидящих *визави*, тихо добавил:

– Не чокаясь…

– А я вот выпью, – неожиданно согласился с другом саксаульский шишкин. – Лично мне трудно быть интровертом с повышенным либидо. Наверное, поэтому секса хочется, а вот знакомиться и общаться как-то не очень.

Все остальные стали озираться по сторонам, явно ища глазами того мудреца, кто сейчас прятался где-то недалеко, говоря такие сложные слова из-за какого-то дерева, но никого не нашли, после чего продолжили алкогольные игрища.

– А вот лично я, царица лесная, Альбионычу так благодарен, – в ажитации воскликнул на ухо Муравлёву Полтавцев, да так, что тот невольно отшатнулся. Но любопытство пересилило, и художник вновь придвинулся к восклицальцу:

– А почему, можешь открыться, святой Малевича?

– Могу. Вот именно из-за него!

– Из-за кого? – ошарашено оглядел покерную хевру безработный художник..

– Да из-за Мазюкевича этого, – открылся Серёжа.

– В смысле?

– В смысле того, что после одной лекции Кулемзина я понял главное…

– Что? – тихим шизофреническим шёпотом спросил Николаич.

– Да то, что Малевич – это отчество!

– Как?!

– А так! Также, как я – Афанасьич, а ты – Николаич!

«Надо же», голосом Шуры Балаганова, правда, про себя задумчиво произнёс Валера. «Такой придурок, а всё раскрыл…»

Здесь как правильно нацелишь,
умный ты иль идиот:
раскрывают тайны те лишь,
кто их сам и создаёт!

А радовался этим сценкам лишь автор нашего романа, сами знаете почему! Поэтому неудивительно, что порадовался он и вот такому диалогу, в котором участвовали двое непримиримых антагонистов – изрядно принявший лишку Курманбаев и практически трезвый Кулемзин, если, конечно, не считать принятых им за весь день 14-15 бутылочек лучшего на свете пива под названием «Тянь-Шань»

– Нет, ты ответь всему коллективу, вот почему ты такой буржуй? – приняв 3×100, завёлся Нуртай, обратившись к Володе.

– А чем плохо буржуйство? – пожал плечами писатель, понимая, что вопрос чисто риторический.

Мысль для вас я освежую –
сам себе я адвокат:
как люблю я быть буржуем,
ведь буржуй всегда богат!

Но не тут-то было! Саксаульский коммунист поднатужился и продолжил допрос саксаульского буржуя:

– Вот к тебе приходит одна женщина[467], убирается, полы моет, спину гнёт, от усталости падает, в душе тебя проклинает, и всё за деньги малые!

[467] Об этом персонаже по имени Марина в главах 195-196 второго тома романа – прим. гл. редактора

– А ты откуда знаешь, что я ей мало плачу́?
– А так все буржуи делают, мать моя КПСС! – убеждённо воскликнул педагог.
– Так мне что, в грязи сидеть? – кротко осведомился обвиняемый.
– Нет, конечно, – почесал затылок обвинитель. – Но ведь ты можешь это делать сам!
– Яйчики-бабайчики, в смысле? – повторно спросил писатель.
– В смысле веничком шур-шур, тряпочкой по полу – тру-тру, ведёрко на мусорку – топ-топ и так далее.

Альбионыч страшно удивился всем этим шур-шурам и топ-топам, ибо никак не полагал, что алкоголь заставит Мусаича изобретать такие сложные фразеологизмы неродного ему русского языка, а вслух сказал:
– То есть ты за то, чтобы я в своём доме работал сам?
– Конечно! – вскричал новоявленный прокурор. – Как и завещал нам Владимир Ильич в своей гениальной статье «Каждый должен мыть полы сам»!

Для партийных он бессменен,
нам же только хохотать:
написал тома все Ленин,
чтобы было что читать!

– А не скажешь, в каком же томе ПСС[468] такая статья? – улыбнулся литератор. – Неужто в 59-м[469]?

[468] Полное собрание сочинений – прим. автора
[469] Всего в ПСС В. И. Ленина 55 томов + 3 справочных тома – прим. ист. редактора

– А в каком же ещё? – иронично оскалился большевик. – Да я вижу, ты действительно не стремишься с нами в светлое будущее! А всё почему, спрашиваю я вместе с бермудской общественностью? Да потому что ты работать не любишь!
– Не люблю, – горько признался марсианин, параллельно разглядывая бермудскую общественность. – Но меня оправдывает только одно: я не люблю работать исключительно по эстетической причине: меня задумчивость очень красит!
– Точно, царица лесная! – подвёл итог диалогу один из учпучмакских слушателей.

Глава 239. ВЕСЕЛЬЯ ЧАС И ЧАС РАЗЛУКИ (Разговорчики ни о чём)

И как же хорошо стало Володе, когда он осознал, что только к концу седьмого дня понял, что́ было самое интересное в пьянке его бывших товарищей по покеру. Это разговоры! Вот и сейчас, увидев склонившихся друг к другу Муравлёва и Митрохина, словно они были заговорщиками, Альбионыч прислушался к их бормотанию и вот что услышал:
– Васюхан, вот смотри: если бы я начал играть в карты с Гитлером, как ты думаешь, кто бы победил?
– Да ты, конечно!
– Но ведь ни я, ни Гитлер не умеют играть в *русскую кочергу*!
– Но ведь я тоже не умею, зато нас таких было бы двое, а, значит, я бы тебе помог!
– Спасибо, друг, – со слезой в голосе поблагодарил художник антенщика.

Вроде пили мы по кругу,
как положено вора́м,
но мерсикаю я другу,
что оставил мне 100 грамм!

– Ну, за спасибо только коммунисты помогают – типа Нуртая, а вот за грамм 400 бормотушки – само то!

– Согласен, святой Малевич! Вызывай Гитлера!

Старший джус схватил со столика володину ручку для записей, открутил крышку и, дунув неё, стал громко кричать в отверстие:

– Товарищ Гитлер, на выход! С вещами, едрит Мадрид!

«Однако!», подумал Кулемзин. «Это ж надо было так нажраться!»

– Ну что? – через минуту поинтересовался Николаич.

– Да не выходит, гад, – побздёхивает, наверно!

Второй диалог был короче, но тоже интересный. Происходил он между Полтавцевым и Батыршиным:

– Серёга, – толкая товарища в плечо, спрашивал унтер-корнет, – а вот если бы было можно, ты бы что выбрал – ёперного Паркинсона или ёкарного Альцгеймера?

– Совсем тебе, мать честна́я, твои уставы тыкву расплескали, – степенно ответил сторож. – Во-первых, не что, а кого – это же люди, хоть и покойники!

– К-к-какие йодистые покойники? – начал заикаться трубач.

– Ну, Джеймс Джонович – это Паркинсон, и Алоис Эмильевич – это Альцгеймер.

В сомненье информационном
бросаю с горя костыли:
пришли Альцгеймер с Паркинсоном,
и долго руку мне трясли!

«Откуда он знает всю группу этих иностранных товарищей?», подумал Салихдзяныч, моментально забыв, что сам только что спрашивал о них, а вслух сказал:

– А во-вторых?

– Чего во-вторых?

– Ну, во-вторых, кто из них лучше?

– Так я ж не баба, – глубокомысленно заметил экс-текстильщик, – чтоб двух мужиков сравнивать!

– Давайте, яйчики-бабайчики, лучше я вас рассужу, – не выдержав издевательства над наукой, вмешался Володя. – Конечно, лучше Паркинсон!

– Эт’ почему, царица лесная?

– Да потому, что лучше расплескать полстакана водки, чем забыть, куда затырил всю бутылку!

Но развить мысль не удалось, потому что краем уха писатель уловил новый разговор живописца и старшего джуса.

– Валера, Валера, Валера, – домогался Васюханыч, толкая Николаича в разные места. – Вот завтра 1 сентября. Это тебе ни о чём не напоминает?

– На-по-ми-на-ет, – раскачиваясь от толчков, ответил Муравлёв.

– А что именно?

– Да напоминает: лето кончилось! А мы с тобой нигде в этом году не были.

– Не переживай, в мире много таких стран, в которых даже осенью тепло.

Отдыхать – не наш ведь статус,
любим мы своё село,
хоть и есть, где тёплый градус –
в смысле солнце, не бухло!

– А ты в этом году куда не поедешь?

– Ну, не знаю. Пожалуй, не махну-ка я на Бали!

– А я не поеду на Сейшелы. Ну их нá хрен, этих сейшельцев! Наливай!

Но и про этих экзотических людей пришлось тут же забыть, потому что, словно соревнуясь, кто наговорит больше чепухи, в разговор вновь вступили Талгат и Серёнька, причём, разговор этот начался с какой-то иностранщины.

– Төшегез![470] – предложил Талгат, неожиданно забыв русский язык.

– Әйе, җиңел![471] – отозвался сторож. – Постой, а ты чего это по-татарски заговорил?

[470] Наливай! – тат.
[471] Да запросто! – тат.

– Да понятия не имею, – признался военный алкоголик. – Может, служил там? А, может, я сам оттуда?

– Так ты татарин? – обрадовался Афанасьич. – Это хорошо! Я ведь в армии тоже служил с одним таким, так он первые полгода такой чурка был – мать честнáя! С первого раза ни хренá не понимал. Ему говоришь: ты чё, чучмек, давай – упал-отжался! А он в ответ – кулдык-мулдык и стоит, как столб. А по башке ему настучишь, сразу всё понимать начинает.

Семижопинец сладко потянулся от приятных воспоминаний и закончил свой спич:

– А потом ничего, освоился, стал за забор ходить – дедам бутылочки приносить.

Дедом стал – пришла вдруг шалость:
водку пить и не грешить –
до приказа мне осталось
литров 40 осушить!

Неожиданные воспоминания заставили сторожа покраснеть, и он стал смотреть на старшего прапорщика с явной симпатией: мнение о татарах, как о злыднях, которые во время ига попортили его прапрапрапрапрапрапрапрабабушку, немного переменилось.

А дудец в полковую дудку вдруг решил расширить круг родного языка.

– А ёперный кулдык-мулдык – это что? – поинтересовался он у Полтавцева.

– Так ты ж татарин, царица лесная, а не я, – удивился работник магазина «Пингвин и гагара», – так что тебе лучше знать!

После этого Серёжа неожиданно потерял интерес к Салихдзянычу, налил себе очередной стопарик, не спеша выпил и в этот раз толкнул в плечо Курманбаева:

– Нуртай, вот скажи: мне всё время не хватает денег, как ты думаешь, меня возьмут на работу в школу?

– Да ты с ума съехал, мать моя партия! И кем ты туда пойдёшь? Надеюсь, не директором или завучем?

– Нет, конечно, это всё неинтересно. А вот трудовиком, например, запросто.

– А почему именно трудовиком?

– Да ты забыл, сосед, что я столько лет трудился на ОХБК, и, значит, в принципе владею ситуацией.

Мной мыслишка овладела –
я ей смело восхищусь:
«Много лет сижу без дела –
и бездельником зовусь!»

– Извините, что я вклиниваюсь в ваш высокопрофессиональный разговор, – вклинился в разговор Володя, – но я бы лично тебе, Серёжа, этого не советовал.

– Почему?

– Да потому что такой трудовик, как ты, после первой бутылки водки автоматически превращается в учителя пения, а после второй начинает преподавать детям философию, а её пока нет в школьной программе!

Однако предпочтения в разговорах менялись так быстро, что автор, прячущийся за карагачом, уже давно ничего не записывал, а попросил Кулемзина (разумеется, мысленно!) включить свой запоминательный мозговой центр с кнопкой *safe*. Поэтому сейчас он просто стоял и слушал, как начался и тут же закончился слишком короткий диалог – на этот раз Васюханыча и Мусаича.

– Нуртай, а вот тебе водка нравится?

– Водка. Мне. Нравится. – почему-то раздельно ответил педагог, но сразу же сбился на привычный ритм:

– Нет, я имею в виду не пить, а так – в целом...

– А где ты, едрит Мадрид, видел целую водку?

– Только в магазине. Но она платная...

Лью я доверху в *гранёный*,
хмарь и горечь в нём топя,
а они никак не тонут,
не уходят от меня…

Глава 240. ВЕСЕЛЬЯ ЧАС И ЧАС РАЗЛУКИ (Разговорчики ни о чём, продолжение)

И всё же, когда начиналась пьянка, больше всего неотложных вопросов приходилось обсуждать с неугомонным Полтавцевым, у которого на почве постоянного тянульства к ненужным знаниям они появлялись с каждой пайкой спиртного. Вот и сейчас, со смаком допив из своего *двухсотового* что-то страшно вонючее, он повернулся к единственному, как ему казалось, авторитету в области астрономии Кулемзину, и осведомился:

– Володя, вот я слышал, как какие-то учёные люди открыли, что Вселенная расширяется с ускорением. И это сообщение породило в мене вопрос: как же так?! Насколько я правильно понял телевизор, она же бесконечна, а как бесконечность может расширяться с ускорением? Это ведь даже представить невозможно!

Семижопинец при этом так взволновался, что налил себе внеплановую пайку и залпом опрокинул её в пасть. Но Альбионыча, как уже точно знает мой читатель, освоивший вспаханную целину почти семи томов «Русской кочерги», было трудно поймать на таком лёгком вопросе. Он посмотрел на интересовальца и постарался очень просто объяснить ему невозможное:

– Вот смотри, Афанасьич.

Афанасьич послушался и вылупил на писателя с астрономическим уклоном зенки. В это время марсианин перевернул уже ненужную на сегодняшний день *раскладку* и стал рисовать, судя по линиям, какой-то научный рисунок.

– Вот Солнечная система. А теперь представь себе, что Солнце – это атом, а планеты – это электроны. Всё вместе – это молекула. Правильно?

– Правильно, царица лесная, – икнул охранник.

– Ну, и самое главное: представь, что это – молекула твоей печени!

Нет денька ни выходного,
чтоб не приняли мы чаш:
плачет печень от спиртного,
но смеётся сам алкаш!

Серёжа представил, ужаснулся и поспешно налил себе третью пайку подряд. Увидев это, научный лектор также ужаснулся, как и его собеседник по науке, после чего подумал: «Да это просто ОПГ какое-то!». И пусть мой читатель, как и эти двое героев, не ужасается от знания того, что в каждой нынешней газете ОПГ разъясняется как организованная преступная группа, потому что писатель имел в виду совсем другое:

Объединение
Подвыпивших
Граждан

Уроженец деревни Семижопино, проглотив пайку, тут же захотел уточнить, что ему делать дальше с таким ужасным новым знанием, но с удивлением осознал, что Альбионыч уже слушает не его, а художника Муравлёва, который, настырно дёргая за рукав литератора, интенсивно интересовался:

– Володя, а сколько бы лет, святой Малевич, ты хотел прожить?

– В этом вопросе, – отбирая рукав, ответил Кулемзин, – я с детства равняюсь на одного знакомого азербайджанца.

– Это, наверное, твой друг Насиб? – попытался догадаться Валера.

– А вот и нет, яйчики-бабайчики! С Насибом мы практически ровесники, так что равняться друг на друга здесь не получается. А вспоминаю я некоего Гусейн-ага Алескера оглы Садыхова, с которым познакомился в городе Баку в 1972 году, когда в составе сводного полка́ обучал вьетнамцев стрелять по американцам из зенитных ракетных комплексов С-75. Кстати, тогда ему было уже 58 лет, а мне всего 19.

Без каких-либо абзацев
(строить – это не ломать!),
научили мы вьетнамцев,
как пиндосов разбивать!

– А как же ты с ним познакомился?

– А как раз тогда вышел один азербайджанский фильм под замечательным названием «Бабамызын бабасынын бабасы»

– Да брось шутить! – неожиданно примкнув в разговору, вскричал прапорщик Салихдзяныч. – Таких и ёкарных слов-то нет!

– Правильно, в русском языке, слава *дедушке*, нет, а вот в азербайджанском есть, и переводится этот ужас как «Дедушка дедушки нашего дедушки»

– И что это за хрень? – поинтересовался Николаич.

– Вот как раз этого сложного дедушку – 160-летнего пастуха Азиза – Алескерыч и сыграл, а нас вместе с подотчётными вьетнамцами пригнали на премьеру в бакинский кинотеатр «Бахар». А после премьеры была творческая встреча, где мы с этим Гусейн-агой и познакомились. Кстати, никто не помнит, с чего бы это меня на такие воспоминания потянуло?

– Я помню, мать моя КПСС, – как на уроке химии, поднял руку Мусаич. – Наш поддатый друг Валера спросил тебя, сколько лет ты хочешь прожить.

– А-а-а, – вспомнил покерный гуру, – точно. Так я и говорю: хочу равняться на героя этого фильма – дедушку Азиза!

Хочу прожить я 200 лет –
и съесть под водочку обед!

И тут выяснилось, что друг с другом бермудские алкоголики разговаривать расхоте-

ли, а вот на разговоры с Альбионычем выстроились в очередь, так что следующий диалог у него произошёл с военным трубачом.

– Володя, а давай дружить навеки!

– А это как? – поинтересовался писатель. – Домами?

– Нет, домами не получится, – рассудительно ответил старший знаменосец. – У меня дом еврейско-татарский, а у тебя русско-марсианский. И как мы будем мирить эти четыре народа?

– И то верно, – согласился поборник трезвости. – И как же тогда?

– А просто, – доверительно положил ему руку на плечо шнапс-капитан. – Когда мне станет плохо, я приду к тебе и скажу: «Возьмём мне пузырь!», и ты возьмёшь.

– А если, яйчики-бабайчики, будет плохо мне? – озаботился Кулемзин.

– А тебе не будет, – убедительно произнёс Салихдзяныч. – Ты же не пьёшь!

– И то верно, – во второй раз согласился литератор. – Тогда давай дружить! А в знак нашей дружбы на вечные времена я только что придумал некий (прости, русский язык!) логотип – вот такой.

И он – посредством одной из нехитрых марсианских технологий – воспроизвёл в жарком мареве Бермудского Учпучмака:

Глава 241. ВЕСЕЛЬЯ ЧАС И ЧАС РАЗЛУКИ (О поэзии высокой и не очень)

Затем у Талгата какой-то ненужный шарик в тыкве заехал за нужный ролик, и он тут же забыл о начавшейся вечной дружбе, но зато заявил во всеуслышание:

– А я, когда выпью – никого не боюсь!

– И даже Аиды? – тонко улыбнулся Володя.

– Не знаю, не знаю, – подумав, признался ~~страшный~~ старший прапорщик, – по-моему, до такой ёперной степени я ещё ни разу не допивался.

Все немного посмеялись над военным, но он не понял, что именно над ним, так как в его шалую голову прокралась ещё одна мысль – мутантное дитя туркменского портвейна, 60-процентной воды и пива «Маршал»:

– А я вот вообще не доверяю верблюдам!

– Почему, святой Малевич? – изумился живописец.

– А я вообще не доверяю тем, кто может целую ёкарную неделю не пить…

И не успели остальные члены хевры переварить эту сложную мысль, как тут же последовала более простая, но всё от того же персонажа:

– Хорошо сидим! А помните, ещё совсем недавно, чтобы бухну́ть, надо было двух часов дня дожидаться?

– Да, мать честна́я, страшное было время! – поёжился Полтавцев.

В 6 утра поёт петух,
в 8 – Пугачёва:
магазин закрыт до двух…
Ключ – у Горбачёва!

– Зато сейчас раздолье! – весело воскликнул Альбионыч, пытаясь хоть как-то отвести «мысли» окончательно спившегося коллектива от порочного занятия. – Хочешь в карты играй, хочешь стихи читай…

– В карты? – вскинул голову старший джус. – Нет, карт на сегодня, едрит Мадрид, достаточно!

– А стихов? – с надеждой вопросил единственный поэт в Великом ▲.

– А вот это давай! – разрешил Митрохин.

И Кулемзин дал:

– Среди игры́, среди забавы,
среди благополучных дней,
среди богатства, чести, славы
и в полной радости своей,
что всё сие, как дым, проходит,
природа к смерти нас приводит,
воспоминай, о человек!
Умрёшь, хоть смерти ненавидишь,
и всё, что ты теперь ни видишь,
исчезнет от тебя навек…

– Молодец, Вовка, – смахнул слезу Серёжа. – Очень чувствительно!

– Да это не я, – начал оправдываться писатель. – Это некий Александр Петрович написал, ещё в 1763 году. Сумароков его фамилия.

– А как называется, царица лесная? – для чего-то уточнил Полтавцев.

– «Ода на суету мира»

– Класс! Спишешь слова?

– А тебе зачем?

– Да Зуле как-нибудь расскажу.

– В смысле кое-как?

– В смысле каким-нибудь вечерком – под *ненавязчивое* бухло…

Мужички под 40
могут горы смять,
если эти 40
булькают в 0,5!

Как это бывало и раньше, стишок понравился всем, кроме строптивого саксаульского педагога. Он нахохлился, потом решительно нацедил в свою пластиковую тару 112 граммов водочки, потихоньку выцедил её, занюхал плечом соседа Серёжи, облачённым в не очень чистую маечку, после чего заявил:

– Вот ты, Володя, сейчас прочитал какой-то чужой стих. А ведь в нашем коллективе есть люди, которые могут прочитать свои собственные стихи!

– Это не ты ли? – улыбнулся обхаянный.

– Именно я, мать моя КПСС! – воскликнул большевик и без репетиции начал вещать тонким голосом:

– Пускай у нас работы масса,
по горло дел – невпроворот,
но мы перелистаем Маркса,
чтоб жизнь поставила зачёт.
Где частник, там разбой и деньги,
там в человека входит зверь, –
об этом говорил нам Энгельс,
к свободе открывая дверь.
И, как просил товарищ Сталин,
чтоб яростней с врагом дрались,
мы Ленина перелистаем,
как перелистывают Жизнь…

И тут все заметили, что впервые за неделю поганые строчки Курманбаева никак не подействовали на Батыршина, который ранее только и знал, что бегал в бермудские кусты – выразить своё отношение к словам Мусаича. Впрочем, секрет открылся немедленно – старший трубач дрых, прислонив спину и голову к стволу карагача, который чуть-чуть подрагивал от его богатырского храпа.

Николаич придвинулся к хорунжему поближе, отодвинул его голову от дерева и произнёс прямо в ухо:

– Талгат, уже принесли!

– А? Чего? А кто ходил? А много принесли? – тут же проснулся Салихдзяныч, потом наткнулся взором на Нуртая и неожиданно подтвердил старую научную гипотезу, что некоторые люди во сне прекрасно слышат, о чём разговаривают рядом сидящие люди:

– Мой тебе совет, старик, как человека пожившего: не стегай зря Пегаса!

– А я настаиваю, что мой стих – великолепен! – вскричал ленинец. – А вы мне просто завидуете!

– А давай ему отомстим, – на ухо сторожу прошептал Валера.

– А как? – также таинственно отозвался Серёжа.

– А давай ему, святой Малевич, расскажем какую-нибудь гадость про Ленина!

– Так про него уже все гадости давно известны: и про мировую революцию, и про измены жене, и про то, что он одно время в свой мавзолей Сталина подселял – за большие деньги!

– А ты помнишь историю, как он предлагал рыбу петроградским детям отдать?

– Не помню, царица лесная, я ещё тогда не родился, – честно признался Афанасьич. – А в чём там прикол?

– Да неважно, давай просто скажем, что рыба эта была тухлая, и он не захотел её отдавать Троцкому!

Ленин очень много пишет,
Троцкий складно говорит, –
кровь еврейская обоих
синим пламенем горит!

– Напрасно вы так, друзья, – тихо попенял заговорщикам Володя, который сидел рядом и слышал все нюансы тайных интриг. – Я вот, например, слышал историю про великую доброту Ильича I.

– Да ну? – засомневался Васюхан. – Это как же?

– А вот как, – рассказал Альбионыч, стараясь не смотреть на педагога, который начал покрываться красными пятнами, как при русской народной болезни волчанке. – Однажды Ленин брился возле своего шалаша в Разливе, где прятался от мировой буржуазии, а мимо шёл маленький мальчик. Вот Ленин бритвочку точит, а сам на мальчика поглядывает. Потом он побрился, кисточку вымыл и опять бритвочку точит, и снова на мальчика поглядывает. А уже потом бритвочку вытер и – положил в футлярчик. А ведь мог и полоснуть!

Неужели вождь наш Ленин
натворил так много зла?
Даже мать земля сырая
его прах не приняла!

Глава 242. ВЕСЕЛЬЯ ЧАС И ЧАС РАЗЛУКИ (О поэзии высокой и не очень)

Но праздник поэзии, который начался совсем недавно, закончился быстро, правда, тут же начался ещё один – праздник народной песни. А инициатором его стал преподаватель еврейского колледжа Мусаич.

– Озари мне душу песней, – со слезой попросил он, повернувшись к охраннику.

На этот раз прапорщика вырвало на месте, и хорошо (1), что он успел отвернуться от покерного столика, и хорошо (2), что порыв его военной души был на этот раз так силён, что извержение алкогольного Везувия выплеснулось метра на три – в сторону многострадальных бермудских кустов. Затем он (прапорщик, а не Везувий) нервно потянулся к карману рубашки, достал сигарету из пачки и дрожащими руками стал чиркать спичку о коробок, любезно предложенный Афанасьичем.

«Молодец, яйчики-бабайчики», подумал покерный гуру, «сам погибает, а лошадь выручает…»

Как-то два снеговика
накурились табака:
там, где были их фигурки,
нынче лужа да окурки!

Но курилось плохо: противный кислый привкус в рту заставлял военного всё время сглатывать, отчего в горле и ушах как бы раздавался скрип битого стекла.

В это время в тыкве семижопинца что-то щёлкнуло и он с запозданием на секунд 50 услышал народный призыв своего соседа по лестничной площадке. Серёжа ещё раз глянул на педагога и вдруг немузыкально заорал:

– Шапки пр-р-р-очь! В лесу поют др-р-р… др-р-р… др-р-р…

– …озды, мать моя партия, – решил помочь ему Курманбаев.

– Нет, Нуртай, не знаешь ты правды жизни, – попенял ему Афанасьич и сделал контрольную попытку:

– …овосеки!

– Гомосеки, святой Малевич? – захихикал глуховатый во время пьянки Муравлёв. – А я и не знал, Серёжа, что ты такой остроумный!

– Да, вот что с условным человеком делает неадекватная обстановка, – прокомментировал эксцесс Володя.

Для иных нет благодати –
вот и этот антипод:

мой дружок в неадеквате –
пьют вокруг, а он не пьёт!

А сторож, видя, как его другу Талгату становится всё хуже, решил полечить его ещё одним испытанным в веках способом – стал насильно совать ему в рот отобранную у Володи бутылочку «Тянь-Шаня», но шнапс-капитан уже был не в состоянии осознать этот высокогуманный акт и только мычал, как заложник с заклеенным скотчем ртом:

– Н-н-н-не н-н-н-надо…

– В отказ пошёл, – резюмировал Полтавцев и отдал бутылочку обратно писателю.

– Шесть промилле, не меньше, – на глаз определил Альбионыч содержание этанола в военно-музыкальной крови, после чего поставил испоганенную бутылочку под бывший покерный столик.

Себе же он вынул новую – из серёжиного хурджина, затем отщёлкнул пробочку и с наслаждением воткнул в горло сосуд с жидким блаженством. Пивко «Тянь-Шань» (а это было именно оно) взревело, вскипело и взорвалось в марсианском организме, оно шипело жёлтым пламенем, кремируя нутро быстро и без остатка.

Наконец Салихдзянычу немного похорошело, хотя, вернувшись из командировки по параллельному миру, он повёл себя по-прежнему неадекватно.

– Бахытжан, – обратился он, глядя прямо на Валеру, – а помнишь, как мы с тобой нажрались, когда ты своровал два мешка с нашей офицерской кухни и продал их знакомому повару из соседней части – за треть цены?

У меня в башке отбито –
поступаю, как дебил:
своровал цистерну спирта,
про́дал – водочки купил!

И здесь все присутствующие догадались, что неадекватный воин просто перепутал Николаича с батыршинским другом старшиной Кожамкуловым, и порадовались, что хотя бы к концу недели узнали его имя. Но художник не растерялся и поддержал идею своего товарища по празднику – он неслышно чокнулся своим пластиком о пластик трубача, потом они выпили и обнялись, как два солдата в шесть часов вечера после войны[472].

[472] «В 6 часов вечера после войны» – советский полнометражный художественный чёрно-белый фильм, снятый режиссёром Иваном Пырьевым на киностудии «Мосфильм» в 1944 году – прим. кинoредактора

Напрягало слух следящих за этой весёлой сценой только то, что когда есаул пил, сминая губами стаканчик, раздавались какие-то странные хлюпающие звуки, словно в болоте полоскали бельё. Кулемзин вопросительно посмотрел на саксаульского модильяни и тот немедленно осознал свою вину.

– Ты знаешь, Володя… я… вообщё-то не хотел… потому что думал… святой Казимир Северинович… что так получится… когда я… – виновато пробормотал он.

– *Дедушка*, какой циник! – возмущённо прошептал литератор.

Между тем военный ~~музыкант~~ алкоголик завершил процесс, и всем стало ясно, что он (процесс, а не алкоголик) ему (алкоголику, а не процессу) помог, ибо изо рта татарина неожиданно полилась русская речь.

Я сказал языковеду,
в вузе что меня гонял:
«Раньше русский я не ведал –
выпил, сразу всё поня́л!»

– В армии ведь самое важное что? – задал он явно риторический вопрос, обращаясь ни к кому, и сам же ответил:

– В армии самое важное – это уметь хорошо копать! И чем глубже вы копаете, тем меньше вас убьют…

– Силён мужик! – одобрительно хором заметили бомжи Танкист и Одиссей, которые как раз проходили мимо – по задумке автора, последний раз в нашей великой книге.

И тут вышеозначенный автор понял, что просто так отпустить этих героев навек было бы неправильно, потому знаменитые клошары второго микрорайона тут же остановились, сложили руки на груди, как грузинка Нани Брегвадзе во время исполнения песни «Снегопад», после чего учпучмакские персонажи услышали задушевную песню, рождённую в одной из тюрем ныне суверенной России:

– Как на Невском проспекте у бара,
где легавый свой пост охранял,
там в углу, притаившись, на пару
Николай полупьяный стоял.
Перед ним на коленях Тамара,
проститутка из бара была,
она что-то ему говорила,
на глазах показалась слеза.
«Ох, не мучь меня, Коля, не мучай,
ох, зачем же ты мучишь меня?
Знаю я, у тебя есть другая,
всё равно не гони от себя!»

Но просто так отпустить бомжей было бы верхом цинизма, поэтому Кулемзин, смахнув непрошеную слезу, обратился к ним к просьбой:

– Друзья мои, а не могли бы вы *в своём изложении* на память обо всех нас прочесть волнующий стих моего старого друга Фёдора Иваныча Тютчева?

– Это какой? – поинтересовался Одиссей.

– «Цицерон», – ответил Альбионыч, сам удивляясь столь нелепому названию XIX века, ведь сам он хорошо помнил строки русского лирика:

«Блажен, кто посетил сей мир
в его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
он в их совет допущен был,
и заживо, как небожитель,
из чаши их бессмертье пил!»

– Конечно, хозяин, – не стали чиниться апатриды, вновь сделали руками прежнюю фигуру, и на два голоса прочли новое изложение великого русского поэта-мыслителя:

– Блажен, кто отмотал свой срок
в дни беспредела на кичмане!
Его призвали каторжане
в уютный воровской куток.
Они пригрели фраерюгу,
он был допущен в их сходняк –
и босяки ему по кругу
передавали чифирбак!

Здесь Альбионыч, от волнения не в силах вымолвить ни слова, молча кивнул Афанасьичу, который тут же наполнил два пластиковых стаканчика – педагога и прапорщика, и отнёс их клошарам. Те степенно выпили, помахали компании на прощание ручками в цыпках и отправились из этой книги в какую-то другую. А вот встретятся ли с ними когда-нибудь наши герои, не знают ни Володя, ни автор нашего повествования, ни сам всеведающий, по слухам, *дедушка*…

Глава 242. ВЕСЕЛЬЯ ЧАС И ЧАС РАЗЛУКИ (О поэзии высокой и не очень)

Мой читатель уже наверняка заметил, что к концу вечера на бывшей покерной, а ныне алкогольной скамеечке образовывался как бы клуб по интересам, причём, интересам иногда пересекающимся. Затронутые писателем вопросы оживляли сначала правую сторону, потом вмиг подхватывались левой, затем на противоположной стороне скамеечки, не обращая внимания на развитие темы *vis-à-vis*[473], начинали гнуть каждый или попарно в свою сторону, выдавая некие убеждения, наклонности, устремления или полное их отсутствие. И, может, именно поэтому те стихи, которые предлагал хевре марсианин, не вызывали резкого неприятия, как это зачастую бывают в пьяных компаниях, а заставляли ~~размышлять о высоком~~ ещё раз наполнить уже практически смятые пластиковые стаканчики. Вот и сейчас он по очереди посмотрел в глаза всем присутствующим и голосом чтеца II категории произнёс, усилением голоса вначале выделив название очередного произведения:

Об академике Павлове, докторе Фрейде и алкоголе

И. П. Павлов, хоть выпить слабак,
был известный любитель собак:
чуть завидит, проделает дырку,
ток пропустит, подставит пробирку.
Жаль, профессор реакции Фрейд
причинил ему видимый вред.
Раз надумал И. П. алкоголя
достоверно исследовать вкус,
но не чтоб, как неопытный коля,
в Лужниках отрубиться под куст.
Перед зеркалом собственноручно
выпивал совершенно научно,
и в уме заприметив дефект,
приблизительно понял эффект.
Если б сумму значительных денег
отслюнил мне стокгольмский синклит,
было б ясно, зачем академик
перед зеркалом в зюзю сидит.
Сам я больше в пивных не бушую,
от вина не встаю на дыбы,
и собаку держу небольшую,
не сверля в ней особой дыры.
Я в научный не верю прогресс –
даже к Фрейду исчез интерес!

[473] ***Напротив – фр.***

– Гениально, святой Малевич! – вскричал художник, немного привстав, словно собирался развернуть послание, но тут же вновь свалился на скамеечку.

– Что ты сказал, царица лесная? – спросил у него глуховатый охранник.

– Да вот говорю, что иногда становится так одиноко, особенно когда бухло заканчивается.

– Эх, сынок, не знаешь ты настоящего одиночества, – вздохнул единственный философ в компании. – Настоящее одиночество (Серёжа, запиши!) – это тогда, когда ты всю ночь разговариваешь сам с собой, а тебя не понимают.

Полтавцев тут же выхватил знаменитую книжечку «Для му.мы.» и торопливо записал мудрую мысль писателя: «Ведёшь себя всю ночь, как шизофреник, а потом ещё и удивляешься, что наутро к тебе бригада из психушки приехала!»

– Владимир Альбионович, – во время этой записи обратился к Кулемзину антенщик Митрохин, и все подивились силе его памяти. – А у вас нет стишка про Ленина?

– Есть, конечно, – насторожился поэт. – А тебе зачем?

– Да чувствую, что уснуть сегодня будет трудно, так я этот стишок буду повторять – многократно, а там, как дело пойдёт…

«Да, в самом деле пора завязывать, яйчики-бабайчики», подумал литератор, но обещание выполнил, прочитав с чувством ещё один катрен из своей безразмерной творческой копилки:

Феликс Эдмундович в парке гулял,
Наденьку Крупскую там поджидал.
Прямо в затылок вонзился кирпич –
метко бросает Владимир Ильич!

– Ну, как? – ревниво поинтересовался декламатор.

– Да чепуха какая-то, – честно ответил Васюхан. – И где же здесь про Ленина?

– А вот же – Владимир Ильич, – растерянно ответил Альбионыч.

– Нет, брат, – неожиданно приблизив родство душ, поправил его старший джус, – Ленин – он на букву лэ!

– И вообще, – подключился к диалогу ещё один критик из хевры. – А разве это ёперная поэзия?

– Конечно, – ответил гениальный правнук Гомера, – это же концептуально-супрематический сюрреализм!

– Вона как, – поразился старший трубач.

– Серёжа, а ты чего морщишься? – поглядел на сморщенную рожу семижопинца охаянный поэт. – Стишок не понравился?

– Не понравился, – честно признался Афанасьич. – Чувствую, что он как-то перестал отвечать моим возросшим духовным потребностям…

– Можно подумать, ты лучше знаешь, – обиделся марсианин, а автор в это время подумал: «Если уж Кулемзин начал обижаться, то, действительно, пора разгонять всю эту *псюрню* по домам!»

– Да я стихов много знаю, – занервничал Сережа. – Вот, помню ещё со школы:

Рабочий тащит пулемёт,
сейчас он, сука, вступит в бой!

– Концептуально, мать моя партия! – вскричал молчавший до того педагог.

– А это как? – застеснялся бывший хлопчатобумажник.

– Давай лучше я объясню, – поднял руку Володя, который не умел долго обижаться

на придурков. – Концептуально – это лучший заменитель сло́ва *хрень*, когда не хочешь обидеть своей оценкой чьё-нибудь творчество…

– А мне больше йодистые стишки про ёкарную весну нравятся! – признался военный. – Романтика! Из-под снега женщины раздетые появляются, давая загореть своим белым зимним коленкам…

– Да про весну как-то поздно, – засомневался Кулемзин, который отчётливо помнил, что сегодня ещё лето, а вот завтра начинается осень. – Ладно, ловите мою *внесезонку*:

Скучно Крузо Робинзону –
вот попал мужик на зону:
ни футбола, ни кина,
а из баб – коза одна!

– А вот это атмосферные стихи! – наконец похвалил единственного поэта в компании Серёнька Афанасьич.

Но всему приходит конец, и вечеру поэзии он пришёл тоже – с поднятым вверх указательным пальцем Валеры, который словно бы молча предупреждал остальных: «Слушайте внимательно, святой Малевич, и не говорите потом, что не слышали…», и эти остальные поняли, что сейчас прозвучит нечто выдающееся. И оно прозвучало – живописец убрал указательный палец, но взамен его поднял всю правую руку и стал ею рубить воздух с каждым слогом, как до него делал в своё время поэт Маяковский:

– Наша жизнь – такая штука:
ни хрена в ней не поймёшь,
каждый день охреневаешь,
охреневшим и помрёшь!

Глава 243. ВЕСЕЛЬЯ ЧАС И ЧАС РАЗЛУКИ (Прощание навек)

«Неужели же настал тот час разлуки, о котором уже которую главу напоминает вторая часть последних заголовков глав?», мысленно вскричал мой читатель, и автор со слезами на глазах подтверждает: да, настал…

А расставание героев началось с того, что Салихдзяныч, который потихоньку подливал себе то 40 граммов, а то и все 50, неожиданно обнаружил, что подливать нечего, и от огорчения припал лбом прямо в тщедушную грудь Мусаича. Нуртай попытался было уклониться от таких проявлений, но не смог, так как музыкант ещё и опасно держал его за рубашечку, рискуя оторвать карман. Затем он (музыкант, а не карман) строго поглядел в глаза коммуниста и неожиданно твёрдо объявил сурувое решение:

– Вот ещё одну рюмочку и пойду вызывать огонь на себя.

– Так нет же ни рюмочки, ни бухла, – попытался урезонить его Васюхан, а сидящий по соседству Муравлёв ещё и уточнил:

– А куда пойдёшь?

– Наверное, домой, к йоркширской жене, – ответил несчастный унтер-офицер.

Знает только подворотня,
как обратно разгрустись:
возвращусь к жене сегодня –
чтобы завтра развестись!

– Володя, мать моя партия, – со слезой вскричал Курманбаев. – Неужели это всё?

– Да, – твёрдо ответил спонсор, но решил пожалеть пропитонов, и предложил:

– А давайте так: задайте мне какой-нибудь вопрос, и если я на него не отвечу, то возь-

му вам ещё бутылочку, но если ответ прозвучит, сразу же расходимся по домам.

Предложение писателя вселило в хевру массу надежд, они сгрудились в кружок и стали тихонько предлагать разные пакости, о которых, по их мнению, не мог знать Володя. А сам он краем левого уха улавливал только отдельные слова: «а давайте его спросим про кегельбанное трио ёперного Моцарта», «или про взрыв бензовоза во Фритауне, мать моя КПСС», «а я думаю, мать честнáя, что он не знает о мировом индексе продовольственных цен» и даже «наверняка этот лох никогда не слышал о логарифмической амплитудно-фазовой частотной характеристике», которую предложил грамотный антенщик.

Но вот страшно трудный вопрос был выбран, и марсианин наконец услышал вот что, по-былинному произнесённое выбранным парламентёром Николаичем:

– А скажи-ка нам, о наш щедрый друг, что одновременно бывает мужского, женского и среднего рода?

Кулемзин улыбнулся и тут же ответил:

– Музей-усадьба Коломенское [474].

[474] Дворцовое село, бывшая царская резиденция (с 1640 года), расположенная к югу от центра Москвы – прим. ист. редактора

Раз нажрался я на свальбе
и, зверея и блюя,
как турист, пришёл в усадьбу, –
оказалась, что своя!

Гóре членов КДЗ, или Клуба дурацких загадок, было неописуемым: они молчали, но это молчание было так выразительно, что любой литератор, попытавшийся описать его, смог бы придумать только вот такую строчку: «……..! …..! ……..! ……!!!».

Володе было жаль своих персонажей, но ещё больше было жалко бумажку, с утра превшую в кармане его штанов. Этой бумажке не было цены, ибо на ней присутствовал заголовок, а за ним немыслимое число пунктов для исполнения. А заголовок этот, как наверняка догадался мой читатель, был таким: «План Построения VII Тома Романа «Русская Кочерга»

И, чтобы как-то отвлечь их от этого страшного горя, он заметил кое-что в восточном углу Бермудского Учпучмака и воскликнул:

– Смотрите!

И, действительно, там было на что посмотреть: начиная с юго-западного угла Великого ▲, так хорошо знакомого всей покерной хевре, сразу две бригады людей в форме дорожных рабочих одновременно занимались двумя делами: первая бригада ловко подпиливала и выкапывала металлическую оградку, о которой было так много написано в прочитанных томах, а вторая укладывала вместо неё красивый бордюр в виде небольших каменных косточек домино, правда, без обозначения их номинала для игры.

Трудно было в малолетстве:
мозг нам водочкой снесли,
в домино играли с детства –
без лошадок ведь росли!

И уловка Альбионыча сработала: все как один стали наперебой жалеть старую оградку, словно бы уже давно сроднились с ней, а Курманбаев даже закусил губу, так как несколько лет приглядывался к этому памятнику советской (б) архитектуры и мечтал когда-нибудь ночью снять её и спрятать в чулане до поры до времени – когда оградку можно

будет использовать по назначению на отцеябловском кладбище. «А чего зря тратиться?», думал он. «Да и жена, если б меня пережила, думаю, тоже была бы не против…».

Но сам Кулемзин был спокоен: он, будучи великим русским и саксаульским поэтом двух веков, даже в таких малых приметах времени находил повод для своего бессмертного творчества. Вот и сейчас, глядя, как лихо справляются с работой описанные бригады, он мысленно складировал на специальную полочку в своём мозговом запоминальном устройстве строчку за строчкой:

«Она ветшала, цвет меняла,
от самокатов скрежетала
и с алкашами воевала,
но оказалось всё ей мало –
одна из нынешних структур
дала ей пару редактур…

♠ ♠ ♠

Прощай, оградка из металла!
И, здравствуй, каменный бордюр!»

Глава 244. ВЕСЕЛЬЯ ЧАС И ЧАС РАЗЛУКИ (Прощание навек, окончание)

Оказалось, что работа кипела уже давно, так как взоры знатных бермудцев обнаружили ещё две бригады, которые занимались тем же, но с противоположной стороны – видимо, для убыстрения процесса замены. А для качественного её исполнения все рабочие пользовались старинным строительным приспособлением – верёвочкой для выравнивания бордюра. Но вот прошла пара минут, и передовые бригады произвели смычку в середине работ. Правда, здесь стал заметен некий конфуз, ибо одна бригада рабочих укладывала плиты слева от верёвочки, а другая – справа!

И чтобы вконец расстаться со строительной драмой, автору осталось только сказать, что структура, о которой говорится в 5-й строчке последнего стиха, называлась ОЗНОБ, а расшифровывалась как **О**рганизация по **З**амене **Н**енужных **О**градок на **Б**ордюры!

Воздух оставался по-прежнему тягучим и горячим, как мармелад, только что сошедший с кондитерской линии. И именно он (воздух, а не мармелад) поспособствовал тому́, что писатель мгновенно совершил неологический подвиг, то есть придумал если и не новое для русского языка слово, то по крайней мере, его определение:

Вжик – это единица измерения длительности лета

Альбионыч оглядел своё вконец окосевшее воинство и понял, что коллектив надо распускать навсегда.

– Смотри-ка, – делано удивился он. – Вроде бы уже шесть, вроде бы уже перекусить пора, а к ужину ещё в колокол не звонили, да и из пушки, по-моему, не стреляли…

«Каки таки ёперные пушки?», вспыхнула последняя мыслишка у бравого оловянного прапорщика. «Совсем этот ёкарный толстый… забыл его фамилию… допился…»

А у литератора, как это часто бывало и раньше, мысль о колоколе к ужину скакнула к сопутствующей мысли: «О мои враги, хватит уже отдавать мне свои ужины!»

Я почему такой толстяк?
Опять отдал мне ужин враг!

Первым в родное гнездо на четвёртом этаже дома № 16 отчалил педагог Курманбаев, костеря про себя жадного Кулемзина, от которого никогда не дождёшься ни лишних

100 граммов (кроме уже употреблённых 700), ни лишней, мать моя КПСС, бутылочки пива (кроме уже выпитых 14).

Вторым – вслед за большевиком – отправился его сосед Полтавцев, который вначале произнёс историческую фразу:

– Ну и вечерок, таскать-колотить, – давно такого не было, царица лесная!

, а потом вспомнил, что ему завтра с утра идти на работу – в магазин «Пингвин и гагара», где он, кажется, кем-то работает – то ли директором, то ли на худой конец главбухом.

(Кстати, настоящий Глав-Бух второго микрорайона уже давно находился в своей вонючей квартире – на третьем этаже дома № 17, куда его с трудом доставила верная подруга Галлюцинация)

Затем пришла очередь двух друзей – художника Валеры и антенщика Васюхана.

– Валера, едрит Мадрид, – в отчаянии прошептал на ухо товарищу Митрохин, – я, наверное, сегодня здесь заночую – под покерным столиком…

– А у тебя, что, святой Малевич, ноги отказали? – предположил Муравлёв.

– Денег на такси не осталось, – со слезой в голосе признался старший джус. – А пешком – это дня три…

И тут рука живописца сама собой скользнула в так называемый *пистон* – маленький тайный кармашек в штанах, откуда он и вытащил золотистую монетку в 100 назарбаксов. Откуда же она там взялась? Наверняка ни один даже самый внимательный читатель к вечеру седьмого дня не вспомнит, что ещё пять дней назад (!), а, значит, во втором томе нашего романа [475], эту монетку путём применения марсианской технологии *мръъчшъъхцып* подкинул ему в пистончик сами понимаете кто!

[475] Об этом случае – в главе 247 второго тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора

Мне к родимому порогу
не один заквасить круг:
даст мне денег на дорогу
только самый верный друг!

– Нет, Васюхан! – воскликнул старший маляр Великого Покерного▲, – ты сегодня поедешь ко мне – алаверды!

Правда, что означает это научное слово, не раз слышанное им от Володи, он не знал, да и разве это было важно именно сейчас, когда с риском для здоровья и самóй жизни надо было спасти друга от трёхдневной пешей прогулки!

И вот наконец на благословенной территории, которая давала приют героям всю неделю, их осталось только двое – Батыршин и Кулемзин. Талгат с тоской поглядел вокруг, потом вычленил взором Володю и молча вздохнул. Литератор вздохнул ответно, подошёл ближе, подал руку шнапс-капитану, после чего парочка, спотыкаясь о травинки, побрела в сторону второго подъезда дома № 17 второго микрорайона города Отцеябловска.

Через какое-то время друзья достигли вначале обшарпанных дверей подъезда, а затем и облагороженных кожвинилом дверей квартиры № 20, где проживал музыкальный есаул – с беспокойной еврейской роднёй. Покерный гуру прислонил его к двери, нажал кнопочку звонка и быстрым шагом спустился на этаж ниже, откуда через несколько секунд услышал, как тело саксаульского хорунжего молча впало в пространство родного тёмного коридора.

– Ну вот и всё! – пробормотал марсианин, выходя из одного подъезда и приближаясь к подъезду другому. – Прощай, Бермудия! Прощай, Учпучмакия! Прощай, яйчики-бабайчики, моя любимая Страна Семи Томов…

Чего там говорить – с охотой
провёл я нынче выходной!
Не повезло мне лишь с погодой,
людьми, эпохой и страной…

Глава 245. В РОДНОМ ГНЕЗДЕ (О чужих трудах)

Он вошёл в квартиру № 4 (500) и в который раз порадовался, насколько же ему было хорошо в его последнем для жизни гнезде. Все вещи стояли на своих местах и радовали его именно этим порядком. В двух видимых комнатах (кроме ещё четырёх невидимых) неслышно работали кондиционеры, насыщая квартирный дух полезными выжимками из душной смеси газов, состоящей из азота, кислорода, аргона, углекислого газа и водорода, которую земляне по привычке называли воздухом. Дóма было хорошо, покойно и тихо, и только где-то в глубине кухни слышалось нежное потрескивание слабого электричества. Володя понял, что там совершает вечерний ритуал кошачьего ужина его давняя подружка Несси, набравшаяся этого электричества за весь день, потираясь о деревья и другие предметы, в беспорядке расставленные по планете, и решил не мешать ей в этом, ибо его собственный ужин был заранее спрятан в массивном чреве ещё одного его друга, то есть в холодильнике.

Против правил, установленных им самим, Альбионыч решил заняться не едой, а словом, но сразу озаботился мыслью: словом своим или чужим? *Своим* означало немного поработать над глобальным произведением всей жизни, то есть романом «Русская кочерга», а *чужим* – просто почитать на ночь по нескольку страниц из 5-6 разных книжек – для того, чтобы было о чём подумать завтра.

Собрав мыслишки в одну стаю,
я пью из радостной струи:
чужие книги я листаю –
пишу exclusively [476] свои!

[476] Исключительно – англ. Читается как эксклúсевли

После недолгого раздумья наш герой решил, что к концу седьмого тома романа было бы излишним писать что-то ещё, и радикально свалился на диван, сурово заскрипевший под его центнеровым вéсом, после чего стал одну за одной брать с придиванного пуфика разные книжки.

Первой книжкой, попавшей в руки, стала «Диагностика кармы» некоего Сергея Лазарева – как утверждалось в аннотации, об информационно-энергетических полях человека. Правда, прочтя такую аннотацию, Кулемзин не стал читать книжку вовсе, так как точно знал, что таких полей у человека нет, а вот у марсиан, коих он имел честь представлять на Земле, есть, поэтому попенял автору за столь шизофреническую ложь.

Второй труд оказался намного приятнее – им оказалась поэма «Труды и дни» некоего Гесиода, который за 27 веков до описываемых нами событий умудрился раздобыть в Древней Греции авторучку, чернила и пачку бумаги «Белоснежка», чтобы наваять свою книгу, которую вначале, видимо, для того, чтобы не забыть, пропел несколько раз. Прочитав страниц семь, саксаульский литератор решительно захлопнул её, попеняв автору за некоторую предвзятость и пессимизм, что, кстати, было весьма нехарактерно для трудов рапсодов [477] того времени.

[477] Рапсоды (согласно античным объяснениям термина, «сшиватели песен» или «певцы с жезлом в руке») – профессиональные исполнители эпических, главным образом гомеров-

ских поэм в классической Греции; странствующие певцы, декламировавшие поэмы с жезлом в руке, где жезл являлся символом права выступать на собрании – прим. др.-гр. редактора

Те рапсоды набросали
слов ненужных полный бак:
не *рапсодии* писали,
а хрен знает что и как!

Третьей книжкой, тоже не вызвавшей оптимизма длительного изучения, стал «Обзор символической логики» Стивена Ирвинговича Льюиса, который также подвергся остракизму покерного гуру, выразившемуся в попенянии автору за узость обзора. После этого, немного утомившись от неинтересных книжек, которые сегодня валили к нему косяком, Володя приподнялся и положил себе диванную подушку под спину, как тяжелобольному. Правда, было непонятно, чем изменение позы могло изменить его интерес к чтению произведений других людей, поэтому наш писатель, и он же читатель, успокоил себя тем, что на всё воля ~~*дедушки*~~ Случая.

Следующим произведением, попавшим в его руки, стала книга некоего Н. В. Абаева издания аж 1926 года под названием «Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае». Альбионыч знал, что *чань* по-китайски означает то же, что и *дзен* по-японски, после чего понял, что книга посвящена дзен-буддизму. Он немного полистал потрёпанный томик и попенял автору за схоластический подход к в общем-то простенькой проблеме вечной жизни.

По векам слегка кочуя,
вечной жизни не хочу я!

Саксаульский литератор, уже немного утомившийся от чужих трудов, скосил глаза в сторону пуфика и увидел, что сегодняшним вечером ему предстояло изучить ещё две книги, вздохнул и взял предпоследнюю. Ею оказалась «Дополненная теория множественности пространств» своего старого знакомого профессора Фекалина, прочтя в которой страниц десять, он попенял автору за ненаучную серьёзность, как как тот свою сугубо научную книгу ухитрился разбавить множеством фривольных стишков типа вот такого:

Бедный папа взял двустволку,
по квартире мечется, –
думал, дочка комсомолка,
а она минетчица!

И, наконец, последней книгой, которой коснулись трепетные руки нашего героя, стал сборник песенных текстов американца Оскара Оскаровича Хаммерстайна Второго в оригинале, причём, подивился поистине трогательному названию сборника «Poems», то есть «Стихи». Правда, почитав немного, Кулемзин удивился ещё больше, так как песенки, сочинённые американцем, были настолько примитивными, что их хотелось немедленно переложить на более яркий русский язык. Например, один из текстов:

«Нас только что представили,
и до этого я не знал тебя совсем,
но когда заиграла музыка,
что-то привлекло меня к тебе.
Я смотрел кругом и видел,

как много парней и девушек
в объятиях друг друга,
и это заставило меня подумать,
что мы могли бы быть так же заняты.
Неужели сегодня мы будем танцевать
на ярком музыкальном облаке?»

марсианский поэт тут же сократил до привычного ему катрена:

Эй, чувиха, что ж ты дремлешь –
глядя, хочется блевать:
мы пришли в кабак затем лишь,
чтобы, выпив, станцевать!

Глава 246. В РОДНОМ ГНЕЗДЕ (Немного ужина и чуть-чуть творчества)

Немного почитав, наш герой – не глядя на часы – решил, что пришла пора ужина, и, подумав четыре секунды, тут же составил сложное вечернее меню:

1. Ледяная бутылочка пива «Тянь-Шань»
2. Еда
3. Ледяная бутылочка пива «Тянь-Шань»

, причём, заранее оговорил сам себе, что п. 2 может с успехом разрастись до 2.1, 2.2. и даже 2.3. После этого он тут же осуществил выполнение п.1, от которого получил заряд неимоверной бодрости и колоссального удовольствия. «Ну вот, яйчики-бабайчики», подумал он, «теперь можно приступать к остальному», имея в виду, что п. 2 должен быть немного скромнее других – как это бывает почти всегда, когда люди едят за свой счёт, а не на халяву.

Как слова мои крылаты –
их за истину беру:
«Денег мало – ем салаты,
денег много – ем икру!»

Готовить Альбионыч любил на подоконнике кухонного окна – широком и приподнятом над полом как раз по его росту. Он решительно отдёрнул стыдливо прикрытую занавеску, которая в течение дня скрывала от посторонних любопытных взглядов внутренний мир его кухни, и ахнул: болезнь, которой страдали другие герои нашего повествования, то есть внезапное появление ~~сыпи на всём теле~~ новых предметов, видимо, наконец-то передалась и его жилью. На подоконнике появилась наполовину заполненная бутылка из-под водки, которой здесь не должно было быть в принципе, на промасленной этикетке которой корявыми буквами было старательно выведено всего одно слово:

ПОСТНОЕ

И тут покерный гуру вспомнил, что подсолнечное масло так не называл никто уже лет как 20, и потому это слово прозвучало странно, как привет из тёмного советского прошлого. Так, старики в Москве, заходя на станцию метро «Алексеевская», ностальгируя, по привычке называют её «Щербаковской»

Чтобы избыть чувство тревоги, возникшее с появлением невиданной бутылки, писатель срочно прибег к старому приёму – начал изобретать новое слово, которое, по его ра-

зумению, должно было вытеснить вот это «Постное» из сознания, и вскоре придумал его: «Форс-нажор», имея в виду внезапный приступ аппетита – как правило, незадолго до сна.

Секрет один открою вам:
так вкусно жрётся по ночам.
Пускай твердят, что вредно это,
но как полезно для поэта!

– Звонили враги, спрашивали, что сегодня у меня на ужин, – пробормотал марсианин, после чего вначале решил приготовить себе салат «Цезарь», но вспомнив его рецепт, то есть «Возьмите нож и воткните его в любой салат 23 раза!», поступил гораздо скромнее – приготовил себе цыплёнка под апельсином и нечто, названное им spring rolls [478], которое представляло собой банальные блинчики с овощной начинкой, правда, не тривиальной в виде тёртой морковки, приправленной майонезом, а корнеплодами покруче – корнем укропа, корнем сельдерея, бататом и фенхелем.

[478] Дословно: весенние крутыши – англ.

И за несколько секунд до поглощения п. 2 из составленного меню, он (марсианин, а не фенхель) подумал о том, что не вызвать ли по телефону какого-нибудь ночного курьера и отослать с ним свой ужин врагу, то есть Нуртаю, но потом передумал, решив, что глупо отдавать свой ужин врагу, если можно самому съесть его, скажем, на завтрак!

После этого, уже не мучаясь муками совести, литератор с гастрономическим образованием расправился с п. 2 и немедленно приступил к п. 3, который подозрительно походил на уже исполненный п. 1.

Ненастной, очень тёмной ночью
мой ум особенно был светел –
смекнул: меня же пиво хочет!
И я взаимностью ответил…

Но просто так заканчивать банальный приём пищи было неинтересно – надо было закрепить его творчески, и Володя придумал фразу, которую тут же записал на виртуальный белый листочек, коих было очень много в его компьютере: «Взрослая жизнь жестока: ты хорошо поел, а тебя за это никто даже не похвалил…»

Затем, пользуясь, что компьютер так вовремя оказался включенным, всё-таки решил сочинить какой-нибудь маленький стишок – чтобы этот вечер, уже переходящий в ночь, не оказался пустым. Альбионыч чувствовал, что для этого ему был нужен некий толчок, для обретения коего он включил телевизор. На Первом канале шла программа «Спокойной ночи, малыши», и писатель вспомнил, что недавно читал новость о том, что эта детская передача скоро переедет на НТВ, и теперь Каркуша, Хрюша и Степашка будут расследовать убийства, изнасилования, грабежи и хищения в кукольном мире.

На канале «Культура» шла старая советская картина по мотивам гениальной поэмы Гоголя «Мёртвые души», и Кулемзин вспомнил, что у него однажды тоже была мыслишка для создания такой же экранизации, но осовремененной: например, Чичиков скупает (прости, русский язык!) аккаунты покойного электората – для их продажи организаторам электронного голосования.

Переключив телевизор ещё раз, Володя подумал о том, какого хрена на канале «Рыбалка» идёт реклама прокладок? Может, рекламодатели считают, что здесь больше целевой аудитории? Или, не дай *дедушка*, они хотят впитать все реки?!

Я могу тампон из ваты
быстро вставить – ловкость рук:
скоро стану кандидатом
всех прокладочных наук!

После этого литератор сделал ещё один щелчок телевизионным пультом и наконец превратился в поэта: на одном из российских федеральных каналов – совершенно не по сезону – шёл вечный фильм о заблудившемся в большой стране алкоголике-враче «Ирония Суки-судьбы, или С лёгким паром!». Но он (литератор, а не алкоголик-врач) даже не смотрел, а просто слушал давно выученную наизусть песню «Я спросил у ясеня», и тема предстоящего экспромта лежала перед ним на блюдечке – Кулемзин подумал несколько секунд, после чего виртуальный листочек стал немедленно обрастать виртуальными же чёрными буковками, которые вскоре превратились в поэтические строки:

Я спросил у справочной: «Где моя любимая?»
В справочной ответили: «Справок не даём»
Я спросил у Пушкина: «Кто уборку сделает?»
Тот вздохнул прерывисто, начал подметать.
Я спросил у бармена, где моя любимая?
«Вы вчера всю выпили!» – бармен отвечал.
Я спросил у кролика, где его любимая.
Кролик показал мне их, сразу четырёх.
Я спросил у чижика: «Где был чижик давеча?»
Тот сказал, напыжившись: «Просто водку пил»
Я спросил у девушки: «Отдохнём в Болгарии?»
Согласилась девушка, качая головой.
Я спросил у ворона, что он мне накаркает?
Ворон по-английски каркнул: «Nevermore»[479].
Я спросил у Ленина: «Скоро ль революция?»
Ленин не ответил мне, картавя головой.
Я спросил у зеркала: «Где вчера нажралися?»
Зеркало поморщилось прямо в перегар.
Я спросил у юноши: «Где библиотека здесь?»
Парень посоветовал: «Пи́сай прямо тут!»
Я спросил у шурина: «Кем ты мне приходишься?»
«Другом был вчера тебе, братом стал жены!»
Я спросил у деверя: «Кем ты мне приходишься?»
«Если замуж выйдешь ты, мужу буду брат»
Я спросил у Сороса: «Где мой грант обещанный?»
Сорос не ответил мне, просто денег дал.
Я спросил у Гринвича: «Час какой, по-твоему?»
Гринвич тут задумался, глядя на Биг-Бен.
Я спросил у Гоголя: «Как дела у Моголя?»
Долго Гоголь моголь мне до утра болтал.
Я спросил у плесени: «Где твой сыр изысканный?»
Плесень под бульдозером скрылась от меня.
Я спросил у ёжика: «Где лошадка спряталась?»
Ёжик не ответил мне, дыркой просвистел.
Я спросил у Робина: «Кто же скушал Бобина?»
Робин не ответил мне, Бобин промолчал.

[479] Никогда – англ. Читается как невермор – прим. главы гильдии переводчиков романа «Русская кочерга»

Я спросил у Путина, кто его любимая?
Тот ответил: «Родина!», явно так соврал.
Я спросил омоновца, как его фамилия.
Парень забросал меня и прочих в автозак.
Я спросил трансгендера, кто он или кто она.
А она ответила, что сегодня он.
Я спросил процентщицу: «Тварь ли я дрожащая?»
Бабка не ответила – задрожала, тварь.
Я спросил в налоговой про отчёт итоговый.
Мне сказали: «В шредере. Новый напиши»
Я спросил у Аннушки, где же масло постное?
Аннушка заплакала, – значит, разлила.
Я спросил у кафеля,
я спросил у грифеля,
я спросил…

Глава 247. В РОДНОМ ГНЕЗДЕ (Ночные разговоры)

После такого явного литературного успеха Альбионыч не стал говорить о себе словами своего друга Сергеича, который, как известно, после написания какого-нибудь особо талантливого произведения любил ругать себя грязными словами типа «Ай да Пушкин, ай да потомок самки семейства псовых!», а встал и чувствуя, что все впечатления прошедшей недели ушли в некое небытие, стал смотреть в чёрное окно, словно надеялся увидеть там новые.

Сумерки, которые условно отделяют вечер от ночи, давно прошли, и сейчас на тёмном от недопонимания небе звенели обнажённые горячие звёзды, крупными белыми вишнями усы́павшие далёкий космический бархат. Их свет был чист и прост, как Время, которого не существовало вовсе. Млечный Путь тёк по чёрному бархату неба алмазным ручейком. Кусочек луны, выбравшись из чернильных облаков, старался изо всех сил в волшебной тишине ночи, колыхаясь на небосклоне, как полузатопленный баркас.

От осознания дурею –
всё просто, но понять невмочь:
луна мне светит, но не греет,
а. впрочем, солнце – так же вточь…

За окном нашему герою чудились какие-то чёрные фигуры, разглядывающие его светящимися глазами, и для того, чтобы понять, кто или что это, Володя прихватил с собой недопитый п. 3 и вышел из квартиры-подъезда-дома.

Правда, видение с глазами-фонариками сразу же исчезло – Бермудский Учпучмак был пуст, как кафкианский город после чумы, вокруг него чернели глухонемые кусты. Поздние летние (ранние осенние) листья шуршали под костистыми лапами неведомых птиц. Сами собой складывались строки, рождённые этой чернотой и хаосом жизни:

Как хорошо! Пустая карта бита,
но сердце плачет, любит и живёт –
полей не вспашет нищая обида,
и злоба урожай не соберёт.
Что выгорело, всё засеем снова –
есть стих, работа есть, и есть судьба.
И протрубить покуда не готова
архангела последняя труба…

В силу позднего времени, а оттого пустынности Великого Игрового ▲, писателю внимали только перепуганные и облезлые пришлые коты, караулящие кошечку Несси, с опаской выглядывающие из-за тёмных кустов, да невидимые бродячие псы, поддерживающие высокую поэзию марсианина глухим ворчанием. Кулемзин уселся на покерную скамеечку, всё ещё державшую теплоту ушедшего дня, и облокотился на столик – место игровых боёв пролетевшей семидневки.

Он сидел за покерным столиком один, но видел, как напротив него, чуть пошатываясь, делают одрновременные глотки́ из разных бутылочек старые друзья Валера и Васюхан, а рядом, чуть отстранившись, на них завистливо поглядывает Нуртай, у которого пиво уже закончилось, а на володиной стороне справа пихается в плечо Талгат, а слева – Серёнька, но всё это происходит молча, как бывает только во сне. Зато стали слышны разговоры упомянутых персонажей, и Володя понял., что незаметно для самого́ себя воспользовался некой марсианской технологией.

Он увидел, как художник Муравлёв, завалившись домой вместе с антенщиком Митрохиным, застал супругу за привычным занятием – она стояла на напольных весах и напряжённо втягивала в себя живот. Николаич понял, что это был шанс, и пока жена не начала ругань по поводу того, что он явился пьяным и к тому же с каким-то незнакомым собутыльником, быстро пробормотал:

– Наташа, это Васюхан. Васюхан, это Наташа. Кстати, дорогая, а ты что, не знаешь, что в таких случаях втягивать живот бесполезно?

– Много ты понимаешь, алкаш несчастный! – визгливо ответила любимая. – Я просто хочу увидеть цифры!

Жизни смысл себе изгажу,
буду строго вниз гядеть –
на весах мне цифры кажут:
мол, пора бы похудеть!

– Ты не ругайся, – примирительно произнёс тот, кого только что выставили алкашом, да к тому же несчастным, и тут заметил, что его друг Васюханыч уже перетёк в фазу сна, упав в коридорчике на старую обувь.

– Ладно, ложись рядом с этим, – пригласила к отдыху супруга, но живописец схватил телефон, который стоял здесь на тумбочке, и проговорил, путая понятия:

– По конституции № 4 нашей семьи, я имею водительские права на один телеграфный гудок, – после чего в квартире покерного гуру раздался звонок.

Володя, услышав его, очнулся и во второй раз за последние три часа отправился домой. Войдя в квартиру, он сразу же приоткрыл окошко, впустив Несси, которая устала от ухаживания пришлых котов и захотела немного перекусить на ночь. А литератор услышал повторный звонок и, сняв трубку, быстро пробормотал в неё:

– Валера, подожди немного, сейчас одну фразу договорю. Итак, пожалуйста, запомни навсегда: жизнь – это не сёмга, не осетрина и не красная икра. Жизнь – это килька в томате, максимум – хек! Всё, старичок, слушаю тебя.

– Володя, а с кем ты, святой Айвазовский, сейчас разговаривал?

– Да кошечку свою жизни учил, – чуть не поперхнувшись от неожиданного упоминания знатного мариниста, ответил не менее знатный учитель млекопитающих семейства кошачьих отряда хищных.

– Стеллу?

– Нет, яйчики-бабайчики, Несси.

– Вопросов больше не имею, – пообещал саксаульский тициан и мгновенно выполнил

обещанное, упав рядом с другом Митрохиным.

Нам что горки, нам что ямы –
если вместе, мы кипим:
неразлучные друзья мы –
вместе пьём, блюём и спим!

И тут великий Случай – единственный бог, в которого с начала земной жизни верил наш герой, вновь явил ему своё чудо: следующий звонок пришёл на домашний телефон марсиана именно от той, кого только что упомянул Николаич.

– Володя, а ты веришь в любовь с первого взгляда? – томным голосом поинтересовалась Стелла.

«Вообще-то в моём крайне преклонном возрасте зрение уже начинает портиться, так что лучше пощупать!», хотел было произнести вызванный абонент, но вслух решительно произнёс всего два слова и один явно восклицательный знак препинания:

– Не верю!

, после чего не менее решительно отключился.

Я тебя на кружку чая
приглашаю неспроста:
посидим, поизучаем
эрогенные места!

Где-то за несколько километров от места события опечатленная красавица произнесла слова, которыми бы автор не хотел пачкать своё блистательное повествование, а Альбионыч весело улыбнулся и произнёс в сторону кошечки, которая только что умяла несколько кусочков докторской колбаски, покупаемой покерным гуру для этой цели:

– И когда-то, ну, скажем, когда мне будет лет 100, я вдруг пойму, что мне становится тесно на нашем маленьком шарике, вот тогда я отпущу душу вечно блуждать по своей родине – тёмному космосу Истины…

Несси ничего не ответила на эту явную чепуху, только зевнула, вскочила на подоконник, подождала, пока Володя снова не откроет окно, и скрылась, как пишут плохие писатели, во тьме ночи́, хотя правильнее было бы сказать, но́чи.

Я, согласно букварю,
как пишу, так говорю:
хоть в ночи́, хоть в но́чи –
так и так короче!

Глава 248. В РОДНОМ ГНЕЗДЕ (Ночные разговоры, продолжение)

Но ночные разговоры случились не только у нашего главного героя Володи, но и у не менее главного Серёньки Афанасьича. Первый ночной звонок на его старый раздолбанный телефон пришёл от таинственной подруги абонента по имени Зуля, которую, кроме самого́ Полтавцева, не видел никто и никогда. Приняв граммов 700 фиолетовой бормотухи, известной в Саксаулии под названием «Талас»[480], у серёжиной подруги проснулся романтический настрой.

[480] Вино названо в честь областного центра Киргизии, а город, в свою очередь – в честь Таласской долины той же страны. Эта странность объясняется тем, что нынешний город Талас когда-то назывался Дмитриевкой и был основан русскими переселенцами в 1877 году, которые уже через год первых построек научили местное население делать вино из дикого винограда Таласской долины – прим. ист. редактора

Дают мне ум мои года,
и мне сейчас поётся:
«Романтика – она тогда,
когда винишко пьётся…»

Сам Серёжа кряхтя слез со скрипучего дивана 1944 года выпуска[481], доковылял до аппарата и натужно прокашлял в трубку:

– Алё, мать честна́я, кхе-кхе!

[481] Такие диваны во время Великой Отечественной войны выпускали рабочие отцеябловской артели «Красный табурет» – прим. ист. редактора

– Серёнька, ты? – решила убедиться экс-текстильщица.

– Я, – признался сторож.

– Милый, – томным голосом, похожим на томный голос Стеллы, проговорила Зуля, – я к тебе сейчас приду.

– Давай, – разрешил семижопинец. – Только пузырь взять не забудь!

– При чём здесь какой-то пузырь?! – возмутилась потенциальная пришелица. – Я хочу сегодня набрать ванну и везде поставить свечи. Ты понимаешь, на что я намекаю?

– Конечно, – уверенно ответил охранник. – Наверное, ты, царица лесная, хочешь покреститься!

– Дурак! – взвизгнула подруга и бросила трубку.

Я не хочу идти в кровать
и вместе с героиней охать,
а то придётся рифмовать
меня замучившую похоть!

Афанасьич ещё немного поалёкал в запищавшую трубку, пробормотал:

– Ничего не понимаю!

и решил позвонить другу Альбионычу – на предмет восстановления истины. Неожиданно ему удалось дозвониться с первого раза, что ещё раз подтвердило старую космическую теорию о великом Случае.

– Володя, – без предисловий начал он (Афанасьич, а не Случай). – Вот когда человек лежит, то, по моему разумению, он находится в полной гармонии с гравитационным полем. Правильно?

Кулемзин только было решил открыть рот, как оказалось, что в данном случае ответ был не нужен.

– А когда человек работает, – продолжил сложную мысль бытовой философ, – то он поступает вопреки силе земного притяжения. Как же так?

– В принципе ты прав, – ответил философ с физическим уклоном, – я тебе даже больше скажу: наша жизнь это не жизнь, а сплошное электричество – с *напряжением* встаёшь, с *сопротивлением* идёшь на противную работу, весь день *искришь*, а приходишь домой – *вырубаешься*…

– Точно! – похвалил его уроженец деревни Семижопино.

Не цветёшь, а только вянешь
с девяти и до шести:
на работе так устанешь,
что до дома бы дойти!

Но тут выяснилось, что вопросов у проснувшегося Полтавцева оказалась полная ко-

томка.

– Володя, мать честна́я, – начал он очередной цикл общества «Знание» под названием «Вопросы и ответы», – как ты думаешь, может быть катарсис без трагизма?

– Серёжа, – страдальчески вымолвил в трубку Кулемзин, – мой тебе совет: не мучай себя перед сном словами. Любыми…

– Ладно, – легко согласился звонивший. – Тогда последний вопрос: так что же такое жизнь?

И вдруг оказалось, что у штатного философа второго микрорайона ответ на этот, казалось бы, сложный вопрос был давно готов, потому что он тут же произнёс:

Жизнь – это забег,
в котором проигрывает тот,
кто приходит к финишу первым…

, после чего положил трубку. Но не таков был Афанасьич, чтобы останавливаться на полпути: раз припёрло поговорить, значит, так тому и быть! «Позвоню любимой», решил он, кое-как набрал заветный номер и, услышав чей-то незнакомый голос, спросил:

– Зуля, это ты?

– А то кто же, – басом ответила абонентша.

– А чего у тебя, царица лесная, голос такой?

– Да вот решила тебя с утра беляшиками угостить, – всё тем же басом ответила бывшая ~~повариха, сватья баба Бабариха~~ ткачиха, которая только что допила ещё 300 граммов всё того же «Таласа», благодаря чему нанесённая обида была забыта.

– Ух ты, беляшики! – обрадовался семижопинец. – А при чём здесь голос?

– Да вот оставила набухать тесто, – объяснила любимая, – а чтобы ему было не скучно, набухалась вместе с ним!

«А ведь я ей верю», подумал охранник. «Я же сам как-то раз после четырёх бутылок «Саксаульского яблочного» попробовал лепить пельмени, так они все почему-то получились в форме сисек!»

Выходит как-то всё боками –
выходит в виде запятых:
леплю пельмени я руками,
а цех пихает в форму их!

Но здесь произошло и вовсе необъяснимое: растревоженный разговорами семижопинец бросил трубку и спешно выскочил на улицу. До искомого объекта было недалеко, и он достиг его за считанные секунды, после чего произнёс в открывшееся окошко таинственный монолог, адресованный человеку в белых одеждах:

– Вы, Калима, поймите, что время – это всего лишь субъективное восприятие реальности, и часы по сути измеряют себя сами, ведь показания часов можно объективно сравнивать только с другими часами.

На что владелица сельпо зевнула и ответила:

– Ещё раз вам говорю: мы водку после 23.00 не продаём. Берите «Фанту»!

– А мне продавать и не надо – денег нет, – признался Афанасьич. – Вы мне так дайте, а деньги я потом отдам…

На эти кощунственные слова́ окошко захлопнулось так, как могла бы захлопнуться только дверца в параллельный мир – на этот раз окончательно. Серёжа молча тронулся в обратный путь, глазея не только по сторонам, но и поднимая очи вверх, и замечая, что даже звёзды, казалось бы, посмеиваются над ним.

Тих я и скромен, невидим, неслышен,
И лишь иногда выходя на балкон,
гляну с тоской на окрестные крыши
и затяну, как встарь, «Show must go on[482]»…

[482] «Представление должно продолжаться» – англ. Название одной из самых известных композиций XX века английской группы «Queen» из альбома 1991 года «Innuendo» («Недосказанность») – прим. муз. редактора

Глава 249. В РОДНОМ ГНЕЗДЕ (Ночные разговоры, окончание)

Уже давно перетащила Аида Батыршина (бывшая Либерзон) своего непутёвого супруга с придверного коврика на коврик прикроватный, и чуть было не уснула сама, да выбил её сон тихий голос мужа:

– Товарищ майор, разрешите отлучиться по нужде. А то может произойти самое непоправимое!

Хитрая жена-музыкантша тут же перестроила свой голос, как если бы посередине исполнения концерта для скрипки с оркестром Чайковского 1877 года она бросила эту самую скрипку и внезапно продолжила играть на контрабасе, поэтому он (голос, а не Чайковский) оказался с басовыми нотками:

– Разрешаю. Только недолго!

Но Салихдзяныч встать с коврика не смог, зато довольно споро отправился в поход на карачках. Но, даже проведя в браке с татарином несколько лет, Аида так и не прочухала, что никакой алкоголь не может выбить из советского (саксаульского) прапорщика настоящей военной хитрости.

Трудно уцелеть в житейских схватках,
ведь молва зубаста и сноровиста:
будь хитрей: признайся в недостатках,
и тебе простят твои достоинства!

А наш героический шнапс-капитан в это время дополз до коридорчика, где слева была дверь в совмещённый санузел, а справа на тумбочке стоял телефонный аппарат. Он осторожно прикрыл дверь, вслепую набрал володин номер и, получив пригласительное *алло*, спросил:

– Старик, а ты не помнишь, я сегодня в носках играл?

– Знаешь, я даже не помню, была ли у тебя голова. А что у тебя не так с носками?

– Да вот ноги свои потрогал – один носок здесь, а второго нет. Да и ноги разные…

– В смысле?

– Ну, одна холодная, а другая – прохладная…

– Успокойся, утром найдёшь. И вообще запомни: носки – они не лебеди, они до смерти парами не живут…

Всякое бывало в Чебоксарах:
ложку там носили мимо рта,
но чтоб всем носкам имелись пары,
не бывало этого и там!

Аккуратно, чтобы не издать лишних звуков, саксаульский есаул положил трубочку на аппарат, заполз в туалет, сдёрнул шумную воду и тихонько пополз обратно, сетуя на то,

что поговорить всласть перед сном так и не удалось. Наконец он заснул, и его ночь, как и многие другие, имела ярко выраженную кавалерийскую конфигурацию.

Прошедший день коришь и хаешь,
что вылился как из ведра,
и только завтра понимаешь,
как было хорошо вчера…

Не спал и ещё один персонаж нашего романа – преподаватель еврейского колледжа Курманбаев. Он вспомнил, что уже завтра утром не позже 7 часов 50 минут утра должен стоять на праздничной линейке в одном строю с директором заведения Мойшей Бениковичем и другими преподавателями, ведь завтра был особенный день для всех тех, кто связал свою Суку-судьбу с образованием, то есть 1 сентября.

Плохо было только то, что на празднике не будет красных знамён, но страдалец за народ уже придумал, как выкрутиться из этой неловкой ситуации: он ещё с вечера положил в задний карман завтрашних праздничных штанов, купленных им лет 20 назад к свадьбе, свой партийный билет. Сейчас же он чувствовал острую необходимость с кем-нибудь поговорить, но с горечью вспомнил, что друзей у него не было. Тогда Мусаич вспомнил слова́ Ильича I: «Только своей самостоятельностью, выдержанностью и *твёрдостью духа*[483] пролетариат мог завоевать на свою сторону шаткую, неустойчивую мелкобуржуазную демократию»[484], воспрял каждой клеточкой своего партийного тела, ещё раз выделил про себя слова́ вождя о твёрдости духа и… позвонил Кулемзину.

[483] Выделено мной – прим. автора
[484] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, изд. 5. т. 14, стр. 102, «Выступление по вопросу о созыве «Рабочего съезда» 7 (20) ноября 1906 года» – прим. полит. редактора

Когда писатель поднял трубку, с удивлением увидев на определителе номер телефона педагога, он услышал полные горечи слова:

– И всё-таки, Володя, я считаю, что ты не прав!

– А кто прав? – поинтересовался Альбионыч.

– Конечно, я, – проинформировал его саксаульский большевик..

Вехи наши каменисты,
хоть в какой возьми графе:
правы были коммунисты,
что царю сказали *фе*!

– Забавно, – пробормотал марсианин и положил трубку, заодно наложив на неё марсианское заклятие в виде несложной технологии *хрррренъъъвамммъъъ*.

«Наверное, разъединилось», наивно подумал саксаульский макаренко, но сколько раз повторно ни набирал но́мера литератора, там всё время было занято. Тогда он оставил попытки и лёг на бок, где сразу же стал нервно елозить короткими пальцами ног, ведя отчаянную борьбу с обуревавшими его желаниями.

Вскоре в незнакомом месте проснулся Васюхан Митрохин, увидел рядом телефон, осторожно снял трубку и, убедившись, что аппарат работает, набрал свой домашний номер. Ему долго не отвечали, после чего антенщик вслух, но тихо, чтобы не разбудить какого-то рядом лежащего человека («Общежитие, что ли?»), произнёс:

– Да где же этот гад шляется?

, затем аккуратно улёгся на прежнее место и снова заснул. Ему снились какие-то сны, но он их тут же забывал, ведь воспалённые за день мозги требовали полноценного отдыха,

выдвигая всё новые условия для нормального функционирования.

На кровати как бревно,
сваленное смерчем:
я пропи́л мозги давно –
спать теперь мне нечем!

Сам Володя уже еле держался на ногах – сказывалось неотпускающее всю неделю напряжение, которое сейчас понемногу отпускало, но вместе с этим явлением стала наваливаться и физическая усталость. Поэтому он немного удивился, когда услышал ещё один звонок. «Кто же это?», подумал писатель. «Надеюсь, не профессор Фекалин?»

И тут выяснилось, что неугомонный Полтавцев, несмотря на неприлично большое количество выпитого, всё-таки не уснул после первого звонка, а позвонил снова – чтобы озвучить своему другу Кулемзину возникшую «мысль»

– Володя, – произнёс он с некими слезливыми нотками. – Я вот тут подумал…

«А вот это напрасно…», весело решил Альбионыч.

– …что если моя Зуля умрёт раньше мене, то мене же придётся ей памятник ставить – за свой счёт.

– Не беспокойся, старичок, с филками помогу, – успокоил его отзывчивый спонсор.

– Да я не про лаве, – с досадой промолвил сторож. – Ты тогда лучше помоги какую-нибудь красивую надпись на памятнике сделать.

– Запросто, – не стал чиниться литератор.

– Вообще-то я уже кое-что сам сочинил, – похвастался семижопинец.

– Да ну? А прочитать можешь?

– Конечно. Слушай:

Я скорбею по тебе,
как любила ты мене!

– Гениально! – искренне восхитился знатный саксаульский поэт, затем подумал: «Да, где прошлась тыква Афанасьича, там Альбионычу делать нечего!», но вслух добавил:

– Надеюсь, это всё? Можно отчаливать к отбою?

– Подожди, подожди ещё немного, – засуетился охранник. – Я вот сегодня уже поспал немножко, а потом проснулся и всё понял!

– И что именно? – улыбнулся в трубку покерный гуру.

– Это ведь про тебя Сергеич написал!

– Да ну? – удивился марсианин и повторил:

– И что именно?

– Да вот это:

Он уважать себя заставил,
и лучше выдумать не мог!

«А что», подумал Володя, «может, так оно и было. Во всяком случае, наука ещё не научилась проникать сквозь время и пространство на 180 лет назад[485], чтобы расшифровать все мысли великого поэта…»

[485] «Евгений Онегин» А. С. Пушкина был начат в 1823 году – прим. лит. редактора

Наконец Серёжа, тоже утомлённый прошедшей неделей, заснул тяжёлым сном, а Кулемзин, надеясь на что-нибудь интересное, применил одну из заковыристых марсианских технологий и заглянул в него (сон, а не в Серёжу), но вздрогнул, насколько страшная ему

открылась картина. И автор вполне солидарен со своим героем, поэтому передаёт этот сон не в прозе, а стихотворно – как если бы такой отчёт написал сам Альбионыч:

У лавки табачной и винной
в прозрачном осеннем саду
ребёнок стоит неповинный,
улыбку держа на виду.
«Скажи мне, товарищ ребёнок,
игрушка природных страстей,
зачем среди тонких рябинок
стоишь ты с улыбкой своей?
Умён ты, видать, не по росту,
но всё ж, ничего не тая,
ответь, симпатичный подросток,
что значит улыбка твоя?»
И тихо дитя отвечает:
«С признаньем своим не спеши.
Улыбка моя означает
неразвитость детской души.
Я вырасту жертвой бессонниц,
с прозрачной ледышкой внутри.
Ступай же домой, незнакомец,
и слёзы свои оботри…»

Глава 250. В РОДНОМ ГНЕЗДЕ (О ночном открытии главного героя)

Итак, наконец-то заснули все наши герои и антигерои: ухают, проваливаясь куда-то в район аппендикса, их ду́ши, замирают, замораживаются страхом перетруженные за день лёгкие, рассыпаются на простые буквы мысли, ни одну из которых нельзя будет вспомнить утром.

«Не в моих правилах без дела сидеть», подумал единственный неспящий – Альбионыч. «Пойду-ка прилягу и я…». Но перед этим он воровато, словно был не в своей квартире, а на задании заграницей, пробрался к своему холодильнику, потихоньку, точно кто-то мог его застать за таким занятием, открыл агрегат, вынул из него холодную котлету и поспешно запихал её в рот, оправдывая себя тем, что для чего-то же неизвестный изобретатель холодильника придумал в нём маленькую ночную лампочку.

Звёзды светят ярче,
веселей пейзаж,
если ночью к чаю
разогреть беляш!

Пожирая котлету, наш герой смотрел в чёрный провал окна, который сейчас казался ему всего лишь маленьким фрагментом гигантского «Чёрного супрематического квадрата» Казимира Малевича, написанного прямо на бархатном покрывале ночи, украшенном сверкающими стразами далёких звёзд. Он глядел на ночное небо и внезапно понял то, что до этого не осознавал никогда:

**Вселенная –
она не расширяется,
она загружается...**

В глаза марсианину пусто смотрело мириадозвёздное небо, и было удивительно, что оно – против всего двух глаз нынешнего землянина – не подавляло его своим величием, а практически сравнивалось с ним, говоря: «Каким бы я не казалось огромным, но против бесконечной Вселенной что ты, что я – одно и то же…»

Звёзды над уснувшими дворами
неустанно светятся на мгле –
инопланетяне с фонарями
смотрят, что творится на Земле…

И вот это «одно и то же» вдруг вспыхнуло в сознании нашего героя, который к концу романа решил заделаться знатным учёным, простым решением проблемы, над которой он бился уже много лет, а земные учёные даже не приблизились к ней ни на миллиметр, так как просто не знали о её существовании. Решение, как и всё гениальное, было простым: существование Вселенной предполагает существование Антивселенной, а их аннигиляция и является тем самым Большим Взрывом или же Большим Пшиком!

Осознав всё величие решения, Альбионыч чуть не рехнулся: он мгновенно понял, что такой системе не нужен *дедушка* (бог, создатель, творец), ведь процесс повторяется циклически, вечно! Такая система абсолютно равновесна: в любой момент времени, так как вследствие CPT-симметрии[486] время в Антивселенной идёт вспять, то есть никакого парадокса необратимости не существует! И макропроцессы тоже обратимы, только мы не можем за этим проследить, так как сами находимся внутри системы!

[486] CPT-симметрия (читается по-английски как Си-Пи-Ти, то есть Charge, Parity, Time, или Заряд, Чётность, Время) – фундаментальная симметрия физических законов при преобразованиях, включающих одновременную инверсию зарядового сопряжения, чётности и времени – прим. автора

Крайне простенькие схемы –
их в сознание недри:
мы живём внутри системы,
а система в нас внутри…

А Антивселенная – это просто зеркальное отражение нашей Вселенной, в точности ей соответствующее, но состоящее из антиматериальных объектов, иначе куда бы делись все античастицы, которые, как известно, образовывались в паре с материальными – в первичной Вселенной? А гравитация – это сила притяжения Антивселенной, энергия в которой отрицательна, поэтому на преодоление силы тяжести тоже требуется затратить энергию. А энтропия – это всего лишь функция времени, и, коль скоро время в Антивселенной идёт вспять, значит, энтропия в ней снижается, а нарастает *негэнтропия*, или, как предполагал Клод Клодович Шеннон[487], просто информация! Поля информации! Информация как космический субстрат!

[487] Американский инженер, криптоаналитик и математик, основатель теории информации – прим. науч. редактора

И в это время голос откуда-то извне спросил доморощенного учёного:

– И где?

– Что где? – вслух ответил Володя, испугав своего друга – домашнего паучка Джона, который не слышал начало диалога.

– Ну, где она, твоя Антивселенная? Почему её до сих пор никто не видел?

– Вообще-то она никакая не моя, – немного обиделся литератор. – Она наша. Общая. Просто мир сложнее, чем мы его до сих пор представляли. Ровно вдвое сложнее!

Вот догадка золотая,
что Георг поведал Ом:
в сложном мире обитая,
очень просто мы живём…

– И всё-таки – где?

– Ах, тебя интересует – где? – мстительно проворчал марсианско-земной схоласт. – Где раком зимуют! Да в обратном световом конусе, где же ещё?!

– В смысле?

– В коромысле! Да любому Серёньке Афанасьичу ясно, что свет от каждого космического тела может направляться либо к нам, наблюдателям, либо прочь от нас, в обратном световом конусе, и тогда мы его не видим, разве что он отразится от какого-либо настигнутого по пути объекта, и тогда мы увидим этот свет отражённым, то есть как бы снова прямой конус света, но уже от другого, более удалённого источника. А вот если какой-либо объект движется быстрее света, то световая волна его никогда не настигнет и не отразится от него, а, значит, мы в принципе будем не способны его увидеть, ибо он всегда находится в обратном конусе света.

– По-моему, чепуха какая-то…

– А, по-моему, вполне гениальная догадка. Тела Антивселенной, состоящие из антиматерии, обладают отрицательной инертностью, то есть настолько подвижны, что опережают свет! Что же тут непонятного?

Возвратясь из ресторана,
где до ночи я кутил,
поутру, проснувшись рано,
понял: свет опередил!

А ведь теперь (трепещите, учёные из всяких академий всяческих наук!) действительно становится понятным всё – причём, слово *всё* здесь наиболее подходящее:

и возникновение Вселенной *из ничего* – без нарушения физических законов;

и бесполезность концепции *дедушки*;

и источник энергии Большого Взрыва;

и постулируемое Германычем[488] искривление пространства-времени (удаляясь, а потом сближаясь для аннигиляции друг с другом, Вселенная и Антивселенная, разумеется, движутся по *замкнутым* орбитам);

и местонахождение исчезнувших античастиц;

и природа гравитации;

и двойственная природа частиц: объекты, чья скорость равна скорости света (или же приближается к ней), догоняют сами себя, то есть *удваиваются*, находятся в двух местах сразу, отсюда и интерференция в экспериментах с двойной щелью.

[488] Наглость автора не имеет пределов. Видимо, так он называет великого учёного Альберта Эйнштейна – прим. науч. редактора

Заплетаются калоши –
мы идём по колеям:
скорость Светы много больше:
мой был литр, её – 100 грамм!

Но кроме того, ещё:
отпадал парадокс необратимости;
время, как и пространственные координаты, приобретало два направления от нуля;
оправдывалось применение мнимых чисел в космологических расчётах (мнимое пространство-время измеряется мнимыми же величинами).

И, наконец, появилась возможность чётко прогнозировать будущее Вселенной: вспомним первую модель Фридмана[489] – не как конец всему, а лишь как начало нового цикла.

[489] Александр Александрович Фридман – российский и советский математик, физик и геофизик, основоположник современной физической космологии, автор исторически первой нестационарной модели Вселенной – прим. науч. редактора

Да, похоже, что *дедушки* действительно нет. Впрочем, с тем же правом можно сказать, что он есть. Но, конечно, не тот нелепый и чванливый, придирчивый и злобный субъект, которого люди придумали по своему образу и подобию. И теперь лишь с одним определением *дедушки* я, зная то, что теперь знаю, могу согласиться:

Бог есть Природа

Вне Природы не существует ничего, и она подчиняется строгим физическим законам. В том числе и Антивселенная: при соблюдении CPT-симметрии сохраняются все физические законы. И – ничего сверхъестественного. Посему – подарок всем читателям романа «Русская кочерга». Вы – единственные, которые видите сейчас формулу Всего:

Вселенная = E = mc^2 = 1
Антивселенная = – E = – mc^2 = – 1
Природа (*дедушка*) = Вселенная + Антивселенная =
E– E = mc^2 – mc^2 = 1 – 1 = 0 = НИЧТО

А напоследок вспомним о мнимых числах: – 1 = i2, тогда

Природа (*дедушка*) = 1 + (– 1) = 1 + i2 = ВСЁ

, то есть вполне конкретная величина, выражаемая комплексным числом. Вот такая картина мира получается…

Весь мир мы с Аликом обуем,
смеясь над вашим бытиём:
картину мира нарисуем,
а после скинем и пропьём!

– А есть ли практическое применение твоей идеи? – тускло поинтересовался голос.

– Конечно, есть, – весело ответил Альбионыч. – Например, из антиматерии можно налепить пельменей, а потом попробовать сварить их в нашей Вселенной! Представляю космически изгаженную кухню!

Что вечность? Лишь циклический процесс,
которому присуща обратимость.
Два антипода – явственность и мнимость,
мир Абсолюта, чудо без чудес,
где относительные время и пространство
дают всех категорий постоянство…

Глава 251. ПОСЛЕДНЯЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спит Серёжа-дурачок,
давит коеечку бочок.
Спит Нуртай – поклонник Маркса,
давит он постельку массой.
Салихдзяныч бурно дрыхнет,
а внутри пивко как пыхнет!
Муравлёв храпит – во сне
он рисует, как Мане[490].
Спит антенщик Васюхан –
видит он во сне стакан.
Спит Володя – наш вожак,
мастер покерных атак.

♠ ♠ ♠

Костерит супруга мужа –
знать, во сне Аиде хуже!
Спит в подсобке Калима –
охраняет закрома.
Активистка спит Ж. П. –
вся в себе, как в скорлупе.
Пышнотелая Ирина
лишь во сне, как балерина.
Эротичный сон у Стеллы, –
видно, части тела спелы.
Спит таинственная Зуля –
спит, Серёньку карауля.
Дядя Петя, наш алкаш,
пьёт во сне и ест беляш.
омуртай во сне храпит –
лимузина манит вид.
Спят порозницу евреи:
Яша, Мойша. Кто хитрее?
Спит Фекалин – рано утром
должен быть он самым мудрым.
А шофёр А. С. Дубровский
спит и видит негритоску.
В облаках своих фекалий
спит Глав-Бух с подругой Галей.
А Танкист и Одиссей
тащат, спя, чужих гусей.
Спят дворовые детишки –
завтра снова им за книжки…
Спи, прошедшая неделя,
на сентябрь всех нас нацеля…

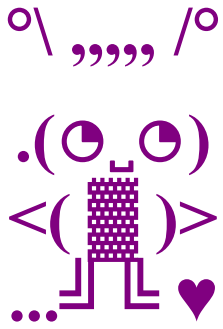
[490] *Или Моне – в зависимости от того, на каком боку спит герой романа – прим. автора*

Глава 252. ПОСТАВИТЬ ТОЧКУ?

Кулемзин удовлетворённо откинулся в кресле у негоревшего по случаю лета камина и подумал: «Да, дела сами себя, конечно, не переделают, но и сон сам себя, знаете ли, не

поспит! Как же всё надоело – пойду-ка брошусь под простыню…». И уже через пару секунд он лежал на необъятной, как родина, кровати, картинно разметав по ней стройные конечности. Длинные волосы, разбросанные по подушке, придавали ему вид растерзанного мученика. Сознание затихало, словно шмель, случайно попавший в бокал с ликёром. Запахи последней летней ночи ломились через распахнутые настежь óкна.

Альбионыч накрылся лёгкой простынкой, ощутил её невесомое тепло и заснул, улыбкой прощаясь с уходящей в прошлое такой удивительной до сказочности неделей. А во сне ему приснился собственный автопортрет, хотя он, в отличие от своего друга Валеры Муравлёва, рисовать никогда не умел. Да и какой это рисунок?



На рассвете небо затянулось тонкой плёнкой облаков, которая наконец не выдержала натиска поднимающегося солнца и трусливо сбежала, предоставляя лучам беспрепятственно освещать город, раскалять камни и обжигать лица и плечи. На календаре началась осень, но в южном Отцеябловске настоящая осень всегда приходила на месяц-полтора позже, например, Москвы, и автор, который намеревался именно этой фразой завершить свой глобальный семитомный труд, понял, что поставить точку просто не в силах, и здесь будет более уместен вот такой знак:

Конец третьей части
Конец 7 тома
Конец романа «Русская кочерга»